

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

~~214.17 30.12~~

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-Я.

ЮЛЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ШРИСМАНЪ

№ 88/610

КНИГА 7-я. — ЮЛЬ, 1875.

- I.—МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БОНАРОТТИ, ЗОДЧІЙ, ВАЯТЕЛЬ И ЖИВОПИСЕЦЪ.—
1475-1564.—**Адр. Прахова**
- II.—ЦЬЕРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ. — Correspondance de P.-J.
Proudhon.—Статья вторая.—**Д-ева**
- III.—ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЪ РЕВОЛЮЦИИ.—Историческіе этюды.—XIII. Австрій-
скій Габсбургъ.—XIV. Пруссій Гогенцоллернъ.—XV. Нѣмецкое единство до
Фридриха Великаго.—**А. С. Трачевскаго**
- IV.—ИЗЪ ГЕЙНЕ.—Лирическія стихотворенія.—**Алексѣя Гилярова**
- V.—ЕВРЕИ И ПОЛЯКИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.—По новымъ матеріаламъ
для юго-западнаго края.—I-IV.—**М. П. Драгоманова**
- VI.—НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письма изъ Анг-
ліи.—Второе письмо.—**А. Ренъера**
- VII.—АМЕРИКАНСКІЕ ПИОНЕРЫ.—I-III.—**А. Курбскаго**
- VIII.—ЭМИГРАНТЪ.—Сатирическій романъ Яна Лама.—**Е. Л.**
- IX.—ПЕРВЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ КОМЕДИИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.—1827-1832.—
Изъ воспоминаній участника.—**М. Г.**
- X.—ХРОНИКА.—ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.—Замѣчанія Ю. О. Самарина
на книгу: „Задачи Психологiи“.—Окончаніе.—**К. Д. Кавелина**
- XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Десятилѣтіе земскихъ учреждений.—Городовое
положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учрежде-
ній въ области войска донскаго. — Историческій взглядъ на военное управ-
леніе областью.—Вопросъ о подвѣдомственности донскаго земства.—Земство
уфимское. — Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства. — Литературныя ди-
ковины
- XII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—IV.—Шарль де-Ремюза.—Счащя и игра.—Торжества
въ память Бозльдѣ.—Осужденіе Ла-Фонтѣна.—Трагическій Парижъ.—**Е. Z-I**—
- XIII.—ЧТО ДУМАТЬ О СПИРИТИЗМѢ? — По поводу письма проф. Вагнера.—
III.—**А. С. Шкляревскаго**
- XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.
- XV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., см. ниже.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

~~Slav 30.2~~

P Slav 176. 25

1879, Oct. 5.
Gift of
Eugene Schuyler,
U.S. Consul at
Birmingham Eng.

(148)

МИКЕЛЬ - АНДЖЕЛО

БОНАРОТТИ

ЗОДЧІЙ, ВАЯТЕЛЬ И ЖИВОПИСЕЦЪ *).

1475—1564.

Michel più che mortal, Angiol divino...

Въ весенній ясный день, около пяти часовъ пополудни, въ Римѣ, на Эсквилинскомъ холмѣ, цѣлое море блеску отъ вешняго солнца, которое клонится уже къ горизонту, и въ сверкающей золотистой дымѣ върастають прозрачными силуэтами налѣво развалины цезарскихъ дворцовъ, увѣнчанныя рощами каменнаго дуба и кустами розъ; направо, внизу, тусклѣють закоптѣлыя и грязныя жилища новѣйшихъ римлянъ, а прямо передъ вами разсѣкаетъ знойную даль силуэтъ одинокой пальмы. Горькая дѣй-

*) Пособіемъ служили:

1. *Vita di Michel Angelo Buonarroti*, pittore, scultore, architetto e gentiluomo fiorentino. Pubblicata mentre viveva dal suo scolare *Ascanio Condivi*. 2 Ed. Firenze. MDCCXXXVI etc.

2. *G. Vasari*, *Vite degli illustri pittori, scultori ed architetti etc. Vita di Michel Angelo Buonarroti*.

3. *Michel Ange*, par Ch. Clément.

4. *Leben Michel Angelo's*, von H. Grimm. 2 Bde 1878.

5. *Michael Angelo Buonarrotti*, sculptor, painter, architect. The story of his life and labours, by Charles Christopher Black, M. A. Trin. coll. Cambridge. London. 1875.

ствительность иногда разгоняетъ очарованіе этой изумительной картины: *Povero cièso, povero cièso!*.. раздается вблизи дребезжащій старческий голосъ; *per l'amor d'Iddio!*.. выкрикиваетъ кто-то съ другой стороны... Нужно укрыться подъ портикомъ старинной базилики *S. Pietro in Vincoli*; но *povero cièso* бросается со всѣхъ ногъ и звонитъ усердно у низенькой двери, ведущей въ монастырскій дворъ. Передъ вами растворяется церковь и вы попадаете въ глубокій, сѣроватый сумракъ. Невидимая рука закрываетъ за вами двери, невидимая же рука отодвигаетъ дальше тяжелую кожаную занавѣсу, и тутъ только вы различаете, что вы въ длинной сумрачной базилекѣ, въ которую низкое солнце льетъ струи вечерняго свѣта, лежащагося на каменные плиты длинными желтыми четырехугольниками, отъ которыхъ еще сумрачнѣе, еще синѣе становится подъ сводами средняго нефа, и въ этомъ таинственномъ сумракѣ теряются верхи колоннъ. Невольно охватываетъ каждого таинственная, молчаливая торжественность; вы робко подвигаетесь впередъ и всматриваетесь въ темный потолокъ, съ котораго глядятъ на васъ мистическія тѣни, и за тѣмъ незамѣтно проходите всю глубину базилики, оглядываетесь налѣво и потомъ направо, и вдругъ невольно останавливаетесь: передъ вами изъ сумрака вырастаетъ грозный мраморный гигантъ и смотритъ въ пространство, какъ бы негодуя, что потревожили его молчаливый, уединенный покой... Такъ вотъ онъ, «Моисей» Микель-Анджело, созданіе этого гения, который смогъ воплотить великую идею вождя «народа божьяго» въ такихъ грандіозныхъ формахъ!

Колоссальное откровеніе силы и фантазіи въ творествѣ Бонаротти было кульминаціонною точкою въ развитіи флорентинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего итальянскаго и, даже больше, — всего европейскаго искусства въ эпоху Возрожденія.

Одаренный отъ природы безпредѣльной фантазіей, направленной исключительно на грандіозное, потрясающее, Микель-Анджело осужденъ былъ жить въ эпоху столь ужасную, что не безъ основанія ожидали тогда со дня на день второго пришествія и страшнаго суда. Его родной городъ, очагъ свободы и образованности, который онъ въ годы первой юности видѣлъ въ полномъ блескѣ и славѣ, на его же глазахъ превратился въ жалкій притонъ мелкой тиранніи. Глубоко затаивъ въ себѣ ненависть и презрѣніе ко всему его окружающему, Микель-Анджело съ годами дѣлается все суровѣе и суровѣе, и внутренній вопль сказывается въ его произведеніяхъ, которыя въ своей

совокупности оставляют впечатлѣніе какой-то грозной бури. Задумавъ символизировать «жизнь дѣятельную», онъ не могъ себя представить ее иначе, какъ въ образѣ гнѣвнаго Моисея-Карателя; или, охвативъ гениальною мыслью все человѣчество, онъ, со всѣмъ наслажденіемъ наболѣвшаго сердца, вывелъ людей на страшный судъ и заставилъ міръ быть свидѣтелемъ, какъ Христосъ, прообразъ кротости и любви, превращается въ безпощаднаго судію...

Такой характеръ всей художественной дѣятельности Микель-Анджело коренится въ свойствахъ его эпохи, а свойства послѣдней были лишь логическимъ выводомъ изъ всей исторіи Флоренціи.

Флоренція принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, въ которыхъ жизнь, какъ лучи солнца зажигательнымъ стекломъ, сосредоточивается въ небольшую, но жгучую и сверкающую точку. Все, что совершалось въ остальной Италіи между 1250 и 1550 годами, безцвѣтно въ сравненіи съ исторіей этого одного города.

Древнѣйшая его исторія занята постоянною усобицею аристократическихъ фамилій, продолжавшеюся цѣлыя столѣтія и кончившеюся совершеннымъ ихъ истребленіемъ. Это взаимное истребленіе аристократовъ, въ XIII вѣкѣ, раздѣлившихся на двѣ опредѣленныя партіи, подъ именемъ гвельфовъ и гибеллиновъ, было на руку трудолюбивымъ боргезамъ, буржуазіи, изъ которой образовался третій, средній классъ богатыхъ купцовъ и фабрикантовъ. Новое жизненное начало, таившееся въ этомъ среднемъ сословіи, ярче всего сказалось въ томъ обстоятельствѣ, что въ самое бѣдственное время отъ аристократическихъ междоусобій городъ сильно разросся, и изъ внѣшнихъ враговъ, самый опасный, Пиза была ослаблена и принуждена принять, выгодный для флорентинцевъ, торговый договоръ, вмѣстѣ съ ихъ мѣрою и вѣсами (1252).

Каждою переменною въ счастьи той, либо другой партіи аристократовъ искусно пользовались промышленные боргезы, чтобы захватить побольше правъ. Но надо обезопасить эти права, и вотъ замки вокругъ города скупаются и уничтожаются, запрещается строить ихъ ближе извѣстнаго разстоянія, въ самомъ городѣ опасныя башни и дворцы слабеваютъ. Слишкомъ поздно опомнились аристократы: когда гибеллины были окончательно побѣждены, гвельфы очутились лицомъ къ лицу съ сильною буржуазіей, которая закончила свою побѣду конституціей, по которой только тотъ могъ быть участникомъ въ правленіи, кто принадлежалъ къ какому-нибудь цеху: аристократамъ оставалось либо совер-

шенно ступевываться, либо приписываться къ презрѣннымъ цехамъ. Своимъ блескомъ Флоренція обязана была этому новому населенію, высокое интеллектуальное развитіе котораго сосредоточивалось въ страстной привязанности къ дорого-купленной свободѣ и независимости. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ флорентинское населеніе могло пользоваться только въ стѣнахъ родного города и—оно обоготворяло свой городъ. Сознаніе своей силы въ единеніи, подъ эгидою свободы, одушевляло эту небольшую городскую общину, вѣрившую въ свое безсмертіе, и въ этомъ одушевленіи развертывавшую весь запасъ богатыхъ даровъ, которыми щедро надѣлила ее природа.

Все новое населеніе состояло, повидимому, изъ эгоистическихъ купцовъ и фабрикантовъ, но они мужественно бились за свою свободу. Себялюбивая политика и торговые барыши были ихъ единственнымъ интересомъ, но тѣмъ не менѣе у нихъ процвѣтала поэзія, и писались лѣтописи родного города. Скупые торговцы и мѣнялы, они жили въ царственныхъ дворцахъ, и притомъ во дворцахъ, построенныхъ собственными мастерами, украшенныхъ живописью и ваяніемъ, которыя родились тутъ же, въ родномъ городѣ...

Но въ нѣдрахъ этого новаго населенія, едва оно почувствовало себя властелиномъ, образовался расколъ: цехи раздѣлились на *большіе* и *меньшіе*, между ними не замедлила обнаружиться вражда, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ революцій, изъ которыхъ выросло господство фамиліи Медичи, начинающееся съ конца XIV-го вѣка.

Первый изъ Медичи, Salvestro, въ 1370 г., гонфалоньеръ Флоренціи, выказалъ уже ту хитрость и энергію, которою отличалась впослѣдствіи вся фамилія. Завидуя силѣ «большихъ», къ числу которыхъ они не принадлежали, Медичи стали во главѣ демократической партіи и, уничтоживъ при ея помощи соперниковъ, остались единодержавными. Сальвестро, вызвавъ одну изъ опаснѣйшихъ революцій, вышелъ изъ нея, какъ гонфалоньеръ, со славою демократа, котораго любилъ народъ; но въ то же время безъ него не могли обходиться и большіе.

Послѣ него во главѣ фамиліи сталъ Вери деи-Медичи (Veri dei Medici). Для Флоренціи и всей Италіи наступило самое худшее время, время безсмысленной вражды всѣхъ противъ всѣхъ, время, когда единственнымъ побужденіемъ была жажда стяжанія, для удовлетворенія которой никто не останавливался ни передъ чѣмъ. Великія идеи были забыты; въ жизни пропала, такъ сказать, высшая духовная инстанція. Среди этого мрака спаситель-

ною звѣздою явились воскрешенныя тогда идеи древняго міра о человечествѣ и его назначеніи, выразившіяся въ античной философіи, знакомство съ которой по преимуществу и произвело *возрожденіе*. Однимъ изъ ревностѣйшихъ участниковъ въ этомъ воскрешеніи древней образованности явился Космо деи-Медичи. Его усиліями Флоренція быстро дѣлается центромъ обновленія всей Италіи и всего міра.

Медичи представляютъ оригинальное явленіе: они были государями и въ то же время частными людьми. Они господствовали неограниченно, но никогда, повидимому, не отдавали приказаній. Ихъ можно назвать наслѣдственными совѣтниками флорентинскаго народа, владыками, толкователями и исполнителями общественнаго мнѣнія; они долго управляли безъ титуловъ, имѣя за собою одно только право: они были необходимы. Правда, Медичи ничѣмъ не были лучше остальныхъ, патентованныхъ тирановъ этой эпохи: ложь, предательство, клятвопреступничество, ядъ и винжалъ были имъ знакомы не менѣе, чѣмъ кому-либо другому. Но все это имъ прощали современники, за тотъ возвышенный умъ, который заставлялъ ихъ тѣсно связывать свое имя со всѣми явленіями въ высшей культурѣ.

Въ области искусства первыми плодами возрожденія, въ смыслѣ обращенія къ высшимъ интересамъ при помощи образованности древняго міра, было появленіе четырехъ художниковъ: Гиберти, Брунеллески, Массачіо и Донателло; они, такъ сказать, раздѣлили между собою наслѣдство, завѣщанное имъ праотцемъ итальянскаго искусства, Джотто. Л. Гиберти, при помощи изученія антиковъ, дошелъ до значительнаго совершенства въ ваяніи и оставилъ по себѣ вѣчную память, создавъ врата для флорентинской церкви San-Giovanni; по словамъ Микель-Анджело, они были бы достойны служить преддверіемъ рая. Брунеллески старался воспользоваться тѣмъ же античнымъ искусствомъ для зодчества. Основательно изучивъ римскія руины и между прочимъ Пантеонъ, онъ первый постигъ античный способъ выводить своды, и приложилъ свои свѣдѣнія при построеніи St. Maria del Fiore, которую онъ закончилъ первымъ куполомъ по античному образцу. Но всѣ эти три художника, и Гиберти, и Брунеллески, и Массачіо, посвятившій себя главнымъ образомъ живописи, трудились надъ достиженіемъ одного техническаго мастерства.

Не техническое мастерство было задачею четвертаго члена этой художественной плеяды—Донателло, но—выраженіе волновавшихъ его идей. Поэтому, всѣ его работы носятъ на себѣ от-

печатоѣ неоконченности, прерванности, но и необыкновенной живости. Онъ первый старался со всею энергіей схватить и передать самую дѣйствительность. Всѣ четверо, въ особенности Донателло, стояли съ тѣснѣйшей связи съ фамиліей Медичи. Донателло жилъ уже въ то время, когда запасъ художественныхъ произведеній древности возросъ до значительныхъ размѣровъ. Онъ навелъ Космо деи-Медичи на мысль сдѣлать собраніе такихъ произведеній и выставить ихъ публично. Такъ произошли знаменитые сады St. Marco, въ которыхъ получили свое образованіе Микель-Анджело.

Такимъ образомъ, ко времени выступленія на художественное поприще Бонаротти все уже было подготовлено какъ бы систематически: Гиберти, Брунеллески и Массачіо выработали технику всѣхъ трехъ искусствъ, въ которыхъ ему предстояло создать все величайшее; Донателло первый вышелъ изъ цехового искусства, крѣпко связавъ его характеръ со свойствами и судьбами личности, и, наконецъ, изученіе древности, на которое прежніе художники были наводимы случаемъ и личнымъ инстинктомъ, стало теперь легко доступною и необходимою школою.

Такова была художественная обстановка, въ которую суждено было попасть Микель-Анджело.

Родъ *Бонаротти Симоли* принадлежалъ въ числу самыхъ знатныхъ во Флоренціи; чрезъ своего предка Симона Каноссу онъ стоялъ въ родствѣ съ императорскою фамиліею. Но и въ самой Флоренціи многіе изъ предковъ Микель-Анджело занимали высшія государственныя должности. Отецъ его, Лодовико, былъ назначенъ подестю (podestà) въ Кьюзи, куда и отправился вмѣстѣ со своею девятнадцатилѣтнею женою Франческой, которая была беременна, что впрочемъ, не помѣшало ей сопровождать мужа верхомъ. На дорогѣ она была сброшена съ лошади, но, несмотря на все это, благополучно разрѣшилась, 6-го марта 1475 г. въ 2 часа ночи, сыномъ, которому дали имя Микель-Анджело. На слѣдующій годъ семейство вернулось уже во Флоренцію; Микель-Анджело былъ оставленъ въ Сеттиньяно, небольшомъ мѣстечкѣ, не доѣзжая Флоренціи, на выкормку женѣ каменотеса, чѣмъ онъ въ послѣдствіи, шутя, объяснял свое пристрастіе къ ваянію. Затѣмъ онъ отданъ былъ учиться грамматикѣ въ Франческо да-Урбино; несмотря ни на увѣщанія, ни даже на побои, дѣло съ грамматикой не пошло далеко, и родители принуждены были согласиться отдать его въ мастер-

скую извѣстнаго тогда художника Гирландайо; съ нимъ онъ познакомился чрезъ свсего сверстника и пріятеля Граначіо. Попавъ къ Гирландайо, Микель-Анджело тотчасъ же очутился среди большой художественной работы, такъ какъ его патронъ расписывалъ въ это время капеллу въ одной изъ флорентинскихъ церквей. Небольшой набросокъ, сдѣланный новичкомъ и представлявшій лѣса съ работающими художниками, заставилъ учителя замѣтить: «малый больше смыслить, чѣмъ я самъ». Удивленіе перешло, впрочемъ, скоро въ зависть. Первою картиною Микель-Анджело была увеличенная копія масляными красками съ гравюры Шопгауера, представлявшей искушеніе св. Антонія; эту копію Гирландайо потомъ приписывалъ себѣ. Натянутыя отношенія были прерваны раньше трехъ лѣтъ, назначенныхъ по контракту, такъ какъ поддѣлка одного рисунка Гирландайо, которую самъ онъ не сумѣлъ отличить отъ своихъ оригиналовъ, показала, что ученикъ переросъ учителя. Чрезъ того же пріятеля Граначіо Микель-Анджело попадаетъ въ сады St. Marco и становится извѣстенъ Лоренцо деи-Медичи, который въ это время стоялъ во главѣ своей фамиліи и правленія. Здѣсь онъ прежде всего свелъ дружбу съ каменотесами и, получивъ отъ нихъ кусокъ мрамора, сдѣлалъ первый опытъ въ ваяніи, вырубивъ маску стараго фавна, которому, по совѣту Лоренцо Медичи, выбилъ для вѣщей характеристики одинъ зубъ. Эта попытка заставила обратить на него вниманіе; Лоренцо Медичи призвалъ стараго Лодовико и съ его согласія взялъ юношу къ себѣ во дворецъ, гдѣ обращался съ нимъ какъ съ своимъ сыномъ, часто призывалъ его къ себѣ и пересматривалъ съ нимъ дорогія собранія камеевъ, монетъ и т. п., и слушалъ его сужденія. Ученый Полиціано вводилъ его въ то же время въ знаніе древности, и однажды посовѣтовалъ ему изобразить въ рельефѣ борьбу Иракла съ кентаврами. Эта работа всѣхъ привела въ изумленіе. Художникъ Бертольдо, которому Лоренцо поручилъ надзоръ за молодежью, посѣщавшею его сады, знакомилъ его съ работами Донателло, обучалъ литейному искусству и вмѣстѣ съ другими заставлялъ рисовать съ Массачіо.

Такимъ образомъ, самые важные годы для развитія таланта Микель-Анджело провелъ въ счастливѣйшей обстановкѣ; но скоро должны были наступить и бури, которые оставили въ его характерѣ еще болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ эти ясные дни.

Власть Медичи, принужденныхъ, въ концѣ-концовъ, пользоваться для своихъ цѣлей государственною казною, готова была перейти въ тираннію. Не было только силы, на которую могли бы опереться ихъ враги, Строцци, Содерини, Каппони и другія знатныя фамиліи, такъ какъ народъ былъ совершенно закупленъ щедростію и либеральною политикою Медичи. Но эта сила вскорѣ была привлечена во Флоренцію самимъ Лоренцо. Извѣстный полигисторъ, Пико да-Мирандула, обратилъ его вниманіе на замѣчательный талантъ молодого проповѣдника Джироламо Савонаролы, который по настоянію Лоренцо, желавшаго имѣть вокругъ себя весь цвѣтъ итальянской образованности, былъ приглашенъ во Флоренцію и сдѣланъ пріоромъ монастыря св. Марка. Съ первыхъ же шаговъ новый пріоръ заявилъ свою независимость: не сдѣлалъ обычнаго посѣщенія Медичи, всѣ подарки отъ нихъ роздалъ бѣднымъ, возстановилъ древнее правило ордена, запрещавшее владѣть имуществомъ, и сталъ громить противъ узурпаторовъ и всеобщаго разврата. Смыслъ его проповѣдей былъ тотъ, что настало время наказанія за господствующее язычество, но за этимъ наказаніемъ послѣдуетъ лучшее время для Италіи. Лоренцо, черезъ своихъ друзей, дѣлалъ увѣщанія новому пріору, но тотъ въ отвѣтъ пророчилъ ему скорое удаленіе изъ Флоренціи. И дѣйствительно, въ пасху 1492 года, Лоренцо заболѣлъ и умеръ на 44 году жизни въ окрестностяхъ Флоренціи, въ Карреджи.

Огорченіе Микель-Анджело было такъ велико, что, вернувшись въ домъ отца, онъ долго не могъ приняться ни за какую работу. Вся Италія почувствовала смерть Лоренцо, какъ горькую утрату: съ нимъ вмѣстѣ исчезъ мудрый политикъ, который, по современному выраженію, былъ плотиною, сдерживавшею столкновеніе двухъ бушующихъ морей, а именно Ломбардіи и Неаполя.

Наслѣдникъ Лоренцо, Пьетро деи-Медичи по выраженію отца «дуракъ», былъ пустой честолюбецъ, не скрывавшій своихъ поползновеній сдѣлаться герцогомъ Флоренціи. Онъ и о Микель-Анджело вспомнилъ, когда во Флоренціи выпало необыкновенно много снѣгу; снѣжная статуя, сдѣланная Микель-Анджело, такъ понравилась Пьетро, что молодой скульпторъ опять былъ возвращенъ въ свое прежнее помѣщеніе во дворцѣ и вошелъ во всѣ свои прежнія права. Пьетро даже гордился присутствіемъ Микель-Анджело, но онъ столько же гордился и своимъ скороходомъ, котораго онъ не могъ обогнать на лошади. Въ это время Микель-Анджело удалось сдѣлать статую Иракла и

Распятие для монастыря St. Spirito. Последняя работа была особенно важна, такъ какъ при исполненіи ея настоятель монастыря предоставилъ въ распоряженіе Микель-Анджело трупъ, на которомъ онъ впервые ознакомился съ анатоміей, — занятіе, которому онъ впоследствии предавался съ увлеченіемъ.

Между тѣмъ Пьетро позволилъ вовлечь себя въ борьбу, загорѣвшуюся между Миланомъ и Неаполемъ, сталъ на сторонѣ послѣдняго, и такимъ образомъ навлекъ на Тоскану вторженіе французовъ подъ предводительствомъ Карла VIII. Еще до этого вторженія, извѣстіе о пораженіи союзныхъ войскъ при Рапалло, вѣсти о томъ, что Карлъ двигается на Романью, дурныя предзнаменованія и предостерегающія сновидѣнія, являвшіяся одному изъ самыхъ близкихъ лицъ къ семейству Медичи, — все это навело такую панику на флорентинцевъ и въ томъ числѣ на Микель-Анджело, что послѣдній бѣжалъ съ двумя друзьями въ Венецію. Недостатокъ въ средствахъ заставилъ ихъ, впрочемъ, скоро пуститься въ обратный путь. Въ Болоньи ихъ арестовали за несоблюденіе правилъ о входѣ въ городъ, и имъ грозила тюрьма, но счастливый случай свелъ Микель-Анджело съ богатымъ гражданиномъ Альдобранди, который освободилъ его и пригласилъ къ себѣ въ домъ въ качествѣ чтеца и скульптора. Благодаря его стараніямъ, Микель-Анджело получилъ между прочимъ и общественный заказъ окончить украшенія на рагѣ св. Доминика, такъ какъ Николла Пизано не успѣлъ додѣлать одного изъ ангеловъ, держащихъ канделябры.

Въ это же время прибылъ въ Болонью и Пьетро Медичи съ своимъ братомъ, изгнанные изъ Флоренціи Савонаролою. Въ Болоньѣ, гдѣ туземные тираны встрѣтили братьевъ упреками, оставаться было не безопасно, и потому они бѣжали далѣе, въ Венецію, а Микель-Анджело, преслѣдуемый завистью и интригами мѣстныхъ художниковъ, также принужденъ былъ удалиться, и возвратился въ отечественный городъ.

Флоренція измѣнилась въ этотъ короткій срокъ. Власть Медичи была вырвана съ корнемъ; дворецъ пустъ, сады св. Марка ограблены и сокровища искусства проданы съ аукциона. Художники частью разбѣжались, а тѣ, кто оставался, подъ вліяніемъ проповѣдей Савонаролы, мучились угрызениями совѣсти, считая свои художественныя произведенія за наущеніе діавола. Государство строго слѣдило за нравственностью въ нѣдрахъ самихъ семействъ; женщинамъ запрещено было наряжаться. Отъ внѣшней опасности, въ видѣ возвращенія Пьетро подъ прикрытіемъ французскихъ войскъ, откупились 120,000 золотыхъ дукатовъ и

титоломъ «возстановителя и защитника флорентинской свободы», которые республика поднесла Карлу VIII. Савонарола внутри боролся противъ партіи Медичи и третьей, средней, носившей названіе аррабіатовъ, и громилъ Римъ въ своихъ проповѣдяхъ. Папа отвѣчалъ ему запрещеніями и грозилъ экскомуникаціей.

Время было мрачное. Микель-Анджело нашелъ себѣ однако поддержку въ одномъ изъ оставшихся во Флоренціи членовъ фамиліи Медичи, Лоренцо, принявшемъ въ угоду народу прозвище *Medici-popolani*. Для него дѣлалъ въ это время Микель-Анджело отрока Іоанна Крестителя. Въ то же время, по собственному замыслу, онъ изваялъ «Спящаго Амура». Новый покровитель Микель-Анджело, въ восторгѣ отъ этого Амура, посовѣтовалъ ему придать статуѣ видъ древности и выдать за античное произведеніе, говоря, что за старое лучше заплатятъ. Хитрость удалась какъ нельзя лучше, но обманутымъ оказался не только покупатель, но и художникъ, такъ какъ посредникъ въ этомъ торгѣ изъ 200 полученныхъ дукатовъ выдалъ художнику только 30. Вскорѣ оба обмана открылись, и владѣлецъ подложнаго Амура, кардиналъ Ріаріо ди-Санъ-Джорджіо, вызвалъ Микель-Анджело въ Римъ. Это произошло въ 1496 году. Микель-Анджело былъ тогда 21 годъ отъ роду.

Знакомство съ кардиналомъ Санъ-Джорджіо не повело, впрочемъ, ни къ чему, такъ какъ послѣдній оказался изъ тѣхъ любителей, которые готовы преклоняться передъ разбитымъ горшкомъ, если этотъ горшокъ современникъ пуническихъ войнъ, и не понимаютъ самаго геніальнаго созданія, если ему не исполнилось еще тысячи лѣтъ отъ дня появленія на свѣтъ. Нашлись, впрочемъ, другіе люди, съ умѣвшіе оцѣнить юное дарованіе. Такъ, для римскаго дворянина, Якопо Галли, Микель-Анджело сдѣлалъ въ это время мраморнаго Вакха, болѣе человѣческаго роста. Нагой юноша лѣтъ 18 въ первомъ опьянѣніи, съ нѣжными какъ бы налитыми виномъ членами, переступаетъ невѣрнымъ шагомъ, косясь сластолюбивыми очами на чашу съ виномъ, которую онъ держитъ въ правой рукѣ въ уровень съ устами, а въ опущенной лѣвой виситъ кисть винограда, съ которой крадетъ ягоды притаившійся сзади маленькій сатиръ. Характерный натурализмъ составляетъ разницу между этимъ новымъ Вакхомъ и античными изваяніями того же бога: въ греческомъ ваяніи характерное отступало на задній планъ, уступая мѣсто высшему началу красоты.

Первымъ произведеніемъ, которое вдругъ сдѣлало Микель-Анджело изъ уважаемаго скульптора первымъ ваятелемъ Италіи,

была его *la Pietà*, заказанная однимъ французскимъ кардиналомъ. Къ изумительному мастерству въ исполненіи здѣсь присоединился еще оригинальный, трогательный замыселъ: Марія держитъ на своихъ колѣняхъ мертвого сына и съ глубокимъ выраженіемъ покорности высшей волѣ смотритъ на дорогое тѣло. Вы чувствуете печальныя думы этой мраморной головы и видите вмѣстѣ съ нею сына еще младенцемъ, какъ онъ игралъ на этихъ же самыхъ колѣняхъ... И вотъ мать, все та же цвѣтущая дѣва, а сынъ, уже обросшій бородою, лежитъ бездыханенъ... Всѣ были въ восторгѣ, но одинъ острякъ замѣтилъ ядовито художнику: «гдѣ вы могли видѣть, чтобы мать была моложе сына»? «Въ раю», спокойно отвѣчалъ художникъ.

Въ 1499 году, Микель-Анджело опять во Флоренціи, гдѣ въ это время произошли весьма важныя событія. Савонарола палъ и былъ сожженъ на кострѣ. Микель-Анджело хотя и не принадлежалъ открыто къ его послѣдователямъ, но не могъ, конечно, не быть его сторонникомъ; въ старости онъ прилежно изучалъ его сочиненія. Это были двѣ родственныя силы, двѣ бури, поднятыя для очищенія смраднаго, затхлаго воздуха, которымъ была заражена итальянская жизнь. Разница лишь въ томъ, что у одного это было сознательною задачею: нравственными проповѣдями онъ желалъ устроить на землѣ царство небесное, у другого великое, обновляющее и возвышающее дѣйствіе выходило изъ его произведеній, плодовъ *непосредственнаго* вдохновенія.

Прибывъ во Флоренцію, Микель-Анджело отливаетъ бронзовую Мадонну, задумчиво держащую между колѣнъ младенца Иисуса (теперь въ Брюнѣ), слѣдовательно, какъ бы символизируетъ ту думу, которая вложена въ его *la Pietà*, и съ которою дѣйствительно это новое произведеніе имѣетъ много сходства въ типѣ Богородицы. Въ это же время появилось его «Святое семейство», — писанная красками, нѣжная семейная картина, проникнутая глубокимъ элегическимъ чаяніемъ грядущаго. Но, какъ бы увлекшись своими скульптурными мечтами, онъ на этомъ же медальонѣ, въ глубинѣ, помѣстилъ полукруглый невысокій барьеръ и на немъ нѣсколько обнаженныхъ мужскихъ фигуръ, неимѣющихъ никакого отношенія къ «Св. семейству».

Но это были пробы въ сравненіи съ тѣмъ, чтó ему предстояло.

Въ это время флорентинская республика счастливо откупилась отъ внезапной опасности: подъ ея стѣнами явился Цезаре Борджія и Пьетро Медичи. Микель-Анджело получилъ по этому случаю колоссальную мраморную глыбу съ порученіемъ сдѣлать

изъ нея «Давида», который представлялся идеальнымъ образомъ свободы, поразившей Голиааа тиранинн. Въ короткое время изъ этой глыбы, которая была уже обтесана прежде для другой цѣли и считалась испорченною, выросъ юноша гигантъ, гнѣвно смотрящій на невидимаго врага и машинально приготовляющій пращу. Послѣ долгихъ разсужденій о томъ, гдѣ его поставить, онъ былъ помѣщенъ налѣво отъ входа въ дворецъ Синьоріи. Появление его было такимъ событіемъ, что съ этихъ поръ вошла въ употребленіе фраза: столько-то лѣтъ послѣ постановки Гиганта». И дѣйствительно, Давидъ флорентинской свободы поразилъ Голиааа: около этого самаго времени погибають два главныхъ врага флорентинской республики: Чезаре Борджія плѣнникомъ увезенъ былъ въ Испанію по повелѣнію новаго папы; Пьетро Медичи утонулъ въ рѣкѣ, въ битвѣ при Гарильяно.

Громкая слава вызвала зависть и породила Мивель-Анджело много враговъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ беспощадно высказывалъ свой судъ надъ чужимъ искусствомъ; такъ, по его словамъ, Перуджино, въ это время благополучно процвѣтавшій во Флоренціи, былъ «болваномъ, ничего не смыслившимъ въ искусствѣ» и т. п. Образовалась враждебная партія художниковъ, сгруппировавшихся вокругъ другой звѣзды флорентинскаго искусства, Леонарда да-Винчи, въ это время вернушагося, послѣ долгаго пребыванія въ Миланѣ, на родину. Чтобы удовлетворить соперника, республика, по предложенію гонфалоньера Содерини, поручила Леонардо расписать одну изъ стѣнъ въ залѣ, въ которой собирался флорентинскій парламентъ (*consiglio grande*). Такимъ образомъ, произошла знаменитая картина, отъ которой до насъ дошла лишь одна группа, и та въ гравюрѣ, представляющая свирѣпую схватку кавалеристовъ изъ-за знамени, въ которой принимаютъ такое же участіе и кони, вцѣпившіеся другъ въ друга зубами. Эта дикая свалка оставляетъ впечатлѣніе какого-то фантастическаго сна, горячечнаго бреда, какъ и многія другія произведенія этого изумительнаго демоническаго фантаста.

Республика не осталась, впрочемъ, въ долгу у Мивель-Анджело, который, по предложенію того же Содерини, получилъ заказъ расписать другую стѣну. Впрочемъ, ему не удалось тотчасъ же вступить въ это соревнованіе: его ожидала новая блестящая и громкая будущность.

Юлій II, Винкула, вступилъ въ это время на папскій престолъ. Уже преклонный старикъ, онъ съ ненасытною жаждою старался какъ бы наверстать время, воспользоваться не-

большимъ числомъ лѣтъ, которыя оставались еще въ его распоряженіи, и проектъ кипѣлъ за проектомъ въ его пылкой и нетерпѣливой головѣ. У него что было сказано, то должно было быть тотчасъ же и сдѣлано. Жившій въ Римѣ флорентинскій архитекторъ, Санъ-Галло, обратилъ вниманіе новаго папы на замѣчательный талантъ Микель-Анджело, и послѣдній долженъ былъ явиться въ Римъ. Впрочемъ, прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ папа нашелъ, чѣмъ его занять. Наконецъ, ему пришло въ голову заказать свою гробницу. Проектъ въ рисункахъ приводитъ Юлія II въ восхищеніе. Гдѣ помѣстить такой памятникъ? Микель-Анджело указываетъ на перестраивавшуюся со времени Николая V древнюю базилику св. Петра, въ которой, впрочемъ, выведена была къ этому времени одна только трибуна. Эта мысль понравилась и папѣ, но что будетъ стоить это сооруженіе? Тысячъ 100 скуди—было мнѣніе Микель-Анджело: «200 тысячъ!» рѣшилъ папа. Санъ-Галло и Браманте заговорили о возможности полной перестройки базилики. Папа немедленно потребовалъ и на это проекты; Браманте поручена была полная перестройка храма, а Микель-Анджело спѣшилъ въ Каррару ломать мраморъ, сколько нужно для гробницы. Замысль была колоссальная. «Гробница должна быть открыта со всѣхъ четырехъ сторонъ; двѣ изъ нихъ, боковыя, предполагалось сдѣлать въ 18 локтей длиною; двѣ другія съ фронтовъ въ 12, такъ что площадь составляла полтора квадрата. Снаружи, со всѣхъ сторонъ, были ниши, предназначенныя для статуй, а внизу каждого промежутка между двумя сосѣдними нишами выступало по четырехугольной базѣ; на нихъ должны были поставиться другія статуи въ видѣ плѣнниковъ, представлявшихъ искусства, живопись, ваяніе и водчество. Этими статуями художникъ хотѣлъ показать, что вмѣстѣ съ папою Юліемъ всѣ искусства станутъ добычею смерти. Надъ этими нишами и статуями обходилъ вокругъ цимсъ; на его высотѣ помѣщались четыре большія статуи, къ числу которыхъ принадлежалъ Моисей, что теперь въ S. Pietro in Vincoli. Гробница, поднимаясь такимъ образомъ, заканчивалась плоскостью, на которой помѣщалось двое ангеловъ, державшихъ гробъ. Одинъ изъ ангеловъ, казалось, улыбался, какъ бы радуясь тому, что душа папы принята въ число святыхъ, другой—плакалъ, какъ будто скорбя о томъ, что міръ утратилъ такого человѣка. На одномъ изъ фронтовъ былъ входъ въ гробницу, ведшій въ небольшой покой, въ видѣ храма, въ серединѣ котораго стоялъ большой мраморный гробъ, гдѣ и должны были быть положены бранные останки папы. На всей гробницѣ должно было быть болѣе 40 изваяній,

не считая рельефовъ и бронзовыхъ украшеній» (Conditi). Микель-Анджело былъ въ самомъ одушевленномъ состоянiи. Въ Каррарѣ, гдѣ ему пришлось провести восемь мѣсяцевъ, онъ задумалъ превратить цѣлую скалу, выдававшуюся въ море, въ человѣческую фигуру, чтобы она служила маякомъ. Когда мраморныя глыбы прибыли въ Римъ и остановились на площади св. Петра, весь Римъ изумился, а папа почувствовалъ такое расположеніе къ художнику, что зачастую приходилъ къ нему въ мастерскую и бесѣдовалъ какъ съ братомъ. Для большаго удобства онъ велѣлъ даже выстроить крытый ходъ изъ своего дворца до мастерской Микель-Анджело.

Зависть дѣлала между тѣмъ свое дѣло. Браманте, главный архитекторъ, старался удалить Микель-Анджело, боясь, какъ-бы онъ не открылъ недостатковъ при постройкѣ св. Петра; и вотъ онъ сталъ толковать папѣ, какое это дурное предзнаменованіе, когда кто-нибудь задумаетъ строить себѣ гробницу при жизни. Начались натянутыя отношенія, дошедшія, наконецъ, до того, что Микель-Анджело перестали пускать къ папѣ. «Въ такомъ случаѣ скажите вашему папѣ», замѣтилъ художникъ неупускавшему его служителю, «что если я теперь ему понадобитсяъ, пускай онъ ищетъ меня гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ». Собравшись на скорую руку, онъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Рима, такъ что пять папскихъ гонцовъ нагнали его уже на флорентинской землѣ, гдѣ они не смѣли тронуть его, какъ флорентинскаго гражданина. Несчастные просили, чтобы онъ по крайней мѣрѣ отвѣтилъ на папское письмо и ихъ избавилъ бы отъ бѣды. Папа писалъ: «тотчасъ же вернуться, по полученіи этого письма, подѣ страхомъ нашей немилости». Микель-Анджело отвѣчалъ: «никогда не вернусь. За мою вѣрную службу меня прогнали, какъ негодяя. О гробницѣ, ваше святѣйшество, не желаете больше и слышать: наши условія, слѣдовательно, нарушены, а въ новыя вступать не желаю».

Прибывъ во Флоренцію, Микель-Анджело принялся за начатый картонъ для залы парламента, и окончилъ его ко всеобщему изумленію. Сюжетомъ онъ взялъ одинъ эпизодъ изъ войны съ Пизою, когда однажды флорентинцы въ жаркій день соблазнились искупаться въ Арно и были застигнуты врасплохъ неприятелемъ. Толпа нагихъ, одѣвающихъ и полуодѣтыхъ мужскихъ фигуръ, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, вызванныхъ внезапнымъ переполохомъ—таково впечатлѣніе части этого картона, дошедшей до насъ въ гравюрѣ. Этотъ картонъ служилъ школою для всего слѣдующаго поколѣнія художниковъ, въ томъ числѣ и для Рафаэля. Впослѣдствіи онъ былъ кѣмъ-то разрѣ-

занъ на куски и, по словамъ Кондиви, въ его время эти куски береглись, какъ реликвія.

Между тѣмъ папа не терялъ надежды на возможность возвращенія Микель-Анджело въ Римъ, и бомбардировалъ флорентинскую синьорію посланіями, требуя, и угрозами, и ласками, выдачи бѣглеца. Микель-Анджело думалъ-было уже бѣжать къ султану, желавшему имѣть его у себя, но послѣ увѣщаній гонфалоньера онъ согласился ѣхать въ Римъ подѣ охраною званія посланника флорентинской республики, — но пришлось ѣхать въ Болонью: папа, преслѣдуя свои политическіе замыслы, выступилъ противъ Болоньи и вошелъ въ нее безъ бою, такъ какъ тамошніе тираны, Бентивольи, бѣжали, а народъ привѣтствовалъ папу, какъ освободителя. И вотъ Микель-Анджело въ Болоньѣ. Одинъ изъ папскихъ слугъ, узнавъ его въ церкви, куда онъ отправился тотчасъ по пріѣздѣ, привелъ его къ папѣ, котораго они застали за завтракомъ. Увидѣвъ бѣглеца, папа грозно вскричалъ: «тебѣ бы слѣдовало придти и поискать насъ, а ты ждалъ, пока мы придемъ и тебя поищемъ». Папа намекалъ на положеніе Болоньи, относительно Флоренціи. Микель-Анджело сталъ на колѣни, оправдывался и просилъ прощенія. Юлій сидѣлъ нахмурившись. «Ваше святѣйшество, — вмѣшался одинъ изъ монсиньоровъ, которому Содерини особенно рекомендовалъ Бонаротти, — не извольте гнѣваться за его проступокъ: онъ поступилъ такъ по невѣжеству. Живописцы, вѣ своего искусства, всѣ таковы». «Ты говоришь ему грубости, — закричалъ старіеиъ, — какихъ и мы бы ему не сказали. Невѣжа и бездѣльникъ ты, а не онъ. Долой съ моихъ глазъ!» Прислуга помогла оторопѣвшему монсиньору исполнить желаніе папы. Бурю пронесло... Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ папа поручилъ Микель-Анджело отлить его колоссальную статую, чтобъ поставить ее надъ фронтономъ церкви св. Петронія. Модель была готова еще до отъѣзда папы и, когда послѣдній пришелъ на нее посмотреть, Микель-Анджело недоумѣвалъ, не дать ли статуѣ въ лѣвую руку книгу. «Какую книгу, — вскричалъ папа, — мечъ въ руку: я не буквоѣдъ!» Эта статуя, впоследствии, была разбита во время народнаго возстанія.

Возвратившись во Флоренцію послѣ 16-мѣсячной работы, Микель-Анджело готовъ былъ приняться за исполненіе другихъ, давно обѣщанныхъ работъ, какъ папа снова вызвалъ его въ Римъ и, по наущенію Браманте и прочихъ враговъ, Микель-Анджело, заставилъ его приняться за расписыванье потолка Сикстинской капеллы. Соперники думали погубить его славу, рассчитывая,

что онъ погубить себя на поприщѣ живописи, либо, въ случаѣ отказа, навсегда поссорится съ папою. Ни ссылки на непривычку къ живописной техники, ни предложенія вмѣсто себя Рафаэля, ни первыя неудачи—ничто не могло измѣнить рѣшенія папы. Часто онъ самъ взбирался на подмости и тутъ, между небомъ и землею, въ присутствіи библейскихъ исполиновъ, происходили подобныя сцены. «Когда же ты кончишь съ этой капеллой?» — Когда будетъ возможно, ваше святѣйшество. «Когда будетъ возможно! Ты, кажется, ждешь, пока я велю тебя сбросить съ подмостковъ!»...

Колоссальное пространство, какъ потолокъ Сикстинской капеллы, было расписано однимъ человѣкомъ въ короткій срокъ—20 мѣсяцевъ, и какъ расписано! Сначала до конца, отъ Бога-Отца до послѣдней фигуры, служащей просто архитектурнымъ украшеніемъ, все изобрѣтено самобытно, и отъ cadaго лица, отъ каждой позы вѣетъ могучимъ вдохновеніемъ. На этомъ потолкѣ, впервые христіанская легенда кристаллизовалась въ образы, которые съ тѣхъ поръ сдѣлались каноническими. Съ тѣхъ поръ христіанское человѣчество не можетъ себѣ представить иначе Бога-Отца, какъ представилъ его Микель-Анджело, не можетъ себѣ представить иначе пророковъ и сивиллъ, въ смутномъ чаяніи чувшихъ появленіе Богочеловѣка. Задачею своею художникъ выбралъ весь ветхій заветъ отъ сотворенія міра, и провелъ его чрезъ всѣ важнѣйшіе моменты судьбы Израиля, включительно до пророковъ и языческихъ сивиллъ, предсказывавшихъ пришествіе Мессіи. Эта задача—представить начало всего человѣческаго—такъ же шла къ юнымъ годамъ художника, какъ позже къ его глубокой старости шелъ замыселъ изобразить предстоящій конецъ человѣческаго существованія. Если вообще слова безсильны предъ созданіями наглядныхъ искусствъ, то это особенно вѣрно относительно великой эпопеи, развертывающейся на потолкѣ Сикстинской капеллы. Можно назвать только самое поразительное, какъ одухотвореніе Адама, или исполинскіе образы пророковъ Іереміи и Даниила, сивиллъ Дельфійской и Эритрейской и пр.

Когда половина работы была окончена, папою овладѣло такое нетерпѣніе, что онъ заставилъ Микель-Анджело прежде, чѣмъ тотъ наложилъ послѣдніе ретуши и позолоту, снять подмости, и еще не успѣла улечься пыль, поднявшаяся отъ паденія громадныхъ лѣсовъ, какъ папа стоялъ уже въ капеллѣ и любовался чуднымъ созданіемъ вмѣстѣ съ сбѣжавшимся Римомъ. Браманте, видя, что вмѣсто ямы онъ устроилъ своему недругу небывалую славу, началъ хлопотать о томъ, чтобы окончаніе работы было

отдано Рафаэлю. Но это ему не удалось. Когда вся работа была окончена и лѣса сняты, папа вспомнилъ о недостающей поволотѣ; художникъ отдѣлался шуткою: «тамъ изображены простые и бѣдные люди, которые никогда не носили на себѣ золота».

Въ 1513 г. Юлій II умеръ, поручивъ своимъ наслѣдникамъ, Ровере, позаботиться объ окончаніи его надгробнаго монумента. Но едва Микель-Анджело успѣлъ приняться за него, какъ новый папа, Левъ X, Джованни Медичи, вызвалъ его изъ Каррары и потребовалъ, чтобы онъ занялся сооруженіемъ фасада фамиліи церкви Медичи, Санъ-Лоренцо, во Флоренціи. Съ этихъ поръ начинается бѣдственная для Микель-Анджело «трагедія надгробнаго памятника», какъ называется ее Кондиви. Каждый изъ новыхъ папъ, за исключеніемъ Адріана VI, а ихъ Микель-Анджело пережилъ еще шестерыхъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ старался занять художника работою для себя и, слѣдовательно, заставить его отложить всѣ начатые, такъ что наслѣдникамъ Юлія II, пришлось нѣсколько разъ перезаключать условіе съ художникомъ, пока наконецъ они не удовольствовались одною статуей «Моисея». Затѣмъ Льва X предстояла еще худшая участь: фасадъ С.-Лоренцо никогда не былъ исполненъ Микель-Анджело.

Протрудившись нѣсколько лѣтъ надъ черною работою, надъ выборомъ и перевозкою мрамора, причемъ опять сказалась его неутомимо-предпріимчивая натура въ открытіи новыхъ каменоломенъ и сооруженіи цѣлой дороги, Микель-Анджело вдругъ долженъ былъ прекратить работу, такъ какъ и неистощимый карманъ Медичи долженъ же былъ наконецъ опустѣть. Въ самую блестящую эпоху, когда этой фамиліи особенно везло, на нее напала смертность. Въ 1516 умираетъ Джуліано Медичи; въ 1519 Лоренцо Младшій—еще цвѣтущимъ юношею; родъ готовъ былъ вымереть. Оставались только папа, да кардиналъ Медичи, принявшій власть во Флоренціи. Измученный пошлыми дразгами, вернулся Микель-Анджело во Флоренцію и занялся своей «трагедіей». Въ это же время онъ исполнилъ статую Христа, держащаго крестъ (въ St. Maria sopra Minerva, въ Римѣ). Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ вымерли всѣ славные дѣятели блестящей эпохи: Рафаэль, Левъ X, Браманте, одинъ за другимъ сошли въ могилу. Наконецъ на папскомъ тронѣ снова появился Медичи, подъ именемъ Климента VII, человѣкъ близко знавшій Микель-Анджело и давно заговаривавшій съ нимъ о новомъ предпріятіи, о памятникѣ Джуліано и Лоренцо Медичи въ сакристіи церкви С.-Лоренцо. Но едва прошли неизбежныя дразги и переговоры съ фамиліей Ровере,

обжаловавшей Микель-Анджело передъ Климентомъ, какъ наступило тяжелое время для Медичи. Двусмысленная политика, которую вели они относительно французскаго короля и германскаго императора, привела къ тому, что императорское войско, направленное противъ Флоренціи, внезапно появилось передъ Римомъ и разграбило его. Папа сидѣлъ у себя въ плѣну въ крѣпости Святаго Ангела шесть мѣсяцевъ. Незаконные дѣти Джуліано и Лоренцо Медичи, — Алессандро и Ипполито, прибывшіе было во Флоренцію, оставили ее добровольно со всею своею партией. Городъ получилъ прежнюю свободу, но ненадолго, такъ какъ едва папа почувствовалъ себя въ силахъ, какъ сейчасъ же направился противъ Флоренціи съ тѣми же самыми испанцами, которые держали его шесть мѣсяцевъ въ такомъ постыдномъ плѣну. Началась знаменитая осада Флоренціи, послѣдній актъ въ ея великой борьбѣ за свободу. Микель-Анджело назначенъ былъ главнымъ инженеромъ и начальникомъ всѣхъ укрѣпленій, и тутъ его геній показалъ себя съ новой стороны. Съ этою обороною родного города связано въ его жизни одно событіе, которое причиняло немало беспокойствъ почитателямъ Микель-Анджело, а именно его внезапное бѣгство въ Венецію. Дѣло, впрочемъ, объяснилось весьма просто. Во всей этой потрясающей драмѣ послѣдней отчаянной борьбы, на мрачномъ ея фонѣ, вырѣзывается мрачная фигура предателя Малатести Бальони, главнокомандующаго войсками флорентинской республики. Наемникъ, которому было все равно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, былъ въ то же время еще и негодяемъ, который ловко и незамѣтно приготовилъ предательство. Микель-Анджело прежде всѣхъ понялъ этого человѣка и попытался предупредить совѣтъ, но былъ осмѣянъ; тогда, видя съ одной стороны грозящую измѣну, съ другой, совершенное ослѣпленіе, и считая дѣло совершенно проиграннымъ, онъ бѣжалъ въ Венецію. Предатель повелъ дѣло еще тоньше и, не выступая открыто, погубилъ республику въ рѣшительную минуту. Впрочемъ, черезъ короткое время Микель-Анджело, видя, что борьба еще возможна, опять вернулся въ отечество и со славою поддерживалъ свои укрѣпленія. Но и среди заботъ обороны онъ находилъ время для художественныхъ занятій, въ тайнѣ работая надъ гробницами Медичи; въ это же время онъ написалъ для Феррарскаго герцога картонъ, представляющій Леду съ лебедемъ. Медичи до того были раздражены противъ него, въ особенности за обидное названіе, которое онъ предлагалъ дать площади, гдѣ былъ ихъ дворецъ, — назвавъ ее «площадью ублодковъ» (намекъ на незаконное происхожденіе

Алессандро и Ипполито), — что, овладѣвъ наконецъ городомъ, они велѣли всюду искать его защитника. Микель-Анджело едва спасся на колокольнѣ одной церкви и вышелъ на свѣтъ, лишь когда прошла первая ярость и папа обнародовалъ брѣве, въ которомъ Микель-Анджело давалась полная амнистія подъ условіемъ — принять за окончаніе ихъ фамиліальныхъ гробницъ. Какъ бы стараясь забыться отъ постыднаго настоящаго, Микель-Анджело неистово набросился на эту работу и въ короткій срокъ создалъ памятникъ, принадлежащій къ числу оригинальнѣйшихъ произведеній новѣйшаго искусства. Въ нишахъ противоположныхъ стѣнъ сакристіи, надъ гробницами, онъ посадилъ по статуѣ, представляющей покойниковъ. Одна изъ нихъ, статуя Джуліано ¹⁾ и есть его знаменитый *il Pensiero* — «задумчивость», статуя, въ которой вылился вполне меланхолическій, мрачный характеръ оригинала. Подъ каждою изъ этихъ статуй расположились по двѣ фигуры, символизирующія всепоглощающее время въ четырехъ главныхъ его явленіяхъ: утра, дня, сумерекъ и ночи. Двѣ женскія фигуры, «*Angola di Michelangelo*» и «*la Notte*» перепли въ общее употребленіе, какъ мѣткій афоризмъ поэта.

По обычаю времени, на статую ночи писались эспромты. Отвѣтъ Микель-Анджело на одно изъ этихъ четверостишій выдаетъ, что дѣлалось въ его душѣ въ эту пору. «Если ты не вѣришь, что эта Ночь жива, разбуди ее и она заговоритъ», гласилъ льстивый сонетъ; художникъ отвѣчалъ отъ лица Ночи:

Сладокъ мнѣ сонъ, еще слаще быть камнемъ,
Когда кругомъ бѣда и позоръ;
Ничего не видѣть, ничего не слышать — вотъ завидная будущность:
Не буди же меня, говори тише!..

Но событія и тутъ обогнали предпріятіе, и эти гробницы никогда не были вполне окончены. Новыя интриги наслѣдниковъ папы Юлія заставили Микель-Анджело явиться въ Римъ и искать посредничества папы, а еще больше — предлога не возвращаться во Флоренцію, такъ какъ герцогъ Алессандро, дикій и строптивый, всегда ненавидѣвшій Микель-Анджело, подъ конецъ имѣлъ еще новую причину ждать только удобнаго случая, чтобы отмстить ему. Дѣло было въ томъ, что Микель-Анджело отказался строить во Флоренціи цитадель, которая должна была служить оплотомъ тиранніи. Въ Римѣ папа задумалъ дать Микель-Анджело новую задачу, предоставивъ въ его распоряженіе глав-

¹⁾ Ошибочно называемая статуею Лоренцо II.

ную стѣну Сикстинской капеллы. Въ это время стала мелькать въ головѣ Микель-Анджело первая мысль о «Страшномъ судѣ». Но Климентъ VII умеръ, не дождавшись «Страшнаго суда». Случай устроилъ впрочемъ такъ, что на папскій престолъ вступилъ человекъ, высоко цѣнившій геній художника. То былъ Павелъ III, Фарнезе. Когда на его предложеніе осуществить задуманную идею, Микель-Анджело сталъ отказываться, приведя въ извиненіе контрактъ, заключенный съ Ровере, папа вспыхнулъ: «Тридцать лѣтъ ждалъ я этой минуты», вскричалъ онъ, «и теперь, когда я папа, мнѣ отказаться отъ завѣтной мечты?!. Гдѣ контрактъ, я разорву его!»

Микель-Анджело стоялъ на своемъ и думалъ даже оставить Римъ, но папа явился къ нему въ мастерскую съ восемью кардиналами и просилъ показать эскизы, уже сдѣланные для «Страшнаго суда». Микель-Анджело работалъ въ это время надъ «Моисеемъ»: «да одной этой статуи довольно, чтобы почтить папу Юлія», вырвалось у одного изъ кардиналовъ, и папа сдѣлалъ все, чтобы склонить Микель-Анджело на новый подвигъ. Такъ осуществилось, наконецъ, колоссальнѣйшее созданіе новѣйшаго искусства.

Во вѣншемъ расположеніи картины художникъ остался вѣренъ типу, давно сложившемуся въ итальянскомъ искусствѣ: снизу, слѣва, поднимаются оживающіе мертвецы, пробуждаемые трубами ангеловъ, составляющихъ центръ нижней половины этой фрески. Центромъ верхней—является Христосъ съ Богоматерью, окруженный сонмомъ праведниковъ, надъ которыми, еще выше, летаютъ ангелы съ орудіями истязаній Иисуса. Правая сторона (отъ зрителя) занята грѣшниками, низвергающимися въ геенну огненную. Моментъ схваченъ самый потрясающій: среди всей сумятицы воскресающаго міра вдругъ раздаются громовые перебаты: «идите отъ меня нечестивые въ огонь вѣчный», и эти слова заставляютъ всѣхъ окружающихъ Христа оцѣпенѣть на мгновенье, и, какъ бы въ знакъ мгновеннаго исполненія суда, демоны уже низвергаютъ свои жертвы въ бездну, гдѣ принимаетъ ихъ Харонъ и вытрясаетъ ихъ, какъ рухлядь изъ лодки, въ руки Вельзевулу.

Наивная откровенность, съ которою художникъ обошелся на колоссальной фрескѣ «Страшнаго суда» съ человѣческимъ наготою, колола глаза тогдашнему фарисейскому лицемерію и произвела цѣлый рядъ то забавныхъ, то досадныхъ столкновеній. Осматривая съ восхищеніемъ новое созданіе и внутренне гордясь, что слава его

происхожденія останется за его царствованіемъ, Павелъ III вдругъ обращается къ сопровождавшимъ его кардиналамъ съ вопросомъ, какъ имъ нравится «Страшный судъ». «Ваше святѣйшество», отвѣчалъ папскій оберцеремоніймейстеръ, «этой картинѣ скорѣе мѣсто въ банѣ, чѣмъ въ первой капеллѣ всего христіанства». Микель-Анджело такъ понравилась неліцепріятность его суда, что онъ тотчасъ же по уходѣ высокихъ гостей придалъ его черты великому адскому судіи, Миносу, который стоитъ въ правомъ нижнемъ углу, обвитый змѣемъ, оказывающимъ ему свои адскія ласки. Церемоніймейстеръ, въ ужасѣ и негодованіи на новое повышение, бросился къ папѣ и просилъ избавить его отъ позора. «Мой милый», отвѣчаетъ ему Павелъ III, «изъ чистилища я еще могъ бы вымолить твою душу, но изъ ада и я не властенъ тебя избавить». Нашлись однако люди, которые воспользовались этимъ же случаемъ, чтобы повредить самому художнику. Въ то время итальянское общество боялось одного злого языка, продажнаго Аретина, который жилъ въ Венеціи и оттуда безнаказанно разливалъ ядъ своихъ памфлетовъ. Считая своимъ долгомъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ со всѣми значительными людьми своего времени и получать отъ нихъ отъ времени до времени подачки, онъ старался завязать отношенія также и съ Микель-Анджело. Когда послѣдній былъ въ самомъ разгарѣ работы надъ своею великою фрескою, онъ вдругъ получилъ отъ Аретина длинное посланіе: «И вотъ я, Аретинъ, отъ котораго хвала и хула зависятъ въ такой степени, что почти всѣ, кому досталась въ удѣлъ слава или безчестіе, обязаны тѣмъ и другимъ моему перу, я, тѣмъ не менѣе, существо весьма незначительное и даже просто ничтожество, я привѣтствую васъ. Я бы не дерзнулъ этого сдѣлать, еслибы мое имя не потеряло нѣсколько отъ своего ничтожества чрезъ то уваженіе, какое вселяетъ одинъ его звукъ любому сильному сего міра. И все-таки, передъ вами мнѣ ничего не остается какъ только благоговѣнное почтеніе! Королей довольно на свѣтѣ, а Микель-Анджело только одинъ!.. Фидій, Апеллесъ и Витрувій меркнутъ передъ вами»... Далѣе слѣдуютъ совѣты художнику, какъ лучше выполнить картину «Страшнаго суда», и обѣщаніе пріѣхать въ Римъ, несмотря на зарокъ—никогда не ѣздить туда. Микель-Анджело отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ каждая фраза пропитана тонкою ироніей. «Ваше письмо», пишетъ онъ, «въ одно время и огорчило меня и обрадовало. Обрадовало потому, что оно отъ васъ, единственнаго въ своемъ родѣ; огорчило потому, что моя картина уже настолько готова, что я не могу воспользоваться вашими

мыслями. Еслибы вы самолично присутствовали на страшномъ судѣ, вы не могли бы описать его лучше, чѣмъ какъ вы сдѣлали въ вашемъ посланіи. Что до вашего предложенія писать обо мнѣ, то конечно это доставить мнѣ величайшее удовольствіе... Если по этому случаю вы желали бы, или вамъ было бы пріятно получить что-нибудь изъ того, чѣмъ я владѣю, то оно къ вашимъ услугамъ. Наконецъ, что до вашего прежняго рѣшенія не прѣзжать больше въ Римъ, то, пожалуйста, не измѣняйте его ради моихъ картинъ, это было бы уже слишкомъ много... Въ отвѣтъ Аретинъ пожелалъ получить какой-нибудь изъ рисунковъ Микель-Анджело, «изъ тѣхъ, которые онъ бросаетъ въ огонь». Подобные подарки были для него очень дороги, такъ какъ онъ потомъ продавалъ ихъ по высокой цѣнѣ. Но проходитъ годъ, другой, отъ Микель-Анджело нѣтъ ни писемъ, ни подарковъ. Аретинъ начинаетъ дѣйствовать черезъ посредниковъ, между прочимъ чрезъ Тиціана, и получаетъ въ подарокъ одинъ изъ тѣхъ рисунковъ, которые дѣйствительно бросаютъ въ огонь. Имъ онъ оказывается недовольнымъ и принимаетъ угрожающій тонъ. Наконецъ, видя, что все тщетно, онъ пишетъ художнику новое посланіе и въ копіяхъ распространяетъ его по своему обычаю всюду, гдѣ только можно:

«Познакомившись наконецъ со всею композиціей вашего «Страшнаго суда», я узнаю въ этой композиціи знаменитую грацію Рафаэля; но, какъ крещенный христіанинъ, я стыжусь той необузданной смѣлости, съ которою вы послали на изображение того, что составляетъ вечный пунктъ всѣхъ нашихъ благочестивыхъ упованій. Итакъ, этотъ Микель-Анджело, пользующійся такою громкою славою, тотъ самый Микель-Анджело, которому всѣ мы изумляемся, захотѣлъ показать людямъ, что онъ въ въ такой же степени лишенъ благочестія и религіозности, въ какой онъ владѣетъ искусствомъ!.. Возможно ли, чтобы вы, который не нисходите съ высоты вашего величія до сношеній съ простыми смертными, чтобы вы могли помѣстить подобную вещь въ высочайшій домъ божій?.. Если бы я не считалъ почти преступленіемъ дѣлать здѣсь какое-нибудь сравненіе, я похвастался бы тѣмъ, какъ удалось мнѣ въ моей «Наинѣ» ¹⁾ съ разумною осторожностью выразить самое развратное, самое сладострастное содержаніе въ нѣжныхъ и благопристойныхъ словахъ, между тѣмъ какъ вы невыносимо срываете съ вещей послѣдній покровъ. Обработывая такую возвышенную задачу, вы лишаете ангеловъ ихъ небес-

¹⁾ Одна изъ новеллъ Аретина.

наго великолѣпія, а въ вашихъ святыхъ нѣтъ и слѣда земной стыдливости. Даже язычники и тѣ одѣвали Діану въ платье, и если представляли Венеру обнаженною, то давали ей такую позу и ея рукамъ такое *движеніе*, что она казалась одѣтою. А вы, христіанинѣ, до такой степени подчиняете вѣру искусству, что ваши мученики и святые дѣвы въ ихъ оскорбляющихъ стыдливость позахъ представляютъ такое зрѣлище, на которое не хватило бы духу смотрѣть прямо, даже въ публичныхъ домахъ!.. Но небо не оставитъ вашей дерзости безъ наказанія: чѣмъ изумительнѣе ваше послѣднее произведеніе, тѣмъ вѣрнѣе будетъ оно могилою вашей славы». Затѣмъ онъ переходитъ къ самому себѣ: конечно, онъ пишетъ такъ не изъ-за того, что его надежды на подарокъ были обмануты; «безъ сомнѣнія было бы лучше», продолжаетъ онъ, «если бы вы аккуратно исполняли ваши обѣщанія, хотя бы для того, чтобы заставить молчать злые языки, которые утверждаютъ, будто только какіе-то Герарды, да Томлазы ¹⁾ умѣютъ выманивать у васъ ласки. Но, конечно, если даже кучи золота ²⁾, которыя оставилъ вамъ папа Юлій, для того, чтобы его бранные останки покоились въ саркофагѣ вашей работы, если даже такое количество денегъ не могло заставить васъ сдержать ваше обѣщаніе,—на что же могъ разсчитывать такой человѣкъ, какъ я? Но не ваша скаредность и не ваша неблагодарность, о великій живописецъ, виноваты въ томъ, что прахъ Юлія почіетъ въ скромномъ гробу, но самыя доблести Юлія: Богу было угодно, чтобы такой папа былъ славенъ своими подвигами, а не волоссальнымъ сооруженіемъ, которое вы соблаговолили бы вывести надъ его прахомъ. Но все равно, вы не сдѣлали того, къ чему вы были обязаны, а это называютъ *кражею*... Если бы вы при сочиненіи вашей картины держались того, что сказано было въ моемъ письмѣ, извѣстномъ всему міру, о небѣ, адѣ и раѣ, тогда, смѣю утверждать, природа не имѣла бы нужды стыдиться, что она вложила въ васъ столь великій талантъ, а вы сами стоите какимъ-то идоломъ художества. Напротивъ, Провидѣніе хранило бы ваше созданіе, пока стоитъ міръ»...

Все это письмо написано было переписчикомъ и только *postscriptum* рукою автора. Вотъ оно:

«Теперь, когда мой гнѣвъ на жестокость, съ которою вы отвѣтили на мое почтительное предложеніе, нѣсколько уже охладился, и такъ какъ я, кажется, уже доказалъ вамъ, что если вы

¹⁾ Молодые друзья Микель-Анджело.

²⁾ Всего 5,000 скуди.

divino (di vino, изъ вина), то и я не dell'acqua (изъ воды), разорвите это письмо, какъ я самъ бы это сдѣлалъ, и поймите, наконецъ, что я стою того, чтобы короли и императоры отвѣчали на мои письма». Совершенно другое писалъ тотъ же Аретинъ къ граверу Энэю Вико, сдѣлавшему гравюру съ «Страшнаго суда»: «Отсутствіе копій съ этой картины,—пишетъ онъ къ Вико,—наносятъ вредъ религіи, для прославленія которой она была задумана. Такъ какъ она представляетъ предназначенный Богомъ послѣдній день, то доброе дѣло дать возможность міру быть свидѣтелемъ этого зрѣлища—тріумфа однихъ и ужаса другихъ. Сынъ Божій и флорентинскій герцогъ воздадутъ вамъ за это и вѣчною и временною мздою. Итакъ, впередъ съ вашимъ похвальнымъ предпріятіемъ! Скандалъ, который произведутъ въ средѣ лютеранъ художественныя вольности Микель-Анджело, ничуть не уменьшитъ вашей заслуги. Ваша задача лишь въ томъ, чтобы сдѣлать это произведение общедоступнымъ».

Но фарисейство, поддержанное происками Аретина, взяло верхъ, и еще при жизни Микель-Анджело особенно откровенная нагота на нѣкоторыхъ изъ женскихъ фигуръ «Страшнаго суда» была прикрыта ученикомъ и другомъ художника, Себастьяномъ дель-Пьомбо.

Наконецъ, пришелъ чередъ быть оконченнымъ и памятнику папы Юлія. Послѣ долгихъ переговоровъ и перезаключеній контрактовъ наслѣдники папы удовлетворились тѣмъ, чтобы Микель-Анджело сдѣлалъ одну статую, а остальное другіе художники подъ его руководствомъ. Эта одна статуя и есть его знаменитый «Моисей».

Надгробный памятникъ имѣетъ видъ одной изъ лицевыхъ сторонъ первоначальнаго плана, вставленной рельефомъ въ стѣну. Въ нишѣ, составляющей средину нижняго этажа, сидитъ Моисей. Направо и лѣво отъ него, также въ нишахъ, Рахиль и Лія, какъ символы дѣятельной и созерцательной жизни. Прямо надъ Моисеемъ, лежащая статуя папы, по бокамъ которой двѣ мужскія, сидячія. Вся эта обстановка ничтожна сравнительно съ главною статуей.

Микель-Анджело былъ въ это время уже 60-лѣтнимъ старикомъ, но судьба сулила ему въ эту позднюю пору испытать сладость первой взаимной любви.

Женщина, которую онъ былъ пораженъ и которая одна можетъ быть могла вполне его понять, была знаменитая красавица

и одна изъ первыхъ аристократокъ своего времени—Витторія Колонна. Рано овдовѣвъ, она провела нѣкоторое время въ уединеніи на островѣ Искія, гдѣ въ ней открылся поэтический талантъ, сдѣлавшій ее впоследствии одною изъ популярнѣйшихъ поэтессъ своего времени. Переселившись потомъ въ Неаполь, она явилась однимъ изъ ревностнѣйшихъ адептовъ кружка, образовавшагося подъ вліяніемъ реформаціонныхъ идей, шедшихъ изъ Германіи, кружка, душою котораго былъ пламенный проповѣдникъ Фрате Оккино. Когда папа вызвалъ его въ Римъ въ качествѣ своего духовника, вмѣстѣ съ нимъ переселилась и часть его свободной общины, а въ томъ числѣ и Витторія. То было свѣтлое время, послѣдняя вспышка свободного, полуязыческаго взгляда на міръ и идей возрожденія, вторгавшихся и кнѣзѣвшихъ въ Италію, время либеральнѣйшей политики относительно протестантовъ, какъ бы свѣтлое затишье передъ бурей іезуитскаго фанатизма, которая уже давала себя знать въ лицѣ кардинала Караффы. Въ это время познакомились Микель-Анджело и Витторія, и ихъ горячая дружба не прекращалась даже послѣ смерти Витторіи. Такъ Микель-Анджело, уже глубокой старикъ, въ минуты откровенности выражалъ горькое сожалѣніе, что даже въ послѣднюю минуту жизни его подруги онъ не дерзнулъ поцѣловать ее въ уста и ланиты, но скромно и благоговѣнно припалъ только къ ея рукѣ. Витторія въ то время, когда она познакомилась съ Бонаротти, также была уже не первой молодости. Ихъ взаимная любовь выражалась самою нѣжною внимательностью, взаимными услугами, подарками и перепискою въ прозѣ и сонетахъ. Часто собирався около нихъ кружокъ образованныхъ и талантливыхъ людей, по римскому, не такъ еще давно исчезнувшему, обычаю въ сакристіи какой-нибудь церкви, и тутъ, въ прохладномъ полумракѣ, начиналась живая и остроумная бесѣда въ родѣ той, которую записалъ одинъ изъ участниковъ, Донъ-Джуліо ди-Мачедонія, извѣстнѣйшій миниатюристъ этой эпохи.

Это свѣтлое время продолжалось недолго. Витторія умерла, и передъ смертію видѣла еще паденіе своей партіи и водвореніе іезуитовъ и инквизиціи. Члены этого просвѣщеннаго кружка одинъ за другимъ подвергались опалѣ, либо прямо бѣжали и дѣлались открытыми и заклятыми врагами римской церкви, какъ Фрате Оккино. Оставшихся не спасало никакое усердіе отъ инквизиціоннаго трибунала. Настало мрачное время реакціи и мракобсія. Къ этимъ общественнымъ бѣдамъ, которыя Микель-Анджело не могъ не чувствовать глубоко, присоединились еще домашнія: братья его частью умерли еще раньше, нако-

нецъ умеръ и его дряхлый отецъ, для котораго онъ работалъ всю жизнь; новое поколѣніе, совершенно иного характера, окружило Микель-Анджело, и онъ, всегда склонный къ уединенію, замкнулся еще крѣпче. Всѣ его отношенія къ молодымъ художникамъ, считавшимся его учениками, какъ Делла-порта, Виньола, Амманати, Вазари, Девольтерра, Кавальери, Марчелло Венусти и др., ограничивались тѣмъ, что молодежь подражала его особенностямъ, которыя были имъ не подъ силу и готовила въ недалекомъ будущемъ стиль «барокко», а самъ онъ, стоя на высшей точкѣ славы и пользуясь неограниченнымъ авторитетомъ, старался каждому изъ нихъ быть полезнымъ, насколько можно. Въ его внутреннюю жизнь не было доступа больше никому. Наконецъ и физическія силы стали постепенно измѣнять, и Микель-Анджело оставляетъ, одну за другою, и живопись, и ваяніе. Послѣднимъ его значительнымъ живописнымъ произведеніемъ были двѣ фрески въ ватиканской капеллѣ Паолинѣ, которыя, впрочемъ, дошли до насъ въ крайне-испорченномъ видѣ, благодаря позднѣйшимъ поправкамъ и реставраціямъ. Но въ эту пору глубокой старости геній художника развернулся въ небываломъ блескѣ на поприщѣ третьяго искусства — зодчества.

Когда послѣдовательно перемерли старшіе строители храма св. Петра, включительно до Санъ-Галло, Павелъ III старался склонить Микель-Анджело взять на себя это дѣло. Микель-Анджело согласился быть архитекторомъ подъ условіемъ не получать никакого вознагражденія, и вести всю постройку только для спасенія души. Это независимое положеніе дало ему возможность преодолѣть всѣ интриги, устранить всѣ плутовства тогдашнихъ архитекторовъ, смотрѣвшихъ на колоссальное сооруженіе, какъ на дойную корову, — и привести великую задачу къ концу. Работа, выпавшая на долю Микель-Анджело, была самая главная во всей постройкѣ, а именно, выведеніе купола. Предчувствуя близкую смерть, художникъ сдѣлалъ самую тщательную модель своего проекта, и по этой модели и былъ выведенъ куполь, служащій съ тѣхъ поръ образцомъ для всѣхъ подобныхъ колоссальныхъ сооружений.

Но до своей кончины Микель-Анджело пришлось еще пережить тяжелыя эпохи, въ которыя ему не разъ серьезно приходило на мысль распрощаться съ Римомъ. Такъ, Караффа, вступивъ на папскій престолъ подъ именемъ Павла IV, думалъ-было велѣть совсѣмъ уничтожить «Страшный судъ», и только изъ уваженія къ великому художнику приказалъ основательно прикрыть на немъ наготу.

Микель-Анджело было даже передано желаніе папы, чтобы онъ самъ занялся этою душеспасительною работою, но художникъ просилъ передать въ отвѣтъ: «пусть его святѣйшество сперва міръ исправитъ, а за картинами дѣло не станетъ: онъ не убогуть». Этими моментами неудовольствія старался воспользоваться Космо II, тогда уже наслѣдственный герцогъ Флоренціи, чтобы, во что бы то ни стало, переманить Микель-Анджело въ свою столицу; но ни просьбы, ни самыя блестящія предложенія, ни хodataйства учениковъ-друзей, ни высокій почетъ, который оказывали Микель-Анджело герцогъ и всѣ члены герцогской фамилии всякій разъ, какъ кто-либо изъ нихъ прїѣзжалъ въ Римъ, не могли заставить художника вернуться въ измѣнившійся родной городъ.

18-го февраля 1564 года, на 89-мъ году жизни, великій художникъ скончался, въ полномъ сознаніи кратко выразивъ свою послѣднюю волю: «мою душу отдаю въ руки Бога, мое тѣло землѣ, все, что имѣю, родственникамъ». Люди, окружавшіе его смертный одръ, сообщили объ его желаніи быть похороненнымъ на родной землѣ. Тогда, боясь противодѣйствія со стороны римлянъ, флорентинскій посолъ велѣлъ потихоньку вынести гробъ за городъ, выдавъ его за купеческій товаръ. 11-го марта прибыло тѣло во Флоренцію. Послѣ 30-ти лѣтъ добровольнаго изгнанія Микель-Анджело вернулся трупомъ въ родной городъ. Лишь немногіе знали, кто былъ ввезенъ въ свинцовомъ гробѣ черезъ городскія ворота. Герцогъ велѣлъ держать дѣло въ тайнѣ. Гробъ былъ отнесенъ и поставленъ въ церкви St. Pietro Maggiore. Слѣдующій день было воскресенье. Къ вечеру художники собрались въ церкви. Богатый покровъ изъ чернаго бархата, расшитаго золотомъ, покрывалъ гробъ, на немъ лежало золотое распятіе. Тѣснымъ кружкомъ столпились художники; старшіе взяли въ руки зажженные факелы, молодые подняли гробъ на свои плечи, и процессія двинулась въ Santa Croce, гдѣ долженъ былъ быть погребенъ Микель-Анджело. Все дѣлалось безъ огласки; художники сошлись въ церковь поодиночкѣ, но тѣмъ не менѣе молва разнеслась по городу, и когда печальная процессія выступила изъ церкви, ее встрѣтила уже громадная масса народа и молча провожала гробъ до Santa Croce. Здѣсь, въ сакристіи, гробъ былъ открытъ. Народъ ломился въ церковь. Несмотря на то, что прошло уже три недѣли со дня смерти, Микель-Анджело лежалъ безъ всякихъ признаковъ тлѣнія, какъ будто онъ только-что скончался. Изъ сакристіи гробъ перенесли въ церковь къ готовой

могилѣ, но долго не могли ея закрыть: такая была масса народу а каждый хотѣлъ взглянуть на могилу. Не будь это ночью, говоритъ Вазари, пришлось бы выставить гробъ открытымъ. Но это были не тѣ флорентинцы, которые понимали, почему Микель-Анджело ушелъ и не хотѣлъ при жизни возвращаться, а потому опасенія герцога были излишни: прахъ великаго человѣка не произвелъ бы никакого политическаго волненія.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ были наконецъ окончены приготовленія къ похоронному празднеству, устроенному художниками. Вазари описалъ эту церемонію во всѣхъ ея подробностяхъ: какъ была украшена церковь S.-Lorenzo, какія были эмблемы и надписи, что кѣмъ было сдѣлано. Придворный историкъ, Варки, сказалъ надгробную рѣчь. Единственный человѣкъ, который еще понималъ Микель-Анджело, — Бенвенуто Челлини, не присутствовалъ на этихъ похоронахъ. Племянникъ покойнаго, Леонардо Бонаротти, поставилъ своему великому дядѣ памятникъ въ Santa Croce изъ мрамора, подареннаго герцогомъ; онъ стоитъ теперь въ сосѣдствѣ съ гробницами Данте, Макіавелли и Альфіери...

А Д Р. П Р А Х О В Ъ .

ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

*Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon
par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et Cie. 1875. Tomes I-VIII.*

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Мы сказали, первымъ томомъ заканчивается корреспонденція Прудона 1841 года;—но вмѣстѣ съ этимъ заканчивается и цѣлый періодъ мыслительной жизни Прудона. Идя далѣе по тому же пути, мы по-прежнему будемъ строго держаться въ предѣлахъ избранной нами задачи, а именно—изучать процессъ мысли Прудона, какъ то отразилось въ его *письмахъ*. Прудонъ, какъ социальный критикъ, какъ публицистъ, можетъ и долженъ быть изучаемъ въ его *сочиненіяхъ*; это — не наша задача въ эту минуту; притомъ, съ этой стороны Прудонъ давно извѣстенъ читавшимъ написанное имъ. Письма Прудона ставятъ новую задачу—открыть внутренній процессъ его мысли, исторію его міровоззрѣнія. Быть можетъ, найдутся люди, которые не дадутъ большой цѣны подобнаго рода изслѣдованіямъ, и имъ покажется, что изслѣдовать процессъ мысли Прудона, значитъ, заниматься вопросомъ, примѣрно: хорошо или дурно онъ игралъ на фортепіано? Мы знаемъ, что такое воззрѣніе на значеніе изслѣдованій процесса мысли возможно, и время отъ времени высказывается даже въ печати; но тогда не стоило бы издавать писемъ Прудона,

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78 стр.

такъ какъ весь ихъ интересъ именно и состоитъ въ томъ, что они вводятъ насъ въ интимную жизнь Прудоновской мысли, между тѣмъ какъ въ его произведеніяхъ предъ нами лежатъ одни послѣдніе результаты этой мысли. Вотъ почему избранная нами задача остается безъ всякой перемѣны: и при разсмотрѣніи послѣдующихъ томовъ мы будемъ по-прежнему стараться на *основаниіи переписки*, а не сочиненій Прудона, показывать: черезъ какія фазы философскаго развитія мысль его должна была проходить, расчищая себѣ путь впередъ,—и такая задача намъ кажется далеко не лишнею серьезнаго интереса. Въ нашихъ глазахъ одно общее міросозерцаніе человѣка можетъ давать рѣшительный характеръ всему, что онъ дѣлаетъ, пишетъ, говоритъ и думаетъ. Пускай онъ въ той или иной сферѣ своей дѣятельности выкажетъ блестящую инициативу, какъ, напр., Прудонъ въ *критикѣ общественной несправедливости* (больше онъ ничего и не сдѣлалъ существеннаго), все-таки онъ остается, въ главномъ, мыслителемъ той или иной категоріи. Насъ могутъ спросить, наприимѣръ: какъ же это могло такъ случиться, что Прудонъ прямо отъ теологической метафизики перешелъ въ «Мемуару о собственности»? Но онъ вовсе не дѣлалъ этого скачка, какъ теперь обнаруживается то изъ его писемъ, а въ теченіи двухлѣтняго перехода мало по-малу освобождался отъ многихъ своихъ метафизическихъ мечтаній. Притомъ, пребываніе въ метафизической фазѣ мышленія отнюдь не исключаетъ здоровой, *частичной*, критики общественныхъ явленій. Развѣ изъ того, что Прудонъ изучалъ и разобиралъ учрежденіе собственности, показавъ всѣ ея *противорѣчія*, вытекаетъ, что онъ приобрѣлъ научные взгляды на всю область человѣческаго вѣдѣнія? Отнюдь нѣтъ! Въ томъ-то и дѣло, что онъ всю свою жизнь былъ *частичнымъ* мыслителемъ, почему его болѣе обширные трактаты, какъ, напр.: «*De la création de l'Ordre*» и «*De la justice*», грѣшатъ метафизической основой, т.-е. апіорическимъ установленіемъ одного какаго-нибудь принципа. Когда Прудонъ писалъ свой первый мемуаръ о собственности онъ не только былъ еще «завязаннымъ» метафизикъ, но даже если не чистый католикъ, то вѣрующій католическаго склада. Да и нѣтъ тутъ никакого вопіющаго противорѣчія. Мы знаемъ, что при самомъ расплывчатомъ мистицизмѣ можно стоять за социальное равенство и вооружаться противъ всѣхъ установленій экономическаго строя, считая ихъ узурпаціею и прерогативою капитала, т.-е. правомъ сильнаго. Противорѣчія тутъ, повторяемъ, нѣтъ, когда дѣло идетъ о критикѣ *отдѣльнаго общественнаго явленія*. Дѣловой, не мистическій умъ Прудона внесъ въ эту критику весь

научный запасъ свѣдѣній и приѣмовъ, каковымъ онъ обладалъ, почему его работа и обратила на себя вниманіе; но Прудонъ — *носителъ общаго міровоззрѣнія* — въ это время продолжалъ развиваться и платить дань недостаткамъ своего умственного склада и житейскихъ обстоятельствъ. Вотъ эту-то сторону въ умственной жизни Прудона можно изслѣдовать только при помощи его переписки. Такой фактической анализъ переписки Прудона долженъ способствовать установленію болѣе правильныхъ взглядовъ на его умственный складъ; но мы вовсе не задавались исключительною цѣлью растолковывать читателямъ, наприм., что Прудонъ — не Дарвинъ и не Тиндаль. Конечно, чѣмъ разностороннѣе будетъ разработана дѣятельность и жизнь того или иного крупнаго человѣка, тѣмъ меньше останется недоразумѣній. Пускай другіе займуться подробной критикой Прудона, какъ соціальнаго изслѣдователя и политическаго дѣятеля; чѣмъ скорѣе появится такой трудъ — тѣмъ лучше будетъ въ интересъ истины. Наша задача гораздо скромнѣе; но ея значеніе нисколько отъ того не умаляется. Если справедливо, что Прудонъ вложилъ въ свою интимную переписку главнѣйшіе моменты развивающагося міросозерцанія; если общій складъ идей и приѣмовъ имѣетъ всегда и во всемъ первенствующее значеніе у людей искреннихъ и сильныхъ по натурѣ, то и наша частная задача не только ясно обособляется, но и служитъ необходимой расчисткой для дальнѣйшихъ, болѣе специальныхъ изслѣдователей. Это правда, что въ наше время (болѣе практическое и дѣловое) теоретическій складъ идей, совокупность философскихъ и научныхъ воззрѣній не имѣютъ, по убѣжденію многихъ, большой важности для тѣхъ или иныхъ общественныхъ явленій, или въ дѣятельности отдѣльнаго человѣка. Отсюда можетъ породиться воглась: «что намъ за дѣло до того, что Прудонъ былъ метафизикъ! Намъ важно то, что онъ въ то же время думалъ и писалъ о собственности!» Доводъ этотъ изобличаетъ только свое время и служитъ характеристикой его. Справедливость требуетъ однако сказать, что не только у насъ, но даже и на Западѣ попадаетъ подобное же смѣшиваніе людей, принциповъ и теорій. Стоить только желающему взять въ руки хоть бы, напр., книжку А. Сюдра: «Исторія коммунизма», написанную, если не ошибаемся, на премію и показывающую, что авторъ читалъ всѣхъ писателей, о которыхъ онъ трактуетъ. И что же? Въ отдѣлѣ коммунистовъ «новѣйшаго времени» стоитъ Прудонъ. Историкъ коммунизма, конечно, прочелъ сочиненія Прудона; но какъ онъ ихъ читалъ, освободился ли отъ предвзятыхъ идей и предубѣжденій, спокойно ли обсудилъ все, что слѣдовало? — вотъ вопросъ. —

А эта книжка разошлась во Франціи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, и всѣ повторяютъ фразы, вычитанныя у Сюдра и ему подобныхъ, весьма *приличныхъ* и *убѣжденныхъ* экономистовъ. Переписка Прудона открываетъ намъ совершенно другіе горизонты въ его умственномъ развитіи, въ складѣ его ума; общепринятая сортировка людей по готовому шаблону и простое накладываніе на ихъ имена тѣхъ или другихъ этикетовъ оказываются неудобными. «Прудонъ въ его сочиненіяхъ» можетъ быть совершенно понятъ только при помощи «Прудона въ его письмахъ».

I.

За то время, которое обнимаетъ собою второй томъ, въ Прудонѣ совершился процессъ основной теоретической разработки всѣхъ существенныхъ частей его міровоззрѣнія. Какимъ захватили его политическія событія 1848 года, такимъ онъ и останется, по крайней мѣрѣ, до своего трехлѣтняго тюремнаго заключенія, которое прервало его журнальную дѣятельность и его банковое предпріятіе. Послѣдующій, третій томъ, не меньшаго объема, чѣмъ второй, представляетъ рѣзкую противоположность крайнею бѣдностію своего содержанія — *для нашей задачи*. Вы сразу же попадаете въ атмосферу ежедневныхъ сношеній главнаго редактора, переписывающагося изъ тюрьмы со своими сотрудниками о томъ: какъ надо повести ту, или иную политику въ ежедневныхъ передовыхъ статьяхъ и статейкахъ. Поэтому-то и приходится намъ совершенно иначе пользоваться различными томами одной и той же переписки... Нѣсколько писемъ второго тома, даже нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ, стоятъ цѣлаго тома, съ такимъ содержаніемъ, какъ, напр., упомянутый нами третій, хотя для біографа и онъ далеко не безынтересенъ. Достоинство второй половины того періода, который можно назвать *жиздительною*, насколько то проявляется въ перепискѣ, состоитъ и въ гораздо большей *ровности*, послѣдовательности, научности идей, новыхъ воззрѣній, приемовъ, точекъ зрѣнія. Вся эта переписка, по нѣмецкому выраженію «aus einem Guss», при всей своей разнообразной отзывчивости не только на собственные умственные требованія, но и на письма знакомыхъ, пріятелей и самыхъ близкихъ друзей. Начинается она 1842 годомъ и идетъ до половины 1849-го.

Изъ 14-ти писемъ, сохранившихся отъ 1842-го года, цѣлыхъ восемь приходится на долю Бергмана. Въ началѣ января этого

года Прудонъ проживалъ въ Безансонѣ, гдѣ продолжалъ свои труды, по философскимъ и экономическимъ вопросамъ. Въ письмѣ, отъ 2-го января, онъ говоритъ: «что же до меня, дорогой другъ, я все сильнѣе погружаюсь въ *экономію* и социалистическія изысканія; не писалъ тебѣ давно потому именно, что собирался послать тебѣ новую брошюру и дожидался ея конца. Нападки со стороны фурьеристовъ, вмѣстѣ съ особой важностью обстоятельствъ, заставили меня взаться опять за перо и, защищая самого себя, пустить родъ программы болѣе значительнаго сочиненія, которое я теперь готовлю. Ты, я полагаю, въ состояніи будешь судить о дальнѣйшихъ трудахъ моихъ по этому объявленію; и, быть можетъ, не удивишься моему предсказанію, что черезъ два года я весь, со всѣмъ моимъ добромъ (*avec armes et bagages*), перейду къ правительству».

Но пока онъ собирался дѣлаться «правительственнымъ агентомъ», прокурорскій надзоръ города Безансона привлекъ его къ отвѣтственности, тотчасъ по отбѣздѣ его оттуда въ Парижъ. Прудонъ нивакъ не ожидалъ такого сюрприза, и въ письмѣ къ Бергману, изъ Парижа, отъ 23-го января, сообщаетъ объ этомъ съ искреннимъ изумленіемъ. Но онъ надѣется, что его оправдаютъ потому, что безансонскіе жители, изъ тѣхъ по крайней мѣрѣ, которые способны понимать то, что они читаютъ, смотрятъ на него довольно спокойно.

«Этотъ человѣкъ», говорятъ они, «ни коммунистъ, ни чистый республиканецъ; онъ требуетъ уничтоженія собственности; но говоритъ объ этомъ уничтоженіи, какъ объ *органическомъ преобразованіи*, совершающемся лишь посредствомъ развитія. По его мнѣнію, никакое *разрушеніе*, *замѣщеніе* или *революція* не годится. Стало-быть, онъ долженъ придти къ тому выводу, что собственность надо оставить тѣмъ, въ чьихъ она теперь рукахъ, требуя только развитія извѣстныхъ принциповъ, уже признанныхъ и долженствующихъ, по его теоріи, уравновѣсить собственность и сдѣлать ее всеобщей; стало быть, онъ желаетъ сохраненія іюльскаго правительства, съ такимъ министерствомъ, которое было бы способно выполнить такое преобразование и такое развитіе».

«И все это—*совершенно вѣрно*; я подвергаю критикѣ собственность не какъ переходную форму, но какъ форму окончательную; я нападаю на людей министерства не за то, что они связаны съ іюльскимъ правительствомъ, а за то, что они желаютъ извратить его послѣдствія».

Онъ сообщаетъ, вслѣдъ за тѣмъ, что послалъ министру вну-

тренихъ дѣлъ, Дюшателю, еще до полученія извѣстія о томъ, что его преслѣдуютъ — по экземпляру всѣхъ своихъ этюдовъ. Прудонъ надѣется на то, что министр пойметъ его: «я ему показываю къ тому же, объясняетъ онъ Бергману, *какъ можно обработать въ пользу правительства самыя радикальныя теоріи*». Эта своеобразная наивность, исходившая изъ демократической дѣятельности Прудона, никогда не оставляла его. Онъ былъ постоянно убѣжденъ въ томъ, что всякое правительство могло бы *утилизировать его доктрины и его личную инициативу*. Предъ такимъ пріятелемъ, какъ Бергманъ, Прудонъ, конечно, не желалъ компрометтировать себя: слова его совершенно серьезны и проявляютъ твердую увѣренность въ выполнимости того, что онъ говоритъ. «Если въ обществѣ», доказываетъ онъ Бергману, «не должно быть ни замѣщенія, ни перерыва, надо, чтобы каждая теорія доказала свое необходимое происхожденіе отъ теоріи уже существующей, слѣдовательно, то, что она стремится сохранить послѣднюю до того момента, когда сама начнетъ дѣйствовать».

И онъ прибавляетъ, въ видѣ объясненія: «эти идеи, такіа сухія и странныя въ ихъ фивіологическомъ выраженіи, изумительны въ ихъ примѣненіи и историческомъ развитіи; надобно только растолковать ихъ министру, и дѣло мое будетъ выиграно этимъ лишь однимъ. Но сколько препятствій!...»

Въ промежутокъ времени отъ 23-го января до 8-го февраля, когда Прудонъ снова пишетъ Бергману, происходилъ судъ, на который его вызывали въ Безансонъ. Подробности этого процесса извѣстны русскому читателю по выдержкамъ изъ книги Сентъ-Бѣва. Прудонъ начинаетъ свое письмо отъ 8-го февраля извѣщеніемъ о выигрышѣ процесса, и выводитъ изъ приговора самыя выгодныя для себя заключенія: «такъ какъ этотъ приговоръ», разсуждаетъ онъ, «признаетъ, что я *человѣкъ размышленія, а не революціи, экономистъ, а не анархистъ*, что я хочу, по выраженію президента, *обратить (къ своей доктринѣ) правительство и собственниковъ*, изъ этого вытекаетъ, что я могу все говорить совершенно такъ, какъ говорить учитель или другъ, и что я признанъ стоящимъ внѣ лагерьа заговорщиковъ. Отъ меня теперь зависитъ сохранить это великолѣпное положеніе». Но онъ не можетъ, при этомъ, не сознаться пріятелю, что защита заставила его слишкомъ рано изложить свою теорію равенства и собственности передъ судьями; а по этой теоріи выходитъ, что харгія іюльской монархіи совершенно достаточна для осуществленія того экономического строя, къ какому ведетъ его доктрина. Судьи-то оправдали его, но демократы остались не со-

всѣмъ довольны такими невинными соображеніями. Въ ихъ глазахъ Прудонъ ничего не выигралъ. Это ему извѣстно. Онъ и говоритъ Бергману: «начать съ равенства и уничтоженія собственности, чтобы кончить признаніемъ и развитіемъ хартіи — это обило съ толку всѣхъ нашихъ демократовъ, такъ же точно, какъ и прокурора, во время засѣданія».

Но въ его головѣ — и то, и другое умѣщаются бокъ-о-бокъ, и не заключаютъ въ себѣ никакого противорѣчія.

«Однако-же», восклицаетъ онъ, «это такъ же прекрасно и плодотворно, какъ и вѣрно; надѣюсь — ты поймешь это».

Неизвѣстно: понималъ, или нѣтъ пріятель Прудона этотъ компромиссъ между доктриной экономическаго равенства и іюльской монархіей; да и самъ Прудонъ не остановился на немъ, и не только въ іюльской хартіи, но и въ конституціи февральской республики (какъ это ясно будетъ впоследствии) не видалъ достаточныхъ основъ для своего «органическаго преобразованія». Хотя присяжные и оправдали его, но направленіе правительства стало ему ясно послѣ процесса. Двадцать дней спустя, пишетъ онъ профессору Тиссо (отъ 28-го февраля) уже безъ всякаго оптимизма:

«Этотъ процессъ разъяснилъ мнѣ нѣсколько пунктовъ.

«1) Непремѣнное желаніе правительства противиться всякой реформѣ и нейтрализовать каждое свободное обсужденіе: *это отнимаетъ у меня всякую надежду.*

«2) Все болѣе и болѣе деспотическое и аристократическое, монопольное, развращающее и ханжеское направленіе орлеанской династіи.

«3) Союзъ духовенства съ новой властью; его возрастающее вліяніе въ дѣлахъ, его недоброжелательство и неисправимая неспособность. Какъ и вы, я думаю теперь, что было бы глупостью шадить католическія пошлости, *прикрытыя индугенціей (indulgence)* изъ-за того только, чтобы не огорчить нѣсколькихъ безобидныхъ людей; я собираюсь напасть на все это какъ слѣдуетъ».

Не одни клерикалы начинаютъ выставляться, въ глазахъ Прудона, въ настоящемъ свѣтѣ, даже и знаменитости по социализму вызываютъ въ немъ рѣзкіе отзывы, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ строкъ о Консидеранѣ, изъ того же письма къ Тиссо.

«Я только-что получилъ письмо отъ Консидерана; оно внушаетъ мнѣ мало уваженія къ нему. Консидеранъ *осмѣливается* (въ текстѣ: *ôse*) говорить мнѣ, что изъ всѣхъ моихъ сочиненій читалъ одно лишь «Воскресенье», и что онъ въ теченіи двухъ лѣтъ успѣлъ слегка просмотрѣть мою «Собственность» и т. д.;

но что онъ мнѣ отвѣтитъ, когда я опубликую мое послѣднее изданіе (что можетъ случиться черезъ двадцать или тридцать лѣтъ). Письмо это глупо и лживо (*bête et fausse*); люди всегда бываютъ глупы, когда покидаютъ правду. Впрочемъ, оно продиктовано тѣмъ духомъ интеллигентнаго подавленія, который всѣми примѣняется отлично, въ настоящую минуту. Я лично настолько счастливъ, что собралъ всѣхъ во-едино противъ моихъ изданій, что и производить, какъ я уже говорилъ, *заговоръ молчанія относительно меня*.

Въ слѣдующемъ письмѣ, адресованномъ также къ Тиссо все еще изъ Безансона, отъ 3-го марта, Прудонъ нападаетъ на своего земляка за то, что тотъ пламенный кантіанецъ: «говоря кантіанецъ», объясняетъ онъ, «я хочу сказать: увлеченный правовыми принципами Канта, его софистическимъ рационализмомъ, его теоріей чистаго разума и его психологіей. Вотъ мой вызовъ: или вы меня повалите, или я васъ поглочу». (Перифраза Гомера текста, когда Аяксъ обращается къ Улиссу: *Иліада*, XXIII, стихъ 724).

А еще не такъ давно Прудонъ съ любовью штудировалъ Канта и вообще нѣмецкую метафизику, насколько она была ему доступна въ переводахъ.

Отвѣчая Тиссо на его замѣчанія насчетъ того, какъ Прудонъ относится къ фурьеристамъ, онъ возражаетъ: «вы сожалѣете о томъ, что я не подвергнулъ болѣе подробной критикѣ систему Фурье: это оттого, что я желалъ обработать лишь вопросъ *распредѣленія*, единственный, задѣтый мною до сихъ поръ; а вопросъ *организациіи* я пока отложилъ. Каждому плоду — свое время. Политическая экономія, повторяю это въ который разъ, наука нарождающаяся; невозможно представить надлежащую критику системъ организациіи, не разобравъ предварительно принципы и законы: а законы и принципы нельзя отерывать каждый день, ихъ нельзя доказывать внутренней очевидностью (*évidence intrinsèque*). Мой отвѣтъ фаланстерьянцамъ достаточенъ, такъ какъ онъ сводится къ такимъ заключеніямъ:

- Распредѣленіе у Фурье вытекаетъ изъ организациіи.
- Но это распредѣленіе экономически ложно.
- Стало быть, общинный механизмъ (*mécanisme sociétaire*) ложенъ, *a priori*.

II.

Не забудемъ, что Прудонъ съ 1841 года принялся за такой теоретическій трудъ, въ которомъ онъ силится привести въ систему свои философскія, научныя и социальныя идеи. Сочиненіе это («De la création de l'ordre dans l'humanité») раздѣляется на шесть отдѣловъ, или *livres*, какъ онъ ихъ называетъ. Глава первая трактуетъ о *религии*; вторая о *философіи*, подъ которой Прудонъ разумѣетъ апріорическую метафизику, уже въ принципѣ имъ отвергаемую; третья о *метафизикѣ*, т.-е. о тогдашней научной философіи Прудона, объ основахъ его міровоззрѣнія; четвертая—о *политической экономіи*; пятая—объ *исторіи*; и шестая объ *отправленіяхъ* (*les fonctions*) съ заключительными взглядами на общество.

Еъ апрѣлю 1842 г., онъ уже обработалъ два отдѣла своей книги, и пишетъ отъ 3-го апрѣля, къ Флѣри: «Метафизика моя готова; повѣрьте, это—нѣчто любопытное и чрезвычайное; но ее не поймутъ сразу, и всѣ кантіанцы нападутъ на меня. Послѣ этой метафизики пойдетъ экономія, потомъ философія исторіи, потомъ много кое-чего, на что я и намѣковъ не находилъ нигдѣ до сихъ поръ. Безполезно разяснять вамъ, что во всемъ этомъ я излагаю одни лишь методы и законы: въ двухъ томахъ не развернешь картины человѣческаго ума и общества. Мнѣ хочется только открыть мину и показать ея направленіе; а зданія не воздвигнешь и въ пятидесяти томахъ. По-моему, это безконечный трудъ, требующій участія всѣхъ ученыхъ и всѣхъ вѣковъ. Если я не ошибаюсь, и если моя метафизика такъ же вѣрна, какъ я думаю, она должна вызвать революцію во всѣхъ наукахъ, нравственныхъ и философскихъ».

И тутъ Прудонъ ошибался съ порядочной долей наивности. Его *метафизика* не произвела никакой революціи въ *нравственныхъ* и философскихъ *наукахъ*. Она прошла незамѣченной; а для теперешней мыслящей публики представляетъ одинъ лишь интересъ замѣчательной похитки крупнаго ума. Прудонъ слишкомъ удовлетворялся формальнымъ мышленіемъ, хотя и уничтожалъ логическое философствованіе, отвергаемое имъ во второмъ отдѣлѣ своей книги. По частнымъ вопросамъ социальной критики, его сужденія и предсказанія, которыми такъ богата его корреспонденція, выходятъ гораздо вѣрнѣе и серьезнѣе. Такъ, добываясь отъ профессора Тиссо полной критики «Мемуара о собственности», онъ пишетъ ему, отъ 21-го апрѣля: «замѣчаю одну вещь:

въ собственности *экономисты* хотятъ видѣть не что иное, какъ пружину, которая до сего времени созидала капиталы; *юристы* же—одну лишь верховность человѣка надъ вещью и передачу этой верховности, принципъ порядка и власти; *философы* видятъ въ ней, главнымъ образомъ, индивидуализированіе личности въ обществѣ и проявленіе «я» въ вещахъ. И такъ какъ и тѣ и другіе спрашиваютъ:—безъ собственности какъ понять образованіе капиталовъ; безъ собственности какъ вообразить себѣ принципъ порядка и правительства; безъ собственности куда дѣнется характерный признакъ личности?—то и выходитъ, что, несмотря на силу возраженій, несмотря на значительность сомнѣній, никто не поколебленъ въ своихъ взглядахъ... Впрочемъ, признаю, что собственность, вопреки всѣмъ своимъ порокамъ (*vices*)—одинъ изъ тѣхъ принциповъ, которые не слѣдуетъ и невозможно даже покидать иначе, какъ замѣнивъ его другимъ принципомъ, свободнымъ отъ недостатковъ перваго и способнымъ имѣть всѣ его благія слѣдствія».

Въ письмѣ къ Бергману отъ 9-го мая, все еще изъ Безансона, Прудонъ сильно и послѣдовательно говоритъ о потакательствѣ французскаго учебнаго вѣдомства (*université*) безсодержательному клерикализму, господствующему въ массахъ рядомъ съ отсутствіемъ всякихъ прочныхъ вѣрованій. Онъ надѣется, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ критикѣ собственности, явится человѣкъ, способный нанести рѣшительный ударъ: «электизмъ, — пишетъ онъ, — поставлены будутъ въ необходимость формулировать свои обобщенія: нѣкоторое время продлится колебаніе; будутъ даже кричать на непрощеннаго бойца; потомъ помирятся съ нимъ, и мы заживемъ мирно. Вотъ на что я надѣюсь и чему я вѣрю. Такъ какъ ничто не дѣлается на свѣтѣ безъ маленькаго беспорядка и шума, надо на это идти и готовить минуту врывиса, какъ дѣлаютъ это искусные доктора. А у насъ — одни лишь эмпирики».

«Мнѣ хотѣлось бы, чтобы хоть *одинъ* изъ университетскихъ, на которыхъ доносить (клерикалы), вмѣсто того, чтобы вопить о клеветѣ, смѣло отвѣтилъ: «*нѣтъ, я болѣе не католикъ; а вы, вы — неутѣды*». Но эти господа предпочитали поступать подобно Вольтеру, писавшему противъ «*l'Infame*», продолжая говѣть».

Всего сильнѣе возмущаетъ его лицемѣрная ортодоксальность Кузена; но всѣми этими вопросами онъ интересуется мимоходомъ; въ это время его поглощаетъ книга «*De la création de l'ordre*», и онъ сообщаетъ Бергману: «я дѣлательно тружусь надъ моимъ новымъ сочиненіемъ. Ожидаю отъ него установленія всей

моей репутаціи и моего окончательнаго сопричисленія къ мыслителямъ. *Не смѣю еще надѣяться на то, что правительство пойметъ достоинство моихъ изслѣдованій*; люди власти всегда до таковой степени предубѣждены, что истина пугаетъ ихъ, и они скорѣе припрчутъ ее, чѣмъ будутъ распространять. Человѣкъ, предназначенный къ тому, чтобы во всякомъ открытіи найти новый источникъ и новый способъ организаціи, — такой человѣкъ еще не явился».

И вслѣдъ затѣмъ, Прудонъ говоритъ Бергману, что, быть можетъ, посвятить ему одну изъ главъ своей книги, или, какъ онъ выражается, «поставить ее (т.-е. главу) подъ патронатъ его имени». Это посвященіе дѣйствительно состоялось, и мы читаемъ въ «De la création de l'ordre» цѣлую страницу посвященія Бергману, съ примѣчаніемъ къ слову «метафизика», сдѣланнымъ самимъ Прудономъ при позднѣйшемъ изданіи книги. Вотъ текстъ этого примѣчанія:

«Мы уже замѣчали, что авторъ понимаетъ подъ *метафизической* то самое, что г. Огюсть Контъ называетъ *положительной философiей*. Прибавимъ, что эта метафизика отвѣчаетъ по своей сущности тому, что нѣмцы называютъ *логикой*».

Замѣтимъ, съ своей стороны, что Прудонова метафизика, въ томъ видѣ, какъ она изложена во второй главѣ его книги, далеко не обнимаетъ собою содержанія «положительной философiи» Конта, которая не ограничивается логическою стороною мышленія; да и нѣмцы метафизическаго закала разумѣютъ подъ «логикой» нѣчто иное.

Пріятелю своему Аккерману Прудонъ давно не писалъ, почему и долженъ былъ, въ письмѣ отъ 23-го мая, разсказать ему всю свою судебную исторію, которая обошлась ему не дешево, въ смыслѣ душевныхъ испытаній. Но онъ доволенъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что «уже около двухъ лѣтъ способствуетъ, болѣе кого-либо, перестановкѣ почвы политическихъ преній». Ему даже кажется, что этимъ путемъ онъ «косвенно послужилъ власти и порядку». Но онъ не обольщаетъ себя популярностью. «Меня не любятъ, — говоритъ онъ Аккерману. — Бланкъ писалъ мнѣ: *правительство отдаетъ справедливость вашему характеру, но сожалѣетъ о вашемъ направленіи*. Что же! Я хочу, чтобъ мое направленіе было направленіемъ правительства, и я васъ увѣряю, что это будетъ такъ».

Далѣе онъ формулируетъ упреки, дѣланные съ разныхъ сторонъ его психологической доктринѣ, или, лучше сказать, идеѣ правды и справедливости (justice). Это мѣсто интересно, въ осо-

бенности, потому, что Прудонъ остался съ тѣмъ же основнымъ воззрѣніемъ на свою «justice», когда писалъ о ней цѣлую большую книгу: «De la justice», о которой мы уже упоминали.

«Справедливость, говорятъ мнѣ, точно также, какъ и идея прекраснаго, есть понятіе, первоначальная и существенная форма нашей души; а я дѣлаю изъ нея физиологическую принадлежность (*attribut physiologique*), общую человѣку и животнымъ, которые отличаются между собою лишь количественно и тѣмъ еще, что извѣстныя идеи, присущія человѣку, отсутствуютъ у животныхъ. Разумѣется, еслибъ я не прочелъ всего, что было сказано до меня, эта доктрина, такъ рѣзко заявленная, доказывала бы большое невѣжество; но я хотѣлъ лишь представить въ немногихъ словахъ и почти въ загадочной формѣ (*d'un façon presque énigmatique*) мои психологическія мнѣнія; надо видѣть конецъ. Я чисто-на-чисто отрицаю всю психологію и всю метафизику Канта; что же до физиологіи, то я сильно боюсь: не принимаютъ ли господа нѣмцы свою неутомимую эрудицію за научную глубину; и хотя я не анти-физиологъ, но я не намѣренъ признавать ихъ верховный авторитетъ въ чемъ бы то ни было».

Далѣе, онъ очень остроумно и вѣрно характеризуетъ туманную манеру нѣмцевъ обрабатывать философскіе и всякіе другіе вопросы. Видно, что къ этому времени Прудонъ высвободился изъ-подъ обаянія нѣмецкихъ авторитетовъ совершенно *по-своему*, т. е. съ безцеремонностью мыслящаго простолюдина. «Меня не проведешь, — пишетъ онъ, — ни метафизикой, ни формулами Гегеля; я называю кошку кошкой, и не считалъ бы себя докой, говоря, что это животное есть дифференціація великаго цѣлаго, и что Богъ приходитъ къ самопознанию въ моемъ мозгу. Если эту метафизику немного пожать, то легко придти къ такому выводу, что интеллигенція, находящаяся въ *скрытомъ* состояніи (*latente*) въ неорганической матеріи, достигаетъ *maximum'a* силы и дѣятельности въ человѣкѣ, что можетъ подойти одинаково и къ пантеизму, и къ матеріализму. Нечего сказать, глубокая философія!» «Абстрагируя изъ природы всякое различіе и всякую специализацію, остается нуль формы; это состояніе есть чистая тождественность...» или: «Всякое существо есть дифференцированная часть того же и проч.» Переверните это съ помощью тавтологическихъ формулъ и словесныхъ отвлеченностей Гегеля, и вы произведете подобіе всемірной системы, которая покажется гениальной и глубокой; но ровно ничему васъ не научить.

«Впрочемъ, — продолжаетъ Прудонъ, — мое сочиненіе о политической организаціи будетъ кончено черезъ шесть мѣсяцевъ. Я

не стану въ немъ претендовать на то знаніе подробностей, которыми такъ увлекается Германія; *дважды-два-четыре*, мнѣ этого достаточно, и мнѣ нѣтъ надобности перечислять всѣ яйца, всѣхъ быковъ, всѣ деревья, всѣ грибы, про которыхъ можно сказать: *дважды-два-четыре*. Точно тоже, для меня, и все остальное. Посмѣютъ ли мнѣ доказывать, что система Гегеля не есть формула: *тезисъ, антитезисъ, синтезъ*, принятая за законъ *дифференцированія абсолютнаго*, и послѣдовательно примѣненная, съ шумомъ и большой церемоніей ко всѣмъ вопросамъ философіи, искусства, права и проч.?

«А для меня, любезный другъ, все это — дѣтство, а не наука».

Въ этомъ обширнѣйшемъ письмѣ, гдѣ Прудонъ подъ рядъ говоритъ о множествѣ предметовъ, замѣчательно еще и то, что мысль — сдѣлаться полезнымъ правительству или обратить его къ своимъ идеямъ, не перестаетъ копошиться въ его головѣ. Въ самомъ концѣ письма онъ опять повторяетъ: «буду добиваться того, чтобы сдѣлаться терпимымъ, даже въ глазахъ власти».

Книгу свою Прудонъ писалъ неровно: то съ энтузіазмомъ, то съ паденіемъ силъ, что онъ и сообщалъ пріятелю своему Антуану Готьё въ письмѣ отъ 5-го іюля, прибавляя однако о своей увѣренности въ глубинѣ произведенія, которое начнетъ собою «истребленіе всѣхъ предразсудковъ». Пріятель его стоялъ вдалекѣ отъ всякихъ метафизическихъ тонкостей, и Прудонъ своими словами «разъясняетъ ему» суть книги:

«Въ этомъ году, — пишеть онъ въ томъ же письмѣ, — я напечатаю всего одинъ томъ въ 500 страницъ; онъ будетъ содержать самую большую часть моихъ надеждъ (*espérances*), и въ томъ числѣ мой *методъ*. Представь себѣ, чтобы понять, что это такое, что ариметика не существуетъ, и что среди нашей цивилизаціи мы считаемъ такъ, какъ это дѣлали римляне, жетонами и особыми приводами. Вдругъ является человѣкъ съ десятью цифрами и ихъ сочетаніями, сложеніемъ, умноженіемъ, дѣленіемъ, извлеченіемъ корней, пропорціями, логарифмами; это было бы изумительно! Мой методъ есть четвертый терминъ слѣдующей серии: *геометрія, ариметика, алгебра...* своего рода вычисленіе, приложимое ко всѣмъ идеямъ и возможнымъ вопросамъ, такое же точное, какъ математика, но еще болѣе общее. Мнѣ нужно еще восемнадцать мѣсяцевъ, чтобы все это обработать; нужда, боязнь будущаго, желаніе быть указателемъ на неизвѣстномъ пути, съ самыхъ первыхъ шаговъ, заставляютъ меня ускорить изданіе моего труда».

Чтобы понять опредѣленіе, какое Прудонъ даетъ своему методу: «четвертый терминъ серіи», слѣдуетъ обратиться къ его книгѣ, гдѣ въ основу всего мировоззрѣнія положена догма *«порядка какъ совокупности явленій, расположенныхъ серіями, или симметріями»*. Прудонъ выводитъ изъ наблюденія мировой дѣйствительности законъ *серій (loi sérielle)*, которымъ онъ, по-своему, объясняетъ и природу, и прогрессъ человѣческаго общества. Одно изъ его общихъ положеній всего нагляднѣе выражаетъ систему мышленія, до какой онъ дошелъ: «L'ordre (въ смыслѣ указанномъ нами) est tout ce que l'homme peut savoir de l'univers». Въ другомъ общемъ положеніи онъ доходитъ до трехъ фазъ развитія человѣчества, указанныхъ Огюстомъ Контомъ, если предположить, что съ доктриной Конта онъ, и въ это время, не былъ знакомъ: J'entends par Progrès la marche ascensionnelle de l'esprit vers la Science, par les trois époques consécutives de Religion, Philosophie, et Métaphysique ou méthode». Мы нарочно привели это мѣсто по-французски, чтобы переводъ его не подалъ повода къ недоразумѣніямъ. Сходство съ тремя «фазами» Конта тѣмъ поразительнѣе, что подъ «философіей» Прудонъ разумѣетъ *метафизику*, а подъ «метафизикой», какъ мы видѣли, нѣчто замѣняющее для него *положительное мышленіе* или «методъ».

Въ письмѣ къ Тиссо, отъ 31-го іюля, Прудонъ опять говорить про усиленные занятія, которыми онъ желаетъ смирить полѣты своего темперамента и воображенія; «я предполагаю слѣлаться опять памфлетистомъ въ сорокъ лѣтъ; такъ какъ я могу добиться успѣха въ этомъ родѣ, то я и не хочу приступать къ нему налегѣй». И опять находимъ мы выходку противъ фурьеристовъ, гораздо болѣе рѣзкую, чѣмъ въ первый разъ: «еслибы существовалъ Поль-Луи-Курье (воскликаетъ Прудонъ, рассказавъ Тиссо, какъ Консидеранъ обидѣлся его спокойнымъ и объективнымъ письмомъ), фурьеристовъ и ханжей достаточно было бы для его безсмертія; я постараюсь отдѣлывать ихъ хоть для собственной забавы».

Бергману Прудонъ сообщаетъ, отъ 29-го сентября, что книгу свою онъ началъ переписывать. Упомянувъ, во второй разъ, о посвященіи Бергману главы: «Метафизика», Прудонъ замѣчаетъ:

«Подъ этимъ именемъ, до сей поры ничего незначившимъ, я далъ теорію всемірнаго закона (т.е. закона *серій*, о которомъ мы выше говорили); однимъ словомъ, я прибавилъ 4-й томъ (онъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать: 4-й терминъ) къ этой серіи: *геометрія, арифметика, алгебра*... Это—ни болѣе, ни менѣе, какъ новая

наука, отъ которой я ожидаю радикальнаго переворота въ томъ, что называютъ *философіей*, совершенно такъ, какъ мои идеи о *собственности* ведутъ къ радикальному перевороту въ юриспруденціи». Бергману же написаны и два послѣднихъ письма, изъ 1842 года. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 26-го декабря, Прудонъ, сообщая о томъ, что книга его печатается медленно, цитируетъ ея полное заглавіе и содержаніе шести главъ, и говоритъ: «по моему, *религія* и *философія*—особенныя и переходныя состоянія разума, долженствующія *улетучиться* (*s'évapourer*) въ чистую науку. Однако, мое отрицаніе не касается *объективной реальности* религіи и философіи, а только ихъ *умозрительной формы*. Другими словами, я признаю законность поднимаемыхъ ими вопросовъ (значить, допускаетъ *анти-позитивные* предметы изслѣдованія), реальность отыскиваемого ими объекта; но я отвергаю ихъ заключенія...

«Я разумѣю подъ *метафизикой* всемірную теорію законовъ природы и мысли. Въ этой главѣ (т.-е. въ главѣ, названной «*Метафизика*») я претендую на то, что Кантъ объявилъ невозможнымъ, именно: обработать аподиктически вопросы нравственные, политическіе, философскіе, способомъ математиковъ, т.-е. построеніемъ понятій, *construction des concepts*—(кантіанское выраженіе).

«Само собою разумѣется, что тутъ дѣло идетъ не о линіяхъ, не о цифрахъ, не о механикѣ или объ алгебрѣ, а о чемъ-то схожемъ съ ними. За-разъ я рѣшаю нѣкоторые метафизическія задачи, каковы: абсолютное мѣрило вѣрности, реальность тѣлъ и проч.; рѣшенія эти совершенно новыя и показываютъ предметы съ изумительной точкой зрѣнія. Эту-то главу, самую важную часть моего сочиненія, я и ставлю подъ твое покровительство.

«Политическая экономія есть приложеніе всемірной теоріи, слѣдовательно, наука *a priori*. Исторія есть изложеніе тѣхъ же идей, показанныхъ въ самой природѣ и въ обществѣ, по абсолютнымъ законамъ, управляющимъ существующими функціями».

Вслѣдъ за этимъ идетъ текстъ самаго посвященія, уже упомянутого нами.

Во второмъ письмѣ, отъ 30-го декабря, мы наталкиваемся снова на фразу, показывающую, какъ Прудонъ занятъ былъ возможностью служить правительству, не измѣняя своимъ идеямъ и принципамъ: «мнѣ удастся въ одно и то же время: быть самымъ крайнимъ реформаторомъ эпохи, и пользоваться протекціей власти».

Издатели «Переписки» поставили подъ письмомъ къ Аекерману, идущимъ вслѣдъ за письмомъ къ Бергману, отъ 30-го де-

кабря, два года: 1842, 1843. Оно, дѣйствительно, могло быть писано въ концѣ одного или въ началѣ другого. Неизвѣстность числа и мѣсяца произошла оттого, что начало письма было разорвано. Съ того мѣста, которымъ начинается сохранившійся отрывокъ (довольно большой), Прудонъ говорить, очевидно, о своей новой книгѣ, которую Аккерманъ уже получилъ отъ него. Онъ отвѣчаетъ на замѣчанія Аккермана и защищаетъ свою скромность, говоря, что онъ вовсе не желалъ равнять себя съ Гегелемъ, Кантомъ или Ньютономъ въ метафизическихъ (т.-е. по егоomenclature—*научно-философскихъ*) вопросахъ:

«Безцеремонность,—продолжаетъ онъ,—съ какою я говорю о самомъ себѣ и о моихъ предшественникахъ, должна вамъ показаться лишь однимъ выраженіемъ чувства равенства, живущаго во мнѣ, равенства, въ которое я вѣрю всей душой и которое, по моему мнѣнію, должно со временемъ распространиться и на интеллигентныя личности. Охотно вѣрю, что я никогда не буду ни Кантомъ, не Лейбницемъ; мнѣ недостаетъ на это слишкомъ многого, не по природѣ, а со стороны житейской. Но признаюсь вамъ, вотъ уже два или три года, какъ умственная работа научила меня смотрѣть безъ боязни на всѣхъ этихъ великихъ гениевъ, которымъ, по справедливости, такъ изумляется толпа, находить ихъ гораздо ближе къ намъ, нежели намъ это кажется. Слѣдуя все той же психологіи, я пришелъ къ тому убѣжденію (несколько этимъ не гордясь), что я могу (какъ и каждый хорошо организованный человѣкъ) приобрести трудомъ и хорошимъ методомъ или вооруженіемъ себя (*instrumentation*) ту же самую умственную силу, какъ и тѣ люди, съ которыми вы меня иронически сравниваете; прибавлю, что умственная слабость, глупость, невѣжество, узость пониманія, являются пертурбаціями, *аномаліями*, которыя соціальныи прогрессъ долженъ устранить; настанетъ день, когда огромное большинство людей, не дѣлаясь тождественными, будутъ равныхъ способностей вмѣстѣ съ установленіемъ равенства въ заработной платѣ.

«Всѣ эти вѣроятія могутъ быть вздоромъ, но они уничтожаютъ даже тѣнь гордости, даже возможность самолюбиваго самомнѣнія».

III.

Въ концѣ письма Прудонъ говоритъ, что отправляется на шесть недѣль въ Парижъ; но слѣдующій, 1843 годъ, начинается письмомъ къ Флѣри, отъ 22-го января, пущеннымъ опять-таки изъ Безансона. Съ Флѣри Прудонъ толкуетъ на общую политическую тему революціоннаго движенія. Его объективная дѣльность въ политическихъ сужденіяхъ связывается достаточно ярею въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«Нація хотѣла неодолимо и по меньшей мѣрѣ того, что создало учредительное собраніе, съ дальнѣйшей возможностью поправокъ и исправленій, и то, что установило это собраніе,—въ общемъ принципъ представительнаго правленія, равенство передъ закономъ, свобода совѣсти и свобода печати. Но кто осмѣлится сказать, что эти принципы не могли бы дать своихъ результатовъ безъ катастрофъ 21-го января, 31-го мая, и проч., и проч.?

«Почему нація не могла удержаться въ принципахъ 89-го года, и какъ объяснить послѣдующія событія? По-моему, вышло все оттого, что съ эпохи 89-го года и въ то самое время, какъ эмансипировалась буржуазія, ставился и вопросъ пролетаріата, вопросъ, который могъ быть разрѣшенъ, какъ послѣдствіе реформы 89 г.; но народъ, возмущаемый нѣсколькими демагогами, привыкъ смотрѣть на этотъ вопросъ, какъ на послѣдній терминъ недоконченной серіи, именно: *король, духовенство, дворянство, буржуазія; народъ*. Видя противодѣйствіе де-Бальи, Лафайетта, даже Мирабо, а позднѣе жирондистовъ, народъ съ упорствомъ сталъ отдѣлять свои интересы отъ интересовъ буржуазіи: чѣмъ больше онъ встрѣчалъ препятствій, тѣмъ сильнѣе его вожаки кричали о контръ-революціи, тѣмъ движеніе дѣлалось неистовѣе, пока масса не одолѣла интеллигенціи и *status quo* консервативной партіи. Но такъ какъ трибунамъ не хватало опытности, а рѣчами и чувствами не организуешь общества, республика не могла жить; буржуазныя учрежденія остались; стремленія пролетаріата ни къ чему не привели, и все надо начинать сызнова.

«На основаніи этого, я могу высказать мое мнѣніе о Робеспьерѣ. Отставляя къ сторонѣ дурныя и хорошія свойства этого человѣка, его ограниченность, его реторику и проч., я думаю, что въ немъ, какъ въ Дантонѣ и другихъ, не было ничего, кромѣ упованій и стремленій, не было вовсе оригинальныхъ идей, формулированныхъ доктринъ. Робеспьеръ, еслибъ онъ сдѣлался всемогущимъ, заставилъ бы насъ жить какъ пиеагорейцевъ или

гражданъ республики Платона, т.-е., что его воля дѣлала бы все, какъ въ заведеніяхъ Оуэна, и ничто не могло бы существовать по личной энергіи и по абсолютнымъ законамъ. Робеспьеръ хотѣлъ быть отцомъ-аббатомъ, пріоромъ и свитителемъ французскаго монастыря; онъ любилъ процессіи и парады; республика должна была радоваться и считать себя осчастливленной, а общее благосостояніе возрастать всякій разъ, какъ онъ дѣлалъ воззванія къ Верховному Существо, напудренный и разодѣтый, на Марсовомъ полѣ.

«Вотъ, любезный другъ, все, что мнѣ пришло въ голову по поводу вашего вопроса (на тему революціи); это не особенно учено и глубоко, поэтому-то оно, кажется, и вѣрно».

Въ этихъ воззрѣніяхъ Прудона содержится уже рѣзкій протестъ противъ догматизма французскихъ революціонныхъ вожаковъ, когда они дѣйствуютъ съ ограниченностью якобинизма. Прудонъ не измѣнилъ своему взгляду и впослѣдствіи, выступивъ на дѣятельное политическое поприще, какъ депутатъ и журналистъ. Мистики социальнаго равенства—фурьеристы и догматики французскаго республиканизма—якобинцы, одинаково обличались имъ во имя болѣе здоровой, болѣе научной критики.

О посвященіи третьей главы своей книги Прудонъ опять пишетъ Бергману. Въ этомъ посвященіи онъ измѣнилъ то мѣсто, гдѣ говорить о религіи, чтобы выгородить Бергмана въ глазахъ его университетскаго начальства. Начинаетъ же онъ письмо отъ 4-го февраля сообщеніемъ о продажѣ своей типографіи съ дефицитомъ въ 7,000 франковъ ¹⁾ и о томъ, что префектъ не далъ ему мѣста, на которое онъ рассчитывалъ въ Безансонѣ. Вплотъ до августа идутъ письма домашнія или дѣловыя; 4-го августа онъ пишетъ Морису изъ Ліона:

«Я не имѣю никакихъ извѣстій о моей книгѣ (рѣчь идетъ все о томъ же сочиненіи «De la création de l'ordre»); я сдѣлалъ ее такой вяжкой, такой скучной и неудобоваримой, что у немногихъ достанетъ мужества дойти до конца; а чтобы хорошо ее понять, надо читать медленно и по два раза. Правда, что тѣ не станутъ рассказываться, кто можетъ принести эту жертву. Они узнаютъ болѣе новыхъ вещей, чѣмъ сколько ихъ произведено въ теченіи послѣднихъ шестидесяти лѣтъ. Вотъ, въ ожиданіи приговоровъ критики, что я самъ смѣю думать о моемъ сочиненіи.

«Если ваши дамы увидятъ нѣкоторые параграфы моего труда, гдѣ ставится вопросъ уничтоженія культовъ, скажите имъ пожалуйста,

¹⁾ По другому письму: въ 10,000 фр.

что тутъ метафизическія умозрѣнія, чуждыя привычкамъ прекраснаго пола, что дѣло идетъ вовсе не объ уничтоженіи честныхъ, возвышенныхъ, таинственныхъ чувствъ и сладостныхъ надеждъ, внутреннихъ религіей, а о томъ, чтобы доставить этимъ чувствамъ и этимъ надеждамъ научную, положительную основу, которая ихъ преобразовываетъ, очищаетъ, и отнимаетъ ихъ у теологической области. Вотъ что я могу сказать самаго простого и яснаго объ этой главѣ, которая выставитъ меня сейчасъ же антихристомъ. Но ваши дамы давно развили въ себѣ терпимость и милосердіе; онѣ знаютъ, что и атеиста, если онъ совершенно честный человѣкъ, не слѣдуетъ отталкивать изъ-за одного этого; онѣ создали себѣ скорѣе дѣятельную религію, чѣмъ умозрительную вѣру. Позволю себѣ призвать ихъ къ этимъ привычкамъ сердца и ума, если когда-нибудь имъ захочется охуждать мое намѣреніе и мои взгляды».

Довольно замѣчательно это желаніе Прудона примирить съ собою даже и женщинъ-католичекъ. Нельзя назвать его *уклончивымъ*, въ дурномъ смыслѣ; но онъ всегда сохранялъ особый складъ аргументаціи, по которой выходило, что его идеи, какъ онѣ ни страшны для консерваторовъ и людей традиціи, все-таки должны быть ими допускаемы и даже раздѣляемы. Несомнѣнно и то, что въ Прудонѣ жила, рядомъ съ смѣлостью, приводившей его къ штрафамъ и тюремнымъ заключеніямъ, своего рода осторожность, казавшаяся многимъ якобинцамъ подозрительной. И про смѣлость его можно сказать, что она была часто безсознательная, т.-е., что Прудонъ искренно вѣрилъ, въ данную минуту, въ невинность или въ неопасность того, что онъ защищалъ или проводилъ въ печати.

Своей жизнью въ Ліонѣ онъ былъ сразу недоволенъ, и говорить Морису: «вы понимаете, что мнѣ вовсе не пристало барахтаться всю мою жизнь въ этой ліонской грязи». Но онъ не скоро изъ нея выбрался, состоя на частной службѣ у своихъ пріятелей судопромышленниковъ. Надѣвъ на себя хомутъ судоприказчика, Прудонъ нисколько не отказывается отъ теоретическихъ трудовъ и продолжаетъ вести переписку отвлеченнаго характера. Одинъ изъ его корреспондентовъ, Потье, поздравлялъ его съ постановкою закона *серій*, дѣлая однакожь и нѣкоторые возраженія. Прудонъ благодаритъ его въ письмѣ отъ 13-го августа и замѣчаетъ при этомъ, что вся его заслуга состоитъ лишь въ томъ, что онъ заявилъ о новой умственной эрѣ. Далѣе онъ говорить:

«Нѣтъ, открытіе закона *серій* ничего не измѣнитъ въ нор-

мальномъ ходѣ общества, совершенно такъ же, какъ открытіе Ньютона не разстроило теченія звѣздъ, ибо законъ серій самъ по себѣ—*норма*, въ силу которой развивается общество. Это положеніе составляетъ спеціальнѣйшій объектъ моей книги. Измѣнится отъ этого открытія одни лишь наши мнѣнія, наша умственная выправка, подобно тому какъ открытіемъ Ньютоновъ, Галилеевъ и Коперниковъ потрясены были системы астрономовъ. Что я говорю съ самыхъ первыхъ страницъ моей книги? Общество, для своего окончательнаго сформированія сообразно своей нормѣ, должно узнать ее, что до сихъ поръ оно проходитъ черезъ серіи испытаній или революцій, предѣлъ которыхъ есть познаніе абсолютнаго закона...

Но вы, какъ истый оріенталистъ (Потье составилъ себѣ имя, какъ синологъ), вы ударяетесь въ фатализмъ. Фатализмъ? Какъ можете вы признавать эту старую ветюшъ закономъ вселенной иначе, какъ признавая подъ нею: *summa lex, summa necessitas*? Замѣтите, что это слово *фатализмъ* или *необходимость* ничего не представляетъ уму; каждый разъ, какъ его при мнѣ произносятъ, со мною случается чуть не головокруженіе. Обратите также вниманіе на то удачное приложеніе, которое это слово позволяетъ мнѣ сдѣлать изъ моей критики философіи. Философы (Прудонъ хочетъ сказать: *метафизики*) и отыскиватели *причинъ* разумѣютъ подъ *фатализмомъ*, *необходимостью*, *судьбой* непреодолимую *силу*: всемогущую, неумолимую, непоколебимую, т.-е. нѣчто совершенно непонятное. Мы же, метафизики, (т.-е. точные мыслители), искатели *законовъ* и *отношеній*, мы понимаемъ подъ фатализмомъ «высшее обусловленіе» каждой вещи, «почему» и «какимъ образомъ», дѣлающіе изъ каждой вещи то, что она есть и отнимающіе у нея возможность быть, безъ пертурбаціи, чѣмъ-либо инымъ; какъ, напр., квадратный корень 64-хъ по необходимости 8, и не можетъ безъ противорѣчія закону серій быть ни 7-ю, ни 9-ю. Вотъ—вещи, едва усмотрѣнныя математиками. Такимъ образомъ, для насъ, все, что — *сила*, *причина*, а также и субстанція—непонятно. Стало быть, если фатализмъ можетъ быть доступенъ нашей интеллигенціи (я не говорю нашему пониманію или внутреннему чувству, ибо внутреннее чувство—*чувствуетъ*, но не различаетъ и не опредѣляетъ), то не въ качествѣ силы, или причины, а какъ законъ. Если оно такъ, если фатализмъ—синонимъ *высшаго* или *всемирнаго* закона, надо отыскать и формулу этого закона, и ея спеціальныя приложенія. Не мое дѣло рѣшать: удалось мнѣ это, или нѣтъ. Богъ въ этой системѣ, Богъ... есть не что иное, какъ безконечное я, котораго разумъ, le voir,

адекватенъ съ этимъ закономъ серій или фатализмомъ, между тѣмъ какъ его воля, его свобода совершенно имъ подчинены. Богъ, въ силу того именно, что онъ всевѣдущъ и всемогуще — свободенъ, сознательно и произвольно сообразуется съ этимъ закономъ или фатализмомъ — субъективнымъ, объективнымъ и абсолютнымъ, такъ что про него можно сказать: *summa lex, summa necessitas, summa libertas...*

«Всѣ народы имѣли предчувствіе *высшаго закона*; но такъ какъ, по моимъ наблюденіямъ, народы — дѣти, дѣлаютъ законъ адекватнымъ съ *волей*, — они обратили въ символъ свою идею, представляя абсолютный законъ въ образѣ слѣпота божества, возсѣдающаго на мѣдномъ тронѣ, превыше всѣхъ свѣтилъ и проч. Теперь мы объясняемъ символъ, насколько можемъ; но еслибъ мы и ошибались, намъ все-таки не слѣдуетъ отличать *фатализмъ* отъ *закона*, потому что это значило бы — принимать символъ за идею, значило бы, разсуждать теологически, а не философски».

Онъ предвидитъ: какъ его будутъ «продегивать» (ereinter), и не боятся этого. «Въ тридцать-четыре съ половиною года, — добавляетъ онъ, — я болѣе вооруженъ и дальше пошелъ, чѣмъ Руссо въ сорокъ; не имѣя того же таланта, я надѣюсь приобрести неменьшее вліяніе». Какъ читатель видитъ, самооцѣнка — откровенная.

Все изъ Ліона, со своей рѣчной пристани, пишетъ Прудонъ и пріятелю Аккерману большое письмо отъ 20-го сентября, гдѣ онъ меньше говоритъ о себѣ, чѣмъ о пріятелѣ. Въ этомъ письмѣ есть только двѣ замѣчательныя фразы интимнаго характера. Одна заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ удачное предсказаніе: «безъ женщины, безъ привязанности, безъ страсти, кромѣ любви къ истинѣ, ненависти къ привилегіи и огромной наклонности къ прогулкѣ, разговору и шатанью (*flânerie*), я надѣюсь весело прожить мою цыганскую жизнь (*ma vie de bohémien*)». И въ самомъ концѣ письма: — «все это ничего не значить, вся суть въ томъ, чтобы видѣть и знать, выражать прекрасное и истинное».

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Аккерману, отъ 25-го ноября, Прудонъ говоритъ опять о женщинѣ, холостой и женатой жизни, и сообщаетъ ему оглавленіе своей книги: «*De la création de l'ordre*»; тутъ онъ снова прибѣгаетъ къ формулѣ, которую мы уже видѣли въ другихъ письмахъ: *геометрія, арифметика, алгебра, диалектика*, и выражается о метафизикѣ, т.-е. о философій наукъ — такимъ образомъ: «метафизика есть теорія закона

серій, есть абсолютный методъ, тайно управляющій всѣми науками, посредствомъ различныхъ примѣненій».

IV.

Въ теченіи 1844 года Прудонъ разбѣзжалъ. Писама его писаны то въ Парижѣ, то въ Ліонѣ, то въ Мюльгаузенѣ, то въ Безансонѣ. Ихъ числомъ 17; но они представляютъ мало интеллигентнаго содержанія. Вплоть до писемъ къ Бергману, отъ 12-го мая, трудно сдѣлать хоть одну знаменательную цитату. Тутъ же мы наталкиваемся на такое сообщеніе: «въ будущему году я хочу резюмировать всѣ мои библическія работы въ одинъ томъ, который долженъ быть для насъ тѣмъ, чѣмъ для нѣмцевъ былъ Штраусъ». Морису онъ пишетъ чаще и больше. Изъ Ліона, отъ 27-го іюля, сообщаетъ онъ ему про главу одной изъ нисоль, на которыя онъ не переставалъ смотрѣть трезвыми глазами: «Кабо — здѣсь въ настоящую минуту. Этотъ добрикъ (brave homme) уже указываетъ на меня, какъ на своего преемника по апостольству; я уступаю это наслѣдство каждому, кто мнѣ предложитъ чашку кофе. Многое множество новыхъ евангелій проповѣдуется теперь: евангеліе отъ Бюшэза, евангеліе отъ Пьера Леру, евангеліе отъ Ламенэ, Консидерана, г-жи Жоржъ-Зандъ, г-жи Флоры Тристанъ, евангеліе отъ Пэккёра и разныхъ другія. Я вовсе не желаю увеличивать числа этихъ безумцевъ; потому-то я и произвожу поразжающее впечатлѣніе на тѣхъ, кто меня видитъ въ первый разъ, когда они замѣчаютъ, что у меня есть здравый смыслъ». Въ другомъ письмѣ къ Морису, отъ 13-го августа, изъ Ліона же, онъ обсуждаетъ политическое и социальное положеніе Франціи и предвидитъ скорую катастрофу — гораздо болѣе радикальную, чѣмъ какою она оказалась въ 1848 году. Но эти общія соображенія не носятъ на себѣ ничего особенно характернаго: ихъ могъ написать каждый радикалъ того времени. Цѣннѣе для насъ нѣсколько строкъ изъ писема его къ книгопродавцу Гильомону отъ 15-го августа, также изъ Ліона: «*Non*, пишетъ онъ, «вамъ не безъизвѣстно, господинъ Гильомонъ, что я очень посредственный католикъ и еще болѣе посредственный воборникъ династій; другими словами, что, сохраняя уваженіе къ знаніямъ и къ личностямъ, терпимость, обязательную для всѣхъ насъ въ такой вѣкъ, когда ничто не доказано, все подѣ сомнѣніемъ, я слѣдовалъ по темпераменту, или по убѣжденію (но все-ли это равно?) вплоть до конца по пути свободного изысканія, откры-

тому Декартомъ и догмату народоправства, указанному Руссо». Пріятелю своему Турнѣ (первое письмо во всемъ собраніи до 1844 года), Прудонъ пишетъ 1-го сентября дѣловое письмо, жалуюсь, косвенно, на себя самого, какъ на человѣка, который долженъ испивать горькую чашу пренебреженія. Онъ сравниваетъ себя съ Распайемъ и находитъ, что при способностяхъ и усердіи онъ не дѣлаетъ и четверти того, на что былъ бы пригоденъ. Къ осени Прудонъ очутился въ Парижѣ, откуда и пишетъ отъ 4-го октября Аккерману, спрашивая его: что онъ думаетъ про Прудоновъ законъ серій? Тутъ же онъ сообщаетъ какъ принята была его книга, не маскируя истину и выражаясь съ обычной независимостью: «вы спрашиваете: есть ли у меня сторонники? Признаюсь вамъ—очень скромно, или очень горделиво—что я не думаю. Потѣе находитъ мою теорію слишкомъ искусственною (зрѣсіеице); но, прибавляетъ онъ, кто знаетъ: не найдется-ли болѣе общая теорія? Тиссо прямо выражается, что моя метафизика—никуда не годна; «*Revue indépendante*» объявило, что я ошибся, Пьеръ Леру упрекаетъ меня въ томъ, что я приписалъ Фурье первое предчувствіе закона серій, не объясняя ничего больше; большинство же говоритъ, что не понимаетъ меня.

«Кромѣ того, одни признаютъ политическую экономію и теорію отпавленій; другіе въ восхищеніи отъ того, что я такъ отдѣлалъ (sabré) религію; но не соглашаются съ тѣмъ, что философія (т.-е. метафизика) ровно ничего не стоитъ, и *vice versa*; но вѣрно лишь то, что меня грабятъ съ рѣдкимъ нахальствомъ. Книжечку прочелъ свой прошлогодній курсъ по моей главѣ о религіи, которую онъ удлиннилъ и переодѣлъ; нѣкій Пеккёръ, автора «*République de Dieu*» взял у меня всѣ свои идеи объ организаціи; каждый день я вижу брошюры, въ которыхъ я гораздо больше участвую, чѣмъ ихъ авторы, и гдѣ меня даже не цитируютъ. Республиканцы мало мнѣ признательны за мои труды, потому что я не слѣдней сторонникъ войнъ, парижскихъ фортификацій и разныхъ революціонныхъ коньковъ (dadas); коммунисты, неумѣяще представить себѣ, какъ изъ двухъ противорѣчащихъ одинъ другому принциповъ (собственность и община) можно создать синтезъ, который поглощаетъ ихъ и преобразовываетъ; смотрятъ на меня почти какъ на поборника благой середины (juste-milieu). Я поставленъ въ самыя несчастныя условія; надо, чтобы я былъ правъ разомъ противъ всего міра, иначе я погибъ. Что меня, въ особенности, приводитъ въ отчаяніе, это, во-первыхъ: отсталость французской публики по философскимъ вопро-

самъ; во-вторыхъ, ретроградная и нетерпимая монополія, захваченная университетской братіей.

«Эти трудности почти-что непреодолимы. Но все-таки, если я не могу рѣзко измѣнить людей, я постараюсь, по крайней мѣрѣ, помѣстясь въ самой срединѣ ихъ предрассудковъ, привести ихъ къ моей точкѣ зрѣнія, совершенно такъ, какъ въ панорамахъ машинистъ измѣняетъ зрѣлище, заставляя оборачиваться зрителя. Поэтому, я и попытаюсь, для того, чтобы выдти изъ затрудненія, сдѣлать то, что Кантъ объявилъ невозможнымъ: я работаю надъ *популяризацией метафизики*, приводя ее въ дѣйствіе. Для этого, я употребляю самую глубокую діалектику, гегелевскую; таковъ мой вѣсчастный удѣлъ: чтобы побороть самыя непреодолимыя отвращенія, я долженъ прибѣгать къ приѣмамъ, всего болѣе антипатичнымъ для здраваго смысла. Но большіе недуги надо лечить сильными средствами; послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла, я нашелъ, что добиться своего можно силой, и я тотчасъ же принялся за работу. Не обнимая такой обширной программы, какова—созданіе порядка (т.-е. полная выработка закона серій), замыкаясь въ одномъ лишь воззрѣніи, я могу множествомъ примѣровъ сдѣлать понятной мою точку зрѣнія самымъ маленькимъ умамъ, послѣ чего вести читателя повсюду, куда мнѣ захочется пройти съ нимъ».

Послѣ этого подробнаго изложенія своихъ философскихъ стремленій, Прудонъ переходитъ къ дружбѣ, которую онъ, дѣйствительно, *воздѣлывалъ* лучше всякаго другого. Его пріятели, и въ томъ числѣ Аккерманъ, пережили, — онъ и замѣчаетъ, по этому поводу, что женитба охлаждаетъ дружескія отношенія; замѣчанія его настолько своеобразны, что мы ихъ приведемъ здѣсь.

«Я думалъ, что любовь, семейное положеніе (*paternité*), увеличиваетъ въ людяхъ дружеское чувство; теперь я вижу, что это были парадоксъ и иллюзія. Выходитъ, что въ челоѣкѣ любовь такъ же ограничена, какъ и интеллигенція. Та минута, когда намъ кажется, что мы достигли одной изъ вершинъ науки, и есть какъ разъ та, когда мы открываемъ то, что мы ничего не знаемъ. Точно также минута, когда кажется, что сердце наше принимаетъ въ себя безконечныя привязанности, какъ разъ та, когда оно сосредоточивается и леденѣетъ. Еслибъ Орестъ женился на Эрміонѣ, онъ съ того же дня забылъ бы Пиллада; эта знаменитая дружба существовала съ однимъ лишь условіемъ, съ условіемъ несчастной любви. Коммунисты, конечно, понимаютъ это, почему всѣ они, болѣе или менѣе, стремятся къ общности

женъ. Эта идея—противоестественна, но она вовсе не нелѣпа. Что вы объ этомъ думаете?»

Мы сдѣлаемъ еще выписку, все изъ того же письма, гдѣ Прудонъ говоритъ о социалистической партіи, начинавшей тогда приходить въ извѣстной цѣльности.

«То, что называютъ теперь во Франціи *соціальною партіей*, уже организуется. Уже нѣсколько писателей соединились между собою: Пьеръ Леру, Луи Бланъ, еще нѣсколько другихъ, о которыхъ вы не могли слышать, и вашъ недостойный другъ. Народъ хлопочетъ за насъ о помѣщеніи (placement) и пропагандѣ: онъ приписываетъ себѣ эту роль. Онъ проситъ объ одномъ: подавать ему примѣръ единенія и обучать его. Жоржъ-Зандъ вполнѣ вошла въ наши идеи; поставщики романовъ и фельетоновъ, не раздѣляя ихъ, удостоиваютъ однако того, что вводятъ ихъ въ моду, эксплуатируя эти идеи; и когда противорѣчія общины и демократіи будутъ разоблачены, и послѣдуютъ за утопіями Сень-Симона и Фурье, социализмъ, возведенный на ступень науки, *социализмъ, который есть не что иное, какъ политическая экономія*, овладѣетъ обществомъ и двинетъ его по направленію будущихъ его судебъ съ непреодолимою силой. Моментъ этотъ долженъ настать; тогда Франція займетъ безсмѣнное мѣсто во главѣ человѣчества.

«Социализмъ еще не сознаетъ самого себя; въ настоящее время онъ называетъ себя коммунизмомъ. Коммунистовъ тысячь сто, быть можетъ, двѣсти. Я работаю изъ всѣхъ силъ, чтобы прекратить разногласіе между нами, продолжая вносить раздоръ во вражій станъ. Поочередно: промышленный посредникъ, спекулянтъ, дипломатъ, экономистъ, писатель, я вызываю сосредоточеніе силъ, которое, если только оно не кончится болтовней, должно, рано или поздно, проявить себя ужасающимъ образомъ. Не пройдетъ и полвѣка, а въ этомъ не сомнѣваюсь, какъ европейское общество почувствуетъ наше могучее вліяніе. Впрочемъ, все это дѣлается среди бѣлы-дня: мы болѣе не заговорщики; мы пользуемся предоставленной намъ свободой».

Не много остается прибавить въ этой выпискѣ для полнаго уясненія того *социализма*, во имя котораго работалъ Прудонъ, какъ публицистъ. Съ коммунистами и фаланстерьянцами онъ велъ постоянно войну и желалъ одного: освободить науку объ обществѣ и ученіе о социальной правдѣ (откуда—равенство) отъ всякаго мистицизма отъ всякаго вторженія субъективной фантазіи въ область фактовъ и положительныхъ наведеній. Въ этомъ смыслѣ, Прудонъ былъ и остался *социалистомъ*, мыслителемъ и гражданиномъ, не

только способнымъ добираться до верней общественной неурядицы, но и страстно стремиться къ ея прекращенію.

Изъ этой же цитаты видно, что Прудонъ нѣсколько мягче и терпимѣе сталъ относиться къ дѣятелямъ соціального движенія, каковы были П. Леру и Л. Бланъ, чѣмъ это мы видѣли выше; быть можетъ оттого, что онъ сталъ замѣчать ихъ приближеніе къ своимъ идеямъ.

Переписка 1844 года завершается большимъ посланіемъ къ Бергману отъ 24-го октября, все еще изъ Парижа, гдѣ Прудонъ проживалъ по цѣлымъ сезонамъ, раздѣляя свою промышленную службу между рѣкой и столицей. Онъ сообщаетъ Бергману сюжетъ новаго своего труда.

«Академія наукъ нравственныхъ и политическихъ предложила на конкурсъ: 1) задачу распредѣленія заработной платы, обнимающую собой и опредѣленіе цѣнности; 2) вопросъ *страхованія*, который въ сущности сводится къ *солидарности* или ассоціаціи; 3) послѣдствія, въ будущемъ, *вкуса къ матеріальному благосостоянію*; вопросъ приводящій, по-моему, къ перестройкѣ всей морали; 4) *нищету*, что подъ другой формой есть — вопросъ *неравенства положеній*.

«Такъ какъ я не успѣлъ къ конкурсу, закрытому съ 30-го сентября, то я хочу, не спѣша, сдѣлать кое-что помучше. По-моему, эти четыре вопроса не могутъ быть разрѣшены одинъ безъ другого, по крайней мѣрѣ такъ вытечь изъ моего труда; они образуютъ одно нераздѣльное цѣлое, одну непрерывную дедукцію. Почему мы и не можемъ знать хорошо причины и леченія пауперизма, не зная законовъ труда и вадѣльной платы, словомъ, закона *распредѣленія* (*répartition*) продукта, не зная существенныхъ формъ или условій *ассоціаціи*, не зная, посредствомъ изученія прошлаго, духа и стремленій настоящей минуты (практическій сенсуализмъ, вкусъ къ матеріальному довольству).

«Точно также ассоціація не можетъ быть понята внѣ экономической науки и проч. Я опускаю остальное.

«Но ассоціація, мораль, экономическія отношенія, чтобы отнять у нихъ произвольный характеръ, должны быть изучаемы *объективно, въ вещахъ*. Надо повинуть субъективную точку отправления, принимаемую доселѣ философами и законодателями, и искать, внѣ неясной идеи *справедливаго* и *благаго*, законы, могущіе служить къ опредѣленію этой идеи; изъ слѣдуетъ получить объективно, посредствомъ изученія общественныхъ отношеній, созданныхъ экономическими фактами.

«Это, столь извѣстное, противопоставленіе *субъекта объекту*, будетъ изгнано изъ моей книги. Французскіе читатели сейчасъ бы бросили ее. Чтобы они ее поняли, надо поступать наизуотъ и начать съ тѣхъ именно фактовъ, которые производятъ это противопоставленіе, т.-е. восходить отъ *слѣдствій* къ *причинѣ* (древній стиль).

«Стало быть, я и буду доказывать, что всѣ дѣянія политической экономіи, законодательства, морали и управленія существенно противорѣчивы, противорѣчивы, говорю я, не только *между собою*, но и *въ себѣ*, но все-таки равно необходимы и неопровержимы. Мнѣ кажется, что такой трудъ, хотя его основная мысль и не нова, никогда еще не былъ выполненъ; на это нужны были различныя условія, въ которыхъ находятся немногіе.

«Ты понимаешь, какъ этотъ трудъ, давая ключъ къ толкованію умственной неурядицы, среди которой мы живемъ, можетъ способствовать къ уясненію и выработкѣ социальныхъ вопросовъ. Кто меня пойметъ, не станетъ уже кидаться въ исключительныя мнѣнія; это было бы смѣшно. Нечего мнѣ прибавлять, что я дамъ, въ то же время, и теорію, и примѣръ синтетическаго разрѣшенія всѣхъ противорѣчій. Еслибъ гѣмцыкіе философы, слишкомъ ревнивые насчетъ теологическихъ и *умозрительныхъ* заключеній, хорошенько изучали антиноміи, какія имъ попадались на глаза, и давали бы имъ хорошіе исходы, они вѣроятно принесли бы этимъ болѣе значительныя услуги, чѣмъ преждевременнымъ нагроможденіемъ своихъ системъ.

«Къ четыремъ вопросамъ, поставленнымъ академіей, я прибавлю аксіому пятую, именно: вопроса политическаго или нравственнаго, рѣшеніе котораго необходимо для осуществленія всевозможныхъ предыдущихъ синтезовъ. Я кончу философскими заключеніями объ *антиноміяхъ* и *социальныхъ противорѣчіяхъ*, объ ихъ достоинствѣ, какъ діалектическаго элемента, о дальнѣйшихъ выводахъ, какіе онѣ допускаютъ относительно задачи достовѣрности (*certitude*) вопросовъ о душѣ, о Богѣ и проч., и наконецъ относительно мѣста, занимаемаго ими въ метафизикѣ (или теоріи серій). Сообщи мнѣ твои идеи.

«Вотъ, любезный Бергманъ, что меня занимаетъ въ настоящую минуту. Высшая моя цѣль — приучить людей разсуждать своимъ умомъ, предлагая имъ разсужденіе сначала въ конкретной формѣ, дѣлая для нихъ занимательнымъ метафизическое умозрѣніе изложеніемъ его послѣдствій въ обществѣ; словомъ, приводя для нихъ, такъ сказать, *метафизику въ дѣйствіе*. И признаться ли

тебѣ? Мнѣ кажется, что и я самъ иду лучше, вѣрнѣе и скорѣе съ тѣхъ поръ, какъ опираюсь въ моихъ умозрѣніяхъ на факты.

«Очень радъ, что тебѣ представился случай разсуждать о началахъ экономіи. Ты тотчасъ же почувствовалъ то, чего Сэй никогда не могъ понять, ибо онъ выставилъ принципомъ какъ разъ полное отсутствіе его, именно: *неопредѣляемость цѣнности* (*indétermination de la valeur*). Я это и говорилъ, недавно, экономистамъ: «вы вписываете, въ ваши книги, на двойной счетъ, мѣсяцъ труда на *приходъ* приващива, а напротивъ, 150 франковъ на его *debet*. Прекрасно; но почему мѣсяцъ труда стѣбитъ 150 франковъ?.. Стало быть, во всемъ счетоводствѣ, во всей бухгалтеріи есть одна сторона баланса гипотетическая, произвольная, и по всей вѣроятности, ложная. Слѣдуетъ вамъ вносить на *приходъ* *рабочаго* не *мѣсяцъ*, не *день*, а его *продуктъ*, *оцѣненный* такимъ выраженіемъ, которое тотчасъ бы давало смыслъ заработной платы.

«Припомни теперь, что по Смиуту цѣнность имѣетъ мѣриломъ своимъ *трудъ*, такъ что вопросъ былъ бы разрѣшенъ, еслибъ *трудъ*, или—что то же самое—продуктъ былъ равенъ самому себѣ по *качеству*, *количеству* и проч. Но этого не бываетъ, и этого то и нужно добиться посредствомъ прогрессивнаго воспитанія человѣчества. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ этого неравенства въ трудѣ, такъ какъ легко опредѣлить *среднія* цѣнности, можно было бы дойти до опредѣленія естественнаго *общаго тарифа* всѣхъ продуктовъ. Но для этого надо очистить идею цѣнности или всего, что чуждо дѣйствию работника, т.-е. всѣ соображенія собственности и привилегій, всѣ эти пертурбаціи совмѣстничества и *laissez-faire*, другими словами: надобна общая *организация* рабочихъ и рыночный порядокъ дисциплинарнаго характера. Но тутъ экономисты впадаютъ въ разногласіе: одни хотятъ, чтобъ организовали все это; другіе желаютъ предоставить все теченію (*laisse toujours faire*), основываясь на неточности и произволѣ организаціонныхъ учений. Таково положеніе вопроса, одного изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ обширныхъ, какое только человѣческій умъ можетъ ставить.

«А пока католичество прибираетъ къ рукамъ народъ и силится задерживать успѣхи социализма; правительство только ему покровительствуетъ; партія *тормазовъ* (*des bornes*) совращаетъ или чернитъ все, что на нее не похоже, но движеніе все-таки не останавливается. Вниманіе обращено все болѣе и болѣе на социальные вопросы, народъ начинаетъ превращаться весь въ глаза

и упи, онъ сильнѣе отплатывается отъ католичества, до такой степени, что въ Лионѣ, рядомъ съ духовными конгрегаціями, гораздо болѣе многочисленный классъ населенія совершенно воздерживается отъ церемоній и отказался отъ крещеній, похоронъ, свадебъ, исповѣдей и конфирмацій.

«Это движеніе распространяется и ускоряется, изо-дня-въ-день, и—что особенно замѣчательно, я самъ убѣжденъ въ этомъ—оно сопровождается радикальнымъ улучшеніемъ нравовъ, народъ понимаетъ добродѣтель безъ пеленовъ духовныхъ. — Разсуди, куда это ведетъ».

V.

Самый бѣдный численно оказывается, въ перепискѣ Прудона, 1845-й годъ. Отъ него сохранилось всего семь писемъ, изъ которыхъ четыре родителямъ, домашняго содержанія. Первое по порядку помѣчено 2-го января и писано въ Парижѣ Морису, который среди пріятелей Прудона занимаетъ какъ бы срединное положеніе: у него съ нимъ долговые счеты; но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянный обмѣнъ мыслей и взглядовъ, и если не очень теплое, то ровное и почтительное пріятельство. Врядъ ли у должниковъ какихъ бы то ни было странъ случается много такихъ кредиторовъ, какъ этотъ Морисъ, за что Прудонъ и былъ ему постоянно и нелицемѣрно признателенъ. Въ письмѣ отъ 2-го января, среди свѣдѣній и новостей дѣлового характера, выдѣляется такая фраза: «Существуетъ антипатія между вѣрой и чистымъ разумомъ; слѣдуетъ хорошенько вбить себѣ это въ голову»; а въ концѣ мы читаемъ сообщеніе, показывающее, что Прудонъ и въ это уже время пользовался порядочной репутаціей: «мои мемуары переведены по-нѣмецки и по-англійски, и меня знаютъ теперь вездѣ, гдѣ говорятъ на трехъ главныхъ языкахъ Европы. Отъ меня ждутъ продолженія моихъ первыхъ опытовъ; но у меня всегда была слабость: сгущать всѣ мои мысли въ одинъ компактный волюмъ, вмѣсто того, чтобы расходовать ихъ полегоньку. Но какъ бы то ни было, всѣ мои идеи тяготеютъ въ существенной формулѣ, и по мѣрѣ того, какъ теоріи проясняются, меня не только не считаютъ эксцентричнымъ, но отрицаютъ даже во мнѣ всякую оригинальность. Во всемъ и вездѣ отыскиваютъ моихъ предшественниковъ; оспариваютъ не законность моей доктрины, а ея принадлежность мнѣ. Вы увидите, что подъ конецъ я окажусь переживателемъ общезвѣстныхъ вещей».

Дальнѣйшій отчетъ о теоретическихъ работахъ находили мы въ письмѣ къ Бергману, отъ 19-го января, изъ Парижа: «я предпринялъ слишкомъ большое дѣло, чтобы идти такъ скоро, какъ я на это надѣялся. Начинаю я серію изъ шести мемуаровъ, можетъ быть даже изъ семи, которые должны появляться одинъ за другимъ: въ первомъ уже 400 страницъ. Это — общая критика политической экономіи съ точки зрѣнія общественныхъ антиномій. Надѣюсь выучить наконецъ французскую публику тому, что такое діалектика; не печально ли, что въ Германіи каждый писатель подчиняется извѣстной методической формѣ и обозначаетъ всегда: какому логическому приему онъ слѣдуетъ; у насъ, во Франціи, безконечно препираются, безъ всякаго толку, не приходя ни къ какому соглашенію. Вотъ эту-то необходимость дисциплины для разума я и заявилъ, если не ошибаюсь, первый, подъ именемъ теоріи или діалектики серій, частичное построение которой далъ уже Гегель. Судя по новымъ знакомствамъ, сдѣланнымъ мною въ эту зиму, я былъ очень хорошо понять многими нѣмцами, удивлявшимися тому труду, какой я долженъ былъ одолѣть, чтобы придти въ одиночку къ вещамъ, уже существующимъ, по ихъ мнѣнію, въ Германіи.

«Я не могу еще судить о сродствѣ между моей метафизикой и логикой Гегеля, напримѣръ, потому что я *никогда не читалъ Гегеля*; но я увѣренъ, что буду употреблять его логику въ моемъ новомъ сочиненіи; а логика эта есть только частный случай, или, коли желаешь, самый простой случай *моей логики*».

Прудонъ говорить тутъ о своей книгѣ «Экономическія Противорѣчія» (*Contradictions économiques*), въ которой сведены къ одному, возможно полному, цѣлому всѣ тѣ аномаліи и *антиноміи* (любимое его слово), какія онъ нашелъ въ социальномъ строѣ современнаго общества. Практическая дѣятельность, среди которой онъ теперь жилъ, доставляла ему и текущій матеріалъ наблюденія надъ социальной и экономической неурядицей; но забота о *доктринахъ*, о *теоріи*, о *законахъ* общественнаго движенія продолжаютъ представлять для Прудона *первенствующій* интересъ. Онъ не только добивается ихъ формулированія, но онъ защищаетъ и ихъ принадлежность его мыслительной инициативѣ. Онъ не желаетъ, чтобы его считали ученикомъ Гегеля, и рѣзко указываетъ на свою самостоятельность; по его толкованію выходитъ, что логика нѣмецкаго философскаго свѣтила того времени — одна лишь частица его метода и системы. Если это и претензія, то претензія, показывающая, какъ горячо Прудонъ былъ преданъ теоретическимъ вопросамъ, группировавшимся вокругъ его

мировоззрѣнія, и какъ узко и ошибочно было бы обрабатывать не только его переписку, но и всѣ его сочиненія—съ точки зрѣнія отрывочнаго и практическаго радикализма.

Изъ писемъ къ родителямъ мы возьмемъ одну лишь фразу, сильнѣе всякихъ возгласовъ говорящую о суровой и честной бѣдности Прудона, даже и тогда, когда онъ могъ бы, состоя на службѣ у богатыхъ людей, жить лучше: «отдайте», пишетъ онъ матери своей, отъ 4-го декабря изъ Ліона, *«зачините мои старые башмаки, которые вы должны были получить съ дилитансомъ изъ Пема»*. Нужно ли прибавлять къ этому хоть строчку?..

Въ 1846 году, Прудонъ тоже не особенно много переписывался. Сохранилось всего 14 писемъ, изъ которыхъ на долю пріятелей досталось только пять: одно Бергману, одно Аккерману и три Морису. Съ книгопродавцемъ Гиломеномъ переписка была довольно дѣятельная: изъ 14-ти писемъ приходится четыре на его долю. Первое письмо, написанное въ новый годъ, въ Парижѣ, адресовано какимъ-то господамъ М*** и Б***, которыхъ еще не значилось въ числѣ обычныхъ корреспондентовъ Прудона. Оно написано шутивымъ тономъ, сѣвонъ который видна добродушная безцеремонность, отличающая взгляды Прудона на женскій полъ. Г-жи М. и Б—его землячки, и все письмо окрашено въ провинціальный колоритъ городскихъ толковъ. Кончая, Прудонъ обращается къ своимъ землячкамъ съ такимъ сообщеніемъ: «предупреждаю васъ, что я работаю, въ настоящее время, надъ большою книгою, гдѣ я разбираю міръ, Бога и людей, но гдѣ я не говорю ничего дурнаго о женщинахъ!.. Не подумайте пожалуйста, mesdames, что если я такъ отношусь къ женскому полу (въ подлинникѣ просто «sexe»), то это—изъ скромности. О, я не настолько злостенъ! Но я нашель, взявши все въ соображеніе, что въ этой толкотнѣ, которую зовутъ обществомъ, женщины—еще всего болѣе извинительная часть. Во вниманіе къ этому открытію, смѣю надѣяться отъ васъ, mesdames, ожидаю отъ вашей обязанности, требую отъ вашей справедливости, чтобы вы защитили меня отъ всѣхъ злыхъ языковъ, какіе вамъ попадутся подъ руки. Поэтому, еслибы меня начали обвинять въ мизантропіи, вы будете утверждать, что у меня самое любящее сердце, самое скромное, всего менѣе злостное, какое только когда-либо выходило изъ рукъ Создателя. Станутъ меня называть атеистомъ, на томъ основаніи, что я не оставилъ въ покое, въ моей критикѣ, Вѣчнаго Отца, наравнѣ съ малымъ ближнимъ, вы будете опять-таки утверждать, что у меня столько же вѣры, сколько было ея у св. Петра, столько же надежды, какъ у св. Павла, мило-

сердця, какъ у св. Іоанна; и что я рассчитываю жить и умереть благодатию Спасителя нашего Иисуса Христа, котораго я могу упрекнуть развѣ въ одномъ томъ, что Онъ позволилъ взять себя».

Морису, отъ 15-го февраля, изъ Парижа, Прудонъ пишетъ о текущей политикѣ, какъ человѣку, интересующемуся настроеніемъ минуты, и, переходя въ себѣ и своей житейской долѣ, говорить:

«Я убѣжденъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, что мнѣ—нѣтъ мѣста на свѣтѣ, и я смотрю на себя, какъ на человѣка, находящагося въ состояніи постоянного возмущенія противъ существующаго порядка вещей. Близкій пріятель, вращающійся въ высшихъ слояхъ, предостерегъ меня, изъ состраданія, чтобы я держался на-сторожѣ: я одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ всего сильнѣе ненавидятъ и опасаются. Поэтому, планъ мой таковъ: какъ только кончу сочиненіе, возвращаюсь въ Ліонъ, не буду даже дожидаться окончанія и скроюсь въ первыхъ числахъ марта».

Что онъ и сдѣлалъ, но нѣсколько поздне, такъ какъ письмо, помѣченное 4-го апрѣля — Гильомену — было написано еще въ Парижѣ. Вернувшись въ Ліонъ, онъ получилъ письмо отъ нѣмецкаго социалиста Маркса, сдѣлавшагося, въ послѣднее время, европейскою извѣстностью, а тогда только-что начинавшаго свою пропаганду. Мемуары и книги Прудона нашли въ немъ горячаго сочувствователя; но сразу же сказались различія въ натурахъ и интеллигенціяхъ этихъ двухъ бойцовъ за социальную правду. Отвѣтъ Прудона, писанный въ Ліонѣ 17 мая—большое письмо, въ такой степени для насъ важное, что мы считаемъ необходимымъ привести его существенныя мѣста цѣликомъ.

«Прежде всего», говоритъ Прудонъ тотчасъ послѣ личнаго вступленія (въ которомъ онъ оговаривается на счетъ «природной лѣни», мѣшающей ему писать письмо), «хотя мои идеи объ организаціи и осуществленія ея, въ настоящую минуту, вполне опредѣленны, по крайней мѣрѣ во всемъ, что касается принциповъ,—мнѣ кажется, что мой долгъ, равно какъ и долгъ каждаго социалиста, сохранять на извѣстное время древнюю или гадательную форму (*la forme antique ou dubitative*); однимъ словомъ, я исповѣдую, передъ публикой, почти абсолютный экономическій анти-догматизмъ.

«Поищемте вмѣстѣ, если вамъ угодно, законовъ общества, тѣ, какъ эти законы осуществляются, какимъ образомъ мы доходимъ до ихъ открытія; но, ради Бога! разъ разрушивъ всѣ догматизмы *a priori*, не будемъ, въ нашу чередъ, хлопотать о томъ, чтобы учительствовать съ народомъ; не будемъ ударяться въ противо-

рѣчіе вашего соотечественника Мартина Лютера, который, поваливъ католическую теологію, тотчасъ же принялся, съ трескомъ отлученій и анаемъ, созидать теологію протестантскую. Вотъ уже три столѣтія, какъ Германія занимается уничтоженіемъ штукатурной работы Лютера; не станемъ же навязывать роду человѣческому новой обузы новой безтолковщиной. Всѣмъ сердцемъ привѣтствую мысль вашу: сопоставить когда-нибудь всѣ мнѣнія; займемся доброй и честной полемикой; подадимъ міру примѣръ знающей и предусмотрительной терпимости; но такъ какъ мы — во главѣ движенія, не будемъ дѣлаться вожаками новой нетерпимости, не будемъ играть въ апостоловъ новой религіи, хотя бы эта религія была религіей логики, религіей разума. Станемъ допускать и поощрять всякіе протесты, влеймъ всѣ исключительности, всякаго рода мистицизмъ; никогда не станемъ признавать вопросовъ вполне исчерпанными; и послѣ того, какъ мы истратимъ все, до послѣдняго нашего довода, начнемъ, коли нужно, снзнова, пуская въ ходъ краснорѣчіе и иронию. Съ этимъ только условіемъ я охотно вступлю въ вашу ассоціацію; иначе — нѣтъ!

«Долженъ вамъ сдѣлать также замѣчаніе насчетъ фразы вашего письма: *въ минуту дѣйствія* (*au moment de l'action*). Можетъ быть, вы еще держитесь того мнѣнія, что никакая реформа невозможна теперь безъ насильственнаго переворота (*coup de main*), безъ того, что когда-то называли революціей, и что въ сущности есть не что иное, какъ толчокъ (*secousse*). Это мнѣніе (я его понимаю, извиняю, буду охотно оспаривать, такъ какъ я самъ долго раздѣлялъ его) — признаюсь вамъ — совершенно мною оставлено послѣ новѣйшихъ трудовъ моихъ. Мнѣ кажется, что намъ этого совсѣмъ не нужно для того, чтобы успѣть; поэтому мы и не должны выставлять революціонное дѣйствіе, какъ средство соціальной реформы, ибо это, quasi-средство, было бы, просто-на-просто, призывомъ къ силѣ, къ произволу, короче сказать — противорѣчіемъ; я ставлю задачу такъ: *впустить въ общество, посредствомъ экономической комбинаціи, богатства, вышедшія изъ общества посредствомъ другой экономической комбинаціи* ¹⁾. Другими словами: обратить въ политической экономіи теорію собственности противъ собственности — такъ, чтобы вызвать къ жизни то, что вы, нѣмецкіе социалисты, называете *общиною* (*communauté*) и что я пока называю *свободой, равенствомъ*. А мнѣ сдается, что я знаю способъ разрѣшить эту задачу въ

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

короткій срокъ: я предпочитаю поджаривать собственность на медленномъ огнѣ, нежели усиливать ея значеніе, продѣлавъ съ собственниками вторую варооломеевскую ночь.

«Мое новое сочиненіе, въ настоящую минуту уже на половину напечатанное, скажетъ вамъ еще кое-что на эту тему.

«Вотъ, любезный философъ, куда я теперь ушелъ; развѣ только ошибаюсь и заслуживаю исправленія отъ вашей руки, чему охотно подчиняюсь, ожидая моей очереди. Скажу вамъ, мимоходомъ, что таково настроеніе и рабочаго класса во Франціи; наши пролетаріи такъ жаждутъ знанія, что они плохо примутъ тѣхъ, кто имъ предложить испытъ одной крови. Словомъ, мы поступили бы какъ очень плохіе политики, еслибы заговорили тономъ истребителей; сильныя средства явятся сами собою; народъ не нуждается для этого въ поученіяхъ».

Конечъ письма носить личный характеръ. Прудонъ не совсѣмъ одобряетъ поведеніе нѣкоего Г***, по всей вѣроятности Гріона; но тотчасъ же прибавляетъ, что человѣку надо же чѣмъ-нибудь жить; стало, когда у него нѣтъ никакихъ ресурсовъ, кромѣ пера, онъ поневолѣ долженъ пускать его въ ходъ чаще, чѣмъ бы слѣдовало. Кромѣ того, онъ обязанъ тому же Г*** своимъ знакомствомъ съ сочиненіями Маркса, Энгельса и Фейербаха. Тотъ для него переводилъ ихъ.

Письмо къ Марксу даетъ намъ настоящаго Прудона-соціалиста, т.-е. такого критика общественной неурядицы, такого гражданина, который полагалъ исправленіе социальныхъ бѣдъ не въ насильственныхъ переворотахъ, а въ подрываніи вредныхъ установленій путемъ нравственной борьбы, путемъ освобожденія разума и воли. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался парижскимъ журналистомъ, его языкъ нѣсколько измѣнился; онъ дорожилъ революціей и революціоннымъ движеніемъ; но и тогда онъ оставался вѣренъ принципамъ, высказаннымъ въ 1846 году нѣмецкому соціалисту, и держался не якобинскихъ традицій революціи — «*quand même*», а результатовъ великой революціи 1789 года и всего послѣдующаго освободительнаго прогресса.

Книгопродавцу Гильому Прудонъ сообщаетъ, отъ 18-го мая, изъ Ліона, о предполагаемомъ ходѣ ихъ изданія: въ немъ должна была произойти маленькая задержка, которою Гильомъ, конечно, недоволенъ.

«*Мальтусіанскій* вопросъ, — добавляетъ Прудонъ, — который я, въ числѣ другихъ, разбираю, одинъ — такой важности, что можетъ доставить успѣхъ цѣлой книгѣ. Я не имѣю претензіи исчерпать его; но мнѣ кажется, что я его расширю. *Мальтусъ*

— писатель совершенно въ моемъ вкусѣ, и прекрасная личность; онъ, какъ и А. Смитъ, сдѣлалъ то, что могъ, онъ заслуживаетъ нашего уваженія. Мальтусъ былъ бы, я думаю, въ восхищеніи отъ того комментарія, который я ему готовлю. Смитъ, Сэй, Мальтусъ—эти три имени заключаютъ въ себѣ весь великій экономическій періодъ. Тѣ, кто имъ предшествовалъ, занимались однимъ мистицизмомъ; тѣмъ же, кто идетъ за ними, остается выводить заключенія, а это, повѣрьте мнѣ, не легкое дѣло».

Изъ письма къ Аккерману, изъ Ліона же, отъ 2-го іюля, мы узнаемъ, что уже три мѣсяца передъ тѣмъ Прудонъ потерялъ отца.

«Это событіе, — пишетъ онъ пріятелю, — заставило меня совершенно отказаться отъ житія въ Безансонѣ; мать моя удалась въ свою родную деревню, къ моему брату, который тамъ устроился; и доставляя маленькое содержаніе этой дорогой для меня женщинѣ, я также свободенъ, какъ еслибъ я былъ круглый сирота на свѣтѣ, безъ всякихъ семейныхъ связей, точно первосвященникъ Мельхиседекъ. Я не думаю, чтобы когда-нибудь мнѣ пришлось измѣнить такой родъ жизни. Моя непрочная и бродячая жизнь, полная неожиданностей и противорѣчій, требуетъ таковой именно полной независимости, такого именно полного высвобожденія (degagement). Я работаю немного для куска хлѣба и много, чтобы привести къ концу мои умозрительные труды; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ надѣюсь придти скоро къ цѣли, и, если все вамъ сообщать, любезный Аккерманъ, перейти тотчасъ же отъ идеи къ осуществленію. Но это—громадное дѣло; не хватитъ и восьмидневной бесѣды, чтобы дать о немъ приблизительное понятіе. Довольно съ васъ и того, что черезъ годъ я: или впаду въ нелѣпость и буду осмѣянъ, или же я начну самое обширное революціонное движеніе, самое радикальное и рѣшительное, какое когда-либо было видано на свѣтѣ.

«Можетъ статься и то, что я вовсе не такъ близокъ ни къ паденію, ни къ апоплексіи, и что съ моими планами случится то же, что и со столькими другими вещами, казавшимися ихъ авторамъ горами, тогда какъ это были кротовыя вучи. Но какъ бы тамъ ни было, я ни у кого не прошу пощады, кромѣ друзей своихъ».

Однако бродячая и непрочная жизнь, въ сущности, вовсе была не по вкусу Прудону. Онъ это высказываетъ очень рѣзко въ письмѣ къ Морису, отъ 27-го августа, изъ Ліона, и смотритъ на такое существованіе, какъ на временное средство для того, чтобы нанести «рѣшительный ударъ». Въ его головѣ сидитъ не

мало плановъ общественной реорганизации, и на одинъ изъ нихъ онъ намекаетъ Морису: «я не наживу миллионѣвъ, въ этомъ вы можете быть вполне увѣрены. Но случится можетъ, что я глубже потрясу мнѣніе общества, чѣмъ это когда-либо было сдѣлано, и что представленный мною простой проектъ, въ которомъ *участіе капиталистовъ* было бы бесполезно, измѣнить совершенно существующій порядокъ вещей».

Изъ письма къ Бергману, отъ 22-го октября, мы узнаемъ, что пріятель Прудона—Аккерманъ умеръ мѣсяць спустя по полученіи отъ него послѣдняго письма. Бергману Прудонъ посылаетъ экземпляръ своихъ «Экономическихъ Противорѣчій» и говорить, что отнынѣ онъ вступаетъ въ «дѣятельную жизнь», что съ теоріей онъ покончилъ, и надѣется на хорошую дѣловую карьеру. Его *pia desideria* осуществились совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. Если, послѣ 1848 года, онъ и предался «дѣятельной жизни», то она далеко не принесла ему того, что онъ обозначаетъ, въ письмѣ къ Бергману, словами: «*existence confortable*». «Періодъ изысканій кончился для меня, — рѣшительно объявляетъ онъ, — новая карьера открывается предо мною, и вскорѣ я узнаю: стою ли я, въ самомъ дѣлѣ, чего-нибудь, или я долженъ обречь себя на то, чѣмъ пробавляется девятьсотъ-девяносто-девять-тысячныхъ рода человѣческаго, т.-е.: пить, ѣсть, работать, шататься и умереть». Ниже онъ еще энергичнѣе восклицаетъ: «минута рѣшительная; дѣло идетъ для меня о нравственной жизни или смерти». Въ этомъ же письмѣ Прудонъ еще разъ сообщаетъ о смерти отца и сѣтуетъ на то, что онъ не сумѣлъ раньше исполнить обѣщаніе, данное старику—составить себѣ обезпеченное житейское положеніе.

Книгопродавцу Гильомену Прудонъ даетъ мысль, въ письмѣ отъ 7-го ноября, сдѣлать изъ своего магазина «поле битвы социальныхъ идей, которыя скоро, какъ вы сами видите, поглотятъ идеи политическія, мистическія, дипломатическія и философскія» (т.-е. метафизическія, слѣдуя Прудоновой номенклатурѣ). Онъ предсказываетъ, что черезъ два года въ общественномъ мнѣніи социальная экономія будетъ первенствовать надъ всѣмъ остальнымъ. «Но, — прибавляетъ онъ, — господа экономисты, не въ обиду будь сказано, должны еще кое-чему научиться, чтобы быть вполне компетентными, даже въ своей специальности. Говорю это, не желая вовсе умалять въ вашихъ глазахъ достоинства друзей вашихъ. Въ настоящую минуту, съ такими ничего незначащими словами, какъ *laissez faire, laissez passer*, нельзя удовлетворить людей, спрашивающихъ: *Que faut-il faire et par où faut-il passer?*»

Предвижу крики социалистовъ, будто бы я уничтожилъ политическую экономію, но пальцемъ не тронулъ социализма; то же, только въ обратную сторону, заговаряютъ и экономисты. Если бы я могъ побить всѣхъ и каждаго, я достигъ бы какъ разъ предположенной мною цѣли: всеобщее примиреніе посредствомъ всеобщаго противорѣчія». Тому же, Гильомену, отъ 21-го ноября, онъ говоритъ о себѣ въ такихъ отвлеченныхъ выраженіяхъ: «антагонизмъ принциповъ составляетъ во мнѣ фактъ, служащій установленію необходимости принциповъ въ ихъ относительно-сти и взаимности; такъ, что если Богъ и человѣкъ противоположны одинъ другому, то ихъ существованіе неполно до тѣхъ поръ, пока они не примирены. Это покажется вамъ очень темнымъ, не сомнѣваюсь въ томъ; но мнѣ остается одно: пригласить васъ заняться логикой. Заговори я съ вами объ алгебрѣ, вы бы меня не понимали, и я долженъ былъ бы обратить васъ къ занятіямъ алгеброй».

Послѣднее письмо, относящееся къ 1846 году, адресовано профессору Тиссо. Вѣроятно, по типографской ошибкѣ, оно помѣчено, въ текстѣ, 13-мъ декабря 1839 года; но въ оглавленіи второго тома оно относится къ 1846 году (да и содержаніе его говоритъ за эту эпоху) и помѣчено 16-мъ декабря, почему оно и очутилось послѣднимъ въ ряду писемъ этого года. Писано оно въ Ліонѣ. Прудонъ отвѣчаетъ на замѣчанія Тиссо, все еще касающіяся безконечнаго вопроса о собственности.

«Я просто доказываю,—пишетъ Прудонъ, съ 1840 года,—что собственность, по необходимости устанавливающаяся въ обществѣ, точно также по необходимости уничтожается въ немъ».

«Вотъ что я разумѣлъ уже въ первомъ моемъ мемуарѣ, когда я говорилъ, что я ни собственникъ, ни коммунистъ—двойное отрицаніе, значившее то, что собственность и общность—двѣ антиноміи, два принципа, въ одно и то же время и неосуществимые, и необходимые».

Прудонъ зналъ, что эта «человѣческая діалектика» (какъ онъ самъ называетъ ее) не по вкусу профессору; но логика Гегеля удовлетворяетъ его гораздо больше старья французскихъ университетскихъ мудрецовъ. «Скажите на милость,—спрашиваетъ онъ,—что значать всѣ эти устарѣлыя изреченія: *всякая вещь имѣетъ свои выгоды и неудобства; мудрость заключается въ срединѣ и избытокъ крайностей; не слѣдуетъ смѣшивать употребленія со злоупотребленіемъ*, и другія глупости, которыя сводятся къ нелѣпымъ представленіямъ, если ихъ проанализировать.

«Читая антиноміи Канта, я увидалъ въ нихъ вовсе не дова-

зательство слабости нашего разума, вовсе не примѣръ діалектической мелкости, но настоящій законъ природы и мысли. Гегель показалъ, что этотъ законъ гораздо общѣе, чѣмъ предполагалъ Кантъ; и можно, не слѣдуя за Гегелемъ въ его бесплодной попыткѣ построить міръ реальностей съ *априорными*, будто бы, истинами разума, — смѣло утверждать, какъ мнѣ кажется, что логика удивительно удобна, чтобы объяснять факты, которые мы, прежде того, разсматривали, какъ *неудобства, злоупотребленія, крайности* другихъ явленій».

VI.

Новая личность является въ перепискѣ Прудона, въ началѣ 1847 года. Женщина-писательница, получившая извѣстность во Франціи значительно позднѣе Жоржъ-Занда, прислала Прудону, въ концѣ 1846 года, при письмѣ экземпляръ своей книги: «*Essai sur la liberté considérée comme principe et fin de l'activité humaine*». Она выбрала псевдонимъ *Даніеля Стерна*, который доставилъ ей, въ скоромъ времени, большую извѣстность. Подъ этимъ псевдонимомъ выступила въ литературу *графиня д'Агу* (d'Agoult). Ей-то Прудонъ и написалъ письмо отъ 17-го февраля, находясь уже въ то время въ Парижѣ. Онъ хвалитъ ея книгу, защищаясь, въ то же время, отъ ея похвалъ, но не хочетъ съ ней хитрить; онъ прямо ей объявляетъ, что для полной съ нимъ солидарности необходимо, чтобы она выкинула изъ своего сочиненія: «всѣ общія мѣста, относящіяся къ эмансипаціи женщинъ и къ уничтоженію смертной казни. Объ этихъ двухъ важныхъ вопросахъ можно сказать кое-что иное, чѣмъ то, что толковали объ нихъ Жоржъ-Зандъ и Беннариа, два писателя одинаково сильные въ болтовнѣ (*verbiage*), но одинаково же неспособные въ философскомъ смыслѣ».

Графиня. д'Агу, съ женской догадливостью, поняла, куда поведутъ Прудона его *взгляды* на женщину, и возражала ему. Прудонъ отвѣчаетъ ей отъ 25-го іюля, и этотъ отвѣтъ (хоть онъ уже извѣстенъ русскому читателю) мы приведемъ цѣликомъ, во всей его типичной рѣзкости. Писано письмо въ Парижѣ.

«*Pardieu, madame!* Вы сразу угадали: у меня нѣтъ пишки почтенія (*vénération*), и мнѣ бы хотѣлось раздавить ее на лбу всѣхъ остальныхъ смертныхъ. Къ чему же, скажите на милость, освободилъ я себя отъ страха Господня, отъ церковнаго авторитета, къ чему дразнилъ отца Лакордера, коли я долженъ подпа-

дать опять подъ нго электиковъ, экономистовъ, социалистовъ, литературщиковъ, всѣхъ кружковъ, оспаривающихъ, одинъ у другого, вниманіе и деньги публики? Переставъ обожать Иисуса Христа, затѣмъ буду я указывать за Жоржъ-Зандъ и вѣнчать Беккаріа?

«Вы называете Беккаріа великимъ умомъ, великимъ сердцемъ!..

«Знаете ли, судариня, кто былъ мой отецъ? Онъ былъ честный пивоваръ, которому никакъ нельзя было вбить въ голову, что для наживы надо продавать дороже, чѣмъ вещь самому стобить. Онъ настаивалъ на томъ, что такъ наживать деньги—безчестно. «Мое пиво», повторялъ онъ всегда, «стобить мнѣ столько-то, включая и заработную плату; дороже я не могу продавать!» Что же вышло? Мой добрякъ-отецъ жилъ бѣдно, умеръ бѣднякомъ и оставилъ дѣтей въ бѣдности.

«А вѣдъ онъ слѣдовалъ, не догадываясь вовсе, тому же принципу, который долженъ былъ привести одного изъ его сыновей къ такому вотъ положенію: *собственность—кража*. Этотъ мастеровой имѣлъ дѣйствительно великое сердце, потому что онъ, въ теченіи тридцати лѣтъ, добровольно отказывался отъ обогащенія; добавлю, что и умъ его былъ свѣтлый и честный, такъ какъ онъ не могъ никогда понять необходимости неравенства.

«А вспомнить ли потомство имя моего отца?

«Поэтому, нечего намъ толковать о Беккаріа. Знаменитость, доставленная этому краснобаю, есть просто несправедливость къ памяти цѣлаго милліона людей, нисколько не хуже его, нашедшихъ, вмѣсто всякой награды, темное небытіе. Беккаріа, возмущенный вмѣстѣ съ другими благородными личностями своей эпохи, злоупотребленіемъ казней и ужасовъ пытки, кое-какъ изложилъ протестъ, жившій во всѣхъ сердцахъ. Но, какъ мыслитель, онъ гораздо ниже своей задачи; онъ не создалъ вовсе теоріи наказанія, и ограничился приторной филантропіей, которой такъ же далеко до истины, какъ коммунизму — до настоящей организаціи.

«Имя Беккаріа осталось въ почетѣ между криминалистами. За это я и желалъ бы разбить поклоненіе ему. Съ Беккаріа философія остановилась на понятіяхъ преступленія и наказанія; когда начнутся дальнѣйшія изысканія, Беккаріа потеряетъ всякое значеніе.

«То, что я сейчасъ сказалъ, дастъ вамъ предчувствовать, каковъ будетъ мой отвѣтъ на другой вопросъ вашъ. Вы меня спрашиваете: затѣмъ эти ѣдки, личные, постоянныя нападки на все, что пользуется въ ученomъ или литературномъ мѣрѣ какимъ-нибудь вѣсомъ?

«Во-первыхъ, мнѣ кажется, что я не нападаю на всѣхъ, и я могъ бы привести не одно исключеніе. Но не въ томъ дѣло. Развѣ вы думаете, что, взявшись за перо, я имѣлъ въ виду положить себѣ дорогу въ литературу, администрацію или журнальную прессу? Нѣтъ, сударыня, я не литераторъ и во мнѣ нѣтъ ни одного изъ предразсудковъ, ни одной изъ слабостей этой профессіи. Я, собственно говоря, *дѣловой человекъ* (*homme d'affaires*): Это званіе показало мнѣ сразу, какая пропасть лежитъ между мною и всѣми тѣми, кто, подъ разными именами, занимается интересами народа и общественными дѣлами; я увидалъ, что обычная ловкость, т.-е. вѣжливость, притворство, вниманіе, мягкость—въ сущности отсутствіе ловкости, и я сталъ жить по-своему. Или я совладаю со всѣми, или я провалюсь.

«Быть правымъ противъ всѣхъ на свѣтѣ!—подумаете вы. А почему же нѣтъ, если весь свѣтъ, въ то же время, раздѣляетъ мое мнѣніе! Число противниковъ пугаетъ васъ; меня же оно воодушевляетъ. Я думаю, что на этой дорогѣ... на которую я вышелъ, я долженъ буду непремѣнно ошибаться, если случится хоть одно мнѣніе, мнѣ непротивное. Стало быть, съ точки зрѣнія моихъ теорій, я обязанъ былъ дѣлать то, что я сдѣлалъ; что же до личностей, то вы позволите мнѣ отослать васъ къ девятой сатирѣ Буало:

Qu'on prise sa candeur et sa civilité, etc.

«Вы знаете, какъ онъ отдѣлалъ Шапелэна. А вообразите себѣ, сударыня, что, вмѣсто стиховъ, дѣло идетъ о свободѣ, о правѣ на трудъ, о распредѣленіи продуктовъ, о равенствѣ, не предъ однимъ лишь закономъ, но передъ состояніемъ, объ ответственности, добрыхъ нравахъ; когда дѣло идетъ о спасеніи народа, болѣе того, о прогрессѣ, цивилизации и обо всемъ человѣческомъ достоинствѣ, думаете ли вы, спрашиваю я, что я не вправѣ возмущаться, и, называя поименно моихъ противниковъ, въ сто разъ извинительнѣе, чѣмъ Буало?

«Быть можетъ, я ошибаюсь, но я, разъ рѣшившись такъ поступать, назадъ пятиться не стану. Война со всѣми, кто только держитъ перо! Это перешло во мнѣ въ состояніе теоріи, и если бы когда-нибудь я заговорилъ съ публикой о моихъ мотивахъ, я бы это сдѣлалъ не изъ желанія оправдываться, а въ надеждѣ найти подражателей. Да развѣ не давно пора всѣмъ свободнымъ умамъ вооружиться противъ этой коалиціи философовъ, ученыхъ, журналистовъ, жонглеровъ всякаго рода, задушающихъ мысль и подавляющихъ разумъ?

«Но затѣмъ, скажете вы, разоблачать слабыя стороны социальной партіи ея торжествующимъ противникамъ? А затѣмъ, отвѣчу я, въ свою очередь, эти вѣчныя сдѣлки съ заблужденіемъ, со зломъ? Легче ли намъ отъ всѣхъ этихъ паллиативовъ? Знать свои недостатки—все равно, что одержать первую побѣду. Пускай наши противники смѣются, они гораздо ближе, чѣмъ думаютъ, къ слезамъ и зубовному скрежету...

«Еслибы я добивался имени чистенькаго (correct) писателя, я бы думалъ, какъ и вы, сударыня, что дурно поступаю, беру мои слова въ словарь Фурье, Канта, Гегеля, Сень-Симона, Адама Смита и многихъ другихъ, которыхъ очень недолюбливаютъ въ академіи. Но какое мнѣ дѣло до стиля и до литературы!.. Когда я говорю публикѣ, я стараюсь объ одномъ: чтобы выраженіе было ясно, сильно, язвительно; у меня нѣтъ иной реторики. Я нахожу, что языки безпрестанно мѣняются, все равно, что общества; это—организмъ, куда постоянно входятъ новые матеріалы, въ то самое время, какъ другіе матеріалы выходятъ изъ него; желать останавливать ихъ въ извѣстный моментъ ихъ жизни, подъ предлогомъ чистоты, это—останавливать самый умъ, это—дѣлать общество неподвижнымъ. Во всѣ времена пуристы были самыми жалкими мыслителями, самыми бездарными писателями. Охотно допускаю, что языкъ Паскаля достаточенъ былъ бы для выраженія того, о чемъ мы думаемъ на языкѣ новѣйшихъ новаторовъ, но потерялись бы, а-ргороз, сила, колоритъ минуты. Языкъ Паскаля выразилъ все, что онъ могъ; слишкомъ нефилософски, слишкомъ мелочно—равать противъ неологизма.

«Я былъ бы счастливъ и гордился бы, еслибы получилъ одобреніе такого здороваго ума, какъ вашъ, почему и воспользовался бы вашимъ любезнымъ приглашеніемъ—прийти побесѣдовать съ вами. Но я чувствую, что разъ разговоръ перейдетъ въ споръ, я вамъ ни въ чемъ не уступлю, нетерпимость моихъ сужденій такъ же всплыветъ въ разговорѣ съ вами, какъ съ г. Бланки или отцомъ Кабэ, и вы, вмѣсто пріятнаго посѣтителя, получите докучнаго спорщика. Ваше воспитаніе, ваши привычки, все, наконецъ, отдѣляетъ васъ отъ человѣка, въ которомъ и есть одинъ лишь громадный гнѣвъ, для котораго его работы, мышленіе, политическая экономія, искусства—только орудія заговора. Сходиться на минуту, и потомъ не видаться больше, это—недостойно насъ обоихъ: любопытство—съ вашей стороны, тщеславіе—съ моей; въ концѣ-концовъ—взаимное отвращеніе и презрѣніе. Меня тяготятъ такіе визиты, и я желаю встрѣчъ или съ сотрудниками, или съ врагами».

На это письмо нельзя, конечно, смотрѣть съ свѣтской точки

зрѣнія; оно показалось бы просто грубымъ; но и на взглядъ болѣе широкій въ немъ есть извѣстная доля угловатости и односторонности, продиктованныхъ, однако, здоровымъ чувствомъ искренняго протеста. Доводъ на счетъ Бекжаріа—просто выходна весьма сомнительной логики, а о женщинахъ Прудонъ впоследствии хоть и толковалъ «иначе, чѣмъ Жоржъ-Зандъ», но врядъ ли научнѣе и дѣльнѣе. Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ (сколько помнитъ) русскіе читатели ознакомились съ этими суровыми и придирчивыми взглядами Прудона, вызвавшими рядъ очень талантливыхъ статей русскаго писателя, горячаго защитника женской эмансипаціи.

Морису Прудонъ сообщаетъ изъ Парижа, отъ 26-го марта, что его «умствованія (élucubrations) приходятъ къ концу, и пора ему приняться за практику; но на журнализмъ онъ плохо надѣется, и видитъ, что его всѣ ненавидятъ. Про фурьеризмъ онъ пишетъ, что на эту доктрину смотреть въ Парижѣ, какъ на огромную мистификацію, годную для опоражниванія кармановъ у простаковъ, подъ предлогомъ приготовленій къ эмансипаціи народа. Эти люди — достояніе исправительной полиціи». Хотя онъ и отчаявается въ своей журнальной дорогѣ, но въ письмѣ отъ 30-го мая, изъ Ліона, онъ уже говорилъ тому же Морису о еженедѣльномъ журналѣ, задуманномъ имъ къ осени, а пока онъ кончаетъ вещь, которая должна служить «манифестомъ» этому журналу. Онъ чувствуетъ себя въ «переходномъ положеніи», и это его раздражаетъ. Вопросъ: будетъ ли онъ чистымъ дѣльцомъ, или журналистомъ—еще не рѣшенъ имъ. Онъ сравниваетъ себя съ игрокомъ или пьяницей, желая такимъ сравненіемъ выставить на показъ свой публицистическій «зудъ». Пропаганда дорогихъ ему идей должна была преодолѣть соображенія дѣловой карьеры, и онъ это чувствуетъ. «Я бы,—поясняетъ онъ,—и теперь не былъ способенъ ни на что иное, кромѣ корректуры и набора, еслибъ социалистическая горячка не кинула меня въ экономическія изслѣдованія, гдѣ я могу, незамѣтно, произвести революцію. А экономическія изслѣдованія сдѣлали меня человекомъ, способнымъ къ дѣламъ; вотъ какъ это все держится одно за другое». Дальше онъ кончаетъ тѣмъ, что отказывается въ принципѣ отъ денежной дороти, объявляя, что ему дороже всего «идеи» и «умственные наслажденія». О еженедѣльномъ журналѣ «*Le Peuple*», Прудонъ уже гораздо опредѣленнѣе говоритъ Бергману въ письмѣ изъ Парижа, отъ 4-го іюня. Журналъ, по его расчету, долженъ давать ему 3,000 франковъ въ годъ.

«Вотъ моя жизнь,—обобщаетъ онъ,—мое положеніе, моя будущность. Если мнѣ можно будетъ бесѣдовать съ публикой иначе, какъ посредствомъ книгъ, и насильно вытащить на поле настоящихъ вопросовъ всю эту сволочь (saпaille) изъ журналистовъ, утопистовъ и экономистовъ, не сомнѣваюсь, чтобы оно не отразилось на общественномъ мнѣніи, на дѣлахъ и на правительственномъ мірѣ».

Съ замѣчаніями Бергмана насчетъ рѣзкостей, въ которыхъ Прудонъ прибѣгаетъ въ своей книгѣ, послѣдній вообще согласенъ, но онъ хочетъ отвѣтить на вопросъ: почему при ясныхъ научныхъ симпатіяхъ онъ остается памфлетистомъ? «Я думаю, любезный Бергманъ, что форма моей книги, какъ и всякой полемической вещи, вызвана необходимостью. То, въ чемъ ты меня упрекаешь, держится за теорію, которую я выработалъ о литературной отвѣтственности и личномъ характерѣ мнѣній; теорія эта явится когда-нибудь въ моемъ журналѣ. По-моему, въ дѣлѣ политики, практической морали, социальной науки, всего того, что относится къ дѣятельной жизни и современному состоянію общества, теоріи не исчерпываются идеями, отвлеченностями; онѣ вбираютъ въ себя также интересы, вліянія, соглашенія, интриги, личности; ты понимаешь, почему, не имѣя никакихъ счетовъ съ лицами, я впадаю въ личные нападки по необходимости и съ пред namѣреніемъ, и даже въ нихъ я руководжусь научными соображеніями.

«Ты ставишь мнѣ въ упрекъ мой *прологъ* и мои размышленія о Богѣ, злѣ и т. д. Не поддался ли ты, любезный Бергманъ, сердечному настроенію; я же настаиваю на томъ, что вопросы о Богѣ, о судьбѣ человѣчества, объ идеяхъ, о достовѣрности, словомъ, что всѣ высшіе вопросы философіи (т.-е. метафизики) составляютъ существенную часть экономической науки, которая служить имъ высшимъ выраженіемъ.

«Скажи лучше, что намъ надобна теологія и метафизика; что мы не желаемъ слушать объ нихъ, что слѣдуетъ говорить о *ничетѣ*, а не о *злѣ*, о цѣнности *продуктовъ*, а не о цѣнности *идей*, о правительственной власти человѣчества, а не о Провидѣніи и проч. и проч. Но ты самъ понимаешь: какая непоследовательность заключается въ этомъ притязаніи разочарованныхъ умовъ, и я, конечно, не изъ тѣхъ, которые поддаются ему.

«Я глубоко сознаю: сколько еще остается сдѣлать, чтобы установить наши теоріи о Богѣ, душѣ, судьбѣ человѣка, достовѣрности и проч. Но я буду подвигаться полегоньку; и такъ какъ, въ концѣ-концовъ, я увѣренъ, вполне увѣренъ, что приду

къ положительному и прямому результату въ социальной экономіи, я нахожу въ этомъ осуществленіи доводъ въ пользу дальнѣйшаго принятія другихъ моихъ теорій. Да, говорю я тебѣ, общество приближается къ состоянію, обратному тому, въ которомъ оно теперь находится, идя путемъ развитія тѣхъ самыхъ принциповъ, какіе привели его къ настоящему порядку. Вотъ это я и докажу помощью *a* плюсъ *b*, независимо отъ всякаго политическаго, религіознаго или философскаго соображенія».

Кончаетъ онъ просьбой, чтобы его другъ посмотрѣлъ на политическую экономію, какъ на философію счетоводства (*Philosophie de comptabilité*) и говорить, что всѣ экономисты хромаютъ на эту ногу. «Нѣтъ у нихъ ни одного довода, гдѣ бы не было ошибки въ счетѣ; это и послужить моей новой критикѣ точкой отправленія; сообрази, каково будетъ всеобщее изумленіе».

Пока соиздался журналъ, задуманный Прудонъ, онъ долженъ былъ вернуться въ Ліонъ, откуда пишетъ книгопродавцу Гильомеу, отъ 19-го сентября, что получилъ памфлетъ Маркса, подъ заглавіемъ «Нищета философіи», направленный на его книгу: «*Philosophie de la misère*». Нѣмецкій социалистъ не преминулъ, разумѣется, обрушиться на человѣка, осмѣливагося отстаивать свои идеи въ письмѣ, написанномъ, какъ мы видѣли, съ полной умѣренностью. Прудонъ называетъ эту брошюру: «сплетеніемъ грубостей, клеветы, поддѣлокъ и литературнаго воровства», но выводитъ заключеніе, что его книги сильно читаются въ Германіи.

Послѣднее письмо Прудона изъ 1847 года, отъ 24-го октября, написано Бергману, въ Ліонѣ. Онъ очень доволенъ тѣмъ, что оставилъ службу у братьевъ Готье. Мы знаемъ, что она ему ничего не принесла. Онъ рассчитываетъ на издателя Гильомеа и на экономическія работы въ Парижѣ. «Чтобы мнѣ было мѣсто въ обществѣ», говорилъ онъ, «надо, чтобы я произвелъ въ немъ переворотъ». Съ такими мыслями онъ приступаетъ къ изданію своего журнала. Слово «мой» онъ оговариваетъ, такъ какъ денежная сторона дѣла ему не принадлежала. Объясненіе, написанное имъ, указываетъ на такую задачу, которую никто, кромѣ его, выполнить не въ состояніи. «Поэтому-то», заключаетъ онъ, я и называю журналъ моимъ, и желаю, чтобы онъ вполнѣ сообразовался съ моими идеями: *si no—no*».

«Ты понимаешь, что, дѣлаясь журналистомъ, я не буду также править моей ладѣй, какъ и другіе, и вступать въ конкуренцію словъ съ моими будущими собратами по парижской прессѣ; пускай они справляются съ своимъ ремесломъ, какъ знаютъ. Пускай-

ихъ продають передовыя статьи, фельетонныя романы, скверную критику, разныя извѣстія и объявленія. Это до меня не касается. Когда мы будемъ тамъ — мы и посмотримъ».

«Журналь *«Le Peuple»* явится первымъ актомъ экономическаго переворота; въ немъ будетъ сидѣть планъ сраженія съ капиталомъ, онъ послужитъ центральнымъ органомъ всѣхъ операций боевой кампаніи, которую я начну противъ режима собственности. Отъ критики я перехожу къ дѣйствию, и оно начинается журналомъ».

Онъ надѣется, что въ хорошихъ сотрудникахъ недостатка не будетъ и все пойдетъ прекрасно, если только онъ останется живъ и здоровъ. Бергману не нравится заглавіе «Народъ». Прудону оно тоже не совсѣмъ по вкусу; но онъ его удержалъ, чтобы журналъ напоминалъ своимъ заглавіемъ прежній «Peuple», имѣвшій не только читателей, но и акціонеровъ. Это заглавіе дастъ ему сейчасъ же тѣму для первыхъ передовыхъ статей. «Народъ, — кончаетъ онъ письмо, — собирательное существо, народъ — безгрѣшное и божественное цѣлое, — вотъ что будетъ преобладать въ моемъ органѣ, но, конечно, съ другой точки зрѣнія и въ другой формѣ, чѣмъ въ *Contrat social*. Насколько всѣ эти старыя теоріи о верховности народа — пусты и туманны, а стало быть и живы: настолько же найденъ мои мысли ясными, положительными, съ легкимъ и прямымъ осуществленіемъ».

Мы подошли къ 1848 году. Прудонъ, собираясь въ Парижъ, не догадывался, какъ и многіе другіе, о близости февральской революціи. Онъ собрался дѣйствовать и смотрѣлъ на себя, какъ на чловѣка, закончившаго свое философское и социальное развитіе. На этомъ рѣшительномъ рубежѣ припомнимъ читателю, что, въ предпоследнемъ письмѣ къ Бергману, Прудонъ, несмотря на свои позитивныя попытки, въ сущности хранилъ въ себѣ замашки не-исправимаго метафизика, вѣрующаго въ то, что у него есть отвѣты на вопросъ о «причинѣ причинъ». Такое заявленіе для насъ важнѣе всякихъ личныхъ наведеній.

Д — Е ВЪ.

ГЕРМАНІЯ

НАКАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ

ХІІІ *).

АВСТРІЙСКІЙ ГАБСБУРГЪ.

Австрія—вторая Германія. Между ними много сходства. Этимъ отчасти объясняется ихъ долгое сожительство и тяжелая разлука въ наше время.

Подобно Германіи, Австрія полна противорѣчій, затрудняющихъ ея анализъ. Уже запутанность ея внутреннихъ отношеній доказываетъ, что это—средневѣковое явленіе. Въ послѣднее время Австрія перепробовала много системъ, чтобы принять болѣе приличный политическій видъ. Но она оставалась лже-государствомъ, механическимъ сборомъ разныхъ народностей, бытовъ и политическихъ отношеній, спѣвленныхъ между собою такъ-называемой «личною уніей», т.-е. одною династіей, да и то пришлою. Австрія существовала въ системѣ европейскихъ державъ по принципу: въ семьѣ не безъ уroda. Она жила не по внутренней необходимости, а по случаю, какъ Турція. Ея пресловутое «счастье» заключалось въ требованіяхъ европейскаго равновѣсія. Отсюда извѣстная фраза: «еслибы, къ счастью для Европы и особенно для Германіи, не было австрійской имперіи, то ее слѣдовало бы немедленно создать».

Наполеонъ І окрестилъ владѣнія Габсбурга официальнымъ именемъ *Австрійской имперіи*. Тогда же была разрушена Гер-

*) См. выше: май, 193; іюнь, 595 стр.

манская имперія — и австрійскій государь пересталъ быть Янусомъ, одно лицо котораго было обращено на востокъ, а другое — на западъ. Правда, новый титулъ не имѣлъ никакого значенія. Онъ былъ принятъ только для того, чтобы «совершенно уравнивать австрійскихъ государей съ наипреимущественными правителями Европы». Все осталось по старому. Но у Австріи хотъ явилось названіе. До XIX-го столѣтія и этого не было, и историкъ находился въ затруднительномъ положеніи, говоря о безымянномъ явленіи. Въ прошломъ вѣкѣ Габсбургъ назывался королемъ венгерскимъ и чешскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ, герцогомъ бургундскимъ, оженнымъ графомъ (gefürsteter Graf) тирольскимъ, и т. д. безъ конца. Сверхъ того, онъ былъ римско-нѣмецкимъ императоромъ.

Мы уже характеризовали императора св. римской имперіи. Теперь рассмотримъ австрійскаго государя.

«Австрія» или «восточная Украйна» (Oestliche Mark) основана Карломъ Великимъ, около 800 года, на развалинахъ державы аваровъ, соплеменниковъ гунновъ и мадьяровъ. Тогда же она была заселена нѣмецкими колонистами. Это — нынѣшнее эрцгерцогство Австрія съ Вѣной, — ядро германскаго элемента въ имперіи. Украйна сначала составляла часть Баваріи, но, лѣтъ двѣсти спустя, отдѣлилась отъ нея, какъ самостоятельное маркграфство, и была пожалована ничтожному феодальному роду во Франконіи — Баденбергерамъ. Вскорѣ Австрія, пользуясь борьбой гвельфовъ съ гибеллинами, стала герцогствомъ и получила небывалыя права. Privilegium 1156 г. объявилъ ее «наслѣдственнымъ и нераздѣльнымъ» владѣніемъ. Герцогъ австрійскій сталъ государемъ въ своей землѣ. Онъ даже судилъ подданныхъ отъ своего, а не отъ императорскаго имени. Онъ лишь номинально считался вассаломъ императора. На герцога почти не возлагалось никакихъ имперскихъ обязательствъ, а между тѣмъ онъ пользовался всѣми льготами фюрстовъ и занималъ въ имперскомъ сеймѣ первое мѣсто, послѣ курфюрстовъ, по правую руку императора, когда ему угодно было являться туда. Privilegium 1156 г. весьма важно. Оно создало независимое государство въ Германіи и установило отношенія между нимъ и имперіей, которыя не измѣнялись впослѣдствіи.

Черезъ сто лѣтъ, въ половинѣ XIII вѣка, вымеръ родъ Баденбергеровъ — и въ исторіи Австріи мирная эпоха процвѣтанія и независимости смѣнилась смутнымъ временемъ. Измученное неурядицей, австрійское земство само просило могущественнаго чешскаго короля, Оттовара, принять его въ свое подданство. От-

товарь присоединилъ къ Чехіи герцогство Австрію, да кромѣ того, маркграфства Штирію, Каринтію и Крайну, постепенно выдѣлившіяся изъ Баваріи. Но чешское господство было кратковременно. Въ 1273 году, Рудольфъ Габсбургскій былъ избранъ нѣмецкимъ императоромъ. Онъ уничтожилъ Оттовара. Въ награду за это, курфюрсты дозволили ему передать Австрію, Штирію и Крайну своимъ дѣтямъ, но не какъ обыкновенный, личный ленъ, а какъ независимое и наслѣдственное владѣніе всего *габсбургскаго дома*. Новые подданные Рудольфа были торжественно освобождены отъ присяги имперіи: его одного они должны были признавать своимъ господиномъ. Такъ было положено основаніе могуществу Габсбурговъ.

Это могущество—одно изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ явленій въ исторіи Европы. Габсбурги — истинное Провидѣніе Австріи, какъ великой державы. Они ее создали, во имя ихъ она существуетъ и теперь. Послѣ принципа европейскаго равновѣсія, это—второй случай, которымъ держится Австрія. Другія державы носятъ въ себѣ самихъ залогъ жизненности. Франція не разъ лишалась династіи, и осталась Франціей. Но отнимите Габсбурговъ у Австріи—и ея имя исчезнетъ съ политической карты Европы. Оттого-то Габсбурги такъ прочны.

Необходимость Габсбурговъ для Австріи тѣмъ яснѣе, что они уже давно выродились, не представляютъ замѣчательныхъ личностей. Въ габсбургскомъ домѣ два противоположныхъ типа: одинъ принадлежитъ среднимъ вѣкамъ, другой начинается съ XVI-го столѣтія.

Габсбурги перваго типа были отрицаніемъ среднихъ вѣковъ. Отъ нихъ вѣетъ рѣзкимъ воздухомъ новой исторіи. Въ нихъ нѣтъ рыцарскаго и церковнаго идеализма. Они также не походятъ на своихъ предшественниковъ, романтическихъ Гогенштауфеновъ, какъ московскіе князья на кievскихъ. Это — нѣмецкіе собиратели земли, суровые скопидомы, практическіе люди. Ихъ имя столь же прозаично, какъ и прозвище нашего Іоанна Калиты: «Габсбургъ» значитъ «замокъ» для храненія «имущества» (Habe), кладовая.

Первые Габсбурги изъ ничего создали могущество своихъ потомковъ съ замѣчательнымъ хозяйственнымъ тактомъ. Въ половинѣ X-го вѣка это были ничтожные графы въ южной Швабіи. Ихъ имя появилось лѣтъ сто спустя, когда они построили себѣ замокъ *Габсбургъ*, близъ впаденія Аара въ Рейнъ. Вскорѣ Габсбурги разжились, такъ что одного изъ нихъ прозвали «богачомъ». Ихъ земли все увеличивались. Владѣнія графа Рудольфа,

избраннаго императоромъ, были раскинуты отъ С.-Готарда до Шварцвальда, и отъ Баденскаго озера до Вогезовъ. Вмѣстѣ съ богатствомъ пришло и вліяніе. Габсбурги занимали важныя должности, были епископами, аббатами, канониками, имперскими судьями и чиновниками. Во многихъ мѣстахъ имъ принадлежали ленныя права.

Графы Габсбурги всѣмъ обязаны своей практичности и скопидомству. Они всегда держали деньги про запасъ, чтобы скупать земли у промотавшихся феодаловъ. Они дорожили браками, какъ выгодной спекуляціей. Не увлекаясь романтизмомъ, графы Габсбурги являлись, съ своей вымуштрованной дружиной, тамъ, гдѣ можно было получить что-нибудь болѣе существенное, чѣмъ рыцарская слава и честь. Они ловко пользовались борьбой императоровъ съ феодалами, становясь то на ту, то на другую сторону, но всегда такъ, что выходили сухими изъ воды. Тѣмъ же характеромъ отличалась внутренняя политика графовъ. Они смотрѣли на подданныхъ, какъ на непріятеля, котораго должно обирать въ свою пользу.

Вступленіе на имперскій престолъ династіи съ такимъ характеромъ, какъ Габсбурги, было однимъ изъ признаковъ времени. Тогда наставала новая эпоха въ исторіи среднихъ вѣковъ. Въ концѣ XIII-го столѣтія уже не было крестовыхъ походовъ. Начиналась смѣна одного міровоззрѣнія другимъ. Разлагалось рыцарство и папство. Подымались города. Повсюду чувствовалось приближеніе новаго времени.

Габсбурги, согласно съ своимъ характеромъ, повели дѣло на императорскомъ престолѣ въ духѣ новаго времени. Они замыслили основать на развалинахъ феодализма гордое зданіе абсолютной монархіи. Оттого-то Рудольфъ тотчасъ же закрѣпилъ за своимъ домомъ нѣсколько земель, какъ владѣніе независимое отъ имперіи: онъ понималъ, что только матеріальная сила можетъ придать вѣсь пустому титулу императора. Его преемники поставили себѣ цѣлью собирать земли, въ качествѣ австрійскихъ Габсбурговъ, а не нѣмецкихъ императоровъ. Цѣль была достигнута, такъ какъ Габсбурги были специалисты по этой части и особенно счастливо пользовались браками. Въ концѣ прошлаго вѣка оказалось, что къ ничтожнымъ владѣніямъ пращура Рудольфа были прицѣплены: герцогство Каринтія, княженное графство Тироль, Чешское королевство съ маркграфствомъ Моравіей, Венгерское королевство съ Трансильваніей, Славоніей, Кроаціей и Далмаціей, королевство Галиція, Австрійскіе Нидерланды или Бельгія.

Главное средство для исполненія основнаго замысла—матеріаль-

ная сила,—была приобретена. Но достигли ли Габсбурги своей цѣли? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно взглянуть въ новый типъ Габсбурга и въ его политическое хозяйство.

Новый типъ Габсбурга сложился въ эпоху реформации. Основатель его—Карль V, тотъ самый императоръ нѣмецкій и король испанскій, который хвастался, что солнце не заходитъ въ его владѣнiяхъ. Родина его—Испанiя, и именно Испанiя новая, созданная коварною и желѣзною политикой Фердинанда и Изабеллы. Въ этомъ все дѣло. Правда, вскорѣ новый типъ распался; явились Габсбурги испанскіе и Габсбурги австрійскіе. Первые сохранили въ чистотѣ свои начальныя черты, вторые нѣсколько исказили ихъ, приблизились къ типу нѣмецкаго фюрста. Эти, хотя и сглаженные, черты все-таки составляютъ основу типа австрійскаго Габсбурга, точно такъ же, какъ отвислая нижняя губа, завѣщанная Карлемъ V. Оттого-то, при всемъ сходствѣ между этимъ Габсбургомъ и фюрстомъ, мы тотчасъ же замѣтимъ разницу, если поставимъ ихъ рядомъ. Въ Габсбургѣ мы уловимъ всѣ черты фюрста, но онѣ поразятъ насъ не только своими крупными размѣрами, а еще какимъ-то особеннымъ, именно испанскимъ впечатлѣніемъ.

Подобно фюрсту, Габсбургъ дурно воспитанъ, лѣнивъ, жаденъ и ограниченъ. Подобно фюрсту, онъ меньше всего походитъ на государственнаго мужа. Для него непостижимы политическія, національныя задачи. Своими священными обязанностями онъ почитаетъ заботы о личномъ и династическомъ интересѣ. Но въ Габсбургѣ съ нѣмецкимъ фюрстомъ совмѣщается испанскій грандъ, и еще болѣе испанскій іезуитъ. Это — мрачная и суевѣрная натура, отъ которой вѣетъ могильнымъ холодомъ. Ей чужды свѣтлыя минуты, радость и вдохновеніе. Габсбургъ погруженъ въ меланхолію, которая перешла у Рудольфа II въ помѣшательство. Онъ нелюдимъ и подозрителенъ, вѣритъ только въ дурныя стороны человѣческой природы. Габсбургъ недоступенъ впечатлѣніямъ. Благодаря іезуитскому воспитанію, испанской крови и бракамъ въ тѣсномъ родственномъ кругу, изъ него выработалась какая-то мумія, засохшая среди узкаго умственнаго горизонта. Габсбургъ съ неумолимою строгостью, иногда даже съ холодной жестокостью, преслѣдуетъ свои недалекія цѣли. Его положеніе кажется ему божественнымъ установленіемъ, безъ котораго рухнетъ вселенная. Оттого онъ почитаетъ священнымъ долгомъ быть надменнымъ, повелѣвать и гнѣваться, не терпѣть противорѣчій даже въ мелочахъ,—словомъ, непрестанно проявлять величіе.

Вся жизнь Габсбурга, съ минуты пробужденія до опочива-

ня—таинственный обрядъ. Послѣ Востока и Византіи, только въ Мадридѣ да въ Вѣнѣ придворная жизнь шла такимъ меланхолическимъ церемоніальнымъ маршемъ. Этикетъ фюрста—блѣдная копія съ этикета Габсбурга. Фюрстъ только силился подражать своему императору. У него были минуты отдыха отъ парадныхъ обязанностей. Отъ времени до времени имъ овладѣвало буйство—и при дворѣ наставала эпоха безпардоннаго кутежа. Тутъ попадались намѣки на разнообразіе, на жизнь, хотя съ самой жалкой ея стороны. Иногда почти можно простить фюрсту, какъ *enfant gâté*. Но Габсбургъ былъ весь поглощенъ сознаніемъ своего величія и долгомъ этикета. Жена и дѣти видѣли его лишь въ блескѣ испанскаго церемоніала. Охота,—почти единственная его забава,—была образцомъ чинной, степенной *noble passion*. Балы и маскарადы при вѣнскомъ дворѣ были нестерпимо скучны. Габсбургъ появлялся на нихъ, какъ на официальныхъ аудіенціяхъ,—только для того, чтобы освятить ихъ своимъ присутствіемъ. Онъ молча, безъ улыбки, шествовалъ по заламъ, окруженный пышнымъ парадомъ, и тотчасъ же удалялся въ свое уединеніе. Габсбургъ вѣчно былъ окруженъ толпой напыщенныхъ царедворцевъ, которые никогда не отступали въ своихъ рѣчахъ отъ изстари установленныхъ формулъ. Нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Испаніи, не было столько вельможъ, завѣщанныхъ средними вѣками, и строго раздѣленныхъ на ранги. Особенно проявлялось габсбургское величіе въ императорскомъ этикетѣ. Тутъ передъ изумленной Европой воскресалъ весь средневѣковой маскарадъ. Феодалыне графы и маркизы, кравчіе и постельничіе окружали тогда самодовольнаго Габсбурга, и Гогенцоллернъ, въ качествѣ архи-слуги (*Erzkämmerer*), подавалъ ему тазъ для омовенія рукъ и несъ передъ нимъ скипетръ: Для довершенія сходства съ придворной жизнью Востока и Византіи недоставало только евнуховъ. Но ихъ замѣняли іезуиты, заимствованные у родины Игнатія Лойолы. Они, подобно евнухамъ, были неспособны къ семейной жизни, по своему обѣту, и были точно также злы и лукавы. Они были духовниками, наущниками и тиранами Габсбурга. Эти преторіанцы въ рясахъ, соединявшіе грубость и своекорыстіе солдатъ съ фанатизмомъ жрецовъ Астарты, играли Габсбургомъ, какъ своимъ послушнымъ орудіемъ. Искусно связывая имя божіе съ деспотическими стремленіями императора, они приучили его не дѣлать шагу безъ ихъ совѣта и о каждомъ его поступкѣ тотчасъ же доносили въ Римъ. Угрюмый Габсбургъ вѣчно сидѣлъ съ ними въ своемъ уединеніи, какъ въ мона-

стырь, — и здѣсь-то выработывались идеи, создавшія мрачный типъ политическаго хозяйства Австріи.

Если мы замѣтили выше, что у фюрста династическій интересъ иногда нарушался личнымъ произволомъ, который былъ душой его политики, то Габсбургъ былъ гораздо послѣдовательнѣе его въ этомъ случаѣ. Нигдѣ нельзя наблюдать династическій интересъ въ такой полнотѣ и чистотѣ, какъ въ Вѣнѣ. Габсбургъ ничего не могъ постигнуть въ политикѣ, кромѣ одного — что Австрія существуетъ для его дома. Такое рѣдкое развитіе этого принципа имѣетъ историческое основаніе. Мы уже говорили, что Габсбурги — душа Австріи, и что даже ихъ враги желаютъ имъ долгоденствія. Разноплеменность и раздробленность этой державы поддерживаетъ ихъ династическій интересъ. Съ другой стороны, нѣмецкій фюрстъ могъ чувствовать хоть какую-нибудь связь съ своими подданными. Они были его одноплеменниками и земляками; фюрсты или жили здѣсь съ незапамятныхъ временъ, или даже были потомками популярныхъ племенныхъ герцоговъ. Но Габсбургъ — залетный гость въ Вѣнѣ: онъ явился изъ далека, съ Рейна, и совершенно случайно. А славянамъ и мадьярамъ онъ былъ чуждъ даже по національности: онъ также мало могъ понимать ихъ бытъ и нужды, какъ ихъ языки. Понятно, что династическій интересъ овладѣлъ бы Габсбургами, еслибы даже они не побывали въ испанской шеольтѣ.

На такой высотѣ, какъ габсбургскій тронъ, нужно не мало ума, чтобы понять, что самое лучшее средство упрочить династическій интересъ — слить его съ національнымъ. Высокомѣрный Габсбургъ считалъ униженіемъ своего величія прислушиваться къ голосу массы. Онъ воображалъ, будто самъ знаетъ, что ей нужно. Отсюда постоянныя ошибки въ управленіи сверху и проявленія недовольства снизу. Но самыя естественныя и невинныя жалобы казались Габсбургу оскорбленіемъ его почти-божескихъ правъ. Вліяніе правительственныхъ нравовъ Испаніи и іезуиты поддерживали это чувство. Образовалась теорія, что должно уничтожать въ странѣ всѣ признаки старой независимости и всѣ проявленія новой жизни. Подобно фюрстамъ, Габсбурги стали подавлять земства и государственныя права областей, нѣкогда жившихъ самостоятельно. Ужасы Бѣлогорской битвы (1620) и кроваваго суда въ Эперіесѣ (1687), подорвавшіе чешскую и венгерскую національности, доказываютъ, какъ горячо вѣрили Габсбурги въ свой политическій догматъ. Къ концу XVIII-го вѣка земства были отчасти подавлены, отчасти лишены своихъ существенныхъ правъ. Чиновничество осѣтило народы Австріи. Оно служило только ди-

настическому интересу, и въ этомъ отношеніи было неумолимо и энергично. Габсбурги награждали его за преданность и смотрѣли сквозь пальцы на его несправедливости, грабежи и угнетенія. Австрійское чиновничество стало образцомъ испорченности и деспотизма.

Этого мало. Габсбургъ боялся умственного развитія, потому что оно производитъ движеніе мыслей, а всякое движеніе казалось въ Вѣнѣ заразой, гибелью. Габсбургъ чувствовалъ, что одинъ династическій интересъ — механическая, непрочная связь, что, при малѣйшемъ колебаніи, гряда его народовъ распадется на свои составныя части. Отсюда крайній консерватизмъ, который только здѣсь можно наблюдать во всей его чистотѣ; отсюда инстинктивное отвращеніе Габсбурга къ интеллигенціи. Еслибъ можно было, онъ истребилъ бы всевозможныя книги и школы.

Впрочемъ, Габсбургъ почти дошелъ до этого въ прошломъ вѣкѣ. Едва только коснулась австрійцевъ реформація, эта умственная завсаска Германіи, какъ на нее было воздвигнуто гоненіе. Въ 1546 г. вышелъ указъ испытывать въ вѣрѣ профессоровъ, а потомъ и учителей. Богатые люди стали посылать своихъ дѣтей учиться за границу. Тогда послѣдовало распоряженіе, чтобы поступали только въ строго-католическіе университеты.

Но Габсбургу казалось, что зараза все еще распространяется, и были выписаны врачи-специалисты. Въ 1551 году явилась первая колонія іезуитовъ въ Вѣнѣ. Вскорѣ святыя патеры распространились по всей Австріи. Они засѣли на университетскихъ каеэдрахъ, овладѣли школами, завели пансіоны, семинаріи и конвикты, а учителя и проповѣдники не-католики были изгнаны. При Фердинандѣ II-мъ, въ разгарѣ Тридцатилѣтней войны, протестанты не смѣли даже давать частныя уроки. Было совсѣмъ запрещено посылать дѣтей учиться за границу, а уже отправленныхъ возвращали насильно. Исповѣдывать лютеранство нельзя было даже дома, въ кругу семьи: шпіоны въ рябѣ вынюхивали по домамъ, нѣтъ ли гдѣ нечистой совѣсти. Подъ страхомъ тюремнаго заключенія и штрафовъ, было повелѣно всѣмъ ходить въ церковь по воскресеньямъ и соблюдать посты. Кто указывалъ на свою совѣсть, запрещавшую исполнять этотъ указъ, того изгоняли немедленно изъ австрійскихъ предѣловъ. Тогда-то была подорвана въ корнѣ чешская національность съ ея гусситствомъ; въ потокахъ крови была утоплена ея высокая культура. Пражскій университетъ опустѣлъ — и «чешская» книга стала синонимомъ «рѣдкой» книги.

А «святыя» патеры размножались съ быстротой чужаднаго ра-

стенія. Они слились съ своими собратьями, энергически производившими въ Польшѣ ту же адскую работу. Австрія вмѣстѣ съ Рѣчью-Посполитой составляли одну «провинцію» іезуитовъ, провинціалъ которой сидѣлъ въ Вѣнѣ, подлѣ Габсбурга. Въ половинѣ прошлаго вѣка въ одномъ эрцгерцогствѣ Австріи было девять большихъ разсадниковъ іезуитства—коллегій, семинарій, конвиктовъ, пробствъ, резиденцій и т. д. Сюда завлекали всякаго, кто отличался знатностью происхожденія, богатствомъ или талантомъ. Отсюда выходили отряды святой рати, которые учреждали миссіи и резиденціи въ степяхъ Венгрии, въ ущельяхъ Трансильваніи и въ мирныхъ русскихъ селахъ отъ Галиціи вплоть до Кіева. Гдѣ не хватало этихъ неутомимыхъ бойцовъ, тамъ провинціалъ входилъ въ сношеніе съ благонамѣренными туземцами, выбиралъ изъ нихъ учителей и проповѣдниковъ: это были резервъ дѣйствующей арміи. По всей обширной державѣ господствовали книги съ іезуитскимъ штемпелемъ. Литература очутилась въ рукахъ святыхъ отцовъ, снабженныхъ безответственной и грозной цензурой.

Габсбургъ радовался работѣ своихъ заморскихъ опекуновъ. Іезуиты управляли за него. Іезуиты были образцовыми шпионами, вынюхавшими всѣ закоулки Австріи. Іезуиты знали помыслы подданныхъ и заправляли ихъ совѣстью. Іезуиты проповѣдовали безотчетное повиновеніе предержавимъ властямъ, хотя, конечно, лишь потому, что сами орудовали этими властями и не нуждались въ Равальякахъ. Но всего болѣе радовало Габсбурга, что святые патеры уничтожали возможность всякаго движенія въ народѣ. Преподавая однѣ латинскія вокабулы, развивая одну память, подавляя розгами и мертвой схоластикой индивидуальныя черты, іезуиты воспитывали дряблыхъ, безхарактерныхъ и тупоумныхъ поколѣнія, поклонниковъ рутинѣ, несмѣющихъ, да и неумѣющихъ разсуждать.

Іезуитское иго въ Австріи продолжалось два вѣка: орденъ былъ уничтоженъ въ 1773 г., при Іосифѣ II. Но оно успѣло оставить глубокіе слѣды. Какъ въ Польшѣ оно искоренило блестящую культуру XVI вѣка и тѣмъ погубило націю, такъ въ Австріи были загублены имъ сѣмена просвѣщенія, появившіяся въ началѣ реформаціи. Въ прошломъ вѣкѣ Австрія погразала въ невѣжество, суевѣріи и развратъ; за это время ее нужно вычеркнуть изъ списка цивилизованныхъ странъ.

Мало того. Іезуитское направленіе вѣлось въ политическій бытъ Австріи. Патеры исчезли, а въ Вѣнѣ остались ихъ взгляды на народъ и мысль. Свободное, индивидуальное развитіе, просвѣ-

неніе, литература, школы представлялись Габсбургу какими-то пугалами, заразой. Ненависть и бессмысленныя отношенія къ интеллигенціи продолжали проявляться то въ видѣ безпощадной цензуры, то въ видѣ подтагиванія всего подъ одну струнку. Въ 1770 году была устроена въ Вѣнѣ «центральная школьная дирекція», которая сдѣлала бы честь іезуитской опытности. Она разослала таблички съ прописаніемъ, что и какъ должно преподавать, до мельчайшихъ подробностей. Дирекція каждый день и каждый часъ знала, сидя въ Вѣнѣ, что именно задобливаетъ юношество по всѣмъ закоулкамъ обширной имперіи. Цензура перешла отъ іезуитовъ также къ особой «цензурной коллегіи», которая усвоила правила своихъ мудрыхъ предшественниковъ. Она усердно рылась въ иностранныхъ книгахъ, однѣ сжигала, другія марала чернилами или вырывала у нихъ заразительные листы. Мы уже знаемъ грустную и смѣшную исторію съ указателемъ запрещенныхъ книгъ, изданныхъ этою коллегіею. Можно себя представить, каково литературное развращеніе было слѣдствіемъ этихъ порядковъ! Когда, въ 1781 году, Іосифъ II отмѣнилъ цензуру, въ Вѣнѣ вышло 1172 книги въ полтора года, но что это были за книги! Здѣсь не было ничего, кромѣ грязныхъ стиховъ, раздирательныхъ драмъ, комедій съ площаднымъ юморомъ, да трактатовъ о чертяхъ. Въ то время въ Вѣнѣ было нѣсколько плохихъ книжныхъ магазиновъ, а въ провинціяхъ изрѣдка встрѣчались лавчонки, въ которыхъ продавались столичные молитвенники и календари, да жалкія брошюрки.

Легко себя представить, каково было состояніе общества въ Австріи, подъ влияніемъ подобнаго ховяйства Габсбурга. Здѣсь мы видимъ то же, что у фюрстовъ, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Особенно тяжело было «канальѣ», потому что нигдѣ не было такой многочисленной и привилегированной аристократіи, какъ въ Австріи. Крѣпостное право было жестоко и повсемѣстно. О положеніи народа можно судить потому, что, при всей силѣ деспотизма Габсбурга, при массѣ штыковъ, чиновниковъ и іезуитовъ, часто вспыхивали мятежи. И это были не одни социальныя, а также и національныя возстанія.

Но достигъ ли Габсбургъ подобною внутренней политикой своей основной цѣли—утвержденія абсолютизма? Государственнымъ мудрецамъ того времени казалось, что Габсбургъ сдѣлалъ все, что нужно, а между тѣмъ оно было не такъ. И это—одно изъ главныхъ противорѣчій, которыми переполнена судьба Габсбурга и его Австріи. Изъ Австріи выработалась великая европейская держава, но не государство. Она оставалась по прежнему

уродливымъ средневѣковымъ явленіемъ, второю германскою имперіей. Она, какъ машина, то складывалась, то разбиралась. Провинціи приобѣтались и уступались, обмѣнивались, приростали и отваливались безъ смертельныхъ потрясеній. Въ Австріи не выработалось національнаго сознанія и высокихъ цѣлей, вытекающихъ изъ внутренняго развитія широкихъ общежитій. Ее справедливо упрекали въ недостатѣ историческихъ памятниковъ и преданій. Изъ самого Габсбурга выработался мелкій деспотъ, но не государь. Забудьте его европейское значеніе — и передъ вами тотъ же фюрстъ, только въ крупныхъ размѣрахъ. Но несмотря на все свое испанское величіе, на большое войско и богатую казну, на выгодную для него вражду національностей, Габсбургъ добился лишь сомнительнаго абсолютизма. Онъ силенъ только для мелочныхъ угнетеній, и слабъ для громкихъ подвиговъ, для широкихъ порывовъ. Абсолютизмъ Габсбурга, подобно абсолютизму фюрста, проявляется только своею отрицательною стороною. Оттого онъ такъ ненавистенъ всему міру; оттого Вѣна даже въ XIX в. долго была гнѣздомъ и разсадникомъ самаго грубаго и безцѣльнаго консерватизма. Странная судьба! Габсбурги, бывшіе вначалѣ олицетвореннымъ протестомъ противъ средневѣковщины, превратились потомъ въ ея главную опору.

Однако, причины этого страннаго явленія ясны. Ихъ двѣ, и обѣ весьма крупныя.

Во-первыхъ, Австрія была не цѣльное, а составное государство, лишенное народности, политическій скелетъ безъ органической жизни. Весьма важно, что она сложилась не сразу. Провинціи приростали къ ней постепенно, медленно; притомъ важнѣйшія изъ нихъ были пристегнуты уже не въ нѣжномъ возрастѣ. Передъ тѣмъ онѣ долго жили самостоятельно, успѣли выработать своеобразный типъ политическій, а отчасти даже культурный, и запастись историческими воспоминаніями. Это присоединялись не толпы, служащія матеріаломъ для націй, а самыя націи и государства.

Довольно припомнить образованіе варварскихъ государствъ на зарѣ среднихъ вѣковъ и всю исторію нашего отечества, чтобы понять, съ какимъ трудомъ рождаются политическія тѣла. А здѣсь сравнительно высокая культура, римская и славянская, боролась лишь съ инстинктивнымъ чувствомъ самосохраненія у дикихъ обитателей лѣсовъ и болотъ, у германцевъ и туранцевъ. По процессу образованія, Австрію должно сравнивать съ Востокомъ, гдѣ зачастую слагались и разлагались обширныя державы. Тамъ быстро разсыпалось даже смѣлое созданіе Александра Великаго,

который былъ не чета Габсбургамъ, который съ геніальной про- ницательностью старался заложить прочную, культурную основу объединенія. Габсбургъ же, съ своей политической недалекостью, болѣе походилъ на царей ассирійскихъ, чѣмъ на македонскаго героя.

Быть можетъ, политика Габсбурга привела бы въ другимъ слѣдствіямъ, еслибы онъ съ самаго начала оперся на значительную культуру чеховъ и сдѣлалъ ее душой славянъ, этого большинства своихъ подданныхъ. Но, оставляя въ сторонѣ безплодные предположенія и сентиментализмъ въ исторіи, должно сказать, что Габсбургъ не вполне воспользовался и нѣмецкимъ элементомъ. Онъ и ему не довѣрялъ, онъ считалъ его лишь необходимымъ зломъ. Мы видѣли работу его «святыхъ опекуновъ», она убивала нѣмецкую культуру.

Австрійскіе славяне привыкли жаловаться на ихъ онѣмеченіе. Но это—воплъ живучаго національнаго чувства, который именно доказываетъ противное. Слабость нѣмецкаго элемента въ Австріи ощущается живо, когда припомнишь силу французскаго вліянія въ Эльзасѣ и Лотарингіи, и прусскаго — въ польскихъ областяхъ.

Оттого-то, повидимому, Габсбургъ сдѣлалъ все, чтобы подавить національный духъ въ своихъ владѣніяхъ, а цѣли не достигъ. Уже не говоримъ про раньше отвалившіяся отъ Австріи земли—про Миланъ, Венецію, Неаполь, Силезію, но довольно такихъ свидѣтелей, какъ мадьяры, чехи и бельгійцы. Мадьяры не разъ встряхивали габсбургскою короной; у нихъ ненависть къ Габсбургу преодолевала даже религиозный фанатизмъ: они приводили турокъ къ стѣнамъ Вѣны. Мадьяры не измѣнились даже послѣ суда въ Эперіесѣ, гдѣ палачи рубили головы ихъ вельможамъ до тѣхъ поръ, пока въ Пештѣ не признали наслѣдственности венгерской короны въ домѣ Габсбурговъ. Пусть не указываютъ намъ на пресловутое «*moriamur pro rege nostro!*» (умремъ за нашего короля). Это—сказка, созданная вѣнскими царедворцами, изъ которой потомъ и мадьяры извлекли свою пользу. Это кричалъ супругъ Маріи-Терезіи, а Венгрія выставила тогда требованія, которыя подрывали въ корнѣ господство Габсбурговъ. Эти требованія повторились въ 1848 и 1866 годахъ, и всѣмъ извѣстно, къ чему привели они. Бельгійцы возстали и едва не отдѣлились при томъ Іосифѣ II, который самъ былъ врагомъ габсбургскихъ порядковъ. Славяне все еще заявляютъ о своей еще неугасшей народности и не нуждаются въ историческихъ свидѣтельствахъ.

Вообще стоить прослѣдить отношенія народовъ Австріи къ Габсбургу въ трудныя минуты его жизни, чтобы оцѣнить ихъ національный гимнъ. Этотъ плацъ-парадный паеосъ ничего не выражаетъ. Силезцы нисколько не опечалились, когда отошли къ Пруссіи. Въ Австріи никто не чувствовалъ себя оскорбленнымъ, когда Карлъ VII баварскій отнялъ императорскую корону у Маріи-Терезіи, насмѣхаясь надъ Прагматической Санкціей. А эта бумага, утверждавшая наслѣдство за женщиной, была не дешево куплена вымиравшимъ Габсбургомъ у своихъ народовъ. Онъ обязался передъ сеймами Венгріи, Чехіи и Австріи соблюдать ихъ древнія привилегіи.

Вторая причина, почему Габсбургъ не превратился изъ леннаго господина въ государя, кроется въ его отношеніяхъ къ Германіи. Изъ Габсбурга не выработалось даже австрійскаго монарха, а онъ долженъ былъ играть роль нѣмецкаго императора. Съ Рудольфа до паденія священной римско-нѣмецкой имперіи, въ теченіи 533 лѣтъ (1273—1806), Габсбурги 397 лѣтъ занимали императорскій престолъ, и съ 1437 года непрерывно.

Въ послѣднее время въ Германіи привыкли приписывать всѣ бѣдствія покойной имперіи Габсбургу. Читатель увидитъ ниже, что мы не намѣрены брать на себя неблагодарную роль защитниковъ Габсбурга даже въ этомъ отношеніи. Но мы должны дополнить односторонній взглядъ нѣмецкихъ историковъ эпохи объединенія Германіи. По крайней мѣрѣ, иначе мы не въ силахъ уяснить себѣ отчетливо изучаемое явленіе.

Имперія, съ своей стороны, много повредила Габсбургу. Связь съ нею превращала Австрію въ европейскую, въ великую державу, притомъ съ раннихъ поръ, когда эта страна была еще слаба матеріально. Она отнимала у Габсбурга досугъ, когда онъ могъ бы оглядѣться у себя дома, заняться своими внутренними дѣлами.

Европейская роль вообще тяжела. За гордое сознаніе участія въ судьбахъ человѣчества народъ платится внутренней тревогой. Онъ вовлекается въ войны и нерѣдко въ міровыя стремленія, которыя изнуряютъ его. Особенно нужно имѣть въ виду это замѣчаніе при сужденіи о нѣмецкой великой державѣ.

Германія—средоточіе Европы. Она принуждена оглядываться на всѣ четыре стороны. Отдаленные острова, Сицилія, Англія и Архипелагъ, входятъ въ кругъ ея политики точно такъ же, какъ Парижъ, Римъ и Петербургъ. Кромѣ того, Габсбургъ, какъ ни прозаична его натура, долженъ былъ подчиниться преданіямъ, примыкавшимъ къ замку Каноссѣ, къ именамъ гвельфовъ и ги-

беллиновъ. Онъ не могъ выкинуть изъ головы Италіи, упитанной нѣмецкой кровью, и папство, съ которымъ слита вся исторія нѣмецкихъ императоровъ. Средневѣковыя воззрѣнія тѣснились въ его душу. Последнимъ рыцаремъ, Донъ-Кихотомъ на тронѣ, былъ Габсбургъ Максимилианъ I, этотъ современникъ Лютера, очарованный «красавицей Италіей», пропитанный романтизмомъ Гогенштауфеновъ.

Кромѣ міровыхъ стремленій, навѣянныхъ Германіей, государственный бытъ имперіи вліялъ на внутреннюю политику Австріи. Могъ ли не увлекаться имъ Габсбургъ, стоя во главѣ его, совершая феодальные обряды, которые одни только льстили его самолюбію при пустомъ титулѣ императора? Габсбургъ вынесъ средневѣковыя преданія съ своей швабской родины. Онъ напелъ ихъ цвѣтущими въ эрцгерцогствѣ Австріи. Онъ былъ окруженъ въ имперіи безжизненной, но величавой атмосферой феодализма.

Мы подошли къ весьма важнымъ отношеніямъ между Габсбургомъ и нѣмецкой имперіей. Теперь должно разобрать другую сторону вопроса. Попытаемся выяснить, въ чемъ состояло вліяніе Габсбурга на имперію.

Мы снова попадаемъ въ рядъ противорѣчій. При всемъ фамильномъ сходствѣ между Австріей и Германіей, онѣ были совершенно чужды и даже враждебны другъ другу.

Политическая отчужденность между ними возникла съ рожденія Австріи. Privilegium 1156 года доставило ей дѣйствительно привилегированное положеніе въ имперіи. Это «наслѣдственное и нераздѣльное» владѣніе Габсбурга сразу стало отрѣзаннымъ ломтемъ въ Германіи. Такимъ оно осталось навсегда. Имперское законодательство, при всякихъ перемѣнахъ въ немъ, поддерживало политическую отчужденность Австріи. Даже коренная реформа имперской конституціи въ концѣ XV-го вѣка не закрѣпила связей между Германіей и ея восточнымъ привѣскомъ. Напротивъ, Австрія была совсѣмъ изъята изъ круга имперскаго правосудія, да еще воздвигла собственный имперскій надворный совѣтъ, подавлявшій значеніе рейхскамергерихта. Мы уже видѣли какъ мало касалась имперская администрація округовъ «австрійскаго и бургундскаго». Мало того. Если эрцгерцогство Австрія и Бельгія были хоть номинально пристегнуты къ имперіи, то Богемія, Силезія, Моравія, Галиція, Венгрія во все не причислялись къ ея округамъ. Всѣ имперскія обязанности Габсбурга состояли въ доставленіи арміи да грошоваго сбора на вецларское судилище. Но этотъ сборъ былъ хронической недоимкой, на которую въ Регенсбургѣ уже давно махнули рукой. А

австрійская армія была вполне самостоятельна. Она подчинялась собственнымъ командирамъ даже въ войнахъ, веденныхъ отъ имени имперіи. Словомъ, вся политическая связь между Австріей и Германіей заключалась въ «личной уніи». Передъ Маріей-Терезіей случайно попалъ на императорскій престолъ баварецъ (Карлъ VII). Онъ царствовалъ не долго; но все-таки при немъ Германія была въ войнѣ съ Австріей.

Политической отчужденности соотвѣтствовала культурная.

Въ отдаленную восточную Украину мало проникала нѣмецкая мысль даже въ средніе вѣка. Австрійскіе нѣмцы не участвовали въ блестящей подготовкѣ реформаціи. А какъ только коснулось ихъ протестантское движеніе, тотчасъ же появились святыя патеры. Однимъ изъ прямыхъ слѣдствій работы іезуитовъ было окончательное умственное отчужденіе Австріи отъ Германіи. Ничто не подвергалось въ Австріи такому яростному преслѣдованію съ ихъ стороны, какъ нѣмецкій учитель, нѣмецкія книги, мысли, возникшія за предѣлами Австріи. Ни съ какой стороны не замышляли они щелей такъ тщательно, какъ съ сѣверо-запада, откуда могъ подуть вѣтеръ, зараженный протестантизмомъ.

Чѣмъ усерднѣе работали патеры, тѣмъ больше развѣрзалась умственная пропасть между австрійскими и германскими нѣмцами. Въ прошломъ вѣкѣ послѣдніе почти не сталкивались между собой даже внѣшнимъ образомъ. Австрійца съ трудомъ выпускали за западную границу. Ѣздили только вельможи, но ихъ манилъ веселый Парижъ да bella Italia. Когда, въ концѣ XVIII-го столѣтія, забилъ родникъ нѣмецкаго «просвѣщенія», австрійскій нѣмецъ почти ничего не зналъ о немъ. Когда повсюду гремѣла слава Гёте, онъ зналъ его по слуху и восторгался доморощенными поэтами. Съ «Страданіями Вертера» его познакомила заѣзжая труппа итальянскихъ арлекиновъ, которая украшала свиданіе Вертера съ Лоттхенъ фейерверками, хлопушками и брилліантовыми «славами». Когда въ Германіи былъ богатырскій «періодъ бурныхъ стремленій», въ Австріи господствовала тишина кладбища. Это было очарованное спящее царство, охраняемое по границамъ неусыпной арміей черныхъ рясъ.

Понятно, что между Австріей и Германіей должна была образоваться полная отчужденность въ стремленіяхъ и цѣляхъ. Онѣ проклинали другъ друга, и обѣ съ равнымъ правомъ.

Мы видѣли, чего стоила Австріи связь съ имперіей. Но она была тяжелымъ игомъ и для имперіи. Габсбургъ и внѣ своей монархіи не могъ ничего постигнуть, кромѣ династическаго интереса. Онъ и сюда вносилъ свой мистическій Staatsraison или «го-

сударственную пользу». Онъ стремился превратить Германію въ орудіе своихъ личныхъ цѣлей. Габсбургъ много воевалъ во главѣ имперскихъ войскъ, и любилъ кричать о своемъ самопожертвованіи для фатерланда. Но въ сущности это была эксплуатація фатерланда. Габсбургъ боролся съ турками изъ-за своей Венгріи, съ французами—изъ-за своихъ Нидерландовъ, Испаніи и Италіи. Въ то же время Франція, при его участіи, приобрѣла много нѣмецкихъ земель. Она, можно сказать, поддевала его самого точно такъ же, какъ его полководцевъ и министровъ. Габсбургъ тревожился, проявлялъ энергію, когда опасность угрожала Вѣнѣ или Брюсселю, и былъ неповоротливъ, когда французы хозяйничали по-сю сторону Рейна.

Во время реформации, Габсбургъ, съ несвойственной ему отвагой, поднялъ мечъ на свое отечество. Столь же энергически опустошалъ онъ Германію въ Тридцатилѣтнюю войну, наводняя ее полчищами испанцевъ, итальянцевъ, мадьяръ и славянъ. И тогда-то погибъ для Германіи Метцъ, освобожденіе котораго потребовало столько всенѣмецкой крови, 222 года спустя, а Габсбургъ приобрѣлъ еще больше силы въ истощенной Германіи. Затѣмъ, Лудовикъ XIV преспокойно, среди мира, забиралъ пограничныя нѣмецкія земли, въ томъ числѣ Страсбургъ, а Габсбургъ стягивалъ имперскія войска къ Вѣнѣ, чтобы подавить мятежъ мадьяръ, которые привели турокъ подъ стѣны столицы. Когда палъ Людовикъ XIV, всѣ его враги пощипали французскаго орла, и Габсбургъ получилъ больше всѣхъ—чуть не всю Италію и Бельгію, а на Германіи остались всѣ пятна позора и всѣ раны, полученныя ею въ эпоху могущества блестящаго французскаго хищника. Во время войны за австрійское наслѣдство, Германія, отстаивая Марію-Терезію, была снова опустошена, но ничего не получила въ награду и рада была, что у нея хоть ничего не отняли.

Габсбургъ не только не былъ стражемъ на Рейнѣ, но самъ посматривалъ на Германію взоромъ хищника. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы оторвать клочокъ земли отъ имперіи и присоединить къ своему «наслѣдію». При всякомъ удобномъ случаѣ онъ ястребомъ налеталъ на фатерландъ.

Впрочемъ, у Габсбурга не было отваги, силы на подвигъ, хотя бы и отрицательнаго достоинства. Онъ и здѣсь придерживался іезуитско-жидовской политики. Браки и фамилійные договоры, подкупы и обманы, покупка и обмѣнъ земель, словомъ, политическое торгашество—вотъ германская система Габсбурга. Къ концу прошлаго вѣка онъ уже успѣлъ опутать верхнюю Гер-

манію съ востока, юга и запада. Здѣсь у него было много наслѣдственныхъ владѣній на верхнемъ Рейнѣ и въ Швабіи. Къ нимъ присоединялись разбросанныя повсюду земли и феодальныя права, прибрѣтенныя имъ подъ шумокъ. Здѣсь Габсбургу мѣшали только крупные Виртембергъ и Баварія, но онъ уже дважды овладѣвалъ первымъ; а въ Баваріи до того распространились его интриги, что она едва не была поглощена при Иосифѣ II. Сѣверъ Германіи Габсбургъ надѣялся захватить, проведя мины изъ своего бургундскаго округа и пользуясь вліяніемъ императорской власти на мелкихъ фюрстовъ. Любопытно, что даже наканунѣ XIX-го вѣка у него еще мелькала надежда сдѣлать императорскую корону наслѣдственною въ своемъ домѣ. А тогда уже стоялъ у него поперекъ дороги отважный Гогенцоллернъ съ мечомъ въ рукѣ, на которомъ дымила свѣжая австрійская кровь.

Однимъ словомъ, Габсбургъ, стражъ германской земли, былъ первымъ ея разорителемъ. То же самое противорѣчіе замѣчаемъ въ его отношеніяхъ къ государственному строю Германіи.

У нѣмцевъ было давно смутное пониманіе корня ихъ бѣдствій. Они давно ощущали крайнюю необходимость національнаго единства. Съ другой стороны, фюрсты, особенно болѣе крупные, сознавая свою слабость, помышляли о взаимной поруцѣ. Идея федераціи имѣетъ свою исторію въ Германіи. Развившись, она произвела бы германскій *соуп д'ѣтат*; но поѣтому-то Габсбургъ ненавидѣлъ ее и боялся, какъ огня.

Федерація—смертельный ударъ для Австріи. Она доставила бы имперіи самостоятельность и подкосила бы вліяніе Габсбурга въ фатерландѣ. Она смела бы весь Содомъ мелкихъ владѣльцевъ. Имперскіе графы и юнкеры, города и села, аббаты и каноники были бы поглощены крупными фюрстами. А эти-то политическіе уродцы и были послушнымъ орудіемъ Габсбурга, изъ нихъ-то набиралась его конституціонная армія въ Германіи—партія «цезаріанцевъ». Ближайшихъ изъ нихъ Габсбургъ уже совсѣмъ приручилъ, оставивъ имъ одни титулы; отдаленныхъ онъ защищалъ отъ поглощенія фюрстами, что обезпечивало за нимъ ихъ преданность. Наконецъ, федерація неизбѣжно стала бы собирательницей нѣмецкой земли. Она потребовала бы у Габсбурга его нѣмецкую добычу.

Чѣмъ менѣе было внутренняго сродства между Австріей и Германіей, тѣмъ крѣпче держался Габсбургъ за внѣшнія связи—за свои нѣмецкія земли да за имперскую конституцію. Онъ первый поднималъ крикъ на всю Европу, какъ только опасность

угрожала имперскому наряду. Онъ подавлялъ проявленія конституціонной жизни въ Германіи. Послѣ своего церемоніала, Габсбургъ ничего не зналъ такъ хорошо, какъ имперскую конституцію, и съ фанатизмомъ іезуита защищалъ въ ней каждую букву. Онъ же былъ такъ опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ и такъ сроденъ въ нимъ! Вѣдь это значило прославиться на всю Европу, въ смыслѣ охранителя, главнаго столпа существующаго порядка, заклінателя революцій.

Габсбургъ до того свыкъ съ противорѣчіями, изъ которыхъ слагалась его жизнь, что не чувствовалъ, въ какую политическую негѣпность впадалъ онъ здѣсь. Онъ не допускалъ федераціи въ Германіи, которая была бы переходомъ отъ феодализма къ монархіи, а самъ мечталъ превратить фатерландъ въ австрійское государство. Онъ всегда готовъ былъ возжечь эту центральную революцію, отъ которой дрогнула бы вся Европа. Іосифъ II смѣло затѣялъ ее—и едва самъ не погибъ подъ ея первыми ударами.

Но въ отношеніяхъ между Габсбургомъ и Германіей было еще болѣе серьезное противорѣчіе. Они мѣшали, вредили другъ другу, а не могли жить врознь, нуждались другъ въ другѣ. Это—насилованный, но нерасторжимый бракъ. Только иностранный, притомъ наполеоновскій мечъ могъ разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ, и то лишь умертвивши германскую имперію.

Габсбургъ чувствовалъ, что если отнять у него Германію—онъ погибъ, не только рушится его европейское значеніе, но и расплывется его Австрія, его дорогое «наслѣдіе». Онъ не могъ смолоду превратиться въ славянина; онъ навсегда остался нѣмцемъ—и нѣмецкій элементъ былъ единственной связью въ его владѣніяхъ, которая поддерживала личную унію. Какъ ни былъ слабъ этотъ элементъ, какъ ни заглушалъ его династическій интересъ, его слѣды можно было замѣтить повсюду,—въ трансильванскомъ колонистѣ, въ командирѣ военной границы, въ венгерскомъ чиновникѣ, въ чешскомъ вельможѣ, въ вездѣсущемъ нѣмецкомъ учителѣ. Слѣдующій любопытный фактъ поясняетъ, какъ нуждался Габсбургъ въ фатерландѣ. Австрія, пропитанная деспотизмомъ и іезуитствомъ, естественно всегда жаловалась на недостатокъ «людей». Она брала ихъ взаймы у Германіи. Тутъ были всякіе полезные люди, начиная съ мастеровыхъ и кончая министрами. Внутреннее управленіе часто поручалось въ Вѣнѣ германскимъ нѣмцамъ. Конечно, тутъ часто попадались протестанты, но имъ позволялось лишь наружно переходить въ католичество и даже не посѣщать вѣнскія церкви. Въ этомъ случаѣ Габсбургъ смотрѣлъ на вещи просто. Одному путешественнику говорили въ

Вѣнѣ, въ прошломъ вѣкѣ: «когда встрѣтится надобность, мы обращаемъ нѣсколько штукъ сѣверныхъ нѣмцевъ въ католиковъ — и этого хватаетъ намъ надолго».

Германія, съ своей стороны, не могла обойтись безъ Габсбурга. Не даромъ она всегда выбирала его въ императоры. Еслибы не образовалось этого обычнаго престолонаслѣдія, Германію часто посѣщали бы бѣдствія борьбы за императорскую корону, которыми переполнены средніе вѣка. Габсбургъ, какъ глава имперіи, придавалъ хоть какую-нибудь связь этой грудѣ владѣній; безъ него она совсѣмъ развалилась бы, а главное — была бы подорвана ея будущность. Безъ вѣшняго единства негдѣ было бы развиваться національной идеѣ. Личная унія Габсбурга была, конечно, плохою формой, но все-таки формой, сосудомъ, въ которомъ приготавлилась нѣмецкая нація. Безъ этой формы иностранцы не церемонились бы съ Германіей и поглотили бы всю ее. При ней, прежде чѣмъ нападать на нѣмцевъ, нужно было подумать и обзавестись союзами; при ней Германія была великою державой, а война съ нею — грознымъ европейскимъ вопросомъ. Въ политикѣ рутина могущественна; здѣсь самая гнилая форма больше значить, чѣмъ самое свѣжее содержаніе.

Внутреннія отношенія Германіи приводили къ тому же слѣдствію. Мы уже знаемъ, что значила имперская конституція для фюрста (гл. XI). Онъ, конечно, былъ бы радъ, еслибы она провалилась, но только когда онъ окрѣпнетъ, станетъ монархомъ, до тѣхъ же поръ онъ дорожилъ ею не менѣе Габсбурга и былъ завзятымъ консерваторомъ. Пока фюрстъ былъ слабъ — а онъ всегда былъ слабъ, и напрасно мечтали объ усиленіи — имперская конституція была для него истинною благодатью. Онъ немедленно избрѣлъ бы ее, еслибы ея не было.

Фюрстъ и Габсбургъ — заклятые враги. Они хотятъ нанести другъ другу смертельный ударъ — и одинаково ненавидятъ конституцію, которая не позволяетъ имъ размахнуться. Но эта конституція — неизбѣжный союзникъ каждаго изъ нихъ. Какъ только противники сразятся, побѣдитель, кто бы онъ ни былъ, немедленно разорветъ ветхую хартію, но пока идетъ подготовка къ бою, они одинаково ревностно защищаютъ ее. Когда отважный Гогенцоллернъ, Фридрихъ II-й, воснулъ конституціи, напавши неожиданно на главу имперіи, фюрсты тотчасъ же сгруппировались на сторонѣ Австріи съ обнаженными мечами. А когда выродокъ изъ Габсбурговъ, Іосифъ II-й, безцеремонно поправилъ конституцію, захвативши Баварію, образовался «союзъ фюрстовъ» подъ руководствомъ Фридриха II-го.

Мы уже не разъ упоминали Пруссію и Гогенцоллерна. Дальнѣйшее изложеніе становится невозможнымъ безъ обрисовки этихъ новыхъ участниковъ германской драмы.

XIV.

ПРУССКІЙ ГОГЕНЦОЛЛЕРНЪ.

Между истоками Неккара и Дуная, близъ города Гехингена, на одномъ изъ утесовъ Швабской Юры, стоитъ замокъ *Гогенцоллернъ*. Много столѣтій смотритъ онъ на долину, разстилающуюся у его ногъ. Онъ былъ уже давно насиженымъ разбойничьимъ гнѣздомъ, когда впервые отмѣчаются въ лѣтописи, подъ 1050 годомъ, имена двухъ его владѣльцевъ—графовъ Гогенцоллерновъ.

Однимъ изъ первыхъ фактовъ въ исторіи Гогенцоллерновъ была ихъ дружба и родство съ фамиліей швабскихъ же графовъ Габсбурговъ. Земляки и жили неподалеку другъ отъ друга. Гогенцоллерну стоило только перевалиться черезъ Швабскую Юру и переплыть Рейнъ, чтобы попасть въ гости въ Габсбургъ. Около 1250 года встрѣчаемъ въ лѣтописи имя Гертруды Гогенцоллернъ, отъ которой произошли всѣ Гогенцоллерны и Габсбурги: она была женой перваго императора изъ рода Габсбурговъ, Рудольфа. Съ этихъ поръ, въ одно время, зарождается могущество обоихъ фамилій. Разными средствами, но больше всего браками, Гогенцоллерны приобрѣли богатые имѣнія во Франконіи и въ Австріи, а также важный имперскій постъ — бургграфство Нюрнбергъ ¹⁾: съ послѣднимъ была связана судебная и военная власть надъ всею Франконскою провинціей. Особенно разбогатѣли Гогенцоллерны въ смутное время, послѣ Гогенштауфеновъ, когда Германія была на краю гибели. Они попользовались бѣдствіями отечества заодно съ своими друзьями, Габсбургами. Затѣмъ, бургграфъ Фридрихъ III-й выбивался изъ силъ, чтобы доставить императорскую корону Рудольфу, о которомъ и не думали курфюрсты. Такъ

¹⁾ Первымъ бургграфомъ нюрнбергскимъ былъ *Фридрихъ I* († 1201). Его сыновья раздѣлили обширные отцовскія владѣнія. Одинъ, Конрадъ, взялъ Нюрнбергъ, Франконію и австрійскія земли; другой, Фридрихъ II, получилъ швабскія владѣнія. Отъ перваго пошла *франконская* линія Гогенцоллерновъ, къ которой принадлежатъ прусскіе короли; отъ втораго — *швабская*, представителями которой служатъ нынѣшніе фюрсты von Hohenzollern.

Гогенцоллерны посадили Габсбурговъ на престолъ германской имперіи.

Прошло почти полтора вѣка. Друзья-земляки продолжали трудиться надъ утвержденіемъ своихъ домовъ. Гогенцоллерны походили на первыхъ Габсбурговъ характеромъ. Они копили деньги и вели образцовое хозяйство, дохода въ расчетливости до скряжничества. У нихъ не было рыцарской спѣси и буйнаго права; они не втягивались въ распри феодаловъ. Вмѣсто того, чтобы гордо драться съ нюрнбергцами, которые роптали на ихъ стѣснительныя права, они продавали имъ эти права одно дороже другого. Гогенцоллерны не держали денегъ въ сундукѣ, но и не рисковали. Они давали взаймы забякамъ-рыцарямъ и Габсбургамъ подъ залогъ земель. Гогенцоллернамъ было рѣшительно все равно, кто ни сидѣлъ на императорскомъ престолѣ. Они вѣрно служили баварцу, люксембургцу, Габсбургу, съ каждымъ спѣшили породниться, и отъ cadaго получали новыя земли и привилегіи. Оттого-то какъ въ Швабіи Габсбурги, такъ во Франконіи Гогенцоллерны были первою феодальною фамиліей, по своему богатству и значенію. Въ 1411 году ихъ посѣтило новое и небывалое счастье: императоръ Сигизмундъ передалъ бургграфу Фридриху VI-му Бранденбургскую Украину (Марку) въ «наслѣдственное правленіе», по закладной въ 150,000 золотыхъ гульденовъ ¹⁾.

Бранденбургская Украина ровесница Австрійской: разомъ возникли эти два нѣмецкіе оплота противъ славянства. Но судьба ихъ различна: въ Австріи тотчасъ же утвердился феодализмъ, въ Бранденбургѣ же, еще съ половины XII-го вѣка, зародился новый порядокъ вещей. Здѣсь лѣтъ полтораста управлялъ замѣчательный асканскій или ангальтскій домъ, даровитый и энергическій. Маркграфы этой фамиліи не знали покоя. Они вѣчно воевали то съ славянами-язычниками, то съ внутренними врагами—съ «юнкерами» да епископами. Они были почти независимы отъ имперіи, этого гнѣзда феодализма, и распоряжались на своей Украинѣ, какъ монархи,—«по своему собственному благоволенію (bei sein selbst Hulden)», сказано въ тогдашнихъ законахъ. Въ борьбѣ съ вассалами асканцы опирались на низшіе классы. Они

¹⁾ По общепринятому мнѣнію, Сигизмундъ отдалъ Бранденбургъ Гогенцоллерну просто за долгъ. Но новѣйшій прусскій историкъ, Дройзенъ, старается доказать, что тутъ вовсе не было долговой сдѣлки и что Сигизмундъ нарочно составилъ закладную, чтобы упрочить Бранденбургъ за Гогенцоллерномъ. «Правда,—говоритъ онъ,—Марка была заложена бургграфу, но не за долгъ, а за издержки и труды, положенные имъ на спасеніе почти пропащаго края» (*Droysen: Geschichte der preussischen Politik*, 2 Aufl., I, 204).

построили много городовъ, въ томъ числѣ Берлинъ (1200—1220) и призвали колонистовъ изъ Германіи. Тогда Бранденбургъ былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ новаго времени въ Европѣ. И онъ достигъ такого могущества, что съ половины XIII-го вѣка превратился въ курфюршество, т.-е. сталъ рѣшать судьбу имперіи.

Эти успѣхи были приостановлены, когда вымеръ асканскій домъ (1319 года). Тогда настала печальная пора. Маркграфы часто мѣнялись, и это были личности одна другой ничтожныѣ. Феодализмъ разгулялся, поддерживаемый примѣромъ Германіи, гдѣ было въ разгарѣ кулачное право. Среди болотъ и лѣсовъ возникли замки, въ которыхъ скрывались хищные вассалы. Тогда-то сложился типъ прусскаго «юнкера».

Это—особый отпрыскъ великой семьи рыцарей. Европейскій рыцарь жилъ на неприступномъ утесѣ и нерѣдко обладалъ множествомъ земель, былъ потентатомъ. При всемъ его развратѣ, это внушало ему сознаніе собственного достоинства, какъ высшаго члена общества. Онъ нѣсколько стыдился своего разбойничества, и хоть на словахъ не отрицалъ правилъ рыцарской чести. Онъ зналъ наизусть старыя «пѣсни любви», которыми прикрывалъ свой пошлый взглядъ на женщину. Но въ то же время европейскій рыцарь, опираясь на матеріальныя средства, мало полагался на свои личныя силы, былъ трусливъ и совершалъ скорѣе кражи со взломомъ, чѣмъ разбой.

Не таковы прусскій юнкеръ, черты котораго, конечно, въ новыхъ формахъ, сохранились у отдаленныхъ потомковъ, какъ видно, напримѣръ, изъ умныхъ романовъ Шпильгагена, а отчасти даже изъ современныхъ газетъ. Прускій юнкеръ, это—мелкопомѣстный степнякъ. Онъ жилъ не въ скалахъ, а на равнинѣ. Онъ былъ удаленъ отъ романтическихъ мѣстъ, гдѣ родился рыцарскій идеализмъ. Его окружалъ міръ дикарей да суровая и скудная природа. Прускій юнкеръ привыкъ полагаться на собственный кулакъ. Это—кипучая отвага, запоздалый отголосокъ скандинавскаго берсеркерства. Это—не рыцарь, а разбойникъ, которому живнъ,—чужая ли, своя ли,—копѣйка. Прускій юнкеръ грубъ, какъ первобытный человѣкъ. Пьянство, драка, грязное сладострастіе—вотъ его «центаврскіе» нравы. Онъ даже не прикрывается фразами, ибо признаетъ одинъ только нравственный законъ—собственныя низкія желанія. Оттого онъ искрененъ, но эта искренность порока отвратительна. Вольный казакъ, съ дикимъ азартомъ несущійся на влчѣхъ, съ поднятой нагайкой въ рукѣ,—вотъ портретъ прусскаго юнкера конца XIV-го вѣка.

Въ то время юнкеры такъ опустошали Бранденбургъ, что въ немъ не оставалось живого мѣста. Тогда въ Европѣ говорили: «кто обойдетъ даже всю Германію цѣль и невредимъ, тотъ не избѣжитъ бѣды въ Бранденбургѣ». Во главѣ этихъ разбойниковъ, выступившихъ противъ «нюрнбергской сволочи», какъ называли они строгаго Гогенцоллерна, стояли: Бисмарки, Арнимы, Бредовы, Роховы, Алвенслебены, Веделли, Итцелплатцы, Шуленбурги, Гольцендорфы, Квитцовы, Путлицы, Баберштеины и др.

Но царство юнкеровъ быстро окончилось. Прибылъ Гогенцоллернъ, курфюрстъ Фридрихъ I (какъ бурграфъ нюрнбергскій — Фридрихъ VI), съ своими франконцами — и въ полтора года были разрушены разбойничьи притоны. Вытѣсненные изъ своихъ замковъ, юнкеры преклонились передъ Фридрихомъ, какъ передъ своимъ государемъ. Гогенцоллерны сразу утвердили здѣсь основы абсолютизма, которыя съ тѣхъ поръ не переставали развиваться.

Ниже мы увидимъ ходъ развитія этихъ основъ. Теперь же попытаемся отвѣтить на важный вопросъ: почему, съ появленіемъ Гогенцоллерновъ, въ Бранденбургѣ сразу возникло государство? Почему здѣсь сразу былъ рѣшенъ споръ между монархіей и феодализмомъ, который повсюду тянулся долго и стоялъ потокомъ крови, а въ Германіи не былъ оконченъ до самаго Наполеона I?

Конечно, важно, что лѣтопись говоритъ о «большихъ пищаляхъ» (grosse Büchsen) франконцевъ. Уже шелъ XV вѣкъ. Но и изъ замковъ летѣли пули. Къ тому же юнкерская драма въ Бранденбургѣ разыгралась болѣе чѣмъ за полвѣка до рожденія Людовика XI, Фердинанда и Изабеллы и до начала войны «бѣлой и алой розы». И она окончилась въ одинъ походъ, можно сказать безъ кровопролитія, сравнительно съ тѣми ужасами, которыми сопровождалось истребленіе рыцарей во Франціи, Англіи и Испаніи.

Причины зарожденія прусской монархіи лежатъ глубже — въ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ страны:

Бранденбургъ въ Германіи — то же, что суздальская земля на Руси. Берлинъ, почти ровесникъ Москвѣ, былъ предназначенъ для такой же исторической роли, какъ и она. На этой нѣмецкой Украинѣ не было живописныхъ ущелій и неприступныхъ утесовъ, гдѣ таятся орлиныя гнѣзда феодальныхъ хищниковъ. Не было ни столбовыхъ дорогъ, соединяющихъ центры богатства и многолюдія, ни крупныхъ рѣкъ, гдѣ свободно возникаютъ могучіе города съ крѣпкими стѣнами и гордыми вѣчевыми башнями. Не было и тихихъ горныхъ долинъ съ свѣтлыми ручьями, привлекающихъ къ созерцательной жизни, къ уединенію монастыря.

Слѣдовательно, здѣсь не было чистыхъ средневѣковыхъ типовъ — рыцаря, горожанина, прелата. Если и встрѣчались города, то они выросли не сами собой, а были созданіемъ маркграфовъ.

Бранденбургская Украина — жалкая сѣверная равнина, древнее дно морское. По ней разстился песокъ на необозримое пространство. Тамъ-и-сямъ чернѣли угрюмые лѣса да туманныя болота. Среди нихъ таились славяне — болѣе упорные и свирѣпыя язычники, чѣмъ финны, съ которыми пришлось бороться суздальцамъ и москвичамъ. На нѣмецкой Украинѣ все было бѣдно, прозябанно и скучно. Здѣсь прохожіе поэты не пѣли своихъ нѣжныхъ «пѣсень любви»; сюда не достигали отголоски романтизма южнаго рыцарства, нѣмецкихъ Мстиславовъ Удалыхъ. Идеальное и фантастическое было чуждо душѣ бранденбуржца. Онъ думалъ только о полезномъ и практическомъ. Онъ трудился надъ благодарной почвой, и грубѣлъ въ борьбѣ съ лютыми дикарями. Бранденбуржцы — всѣ на одинъ покрой: это — грубая, угрюмая и убійственно терпѣливая масса, въ которой нѣтъ отбѣсковъ, нѣтъ игры личнаго элемента.

Правда, вслѣдствіе всегерманской смуты, изъ нея выдѣлился юнкеръ, въ концѣ XIV-го вѣка. Но мы уже знаемъ, что этотъ матеріалистическій типъ — не рыцарь, а разбойникъ. И сколько ни грабилъ юнкеръ, онъ былъ голъ, какъ соколъ: ему грабить-то было нечего. Какъ ни раздувалъ онъ крѣпостное право, которое завелось и здѣсь съ конца XIII столѣтія, ему не хватало невольниковъ: страна была еще безлюдна, несмотря на непрерывную колонизацію изъ Германіи съ начала XI-го вѣка. Наконецъ, противъ юнкера дѣйствовало весьма прозаическое преданіе. Юнкеръ загулялъ поволянн на три, а передъ тѣмъ, въ теченіи пяти поволянн, работали здѣсь суровые стражи порядка, асканцы. Мы уже видѣли, что ихъ управленіе — скороспѣлый образецъ монархизма среди разгула феодализма. Оно доказывало, что бранденбургская Украина была не имперія, а военная граница, конечно, требовавшая осаднаго положенія.

Это преданіе суждено было воскресить Гогенцоллернамъ. Имъ стоило только развить сѣмена, посѣянные асканцами въ ментѣ благопріятное время, когда не было «большихъ пшцалей».

Эта задача была тѣмъ легче для Гогенцоллерновъ, что они подходили на Асканцевъ своими свойствами. Въ то же время они совсѣмъ разошлись съ Габсбургами. Любопытный примѣръ вліянія среды! Почти въ одно время Габсбурги вырождались, а Гогенцоллерны жужали. Новый типъ Габсбурга сложился въ испанской школѣ; типъ Гогенцоллерна выработался окончательно на

Украинѣ. Между ними такая же разница, какъ между Мадридъ и Берлиномъ.

Габсбургъ — олицетворенная флегма, Гогенцоллернъ — сангвиникъ. Тотъ идеалъ консерватора, этотъ истый революціонеръ. Гогенцоллернъ отваженъ и нервенъ. Онъ любитъ играть въ большую игру, любитъ сильныя ощущенія. Онъ самонадѣянъ, какъ въ своихъ мысляхъ, такъ и въ поступкахъ. Если Гогенцоллернъ заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, онъ идетъ на проломъ и не задумывается о средствахъ. Въ минуты порыва онъ считаетъ себя стихійной силой, и тогда нѣтъ для него преградъ, нѣтъ ничего святого; тогда выступаетъ разрушительная сила его непреклонной воли и настойчивости. Онъ становится аскетомъ, недоступнымъ мягкимъ движеніямъ души. Онъ не досыпаетъ ночей, не доѣдаетъ куска. Гогенцоллернъ не любитъ и не знаетъ покоя. «Immer vorwärts! Все впередъ!» къ неизмѣнной цѣли — вотъ его лозунгъ. Таковъ и вообще пруссакъ: Гогенцоллернъ — вѣрный представитель свойствъ своего народа.

Но эти революціонныя свойства — только одна сторона характера Гогенцоллерна. Съ ними какъ-то уживаются совсѣмъ другія черты, придающія солидность его порывамъ. При всей своей вдохновенности, Гогенцоллернъ такъ же не поэтиченъ, какъ природа Пруссіи. Это — практикъ и эгоистъ. Гогенцоллернъ взвѣшиваетъ всѣ мелочи предпріятія и подготавливаетъ его съ пунктуальностью ремесленника. Помня, что деньги вывели его изъ ничтожества, онъ всегда держитъ грошъ про запасъ. Чтобы сберечь его, Гогенцоллернъ живетъ философомъ-циникомъ, экономничаетъ до скарденности. Оттого-то, если Гогенцоллернъ, какъ революціонеръ, — блестящій боецъ, военный вождь, то, какъ прозаикъ, онъ — искусный дипломатъ. Онъ любитъ вертѣть людьми, какъ вуклами. Въ политикѣ онъ больше всего полагается на слабости.

Какъ натура разсудочная, Гогенцоллернъ презираетъ идеалы. Его интересъ — земной, ближайшій. Если Гогенцоллернъ изываетъ иногда къ возвышеннымъ стремленіямъ, то лишь для того, чтобы заручиться ихъ нравственнымъ вліяніемъ. У Гогенцоллерна та же цѣль, что и у Габсбурга, но онъ смѣтливый дипломатъ. Сначала онъ догадался, что династическій интересъ тогда только вѣрнопъ, когда сливается съ *народнымъ*. Позже онъ смекнулъ, что эта опора уже изветшала, что въ Германіи только тотъ упрочитъ свою будущность, кто призоветъ къ себѣ на помощь *національный* интересъ.

По цѣлямъ, политику Гогенцоллерновъ можно назвать не только династическою, но и сначала прусскою, потомъ — германскою; а

по средствамъ и характеру это—политика *революціонная*, соответствующая свойствамъ самой династіи и пруссаковъ. Съ нашей точки зрѣнія она представляетъ правильный организмъ, постоянно развивающійся по одной линіи. Здѣсь нѣтъ австрійскихъ противорѣчій. Намъ легко обрисовать типъ политическаго хозяйства Гогенцоллерновъ.

Династическій интересъ также древенъ, какъ человѣческія общества. Онъ былъ вездѣ, даже у феодаловъ, но далеко не вездѣ приводилъ онъ къ образованію прочныхъ политическихъ тѣлъ. Въ западной Европѣ онъ создалъ *государство* раньше всего на Бранденбургской Укряйнѣ.

Для государства прежде всего необходима крѣпкая внѣшняя форма—именно значительная и населенная территория да сильное правительство. Гогенцоллернъ никогда не упускалъ изъ виду землю. Онъ съ раннихъ поръ протягивалъ руки къ естественнымъ границамъ—къ Балтикѣ и богемскимъ горамъ, къ Вислѣ и Рейну. Онъ даже хваталъ дальше цѣли, предупреждая исторію. Такъ, въ 1618 г., Гогенцоллернъ завладѣлъ герцогствомъ Пруссіей (Восточная Пруссія) за Вислой, когда между этою землею и Бранденбургомъ еще лежалъ плотный слой польскихъ областей. Въ 1795 году онъ получилъ, опять за Вислой, новую Восточную Пруссію, которая принадлежитъ теперь Россіи. Почти въ одно время съ герцогствомъ Пруссіей Гогенцоллернъ получилъ Клеве, а потомъ и Гельдернъ—за Рейномъ; еще позже въ его рукахъ очутился весь средній Рейнъ, благодаря Вестфалии. Но нужно было наполнять пробѣлы между этими, смѣло намѣченными, границами. Гогенцоллернъ не забывалъ и этой задачи. Начиная съ 1648 года, онъ постепенно приобрѣлъ всю Померанію и Западную (польскую) Пруссію, т.-е. пополнилъ пробѣлы на востокѣ. Съ того же 1648 года онъ началъ подвигаться на западъ, захвативъ Магдебургъ и другіе города къ западу отъ Эльбы, а также Минденъ на Везерѣ, т.-е. на перепутыи между Магдебургомъ и Клеве. Въ наше время остается уже немного пробѣловъ. Прусская земля лежитъ сплошной массой, упираясь въ Рейнъ и Вислу и даже нѣсколько переступая за эти рѣки. Ей нужно приобрѣсти только Нидерланды. Затѣмъ, на югѣ одна Саксонія мѣшаетъ прусской границѣ протянуться отъ Майна до Силезіи, а на сѣверѣ одна Данія препятствуетъ овладѣть всѣмъ морскимъ берегомъ. Саксонія переживаетъ опасныя минуты, а на сѣверѣ у Пруссіи выставленъ форпостъ въ лицѣ Шлезвига, съ его нескончаемымъ національнымъ вопросомъ.

При этомъ расширеніи границъ ясно обнаружился револю-

ціонный характеръ Гогенцоллерна. Всякое новое приобритеніе означало гибель какой-нибудь отжившей средневѣковой силы — то Тевтонскаго Ордена (герцогство Пруссія), то феодальныхъ прелатовъ (Магдебургъ), то Польши и Австріи, съ ихъ устарѣлыми порядками. На нашихъ глазахъ Пруссія поглощаетъ послѣднихъ фюрстовъ, ведетъ переговоры съ парижскою коммуною, первая признаетъ неудачную испанскую республику, силится искоренить ультрамонтанство.

Тѣмъ же характеромъ отмѣчено развитіе государственной власти Гогенцоллерна.

Мы уже видѣли, какъ быстро расправился Гогенцоллернъ съ разгулявшимися юнкерами. Лѣтъ сто спустя, когда эти буяны снова вздумали-было пограбить, курфюрстъ Іоachimъ I разомъ повѣсилъ ихъ штукъ сорокъ, приговаривая: «Я проливаю не дворянскую, а разбойничью кровь». Съ тѣхъ поръ совсѣмъ исчезъ феодализмъ. Юнкеры стали сидѣть дома, пропивая и проживая послѣднее достояніе, а на войну они посылали своихъ кучеровъ, старостъ, рыбаковъ. Уже въ половинѣ XVII вѣка съ нихъ брали подать, взамѣнъ личной военной службы (Lehnspfegelder).

Тогда же замолели въ Бранденбургѣ «земскіе чины», эти нѣмецкія вѣча. Въ 1653 году было ихъ послѣднее собраніе. Въ позже приобритенныхъ земляхъ земства были сильнѣе, они протестовали нѣсколько времени. Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. А если онъ не умолкалъ отъ однихъ угрозъ, то съ нимъ поступали по примѣру Клеве. Тамъ, около половины XVII вѣка, земскіе чины устроили федерацію для защиты своихъ правъ, но явились солдаты изъ Берлина и расположились въ ихъ домахъ: эти гости показывали своимъ хозяевамъ бумагу, разрѣшавшую имъ дѣлать, что угодно. Два поколѣнія спустя, король Фридрихъ Вильгельмъ I уничтожилъ послѣдніе слѣды ленныхъ отношеній въ Пруссіи. На запоздалые протесты нѣкоторыхъ земствъ о своихъ правахъ онъ отвѣчалъ небрежно: «это—старая, забытая исторія». Наканунѣ революціи, если гдѣ и терпѣли остатки феодализма, то лишь въ томъ случаѣ, когда они были полезны для власти Гогенцоллерна.

Рядомъ съ искорененіемъ феодальной старины шло развитіе новыхъ элементовъ. Какъ только вспыхнула реформація, Гогенцоллерны начали покровительствовать ей, а въ 1615 году стали протестантами. Они тотчасъ же, съ своимъ практическимъ тактомъ, уразумѣли ея политическое значеніе. Они поняли, что она подрываетъ послѣднія основы средневѣковщины, и доставляетъ

фюрстамъ не только независимость отъ имперіи, но и матеріальныя средства роскошной церкви. Гогенцоллерны извлекли еще одну выгоду изъ реформаціи. Они подбирали протестантовъ, которыхъ выкидывали близорукія правительства католическихъ странъ. Ихъ пустынные земли стали убѣжищемъ для людей трудолюбивыхъ, образованныхъ и зажиточныхъ, доказавшихъ свою честность и свой характеръ добровольными страданіями. Нензмѣримъ умственный и матеріальный капиталъ, вложенный этими эмигрантами въ бѣдную нѣмецкую Украину. Наконецъ, Гогенцоллерны, сливаясь съ глубоко-національнымъ движеніемъ, приобрѣтали извѣстность, т.-е. нравственную силу въ Германіи.

Становясь на новый путь въ культурномъ отношеніи, Гогенцоллерны въ то же время быстро создавали новый политическій бытъ.

Идея этого быта опредѣлялась какъ воззрѣніями Гогенцоллерновъ, такъ и историческими обстоятельствами. Мы уже замѣтили, что душой дѣятельности Гогенцоллерновъ былъ династическій интересъ, а онъ неразрывно связанъ съ властолюбіемъ. Время, когда Гогенцоллерны появились въ Бранденбургъ, было переходомъ отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи, т.-е. эпохой зарожденія абсолютизма повсюду. Тогда, при неразвитости общества, нельзя было искоренить кулачное право безъ сильной власти. На нѣмецкой Украинѣ были свои условія, поддерживавшія направленіе эпохи. Этотъ «полупропащій» край—какъ называли ее тогда—истощенный разбоями юнкеровъ и разбитый на куски, могъ быть сплоченъ въ цѣльную и стройную массу только внѣшнимъ могуществомъ, пришлою династіей. «Въ нашей землѣ порядка нѣтъ; придите владѣть нами»,—эта первая строка нашей исторіи повторяется и въ исторіи многихъ другихъ государствъ. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ только на сѣверѣ Германіи образовалось цѣльное владѣніе среди разной мелочи, оно тотчасъ же должно было войти въ сѣверную систему государствъ. Поставленный среди сильныхъ державъ—Голландіи, Скандинавіи и Польши, Бранденбургъ вскорѣ принужденъ былъ принять на себя европейскую роль, и тѣмъ болѣе тяжелую, что Гогенцоллернъ, какъ пришлецъ, долженъ былъ доказывать свои права на существованіе. Отсюда постоянныя войны. А онѣ вызываютъ солдатчину и укрѣпляютъ ея вождя, т.-е. ставятъ народъ въ осадное положеніе, развиваютъ абсолютизмъ.

Новый политическій бытъ началъ вырабатываться въ Бранденбургѣ съ первыхъ Гогенцоллерновъ. Уже второй изъ нихъ заслужилъ прозвище «Желѣзный Зубъ»; уже въ 1473 году явился законъ о престолонаслѣдіи по праву первородства и о нераздѣль-

ности Бранденбурга. Тогда же церковь и города, построенные Гогенцоллернами, уже почти вполнѣ зависѣли отъ нихъ. Только юнверы, хотя и усмиранные, кичились еще своими древними правами и кричали свое veto на земскихъ сеймахъ. Въ началѣ XVI вѣка мы уже находимся въ монархической атмосферѣ, гдѣ даже носятъ имена: «regnum, imperium». Эти ученые слова принадлежать питомцамъ университета въ Франкфуртѣ-на-Одерѣ, основаннаго Гогенцоллерномъ для изученія римскаго права, идея котораго—абсолютизмъ цезарей. А сто лѣтъ спустя, подлѣ арміи священнослужителей и ученыхъ, у Гогенцоллерна явилась армія чиновниковъ. Она была набрана изъ темныхъ лицъ, всѣмъ обязанныхъ курфюрсту, извлекаемому ихъ изъ ничтожества. Но не было еще солдатъ и денегъ, этихъ нервовъ абсолютизма.

Бранденбургъ совсѣмъ превращается въ государство при Фридрихѣ-Вильгельмѣ, прозванномъ поэтому «великимъ курфюрстомъ» (1640—1688). Фридрихъ-Вильгельмъ — прусскій Петръ Великій. Между ними есть сходство даже въ характерѣ, но особенно въ задачахъ. Великій курфюрстъ былъ неусыпнымъ работникомъ на тронѣ. Онъ отличался практическимъ тактомъ, романтизмъ среднихъ вѣковъ былъ чуждъ его душѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ не былъ фанатикомъ въ религіи: ему было все равно, кто во чтѣ вѣруетъ, лишь бы было побольше подданныхъ — и онъ призывалъ къ себѣ переселенцевъ отовсюду. Не было у него и политическаго доктринерства. Знаменитый Staatsraison оправдывалъ въ его глазахъ всякое направленіе. Великій курфюрстъ изъ политическихъ выгодъ воевалъ за голландскую республику противъ, Лудовика XIV, и за англійскую революцію противъ Якова II. Но этотъ практикъ былъ широкая, гогенцоллернская натура. Онъ завелъ флотъ, который осмѣлился соперничать съ испанскими армадами и достигалъ Гвиней. Онъ создалъ армію, которая дерзнула сразиться съ французами и шведами, и даже побѣдить. Ферберлинъ—его Полтава, Померанія—его Петербургъ. Уничтоживъ ленную зависимость отъ Польши, великій курфюрстъ окончательно сбросилъ съ Бранденбурга оковы сильныхъ сосѣдей.

У великаго курфюрста каждый внѣшній успѣхъ сопровождался новымъ ударомъ феодализму. Его вѣрнымъ союзникомъ было время. Тридцатилѣтняя война разрушила все, а слѣдовательно и феодальные порядки, и зародыши культуры. Повсюду царствовала анархія и невѣжество, оупѣніе массъ. Все ждало грубой и коварной, но дѣйствительной силы, военной диктатуры, а съ запада доносились отголоски идеи абсолютизма, искусно выработанной французами. Во время войны некогда было спраши-

ваться у земскихъ чиновъ: деньги и солдатъ собирали безъ ихъ соизволенія. Утихла буря, а новый порядокъ, родившійся изъ крови и разрушенія, остался. Великій курфюрстъ ввелъ акцизъ — постоянный налогъ съ предметовъ потребленія, — и на это на-вербовалъ постоянную армію. Затѣмъ онъ утѣшилъ юнкеровъ тѣмъ, что утвердилъ ихъ помѣщичьи права, т.-е. пожертвовалъ крестьянами, — и за это отнялъ у нихъ политическую власть, закрылъ земства. Стали управлять не средневѣковые «чины» и коллегіи, а самъ курфюрстъ «изъ кабинета» (im Geheim).

Результатъ правленія великаго курфюрста поразителенъ. Въ половѣка была сломлена сила древняго сословнаго начала и провинціального духа; было поднято мѣщанство на счетъ феодальной аристократіи; была введена та система армій, финансовъ и законовъ, которая нынѣ вознесла Пруссію на степень важнѣйшей державы въ Европѣ. Страна, стоявшая въ Германіи на пятомъ планѣ, послѣ Австріи, Саксоніи, Пфальца и Баваріи, выдвинулась на второй.

Дѣло великаго курфюрста было заложено прочно. При его сынѣ, Фридрихѣ I, его признала Европа, даровавшая бранденбургскому курфюрсту титулъ *пруссаго короля* (1701). При его внуцѣ, Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, было увѣнчано зданіе старой прусской монархіи.

То была неотесанная, циклопическая постройка, и Фридрихъ-Вильгельмъ I — послѣдній представитель типа Гогенцоллерновъ-пелазговъ. Этотъ солдатъ на тронѣ — натура крайне грубая, первобытная, но желѣзная и цѣльная. Фридрихъ-Вильгельмъ I посвятилъ всего себя «государственной пользѣ», за которой не видѣлъ никакихъ другихъ правъ — ни гражданскихъ, ни личныхъ. Онъ смелъ послѣдній средневѣковой соръ и занялся подтягиваніемъ всѣхъ сферъ жизни къ одному идеалу порядка. Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ на свою задачу просто, не мудрствуя лукаво. Побольше солдатъ да денегъ — и основа политики обезпечена. Мы видимъ у него первый намекъ на всеобщую воинскую повинность: онъ набиралъ, сколько нужно, солдатъ, обучалъ ихъ и распускалъ по домамъ. Подлѣ этихъ «синихъ дѣтокъ» и «долговязыхъ ребятъ» по всей странѣ рассыпалась армія чиновниковъ, получившихъ строгую организацію. Это былъ первый *систематическій* бюрократизмъ въ Европѣ. Чиновники стали опекунами гражданъ во всемъ. Это были даже новые цензоры нравовъ и совѣсти.

Солдатчина, чиновничество, покорное мѣщанство — вотъ элементы государства прошлаго вѣка, замѣнившіе средневѣкового

рыцаря, прелата и гордаго бюргера. И всё они тянуть не врознь, а къ одному могущественному центру. Надъ ними стоитъ, на неизмѣримой высотѣ, Staatsraison или неностижимая «тайна жизни государства» (arsana imperii), какъ говаривали юристы римскихъ цезарей. Фридрихъ-Вильгельмъ I выражался проще, въ духѣ своей первобытной наивности. «Мы», говорилъ онъ, «можемъ дѣлать, что угодно, ибо мы—король, и не нуждаемся ни въ какомъ помощникѣ». У него честь, свобода, жизнь человѣка зависѣли отъ подобныхъ лапидарныхъ фразъ: «чепуха (Narrenprossen)!.. Долой—и конецъ (platt cassirt platt abgeschlagen)!.. Вотъ онъ пролежитъ у меня три дня подъ палками на гауптвахтѣ!» Однажды университетъ жаловался королю, что солдаты избили одного студента. «Не разсуждать! То мои подданные»—былъ отвѣтъ. Въ другой разъ солдаты возроптали на дурное помѣщеніе. Тотчасъ же было велѣно евреямъ отдать имъ свои квартиры и нанять ихъ бараки по назначенной цѣнѣ.

Цѣль, въ которой стремился послѣдній представитель первобытной прусской монархіи, была достигнута. Государь небольшой страны, которая по пространству была десятою, а по числу жителей четырнадцатою державою, оставилъ своему сыну третью въ Европѣ по числу и первую по выправкѣ армію, и около 10 миліоновъ талеровъ запасной казны. Сверхъ того, онъ завѣщалъ подданныхъ, которые вызвали у Фридриха II, передъ смертію, восторженіе: «я усталъ управлять рабами!»

Политическая идея, которой самоотверженно служилъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, укоренилась въ Пруссіи. Она только мѣняла формы. Фридрихъ II—первый представитель *новой* прусской монархіи; это — Гогенцоллернъ-эллингъ, противоположный прежнимъ, пелазгическимъ натурамъ, но основа его дѣятельности — старая. Онъ придалъ только умъ, лоскъ «просвѣщенія» прежней циклопической формѣ. Послѣ Фридриха его прибавка исчезла, но сохранилось суевѣріе, что эта форма — единственное спасеніе Пруссіи. Кто не увлекается внѣшностью и буквой, тотъ даже теперь, послѣ уложенія 1848 г., замѣтитъ слѣды стараго государственнаго принципа Пруссіи: «подданные имѣютъ политическія права, но всё эти права, также какъ и обязанности, соединяются въ главѣ государства».

Впрочемъ, мы не станемъ теперь анализировать внутреннюю политику Фридриха. Намъ нужно прежде уяснить отношенія Гогенцоллерна къ германской имперіи.

И здѣсь Гогенцоллерны и Пруссія—противоположность Габсбургамъ и Австріи.

Между Пруссіей и Германіей не было явной политической отчужденности. Курфюрстъ бранденбургскій былъ важнымъ коленомъ въ механизмѣ имперскаго наряда. Первый Гогенцоллернъ на Украинѣ, курфюрстъ Фридрихъ I, былъ, съ согласія всѣхъ фюрстовъ, «намѣстникомъ и правителемъ римско-нѣмецкой имперіи», т.-е. замѣнялъ Габсбурга, который былъ поглощенъ борьбой съ гусситами. Послѣ него избраніе императора всегда зависѣло отъ того, на чьей сторонѣ былъ голосъ сильнаго курфюрста бранденбургскаго. Хотя Гогенцоллернъ, подобно Габсбургу, устраивалъ на своей Украинѣ наслѣдственное и независимое гнѣздо, но онъ не разрывалъ связей съ Германіей. Каждое его новое приобрѣтеніе въ сѣверо-восточномъ закоулкѣ Германіи было приобрѣтеніемъ «отечества», входившемъ въ составъ имперіи; каждый клочокъ земли, вырванный у славянъ и литовцевъ, становился Америкой, куда устремлялись нѣмецкіе переселенцы. Со времени реформаціи здѣсь образовалось истинное убѣжище нѣмецкой національности.

Реформація имѣетъ рѣшительное значеніе, какъ въ судьбѣ Габсбурга, такъ и въ судьбѣ Гогенцоллерна. Она разрывала послѣднія умственные связи между Австріей и Германіей и закрѣпляла ихъ между Пруссіей и Германіей. Какъ только Гогенцоллернъ склонился въ ней, тотчасъ же былъ предрѣшенъ культурный, а слѣдовательно и національный вопросъ у нѣмцевъ. Католичество—реакція и застой; протестантизмъ—прогрессъ и умственное развитіе. Вся нѣмецкая культура возросла на почвѣ реформаціи. Поэтому, въ то время, какъ Австрія, въ лицѣ іезуитовъ, воздвигла китайскую стѣну между своими народами и нѣмецкой культурой, Пруссія стала очагомъ послѣдней. Съ этихъ поръ на бранденбургской Украинѣ зародился принципъ—учить и учиться, ибо наука даетъ умъ, а умъ—сила. И онъ утвердился, несмотря на ужасы Тридцатилѣтней войны и на грубость первобытныхъ Гогенцоллерновъ. Уже великій курфюрстъ устроилъ университетъ въ Дюйсбургѣ не для одного римскаго права. Сынъ его, король Фридрихъ I, полировалъ свой народъ прививкой французскаго образованія, знакомствомъ съ міромъ идеаловъ. Пруссія тогда же стала участницей и иногда даже центромъ нѣмецкихъ умственныхъ движеній, которые сосредоточивались на сѣверѣ Германіи. Фридрихъ II былъ уже европейскимъ ниселемъ и образцомъ «просвѣщеннаго» правителя.

Гогенцоллерны, даже тѣ изъ нихъ, которые были враждебны образованію, помогали прогрессу по-нѣволѣ, въ силу лучшаго изъ протестантскихъ принциповъ, усвоеннаго ими. Они были

кальвинисты. Кальвинизмъ также относится къ лютеранству, какъ весь протестантизмъ къ католичеству. Когда утвердилась реформація, лютеранизмъ, забывъ свое революціонное происхожденіе, приблизился, по характеру, къ католичеству, онъ сталъ мертвой буквой; онъ развивалъ въ душѣ своихъ почитателей іезуитскія свойства — раболѣпіе передъ властью, фанатизмъ и умственный застой; онъ устарѣлъ и опустился. Свои таланты и живой духъ онъ завѣщалъ своему, по рожденію, кальвинизму, котораго ненавидѣлъ и преслѣдовалъ сильнѣе католиковъ. Кальвинизмъ — движеніе впередъ, энергія, смѣлость. Онъ привился въ свободныхъ государствахъ—въ Голландіи, Англіи и Швейцаріи. Старческій лютеранизмъ напоминаетъ, по характеру, Габсбурговъ, молодой кальвинизмъ—Гогенцоллерновъ. Оттого-то онъ и понравился послѣднимъ. Связь Гогенцоллерновъ съ реформатскою церковью имѣетъ важное культурное значеніе. Она вводила въротерпимость на Украинѣ, подавляла губительный раздоръ въ протестантизмѣ и сближала раннюю представительницу абсолютизма въ Европѣ съ очагами политической свободы.

Умственная связь между Пруссіей и Германіей постоянно закрѣплялась. Уже во время Тридцатилѣтней войны Гогенцоллернъ держалъ знамя протестантизма, защищая его мечомъ, а съ начала XVIII-го вѣка онъ сталъ единственной опорой нѣмецкой реформаціи. Тогда протестантизмъ началъ падать подъ ударами католической реакціи. Курфюршество Пфальцъ отошло къ католическому Пфальцъ-Нейбургу; курфюрстъ саксонскій перешелъ въ католичество, продавъ свою совѣсть за польскую корону; а курфюршество Брауншвейгъ стало иностранною, англійскою державой. Судьба нѣмецкой національности выяснилась.

Въ своихъ отношеніяхъ къ имперской конституціи Гогенцоллернъ также представляетъ противоположность Габсбургу. Мы видѣли, какъ Габсбургъ, при всей отчужденности между Австріей и Германіей, дорожилъ этою конституціей, за-одно съ своими врагами, фюрстами. Онъ не могъ обойтись безъ имперіи, и тѣмъ крѣпче держался за нее, чѣмъ смѣлѣе выступалъ впередъ Гогенцоллернъ. Гогенцоллернъ былъ прирожденнымъ врагомъ имперской конституціи, ему хотѣлось поглотить фюрстовъ со всѣмъ ихъ имперскимъ нарядомъ. Мы знаемъ, что это желаніе было и у Габсбурга, но у него оно ослаблялось извѣстными противорѣчіями, которыхъ не было у Гогенцоллерна.

Гогенцоллернъ ненавидѣлъ имперію, какъ только можно ненавидѣть существо, противное намъ по возрасту, характеру, убѣжденіямъ и цѣлямъ. Юный провозвѣстникъ абсолютизма въ

Европѣ, Гогенцоллернъ презиралъ этотъ хламъ сословной вольности среднихъ вѣковъ, саркастически насмѣхался надъ нимъ. Имперія не нужна была ему, да еще мѣшала его широкому размаху. Она не доставляла ему никакой выгоды, кромѣ титула курфюрста, а съ его бѣдной страны, уже истощенной его абсолютизмомъ, выжимала послѣдніе соки. Она вовлекала его въ европейскія войны, не всегда соотвѣтствовавшія его интересамъ. Высокомѣрный и властолюбивый Гогенцоллернъ былъ вассаломъ Габсбурга, получалъ приказанія отъ него, какъ ленникъ отъ своего господина, подавалъ ему, какъ императору, тазъ для омовенія рукъ.

Съ другой стороны, фюрсты съ своимъ императоромъ питали не только отвращеніе, но и страхъ къ Гогенцоллерну. Они видѣли, что возвышеніе Бранденбурга было нѣмецкою революціей. Въ ихъ глазахъ Пруссія встала грознымъ призраккомъ изъ хаоса Тридцатилѣтней войны. Не успѣли они окончательно сковать Габсбурга, какъ изъ ихъ рядовъ выдвинулась сила, которая тотчасъ же стала угрожать ихъ будущности. Самое существованіе этой силы было отрицаніемъ гнилой имперіи съ ея картоннымъ цезаремъ. Родившись протестомъ старому порядку вещей, она могла развиваться только посредствомъ разрушенія этого порядка, путемъ нѣмецкой революціи. Фюрсты чуяли это — и еще тѣснѣе смыкали свои ряды на сторонѣ Габсбурга. Даже протестантскіе князья, которыхъ самъ Габсбургъ толеалъ въ объятія Гогенцоллерна своимъ іезуитизмомъ, соединялись съ Пруссіей только по религіознымъ вопросамъ.

Борьба за существованіе между Пруссіей и имперіей была неизбежна. Любопытно было только знать, какія мѣры приметъ революціонеръ, нападающая сторона. Гогенцоллернъ съ замѣчательной отвагой началъ съ самой трудной части своего плана. Онъ сосредоточилъ свои удары на императорѣ, зная, что стбѣтъ вынуть ключъ въ сводѣ — и ветхое зданіе рухнетъ само собой.

Сначала соперничество между Пруссіей и Австріей дѣйствовало, какъ скрытая сила; съ Вестфальскаго мира оно стало обнаруживаться ясно. Великій курфюрстъ первый изъ нѣмцевъ сталъ въ новыя отношенія къ императору. Онъ былъ равноправнымъ союзникомъ, а не вассаломъ Габсбурга. Онъ велъ войны самостоятельно, по внушенію собственнаго интереса. По словамъ англійскаго дипломата, онъ «съ презрѣніемъ смотрѣлъ на своихъ сосѣдей, продавалъ имъ свои услуги по какой ему угодно цѣнѣ, зная, что ему всегда будутъ рады, когда бы онъ ни вздумалъ принять участіе въ танцѣ; за нимъ, ухаживаютъ посланники Франціи, Голландіи, Даніи, курфюрстовъ саксонскаго и ганно-

верскаго и самого *императора*». Такъ вассальная преданность императору подорвалась у Гогенцоллерна, когда онъ былъ еще курфюрстомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ королемъ, одною изъ первыхъ силъ въ Европѣ. Равноправное отношеніе къ императору быстро стало династическою традиціей въ Берлинѣ. Даже король Фридрихъ-Вильгельмъ I, этотъ типъ прусскаго реакціонера, тяготился вышшею зависимою отъ Габсбурга. Въ Вѣну доносили про него: «тотъ не понимаетъ короля, кто думаетъ, что онъ подчинится кому бы то ни было въ свѣтѣ. Онъ знать не хочетъ власти императора, которая возвышается надъ нимъ, какъ надъ фюрстомъ». Всякое требованіе императора казалось ему оскорбленіемъ, и онъ воскликнулъ однажды, указывая на своего сына: «вотъ кто отмститъ за меня!» Онъ сказалъ своему наслѣднику на смертномъ одрѣ: «помни, что австрійскій домъ неизмѣнно держится правила — унижать, а не возвышать бранденбургскій домъ».

Это было справедливо. Габсбургъ платилъ Гогенцоллерну тою же монетою. Съ раннихъ поръ онъ понималъ опасность, грозившую ему съ этой стороны. Уже въ началѣ XVII-го вѣка онъ злился на бранденбургскій домъ, «котораго сильно придерживается каждый еретикъ, котораго давно ожидали и желали лютеране и кальвинисты». Во время Тридцатилѣтней войны, когда Габсбургъ уже былъ у цѣли, подавивъ княжескую оппозицію въ лицѣ двухъ сильныхъ курфюрстовъ: саксонскаго и пфальцскаго, у него вдругъ возникъ новый врагъ въ Берлинѣ — и онъ обрушился на него всею своею силой. Не говоря о свирѣпствованіи императорскихъ арій, «возстановительный эдиктъ», отнимавшій земли у протестантовъ, никому такъ не повредилъ, какъ Гогенцоллернамъ. Во время войны великаго курфюрста съ Людовикомъ XIV австрійскому корпусу приказано было только показывать оружіе французамъ, не употребляя его въ дѣло. Агенты императора разжигали чувство ненависти и страха къ Гогенцоллернамъ при дворахъ фюрстовъ, справедливо внушая имъ, что эти выскочки хотятъ поглотить ихъ. Затѣмъ Габсбурги твердили, что отнюдь не должно допускать появленія на Балтійскомъ морѣ «новаго короля вандаловъ». Правда, они должны были признать королевскій титулъ, дарованный Гогенцоллернамъ Европой; но тогда же такой замѣчательный политикъ, какъ Евгений Савойскій, горячо воскликнулъ: «министры, посовѣтовавшіе императору это признаніе, заслуживаютъ смертной казни». При Фридрихъ-Вильгельмѣ I соперники уже находились въ крайне напряженныхъ отношеніяхъ. И въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ готовились къ

борьбѣ. Императоръ Карлъ VI, чувствуя, что почва колеблется подъ габсбургскимъ наслѣдіемъ, стѣснилъ Прагматической Санкціей, гарантіей Европы, закрѣпить его за своею дочерью.

Эта борьба, грозный предвѣстникъ Садовой, дѣйствительно разразилась со вступленіемъ на престолъ Фридриха II въ Пруссіи и Маріи-Терезіи въ Австріи, въ 1740 году.

Собственно говоря, тогда Фридрихъ началъ не войну Пруссіи съ Австріей, а страшную революцію, которая потрясла не одну Германію, но и всю Европу, и отражается своими послѣдствіями до нашихъ дней. Она дала новый видъ всѣмъ политическимъ отношеніямъ Германіи, которыя завершились при жизни Фридриха извѣстнымъ «союзомъ князей». Чтобы разобраться въ хаосѣ, который произвелъ Фридрихъ въ запутанной германской политикѣ, рассмотримъ идею нѣмецкой федераціи, не лишенную своей исторіи.

XV.

Нѣмецкое единство до Фридриха Великаго.

«Германія—это богоспасаемый хаосъ», выразился умный канцлеръ Густава-Адольфа. «Это—хаосъ, который трудно разсѣять», писалъ Фридрихъ II-й Іосифу II-му по поводу фатерланда. Сколько мы ни старались оглядѣться въ этомъ хаосѣ, намъ приходится еще разъ погрузиться въ него ради идеи національнаго единства у нѣмцевъ. Покоемся необходимости.

Изъ общественныхъ свойствъ человѣка вытекаетъ національное сознаніе. На нихъ же основанъ и космополитизмъ, но онъ служить руководителемъ только развитыхъ натуръ, да и то не убивая чувства народности; для массъ же онъ — лишь религиозный долгъ, стоящій слишкомъ высоко надъ жизненными потребностями. Но національное чувство повсемѣстно и всѣмъ доступно, хотя часто оно проявляется только при крикѣ: «нашихъ бьютъ». Его не лишены даже азіатскія орды. Хорошенько порывшись въ исторіи нѣмцевъ, мы найдемъ его и у нихъ во всѣ времена.

Национальное чувство различно, какъ по степени силы, такъ и по формѣ своего проявленія. У французовъ, англичанъ, испанцевъ и русскихъ оно обнаружилось, и довольно рано, въ политической формѣ, т.-е. положительно и практически. У нѣмцевъ и итальянцевъ оно такъ запоздало, что долго существовало въ тѣнѣ объ его отсутствіи. Но оно было и здѣсь, только прояв-

лялось въ идеальной сферѣ и въ формѣ отрицанія, протеста противъ сковавшей его дѣйствительности.

Обѣ формы зависятъ отъ обстоятельствъ. Въ самомъ началѣ мы уже намекали на условія, развивавшія у нѣмцевъ особность (индивидуализацію) или эгоистическія свойства насчетъ общественныхъ. Съ теченіемъ времени къ этимъ условіямъ присоединялись новыя — и нѣмецъ сталъ образцомъ непокорства требованіямъ, стоящимъ внѣ его личныхъ инстинктовъ, внѣ его семейной берлоги. Сложилась пословица: «Гдѣ два нѣмца, тамъ три мнѣнія».

Слѣды національнаго сознанія всегда замѣчались въ Германіи. Но нѣмцы очень долго были такъ упрямы и непрактичны, что ихъ попытки осуществить національныя мечты были или крайне слабы, или неудачны, а иногда даже комичны, ибо достигали противоположной цѣли.

Уже въ Карлѣ Великомъ громко сказалось національное чувство. Но его попытка была великимъ историческимъ пуфомъ. Онъ вздумалъ создать нѣмецкое государство, да еще привить къ нему космополитизмъ римской имперіи, когда еще не было нѣмецкаго народа. Но вскорѣ явился этотъ народъ — а съ нимъ и идея *нѣмецкаго* монарха. Впрочемъ, это была именно только идея, фантастическій образъ, преданіе, завѣщанное Карломъ Великимъ. Въ дѣйствительности нѣмецкаго монарха не было: какъ его имя стушевывалось подъ блескомъ титула римскаго императора, такъ его личность скрывалась отъ взоровъ нѣмцевъ за Альпами. Въ Германіи же развивались племенные особенности — и швабъ шелъ на франка, саксонецъ на баварца и т. д.

Къ концу среднихъ вѣковъ междоусобія привели къ такому безначалію и забвенію національнаго чувства, что даже нѣмцамъ стало нестерпимо. Старый порядокъ очевидно вымиралъ. Прежде ленная система была хоть намекомъ на національную связь, теперь же вассалъ сталъ почти государемъ. Ленъ уже не связывалъ его съ политическимъ цѣлымъ. Вассалъ забылъ всѣ свои обязанности въ отношеніи націи. Феодализмъ утратилъ свою душу — и превратился изъ національной связи въ національный разбой.

Въ концѣ XV-го вѣка нѣмцы взялись поправить эту бѣду. Послѣ многихъ тревоженій они создали *федерацию фюрстовъ*, подъ громкимъ именемъ «имперской конституціи».

Мы уже знаемъ, что такое эта пресловутая конституція. Она не походитъ ни на англійскую конституцію, ни на абсолютныя государства, ни на живую федерацію новаго времени. Всѣ эти

государственныя формы отличаются сильнымъ правительствомъ и отрицаніемъ феодализма. А въ имперской конституціи не было основъ государства—территоріи, національности и правительства. Можно сказать, что нѣмцы поправились изъ кулъка въ рогожу. Въ феодализмѣ было, хотя и слабое, *подчиненіе* всѣхъ ленниковъ одному сюзерену. Федерация же фюрстовъ основана на *равенствѣ* всѣхъ ея членовъ. Это—мертворожденный политическій уродъ.

Но было бы легкомысленно видѣть здѣсь одну политическую неповоротливость нѣмцевъ и ихъ пристрастіе къ головоломнымъ системамъ. Въ имперской конституціи былъ свой смыслъ: иначе она не прожила бы болѣе трехсотъ лѣтъ. Она все-таки уничтожала кулачное право, давая просторъ только борьбѣ политическихъ единицъ, а не отдѣльныхъ личностей; къ тому же она слегка охраняла земскій миръ, защищая мелкіе чины отъ насилія крупныхъ. Но важнѣе всего, что имперская конституція была выразительницей духа народа. Нѣмцы всегда мечтали о національномъ единствѣ, а на дѣлѣ стремились къ особности. При такихъ свойствахъ, народъ или вырабатываетъ серьезную федерацию, или доходить до другой государственной формы путемъ плохой федерации. Образцомъ послѣдней была имперская конституція, но она все-таки поддерживала идею національнаго единства. Безъ нея нѣмцы уже давно перестали бы существовать, какъ нація, и утратили бы будущность, подобно евреямъ и полякамъ. Фиктивное, формальное государство—лучше, чѣмъ никакого.

Бѣда не въ томъ, что нѣмцы создали федерацию, а въ томъ, что это—самая плохая федерация, которую могъ изобрѣсть только зафилософствовавшійся нѣмецъ. Вызванная въ качествѣ орудія противъ феодализма, она была основана на его началахъ. Въ ней сохранились мелкія владѣнія, старая, ничтожная власть императора и старый же феодальный имперскій сеймъ (Reichstag). Эти остатки феодализма были баластомъ, который задерживалъ развитіе Германіи. Онъ хорошо далъ почувствовать нѣмцамъ, что значитъ консерватизмъ à tout prix. Особенно важно, что императоръ боялся потерять послѣднія права при усиленіи федерации, и потому мѣшалъ ея развитію. Съ своей стороны, фюрсты, опасаясь усиленія Габсбурга, старались сохранить имперскій нарядъ въ его первобытномъ видѣ.

Задача нѣмцевъ была ясна. Они должны были понять, что въ своемъ стремленіи къ единству они напали на истинную форму, но что эта форма была обставлена дурно. У нихъ не

было другого исхода, какъ *развить* свою *федерацию*, утвердить ее на новыхъ началахъ: вотъ источникъ оппозиціи у нихъ существующему порядку. Конечно, ея сила соответствовала ясности національнаго сознанія. Какъ послѣднее, она проявлялась болѣе въ теоріи и отрицательно, чѣмъ на практикѣ и положительно.

Оппозиція началась съ самаго появленія имперской конституціи.

На практикѣ было сдѣлано мало. Въ XVI вѣкѣ фюрсты пытались замѣнить сеймъ какимъ-то имперскимъ «совѣтомъ» или «министерствомъ», но, конечно, безъ успѣха. Тогда же вспыхнули возстанія съ глубокимъ смысломъ. То были не средневѣковые разбои или самопомощь противъ лицъ, а кровавые протесты противъ гнилыхъ учреждений—противъ крѣпостного права, безсудія, пошлостей и т. д. Эти протесты были тѣмъ серьезнѣе, что они прикрывались реформаціей, которая впервые вручила народу евангеліе.

Непосредственно политическое вліяніе реформаціи было не сильно. Въ теоріи оно было подорвано самимъ Лютеромъ, который отличался ограниченнымъ взглядомъ на государство. Лютеръ чувствовалъ зло, но видѣлъ его въ личностяхъ, а не въ учрежденіяхъ. Но на практикѣ реформація была отпоромъ старинѣ. Это случилось само собою. Габсбургъ, не уразумѣвъ своего положенія, сталъ противъ реформаціи—и фюрсты взяли за оружіе. Они побѣдили, и блистательно. Они отложились отъ Габсбурга, какъ протестантскіе государи, и подавили возстаніе низшихъ классовъ, которые пытались искоренить ихъ посредствомъ императорской власти. Мало того. Фюрсты принудили врага мятежей, Лютера, объявить, что возставать можно, если иначе нельзя сохранить своей вѣры. Въ то же время они обогатились имуществами упраздненной католической церкви.

Съ этихъ поръ фюрсты стали единственною оппозиціей старинѣ, олицетворенной въ императорѣ. Тридцатилѣтняя война была послѣднею попыткой Габсбурга побороть фюрстовъ. Мы уже знаемъ, что онъ потерпѣлъ окончательное пораженіе. Фюрсты, выгодно для себя, подновили имперскую конституцію—и тотчасъ же пережѣвали фронтъ. Они превратились въ упорныхъ консерваторовъ. Княжеская оппозиція исчезла. А со стороны низшихъ классовъ ея не могло быть: тогда образовался типъ «ванальи».

Такъ прекратилась на цѣлое столѣтіе, до Фридриха Великаго, практическая оппозиція. Но идея національнаго единства еще не умерла совсѣмъ. Именно съ Вестфальскаго мира она проявилась въ оппозиціи теоретической.

Слѣды теоретической оппозиціи замѣтны и раньше, именно съ эпохи возрожденія, которая убила наивную вѣру въ божественность всего существующаго, даже зла. Тогда вездѣ, даже въ массахъ, возникла критическая точка зрѣнія, и она касалась всѣхъ сторонъ жизни. Отъ нея не ускользнуло зло, коренившееся даже въ болѣе свѣжемъ политическомъ бытѣ, напримѣръ, во Франціи и въ Англіи.

Въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка въ Германіи часто слышались нападки на имперію. Себастьянъ Брантъ называлъ нѣмцевъ «несносною дурью» (*unverträgliche Narren*) за то, что они повинуются ей. Существующій порядокъ вещей сталъ, наравнѣ съ напой, содержаніемъ народной сатиры. То добродушная шутка, то грубая насмѣшка надъ нимъ проходить по самымъ распространеннымъ книжкамъ того времени и отражается въ карриатурахъ. Въ то же время изрѣдка возникали робкіе проекты политическихъ реформъ.

Въ эпоху реформаціи теоретическая оппозиція не проявлялась прямо, ибо умы были увлечены религіознымъ вопросомъ, но косвенно она жила въ самой реформаціи, въ ея революціонныхъ принципахъ, въ ея новомъ міровоззрѣніи. Мы уже намекали, что тогда прикрывались евангеліемъ всѣ общественныя волненія, служившія протестомъ старинѣ. И реформація благословила знамена Морица Саксонскаго и шмалькальденскаго союза.

Когда угасъ религіозный пылъ, и древній церковный идеализмъ смѣнился реальнымъ міровоззрѣніемъ, повсюду выдвинулся политическій интересъ—и въ Германіи воскресла теоретическая оппозиція.

Эта оппозиція серьезнѣе предреформаціонной. Она почти непрерывна, болѣе систематична и обширна; она опиралась на новыя общественныя и умственныя силы.

Прежде это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, протестъ одинокихъ личностей, случайно попавшихъ въ патріоты. Онъ не былъ выраженіемъ общества, потому что самого общества не существовало. Послѣ Вестфальскаго мира зародилась общественная жизнь, вмѣстѣ съ превращеніемъ средневѣковой коммуны въ городъ. Городъ, это—соціальная республика. Здѣсь все основано на равенствѣ и свободномъ призваніи. Въ этой республикѣ власть—условныя правила приличій, которыя соблюдаются даже нарушителями законовъ. Ея армія—масса талантовъ и умовъ, да общественное мнѣніе съ его печатнымъ станкомъ. Ея граждане—выходцы отовсюду, несвязанные съ стариной родовыми преданіями.

Общественная жизнь сложилась вопреки феодализму, стѣснявшему дарованія и призванія. То было зерно новаго порядка вещей.

Изъ новыхъ умственныхъ силъ первою была—литература. Какъ только зародилась она въ Германіи, въ одно время съ общественной жизнью, въ ней тотчасъ же отразилась воскресшая теоретическая оппозиція. Какъ ни слабы были ея зачатки, уже въ нихъ встрѣчаются выходы то противъ привилегированнаго дворянства и его друзей, фюрстовъ, то противъ императора. Въ концѣ XVII-го вѣка часто попадаются тяжеловѣсныя нѣмецкія остроты насчетъ «государственной пользы» (*Staatsraison*). Сатира даже касалась учреждений, и, конечно, болѣе всего—имперскаго правосудія. Она даже затрогивала, съ тонкимъ критическимъ тактомъ, любопытную язву той эпохи—теоретическое крючкотворство. «Теперь,—говорить Мошерошъ,—книги законовъ расплодились тысячами. Тутъ *codices, digesta, pandectae, institutiones, consilia, responsa*. Юристы напичкали такую массу *Distinctionen, Divisionen, Conciliationen, Extravagantien, raisons d'état, Seditionen, Processen, rixarum immortalium*, обмановъ и каверзъ, продѣлокъ и плутней, толкованій и объясненій, что самъ чертъ не разберетъ. Въ тридцать лѣтъ издано больше юридическихъ книгъ, чѣмъ прежде въ тысячелѣтіе, а справедливости все нѣтъ, ибо каждый силится написать нѣчто болѣе справедливое... Деньги—лекарство, безъ котораго мозгъ и языкъ юриста болны: это—душа, безъ которой они не могутъ жить».

Таковы были нѣмецкіе лже-юристы. Они знали только римское право, которому было болѣе тысячи лѣтъ отъ роду и которое касалось лишь гражданскихъ отношеній. Эти судейскіе умники XVI-го и XVII-го вѣковъ переносили опредѣленія частнаго права въ государственную область! Но рядомъ съ ними, съ половины XVII-го вѣка, появились истинные правовѣды—и это была вторая изъ новыхъ умственныхъ силъ, на которыя опиралась теоретическая оппозиція. Нѣмецкіе правовѣды раздѣлялись на двѣ школы. Одни слѣдовали началамъ Гуго Гроція, творца «естественнаго права», и требовали разумности въ существующемъ порядкѣ. Другіе пытались создать національное нѣмецкое право и возставали противъ римскаго. Но всѣ они сходились въ отрицаніи имперскаго наряда, въ признаніи необходимости преобразованій.

Съ начала XVIII-го вѣка стало подготавливаться «просвѣщеніе», которое проникло съ запада и въ Германію, гдѣ расцвѣло въ эпоху Фридриха Великаго. Нѣмецкое «просвѣщеніе» проявилось

преимущественно въ изящной словесности. Въ наукахъ, и особенно государственныхъ, оно было слабо. Въ этомъ смыслѣ оно не далеко ушло отъ эпохи возрожденія, только стало разнообразнѣе, и его вліяніе было обширнѣе. Политическое значеніе «просвѣщенія» въ Германіи состоитъ не въ выработкѣ государственныхъ теорій, а въ возбужденіи общественной мысли, политическаго образованія.

Подобно реформаци, «просвѣщеніе» было критическимъ принципомъ. То былъ богатырскій порывъ давно скованной мысли. Тогда Германія была переполнена широкими натурами, гениально-растрепанными поэтами въ душѣ, которые рукоплескали «Разбойникамъ» Шиллера. Это поколѣніе поклонялось не ясному, но чарующему образу безграничной свободы, и ненавидѣло всякую государственную форму. Правда, оно было слабо умственно, не могло ясно поставить политическій вопросъ, но оно чувствовало весь позоръ Германіи и ненавидѣло мизерную имперскую конституцію. Одни, подъ вліяніемъ классицизма, мечтали о форумѣ и комиціяхъ, и у нихъ не сходили съ языка магическія слова—*respublica*, *populus*. Другіе, охваченные романтизмомъ, раздражали свое воображеніе величавыми образами Карловъ, Оттоновъ и Гогенштауфеновъ, при которыхъ казалась такою противною ничтожная фигура Габсбурга.

То же самое видимъ въ прозѣ. Она неясно понимала политическую задачу времени. Въ ней даже звучали противоположныя струны—то ненависть ко всякому государству во имя политической свободы, то проповѣдь новой, монархической идеи. Но, при всякой точкѣ зрѣнія, здѣсь слышался протестъ противъ имперіи. XVIII вѣкъ, и именно его вторая половина переполнена рѣзкими политическими памфлетами. Въ нихъ то вся имперская машина, то ея отдѣльныя колеса изображались мертвечиной, фантасмагоріей, нелѣпостью и поворомъ. К. Фр. Моzerъ, расхваливъ нѣмцевъ, какъ первый народъ въ мірѣ, прибавляетъ: «и, тѣмъ не менѣе, мы, вотъ уже нѣсколько столѣтій, — политическая загадка, добыча сосѣдей, предметъ ихъ насмѣшекъ. Мы не согласны между собой, немощны отъ раздоровъ, достаточно сильны для того, чтобы вредить самимъ себѣ, и ничтожны для собственной защиты. Мы безчувственны къ чести нашего имени, равнодушны къ достоинству закона, ревнивы къ нашему верховному главѣ, подозрительны другъ къ другу. Мы—народъ великій и въ то же время презрѣнный, въ возможности счастливый, на дѣлѣ же весьма жалкій». Этотъ протестъ, конечно, оставлялъ свои слѣды.

Разжигать ненависть къ тормазамъ успѣха—значить подготов-
лять преобразование. Къ тому же «просвѣщеніе» проходило въ
народъ глубже прежней критики: этимъ готовилось политиче-
ское общественное мнѣніе въ Германіи. Не одна взаимная лю-
бовь, но и ненависть къ общему врагу создаетъ національное
чувство.

Нѣмецкая литература второй половины XVIII-го вѣка дѣйстви-
вала и непосредственно на возбужденіе этого чувства. «Мессіада»
Клопштока пропитана національнымъ паэссомъ. Лессингъ освободилъ
нѣмцевъ отъ культурнаго ига французовъ. Многія сочине-
нія читались съ одинаковымъ восторгомъ повсюду, wo die deutsche
Zunge klingt. Протестантъ, католикъ и реформатъ, пруссакъ,
швабъ и баварецъ — всякій дорожилъ именами ихъ авторовъ и
считалъ ихъ своими, «нѣмцами».

Но все это были только крестины нѣмецкой націи, и у мла-
денца не было даже имени. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ нѣмецкомъ
лексиконѣ не существовало слова «нѣмцкій народъ». Положи-
тельной идеи національнаго единства не понимали даже вожди
общественнаго мнѣнія. Самъ пылкій пророкъ патріотизма, Клоп-
штокъ, черпалъ свои вдохновенія не изъ нѣмецкаго, а еврей-
скаго міросозерцанія, и не изъ современности, а изъ первобыт-
ныхъ лѣсовъ Германіи. Онъ даже явно поклонялся воспополи-
тизму. У остальныхъ писателей служеніе этому идолу эпохи было
задачей жизни.

Скороспѣлый воспополитизмъ, возникшій раньше народнаго
сознанія, вообще сдѣлалъ «просвѣщеніе» религіей* будущаго,
мало пригодной для настоящаго. Въ Германіи же онъ особенно
гибельно дѣйствовалъ на слабые зародыши патріотизма. Здѣсь
вожди «просвѣщенія» не только не ощущали его, но относились
къ нему съ презрѣніемъ и насмѣшкой, съ высоты своего міро-
вого величія. Лессингъ, творецъ нѣмецкаго театра, говорилъ само-
довольно: «я не понимаю любви къ отечеству. По мнѣ, это—по
меньшей мѣрѣ героическая слабость, отъ которой я охотно от-
казываюсь». «Что такое нація?» спрашивалъ Гердеръ, и отвѣ-
чалъ: «это—большой невыполотый садъ, полный плевелъ; это со-
браніе глупостей и недостатковъ, а также достоинствъ и добро-
дѣтелей». Гёте проповѣдывалъ: «напрасно, нѣмцы, надѣетесь вы
образовать націю. Вы можете только создать изъ себя челоѣтика:
объ этомъ и позаботьтесь». Лейбницъ предлагалъ свое перо кому
угодно. Съ энергіей, достойной лучшаго употребленія, защищалъ
онъ своихъ фюрстовъ-благодѣтелей. Послѣдующіе философы, не

исключая и Канта, увлекались космополитическою и нравственною идеей. Лучшие нѣмецкіе публицисты эпохи «просвѣщенія», подобно Лейбницу, отстаивали княжескіе принципы. Особенно отличались этимъ духомъ прусскіе писатели, которые только за Берлиномъ и его государемъ признавали право на политическое существованіе. Въ самомъ концѣ прошлаго вѣка они называли національное чувство «политической небылицей (politisches Unding)», а стремленіе къ нему «коварной интригой *partii*» (hämischer Parteizweck). Берлинскіе публицисты выдавали сами себя, употребляя такія фразы. Они иначе не могли понимать патриотизмъ, какъ въ смыслѣ преданности Габсбургу, потому что сами были только приверженцами Гогенцоллерна.

Мы стараемся впрочемъ выяснитъ точку зрѣнія нѣмецкихъ писателей прошлаго вѣка, а не обвинять ихъ.

У нихъ не могло быть иного политическаго взгляда. Слово: «нѣмецкій народъ» не было тогда потому, что не было самаго предмета, который оно означаетъ. Извѣстное число милліоновъ, хотя бы даже одного племени, языка и религіи, еще не составляетъ націи, какъ дитя не составляетъ человѣка. Мы не называемъ націями предковъ нынѣшнихъ европейцевъ, жившихъ въ-разсыпную среди лѣсовъ и болотъ, въ родовомъ быту. Нѣмцы прошлаго вѣка жили также въ-разсыпную, среди раздробленности политической и неразвитости умственной. Они замѣнялись въ семейномъ кругу и ничего не видѣли дальше своего крохотнаго лжегосударства. Въ этихъ узкихъ рамкахъ они вели наивную, добродушную жизнь, почитая своего фюрста, какъ родоначальника. Они радовались, что никто не тревожитъ ихъ умственной спячки, не нарушаетъ ихъ будничныхъ заботъ. Вся ихъ политика состояла въ снѣсивомъ возвеличеніи своей земли и своего двора насчетъ сосѣдняго, нѣмецкаго же, государства. Имперія была для нихъ какинъ-то тридцатымъ царствомъ. По словамъ одного очевидца, «развѣ въ какомъ-нибудь имперскомъ городѣ спросить: чтó дѣлается въ Германіи? Каждый нѣмецъ считалъ себя австрійцемъ, пруссакомъ, саксонцемъ, ганноверцемъ, мекленбургцемъ: только тотъ называлъ себя нѣмцемъ, у кого не было никакого отечества». Въ глазахъ народа сѣверная Германія, гдѣ были крупныя фюрсты, съ Пруссіей во главѣ, совсѣмъ не причислялась къ «имперіи»; имперію видѣли только въ пестромъ и размельченномъ югѣ Германіи, который, очевидно, требовалъ вѣдательства имперскихъ властей для порядка. Переѣзжая изъ Ганновера въ Фульду, нѣмецъ восклицалъ: «ну, вотъ теперь я нахожусь подъ рукою императора!»

Въ прошломъ вѣкѣ нѣмцамъ не доставало не одного сознани народности; у нихъ не было гражданскаго чувства, безъ котораго немислима нація. Намъ знакомъ печальный типъ «каналы». Понятіе о гражданинѣ было точно такъ же чуждо ему, какъ и любому фюрсту, но рабскій духъ господствовалъ даже въ высшихъ кругахъ, не исключая и «просвѣщенныхъ». Интеллигенція того времени въ теоріи поклонялась абсолютной свободѣ, а на дѣлѣ старымъ кумирамъ. Совсѣмъ другое была частная жизнь такихъ нѣмцевъ свѣтилъ, какъ Лейбницъ, Вольфъ, Готтшедъ, Гёте. Умалчиваемъ о менѣе важныхъ примѣрахъ. Даже честный и мужественный патріотъ, Юстусъ Мёзеръ, сознавался, что «весьма важныя мѣстныя условія» заставляютъ его болѣе чѣмъ снисходительно относиться къ такимъ явленіямъ, какъ крѣпостное право. Мы уже знаемъ, какъ поэтъ Шубартъ воспѣвалъ своего преслѣдователя, герцога Карла виртембергскаго. Другой пѣвецъ «просвѣщенія», Виландъ, проповѣдывалъ въ передовыхъ статьяхъ своего журнала: «безсмысленно приписывать народу право разсуждать о правительствѣ. Если писатели бросаютъ изъ своихъ бочекъ такіе гордые взоры на фюрстовъ, то это—болѣзненный признакъ господствующей теперь моды на цинизмъ». Даже въ 1793 году Фихте, сочувствовавшій принципамъ конституціонализма, просилъ читателя отнюдь не думать, будто онъ желаетъ примѣненія ихъ въ Германіи.

Понятно, что въ прошломъ вѣкѣ теоретическая оппозиція въ Германіи не могла идти дальше критики существующаго порядка, да и то не систематической. Ни въ одномъ сочиненіи того времени мы не встрѣчаемъ положительнаго идеала государства, лишь кое-гдѣ мелькаютъ намѣки на него. Но они не ясны. Особенно страдаютъ они разнородностью, которая подрывала всякое довѣріе къ нимъ. Какихъ рецептовъ ни прописывалось для испѣленія этого калѣки—имперскаго наряда! Кто предлагалъ уничтоженіе императорства, кто усиленіе федеративнаго начала. К. Фр. Мозеръ видѣлъ источникъ бѣдствій Германіи въ отсутствіи нижней палаты, основанной на древне-германскомъ правилѣ: «о маловажныхъ дѣлахъ совѣщаются вожди, о важныхъ—всѣ». Въ 1791 г. курфюрсту саксонскому былъ поданъ проектъ устройства «княжеской ганзы», т.-е. торговаго объединенія Германіи.

Спрашивается, какъ бы стали нѣмцы ломать свою имперскую машину, когда у нихъ не было плана и даже идеи новаго зданія?

Къ тому же, у теоретической оппозиціи не было внѣшнихъ условій для непосредственнаго переворота. Она жила въ пестрой

общественной средѣ, лишенной формъ и матеріальной силы, а оплоты старины стройно группировались въ политической сферѣ, окруженной солдатами, деньгами и чиновничествомъ.

Теоретическая оппозиція прошлаго вѣка была отрицательной силой. Она только приготавливала претвореніе пруссака, саксонца, пиваба и т. д. въ нѣмца. За нею было будущее. Настоящее никогда не принадлежитъ отрицательнымъ направленіямъ.

Но какъ бы для того, чтобы возмѣстить недостатки теоретической оппозиціи, въ разгаръ «просвѣщенія», съ половины XVIII-го вѣка, воскресла практическая оппозиція, дремавшая цѣлое столѣтіе. Ее взялъ на себя отважный революціонеръ—прускій Го-генцоллернъ.

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

Лирическія стихотворенія *).

I.

Вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, мишурой золотой,
Хотѣлъ бы украсить, какъ гробъ дорогой,
Я книгу свою, и — напѣвы любви —
Туда схоронилъ бы я пѣсни свои.
О, если бы могъ я туда схоронить
Страданья любви и на вѣкъ ихъ забыть!
На гробъ любви и безумныхъ тревогъ
Расцвѣлъ бы холодный *покою* цвѣтокъ.
И горькія пѣсни есть въ книгѣ моей,
Которыя въ дни безутѣшныхъ скорбей
Въ душѣ накупѣли и, вырвавшись вонъ,
Разлили и ужасъ, и вопли, и стонъ,
Зажглись, запылали свирѣпымъ огнемъ
И множество искръ разбросали кругомъ!
Теперь въ нихъ потухли, погасли огни,
И блѣдны и холодны стали они,
Теперь онѣ мертвы... Но скоро любовь
Ихъ вновь оживить и согрѣетъ ихъ вновь.
Тогда, озаренныя свѣтомъ любви,
Къ тебѣ долетятъ эти пѣсни мои.

*) Переводятся въ первый разъ, за исключеніемъ второго, известнаго, впрочемъ, въ передѣлѣ и потому не вполнѣ. Большая часть этихъ стихотвореній вошла въ составъ „Лирической Интермедіи“.

И чарами книга исполнится вдругъ,
И станутъ смотрѣть эти буквы, мой другъ,
Смотрѣть, умоляя, на очи твои,
И нѣжно шептать о блаженствѣ любви.

II.

Ты помнишь, дитя, мы съ тобою
Сидѣли на легкомъ челнѣ;
Тиха была ночь, и волною
Насъ мчало къ сѣдой глубинѣ.
Вдали, надъ водой, возвышался
Въ сіяніи островъ духовъ;
Туманный тамъ свѣтъ колыхался,
Мелькалъ хоромовъ облаковъ.
Къ намъ звуки любви доходили
Оттуда въ ночной тишинѣ;
А мы, безутѣшные, плали
Съ тобой по морской глубинѣ...

III.

Прекрасные глазки весеннихъ ночей
Глядятъ на тебя съ высоты, утѣшая:
Униженъ ты будешь любовью своею, —
Любовь же возвыситъ тебя, неземная.
На липѣ зеленой сидитъ и поетъ,
Сидитъ и поетъ соловей, заливаясь;
И только лишь въ душу мнѣ пѣснь западетъ, —
Душа оживетъ, отъ тоски пробуждаясь.

IV.

Поля и лѣса зеленѣютъ;
Такъ сладко поетъ соловей...

Явилась весна молодая
 Съ цвѣтами и нѣгой ночей.
 Все тайныя думы наводитъ
 На душу больную мою;
 Я снова тоскую и плачу
 И снова я грустно пою.
 Поетъ соловей и щебечеть:
 — «Что-жъ пѣсня печальна твоя?»
 Ахъ, это старинная пѣсня,
 И часто пѣваль ее я!
 Пѣваль я ее, и тоскою
 Сжималось сердце мое,
 Твой дѣдушка, милый мой ангелъ,
 Бывало, все слушалъ ее!

V.

На морѣ утесъ одинокій торчить;
 На немъ я сижу съ безутѣшною думой.
 Реветь непогода и чайка кричить,
 А буйныя волны имъ вторять утрюмо.
 Любилъ я на родинѣ, много любилъ!
 Но рано пришлось мнѣ съ друзьями разстаться.
 О, гдѣ вы?.. Порывистый вѣтеръ свистить,
 А волны спшибаются, волны ярятся...

VI.

Разъ я видѣлъ, какъ по лѣсу
 Эльфы рѣзвья скакали;
 Громко ихъ рога трубили,
 Ихъ бубенчики звучали.
 Ихъ лошади, словно лани,
 Были съ длинными рогами;
 Быстро эльфы пронеслися
 И исчезли за кустами.
 Ихъ царица, улыбнувшись,
 Мнѣ кивнула головою:

Смерть мнѣ это предвѣщало,
Или вновь любовь съ тоскою?

VII.

Желтыя листья валятся,
Вѣтеръ осенній реветъ...
Все, что прекрасно и мило,
Все увядаетъ и мретъ...
Солнечный лучъ по вершинамъ
Голаго лѣса скользить.
Это—лобзанья разлуки...
Лѣто, увы, улетитъ!
Грустно мнѣ, хочется плавать,
Сжалось сердце тоской:
Солнечный лучъ мнѣ напомнилъ
Нашу разлуку съ тобой.
Рано со мной ты разсталась,
Рано въ могилу сошла!..
Быль я увянувшимъ лѣтомъ,
Яремъ лучомъ ты была...

VIII.

Распустился лѣсъ душистый,
Въ ясномъ небѣ тишина,
Солнце смотреть внизъ съ улыбкой:
Здравствуй, юная весна!
Все цвѣтеть и, заливаясь,
Громко свищутъ соловьи—
Пѣсни полныя отрады,
Пѣсни полныя любви.

IX.

Снова звуковъ полноъ я;
Дышетъ грудь широко.

Пѣснь весенняя, звучи,
 Уносись далеко!
 Разливайся, услаждай
 Слухъ фіалокъ звономъ;
 Бѣлыхъ розъ не забывай,—
 Къ нимъ летай съ поклономъ.

X.

Что бродишь ты ночью туда и сюда?
 Смотри, покраснѣли цвѣты отъ стыда,
 Фіалки въ лицѣ измѣнились!
 И розы умолкли, и тихъ соловей,
 И лиліи стали вдругъ смерти блѣднѣе,
 Отъ страха къ землѣ прееклонились.
 О, мѣсяцъ! повѣдалъ мнѣ истину ты:
 И чисты и святы всѣ эти цвѣты,
 Невинны ихъ нѣжные взоры!
 Хотѣлъ бы я слышать ихъ шопотъ глухой,
 Когда безъ ума отъ любви огневой,
 Я вель со звѣздами свои разговоры!..

XI.

Въ единое слово всѣ скорби
 Свои я излить бы хотѣлъ;
 То слово я отдаю-бы вѣтру, —
 Онъ живо-бы съ нимъ улетѣлъ.
 Къ тебѣ-бы примчалъ онъ, голубка,
 Печальное слово любви,
 И ты-бы узнала всѣ скорби,
 Всѣ горькія муки мои.
 Ты стала-бы слышать то слово
 И ночью, и утромъ, и днемъ,
 И вѣчно-бы шептало то слово
 Тебѣ о страданьи моемъ.

XII.

Я бродилъ вчера по саду;
 День сулилъ веселье всѣмъ;
 Все шепталось, ликовало,
 Только я одинъ былъ нѣмъ.
 И цвѣты, благоухая,
 Говорили, слышала я:
 «Будь, страдалецъ, нашимъ братомъ,
 И пройдетъ тоска твоя!»

XIII.

Любя тебя, я долженъ, бѣдный,
 Скорѣй бѣжать. Въ пылу нѣмомъ
 Какъ я хорошъ, печальный, блѣдный,
 При миломъ личиѣ твоемъ!
 Любя тебя съ волненьемъ страстнымъ,
 Я не могу ни ѣсть, ни спать.
 Я скоро сдѣлаюсь ужаснымъ, —
 Что-жъ дѣлать мнѣ, какъ не бѣжать?

XIV.

Своими думами тебя я оковалъ,
 И все, что думать я, и все, о чемъ мечталъ,
 Должна ты думать, ты должна мечтать, —
 Отъ духа моего тебѣ не убѣжать.
 Онъ вѣетъ на тебя любовью и тоской;
 Куда ты ни идешь, — онъ слѣдомъ за тобой.
 И днемъ, и ночью, и на тихомъ ложѣ сна, —
 Всегда твоя душа бываетъ имъ полна.
 Умру я, и тебя покину навсегда;
 За то мой духъ тебя не кинетъ никогда,
 Да, никогда!.. я знаю это... Словно домовой,
 Онъ будетъ жить въ твоемъ сердечкѣ, ангелъ мой!

Устрой тамъ тепленькое гнѣздышко ему,
 Мой другъ, блажному духу моему;
 Тогда за тридцать земель, пожалуй, поѣзжай, —
 И тамъ дасть знать себя мой старый негодяй.
 Онъ будетъ вѣдь тогда въ твоёмъ сердечкѣ жить,
 И будешь ты его всегда съ собой носить,
 И думать станешь ты, о чемъ я все мечталъ:
 Своими думами тебя я оковалъ!

XV.

Замѣтно блекнуть помыслы живые;
 Мой часъ насталъ! Теперь скажу, что для себя
 До этихъ поръ считалъ я тайной: для тебя,
 Лишь для тебя одной я жилъ, Марія!
 Могила ждетъ меня. Въ землѣ холодной
 Найду я наконецъ отраду и покой.
 Но ты, Марія, въ горести безплодной,
 Ты горько, горько плакать будешь, ангелъ мой!
 Нѣтъ, не рыдай, Марія! невозможно
 Бѣжать судьбы. Ты знаешь, все земное
 Великое, прекрасное, святое,
 Кончается иль пошло, иль ничтожно.

XVI.

Что меня ты нѣжно любишь,
 Это я давно узналъ;
 Но когда ты мнѣ призналась,
 Я разсудокъ потерялъ.
 По горамъ бродилъ я утромъ
 Съ торжествующимъ лицомъ;
 При закатѣ солнца плакалъ
 Я на берегу морскомъ.
 Мое сердце — тоже солнце,
 Также пламенно, красно, —
 Также въ море бурной страсти
 Погружается оно.

XVII.

О ней я думалъ цѣлый день,
 Мечталъ въ вечерней тишинѣ;
 Когда же пала ночи тѣнь,
 Она приснилась мнѣ во снѣ.
 Какъ роза юная цвѣла
 Она съ улыбкой на устахъ;
 Узорная канва была
 И пальцы у нея въ рукахъ.
 Въ ея очахъ огонь мечты
 И чудной нѣги былъ разлитъ.
 — «Что такъ сегодня блѣденъ ты?
 Чтò у тебя, скажи, болитъ?»
 Казалось страннымъ ей, что я,
 Рыдая, передъ ней стою.
 — «Скажи, чтò мучить такъ тебя?
 Открой мнѣ, другъ мой, грусть свою!»
 Въ ея очахъ такой покой,
 А я—страдаю горько я..
 — «Меня терзаешь ты, другъ мой,
 Въ разбитомъ сердцѣ боль моя.»
 Тогда рукой груди моей
 Она коснулась слегка.
 Проснулся я... прошла тоска,
 И весь тотъ день я полнъ былъ ей.

XVIII.

О, прислонись своей щекой
 Къ моей щекѣ холодной!
 Пусть слезы потекутъ рѣкой,
 Пускай текутъ свободно!
 О, прислонись къ моей груди
 Своею грудью нѣжной,
 И въ сердцѣ страстномъ пробуди
 Огонь любви мятежной.
 Когда-жъ въ груди моей больной

Огонь любви зажжется,
 Моя душа въ тотъ часъ святой
 Слезами захлебнется.

XIX.

Тебя я любилъ, я люблю и теперь!
 И если-бы міръ всей громадою рухнулъ,
 Съвозъ груды развалинъ мой страстный огонь
 Прорвался-бъ, пылалъ, и во вѣкъ не потухнулъ.

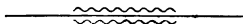
XX.

Я грустно вступилъ въ галереи,
 Гдѣ съ ней мы въ любви объяснились.
 Шипѣли и ползали змѣи,
 Гдѣ слезы изъ глазъ ея лились.

XXI.

Гдѣ, скажи, твоя голубка,
 Про которую слагалъ ты
 Пѣсни намъ, когда огнями
 Страсти пламенной сгоралъ ты?
 Тѣ огни давно потухли,
 И голубка мной забыта.
 Эта книжечка — могила,
 Гдѣ любовь моя зарыта.

АЛЕКСѢЙ ГИЛЯРОВЪ.

ЕВРЕИ И ПОЛЯКИ

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

По новымъ матеріаламъ для юго-западнаго края.

Дѣтъ шесть тому назадъ, императорское русское географическое общество отправило члена своего, г. Чубинскаго, въ экспедицію въ нашъ юго-западный край, съ цѣлью этнографическаго и статистическаго описанія этого края. Г. Чубинскому удалось собрать множество разнаго рода матеріаловъ, получить отъ другихъ собирателей, какъ собраніе матеріаловъ, такъ и цѣлыя статьи и монографіи. Теперь это обширное собраніе издается географическимъ обществомъ подъ заглавіемъ: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ». Пока, съ 1872 по 1874 годъ, вышли: первый выпускъ перваго тома (вѣрованія и суевѣрія); томъ третій (народный дневникъ); томъ пятый (пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточные); томъ шестой (народные юридическіе обычаи, ио рѣшеніямъ волостныхъ судовъ), и первая половина седьмого тома (евреи и поляки). Каждый изъ этихъ томовъ имѣетъ немалое научное значеніе по своему матеріалу, но послѣдній томъ имѣетъ и общественный, и политическій интересъ, — почему мы и намѣреваемся поговорить о немъ нѣсколько подробно. Это необходимо въ виду того въ особенности, что седьмой томъ изслѣдо-

ваній г. Чубинскаго, при всемъ своемъ публицистическомъ характерѣ, будучи частію многотомнаго и въ маломъ числѣ экземпляровъ изданнаго собранія, осужденъ на малое распространеніе въ публикѣ.

I.

Евреи и поляки въ нашихъ западныхъ губерніяхъ представляютъ не только народности, но вѣроисповѣданія и сословія: буржуазію и аристократію. Это обстоятельство не только усложняетъ всѣ явленія какъ религіозной, такъ и національной и сословной жизни этихъ губерній, но и затрудняетъ научное изслѣдованіе и выводы обо всѣхъ этихъ явленіяхъ. А то обстоятельство, что евреи и поляки въ западномъ краѣ принадлежатъ къ классамъ общества, которые представляютъ такъ-называемые культурные слои общества, требуетъ совсѣмъ другихъ способовъ изслѣдованія, чѣмъ такъ-называемое этнографическое изслѣдованіе, обращающееся преимущественно на простонародье. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ случаѣ изслѣдованіе производится главнымъ образомъ черезъ опросъ, въ первомъ для успѣха дѣла надо не столько собирать данныя для характеристики быта, возрѣній и т. п., проявленій жизни, сколько наблюдать ихъ выраженіе въ собраніяхъ, учрежденіяхъ, въ печати. И если по чему-либо такого рода публичное проявленіе жизни этихъ сословій не имѣетъ мѣста, то, конечно, задача изслѣдованія ихъ жизни сильно затрудняется, тѣмъ болѣе, что относительно ихъ почти нельзя приложить метода опроса, да еслибъ и можно было, то далеко не всегда можно надѣяться получить правдивый отвѣтъ.

Въ тѣсномъ же смыслѣ статистическія данныя и объ этихъ сословіяхъ,—какъ на этотъ разъ и о крестьянскомъ,—могутъ быть собраны не столько экстренно, короткое время дѣйствующею экспедиціею, сколько хорошо устроенными постоянными статистическими учрежденіями. Вотъ почему, по необходимости, свѣдѣнія бытовые и числовыя, сообщаемыя г. Чубинскимъ и его сотрудникомъ, о евреяхъ и полякахъ юго-западнаго края не могутъ быть ни полны, ни даже вполнѣ точны. Что касается до евреевъ, то этнографическій очеркъ и очеркъ юридическихъ обычаевъ, основанныхъ на моисеево-талмудическомъ правѣ, составленные для собранія г. Чубинскаго г. Полинковскимъ, а также его приложение: «Объ общественномъ уравнианіи евреевъ юго-западнаго края», во всякомъ случаѣ интересны и полезны—даже въ практи-

ческомъ отношеніи—для всякаго, живущаго въ этомъ краѣ. Статистическій же очеркъ еврейскаго населенія, его промышленности и т. п. заключаетъ въ себѣ только приблизительно вѣрные данныя и расчеты, часто, видимо, писанные отъ руки,—такъ какъ данныя эти основаны на донесеніяхъ полицейскихъ,—а послѣднія однодневныя переписи въ разныхъ городахъ показали, какъ мало можно полагаться на нашихъ полицейскихъ статистиковъ. Признаемся, насъ нѣсколько удивляетъ та рѣшительность, съ которою г. Чубинскій опредѣляетъ, хотя и приблизительно, не только число евреевъ, занимающихся каждымъ отдѣльнымъ промысломъ, но даже количество дохода, ими отъ того получаемого ¹⁾; только доходъ нищихъ-евреевъ, которыхъ г. Чубинскій насчиталъ 20,000 душъ, онъ затруднился опредѣлить. Приведемъ во всякомъ случаѣ числовыя данныя объ евреяхъ и о другихъ народностяхъ юго-западнаго края, какія выставлены г. Чубинскимъ на основаніи какъ полицейскихъ свѣдѣній, такъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приходскихъ списковъ. Всего въ трехъ губерніяхъ:

Малоруссовъ	4.850,000	(83,53%)
Евреевъ	750,000	(1,18%)
Поляковъ	91,000	(0,57%)
Великоруссовъ	50,000	(0,86%)
Нѣмцевъ	33,000	(0,55%)
Молдаванъ	12,000	(0,18%)
Чеховъ	7,000	(0,11%)
Прочихъ европейцевъ . .	1,000	{ (0,02%)
Цыганъ	1,000 (?)	
Карамовъ	450	
Татаръ	300	
<hr/>		
5.795,750		

Въ поясненіе числа поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ, здѣсь приведеннаго, слѣдуетъ сказать, что г. Чубинскій не всѣхъ католиковъ края считаетъ поляками. Католиковъ, по приходскимъ спискамъ, въ трехъ губерніяхъ 389,100 душъ — (по полицейскимъ 412,000 душъ). Изъ нихъ дворянъ 67,366, мѣщанъ 62,987, однодворцевъ 132,511, крестьянъ 126,236 (въ кievской губерніи 1,248, въ подольской 94,641, въ волынской 30,347). Принимая во вниманіе, что мѣщане, а особенно однодворцы и крестьяне-католики бытомъ болѣею частію мало отличаются отъ однословныхъ съ ними православныхъ, г. Чубинскій только од-

¹⁾ Любопытные могутъ его найти въ VII т. „Трудовъ“, на стр. 209.

нихъ дворянъ-католиковъ, 167,336, цѣликомъ считается за поляковъ, — изъ остальныхъ же поляками считается мѣщанъ: 6,400, однодворцевъ—13,200, крестьянъ—5,060, — всего 91,000. Въ великоруссамъ г. Чубинскій относитъ, кромѣ всѣхъ раскольниковъ и старообрядцевъ (ок. 25,000), еще значительную часть русскихъ чиновниковъ, землевладѣльцевъ, купцовъ въ г. Кіевѣ; — всего постоянно живущихъ великоруссовъ получается 50,000, а съ солдатами и прихожими рабочими до 100,000. Разсчетъ этотъ во всякомъ случаѣ остается на отвѣтственности г. Чубинскаго. Количество земли — у польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и русскихъ (малорусскихъ) крестьянъ г. Чубинскій разсчитываетъ такъ: у помѣщиковъ польскихъ — 6.000,000 десятинъ (на 6,000 семействъ), у русскихъ—до 1.500,000 (на 1,000 семействъ); у крестьянъ — 4.000,000 (на 3.070,000 душъ обоюга пола или 700,000 семействъ. Стоимость поземельной собственности у польскихъ помѣщиковъ г. Чубинскій опредѣляетъ въ 180.000,000 рубл., у русскихъ—45.000,000 р.; годовой доходъ польскихъ помѣщиковъ до 30.000,000, т.-е. до 5,000 р. на семью; доходъ евреевъ — 36.200,000, т.-е. 290 р. на семью (изъ 6 душъ).

Самою слабою частью очерка объ евреяхъ представляется начало, въ которомъ г. Чубинскій касается общихъ сторонъ «еврейскаго вопроса», — указываетъ причины возникновенія его и касается средствъ разрѣшенія его, и такъ-называемой эмансипаціи евреевъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи серьезнѣе многихъ другихъ, если мы возьмемъ во вниманіе, что три только губерніи заключаютъ въ себѣ 750,000 евреевъ. У насъ не мало политиковъ, которые всѣ такъ-называемыя «язвы еврейства» въ западномъ краѣ объясняютъ коварствомъ или небреженіемъ польскаго правительства, которое всякими привилегіями накликало сюда евреевъ, поработившихъ потомъ этотъ край себѣ въ экономическомъ отношеніи. Объясненіе весьма простое. Ему соотвѣтствуютъ и практическія мѣры, тоже довольно простыя, которыя рекомендуются политиками такого рода: репрессаліи противъ евреевъ, вѣроисповѣдныя привилегіи православнымъ купцамъ и предпринимателямъ, особенно переселяющимся изъ внутреннихъ, «нетронутыхъ еврействомъ» губерній. Польша, конечно, не безъ вины. Но чѣмъ, спрашивается виновата старая Польша въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи, такъ или иначе, но освободившейся отъ евреевъ въ XVII в. и въ которой еще въ началѣ XIX-го вѣка въ такомъ городѣ, какъ Лубны, былъ только одинъ еврей-купецъ, теперь евреи «забираютъ въ руки» всю экономическую жизнь края? При чемъ тутъ Польша, если то же мы видимъ и въ

Новороссіи, въ этомъ богатомъ краѣ, который былъ огражденъ отъ варваровъ энергической колонизаціей малорусскаго мужика, только за тѣмъ, чтобъ стать областью, гдѣ еврей господствуетъ надъ этимъ мужикомъ? Если всѣ невыгодныя стороны поселенія евреевъ въ западной Руси происходили отъ враждебнаго православно-русскимъ массамъ католическо-польскаго государства, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что русское государство, не дозволяя евреямъ селиться въ Великороссіи, способствовало сосредоточенію ихъ въ западномъ краѣ и въ южной Россіи? Очевидно, что причинъ, почему еврейство является такимъ вредно-эксплуаторскимъ элементомъ въ юго-западной Руси, надо искать глубже, — и мѣры для освобожденія тамошнихъ массъ отъ еврейской эксплуатаціи надо проектировать дѣйствительнѣе, чѣмъ репрессаліи надъ евреями и переселеніе въ этотъ край русскихъ «кулаковъ». Такъ какъ теперь вѣра въ репрессаліи, вмѣстѣ съ вѣроисповѣдною узостью, сильно ослабѣла, то этимъ объясняются тѣ колебанія и въ общественномъ мнѣніи, и въ самихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно евреевъ, — въ родѣ, напр., недавняго закона о недозволѣніи евреямъ содержать шинки въ селахъ, тотчасъ послѣ изданія же парализованнаго отсрочкой его исполненія до 1-го января 1875 г., — срока, въ теченіи коего евреи, конечно, приняли мѣры къ тому, чтобъ вести торгъ водкою подъ чужимъ именемъ.

Объявляя еврейскій вопросъ въ Россіи важнымъ и требующимъ спокойнаго изученія для его разрѣшенія и обѣщая, вѣроятно, во второмъ выпускѣ VII-го тома, изложить свой проектъ мѣръ по этому вопросу, — г. Чубинскій считаетъ необходимымъ предпослать этнографическимъ и статистическимъ даннымъ объ евреяхъ свой общій взглядъ на еврейскій вопросъ. Нельзя сказать, чтобъ взглядъ этотъ отличался прежде всего ясностью, и если мы остановимся на немъ, то только въ виду того, что такими же неясностями отличаются обыкновенно разсужденія объ еврейскомъ вопросѣ въ нашей печати. Справедливо говоря, что евреи представляютъ въ краѣ элементъ, эксплуатирующій трудъ крестьянина, и не менѣе справедливо отвѣчая евреямъ-публицистамъ, что всѣ невыгодныя стороны еврейскаго вопроса не устраняются одной «эмансипаціей евреевъ» (мы прибавимъ, особенно такую, о какой у насъ только и говорить, т.-е. только уравниемъ въ правахъ съ христіанами), — г. Чубинскій однакожъ говорить:

«Нельзя пренебрегать интересами христіанскаго рабочаго населенія, эксплуатируемаго евреями. Получивъ въ данное время всѣ

права, евреи подавятъ крестьянина и онъ, освобожденный отъ юридическаго рабства, попадетъ въ рабство экономическое.

«Нельзя забывать тѣхъ враждебныхъ чувствъ, съ которыми населеніе относится къ евреямъ (?!).

«Нельзя забывать тѣхъ печальныхъ явленій народной мести, которыя ознаменовали собою вторую половину прошлаго столѣтія (?!).

«Не надо забывать, что гонимый еврей дѣйствовалъ вмѣстѣ съ паномъ по отношенію къ крестьянину.

«Не надо забывать, что крестьянинъ еще первое десятилѣтіе пользуется свободой,—а цѣлые вѣка испытывалъ гораздо большія бѣдствія, чѣмъ евреи».

Положимъ, все это и еще другое многое нельзя и не надо забывать,—да все-жъ-таки, что дѣлать съ евреями? Г. Чубинскій все вышеписанное сказалъ, кажется, въ подтвержденіе дальнѣйшей мысли, что «слѣдуетъ стремиться къ равноправности евреевъ,—но въ этомъ должна быть извѣстная (?) постепенность». Но какая постепенность?—постепенность ли предоставленія евреямъ правъ одного за другимъ,—или постепенность въ предоставленіи извѣстныхъ правъ извѣстнымъ категоріямъ евреевъ,—въ роѣ того, какъ это и дѣлалось до сихъ поръ? Въ томъ и другомъ случаѣ, будетъ ли предупреждена эксплуатація евреями христіанскаго рабочаго населенія,—если евреи, какъ говорить и г. Чубинскій, и теперь, не будучи уравнены въ правахъ съ христіанами, все равно эксплуатируютъ этихъ послѣднихъ. Размышленіе надъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ приводитъ къ такому выводу, что ни постепенность эмансипаціи евреевъ, ни ограниченіе правъ ихъ не поможетъ бѣдѣ. Еврейство, въ этомъ смыслѣ, есть извѣстная, патологическая, положимъ, но все же естественная функція,—которая не можетъ быть устранена, пока не будутъ устранены условія, ея производящія; устраните «жидовъ» и «жидовъ»—евреевъ, будутъ «жидеи» и «жиды» другого вѣроисповѣданія. Быть можетъ даже, существованіе въ западномъ краѣ «жидовъ», отличныхъ отъ массы языкомъ и вѣрою, имѣетъ и свои выгодныя стороны, потому что не даетъ уснуть общественной мысли и толкаетъ ее къ изслѣдованію экономической жизни и къ отысканію средствъ врачеванія ея болѣзней.

Сколько мы понимаемъ сущность еврейскаго вопроса въ западномъ краѣ,—онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія стороны: а) евреи представляютъ тамъ элементъ, не производящій цѣнностей; болѣе или менѣе всѣ они могутъ быть подведены подъ категорію купцовъ; б) этихъ купцовъ слишкомъ много, а потому

содержаніе ихъ слишкомъ дорого обходится рабочимъ классамъ; с) эти купцы выдѣляются изъ массы, какъ болѣе обособленная и болѣе солидарная корпорація, благодаря тому, что они вмѣстѣ и сословіе, и нація, и вѣроисповѣдное общество,—почему относительно евреевъ замѣчаемъ то явленіе, что чѣмъ гдѣ ихъ больше, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники; это явленіе противно закону конкуренціи,—но объясняется тѣмъ, что обязанные охранять свое существованіе тѣмъ больше, чѣмъ ихъ больше,—они тѣмъ крѣпче держатся другъ за друга и производятъ стачку ¹⁾; d) евреи, кромѣ того, представляютъ особое общество,—въ которомъ, въ свою очередь, есть эксплуатируемые и эксплуатирующие,—и такъ какъ это общество связано отсталюю религіозною цивилизаціею, то въ немъ способны для эксплуатаціи однимъ другими легче; e) евреи, наконецъ, представляютъ классъ людей, принадлежащій въ религіи, которая, по старымъ понятіямъ объ отношеніи церкви и государства, — считалась и считается низшею, едва терпимою, чѣмъ и объясняются первоначально ограниченія ихъ гражданскихъ правъ. Всѣ эти стороны еврейскаго вопроса находятся въ связи между собою; такъ, напримѣръ, долговременное презрѣніе евреевъ христіанами усилило солидарность ихъ между собою, откровенность отъ другихъ; породило у нихъ убѣжденіе въ полной правотѣ всякаго рода эксплуатаціи христіанъ и т. п. Но тѣмъ не менѣе каждая сторона еврейскаго вопроса имѣетъ и самостоятельное значеніе, и каждая для своего устраненія требуетъ особыхъ мѣръ и притомъ проводимыхъ такъ, чтобы одна мѣра не мѣшала другой. Между тѣмъ, мы видимъ издавна смѣшеніе понятій о разныхъ сторонахъ еврейскаго вопроса, какъ у друзей, такъ и у враговъ еврейства. Защитники еврейской эмансипаціи, напримѣръ, готовы совершенно отрицать тѣ стороны вопроса, которыя мы отмѣтили буквами а, b, с, d. Наша такъ-называемая «либеральная еврейская пресса», органы «образованныхъ евреевъ»,

¹⁾ Между прочимъ, подтвержденіе сказанному можно видѣть изъ сравненія цѣнъ на предметы крестьянскаго производства и потребленія въ Малороссіи на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра, какое мы находимъ въ статьѣ г. Волкова «О сельскихъ армаркахъ и о значеніи ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности», напечатанной въ I томѣ «Записокъ Югозападнаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общ.» (Кіевъ 1874), особ. стр. 278. Глиняные кувшины, которые у крестьянъ (производителей) продаются въ Борисполѣ по 8 коп., у евреевъ, въ Хвостовѣ, 15 к.; сапоги въ Б.—4—5 р., въ Хв.—5—6 р., и т. д. Цифры эти поучительны въ виду довольно распространеннаго мнѣнія, что еврейская конкуренція способствуетъ пониженію цѣнъ. Это было бы такъ, еслибы евреи сами работали, а не скупали и продавали предметы, сработанные крестьянами.

«прогрессистовъ», представляетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытное явленіе: она только и говоритъ о притѣсненіяхъ евреевъ со стороны христіанъ и вовсе не примѣняетъ критики къ своимъ, исключая только жалобъ, и то косвенныхъ, на своихъ «старовѣровъ», закоренѣлыхъ въ дѣлѣ исполненія внѣшнихъ обрядовъ. Въ предпоследнее время эти прогрессисты выставляли, какъ предметъ своей заботливости, сближеніе евреевъ съ русскими, «обрусеніе» евреевъ, — хотя еще недавно они выставляли, какъ особый признакъ еврейскаго прогресса, замѣну такъ-называемаго «жаргона» литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ въ проповѣди и разговорѣ, — стремленіе, далеко не прекратившееся въ самой Одессѣ, этомъ центрѣ еврейскаго прогресса. Станнымъ образомъ прогрессивная партія еврейская не говоритъ даже о томъ, что весь нынѣшній паразитный бытъ евреевъ не ведетъ даже къ довольству массы еврейской, которая въ существѣ дѣла обѣдствуетъ страшно и служить только орудіемъ для обогащенія «еврейскихъ тузовъ», — и что эти послѣдніе въ сущности даже и не желаютъ полнаго уравниенія правъ евреевъ съ христіанами, даже, напримѣръ, предоставленія всѣмъ евреямъ права жить по всей Россіи, — потому что тотъ бѣднякъ-еврей, который обираетъ бѣлорусса-мужика, такъ-какъ ему почти ничего не остается дѣлать другого, нуженъ для того, чтобы богатый еврей-подрядчикъ нанялъ подешевле рабочаго и т. п. Такимъ образомъ, эта яко бы прогрессивная еврейская партія не представляетъ собою ничего прогрессивнаго, критическаго, ни съ общей, ни съ частной еврейской точки зрѣнія: у ней не видно пониманія интересовъ массы ни христіанской, ни еврейской, а потому она не можетъ указать вѣрныхъ средствъ для рѣшенія еврейскаго вопроса.

Но и у противниковъ эмансипаціи евреевъ замѣтна односторонность или, лучше, неумѣніе различить разныя стороны еврейскаго вопроса. Еще въ средніе вѣка жаловались на способы торговаго еврейскаго, — но не за эти способы гнали евреевъ, а потому гоненія не только не уничтожали «жидовства» въ евреяхъ, а усиливали его. Теперь не средніе вѣка, — но время кантонистовъ-евреевъ не далеко. И теперь есть цѣлый рядъ ограниченій правъ еврейскихъ, который вовсе не уменьшаетъ эксплуатаціи евреями христіанскихъ массъ, а служитъ только остаткомъ средневѣковыхъ предразсудковъ противъ евреевъ. Таково, напримѣръ, запрещеніе имъ жить въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ краяхъ, полезное только купцамъ великорусскимъ, наслѣдникамъ тѣхъ «торговыхъ людей», которые не хотѣли допущенія въ московское царство не только евреевъ, но и англичанъ, голланд-

цевъ и т. п. Кому, напримѣръ, кромѣ мелкихъ чиновъ полиціи, принесло пользу недавнее переселеніе евреевъ изъ *однихъ* кварталовъ Кіева въ *другіе*? Извѣстная часть даже либеральной прессы радуется запрещенію евреямъ содержать шинки въ селахъ, но это запрещеніе основано на недозволеніи евреямъ покупать дома въ селахъ въ западномъ краѣ,—а это послѣднее, сосредоточивая евреевъ въ мѣстечкахъ, поддерживаетъ ихъ замкнутость, ихъ отчужденность отъ русскаго населенія, которая считается вреднымъ явленіемъ. Всѣ толкуютъ объ этой замкнутости, — о трудности для русскаго племени ассимилировать такую массу евреевъ, и однакожь наши брачныя законы, наши конфессіональныя школы и такое же веденіе метрическихъ книгъ, все ведетъ въ тому, чтобы удержать замкнутость еврейства. По принципамъ нашей системы отношеній между церковью и государствомъ, мы должны или сами «блуждать»: правотѣрно ли евреи отрицаются отъ Христа», заводить специально-еврейскія школы, гдѣ директоры-христіане рѣшаютъ вопросы о «трефѣ» и «кошерѣ» и т. д., — или же, взявъ съ евреевъ подати, не давать имъ школъ, какія имъ нравятся, не держать еврейскаго законоучителя въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы говоримъ о равноправности, о вѣротерпимости, о необходимости слить евреевъ съ христіанами,—а присяга, къ которой приводятъ евреевъ въ судѣ, заключаетъ въ себѣ оскорбительное недоверіе къ евреямъ, равно, какъ и желаемое многими изъятіе метрическихъ книгъ изъ вѣдѣнія однихъ только раввиновъ. Мы съ такою постепенностью стремимся къ эмансипаціи евреевъ, что, не избавляя юго-западной Россіи отъ бремени еврейства какъ разъ въ то время, когда она переходитъ отъ натурального хозяйства къ денежному, дѣлаемъ Великоруссію сопричастною только благу имѣть еврейскихъ концессіонеровъ, банкировъ, адвокатовъ и т. д., и т. д.

Очевидно, что выходъ изъ еврейскаго вопроса, выгодный для *большинства* и христіанъ и евреевъ, возможенъ только при послѣдовательномъ проведеніи мѣръ, вызываемыхъ каждою стороною еврейскаго вопроса. Въ вопросѣ этомъ, какъ мы видѣли, заключается нѣсколько вопросовъ: объ эмансипаціи производительныхъ классовъ въ юго-западной Руси отъ слишкомъ большого числа посредниковъ-купцовъ, объ эмансипаціи еврейской массы отъ предразсудковъ и отъ эксплуатаціи ихъ своими падишахами, богачами, наконецъ объ эмансипаціи евреевъ отъ неравноправности ихъ съ христіанами. Первое требуетъ дѣлаго ряда дѣйствій для поднятія народнаго образованія и воспитанія въ народѣ самостоятельности, организаціи народнаго кредита и т. п.

Послѣднее, конечно, требуетъ только двухъ-трехъ законодательныхъ мѣръ. Второе было бы отчасти слѣдствіемъ перваго, — такъ какъ еврейская масса, увидѣвъ, что пожива на счетъ крестьянъ стала труднѣе, обратилась бы къ производительному труду; для полнаго же своего завершенія, равно какъ и для достиженія цѣли всѣхъ желаній по еврейскому вопросу, для полнаго слитія евреевъ съ христіанами — потребовалась бы и эмансипація самихъ христіанъ отъ остатковъ средневѣковыхъ формъ общественной жизни; и такъ какъ первое, и это второе, конечно, вещи трудно осуществимыя, то мы не сомнѣваемся, что еврейскій вопросъ въ самыхъ его серьезныхъ сторонахъ останется у насъ въ томъ же положеніи, какъ и теперь, до тѣхъ поръ, когда настанетъ время, которое прошло уже для другихъ европейскихъ странъ — время уравниенія правъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, т.-е. осуществится самая легкая изъ всѣхъ мѣръ по еврейскому вопросу. Тогда, конечно, евреи въ западномъ краѣ стануть въ такое же преобладающее положеніе, въ какомъ они находятся въ Галиціи, — и тогда только станетъ яснымъ для всѣхъ, куда собственно должны были направить свои труды тѣ, кто, исходя изъ заботъ о рабочихъ классахъ, плакался на эмансипацію евреевъ и желалъ хоть постепенности въ ея проведеніи.

Если же тогда будетъ еще труднѣе, чѣмъ теперь, противо-дѣйствовать еврейскому паразитству въ юго-западной Россіи, которая, повторяемъ, именно теперь, на переходѣ отъ натурального въ денежное хозяйство, попадаетъ въ руки евреевъ, несмотря ни на какіе палліативы противъ нихъ, то въ этомъ сильно будутъ виноваты тѣ малодогадливые друзья рабочихъ, христіанскихъ массъ, въ этомъ краю, которые опасались еврейской эмансипаціи и видѣли спасеніе въ палліативныхъ репрессаліяхъ противъ евреевъ. Тѣ, которые, слушая сѣтованія мѣстной интеллигенціи, были на сторонѣ всякихъ ограниченій правъ евреевъ, противныхъ общему духу новѣйшей политики нашего правительства, — могли бы гораздо больше послужить дѣлу ослабленія еврейскаго паразитства, если бы направили свою энергію на устройство школъ народныхъ, которыя въ юго-западномъ краѣ стоятъ десять лѣтъ на точкѣ замерзанія, на организацію сельскаго кредита въ западномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни земства, ни комитета о кустарной промышленности и т. п. Если бы друзья русскаго народа въ западномъ краѣ порѣшили для себя безповоротно, теоретически, вопросъ о гражданской равноправности евреевъ съ христіанами, они бы выяснили, что, напр., податная реформа гораздо больше облегчила бы оброку, который платитъ теперь

крестьянинъ «жиду», чѣмъ всякія стѣсненія правъ еврея на торгъ; что, напр., смотрѣніе за тѣмъ, чтобъ «жиды» на базарѣ и на дорогахъ среди бѣлаго дня не хватали съ возовъ крестьянскихъ продуктовъ—(сцены, какія можно видѣть при существованіи даже мирового суда),—гораздо болѣе радикальная мѣра для разрѣшенія еврейскаго вопроса, чѣмъ такія мѣропріятія, какъ перегонъ евреевъ изъ однихъ кварталовъ Кіева въ другіе, мѣра, которую привѣтствовала мѣстная печать, или же прицѣпки къ одеждѣ, свадебнымъ процессіямъ евреевъ, а особенно недопущеніе евреевъ къ такимъ профессіямъ, какъ акушерство, и много другихъ мелочей и стѣсненій, которыми особенно богата волынская губернія.

По всей вѣроятности и изслѣдованіе г. Чубинскаго было бы полнѣе касательно евреевъ въ юго-западномъ краѣ, если бы ему были теоретически ясны всѣ стороны еврейскаго вопроса. Въ настоящемъ своемъ видѣ, за исключеніемъ этнографическаго и юридическаго очерка г. Полинковскаго, собственно экономическая и статистическая часть статьи объ евреяхъ въ «Матеріалахъ» экспедиціи г. Чубинскаго довольно неполна. Впрочемъ, мы охотно соглашаемся, что бѣглая и разносторонняя экспедиція одного человѣка и не могла собрать много свѣдѣній о деталяхъ экономическихъ отношеній евреевъ съ разными классами христіанъ. Тутъ необходимы спеціальныя наблюденія въ родѣ тѣхъ, какія напечатаны въ вышеупомянутой статьѣ г. Волкова, матеріалы для которой тоже отчасти доставлены г. Чубинскимъ. Такихъ наблюденій мы вправѣ ожидать отъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества.

II.

Еще болѣе неполонъ въ VII т. «Матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ г. Чубинскимъ» отдѣлъ: «Поляки юго-западнаго края»¹⁾. Съ статистическою частію этого отдѣла мы уже нѣсколько знакомы. Въ этнографическомъ отношеніи было бы интересно имѣть данныя о бытѣ католической шляхты и крестьянъ

¹⁾ Очеркъ этотъ (стр. 216—291) состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Введеніе; 2) Краткій историческій очеркъ ополченія юго-западнаго края; 3) Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ; 4) Нравы, обычаи, семейный и общественный бытъ; 5) Особенности литературы и языка; 6) Коренныя причины антагонизма съ великоруссами и измѣненіе въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; 7) Статистическія данныя о католикахъ и въ томъ числѣ о полякахъ юго-западнаго края.—Все это на 85 страницахъ.

волинской и подольской губерній, въ которой есть нѣсколько сель такъ-называемыхъ мазурскихъ, т.-е. чистыхъ поляковъ, переселенныхъ изъ царства польскаго. Но этихъ данныхъ вовсе нѣтъ въ «Матеріалахъ». Одни утвержденія, что католическая шляхта и крестьяне мало или вовсе не отличаются бытомъ отъ православныхъ, кажутся намъ голословными. Въ очеркѣ быта бѣлоруссовъ, составленномъ для «Этнографическаго Сборника» г. Киркоромъ, приведены примѣры языка шляхты и крестьянъ-католиковъ, изъ коихъ видно, что языкъ этотъ достаточно полонизованъ. Желательно было бы имѣть такіе же примѣры и изъ малорусской области. Интересно бы было имѣть образцы пѣсенъ изъ колоній мазурскихъ въ подольской губерніи, а также образцы пѣсенъ, какія поетъ шляхта католическая. Три этнографическіе очерка (3—5), принадлежащіе г. Михальчуку, заключаютъ мѣстами интересныя данныя, но переданныя кратко и бѣгло, — а кромѣ того, въ этихъ, и безъ того короткихъ, очеркахъ тратится много мѣста на общія мѣста всѣхъ напихъ разговоровъ о полякахъ: о прошломъ Польши, объ ультрамонтанствѣ и т. п. Изъ такихъ общихъ мѣстъ состоитъ почти весь очеркъ «Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ», — въ которомъ авторъ только мимоходомъ рассказываетъ такіа интересныя вещи, какъ, на примѣръ, существованіе въ Волыни и Подоліи смѣшанныхъ цеховыхъ братствъ изъ католиковъ и православныхъ, которыя являются въ полномъ составѣ въ костелъ и въ церковь на праздники, или, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православные ходятъ *на отпусты* въ костелы и поклоняются католическимъ чудотворнымъ иконамъ (въ Бердичевѣ, Брацлавѣ, Летичевѣ, Любарѣ, Тарнорудѣ и др.); не понимая латинскаго богослуженія и польской проповѣди, православные слушаютъ съ удовольствіемъ религіозную музыку и смотрятъ эффектные обряды. Авторъ затрогиваетъ такіе факты по поводу вопроса о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе, — мѣра, которая способствовала бы демократизаціи католицизма въ юго-западномъ краѣ, но которой противится теперешнее католическое духовенство въ этомъ краѣ, такъ какъ для него католицизмъ неразрывно связанъ съ полонизмомъ и латынью, исключая немногихъ, какъ говоритъ г. Михальчукъ, «тонкихъ политиковъ католицизма, которые благосклонно смотрятъ на эту мѣру, хотя и прикидываются ея противниками; они думаютъ, что эта мѣра упрочитъ за ними низшіе классы католическаго населенія и даже повліяетъ на православныхъ крестьянъ и мѣщанъ». Послѣдняго, какъ извѣстно, опасаются и многіе «тонкіе политики» со стороны православной, — почему, между прочимъ,

«обрусеніе католицизма», о которомъ такъ много было говорено нѣсколько лѣтъ назадъ, подвигается медленно. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ вызываетъ много другихъ, довольно трудныхъ при нашей наклонности къ регламентаціи всѣхъ жизненныхъ явленій: напримѣръ, вопросъ о проповѣди католической и православной, изъ коихъ послѣдняя, какъ извѣстно, обставлена цензурными формальностями и коей вмѣнено въ обязанность избѣгать всего простонароднаго, областного,—вопросъ о духовныхъ стихахъ (которые играютъ важную роль въ католическихъ обрядахъ, какъ отпусты, рожанцы и т. п.). Въ XVII—XVIII в. въ западной Руси и униаты, и католики, и протестанты, а не одни православные старались писать, говорить и пѣть о религіозныхъ предметахъ на мѣстномъ языкѣ русскаго населенія. Послѣ же паденія Польши только православное стало считаться русскимъ, и, кромѣ того, жизненные проявленія самаго православія подверглись строгой регламентаціи. Соотвѣтственно этому, католицизмъ еще болѣе удалился отъ руссизма, чѣмъ это было въ польскомъ государствѣ даже въ XVIII в. Но тѣмъ не менѣе народная жизнь не скоро поддается регламентаціи, а потому въ западномъ краѣ должно быть немало проявленій и близости православія и католицизма съ мѣстнымъ народнымъ элементомъ, и близости ихъ между собою. Проявленія эти должны играть роль зародышей лучшаго порядка въ будущемъ.

Вотъ почему, въ ожиданіи того времени, когда свобода религіозной жизни дастъ энергическій толчокъ желанному процессу располаченія и распахтыванія религіозности западнаго края, интересно было бы болѣе подробное изслѣдованіе всякихъ проявленій религіозной жизни и взаимнаго соотношенія различныхъ ея элементовъ въ этомъ краѣ, — чѣмъ то, которое находимъ въ очеркѣ г. Михальчука.

Другая интересная сторона положенія польскаго католицизма въ юго-западномъ краѣ представляется тоже мимоходомъ рассказаннымъ въ этомъ очеркѣ фактомъ о томъ, какъ въ Кіевѣ появился въ 40-хъ годахъ, подъ влияніемъ русскаго философскаго направленія литературы, альманахъ «Gwiazda». Сколько разъ было говорено, что католическій романтизмъ—опора сепаратистическихъ тенденцій польской шляхты, а потому, казалось бы, враждебное этому романтизму изданіе должно было быть поддержано съ нашей стороны. Между тѣмъ, изданіе «Gwiazdy» было прекращено благодаря инсинуаціямъ ультра-католической партіи, группировавшейся вокругъ редакціи «Tygodnika Petersburgskiego». Характерно, что редакторы «Gwiazdy», желая прикрыть анти-

иезуитское направлѣніе своего изданія, назначили выручку съ него на постройку востѣла. Но не менѣе характерно и самое прекращеніе изданія, которое подрывало основу враждебнаго Россіи направленія, прекращеніе, происшедшее по инсинуаціямъ изданія ультра-католическаго, которое считалось за самое благонамѣренное. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ догадливости нашего бѣлаго «панургова стада», котораго и существованія не подозреваютъ тѣ, кто такъ много кричитъ о томъ, будто вся критическая русская мысль есть дитя «польской интриги».

Самыя интересныя главы въ очеркѣ о полякахъ: глава о нравахъ, обычаяхъ, семейномъ и общественномъ бытѣ, и глава объ особенностяхъ литературы и языка. Большая часть первой наполнена описаніемъ такъ-сказать польской «обломовщины» недавняго времени, — описаніе, которое, конечно, очень строго къ польской шляхтѣ, и которому, для справедливости оцѣнки польской шляхты, мы бы желали только памяти о бытѣ русской интеллигенціи, описанной Гоголемъ, Тургеневымъ, Писемскимъ и т. д. Но, кромѣ того, объ главы заключаютъ въ себѣ указаніе данныхъ, по которымъ мы можемъ судить о томъ процессѣ, о которомъ у насъ совсѣмъ почти не имѣютъ понятія и никогда не говорятъ, когда зайдетъ рѣчь о жизни западнаго края. Какъ извѣстно, наши публицисты воображаютъ, что они открыли русскій характеръ этого края только въ 1863 г., и понятія не имѣютъ о томъ, что въ тридцатилѣтіе передъ тѣмъ польскій элементъ, въ юго-западномъ краѣ, постепенно все больше поддавался вліянію русскихъ массъ края, и что тотъ же процессъ, хотя въ меньшей степени, пропорціонально ббольшей пассивности бѣлорусской народности сѣверо-западнаго края, замѣчается и въ этомъ послѣднемъ.

Уже въ XVIII в. большая часть дворянства въ юго-западномъ краѣ была оторвана отъ народа въ силу сословныхъ привилегій и предразсудковъ. Недавно разобранныя въ «Вѣстникѣ Европы» переписка Браницкаго съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ не показываетъ со стороны польскаго правительства и польскихъ государственныхъ людей и тѣни пониманія причинъ, почему народъ шелъ въ гайдамаки. Ничтожный количественно кружокъ Костюшки, усвоившій идеи XVIII в., не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе. Характерно, что во время присоединенія юго-западнаго края къ Россіи еще были въ немъ остатки православнаго дворянства, — но ни откуда не видно, чтобы и оно понимало нужды и раздѣляло интересы православнаго народа. Послѣднимъ въ этомъ отношеніи былъ Данило Братковскій, дво-

рянинъ брацлавскаго воеводства, казенный шляхетскимъ судомъ за то, что шелъ въ крестьянскомъ платьѣ поднять, вмѣстѣ съ казакѣмъ Семенѣмъ Паліемъ, православно-крестьянское возстаніе. Это былъ послѣдній русско-народный шляхтичъ и первый *хлопоманъ* въ правобережной Украинѣ ¹⁾. Существовавшее еще въ 1775 году на Волыни и въ Подоліи дворянство православное успѣло стать католическимъ и вполне польскимъ уже по присоединеніи этого края къ Россіи. Г. Юзефовичъ, котораго г. Чубинскій цитируетъ какъ авторитетъ, говоритъ по этому поводу: «нѣтъ сомнѣнія, что національная политика Екатерины Великой оберегла бы эти остатки, какъ добрый запасъ обратнаго обрусенія возвращеннаго Россіи края; но извѣстно, что, по кончинѣ мудрой государыни, ея политика по польскому вопросу испытала крутой поворотъ и уступила мѣсто формальному официальному признанію польской національности въ нашихъ западныхъ областяхъ, послѣ чего этимъ остаткамъ ничего не предстояло болѣе, какъ подчиниться началамъ, признаннымъ закономъ господствующими верховною властію самой Россіи». Въ такихъ историческихъ объясненіяхъ прошлаго, основанныхъ на поверхностномъ знакомствѣ съ предметомъ, лежитъ источникъ, — въ сожалѣнію, довольно распространенныхъ у насъ ложныхъ идей и плановъ о мѣропріятіяхъ въ настоящемъ. Екатерининская политика относительно «губерній, отъ Польши возвращенныхъ», именно и была причиною, почему польскій элементъ въ нихъ, особенно въ юго-западномъ краѣ, сталъ крѣпче подъ властію Россіи, чѣмъ былъ прежде, подъ властію Польши. Не въ томъ дѣло, что Екатерина II титуловала эти губерніи отъ Польши возвращенными, а Павелъ I и Александръ I смотрѣли на нихъ по временамъ, какъ на несправедливо похищенные, а въ томъ, что и Екатерина II не видѣла тутъ народа, а только шляхту, что она поддержала руссійской дворянской грамотой власть польской шляхты надъ русскими хлопами, раздала немало прежде вольныхъ селъ, и даже мѣстечекъ (изъ коихъ, напримѣръ, Бѣлая-Церковь имѣла даже магдебургское право) польскимъ вельможамъ, съ цѣлью привлечь ихъ къ новому порядку вещей. Множество показаній современниковъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и польскихъ, свидѣлствуютъ, что польскіе паны въ областяхъ, доставшихся Россіи въ концѣ XVIII в., были чрезвычайно довольны русскими порядками и хвалились ими передъ своими собратами, доставшимися Пруссіи и

¹⁾ Объ немъ см. у г. Вл. Антоновича: „Послѣднія времена козачества на правомъ берегу Днѣпра“. Кіевъ, 1867.

Австріи, которыхъ правительства, болѣе вѣрные духу XVIII в., сейчасъ же наложили руку на феодальныя привилегіи шляхты надъ народомъ польскимъ и русскимъ (въ Галиціи).

Какъ будто нарочно, чтобъ выставить неосновательность разсужденій г. Юзефовича, г. Чубинскій ставитъ рядомъ съ нимъ выписку изъ статьи г. Антоновича «О крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1799 годовъ»: «Въ 1792 году южно-русскій край былъ возвращенъ Россіи, и шляхетскій порядокъ долженъ былъ уложиться въ новыя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время оказалось, что формы эти не только не враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, къ которымъ стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени подготовляли его осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи-Посполитой до «права меча», но за то экономическое ихъ господство было вполне признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которою въ Россію оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи-Посполитой ¹⁾. Хитрость и уловки въ отношеніи къ крестьянамъ (г. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи изобразилъ систему льготъ крестьянамъ со стороны пановъ въ прежнее время, въ виду возможности побѣговъ крестьянскихъ на Запорожье, а также такихъ движеній, какъ «уманьская рѣзня») сдѣлались лишни, явились средства удержатъ ихъ отъ побѣговъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и приманкамъ, какъ было прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (съ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данныя ими дарственныя записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права на поземельную собственность утверждались болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нерѣдко къ перегону жителей цѣлыми селами и мѣстечками на новыя мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее... Шляхта, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, наконецъ сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полного торжества».

¹⁾ Мы должны, впрочемъ, прибавить, что и „право меча“ достаточно вознаграждалось правомъ отдать крестьянина въ солдаты, сослать въ Сибирь, а равно возможностью, при подкупной администраціи, состоявшей на добрую долю изъ своего брата, прикрыть и самое убійство крестьянина.

Въ этомъ процессѣ, который называется «ополяченіемъ» западной Руси, не было такимъ образомъ никакой «польской интриги» (какъ вообще, объяснять общественныя явленія такими *deus ex machina* показываетъ слабость историческаго образованія); это былъ естественный процессъ, совершавшійся въ силу идей, которыя господствовали въ извѣстное время всюду. По этимъ идеямъ только паны считались за политическую націю,—паны же всячески старались отдалиться отъ народа; что же мудренаго, что польскій панъ старался говорить по-латыни, что за нимъ шелъ панъ русскій, который говорилъ по-польски,—какъ потомъ онъ и другіе говорили по-французски,—что даже прежнее русское правительство, заставъ въ западномъ краѣ большинство пановъ польскимъ, внутри себя искренно считало край этотъ польскимъ? Что мудренаго, что государство, которое само было основано тогда на крѣпостномъ правѣ, поддержало, а не ослабило власть польскихъ пановъ надъ русскимъ хлопомъ? Одинъ оффиціальныи руссизмъ правительства Екатерины II-й былъ ничтоженъ въ своемъ вліяніи противъ такого сильнаго средства къ ополяченію края, какъ крѣпостное право и дворянская грамота. Что же мудренаго, что и самый руссизмъ этотъ скоро подался, что бывшіе еще въ XVIII в. дворяне православные продолжали сливаться съ польскими, что само духовенство православное, даже въ самое послѣднее время, говорило въ семьяхъ по-польски, въ силу того, что Велико-руссія далеко, по-русски говорятъ только хлопы, а окрестные паны—т.-е. единственные «порядочные люди» — поляки? Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что именно послѣ присоединенія западнаго края, въ концѣ прошедшаго вѣка, къ россійской имперіи, въ немъ исчезаетъ постепенно русскій католицизмъ, русское протестантство, даже русское уніатство, и все не-хлопское,—даже то, что прежде, какъ кальвинисты, враждовало съ польскимъ государствомъ, становится само польскимъ и начинаетъ стремиться къ возстановленію Польши.

III.

Несмотря, однако, на всѣ уступки правительства Александра I-го польско-дворянскому элементу въ западномъ краѣ, гуманныя идеи этого правительства все же стали примѣняться сколько-нибудь систематически и къ западной Руси, и уже одно превращеніе съ того времени раздачи крестьянъ помѣщикамъ слѣдуетъ считать за болѣе сильную преграду дальнѣйшему ополяченію края,

чѣмъ всѣ предыдущія поверхностныя мѣры. Со времени Александра I-го западный край начинаетъ покрываться учебными заведеніями, пускай сначала польскими (такъ какъ эти заведенія основывались помѣщиками), а потомъ уже русскими, тѣмъ не менѣе эти заведенія свидѣтельствовали о проникновеніи въ извѣстные слои такихъ идей, которыя постепенно разложили старые феодальныя идеалы. Подъ вліяніемъ новыхъ идей начинается, какъ на польской сторонѣ, такъ и на русской, постепенно растущая реакція въ пользу «хлопа» въ западной Руси, а потомъ и въ пользу народности этого хлопа.

Какъ мы сказали, VII-й томъ «Матеріаловъ», собранныхъ г. Чубинскимъ, заключаетъ хотя короткій, но интересный, особенно при полномъ почти незнакомствѣ нашей публики съ этимъ предметомъ, очеркъ того вліянія, какое производилъ въ теченіе XIX в. мѣстный народный элементъ на польское общество, литературу, языкъ, искусство,—исторію вниманія польской шляхты юго-западнаго края къ мѣстной русской народности. Поляки юго-западнаго края считали, конечно, эту народность разновидностью польской, какъ вообще всю эту землю частію Польши,—но дѣло въ томъ, что они стали постепенно изучать ее, изображать въ повѣстяхъ, разумѣется, по-своему, возбуждать, тоже по-своему, симпатію къ хлопамъ. На стр. 251—257 этого тома читатель найдетъ перечень польскихъ поэтовъ и романистовъ, которые брали сюжеты изъ исторіи и народнаго быта Украины (Богданъ Залѣвскій, Северинъ Гопчинскій, Крашевскій, Корженѣвскій, М. Грабовскій, Чайковскій и др.); поэтовъ, которые даже стали писать по-малорусски (Падура, Остапешевскій, Бонковичъ и др.); издателей этнографическихъ и музыкальных сборниковъ малорусскихъ пѣсень (Вацлавъ изъ Олеса, Жегота Паули, Новосельскій, Рудиковскій, Коципанскій) ¹⁾; композиторовъ, которые разрабатывали украинскія мелодіи, какъ, напр., самъ Монюшко; историковъ и археологовъ, какъ, напр., Чарноцкій, Бѣлевскій, Пржездецкій, и т. п.; филологовъ, какъ Лозинскій, который издалъ первую въ Галиціи малорусскую грамматику (у насъ первую и единственную издалъ Павловскій въ 1818 г.). На стр. 257—270 читатель найдетъ матеріалъ для заключенія о вліяніи малорусскаго языка не только на разговорный языкъ поляковъ юго-западнаго края, но

¹⁾ Въ числѣ этихъ собирателей былъ и Ходаковский (Чарноцкій), котораго сборникъ пѣсень купилъ по его смерти М. А. Максимовичъ. Это едва ли не первый страстный археологъ и этнографъ южно-русскій между поляками и русскими. Уже въ началѣ XIX-го в. онъ сталъ (въ польскихъ журналахъ) говорить о древностяхъ, преданіяхъ и поэзіи южно-русской. Ходаковский заслуживалъ бы біографіи.

и на литературный польскій. Это можетъ удивить читателя, который слышалъ толковъ нашей печати объ ополяченіи самихъ малоруссовъ и ихъ языка. Но самый выводъ объ этомъ ополяченіи основанъ частію на томъ, что польскій языкъ, — впрочемъ, въ основѣ столько же отличный въ одномъ и сходный въ другомъ съ малорусскимъ, какъ и съ великорусскимъ, — черезъ литературу усвоилъ много малорусскихъ словъ, которыя кажутся польскими, когда встрѣчаютъ ихъ въ рѣчи малорусса. Какъ можно замѣтить изъ вышесдѣланнаго перечня писателей польско-украинской школы, многіе изъ нихъ принадлежатъ къ первокласснымъ польскимъ писателямъ, — а потому странно бы было, еслибы они не внесли украинскаго элемента въ польскій литературный языкъ, — что, впрочемъ, началось еще въ XVI—XVII вв., со временъ такихъ писателей, какъ Шимоновичъ и Зиморовичъ, галичане. О вліяніи хлопской малорусской рѣчи на языкъ польскихъ пановъ юго-западнаго края свидѣтельствуетъ изданный въ Краковѣ въ 1870 г. г. Кремеромъ «*Słowniczek prowincjonalizmów Podolskich*». Г. Михальчукъ выбралъ изъ этого лексикончика слова малорусскія и напечаталъ ихъ въ VII т. «Матеріаловъ» г. Чубинскаго.

Такая реакція среди самихъ поляковъ въ пользу «хлопскаго» элемента не осталась въ одной только области литературы, а переходила и въ жизнь: на стр. 246—248 того же тома «Матеріаловъ» находимъ, въ сожалѣнію слишкомъ короткія, указанія на такія явленія въ польскомъ обществѣ югозападнаго края, какъ *балагульство*, *козакофильство*, *пуризмъ* и *хлопоманія*. Первое г. Михальчукъ характеризуетъ такъ: «главные догматы балагульства: цинизмъ и шутовство. Это былъ въ грубой, уродливой формѣ протестъ противъ аристократизма, французаніи, свѣтскихъ приличій. Балагулы отличались оригинальнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простотою костюма, а подчасъ и его неряшествомъ; преимущественно носили одежду народную, малорусскую, съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, иногда для своеобразнаго шикю испачкавъ ее презрительно; пренебрегали принятыми условіями жизни. Гарцованіе на коняхъ, скачки, необузданный кутежъ, даже пьянство въ кабакахъ съ крестьянами и панибратство съ ними (хотя съ своими крестьянами балагулы обращались хуже другихъ пановъ), развратъ, севернословіе, а въ особенности циническіе анекдоты, охоты съ попойками — вотъ содержаніе жизни балагуловъ¹⁾... Балагульщина вызвала въ польскомъ обществѣ

¹⁾ Аналогическія балагульству явленія были и въ малорусскомъ и великорусскомъ обществѣ: въ первомъ, напр., процвѣтавшій въ 40-е годы въ черниговской и податтаской губерніяхъ кружокъ: „общество мочемордіа“, во второмъ типъ, въ родѣ Кара-

и литературѣ двойное къ ней отношеніе. М. Чайковскій, въ повѣсти «Анна», и г. Ржевускій, въ «Мѣшанинахъ обычаевыхъ» Яроша Бейлы, относились къ этому явленію съ безпощадною критикой; въ этомъ сошелся козакофилъ съ аристократомъ. («Мѣшанины» Ржевускаго вызвали апологию балагульства въ брошюрѣ Январія Филипповича «*Pomieszanie Jarosza Bejly*»). Съ другой стороны, вліятельный козакофилъ Ш.... и представитель эмигрировавшей аристократіи, Адамъ Чарторыйскій относились сочувственно къ балагульщинѣ. Первый имѣлъ въ виду возрожденіе козаччины, но уже польско-католической, а второй видѣлъ въ спартанскихъ (?) привычкахъ балагуловъ средство, воспитывающее людей для инсуррекции».

«Козакофильская литература внесла въ балагульщину оттъновъ политическій; подъ вліяніемъ ея балагульство преобразилось; хотя разгулъ и другія привычки оставались, но оно явилось уже менѣе циничнымъ и болѣе тенденціознымъ». Тутъ не мѣсто много говорить о причинахъ рожденія козакофильства въ польскомъ обществѣ: довольно указать на то, что одно романтическое обращеніе къ старинѣ, обнявшее всѣ европейскія общества въ началѣ XIX в., должно было натолкнуть польскихъ романтиковъ и байронистовъ въ югозападной Руси на козачество. Въ этомъ послѣднемъ польскіе романтики останавливались преимущественно на XVI в., когда во главѣ козаковъ стояли магнаты (Лянцегоронскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе, Зборовскіе и т. п.) и когда силы козаковъ вмѣстѣ съ магнатскими направлялись на борьбу съ турками. Въ XVII вѣкѣ козачества, когда оно вступило въ борьбу съ магнатствомъ, не охотно заглядывали польскіе козакофилы....

«Въ 30-е годы, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Михальчукъ (стр. 256), — въ мѣстной шляхтѣ особенно рѣзко проявилось козакофильство. *Польско-шляхетскіе патріоты подозревали въ этомъ даже украинскій сепаратизмъ* и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофиловъ, несмотря на то, что этотъ корифей сражался за ихъ же традиціи. Но тѣмъ не менѣе козакофильство было модой. Козацкія пѣсни распѣвались съ особою любовью; балагульство приняло козацкій характеръ. Барыни нерѣдко любили наряжаться въ малорусскіе костюмы, аристократическій дворъ одного изъ Ржевускихъ (воспѣтаго въ поэмѣ Мицкевича «*Farus*») совсѣмъ было окозачился, разумѣется въ смыслѣ

таева, Чертопханова, Веретьева. При всѣхъ антипатичныхъ для теперешняго взгляда чертахъ своихъ, такіа явленія показываютъ, во всякомъ случаѣ, стремленіе вырваться изъ обиденной, ставшей слишкомъ узкой, рамки жизни. „То кровь кнѣзя, то былъ избытокъ силъ“, не находившихъ себѣ приложенія, по разнымъ причинамъ.

козако-польскомъ: у него, въ качествѣ бандуриста, распѣвалъ думы Тымко Падура. Въ 1830 г. волынской отрядъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго (отца), имѣлъ козацкій характеръ. Чайковский, послѣ неудачи возстанія въ 1830 году, образовалъ въ Турціи нѣчто въ родѣ козацкой Сѣчи изъ разнаго сброда.

На Чайковскомъ можно отчасти видѣть, какъ то, какія во всякомъ случаѣ добрыя зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское козакофильство, такъ и то, что за сумбуръ и винегретъ представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею козачества и страха передъ тѣмъ, чтобы узнать ее такою, какою она была, — потому что тогда пришлось бы отречься отъ польскаго патріотизма. Польско-украинскій писатель, Чайковский, составилъ въ своемъ умѣ фантастическое понятіе о козацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ возстановленіе союза съ Польшею козаковъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Распикивши такъ область своихъ симпатій, Чайковский долженъ былъ выдти изъ области католицизма, сталъ говорить симпатично и о великоруссахъ, о православіи, о славянщинѣ, — и въ то же время сталъ магометаниномъ, Садыкъ-Пашою. Всю жизнь свою Чайковский хлопоталъ объ обращеніи козацкой традиціи на службу Польшѣ, о поставленіи Польши во главѣ славянщины, — а между тѣмъ польскіе націоналы-централисты боялись козачества, какъ демократическаго элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго «Nemolaka» (Biblioteka Pisarzy polskich. Tom 65, Lipsk, 1873), — въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣйствительности съ вымыслами, крайне несообразными, — полно раздраженія противъ поляковъ, которые во время войны «сидятъ за печкою и поютъ съ іезуитами пѣсни: спаси насъ, Господи, отъ славянщины, отъ козачины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго». Самъ Чайковский, кажется, не видѣлъ логическихъ послѣдствій козакофильства, которое у него оставалось чисто военно-національнымъ, шляхетскимъ.

Между тѣмъ время шло, влияние западныхъ идей 40-хъ годовъ, такъ или иначе, отражалось и на польскомъ обществѣ, университетъ кіевскій дѣйствовалъ на него тоже. Въ университетской, польской, молодежи козакофильство пошло еще одною ступенью дальше. Въ средѣ этой молодежи, уже въ 50-е годы, въ концѣ, возникла секта такъ-называемыхъ *пуристовъ*. «Догматы этого кружка, — говоритъ г. Михальчукъ — серьезныя отношенія къ наукѣ, строгая нравственность, доходящая до цѣло-

мудрія, и философское направленіе». Мы считаемъ необходимымъ прибавить, что иные между пуристами нечужды были демократическаго католицизма, а весьма многіе пуризмъ видѣли не только въ цѣломудріи и простотѣ жизни и одежды (часто изъ верблюжьего волоса), но и въ отдѣленіи отъ русскихъ. «Существованіе этой секты было непродолжительное, но она все-таки произвела свое вліяніе».

«Подъ вліяніемъ ея, съ одной стороны, козакофильство превращается въ такъ-называемую *хлопоманію*, а съ другой въ литературѣ возникаетъ беспощадная критика на господствующіе нравы; таковы корреспонденціи г. Савинскаго въ «Виленскомъ Курьерѣ» и его же сатиры, сатиры и комедіи Ап. Корженевскаго. Хлопоманія отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческо-панскія традиціи хлопоманы осмѣивали и называли «*мошродзѣйствомъ*» (отъ *Mosćie ranie dobrodzieju*, произносимаго скороговоркою). Польскіе хлопоманы сознавали историческія неправды Польши, по отношенію къ Украинѣ; они сознавали, что народъ — не «быдло», что нужно уважать его личность, заботиться объ его образованіи на его родномъ языкѣ. Большинство, впрочемъ, считало необходимымъ, чтобъ алфавитъ былъ принятъ польскій, но незначительное меньшинство допускало даже употребленіе русскаго алфавита. Хлопоманы сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. Уже изъ-за алфавита въ средѣ ея происходили ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначили собою двѣ противоположныя его группы: *болше* и *меньше* исеренныхъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства. Этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шума, но ни къ чему не привелъ; маленькій кружокъ выдѣлившись украинофиловъ вскорѣ началъ рѣдѣть и, рѣшившись применить къ русскимъ, недосчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ, католика. За выдѣленіемъ изъ кружка хлопомановъ самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ общерусскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движеніемъ. Мало того, — иные, какъ, напр., г. Савинскій, отреклись отъ прежняго направленія и явились яростными обличителями хлопоманіи.

Такъ, повидимому, безслѣдно кончилось движеніе, начатое писателями польско-украинской и козакофильской школы. Не было ли и это совершенно случайнымъ движеніемъ, прихотью фантазіи нѣсколькихъ поэтовъ? Или, быть можетъ, такова уже легкомысленная и непостоянная натура поляковъ, что они не могутъ долго предаваться одному направленію? — Ни то, ни другое. А то, — что польско-шляхетское общество юго-западнаго края, отправившись отъ украинскаго романтизма козакофильства, дошло до такого пункта, что, дальше идя, должно было отречься совсѣмъ отъ Польши, а это такого рода переломъ, который не можетъ скоро совершиться даже въ наиболѣе передовыхъ слояхъ общества. А тутъ еще польско-украинское общество, идя ступенеобразно отъ Варшавы къ Кіеву, отъ Лянцекоронскихъ къ Гантамъ, мало того, что не могло вычеркнуть совсѣмъ изъ памяти своей Хмельницкаго, — но еще встрѣтилось въ русскомъ обществѣ съ послѣдствіями акта, совершеннаго этимъ Хмельницкимъ, присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Пока поляки переходили отъ балагульства къ хлопотанію, — отъ чисто феодальныхъ идей къ раціональнымъ, подобный же переходъ совершался въ разныхъ сферахъ русскаго общества того времени, — отъ правительственныхъ до крайнихъ частныхъ. Когда государственные люди времени Екатерины II присоединяли провинцію за провинціей отъ Польши, они всего менѣе думали о національности; то, что при этомъ иногда вспоминалось наслѣдіе Владиміра Святого и т. п., не имѣло реальной силы: вѣдь и Марія-Терезія присоединяла Галицію по родству венгерскихъ королей съ Даниломъ Галицкимъ. Державы, раздѣлившія Польшу, присоединяли такъ, что, на примѣръ, Россія взяла между прочимъ чистую Жмудь, а уступила Австріи — Червонную Русь. Даже Карамзинъ, возставаая противъ плана Александра I расширить царство польское до предѣловъ 1772 г., вспоминалъ о Владимірѣ Св. и уходилъ въ сѣдую древность, но ни слова не говорилъ о томъ, что и теперь на Волини и Украинѣ народъ — русскій. Только мало по-малу русское общество сдѣлало открытіе, что губерніи западнаго края русскія и въ настоящее время въ большинствѣ своего населенія. Этому открытію помогло возстаніе поляковъ въ 1830 г.

Съ тѣхъ поръ, въ 30-е и 40-е годы принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ къ тому, чтобъ придать краю русскій видъ и въ оффиціальной жизни. Мѣры эти, впрочемъ, носили на себѣ слѣды гораздо болѣе системы оффиціальной народности, нежели дѣйствительной, — о коей не могло быть рѣчи, такъ какъ русская масса народа въ краѣ все еще продолжала быть тогда ерѣвною.

Наши государственные люди того времени смѣшивали систему репрессалій противъ поляковъ съ системой реорганизаціи края въ духѣ русскомъ, да и эту послѣднюю понимали, конечно, не иначе, какъ въ формахъ, отвѣчавшихъ тогдашнимъ общимъ формамъ нашей общественной жизни. Вотъ почему большая часть мѣръ, тогда принятыхъ для обрусенія западнаго края, привели къ весьма ничтожнымъ послѣдствіямъ. Много польскихъ учреждений для образованія было закрыто, — но вмѣсто нихъ далеко не было открыто столько же русскихъ: такъ, не говоря о средних и низшихъ школахъ, вмѣсто виленскаго университета и кременецкаго лицея, открытъ одинъ только кievскій университетъ (характерно, — что все-таки, какъ говорилось тогда, *для поляковъ*), да и тотъ скоро былъ закрытъ (въ 1839) и едва-едва не окончательно. Въ 1849 г. число студентовъ и въ Кіевѣ было ограничено комплектномъ, а вообще же въ то время податныя сословія не могли вовсе поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія, между тѣмъ какъ въ западномъ краѣ только эти сословія и были русскія. Въ VII-мъ томѣ «Матеріаловъ» г. Чубинскаго (стр. 225—230) приведена выдержка изъ записки г. Воронина, — чиновника по особымъ порученіямъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, — представляющая умную критику мѣръ, принятыхъ въ юго-западномъ краѣ послѣ возстанія 1830 г. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ воспроизвести эту выписку всю, — а она сильно сбавляетъ цѣну тѣмъ диопрамбамъ, какіе часто слышатся со стороны поверхностныхъ патріотовъ въ пользу кievской администраціи сороковыхъ годовъ. Въ это время выборная дворянская администрація и земскій судъ были замѣнены коронными, введенъ въ дѣйствіе русской сводъ законовъ вмѣсто литовскаго статута (надо замѣтить, что этотъ статутъ практиковался въ послѣднее время не въ древне-русскомъ оригиналѣ, а въ польскомъ переводѣ, — и о существованіи перваго не знало огромное большинство какъ польскаго, такъ и русскаго общества), — но дѣла отъ того не пошли лучше. «Чиновничья орда», говоритъ г. Воронинъ, «имѣвшая непосредственное отношеніе къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи, или изъ бѣдной и необразованной польской же шляхты. Преобразование судопроизводства не принесло никакой пользы отправленію правосудія въ краѣ. Судъ сталъ производиться на русскомъ языкѣ, по русскимъ законамъ; — но злоупотребленія отъ того не уменьшились, а увеличились. Изъ публичнаго и гласнаго, какимъ былъ судъ по литовскому статуту, онъ сдѣлался закрытымъ, канцелярскимъ судомъ... Законъ о бракахъ ставилъ сильную преграду

въ распространенію въ краѣ католичества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, — говоритъ г. Воронинъ, «и польской національности», — но мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и русской, такъ какъ самъ г. Воронинъ говоритъ, что «въ высшемъ сословіи совершенно прекратились брачныя союзы католиковъ и православныхъ, а въ низшихъ они начали встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны есѣндзовъ ¹⁾». Въ пользу православнаго духовенства была установлена барщина, которая тяжело легла на крестьянъ, на которыхъ падали и тѣ поборы, какія взимало правительство съ польскихъ пановъ. «Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія пана признавалась ослушностію, неповиновеніемъ и бунтомъ, и влекла за собою еще большее угнетеніе. Полицейскіе, *да и другіе чиновники*, являвшіеся для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ подкупленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали. Возникшее въ 1847 г. въ Галиціи крестьянское движеніе дало поводъ правительству къ попыткѣ ограниченія произвола дворянства въ отношеніяхъ его къ вѣрнопослушнымъ крестьянамъ. Въ 1847 г. торжественно были обнародованы инвентарныя правила. Они возбудили въ народѣ преждевременныя надежды на свободу и, подавая поводъ къ безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, горько обманули ожидавшихъ крестьянъ. Правила эти составлены были тѣми самими панами, на угнетеніе которыми они безпрестанно жаловались, и не принесли никакого облегченія крестьянамъ, а сдѣлались только неизсякаемымъ рудникомъ доходовъ полиціи и уздою, которою сдерживалась въ политическихъ видахъ польская заносчивость. Положеніе крестьянъ съ изданіемъ правилъ измѣнилось не къ лучшему, а къ худшему: введенныя правилами два рода барщины — тяглою и пѣшей — сдѣлали невыгоднымъ для помѣщиковъ удерживать разрядъ плуговыхъ крестьянъ, а для послѣднихъ тяглую барщину, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе рабочаго крестьянскаго скота и замѣтное обѣднѣніе крестьянъ».

¹⁾ Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что такіе законы раздражаютъ людей извѣстной религіи и вообще, сливая вѣроисповѣданіе съ національнію, порождаютъ цѣлый рядъ препятствій къ тому слитію разнообразныхъ элементовъ въ одну національность, какое было цѣлью политики въ отношеніи къ западнымъ краямъ и въ прежнее время.

IV.

Такимъ образомъ, система официальной русской народности вовсе не дѣлала ничего положительнаго, существеннаго для русскаго народа въ западномъ краѣ, а мѣры вѣроисповѣдныя, исходившія изъ этой системы, должны были способствовать болѣе тѣсному союзу между католицизмомъ и полонизмомъ, — вся же система вмѣстѣ, раздражая польско-католическій элементъ, должна была возбуждать въ немъ тенденціи польскаго централизма и парализовать дѣйствіе того процесса *украинскаго сепаратизма отъ Польши* и движенія отъ панства (польскаго и католическаго) къ хлопству (русскому и православному), каковой явно замѣчался въ шляхетствѣ обществъ юго-западнаго края въ теченіи XIX-го вѣка. Но въ 30-е—50-е годы въ русскомъ обществѣ, подъ наружнымъ дѣйствіемъ системы официальной народности, шло также движеніе народно-культурное, анти-феодалное, въ двухъ существенныхъ направленіяхъ: въ такъ-называемыхъ западничествѣ и славянофильствѣ, — московскомъ великоруссофильствѣ, и харьковско-киевскомъ украинофильствѣ. Въ то же время, подъ вліяніемъ различныхъ новыхъ культурныхъ теченій, и сама система государственнаго централизма все больше обращала вниманіе на массы народа. Рассказываютъ, что разъ, когда одинъ польскій помѣщикъ на официальномъ приѣмѣ у кievскаго генераль-губернатора Бибикова обратился къ нему по-французски, — то Бибиковъ пригласилъ его говорить по-русски. — «Я не могу по-русски», отвѣчалъ помѣщикъ. — А какъ же вы говорите съ крестьянами? — «По-хлопску», — отвѣтилъ панъ. — «Ну, то говорите со мной по-хлопску, я такой же русскій, какъ и ваши крестьяне», — сказалъ генераль-губернаторъ. Панъ, очевидно, былъ не изъ бойкихъ, и плохо говорилъ по-хлопски: Онъ могъ бы въ свою очередь озадачить генераль-губернатора, замѣтивши, что крестьяне его хоть и русскіе, а все-таки хлопцы, — да и генераль-губернаторъ врядъ ли долго выдержалъ бы разговоръ «по-хлопску». Очевидно, что для Бибикова его фраза была только ловкимъ *bon-mot*, какими онъ любилъ смущать польскихъ пановъ; характерно тутъ развѣ то, что жизнь въ юго-западномъ краѣ вызываетъ такіа *bon-mot*. Но были въ русскомъ обществѣ уже и въ 40-е годы люди, для которыхъ такіа фразы были вопросомъ жизни для Россіи.

Такіе люди были и между западниками, и между великоруссофилами, и украинофилами, вообще занимавшими, по идеямъ, середину между тѣми и другими. По отношенію къ западному

краю и Польшѣ имѣютъ особенное значеніе два послѣднія направленія въ русскомъ обществѣ. При всемъ томъ, что наше западничество, которое бы лучше назвать русскимъ гуманизмомъ, представляетъ и до сихъ поръ большинство культурныхъ силъ Россіи, главный факторъ ея прогресса, литературнаго и общественнаго,—оно въ чистомъ своемъ видѣ не выступало никогда активно въ вопросахъ, касающихся западныхъ краевъ, по столичному незнанію, и по петербургско-великорусскому провинціализму. Гуманизмъ западниковъ старыхъ и новыхъ оскорблялся тѣмъ нетерпимымъ характеромъ, съ какимъ проявлялась всегда русская реакція полонизму, и не видѣлъ такой же нетерпимости на польской сторонѣ. Выросшіе все-таки на почвѣ народности крѣпкой и обеспеченной, безпрепятственно могущей предаваться рѣшенію восполитическихъ, чисто-общественныхъ вопросовъ, русскіе западники смотрѣли съ сожалѣніемъ на людей, толкующихъ о западномъ краѣ, и не знали, что тамъ классы — народности, а потому тамъ всякій общественный вопросъ осложняется вопросомъ національнымъ. Гораздо больше другихъ русскихъ общественныхъ направленій столкнулись съ польскимъ вопросомъ въ западномъ краѣ славянофилы московскіе и кievскіе, или украинофилы ¹⁾.

Всѣ эти направленія въ русскомъ обществѣ 40—60-хъ годовъ выработали и приготовили общество къ ихъ принятію тѣ принципы, которые послужили опорой для обновленія Россіи послѣ 1856 г. Эти принципы не могли не повліять и на реакцію польскому элементу въ западномъ краѣ послѣ 1863 г. Эта реакція, конечно, въ значительной степени продолжала идти по колеѣ старой; многое изъ старыхъ началъ до-реформенной Россіи, что было уже оставлено во внутреннихъ краяхъ, возродилось, благодаря реакціи польскому возстанію и самъ западный край остался на полдорогѣ въ дѣлѣ реформъ. Возродившіяся идеи официальной народности на этотъ разъ соединились съ идеями національно-государственнаго централизма на прусскій ладъ, которая принесла съ собою часть западниковъ-гегеліанцевъ, присоединившаяся къ реакціи польскому движенію, — и образовали политическую доктрину весьма смѣшаннаго и противорѣчиваго по мно-

¹⁾ „Съ русскимъ украинофильствомъ не слѣдуетъ смѣшивать, — говоритъ г. Михайчукъ, — русское же козакофильство, которое находило себѣ немногихъ послѣдователей большею частію въ числѣ малорусскихъ аристократовъ. Это послѣднее, впрочемъ, не долго существовало и вскорѣ погубило безвозвратно“. Сатиру на него представляетъ стихотвореніе Шевченка: „Потомокъ гетмана дурного“ и проч. „Кобзарь“, изд. 1867 г.

гимъ вопросамъ свойства (напр. по вопросу: католики западнаго края—русскіе ли?). Но во всякомъ случаѣ теперь уже государственная дѣятельность въ западномъ краѣ въ пользу русской народности имѣетъ подъ ногами такую почву, какъ освобожденіе крестьянъ, и борьба государства съ сепаратизмомъ польской шляхты послѣ 1863 г. сопровождается не только разрушительными мѣрами и репрессаліями, или такими мѣрами, какъ водвореніе крупнаго русскаго землевладѣнія посредствомъ запрещенія католикамъ покупки земель ¹⁾,—но и такими, какъ повѣрка уставныхъ грамотъ. Подобными мѣрами, совершенными въ силу принципа, на которомъ основана всероссійская реформа 19-го февраля, достигнуто, что политическая сила польско-шляхетскаго элемента въ западномъ краѣ можетъ считаться сломанною навсегда, особенно въ юго-западномъ краѣ, гдѣ народъ самъ раньше и энергичнѣе администраціи заявилъ себя противъ этого элемента. Дальнѣйшее укрѣпленіе послѣдствій органическихъ мѣръ въ пользу русскихъ массъ западнаго края требуетъ дальнѣйшихъ реформъ: земства, суда, освобожденія провинціальной печати, большаго вниманія къ народному образованію, вѣротерпимости и т. п.

Но въ западномъ краѣ все-таки продолжаетъ существовать довольно крупный процентъ шляхетско-польскаго элемента, желать устранить который сразу—съ государственной точки зрѣнія—было бы нелѣпостью (какъ признали и публицисты, вызвавшіе запрещеніе полякамъ покупать имѣнія), съ точки зрѣнія раціональной—дѣломъ весьма неблизкаго будущаго. Думать о возможности передѣлки его національности посредствомъ внѣшнихъ полицейскихъ мѣръ могутъ только люди, серьезно нивогда не думавшіе объ общественныхъ переломахъ. Хотя мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшее держаніе западнаго края въ «исключительномъ положеніи» въ силу того, что онъ находится, благодаря польскому характеру большинства его дворянства, въ ненормальномъ состояніи (мы, впрочемъ, тѣмъ не менѣе не сомнѣваемся, что западный край и вообще русско-польскій вопросъ не выйдетъ изъ своего теперешняго глухого конца, пока все наше общество не выйдетъ изъ теперешняго застоя),—но все-таки развитіе его будетъ тормозиться, пока такъ или иначе не ассимилируется польское шляхетство съ русскимъ «хлопствомъ» края.

Мы видѣли, что въ теченіи XIX-го вѣка въ польскомъ обще-

¹⁾ Въ литовскихъ губерніяхъ въ силу этой, навѣянной русскими пруссаками, мѣры, земли переходятъ въ руки дѣйствительныхъ и замаскированныхъ до времени пруссаковъ.

ствѣ юго-западнаго края замѣчалось движеніе къ такой ассимиляціи, — но мы видѣли, что оно кончилось, повидимому, ничѣмъ. Теперь въ этомъ обществѣ не слышно ни о козакофильствѣ, ни тѣмъ менѣе о хлопоманіи, — да и эта послѣдняя встрѣтила въ польскомъ обществѣ гораздо болѣшую реакцію, чѣмъ та, какую обыкновенно встрѣчаютъ даже самыя крайнія демократическія направленія. Тому причина, сказали мы, та, что польское общественное движеніе встрѣтилось наконецъ съ русскимъ, — и между ними возникла борьба за обладаніе не только краемъ юго-западнымъ, но и самими стихіями его народности, усвоить которую, не отрываясь отъ Польши, хотѣли бы передовые слои шляхетскаго общества. Стремясь, вмѣсто разрушенной исторіею унитарной Польши, возстановить федеративную Польшу, Литву и Русь, — какъ стали звать поляки то Малороссію, то и всю западную Русь въ отличіе отъ Россіи, Москвы, передовые шляхтичи юго-западнаго края встрѣтились съ русскими, которые дѣлали то же совершенно независимо, и принимая эту Русь или за отдѣльную народность, или за часть все-русской, но только не польской народности.

Изъ Харькова, Полтавы, потомъ изъ Кіева стали выходить труды художественныя, этнографическія, историческія, которые тоже говорили о Руси, объ Украинѣ, — которую звали еще и *Малороссія*, о степяхъ, козакахъ, поселянахъ, но не только не по-польски, но даже съ довольно враждебнымъ къ польскому элементу отношеніемъ; — и такъ какъ авторамъ этихъ трудовъ было естественно ближе все украинское, то не мудрено, что скоро количественно и качественно ихъ произведенія оказались численнѣе, вѣрнѣе польско-украинскихъ. Вслѣдъ за изданіемъ пѣсенъ малороссійскихъ Цертелевымъ (1819) и грамматики малороссійскаго нарѣчія Павловскимъ (1818), пошли изданія малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827, 1834, 1849), Срезневскаго (1833—38), Лукашевича (1836), Метлинскаго (1854), Кулиша (1855—56), Костомарова (1859), — которыя затмили прежнія польско-украинскія изданія. Археографическая коммиссія въ Кіевѣ и въ Петербургѣ, г. Бодянский въ Москвѣ издали акты и мемуары малорусскихъ хронистовъ XVII—XVIII вѣка; малоруссы историки, отъ Бантыша до г. Костомарова, стали изслѣдовать такія стороны польско-русской исторіи, о которыхъ полякамъ трудно говорить спокойно передъ чужими. Беллетристы отъ Котляревскаго и Квитки до Кулиша и Марка Вовчка представили картины изъ народнаго быта и исторіи Украины, которыя, по меньшей мѣрѣ не уступая въ художественности картинамъ

Крашевскихъ, Чайковскихъ и т. п., превосходили ихъ правдивостію. Въ довершеніе, въ этой не-польской, но несомнѣнно украинской литературѣ появился писатель-хлопъ, Шевченко, — и совершенно не въ духѣ Гоцинскаго, Грабовскаго, Чайковскаго, изобразить отношенія украинскаго козачества къ полякамъ. Передъ дѣйствительно народнымъ языкомъ этого хлопа-поэта жалокъ оказался языкъ пѣнты-нахлѣбника Падуры и т. п. Рядомъ съ этою чисто-украинскою литературою и обще-русская литература дала рядъ произведеній, какъ «Полтава» Пушкина, «Вечера» и «Тарасъ Бульба» Гоголя, которыя съ такимъ же правомъ могли назваться украинскими, какъ и произведенія Залѣскихъ, Гоцинскихъ и т. п., — но опять не имѣли въ себѣ ничего польскаго. «Энеида» Котляревскаго и «Пѣсни» Максимовича попадаютъ въ руки галичанина Марк. Шашкевича и полагаютъ начало русской литературѣ въ Галиціи. Во всѣхъ концахъ русскаго міра начинается рѣчь о Руси, объ Украинѣ, о козакахъ, независимо отъ поляковъ; параллельно съ тѣмъ въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, во Львовѣ говорятъ и о славянщинѣ, и опять независимо отъ поляковъ. А народъ украинскій, несмотря на то, что его старались изобразить такъ идилличнымъ, такъ готовымъ служить панамъ, при всякомъ случаѣ показываетъ весьма недвусмысленную антипатію шляхты. Было отчего призадуматься, — а потомъ вослѣдовать: «сохрани насъ, Боже, отъ славянщины, отъ козаччины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго».

Русское украинское движеніе долгое время не было замѣчаемо поляками, или смѣшиваемо было вообще съ официально-православною литературою, — противъ которой поляки были застрахованы достаточно твердыми для польскаго общества аргументами. Но уже въ 50-е годы нельзя было не замѣтить, что польская шляхта встрѣчается съ направленіемъ, которое грозитъ отнять у нея ореолъ оппозиціи и либерализма, вырвать изъ-подъ ногъ почву народности и земскаго патріотизма. Мѣстомъ, гдѣ впервые встрѣтилось русско-украинское и польско-украинское направленіе былъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, Кіевъ. Здѣсь же въ 40-е годы бывалъ часто польскій археологъ и этнографъ Свидзинскій, а въ 50-е годы жилъ повѣствователь и критикъ польско-украинской школы Мих. Грабовскій, впослѣдствіи членъ правительства Велепольскаго; здѣсь же съ 40-хъ годовъ дѣйствовала коммиссія для разбора древнихъ актовъ, основанная по идеѣ М. А. Максимовича, и въ 1844—46 гг. существовало «Кирилло-Мѣодіевское братство», къ коему принадлежали Костомаровъ, Булишъ, Шевченко и др.

Мы не станемъ тутъ говорить о значеніи украинофильства въ ряду другихъ движеній въ русскомъ обществѣ, ни въ подробностяхъ характеризовать отношеніе этого движенія, а также другихъ, къ польскому; о томъ и другомъ было не мало говорено въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ же изданіи ¹⁾. Мы говоримъ теперь о польскомъ, а не о русскомъ обществѣ, и имѣемъ въ виду только выяснить, почему свелось почти до нуля движеніе польско-украинской шляхты къ сближенію съ русско-украинскою народностью. Для нашей задачи мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать два три указанія на столкновеніе между польскимъ и русскимъ украинофильствомъ. То мнѣніе, будто таеъ-называемое украинофильство явилось подъ польскимъ вліяніемъ и было даже покровительствуемо польскими патріотами, какъ «орудіе польской интриги», мнѣніе, которое не разъ высказывалось въ нашей печати, не заслуживаетъ даже быть опровергаемо. Довольно припомнить, что первые малорусскіе писатели и ученые родились на лѣвомъ берегу Днѣпра и воспитались большею частію далеко отъ всякаго польскаго вліянія, въ Полтавѣ, Харьковѣ, даже Москвѣ и Петербургѣ, и что до сихъ поръ главная масса литераторовъ, этнографовъ и ученыхъ малорусскихъ почти исключительно состоитъ изъ лѣво-бережныхъ уроженцевъ ²⁾. Если иные изъ нихъ и дѣйствовали по временамъ на правомъ берегу, гдѣ они встрѣчались съ польскимъ населеніемъ, то они являлись туда съ совершенно готовымъ міровоззрѣніемъ, при которомъ обыкновенно приходили въ весьма острый разладъ съ польскими стремленіями, гораздо даже болѣе острый разладъ, чѣмъ тотъ, какой могъ бы развиваться у нихъ, если бы они оставались на лѣвомъ берегу, вдали отъ этихъ стремленій ³⁾.

Разладъ этотъ обуславливается цѣлымъ ходомъ развитія украинскаго движенія въ XIX вѣкѣ.—Въ XVII вѣкѣ Малороссія присоединилась къ московскому государству отъ Польши, вслѣдствіе не одного національнаго сродства. Козаки, главные дѣятели въ

¹⁾ См. между прочимъ и „Характеристики“ русскаго общественнаго движенія, А. Н. Пипина.

²⁾ Таковы Ботларевскій, Цертелевъ, Павловскій, Квитка, Гребенка, Бодянский, Метлинскій, Максимовичъ, Душаневичъ, Костомаровъ, Кулишъ, Марко-Вовчокъ, Стороженко, Номисъ и т. д.

³⁾ Недавно во Львовскомъ журналѣ „Правда“ напечатана была біографія, по всему видно, добраго человѣка, но весьма незначительнаго малорусскаго поэта В. С. Кулика. Тамъ, между прочимъ, разсказывается о той симпатіи, какую вызывало въ Кулика начало польскаго движенія 1861—1863 гг., какъ удивлялись многіе на лѣвомъ берегу тому жару, съ какимъ кіевская университетская молодежь спорила съ поляками.

этомъ присоединеніи, надѣялись этимъ обезпечить свои права и привилегіи,—поспѣшество избавиться отъ панства и жидовъ; всѣ вмѣстѣ желали видѣть обезпеченною вѣру православную, — но само духовенство кіевское косо смотрѣло на подчиненіе Малороссіи Москвѣ, не желая подчиняться московскому патріарху. Національная реакція полонизму и вообще національное начало, хотя и проявлялось при этомъ, но вообще играло весьма слабую роль. Къ великоруссамъ, въ Малороссіи Хмельницкаго, не было ни симпатій, ни антипатій собственно національнаго свойства. Знакомство съ боярами и ратными людьми московскими, которые смотрѣли на малороссовъ, какъ на нечисто православныхъ, не замедлило возбудить антипатій, — противъ которыхъ однакожъ дѣйствовало религиозное тяготѣніе и монархизмъ, весьма скоро привившійся среди малорусской религиозной интеллигенціи, уже и подъ польскими королями гораздо больше роялистической, чѣмъ поляки. «Шатанія» козаковъ малорусскихъ отъ Виговскаго къ Мазепѣ, ихъ попытки возвратиться подъ польское подданство не имѣли въ себѣ никакихъ слѣдовъ національныхъ стремленій и вполне объясняются борьбою козацкаго порядка съ московскими государственными стремленіями. Послѣднія восторжествовали, — между прочимъ благодаря тому, что старшина козацкая стремилась сложиться по образцу польской шляхты и великорусскихъ дворянъ въ рабовладѣльческое или вообще привилегированное сословіе, а потому народъ въ Малороссіи оставался равнодушенъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ козацкой старшины. Послѣ Мазепы уже не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было сепаратизмѣ старшины малорусской, ни о ея тяготѣніи къ умиравшей тогда Польшѣ. Еще старые звуки объ автономіи гетманской продолжали иногда доноситься изъ Малороссіи въ Петербургъ въ видѣ всеподданнѣйшихъ прошеній, но старшина больше заботилась объ уравниеніи правъ ея съ правами дворянъ великорусскихъ, что и было исполнено. Не только о Польшѣ, какъ о государствѣ союзномъ, но и о право-бережной Украинѣ вообще забыли и думать на Украинѣ лѣво-бережной, которая одна сохранила оффиціальное имя Малороссіи. Почти также слабы были въ XVII-мъ вѣкѣ и также подались въ XVIII-мъ вѣкѣ и литературно-автономныя стремленія въ Малороссіи. Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда на югѣ Россіи замѣчаются явленія своего рода возрожденія (renaissance),—понятіе о языкѣ рускомъ на югѣ, какъ и въ Москвѣ, не выдѣлилось ясно изъ понятія о языкѣ церковно-славянскомъ, хотя и были люди, какъ, напр., переводчики Пересопницкаго евангелія, которые называли этотъ послѣдній «мовою

болгарскою», съ коею надо было перевести священное писаніе на «языкъ рускій» для «лѣпшаго выразумѣнія». Православная реакція, возбужденная униєю и поддержанная козаками, задержала на Украинѣ процессъ освобожденія народнаго малорусскаго языка отъ церковно-славянскаго, а союзъ съ православною Москвою, гдѣ такъ же самъ народный великорусскій языкъ не выдѣлился въ сознаніи книжныхъ людей отъ церковно-славянскаго, потянулъ на сѣверъ немало литературныхъ силъ малорусскихъ, которымъ, при тогдашнихъ понятіяхъ о литературномъ языкѣ, немного было нужно перемѣнять свой стиль, чтобъ дѣйствовать на сѣверѣ. Почти до половины XVIII-го вѣка на Украинѣ продолжала существовать своеобразная литература мемуаровъ, лѣтописей, драмъ, комедій, поученій, академическихъ лекцій съ большимъ или меньшимъ количествомъ мѣстнаго народнаго элемента въ языкѣ, но безъ яснаго сознанія отличій его отъ церковнаго или отъ того, тоже смѣшаннаго, литературнаго языка, какой сталъ вырабатываться на сѣверѣ и въ которому тамъ стали прилагать названіе русскаго, каковымъ первоначально звали свой литературный языкъ малоруссы XVII-го вѣка;—малоруссы продолжали звать его такъ еще и въ XVIII-мъ вѣкѣ, между тѣмъ какъ и въ великорусской передѣлѣ грамматики М. Смотрицкаго уже появился терминъ—малорусскій языкъ въ примѣненіи къ тому языку, для коего первоначально написана была эта грамматика. Со времени Ломоносова великорусскій элементъ въ литературномъ языкѣ сталъ все больше расти, и этотъ языкъ, исходя изъ государственнаго центра и будучи органомъ новой русско-европейской культуры, сталъ преобладать и у образованныхъ малоруссовъ, производя здѣсь разрывъ съ церковною славянщиною. Одновременно съ тѣмъ, реакція классицизму, обнявшая наше общество съ конца XVIII-го вѣка, и сентиментализмъ и романтизмъ вели за собою запросъ на юморъ, на народныя сцены, на идиллію въ поэзіи. Отвѣтомъ на этотъ запросъ на югѣ были произведенія Котляревскаго, Гоголя-отца, Гулака-Артемовскаго, Квитки и др., начателей наивнаго литературнаго украинофильства. Параллельно этому шло изученіе прошлаго въ исторіи, а вмѣстѣ съ этимъ и обще-европейскій либерализмъ и смутно бродившія вначалѣ славянскія стремленія. Историки нашли въ прошломъ Малороссіи достойное интереса, либеральные романтики—достойное воспѣванія. Явилась исторія Малой Россіи Бантыша. Люди оппозиціи находили въ прошломъ Малороссіи зародыши строя, къ которому они стремились въ силу новыхъ европейскихъ идей; это прошлое показалось имъ лучше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ:

Наливайки, Мазепы, Полуботки сіяли въ ореолѣ, заимствованномъ изъ чтенія Тита-Ливія. А такъ какъ на настоящее они смотрѣли глазами Тацита, то понятно, что та легкая племенная насмѣшка надъ «москалями», которая унаслѣдована у Котляревскаго, обоихъ Гоголей (см. «Вечера»), Квитки, племенная ссоры XVIII-го вѣка, — стала острѣе. На «москалей», «московскіе порядки» стали смотрѣть, какъ на губителей «воли козако-украинскаго народа». Собственно слово «народъ» тутъ ставилось по обычаю, а подъ нимъ разумѣлись только козаки, или еще чаще старшина. Любопытный памятникъ такого уже съ политическимъ оттѣнкомъ украинофильства представляетъ появившаяся въ 20-хъ годахъ и быстро распространившаяся въ рукописяхъ «Исторія Руссовъ», приписанная Конисскому. Что она не могла принадлежать Конисскому, это, при теперешнемъ состояніи исторической критики, нечего доказывать. Уже по ея очень новому, литературно-русскому, языку она несомнѣнно принадлежитъ XIX-му столѣтію. Но кто былъ ея авторомъ? — теперь это загадка, заняться рѣшеніемъ которой было бы интересно, пока еще время не ушло и есть надежда добраться до вѣрнаго рѣшенія. Много слѣдовъ указываетъ на происхожденіе «Исторіи Руссовъ» среди тѣхъ кружковъ изъ черниговскихъ и сѣверно-полтавскихъ потомковъ малороссійской старшины, которые болѣе или менѣе вьжуются и съ кружкомъ князя Репнина, бывшаго вице-короля саксонскаго и малороссійскаго генераль-губернатора. Не представляя теперь почти никакого интереса, какъ лѣтопись, «Исторія Руссовъ» любопытна, какъ политическій памфлетъ, написанный съ большимъ талантомъ. Къ антипатіи, какою отличаются малорусскія лѣтописи конца XVII-го вѣка противъ поляковъ, «Исторія Руссовъ» прибавила ѣдкую насмѣшку, направленную и противъ московско-петербургскихъ порядковъ; въ ней нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ роялизма и клерикальной точки зрѣнія старыхъ козацкихъ лѣтописей и хроникъ. Понятно, почему она такъ долго ходила въ рукописяхъ. Она была напечатана только въ 1846 г., уже въ то время, когда роль ея была собственно окончена, когда порожденное и ею новое направленіе въ украинофильствѣ переросло идеи этого памфлета.

Это — то направленіе, котораго поэтическимъ выразителемъ явился Шевченко. Оно приняло въ себя много сентиментальнаго романтизма, оно зачерпнуло и броженія тогдашнихъ умовъ, и патріотизма «Исторіи Руссовъ», — но осложнилось загнѣздившимся на югѣ Руси еще съ первыхъ временъ харьковскаго университета, со временъ Каразина и Северина Потоцкаго, славянофиль-

ствомъ, а также социальными идеями 40-хъ годовъ, которыя такъ прилипли по мужицкой натурѣ и памяти Шевченко. Когда, послѣ періода романтическаго отношенія къ традиціямъ и народной жизни украинской, у Шевченка наступилъ періодъ историческо-политическаго самосознанія,—онъ сталъ на точку зрѣнія «Исторіи Руссовъ», причемъ образы исторіи Украины дали у него перевѣсъ анти-польскому направленію надъ анти-московскимъ. На двѣ-три ядовитыя фразы, направленные противъ Москвы,—у Шевченка мы видимъ нѣсколько поэмъ, въ которыхъ, съ явнымъ сочувствіемъ въ одну сторону, описывается борьба украинскихъ казаковъ съ поляками. Но для украинскаго поэта не замедлилъ наступить переломъ, который сталъ поперекъ его исключительно національнымъ тенденціямъ и образамъ. Переломъ этотъ совершился подъ вліяніемъ болѣе глубокаго вдумыванія въ жизнь, вдумыванія, толкаемаго крестьянскимъ происхожденіемъ поэта, — а также подъ вліяніемъ того южно-русскаго славянофильства и тѣхъ идей 40-хъ годовъ, въ струю которыхъ попалъ Шевченко. Они заставили его написать стихотвореніе къ Б. З., въ коемъ особенно замѣчательны слѣдующія слова:

Отъ такъ-то, лаше, друже, брате,
Несытні ксіондзы, магнаты,
Нашъ разлучили, розвели, и проч.

Вмѣсто картинъ прошлаго Украины, поэтъ сталъ рисовать картины обще-русскаго до-реформеннаго порядка; самое это прошлое показалось ему полнымъ зародышей настоящаго бѣдственнаго положенія народа,—и онъ ѣдко осмѣивалъ возакофильство поклонниковъ «Исторіи Руссовъ», особенно между «потомками гетьмановъ дурныхъ». Эти насмѣшки, это отношеніе къ гетманщинѣ нанесли смертельный ударъ исключительному націонализму и сепаратизму, во имя историческаго строя и традицій среди украинофильства.

Когда, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ они вновь заговорили, на этотъ разъ поддержанные болѣе свободною печатью во всей Россіи и коношествомъ южно-русскимъ,—то уже объ исключительномъ націонализмѣ и особенно объ историческомъ сепаратизмѣ почти не было рѣчи. Если въ 60-е годы прошумѣла среди украинофильства струя антипатій къ полякамъ и слабѣйшая анти-московская, то она была главнымъ образомъ реакціей противъ тѣхъ препятствій и вражды, какую встрѣтили основныя стремленія тогдашнихъ украинофиловъ,—т.-е. стремленія въ духѣ мѣры освобожденія крестьянъ, образованія народа на

его языкѣ, обработки литературы малорусской. Съ 1857 по 1863 г. прошумѣлъ въ польской и русской литературѣ споръ между малорусскими и польскими писателями о народности правобережной Украйны и Галиччины, взаимные пережоры изъ-за «хлопоманіи». Послѣ 1863 г. польская народность оказалась далеко въ наступательномъ положеніи даже за Вислою, а потому споры эти затихли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые русскіе патріоты попробовали и само украинофильство, открывшее перестрѣлку съ поляками по вопросу о народности западной Руси, изображать какъ порожденіе польской интриги. Въ 1861 — 1864 гг. прошумѣлъ въ нашей и галицкой печати споръ о самостоятельности и границахъ малорусской литературы сравнительно съ русскою, которую нѣкоторые украинофилы признавали только великорусскою. При этомъ не обошлось безъ укоровъ въ политическомъ сепаратизмѣ съ одной стороны, безъ раздраженія и сепаратистическихъ выходовъ съ другой. Но и этотъ споръ скоро затихъ. Когда, съ конца 60-хъ годовъ, украинское направленіе вновь появилось въ печати, — въ наукѣ, въ публицистикѣ и беллетристикѣ, — оно явилось не только безъ прежняго раздражительнаго отношенія къ полякамъ и великоруссамъ, но и раздвоенное, и по вопросу объ автономіи, даже литературной. Въ то время, когда одни, — преимущественно нѣкоторые беллетристы и поэты, воспитывавшіеся въ эпоху полемики по вопросу о малорусской народности и выступившіе на литературное поприще въ Галиціи, — продолжаютъ относиться ко всей русской литературѣ, какъ къ великорусской, другіе отличаютъ специально-великорусскій элементъ въ нашей новой литературѣ отъ обще-русскаго и признаютъ русскую литературу дѣйствительно обще-русскою, по крайней мѣрѣ, для русскихъ нашей имперіи. Къ этому воззрѣнію примыкаетъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей прежняго украинофильства, Н. И. Костомаровъ, который въ 60-е годы взялся было за изданіе книгъ для народнаго чтенія и священнаго писанія на малорусскомъ языкѣ. Въ своей статьѣ о малорусской литературѣ, помѣщенной въ изданіи г. Гербеля «Поэзія Славянъ», г. Костомаровъ говоритъ:

«Если было сочтено умѣстнымъ переводить священное писаніе съ церковно-славянскаго на русскій, то тѣмъ же самымъ казалось вполне умѣстнымъ перевести его по-малорусски, потому что на русскомъ языкѣ для малоросса оно менѣе понятно, чѣмъ на славяно-церковномъ. Никто не думалъ, что первоначальное образованіе, полученное малоруссами на своемъ природномъ языкѣ, могло изгнать и устранить изъ Малороссіи языкъ обще-русскій»

напротивъ, существовала увѣренность, что, получивъ нѣкоторые свѣдѣнія на своемъ нарѣчїи, малоруссы съ большою охотою пожелаютъ читать 'по-русски и скорѣе научится русскому языку, прїобрѣвши уже до этого нѣкоторую подготовку и развитіе».

Такимъ образомъ, наблюденіе надъ ходомъ общественно-культурнаго движенія въ Малороссїи, со времени Мазепы до нашихъ дней, показываетъ постепенное ослабленіе здѣсь стремленій политическо-національной исключительности и постепенное усиленіе стремленій соціально-культурныхъ въ формахъ народныхъ и въ гармонїи съ подобными стремленіями сѣверно-русскими. Вотъ это-то движеніе, сложившись главнымъ образомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и совершенно независимо отъ движеній въ польскомъ и польско-украинскомъ обществѣ, встрѣтилось съ польскимъ украинизмомъ какъ разъ въ то время, когда въ русскомъ украинизмѣ замѣтно совершался кризисъ въ послѣднемъ изъ выше-означенныхъ направленій. Разумѣется, что эта встрѣча польскаго и русскаго украинофильства не могла быть очень симпатичною, по противоположности ихъ основныхъ стремленій, при нѣкоторомъ сходствѣ наружномъ, дѣлавшемъ тѣмъ болѣе непрїятнымъ взаимный сюрпризъ при встрѣчѣ.

Кажется, въ первый разъ оба эти движенія встрѣтились литературно въ полемикѣ между Мих. Грабовскимъ и г. Кулишемъ, мирно помѣстившейся въ одной книгѣ—во II-мъ томѣ изданныхъ г. Кулишемъ «Записокъ о Южной Руси» (1857 г.). Полемиза эта произошла по поводу открытаго г. Судїенкомъ универсала Остринина отъ 1638 г., рисующаго польскія притѣсненія въ Малороссїи, и озаглавлена: «О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссїянъ въ XVII вѣкѣ». Грабовскій объясняетъ всѣ малорусскія востанія (даже Хмельницкаго) частными обидами, нанесенными своевольными жолнерами тому или другому козаку малорусскому (см. особенно стр. 313), и т. п. причинами. Слѣдующія слова Грабовскаго особенно характерны: «что ни говори, а украинскія смуты были не что иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война». Грабовскій недоволенъ, что историки описываютъ съ удовольствіемъ «изгнаніе ляховъ изъ Украйны, какъ будто украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходить, что поднятая козаками къ возстанію чернь, вслѣдъ за ненавистными ей жолнерами, прогнала и своихъ родовыхъ пановъ, и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ *ляхами, недоляшками и ополчившимися панами*

были не только военные люди Рѣчи-Посполитой, не только необузданные своевольники и бунны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить». Естественно послѣ этого, что вся польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ собратій изъ южно-русскихъ провинцій, и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмельницкаго «взбунтовавшимися мужиками» (стр. 317). Мы не станемъ слѣдить за аргументаціей г. Кулиша, которую не трудно угадать напередъ, — а выпишемъ только заключительныя слова его отвѣта (стр. 327): «Двѣ совершенно противоположныя (между прочимъ и по социальнымъ стремленіямъ) національности столкнулись на почвѣ, занятой польскою политической системой и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу человѣчества, доказали, наконецъ, другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несовмѣстимость. И потому да будетъ миръ востамъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у поляковъ прославились *русскими патристами* и о которыхъ современныя лѣтописи наши говорятъ, что они *плакали по своимъ имѣніямъ на Украинѣ!* Они принесли свою пользу въ общей дѣятельности Рѣчи-Посполитой польскою, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ татарщины и, — какъ мы вѣруемъ, — не напрасному шагу русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности».

Для перваго раза, кажется, съ обѣихъ сторонъ было сказано довольно ясно. Компромисса трудно было ожидать, пока кто-нибудь не уступилъ бы весьма существеннаго. Спустя нѣсколько лѣтъ, тотъ же г. Кулишъ напечаталъ въ «Основѣ» мнѣніе о корифеяхъ польско-украинской школы поэзіи и беллетристики, въ коемъ отрицалъ совершенно правду и народный украинскій элементъ въ ихъ произведеніяхъ. Еще передъ тѣмъ, по поводу «Богдана Хмельницкаго» Костомарова произошла полемика между нимъ и г. Падалицею, начатая въ «Современникѣ» и продолжавшаяся въ «Основѣ». Въ это же время возвратившійся изъ ссылки Шевченко обратилъ на себя общее вниманіе; явилось новое изданіе его сочиненій, съ которыми только въ это время серьезно стали знакомиться поляки. Достойный доброй памяти и у русскихъ, польскій поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ), человѣкъ съ искренними симпатіями къ хлопству и одинъ изъ немногихъ бѣлоруссофиловъ, перевелъ нѣсколько пьесъ Шевченка (1861); другія («Гайдамаки» и «Наймичка») перевелъ уже упомянутый нами г. Савинскій, написавшій и *Studia nad literaturą ukraińską*. Шевченко испугалъ

польскую прессу. Самъ Сырокомля не рѣшился перевести «Тарасову ночь» и «Гайдамаковъ», объявивъ въ предисловіи къ своему переводу «Кобзаря», что Шевченко, писавши эти пьесы, омокъ перо свое въ кровь. Biblioteka Warszawska (1862, № 1) назвала поэзію Шевченка «крикомъ вороньяго горла», объясняла его злость къ полякамъ тѣмъ, что, когда онъ былъ мальчикомъ, «панъ его побилъ, за то, что онъ чуть не сжегъ дома» и т. п. Какъ извѣстно каждому, большинство польскаго дворянства, желая искренно отдѣленія Польши съ западными губерніями отъ Россіи, не жаловало демократической фразеологіи своей молодежи,—а тѣмъ больше косилось оно на хлопомановъ. Когда же нѣсколько изъ послѣднихъ появилось со статьями на страницахъ «Основы» поляки-отцы вообразили, что теряютъ сыновей своихъ, которые отрекутся отъ Польши для Украйны. Хлопоманія и украинофильство стали казаться имъ не только гайдамачествомъ, но еще и интригою схизматичею Москвы¹⁾. Дѣйствительное освобожденіе крестьянъ со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, между прочимъ съ недовѣріемъ, какое показывали крестьяне даже помѣщикамъ-либераламъ и народолюбцамъ,—ведѣ, и въ великой и въ малой Россіи, сильно поохладило въ нѣкоторыхъ слояхъ симпатіи къ народу ради народности,—а отношеніе крестьянъ къ шляхтѣ во время возстанія 1863 г. было такого рода, что должно было добить всякія идиллическія симпатіи польско-украинскихъ романтиковъ къ «пейзанамъ». Страхъ новой хмельницы, воливищины убилъ польское украинофильство.

Спустя немного, ограниченія малорусской литературы, вызванныя инкриминаціями тѣхъ нашихъ изданій, которыя нежи-

¹⁾ Въ дополненіе къ выпискамъ изъ польскихъ газетъ 1862—63 (первымъ выступило противъ хлопомановъ „Słowo“ въ 1859 г.), приведеннымъ въ статьѣ „Восточная политика Германіи“, можно указать на книгу, изданную Влад. Мицкевичемъ въ 1863 г. „La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un Oukraïnien“ etc. Тутъ „un oukraïnien“ жалуется на руссомановъ, называя ихъ: „les roussomanes ou les russiens, des jeunes gens de toutes classes, des hommes sans fortune, des esprits faux et des demi-savants“,—которые нападаютъ на польскую шляхту во множествѣ издаваемыхъ ими книжекъ. „Un recueil de différentes poésies telle que Kobzar, Haidamaki, Chata, Narodni Opovidanné, Azbuki, Gramatki etc. forme une enorme batterie, dirigé contre les seigneurs ou, pour dire la vérité, contre les plus riches seulement. L'organe qui concentre toutes les idées d'un communisme destructeur et d'un faux socialisme, c'est l'Osmowa, qui sort de Pétersbourg. Ce journal est plus nuisible aux polonais que Dzien (de Moscou), à cause d'une certaine nobilité et du choix circonspect de ses rédacteurs. Ces écrits trouvent un timide et faible écho dans le Słowo de Leopold, mais le dernier journal mérite à peine qu'on fasse mention de lui...“ (24, 25). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ говорить, что правительство поощряетъ этихъ руссомановъ.

даннымъ образомъ произвели русскихъ украинофиловъ въ союзниковъ поляковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повторили всѣ доносы польской прессы на хлопомановъ, вызвали у нѣкоторыхъ русиновъ и поляковъ въ Галиціи фразы объ общемъ союзѣ Польши и «Руси» противъ туранской Москвы, — но эти фразы, послѣ всего случившагося, говорились съ кислой миной, и не только не вели ни къ чему, но тотчасъ же смѣнялись жалобами, что малорусское движеніе въ Россіи и въ Галиціи есть «авангардъ Москвы для послѣдняго, самаго жестокаго раздѣла Польши» ¹⁾. Недавно краковская газета «Кгај», рассматривая отношенія «Польши и Руси» съ горечью говорила о томъ, «чего хотѣла кіевская (польская) молодежь для русскаго (малорусскаго) народа и чѣмъ онъ заплатилъ въ 1863 г. за эти благія намѣренія». При такомъ настроеніи прежнія отношенія польской литературы къ украинскому элементу стали надолго невозможны.

Между тѣмъ и русское украинофильство почти совсѣмъ сошло со сцены, не успѣвъ выработать и высказать цѣльнаго, систематическаго міровоззрѣнія на текущіе вопросы внутренней и внѣшней политики, даже на польскій вопросъ, по которому оно выступило — было какъ застрѣльщикъ съ русской стороны ²⁾. Во время разгара польскаго возстанія и послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ въ западномъ краѣ, уже не существовало спеціальнаго малороссійскаго органа въ Петербургѣ. Провинціальная же печать у насъ вовсе не можетъ считаться серьезною, по своему подначальному положенію. Въ 1863—66 гг., когда у насъ наиболѣе активно занимались только русскимъ вопросомъ, передовое мѣсто въ русской политической прессѣ въ глазахъ поляковъ занимали органы московскаго славянофильства («День», «Москва») и того смѣшаннаго, больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго направленія, которое характеризуетъ «Московскія

¹⁾ Еще недавно польская печать въ Галиціи, обсуждала вопросъ, какой органъ желателенъ для русиновъ въ Галиціи, выражалась о стремленіяхъ тамошнихъ «молочныхъ» такимъ образомъ: „Молодая Русь портитъ кредитъ себѣ у практичныхъ людей своими мечтами объ Украинѣ и казачинѣ“ (Gaz. Narod. 1874, 52).

²⁾ Какъ благосклонны были въ началѣ 60-хъ годовъ къ шляхетскому элементу люди, которые потомъ приобрѣли себѣ было извѣстность какъ его противники въ юго-западномъ краѣ, можно видѣть на примѣрѣ г. В. Шульгина (Исторія кіевскаго университета, 1860 г., стр. 9 и слѣд.), потомъ редактора „Кіевлянина“, и г. М. Юзефовича (Объясненіе отъ председателя кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, 1861, стр. VIII), потомъ крупнаго публициста въ „Кіевлянинѣ“, корреспондента „Моск. Вѣд.“ и проч. Какъ мало знакома была съ западною Русью столичная печать, можно видѣть въ томъ, что въ „Парусѣ“ И. С. Аксакова (1859, 2) было помѣщено „Письмо изъ Польши“ съ помѣткою „Житомиръ“.

Вѣдомости». «День» старался-было установить на польскій вопросъ славяно-русскую, отличную отъ прусской, точку зрѣнія, держаться народныхъ, а не административно-централистическихъ началъ, — но смѣшивалъ славянство съ православіемъ, а русское вообще съ великорусскимъ, а потому и не имѣлъ вліянія на поляковъ. Да къ тому, во время возстанія ничто, кромѣ безусловнаго оправданія всѣхъ, самыхъ агрессивныхъ польскихъ требованій, не могло имѣть сочувствія среди поляковъ. По окончаніи же возстанія органъ московскаго славянофильства совершенно почти перешелъ къ тѣмъ прусскимъ началамъ, которыя представляли единственно послѣдовательное въ доктринахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и которыя, конечно, не могли найти себѣ пути къ умамъ самыхъ умѣренныхъ поляковъ. Событія 1866 г., славянскій съѣздъ, союзъ русской ретроградной партіи съ польскою («Вѣсть» и т. п.), наконецъ событія 1870—71 г. произвели совершенное потемнѣніе въ воззрѣніяхъ московскихъ изданій на польскій вопросъ. «Бесѣда» (1871—73) покушалась-было опять установить славянорусскую, отличную отъ прусской точки зрѣнія на этотъ вопросъ, но это намѣреніе, равно какъ и стремленіе редакціи «очистить» славянофильское направленіе отъ постороннихъ примѣсей, не удалось по внутреннимъ отношеніямъ въ кружкахъ славянофильскихъ и по вѣншимъ обстоятельствамъ. По временамъ изъ тѣхъ круговъ, которые примыкаютъ тѣснѣе къ «западникамъ» 40-хъ—50-хъ годовъ, слышатся нѣсколько новые голоса по польскому вопросу, далекіе отъ прежняго равнодушія или безусловнаго раздѣленія польскихъ тенденцій, а равно и отъ нетерпимости московскихъ публицистовъ 1863—66 гг., — но ихъ не настолько много, чтобъ они могли произвести замѣтное вліяніе на русское и польское общество. Новое органическое и созидательное мировоззрѣніе на русско-польскія отношенія можетъ выработаться только при систематическомъ изученіи жизни какъ Польши, такъ и Литвы и западно-русскихъ краевъ, а это станетъ возможнымъ только при существованіи серьезныхъ и свободныхъ органовъ печати въ Варшавѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и т. п.

Говоря, въ предѣлахъ нашего предмета, только о юго-западномъ краѣ, приходится сознаться, что въ тамошнемъ польскомъ элементѣ мы имѣемъ дѣло съ племенемъ во всякомъ случаѣ немалочисленнымъ и весьма даровитымъ, что видно, напр., изъ того большого числа дѣятелей, какое далъ польской литературѣ этотъ край — съ конца XVIII-го вѣка ¹⁾. Въ послѣдніе годы

¹⁾ Соотвѣтственно этому немалое число дѣятелей русской культурѣ дала лѣвобережная Украина; такъ изъ одной полтавской губерніи съ половиною XVIII-го

право-бережная Украина не производит никого и ничего и для польской культуры. Очевидно, что тамошніе поляки переживаютъ кризисъ. Обстоятельства поставили передъ ними дилемму — или быть пассивными свидѣтелями хода жизни, или подвинуть симпатіи ближе къ дѣятельности русскаго общества, такъ какъ край, въ коемъ они могутъ дѣйствовать, очевидно, часть русскаго, а не польскаго міра. Въ пассивномъ положеніи никакое общество долго оставаться не можетъ, не осуждая себя на разложене, на то, что жизненные вопросы будутъ рѣшаться безъ него. Для того, чтобъ помочь свѣжимъ силамъ польскаго общества въ юго-западномъ краѣ выйти изъ теперешняго ненормальнаго состоянія, надо, чтобъ съ русской стороны образовалось и энергически проявилось такое направленіе, которое бы, оставаясь русскимъ, и будучи непременно народнымъ, въ то же время давало мѣсто естественнымъ чувствамъ кровной связи съ краемъ и увлекало молодые умы широтою общественныхъ и культурныхъ стремленій. Такое направленіе несомнѣнно совершить то, чего прежде временно страшились польско-католическіе кружки юго-западнаго края еще въ 1860—63 гг.,—а именно отнять у нихъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобъ въ современномъ русскомъ обществѣ не было вовсе элементовъ для такого направленія: зародыши его существовали и въ прежнихъ движеніяхъ русской мысли, въ западниществѣ, въ московскомъ славянофильствѣ, въ украинофильствѣ. Но для того, чтобъ русская мысль подѣйствовала на поляковъ западнаго края, необходимо, чтобъ извѣстные нравственные элементы сложились въ систему и концентрировались въ направленіе, которое бы избрало своимъ центромъ мѣсто столько же русское, сколько и непосредственно прилегающее къ западному краю, или въ немъ самомъ лежащее.

Въ настоящее время мы прежде всего не имѣемъ вовсе никакихъ данныхъ для того, чтобъ сколько-нибудь вѣрно судить о томъ, чѣмъ морально живетъ польское общество вообще, а особенно въ западныхъ краяхъ. Вотъ почему намъ по меньшей мѣрѣ странно видѣть смѣло выраженными многія изъ тѣхъ за-

вѣзъ вышли Херасковъ, Богдановичъ, Калнишъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, Гоголь, Котляревскій, Максимовичъ, Бодянский, Метлинскій, Остроградскій, и не мало ученыхъ, профессоровъ въ разныхъ русскихъ университетахъ. Замѣчательно, что послѣ Гоголя совсѣмъ не являютъ въ обще-русской беллетристикѣ украинца, и что украинскій бытъ у насъ или вовсе не воспроизводится въ беллетристикѣ, или воспроизводится по-малорусски. Право-бережная Украина только и дала въ послѣднее время крупнаго литератора—Шевченка.

ключеній, какія встрѣчаемъ въ главахъ очерка о полякахъ юго-западнаго края въ «Матеріалахъ» г. Чубинскаго: «Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ», и особенно коротенькая, но громко названная глава: «Коренныя причины антагонизма съ великоруссами (?) и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія». Тутъ, кромѣ недостаточности данныхъ для заключеній, встрѣчаемся еще съ отсутствіемъ всякаго положительнаго метода для ихъ составленія. Мы бы не говорили объ этомъ, еслибы это не были обычныя у насъ особенности разсужденій о полякахъ. Такъ, мы встрѣчаемъ тутъ и либеральный укоръ польскому обществу въ его крайнемъ католицизмѣ, и приговоръ, что польское общество не цѣнитъ женщину, какъ человѣка, не расположено къ идеѣ о женской эмансипаціи и т. п. Антагонизмъ поляковъ и русскихъ объясняется къ-ряду и соперничествомъ за преобладаніе въ славянскомъ мірѣ,—и тѣмъ, что русская культура антипатична польскому обществу, помимо политическаго даже антагонизма. «Русское интеллигентное общество было всегда демократическимъ. Въ нашей литературѣ сильно развито критическое направленіе, самообличеніе и стремленіе страхнуть съ себя всякой романтизмъ. Не даромъ Россія называется мужчинымъ государствомъ,—ея интеллигенція ближе къ народу, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обществѣ» (стр. 270).

Авторъ этихъ строкъ, очевидно, не задалъ себѣ вопросовъ: «Кѣмъ называется? Чтѣ должно разумѣть подъ словомъ интеллигентное общество? Кто въ Россіи сочувствуетъ эмансипаціи женщинъ, всѣ или нѣкоторые? Кто чуждъ религіознаго фанатизма?» и т. п. Во всякомъ случаѣ онъ не объяснилъ этого читателямъ. Къ тому же, онъ, очевидно, забылъ, что нѣсколько листовъ выше онъ говорилъ такія фразы: «демократизмъ повстанцевъ» (стр. 249), «безпощадная критика (пуристовъ) на господствующіе нравы» (стр. 248) и т. п. Для того, чтобъ сравнивать двѣ вещи, нужно, чтобъ онѣ были однородны. Такъ и сравненіе русскаго и польскаго общества можетъ быть только тогда поучительно, когда мы не забудемъ того, что и то, и другое распадается на извѣстные слои, между коими и надо производить сравненіе, а равно и обстоятельство развитія того и другого. Надо сравнивать не польскаго магната съ какимъ-нибудь Бѣлинскимъ и т. п., а магната съ вельможей, есендза съ священникомъ, шляхтича съ помѣщикомъ, студента со студентомъ и т. п. Разница, конечно, найдется, но не такая качественная, какая получается у г. Чубинскаго. Окажется, мы ду-

маемъ, только то, что въ польскомъ обществѣ всѣ консервативные и реакціонные элементы болѣе сознательны, болѣе сплочены, чѣмъ въ нашемъ, а прогрессивные болѣе разбѣяны, — и при этомъ тѣ и другіе болѣе направлены на національные, чѣмъ на общественные вопросы. А большая часть этой разницы, при сличеніи условій развитія польскаго общества и русскаго объяснится тѣмъ, что Россія—самостоятельное государство, что русская народность обезпечена,—а польская нѣтъ. Разбѣянность польскаго прогрессивнаго элемента, его слабѣйшее дѣйствіе на общество объясняется между прочимъ эмиграціей; меньшая степень разлада между «отцами» и «дѣтьми» въ Польшѣ—общимъ давленіемъ извнѣ и т. п. При такихъ сравненіяхъ нельзя упускать изъ виду и того, что надо сравнивать явленія, происходящія въ одно время, потому что для каждой эпохи придется дѣлать особые выводы. Въ такомъ случаѣ, точнымъ, а не произвольнымъ, сравнительнымъ методомъ, произведенное изслѣдованіе надъ польскимъ обществомъ можетъ дѣйствительно привести къ уясненію практическихъ мѣръ по отношенію къ нему; но наши публицисты и даже изслѣдователи, какъ въ свою очередь и польскіе, обыкновенно поступаютъ иначе. Вотъ, напримѣръ, въ послѣднее время часто въ нашей печати поляки похваляются за то, что они начинаютъ «отрезвляться отъ увлеченій 1863 г. и безпристрастнѣе оцѣнивать Россію»:—это все вѣрно, но при этомъ все не задаются мыслью о томъ, однимъ ли только полякамъ слѣдуетъ отрезвляться и не замѣчается ли «признаковъ отрезвленія» и у насъ? И въ книгѣ г. Чубинскаго говорится объ «измѣненіи быта (т.-е. настроенія) поляковъ со времени неудачи повстанія», а особенно со времени событій 1870—71 г. Книга г. Чубинскаго говорить, напримѣръ, о томъ, что «поляки юго-западнаго края совершенно незнакомы съ русскими, какъ съ культурнымъ народомъ. Для нихъ русская интеллигенція являлась въ видѣ чиновника или офицера. Литературы русской они и не знали, и относились къ ней съ пренебреженіемъ. Вообще въ мнѣніяхъ поляковъ русскіе не обладаютъ умомъ и знаніемъ. Даже студенты университета ограничивались только обязательными для нихъ руководствами. Въ ихъ библіотекахъ не было ни одной русской книги. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что до сороковыхъ годовъ наша литература была бѣдна, журнальная дѣятельность была не обширна. Хорошихъ научныхъ руководствъ почти не было,—было очень мало даже переводныхъ ученыхъ сочиненій... Только съ сороковыхъ годовъ, а въ особенности съ 1855

года русская журналистика и наука получили широкое развитіе и далеко опередили польскую литературу. И съ этого времени начинается нѣкоторый поворотъ въ польскомъ обществѣ» (стр. 272).

Въ этихъ словахъ, дѣло не обошлось однако безъ преувеличенія; заключенія также невѣрны отъ отсутствія сравненія или отъ невниманія къ тому, о какомъ собственно времени идетъ дѣло; наконецъ, есть и противорѣчія. Говоря не абсолютно, а сравнительно, едва ли поляки не больше знаютъ русскую литературу, чѣмъ мы польскую; о языкѣ ужъ и говорить нечего. Переводовъ съ польскаго у насъ очень мало, а до послѣдняго времени, напримѣръ, Мицкевича, не говоря уже, напримѣръ, о Красинскомъ, совершенно почти не переводили у насъ, между тѣмъ важнѣйшія произведенія русскихъ поэтовъ довольно скоро послѣ появленія ихъ въ оригиналѣ переводились и по нѣскольку разъ часто знаменитѣйшими польскими поэтами ¹⁾. До 1830 года вообще существовали довольно близкія отношенія между литературно-общественными дѣятелями польскими и русскими, а пока былъ виленьскій университетъ, то проявлялось и научное общеніе: Лелевель, напримѣръ, написалъ критику на исторію Карамзина, и дѣльную критику, по времени; въ Вильнѣ вышелъ (въ сокращеніи польскомъ), скоро послѣ выхода въ Харьковѣ, «Обзоръ русскихъ древностей» Успенскаго и т. п. Послѣ 1830 года польское общество точно больше удалилось отъ русскаго, но не на-

¹⁾ Вотъ указаніе польскихъ переводовъ нѣкоторыхъ изъ произведеній русскихъ писателей: изъ Пушкина, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, переведенныхъ Мицкевичемъ, Однинецъ, Ходзькомъ, Сабовскимъ и т. п. „Кавказскій плѣнникъ“ переведенъ Н. Ф. Жабой въ 1828 г.; „Бахчисарайскій фонтанъ“ — три раза (между 1828 и 1832); „Братья разбойники“ и „Цыгане“ — въ Варшавѣ въ 1842 г. и другой разъ въ Вильнѣ; „Евгеній Онегинъ“ въ Вильнѣ въ 1847 г.; „Скупой Рыцарь“, „Мѣднй Всадникъ“ и т. д. Изъ Лермонтова — лирическія стихотворенія переводили Сырокомля, Ленартовичъ, Сабовскій и др.; кромѣ того переведены „Герой нашего времени“ (1844), „Мцыри“ (Сырокомля, 1853), „Демонъ“ (1860), „Хаджи-Абрекъ“ (1855) и т. д.; Грибодова — отрывки „Горя отъ ума“ въ польскомъ переводѣ съ рукописи явились въ печати (1830) раньше, чѣмъ вся пьеса была напечатана по-русски (1833), а въ 1859 г. явился полный переводъ. Крылова басенъ есть два перевода: полный (1852) и избранныя басни (пер. Глинскимъ, авторомъ „Bajazga Polskiego“, въ 1861—62). Марлинскаго почти всѣ важнѣйшія вещи переведены въ 30—40-е годы. Даже мало пріятный полякамъ „Юрій Милославскій“ переведенъ давно на польскій и т. д., и т. д. Красинскаго — „Небожественная комедія“ переведена была въ самое послѣднее время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, когда интересъ къ ней долженъ былъ сильно испариться у самихъ поляковъ; то же надо сказать о „Мазепѣ“ Словацкаго.

столько все-таки, чтобъ совсѣмъ перестать слѣдить за русскою литературою. Какъ можно видѣть изъ списка переводовъ на польскій языкъ съ русскаго, поляки слѣдили за русской литературой недовольно систематично; но то же слѣдуетъ сказать и о русскихъ. Русская литература и критика въ 40-е годы пошла въ глубь русскаго общества, стала принимать весьма серьезный характеръ, но въ то же время имѣла часто весьма домашній характеръ. Какъ только сфера литературы, науки, публицистики русской расширилась, то, — какъ говорить и г. Чубинскій, — и поляки стали обращать на нее больше вниманія. Тутъ, значить, не произошло никакого поворота у поляковъ, — а произошло только увеличеніе важности того явленія, на которое мы желаемъ, чтобъ поляки обращали вниманіе. А то, что же удивительнаго, если поляки не обращали вниманія, напримѣръ, на русскую переводную литературу, если таковой, по сознанию и г. Чубинскаго, вовсе почти не было? До послѣдняго времени условія нашей печати дѣлали невозможнымъ появленіе въ русскихъ переводахъ сочиненій передовыхъ въ ту эпоху историковъ и политиковъ Европы: Гизо, Маколей, Шлоссера, Гервинуса, Луи-Блана, Мишле и т. п.; цѣлыя области наукъ, какъ, напримѣръ, политическая экономія, были сплошь почти недоступны нашей литературѣ; до сихъ поръ ей мало или вовсе не доступны многія сочиненія по исторіи религій, по византійской исторіи и даже по восточнымъ древностямъ. Переводами же классиковъ, которые тоже притихли въ Россіи послѣ Александровскаго времени, а равно и переводами образцовыхъ поэтическихъ произведеній европейской поэзіи (Данте, Тассъ, Аріостъ, Камюэнсъ и т. д.), польская литература была богаче нашей. Въ послѣднее время русская переводная литература, особенно научная, стала расширяться и слѣдить за крупными новостями въ западной Европѣ, и она стала находить себѣ публику въ польской молодежи. Не подлежитъ сомнѣнію, что та энергія, какую во многихъ мѣстахъ обнаруживаютъ въ послѣдніе два-три года поляки по части переводной литературы (особенно въ Варшавѣ), объясняется между прочимъ и сознаниемъ необходимости конкурировать въ умахъ молодежи съ русской литературою. Пока еще русская переводная литература стоитъ впереди польской по научному отдѣлу; но если почему-либо притихнетъ то стремленіе русской печати слѣдить за важнѣйшими явленіями въ области европейской мысли, которое въ послѣднее время замѣтно въ ней, то поляки, при возможности печатать безпрепятственно книги въ Краковѣ, Львовѣ,

Познани, конечно, обгонять насъ. Практическіе выводы изъ сказаннаго сдѣлать не трудно: нужно и намъ не впадать въ грѣхъ, въ коемъ обвиняемъ поляковъ, а главное, нужно прежде всего заботиться о расширеніи нашей культуры и литературы, — тогда поляки перестанутъ игнорировать ее. Для того же, чтобъ наша культура повліяла на ассимиляцію поляковъ западнаго края съ русскими, нужно, чтобъ въ тамошнихъ центрахъ было побольше условій и простора для самостоятельности русскаго общества. Два-три серьёзныхъ независимыхъ журнала въ Кіевѣ, Вильнѣ, университетъ въ послѣднемъ городѣ, — повліяютъ больше, чѣмъ всѣ репрессаліи и укоры полякамъ, зачѣмъ они не хотятъ знать насъ, русскихъ, какъ культурный народъ.

М. Драгомановъ.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

Письма изъ Англіи.

ВТОРОЕ ПИСЬМО *).

I.

Е. А. Фриманъ: Comparative Politics. London, Macmillan, 1875, in 8°, 522 pages.—*Сэръ Генри Мэнъ*: Lectures on the early history of institutions. London, J. Murray, 1875, in 8°, 412 pages.

Въ раду заслугъ XIX-го столѣтія, конечно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ займетъ смѣлая рѣшимость, съ которою этотъ вѣкъ взялся за изслѣдованіе первобытной эпохи міровой жизни, и тѣ блистательные результаты, которые были достигнуты имъ, почти сразу, при разрѣшеніи новой задачи. Подобныя попытки повторялись въ древности много разъ, но средствъ къ точному изслѣдованію еще не существовало и потому поразительные, сами по себѣ, выводы Фалесовъ и Демокритовъ страдали отсутствіемъ окончательной санкции научнаго опыта и доказательствъ. Послѣ неимовѣрнаго усилія, сдѣланнаго Аристотелемъ, прошло цѣлыхъ двадцать вѣковъ, прежде чѣмъ возникло новое движеніе философской мысли и науки. Въ виду этого, нельзя считать продолжи-

*) См. выше: январь, 1875, 330 стр.

тельными застоємъ промежутокъ времени, послѣдовавшій за возрожденіемъ и концомъ XVI-го столѣтія. Не болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ появились работы Кювье, Ламарка и Бюппа, а теперь уже громадныя успѣхи геологіи, естественной исторіи и филологіи пролили новый, почти феноменальный, свѣтъ на происхожденіе человѣка и общества.

Однако и при настоящемъ положеніи вещей существуетъ возможность заблужденія, тѣмъ болѣе опасная, что она замаскирована и обставлена самыми заманчивыми условіями. Умъ человѣческій, освоившись съ предметомъ, который ему нравится, склоненъ поддаваться увлеченію. Исходя изъ совершенно извѣстной и опредѣленной точки, онъ скоро теряетъ ее изъ виду и запутывается въ лабиринтъ гипотезъ и фантазій. Такого упрека сдѣлать Фриману невозможно, но все-таки его опытъ «Сравнительной Политики» можетъ показаться болѣе осторожному и вмѣстѣ робкому уму преждевременнымъ предпріятіемъ. По моему мнѣнію, авторъ вполнѣ держится границъ современнаго положенія знаній о предметѣ. Книга его относится къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя, хотя и не сообщаютъ никакихъ оригинальныхъ открытій, тѣмъ не менѣе оказываютъ серьезныя услуги, обобщая факты и принципы, недавно приобретенные наукою.

Фриманъ, извѣстный уже раньше многими замѣчательными историческими сочиненіями ¹⁾, никогда еще не достигалъ той высоты концепціи, которой отличается послѣдній его трудъ. Опираясь на новѣйшія изслѣдованія въ области міеологіи и сравнительной филологіи, онъ попытался приложить тотъ же методъ къ политикѣ. По крайней мѣрѣ таково заявленное имъ намѣреніе; въ сущности же ему удалось при помощи открытій, сдѣланныхъ лингвистикой, только освѣжить съ новой стороны сравнительную политику. Послѣдняя, какъ и многія другія науки, ведетъ свое начало съ того дня, когда Аристотель, въ знаменитомъ своемъ трудѣ, сопоставилъ, для выводовъ своихъ, конституціи и нравы Спарты, Крита, Мегары и другихъ странъ, о которыхъ онъ оставилъ намъ столько драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Конечно, подъ перомъ г. Фримана сравнительная политика получаетъ совершенно новую фізіономію. Параллель проводится уже не между одними городами и народами, а между

¹⁾ History of Federal government, from the Achain League to the disruption of the United States. London and Cambridge, 1863,—очень интересное сочиненіе, излагающее исторію главныхъ федеративныхъ правительствъ; The History of the Norman Conquest. Oxford, 1870, 2-e edition; Historical Essays. London, 1871, 2 vol.

цѣлыми расами, и новыя изслѣдованія обнаруживаютъ изумительныя аналогіи въ націяхъ, повидимому, совершенно различныхъ. Авторъ по преимуществу занялся арійскимъ племенемъ и въ особенности тремя его вѣтвями, которыя онъ считаетъ самыми доблестными и совершеннѣйшими его представителями: греками, римлянами и германцами. Сравнительная политика, какъ и слѣдовало ожидать, въ свою очередь выясняетъ и подтверждаетъ результаты, добытыя филологіею. Существуютъ и тутъ сбивчивыя пункты, которые могутъ ввести въ заблужденіе. Необходимо различать источники происхожденія явленій и не приписывать вліянію расы того, что происходитъ изъ непосредственной преемственности или изъ подражательности, какъ мы видимъ, напримѣръ, въ консульствѣ Бонапарта и въ учрежденіи сенатовъ первой и второй имперіи. Въ приведенномъ нами случаѣ, впрочемъ, едва ли кто-нибудь ошибется, но могутъ встрѣтиться и другія, аналогичныя явленія, происхожденіе которыхъ гораздо труднѣе опредѣлить. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что одинаковыя учрежденія могутъ порождаться одинаковыми обстоятельствами, помимо всякаго вліянія расы и происхожденія. Такъ, между прочимъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что основатели конституціи Соединенныхъ Штатовъ находились въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно законовъ Ахейскаго союза, и, несмотря на то, между обѣими конституціями существуетъ поразительное сходство, которое должно быть всецѣло приписано тождеству обстоятельствъ.

Отстранивъ сомнительные факты, слѣдуетъ считать всѣ одинаковыя учрежденія, встрѣчающіяся у поименованныхъ трехъ народовъ, за результатъ ихъ общаго происхожденія, что приводитъ къ заключенію, что первобытные арійцы, до распаденія, уже перешли первыя ступени политической жизни. Однимъ изъ поводовъ къ заблужденію, благодаря которому создалась искусственная пропасть, раздѣлявшая древніе народы отъ современныхъ націй, было ложное понятіе о древнемъ городѣ, разсматриваемомъ по отношенію его къ современному государству. Обыкновенно городъ признавался за ячейку народа, за нѣчто зачаточное и не-совершенное. Фриманъ безъ труда разбиваетъ эту иллюзію, и третья «лекція», посвященная этому вопросу, составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ частей его книги. Городъ не только не можетъ считаться за первобытную и зачаточную форму, но онъ осуществлялъ собою высшій идеалъ государства: взгляните только на Аѣины! Могущество этой республики длилось, правда, не болѣе двухъ вѣковъ, за то какое

могущество! Сколько дѣятельности и величія совмѣщается въ этомъ короткомъ промежуткѣ времени! Трудно возражать автору, когда онъ говоритъ, что одинъ день жизни Перикла стоилъ цѣлаго столѣтія жизни многихъ изъ современныхъ націй. Въ городѣ, способности напрягались сильнѣе и быстрѣе достигали полного развитія: срокъ дѣятельности становился короче, но результатъ получался одинъ и тотъ же и, быть можетъ, выходилъ удовлетворительнѣе. Римъ, какъ городъ, никогда не доходилъ до совершенства Аѳинъ и, какъ думаетъ Фриманъ, по этой причинѣ былъ долговѣчнѣе. Хотя онъ никогда не превращался въ націю, въ собственномъ смыслѣ, но гораздо ближе подходилъ къ этому типу, чѣмъ греческіе города.

Помимо этого различія, исходный пунктъ у грековъ и у римлянъ, равно какъ и у тевтонскихъ народовъ былъ одинъ и тотъ же. «Основнымъ элементомъ во всякомъ первобытномъ политическомъ обществѣ», говоритъ авторъ, «является *семеиство*, не въ томъ узкомъ современномъ значеніи слова, подъ которымъ мы привыкли въ настоящее время подразумѣвать только отца и дѣтей, но въ объемѣ, принимаемомъ семействомъ, когда изъ него образуется *кланъ* (родъ). Кланъ можетъ имѣть нѣсколько различныхъ формъ, иногда сохранять дикую независимость, разбойничій образъ жизни и приверженность къ наслѣдственному вождю, которыми отличаются кельтскіе кланы Великобританіи и Ирландіи. Иногда же, поднимаясь ступенью выше въ развитіи, онъ можетъ облечься въ форму «сельской общины» (*village-community*), какую мы имѣемъ возможность наблюдать у восточныхъ и западныхъ аріейцевъ. Кланъ и сельская община въ сущности одно и то же, съ примѣсью нѣкоторыхъ внѣшнихъ и географическихъ вліяній, заставляющихъ одну группу принимать болѣе прочный образъ жизни, другую долѣе придерживаться первобытной стадіи и даже спускаться ниже. Аѳинскій *γένος*, римскій *gens*, *Mark* и *Gemeinde* тевтонскихъ народовъ, сельская община на Востокѣ и ирландскій кланъ, какъ я уже сказалъ, совершенно тождественны» (102 стр.). Выше и вслѣдъ за ними стоятъ группа болѣе сложная, обозначаемая латинскимъ терминомъ *cirva*, германскимъ *Hundred*, *Hundert*; за ней слѣдуетъ *коммю* и затѣмъ уже государство, которое у грековъ и римлянъ воплощается въ *городъ*, а у народовъ германскаго происхожденія въ *націю*. Точно также какъ «*Ealderman*» или «*Heretoga*» былъ главой воѣны, король признается главой націи. Въ прежнія времена король не считался собственникомъ земли: онъ былъ только главой народа. Это окончательно выяснено относительно королей

героическаго періода, и, надо замѣтить, такое законоположеніе повторяется у всѣхъ трехъ великихъ отраслей арійскаго корня. «Король-архонтъ» (Βασιλεὺς ἄρχων) въ Аѣинахъ и «*Rex Sacrif-culus*» римской республики служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они являются указаніемъ на то, что король руководилъ религіозными церемоніями.

Но ни одинъ изъ этихъ древнихъ королей не былъ облеченъ дѣйствительною *королевскою* властью, въ смыслѣ современнаго значенія этого слова, и король франковъ не пользовался большими правами, чѣмъ царь ахейцевъ у Гомера. Рядомъ съ ними существовалъ совѣтъ старѣйшинъ, умнѣйшихъ и наиболѣе прославившихся мужей и народное собраніе. Городъ по своей природѣ одаренъ республиканскими стремленіями, и потому образованіе древнихъ республикъ объясняется самымъ естественнымъ путемъ. Смотря по тому, который изъ трехъ элементовъ: король (царь), народъ или собраніе, бралъ верхъ надъ остальными, устанавливалась та или другая изъ поименованныхъ формъ правленія, извѣстныхъ уже со временъ глубокой древности: монархія, аристократія (вѣрнѣе олигархія) или демократія. Фриманъ воздастъ должную честь аѣинской демократіи, такъ оклеветанной современными радикалами, не менѣе чѣмъ самими консерваторами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Аѣинахъ были иностранцы и рабы, но тѣмъ не менѣе каждый аѣинянинъ былъ гражданиномъ, пользовался гражданскими правами, безъ различія состоянія и общественнаго положенія, и участвовалъ также въ правахъ политическихъ. «Всякій человѣкъ», восклицаетъ авторъ, «который, не принимая въ расчетъ условій времени и мѣстности, заботится о справедливости и свободѣ, можетъ съ любовью останавливаться на мысли, что онъ идетъ вслѣдъ за Солономъ, Клисеемъ, Аристидомъ и Перикломъ по пути, проложенному ими. Они прошли его ранѣе насъ: но у нихъ не было предшественниковъ» (стр. 211).

На мой взглядъ, авторъ тоже совершенно правъ, когда онъ настаиваетъ на аналогіи, существующей между народными собраніями въ Аѣинахъ и Римѣ и представительными собраніями новѣйшихъ государствъ. Вся разница заключается во внѣшнемъ фактѣ, въ матеріальной невозможности составить собраніе изъ 5 или 6 миллионовъ гражданъ. Справедливо замѣтить, что представительное собраніе составляетъ такую же естественную форму свободнаго государства для многочисленныхъ обществъ, какою было народное собраніе для болѣе сжатыхъ единицъ. Даже въ Римѣ существовало уже нѣчто среднее: подача голосовъ происходила по центуріямъ и трибамъ, а не поголовно; нѣкоторые изъ

отсутствующихъ гражданъ могли поручать свое право другимъ и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени избирали себѣ *представителей*.

Въ сущности, до сихъ поръ придавали слишкомъ много вѣса внѣшнимъ различіямъ, существующимъ между древними и современными обществами, и неправильно прерывали послѣдовательную нить исторіи. А между тѣмъ, развѣ Греція не вліяетъ до сихъ поръ на насъ своими твореніями, не продолжаетъ ли Римъ жить между нами со всѣмъ своимъ величіемъ и воспоминаніями? Въ Европѣ развѣ уже нѣтъ государей, которые могли бы повторить презрительный отвѣтъ перваго *императора*: «да, я не король, я *цесарь*!»

Филологіи принадлежитъ честь возстановленія естественной связи между различными націями древности и современной эпохи. Мнѣ кажется, что всѣ мы: нео-латинцы, славяне и германцы, имѣемъ законное право гордиться нашимъ происхожденіемъ отъ той же расы, которая породила грековъ-цивилизаторовъ и римлянъ-побѣдителей.

Насколько мнѣ извѣстно, книга Фримана есть первое изложеніе этихъ идей въ догматической формѣ. Онѣ носились въ воздухѣ, не спору, но за нимъ остается заслуга ихъ опредѣленнаго выраженія. Онъ также пошелъ по новому пути, никѣмъ до него не пройденному, и прошелъ его съ успѣхомъ. Но критика никогда не утрачиваетъ своихъ правъ; надо сознаться, что въ этомъ сочиненіи существуетъ много важныхъ пробѣловъ. Авторъ заявляетъ, что онъ придаетъ слову *политика* то же значеніе, въ которомъ его употреблялъ Аристотель. Прекрасно; но стагиритъ подразумѣвалъ подъ этимъ наименованіемъ всю науку въ полномъ ея объемѣ, словомъ, соціологію, говоря языкомъ новѣйшей терминологіи, въ которую входятъ всѣ подробности, касающіяся до общественныхъ учреждений, собственности, семьи, роли женщины и проч. Всѣ же эти предметы не затронуты въ книгѣ Фримана, которая почти исключительно посвящена разработкѣ чисто политическихъ учреждений, т.-е. различныхъ формъ государственнаго строя. Онъ могъ бы также почерпнуть очень важныя данныя изъ изученія славянскаго племени, которое совершенно обойдено имъ. Но, въ концѣ-концовъ, въ виду успѣшнаго результата не приходится заявлять излишней требовательности. Книга эта, впрочемъ, есть не болѣе какъ изданіе лекцій, число которыхъ заранее ограничено. Авторъ приложилъ къ нимъ очень почтенное количество замѣтокъ, снабжающихъ читателя всѣми необходимыми объясненіями.

Трудъ сэра Генри Мэна вращается въ той же сферѣ мысли, какъ и предыдущій; онъ появился недавно съ особеннымъ блескомъ. Авторъ, состоящій профессоромъ права въ Оксфордѣ, занималъ прежде очень видную юридическую должность въ Индіи и по своему officialному положенію пользуется большимъ уваженіемъ, получившимъ еще больше силы послѣ напечатанія двухъ чрезвычайно важныхъ сочиненій. Въ первомъ изъ нихъ Мэнъ разработалъ исторію древнихъ законовъ о собственности, завѣщанія, контрактъ и т. д. ¹⁾ Во второмъ, «*Сельскія общины на Востокъ и на Западъ*» ²⁾, разсматривается образованіе первоначальныхъ обществъ, общинный бытъ въ средѣ разросшейся семейной группы, существующій почти въ одинаковой формѣ у восточныхъ и у западныхъ арійцевъ. Эта книга доставила главные матеріалы для сочиненія Лавеле ³⁾ «*О первобытной собственности*», которому предшествовала книга Насселя. Въ послѣднемъ трудѣ своемъ сэръ Г. Мэнъ дополняетъ изложеніе своего воззрѣнія на предметъ.

Безвозвратно прошло то время, когда писатели предавались совершенно произвольнымъ предположеніямъ относительно возникновенія обществъ, отыскивая въ такъ-называемомъ «природномъ состояніи» какъ корень, такъ и идеаль челоѣчества.

Въ настоящее время намъ извѣстно, что слѣдуетъ думать о совершенствѣ, какое приписывалось à la Руссо первобытному состоянію, о которомъ австралійскіе дикари могутъ дать только слабое понятіе. Теперь знаютъ, чѣмъ былъ челоѣкъ во времена каменнаго періода: жалкій современникъ пещернаго медвѣдя и мамонта! Знаютъ также, и отчасти благодаря сэру Г. Мэну, что первыя общества состояли изъ агрегата семей, жившихъ общинной жизнью, составляющею послѣдовательное звено вслѣдъ за семейнымъ или патріархальнымъ состояніемъ. «Владѣніе землею сообща цѣлою группою людей, считающихъ себя связанными между собой узами крови,—говоритъ авторъ,—должно отнынѣ быть причислено къ первичнымъ явленіямъ, характеризующимъ всѣ первобытныя общества, цивилизація которыхъ имѣетъ какую-нибудь аналогію съ нашей» (стр. 1). Это вполнѣ установившійся фактъ для всѣхъ различныхъ отраслей арійской расы, исключая обширной кельтской вѣтви, относительно которой можно было дѣлать

¹⁾ Ancient Law: its connexion with the Early History of Society,—первая книга, доставившая ему извѣстность.

²⁾ Village-Communities on the East and West. London, 1871, 8°.

³⁾ E. de Laveleye: De la propriété et de ses formes primitives. Paris, 1874, in 8°.

только болѣе или менѣе вѣрныя предположенія, основываясь на нѣсколькихъ словахъ Цезаря и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ историковъ.

Этотъ-то пробѣлъ и пополняется книгой сэра Г. Мэна, раскрывающею передъ нами первобытныя учрежденія ирландскихъ кельтовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ выясняются изъ «*Brehon Law*», сборника древнихъ ирландскихъ законовъ, переведенныхъ и изданныхъ въ недавнее время; вышло въ свѣтъ пока три тома, изъ которыхъ первый появился въ 1863 г., а остальные на-дняхъ. Самый важный отдѣлъ представляетъ «*Senchus Mor*» (главная книга древняго закона). Трактатъ этотъ, повидимому, долженъ быть отнесенъ къ XI-му столѣтію; во всякомъ случаѣ, обычаи, описываемые въ немъ, принадлежать еще болѣе ранней эпохѣ. На поляхъ одной изъ рукописей находится слѣдующая любопытная и трогательная приписка, сдѣланная однимъ изъ членовъ семьи, которой рукопись принадлежала: «Лѣта тысяча триста сорокъ второго, по Рождествѣ Христовомъ, сею ночью: а настоящее лѣто—второе съ нашествія великой чумы на Ирландію. Написано это мною на двадцатомъ году моей жизни. Я, Гуго, сынъ конора Макъ-Эгана; читающій эти строки да помолится о спасеніи души моей. Эта ночь, ночь на Рождество, и я поручаю себя защитѣ Царя неба и земли, умолая его сохранить меня здоровымъ и невредимымъ, меня и друзей моихъ посреди чумы. Гуго написалъ это на книгѣ отца своего, въ годъ великой чумы».

Кто были эти брегоны (Brehons), занимающіе собою вотъ уже три мѣсяца весь ученый міръ Англіи и континента? Отвѣтить на это не легко. Нѣкоторые критики рѣшились выдти изъ затрудненія, причисливъ ихъ къ друидамъ Галліи. Но это опредѣленіе крайне несостоятельно; начать съ того, что друиды были священнослужителями, а тутъ этого вовсе нѣтъ. Древніе брегоны описываются иногда какъ потомки, иногда какъ сыновья короля или, скорѣе, вождя клана, носившаго этотъ титулъ. По преимуществу они исполняютъ роль судей и юристовъ. Позднѣе они утрачиваютъ родство съ королевскими семьями и образуютъ отдѣльныя поколѣнія наслѣдственныхъ юристовъ, проживающихъ при княжескихъ дворахъ. Гуго, авторъ приведенной замѣтки, былъ изъ числа такихъ наслѣдственныхъ брегоновъ, состоящихъ при Макъ-Картисахъ. Вліяніе ихъ продолжалось вплоть до времени Елизаветы и даже позднѣе. Но что въ высшей степени интересно, это общая картина обычаевъ, рисуемая ихъ записками, обнаруживающая въ цѣломъ самое разительное сходство, съ одной

стороны, съ римскимъ, славянскимъ и германскимъ правомъ, а съ другой, съ обычаями индусовъ. Такимъ образомъ, *joint-family* Индiи, римское *gens*, сербская *задруга* и проч., повторяются въ соотвѣтственномъ видѣ въ ирландскомъ *sept*. Надъ нимъ стоитъ племя, состоящее изъ нѣсколькихъ септовъ (*sept*), признающихъ общую связь между собою и одного общаго вождя; случаются однако же примѣры, когда септъ достаточно значителенъ для того, чтобы самому образовать изъ себя племя. Этотъ пунктъ необходимо запомнить для избѣжанiя путаницы, которая легко можетъ произойти отъ употребленiя слова *племя* (*tribu*), для обозначенiя двухъ различныхъ вещей. Въ первобытную эпоху земля составляла собственность племени. «Вокругъ полей не было ни канавъ, ни заборовъ, ни каменныхъ стѣнъ», говорится въ одной ирландской рукописи XII-го столѣтiя, «и земля не были подѣлена до временъ сыновей Аэръ-Слана». Въ эпоху «*Brehon Laws*» земля еще составляетъ общее достоянiе, по крайней мѣрѣ въ теорiи, хотя большая часть ея уже присвоена нѣкоторыми семьями, и только общественныя земли, «*wastes*», весьма обширные участки, находятся въ распоряженiи всѣхъ членовъ племени. Когда собственникъ земли, членъ племени, умираетъ, вождь дѣлитъ участокъ его септа между остальными: это еще одинъ изъ обычныхъ приѣмовъ системы общинной собственности. Но въ то время, какъ эта система удерживается у славянскихъ и индусскихъ народовъ, въ Ирландiи она скоро переходитъ въ феодальную форму, общую всей западной Европѣ. Сэръ Генри Мэнъ входитъ по этому предмету въ подробности чрезвычайно интересныя, которыя почти всѣ заимствованы изъ трактата брегоновъ, вносящаго, такимъ образомъ, совершенно новый элементъ въ исторiю феодализма и видоизмѣненiй собственности. До сихъ поръ извѣстны были только два главныхъ источника феодальныхъ учреждений: *бенефиция* (*beneficium*), когда собственникъ или вождь уступаетъ землю своему леннику, который черезъ это становится его вассаломъ, и *коммендация* (*commendatio*), когда человекъ, обладая извѣстной собственностью, наоборотъ, уступаетъ ее другому, болѣе могущественному лицу, сохраняя за собой право пользованiя, дѣлается ленникомъ послѣдняго, за что и приобрѣтаетъ его покровительство. Изъ всего этого можно, кажется, заключить, что всѣ эти договоры, которые обыкновенно объяснялись общественной неурядицей, послѣдовавшей за паденiемъ Римской имперiи, скорѣе должны быть разсматриваемы, какъ простое продолженiе порядка вещей, существовавшаго уже въ первобытныхъ арiйскихъ обществахъ. Вождь племени или клана, пользуясь сравнительно съ другими

БОЛЬШИМЪ надѣломъ, присвоеннымъ его должности, могъ прокармливать большее количество скота. Онъ часто снабжалъ имъ свободныхъ людей, на извѣстныхъ условіяхъ, и они становились его вассалами (*kyle*). Слова: *capital*, *cheptel* (по-англійски: *chat-tel*), играющія такую важную роль въ политической экономіи, очевидно ведутъ свое происхожденіе отъ этого обычая, существовавшаго уже въ отдаленную эпоху, когда земля имѣла сравнительно ничтожную стоимость, а скоть, и преимущественно крупный скоть (по-англійски: *cattle*), считался головами (*caput*, *capita*) и составлялъ главное богатство, т.-е. настоящій «капиталъ».

«*Pecunia*,—говоритъ авторъ,—былъ, вѣроятно, терминъ, обозначавшій монету; онъ продержался въ употребленіи долѣе другихъ и одновременно служилъ наибольшему числу людей» (*pecunia* отъ *pecus*: стадо; стр. 147). Этимологія слова: *féodal*, *fief*, доказываетъ, что первоначальный корень его былъ, по всей вѣроятности, у германцевъ тотъ же самый, какъ и у кельтовъ. Англійское слово *fee* (вознагражденіе, гонораръ) однородно съ голландскимъ *vee* и нѣмецкимъ *Vieh*, означающихъ *скотъ*. Очень можетъ быть, что вездѣ вождь, уступая земли, давалъ и скоть, какъ въ Ирландіи, для приобрѣтенія себѣ вассаловъ.

Возвращеніе феодальной системы еще ускорилося въ этой странѣ, благодаря существованію въ ней *фвидирговъ* (*fuidhirs*).

«*Brehon tracts*» обозначаютъ этимъ именемъ весьма многочисленный классъ бродягъ, «*out-laws*», которые, будучи изгнаны изъ среды своихъ племенъ, искали счастья на сторонѣ. Вожди клановъ часто давали имъ пріютъ, надѣляли ихъ землей изъ общинныхъ участковъ и обращали ихъ въ вассаловъ, ленниковъ (*tenants*), надъ которыми приобрѣтали полную власть.

Свободные люди, бѣднѣя, впадали все болѣе и болѣе въ зависимость отъ вождя, и такимъ, весьма понятнымъ, путемъ характеръ общинной и патриархальной жизни древняго племени утрачивался постепенно, въ то же время, какъ вождь превращался въ собственника и господина.

Мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-нибудь ранѣе сдѣлалъ такой рѣшительный шагъ къ выясненію началъ феодальной системы и даже, можно сказать, настоящей экономической системы. Ибо, если *лордъ*, вождь, пересталъ быть господиномъ и повелителемъ своихъ вассаловъ, онъ по прежнему остался собственникомъ земли. Впрочемъ, настоящая причина преобразованія первобытныхъ общинъ вовсе не такъ односложна, какъ обыкновенно полагаютъ. «*Естественный коммунизмъ* первобытныхъ группъ,—говоритъ сэръ Г. Мэнъ,—былъ рассматриваемъ иногда, въ послѣд-

нее время, въ особенности же нѣкоторыми русскими публицистами, какъ предшественникъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, новѣйшихъ, наиболѣе радикальныхъ демократическихъ теорій. По-моему, ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого толкованія. Если же-лаютъ взглянуть на предметъ съ этой точки зрѣнія, то гораздо справедливѣе признать, что преобразованія древнихъ общинъ происходили чаще всего вслѣдствіе борьбы той или другой демократіи противъ аристократіи» (стр. 83). Въ Аѳинахъ, напримѣръ, мы видимъ, что дѣло происходило именно этимъ порядкомъ; «демосъ» побѣдилъ эвпатридовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ конецъ существованію древней племенной системы; но авторъ готовъ согласиться, что на Востоке событія шли инымъ путемъ. Слѣдуетъ ли, съ другой стороны, сожалѣть объ исчезновеніи первобытныхъ общинъ, совершившемся, какъ думаетъ Лавеле, подъ влияніемъ индивидуалистическихъ стремленій? Полагаемъ, что постановка самаго вопроса въ этой формѣ исполнѣ неправоильна. Во-первыхъ, «индивидуализму» тутъ нѣтъ никакого мѣста. Тѣ общества, о которыхъ идетъ рѣчь, не имѣли ничего общаго съ теоретическимъ коммунизмомъ нѣкоторыхъ современныхъ умовъ.

Тамъ существовалъ фактъ чисто реальный и практическій: были группы людей, жившихъ въ болѣе или менѣе сплоченныхъ общинахъ, былъ вождь. Какъ ни стараются доказать ограниченность власти этого вождя относительно самыхъ отдаленныхъ эпохъ, это утвержденіе можетъ быть и справедливо, но власть была, а слѣдовательно существовало неизбежное стремленіе къ ея расширенію. Съ другой стороны, въ группахъ, въ *септахъ*, должно было лежать естественное стремленіе освободиться отъ неизбежныхъ неудобствъ общиннаго быта, равно какъ и отъ зависимости, отъ вождя. Движеніе это привело къ успѣху, группы семействъ—демократія, если хотите—одержала побѣду въ Аѳинахъ и Римѣ, въ лицѣ *демоса* и *плебса*. Въ средніе же вѣка побѣда осталась на сторонѣ вождя; даже въ странахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Россіи, сельская община уцѣлѣла, власть вождя (помѣщика) приняла широкіе размѣры и уничтожить ее могло только могущественное вмѣшательство свыше.

Къ сожалѣнію, я не могу указать всѣхъ важныхъ фактовъ, встрѣчающихся въ изобиліи въ книгѣ сэра Г. Мэна. Приведу однако же одинъ изъ нихъ, до того любопытный, что я не могу обойти его молчаніемъ. Въ Индіи существуетъ до сихъ поръ одинъ странный обычай. Когда браминъ желаетъ вынудить уплату долга со стороны упорнаго должника, онъ отправляется къ его дому, садится на порогъ, запасшись ядомъ или кинжаломъ;

онъ ничего не ѣсть, грозя уморить себя голодомъ, если должникъ запирается у себя, или грозить убить себя, если тотъ пытается выйти изъ дому. Должнику приходится поворотиться, такъ какъ въ случаѣ смерти брамина на немъ будетъ лежать ничѣмъ нешкупимое преступленіе. Обычай этотъ носитъ названіе *дарна* (арестъ, запрещеніе); онъ запрещенъ нынѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, находящихся въ непосредственной зависимости отъ Англіи, но въ остальныхъ провинціяхъ онъ продолжаетъ существовать. Въ одной изъ книгъ брегоновъ говорится также, что въ случаѣ необходимости вытребовать долгъ съ высокопоставленнаго должника полезно «поститься противъ него». Должникъ, не удовлетворившій кредитора послѣ этого, «не получить платы ни отъ Бога, ни отъ людей». Читатель найдетъ также у Мэна столько же удивительное, сколько и поучительное, объясненіе обычая *сумти*, въ силу котораго въ Бенгаліи вдовы сожигали вмѣстѣ съ трупомъ умершихъ мужей ихъ. Постановленія древняго индусскаго законодательства относительно собственности замужней женщины были довольно либеральны, въ чему брамины, съ теченіемъ времени, относились все болѣе и болѣе враждебно. Въ Бенгаліи бездѣтная вдова, помимо боковой линіи родственниковъ, имѣла право на пользованіе имуществомъ мужа, подъ извѣстными условіями. И въ Бенгаліи именно англійскіе завоеватели нашли установившійся обычай *сумти*, не въ видѣ исключенія, а какъ общее правило, котораго держались богатые классы во всѣхъ случаяхъ, когда не было дѣтей. Не мало удивлялись религіозному фанатизму, побуждавшему будто бы родственниковъ мужа и собственную родню несчастной толкать ее въ огонь, несмотря на все ея сопротивление, между тѣмъ это былъ просто на-просто вопросъ о наслѣдствѣ, и родственники охотно пользовались средствомъ отдѣлаться такимъ благочестивымъ и быстрымъ способомъ отъ опаснаго конкуррента на наслѣдство. Въ сущности, это адское изобрѣтеніе не включено ни въ одинъ изъ сборниковъ узаконеній и обычаевъ страны, что и дало возможность искоренить этотъ ужасающій обычай.

Надѣмся, что читатели, въ виду важности предмета, извинятъ намъ сухость приведенныхъ подробностей, которыя кажутся еще суше въ сжатыхъ размѣрахъ нашего разбора. Своимъ трудомъ Мэнъ внесъ въ науку неоцѣненный вкладъ и мы убѣждены, что всѣ интересующіеся исторіею источниковъ цивилизаціи пожелаютъ прочесть его книгу. «Законы Брегоновъ» имѣютъ для кельтскихъ народовъ то же значеніе, какое признано за законами двѣнадцати таблицъ въ отношеніи латинскихъ націй и многія точки

сопривосновенія съ обычаями восточныхъ аріицевъ, обнаруженныя ими, подтверждаютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ выводы филологій.

Не желая нисколько уменьшать заслугъ переводчиковъ кельтскихъ рукописей, я нахожу однакоже, что нельзя не признать того, что Мэнъ одинъ сумѣлъ выжать изъ нихъ весь жизненный сокъ, распутать хаосъ перекрещивающихся нитей и придти къ выводамъ, которые безъ него, вѣроятно, еще долго пролежали бы подъ спудомъ въ качествѣ темнаго и часто противорѣчиваго матеріала.

II.

Supernatural Religion, an inquiry into the reality of divine Revelation. London, Longman and Co, 1874, 2 vol., 490 and 512 pages.—*Джорджъ Смитъ*: Assyrian discoveries in 1873 and 1874. Sampson Low and Co, 1875, (иллюстрированное изданіе), VIII—462 pages.

Въ концѣ XVI-го столѣтія, одинъ индійскій императоръ, по имени Акбаръ, возымѣлъ странную мысль пригласить ко двору своему евреевъ, христіанъ, магометанъ, поклонниковъ Зороастра, браминовъ, и заставить перевести всѣ священныя книги, которыя удалось ему добыть. Говорятъ, что результатъ этого изслѣдованія не оказался выгоднымъ для магометанства. Но дѣло не въ томъ: важенъ тотъ фактъ, что этотъ индійскій императоръ въ сущности основалъ то, что Максъ Мюллеръ называетъ *сравнительною наукою религій*. «Внимательное изученіе источниковъ и развитія религій,—говоритъ онъ,—и критическій анализъ текстовъ священныхъ книгъ, на которыя онѣ указываютъ какъ на свои основы, позволяетъ подвести ихъ подъ научную классификацію по образцу классификаціи языковъ. Сравненіе пунктовъ, одинаково присущихъ всѣмъ имъ, различеніе того, что составляетъ исключительную принадлежность каждой изъ нихъ, вызвало появленіе новой науки, касающейся всѣхъ насъ и въ которой рано или поздно придется принять участіе всѣмъ, кто питаетъ какой-нибудь интересъ въ религіознымъ идеямъ» ¹⁾.

Не стану разбирать, удалось ли ученому профессору выполнить обѣщанія своей пышной программы, ни рѣшать создана ли имъ дѣйствительно та новая наука, которая была, какъ мнѣ ка-

¹⁾ *Max Müller*: Introduction to the Science of Religion. London, 1873.

жется, уже достаточно извѣстна до него французскимъ философамъ прошлаго столѣтія, не говоря уже о современникахъ. Но какъ бы то ни было, изобрѣтенному названію посчастливилось: наука религій отнынѣ получила право гражданства, и мы обязаны отвести ей мѣсто; къ ея области можно отнести сочиненія, указанныя выше.

Первое изъ нихъ, по порядку выхода въ свѣтъ и по значенію, «*Supernatural Religion*», хотя и было издано уже болѣе года тому назадъ, не можетъ быть обойдено молчаніемъ, вслѣдствіе шума, вызваннаго его появленіемъ. Волненіе не улеглось еще до сихъ поръ: два или три журнала исключительно занимаются помѣщеніемъ полемическихъ статей, которымъ конца предвидѣть невозможно.

Авторъ, — сохранившій инкогнито, — принадлежитъ къ числу людей, потрясенныхъ возгласомъ Штрауса: «продолжаемъ ли мы быть христіанами?» — Онъ доказываетъ, что нѣтъ страны, гдѣ этотъ вопросъ требовалъ бы такого быстрого разрѣшенія, какъ та, которая имѣетъ епископовъ, подобныхъ Колензо, и декановъ, подобныхъ Стэнли. «Характеристическая черта нынѣшней ходячей теологіи въ Англіи, — говоритъ авторъ, — состоитъ въ стремленіи очистить христіанское ученіе, съ близорукой ловкостью, отъ всѣхъ сверхъестественныхъ элементовъ, не согласующихся съ общественнымъ мнѣніемъ, не догадываясь, что въ сущности они этимъ уничтожаютъ церковное христіанство (ecclesiastical christianity). Многие изъ членовъ англиканскаго духовенства надѣются задержать бѣгъ хищныхъ чудовищъ сомнѣнія и невѣрія, бросая имъ кусокъ за кускомъ всѣ догматы, на которыхъ христіанство основываетъ свое божественное происхожденіе... Масса интеллигентныхъ людей Англіи колеблется между двумя мнѣніями и находится въ промежуточномъ положеніи: они отказываются отъ нѣкоторыхъ сверхъестественныхъ и самыхъ существенныхъ ученій христіанства, стараются одухотворить и переправить остальное въ нѣчто болѣе соотвѣтствующее требованіямъ ихъ разсудка, и затѣмъ ласкаютъ мысль сохранить утѣшенія и надежды, проистекающія отъ истинъ, которыя, если не признавать ихъ божественнымъ откровеніемъ, становятся чистыми умозрѣніями по поводу предметовъ, чуждыхъ разуму. Въ дѣйствительности они не имѣютъ болѣе серьезныхъ основаній поступать частью своихъ вѣрованій, чѣмъ сохранять другія. Они строятъ домъ свой на пескѣ, и волны, столько уже унесшія, могутъ, въ одинъ прекрасный день, смыть и остальное. вмѣстѣ съ тѣмъ, посреди

общаго затмѣнія вѣрованій найдется не одинъ искренній человекъ, который глубоко страдаетъ, чувствуя свое безсиліе вѣрить и безсиліе отрѣшиться вполне отъ религіи, не имѣя средствъ получить яснаго и удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: гдѣ истина?» (стр. 15).

На какой точкѣ зрѣнія мы бы ни стояли, нельзя упрекнуть автора за попытку разрѣшить эту задачу, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Книга его раздѣляется на три отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ разбираются аргументы, относящіеся до чудесъ. Во второй и третьей части, идетъ разработка документовъ, касающихся трехъ синоптическихъ евангелій, затѣмъ матеріала, относящагося къ четвертому. Эрудиція автора не подлежитъ сомнѣнію: въ немъ нельзя не признать настоящаго ученаго, совершенно знакомаго съ нѣмецкой и голландской теологіею, также какъ и съ литературой первыхъ временъ христіанства. Климентъ римскій, Варнава, Папій, Аполлинарій, Цельсій и другіе послѣдовательно изучены и проведены съвозъ горнило самаго подробнаго изслѣдованія.

Выводы этой книги мало разнятся отъ выводовъ сочиненія Мэтью Арнольда: *Litterature and Dogma*, о которомъ былъ помѣщенъ отчетъ въ предыдущей статьѣ, хотя они менѣ радикальны, чѣмъ у послѣдняго. Авторъ также желаетъ отложить въ сторону догматы и стойтъ за сохраненіе только христіанской морали. Гораздо ранѣе Фридрихъ-Великій, руководимый Вольтеромъ и его современниками, дошелъ до болѣе полныхъ выводовъ. Но такъ или иначе, книга возбуждаетъ интересъ, преимущественно въ средѣ теологовъ. Скажемъ встать, что она подверглась очень суровой встрѣчѣ со стороны нашихъ *vicaires savoyards*, глубоко возмущенныхъ тѣмъ, что результатъ ихъ двусмысленныхъ ученій высказывается во всеуслышаніе, въ то время какъ они заботливо охраняютъ соглашеніе между требованіями общественнаго мнѣнія и своего сана.

Помѣщеніе книги Джорджа Смита: «*Assyrian Discoveries*» въ отдѣлѣ, предназначенномъ для науки религіи, хотя и можетъ показаться страннымъ съ перваго взгляда, вполне объясняется само собою при знакомствѣ съ содержаніемъ. Джорджъ Смитъ — ученый ориенталистъ, состоящій при Британскомъ музеѣ, на которомъ лежитъ специальная обязанность разбирать письма многочисленныхъ ассирійскихъ цилиндровъ, находящихся въ коллекціи этого учрежденія. Въ 1874 году онъ попалъ случайно на текстъ, содержащій въ себѣ халдейскій рассказъ о потопѣ. Счастливая находка не замедлила разгласиться, о ней много говорили,

да и дѣйствительно, было о чемъ говорить. Собственники журнала «Daily Telegraph», вслѣдъ за опередившимъ ихъ «New-York-Herald», предложили Дж. Смиту тысячу гиней для путешествія на мѣсто, гдѣ стояла древняя Ниневія, съ тѣмъ, чтобы произвести тамъ новыя розысканія. Экспедиція удалась, и за ней послѣдовала вторая, снаряженная уже на этотъ разъ издѣніемъ Британскаго музея. Результатъ всѣхъ этихъ изслѣдованій и является теперь въ полномъ составѣ. Нѣкоторые отрывки помѣщались раньше въ «Daily Telegraph», какъ естественная дань за великодушную инициативу, оказанную этимъ журналомъ.

Извѣстно, что противъ города Мосула, на полѣ-дорогѣ отъ Алеппо къ Багдаду, на лѣвомъ берегу Тигра находятся развалины знаменитой Ниневіи. Точнаго ничего не извѣстно о первыхъ временахъ халдейской монархіи и ассирійскаго царства; достоверно только то, что послѣднее существовало уже въ XIX-мъ столѣтіи до Р. Х. Имѣются нѣкоторыя подробности даже объ эпохѣ между одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ столѣтіемъ, показывающія, что цивилизація въ этихъ странахъ была значительно подвинута въ то время, когда греки не имѣли еще подобія исторіи; уже это свидѣтельствуетъ о глубокой древности азіатскихъ монархій. До сихъ поръ произведенныя раскопки ограничивались почти только мѣстностями, гдѣ стояли четыре дворца. А именно дворцы: *Куюнджикъ*, изъ которыхъ одинъ возобновленъ и украшенъ Сеннахерибомъ (700 г. до Р. Х.), другой Ассуръ-Бани-Паломъ (около 630 г.); дворецъ *Нимрудъ* (въ древности Калахъ), въ двадцати миляхъ на югъ отъ Ниневіи, построенный Ассуръ-Назиръ-Паломъ (въ 880 г.), и наконецъ дворецъ *Корсабадъ* (Дуръ-Саргина), въ девяти миляхъ на сѣверъ, построенный Саргономъ (около 710 г.). Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить Калахъ-Шерлатъ, древній Ассуръ, бывший первою столицею Ассиріи, раскопки котораго привели къ очень цѣннымъ результатамъ. Самые важныя открытія Дж. Смиты удалось сдѣлать въ библіотекѣ Сеннахериба, въ Куюнджикѣ. Странная библіотека, гдѣ полки съ книгами и рукописами замѣняются рядами глиняныхъ плиточекъ и цилиндровъ или, вѣрнѣе, восьмигранныхъ призмъ, на поверхностяхъ которыхъ находятся надписи, начерченные клинообразными письменами, по большей части на трехъ языкахъ: на мидо-скинскомъ (туранскомъ), ассирійскомъ (семитическомъ) и персидскомъ (арійскомъ). Тутъ же найдено было Смитомъ дополненіе знаменитой плитки, содержащей описаніе халдейскаго преданія о потопѣ, изданіе котораго, хотя не въ полномъ еще видѣ, надѣлаю столько шума три года тому назадъ.

Преданіе это было извѣстно ранѣе. Берозъ, халдейскій жрецъ, жившій въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х., составилъ греческій текстъ вавилонскихъ архивовъ, который, къ несчастію, былъ утраченъ, но отрывки изъ коего сохранились у различныхъ греческихъ историковъ. Халдейскій жрецъ, этотъ древній служитель Ваала или Бела, не пользовался, надо признаться, особеннымъ авторитетомъ въ средѣ классическихъ историковъ. Открытіе Смита имѣетъ еще и ту хорошую сторону, что оно доказываетъ подлинное существованіе труда вавилонскаго ученаго, подтверждая вполне вѣрность его текста, несмотря на нѣкоторыя незначительныя различія въ подробностяхъ. Халдейская легенда о потопѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она передается плитками дворца Куюнджикъ, была сочинена, какъ кажется, за 2000 лѣтъ до Р. Х. Нѣкоторый герой, котораго Смитъ отождествляетъ съ библейскимъ Немвродомъ и котораго онъ временно называетъ Издубаромъ, отправляется за совѣтомъ къ Хазіадру (по-гречески Ксизіонъ), мудрецу, спасшемуся отъ потопа. Послѣдній, котораго Берозъ причисляетъ къ сонму вавилонскихъ царей, естественно спѣшитъ разсказать посѣтителю «таинственную исторію». Боги (Ану, Бель, Нинипъ и проч.), рѣшили уничтожить «грѣшника и жизнь». Они положили спасти его, Ксизіона, и для того, чтобы укрыться отъ неизбежнаго потопа, присовѣтовали ему выстроить громадный корабль. «Укройся въ немъ ты, утварь твоя, имущество твое, богатство твое, а также твои рабыни и юные мужи; а звѣрей полевыхъ и животныхъ, населяющихъ долины, я соберу и пришлю къ тебѣ, и ты запрешь ихъ съ собой» (стр. 186). Начинается дождь, который продолжается только шесть дней, но затопляетъ всю землю, жители которой погибаютъ. Ксизіонъ выпускаетъ тогда голубя, затѣмъ ласточку, которые, не находя пристанища, возвращаются, наконецъ онъ выпускаетъ ворону, которая уже не возвратилась; спустя еще семь дней, т.-е. черезъ четырнадцать дней, корабль останавливается на горахъ Назиръ, находящихся, по свидѣтельству болѣе поздней записи, около 36-го градуса широты на востокъ отъ Тигра. Великій богъ, Ваальъ, заключаетъ съ Ксизіономъ договоръ; послѣдній возносится впоследствии на небо и получаетъ мѣсто въ обществѣ боговъ, въ награду за свое благочестіе.

Нѣтъ надобности настаивать на значеніи для религіозной критики этой подлинной страницы, считающей себя столько тысячелѣтій и превышающей древностью эпоху составленія книгъ Моисея. Ограничусь указаніемъ на одинъ фактъ, на который авторъ

спеціально обратить вниманіе: на еврейскомъ языкѣ слово «ковчегъ» означаетъ собственно ящикъ, сундукъ, и нѣтъ ни малѣйшаго намѣка въ библейскомъ разсказѣ на какіе-нибудь факты, относящіеся къ судоходству. Наоборотъ, выраженіе, употребленное въ клинообразныхъ записяхъ, имѣетъ опредѣленный смыслъ «корабль». Его спускаютъ въ море, на него садятся, имъ управляютъ матросы, словомъ, все вообще носитъ отпечатокъ преданія, созданнаго народомъ, привыкшимъ къ судоходству. Это можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на берега Персидскаго залива, какъ на колыбель древней легенды.

Приведу еще одно описаніе ада, защищеннаго семью вратами и окруженнаго водами смерти: «жилище умершихъ, престолъ бога Иркалла, откуда ничто не уходитъ, откуда нѣтъ дороги къ возвращенію; мѣсто, гдѣ они вздыхаютъ о свѣтѣ и гдѣ они живутъ во тьмѣ, питаются пылью и грязью; вожди окутаны крыльями, какъ птицы». Какъ видимъ, картина достойная занять мѣсто рядомъ съ ужасами средневѣковаго ада; мнѣ кажется, что это довольно замѣчательное предвѣщеніе извѣстнаго «*lasciate ogni speranza*» Данта. Многое можно было бы сказать еще, въ особенности по поводу будто бы семитическаго характера ассирійской цивилизаціи. Но предоставляю любознательнымъ читателямъ самимъ выводить заключенія и изучать книгу Джорджа Смита, не смотря на всю отчаянную сухость ея изложенія. Но въ этомъ случаѣ встаетъ напомнить, что для такого рода сочиненій содержаніе важнѣе формы.

III.

А. У. Кинглемъ: *The Invasion of the Crimea, its origin and an account of its progress down to the death of lord Raglan. Vol. V. Inkerman. Edinburgh and London, Blackwood and Co, 1875, XXXIV, 513 pag.—Сэръ Генри Раулинсонъ: England and Russia in the East. London, Murray, 1875.*

Если пословица «*chi va piano, va sano*» гласитъ истину, то Кинглемъ вправѣ разсчитывать, что онъ оставитъ послѣ себя капитальное произведеніе. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, какъ леди Рагланъ вручила ему бумаги и переписку покойнаго своего мужа, какъ официальную, такъ и частную, двадцать лѣтъ, какъ всевозможныя сообщенія доставляются ему отовсюду, а онъ едва справился съ половиной своего труда. Пятая часть, вышедшая недавно и которую здѣсь называютъ «*Inkerman volume*», можетъ служить прекраснымъ образцомъ его манеры писать.

Нѣтъ предмета, о которомъ публика пускалась бы такъ охотно въ критическіе толки, какъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Въ нихъ, какъ и въ медицинѣ, всякій считаетъ себя компетентнымъ судьей и спѣшитъ высказать свое сужденіе о болѣзни сосѣда или о военныхъ дарованіяхъ того или другого генерала. Правду сказать, сами специалисты часто поощряли эту несчастную манію, смѣшныя результаты которой можно вѣрѣдко видѣть въ европейской прессѣ послѣдняго времени. Морицъ Саксонскій, военный геній котораго не подлежитъ сомнѣнію, рѣшительно высказалъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее мнѣніе: «наука о войнѣ покрыта мракомъ, среди котораго нельзя идти увѣреннымъ шагомъ; рутина и предразсудки — естественное слѣдствіе невѣжества — составляютъ ея основы. Всѣ науки руководствуются принципами и правилами, одна война ихъ не имѣетъ... Въ войнѣ существуютъ правила для частныхъ, но они отсутствуютъ въ главныхъ предметахъ. Великіе полководцы, писавшіе объ этомъ предметѣ, не снабдили насъ ими». Въ то время еще не была написана «Исторія семилѣтней войны» Фридриха Великаго, и Юмъ еще не сочинялъ своего знаменитаго «Трактата военныхъ операцій», составляющихъ первое и необходимое основаніе современной военной науки. Послѣднія войны не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ ея существованія, отрицаемаго Морицомъ Саксонскимъ, а Пруссія доказала слишкомъ блистательно, какъ можно искусно пользоваться этой наукой.

Военныя операціи, совершавшіяся въ Крыму и Италіи, не свидѣлствуютъ, правда, въ пользу научной теоріи. «Успѣхъ войны», говоритъ Фридрихъ II, «зависитъ въ болѣеи степени отъ искусства главнокомандующаго, отъ знанія занимаемой имъ мѣстности и отъ умѣнья его пользоваться выгодами позиціи». Помимо этихъ условій, успѣхъ находится въ зависимости отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ и отъ храбрости и духа войска, что и подтвердилось въ Италіи и въ Крыму; достойно замѣчанія, что единственный генералъ, заслужившій прочную репутацію въ теченіи этой послѣдней войны, принадлежитъ Россіи, а не союзнымъ войскамъ: генералъ Тотлебенъ. Къ несчастію, Франціи пришлось убѣдиться на дѣлѣ въ достоинствѣ своихъ мнимо-великихъ полководцевъ, образовавшихся въ школѣ крымской кампаніи и на поляхъ Ломбардіи ¹⁾.

Книга Кинглѣва доставляетъ новыя подтвержденія этой истинѣ. Постараюсь не заходить слишкомъ далеко по этой опасной дорогѣ, но, въ-концѣ-концовъ, военныя дѣйствія описываются историками, далеко не посвященными въ тонкости тактики и въ этомъ отношеніи военная исторія принадлежитъ критикѣ. Трудно представить себѣ что-нибудь безпорядочнѣе сраженія подъ Инкерманомъ, гдѣ англичане оказали дѣйствительно неимовѣрныя усилія храбрости, но не могли восполнить полнѣйшаго отсутствія инициативы и руководства со стороны главнокомандующаго. Авторъ различаетъ семь періодовъ въ продолженіи битвы 5-го ноября. Первый отъ 5 ч. 45 м. до 7 ч. 30 м. утра. Второй отъ 7 ч. 30 м. до 8 ч. 30 м. и т. д., до седьмого, продолжавшагося отъ часу пополудни до восьми часовъ вечера. 513 страницъ in 8°, восемь картъ и три плана потребовались для простаго изложенія хода этого дѣла. Еще одинъ шагъ, и Кинглѣвъ, не довольствуясь тѣмъ, что онъ описываетъ движеніе каждаго отряда, каждаго взвода, сообщилъ бы намъ имя, дѣйствія и мысли каждаго солдата. Не знаю, вынесутъ ли военные много удовольствія изъ описанія всѣхъ этихъ мелочныхъ подробностей, обсужденіе которыхъ нѣкоторые изъ нихъ сочтутъ, быть можетъ, за вторженіе въ чужую сферу, но я могу удостовѣрить, что для *статскаго* человѣка, къ числу которыхъ принадлежитъ пишущій эти строки и, слѣдовательно, неимѣющій никакихъ причинъ въ пристрастію или раздраженію, чтеніе этихъ тяжелыхъ страницъ приноситъ только ничѣмъ вознаграждаемую скуку.

¹⁾ Надо замѣтить однако, что въ 1870 году не было уже въ живыхъ Ніаля и Пеллессе.—Ред.

Англійская пресса не раздѣляетъ моего мнѣнія. Что вамъ за дѣло,—спрашиваетъ она,—что у Кинглека много досужаго времени, которое онъ можетъ посвящать своему труду; и кромѣ того, популярность его книги не служить ли ручательствомъ ея достоинствъ и успѣха? Популярность ея дѣйствительно обширна и изданія ея многочисленны, объ этомъ и спору нѣтъ; но это еще ничего не доказываетъ, исключая развѣ того, что англичане вотъ уже двадцать лѣтъ сряду бредятъ славою Крыма и Инвермана и набрасываются съ истинно-патріотическимъ жаромъ на полуофициальное сочиненіе, задавшееся цѣлью передать потомству рассказъ объ ихъ подвигахъ. Прежде всего сочиненіе Кинглека одна изъ тѣхъ *biblia a-biblia*, о которыхъ говорить Чарльзъ Лэмбъ, изъ разряда «тѣхъ книгъ, которыя въ сущности не книги», но безъ которыхъ ни одна порядочная бібліотека не обходится. Вотъ что мы позволимъ себѣ замѣтить по части ея популярности; что же касается до размѣровъ этой книги, то это другой вопросъ. Никому нѣтъ никакого дѣла, есть ли у Кинглека достаточно досуга, чтобы написать семьдесятъ пять томовъ, а важно знать, намѣренъ онъ или нѣтъ создать прочный памятникъ *aere perennius*? Но для этого необходимо соблюдать мѣру; цѣлый томъ въ 500 страницъ для описанія одной битвы, хотя бы и битвы подъ Инверманомъ, нарушаетъ всякое равновѣсіе и неминуемо придаетъ уродливый и каррикатурный оттѣнокъ цѣлому. Впрочемъ, мы узнаемъ въ этомъ чисто-національную черту: отсутствіе мѣры и такта. Предпримуть ли англичане собраніе коллекцій—не найдется зданія достаточно обширнаго, чтобы помѣстить ихъ: имъ непременно понадобится имѣть отъ десяти до пятнадцати представителей каждаго зоологическаго вида, въ которомъ придется добавлять зародышей во всѣхъ степеняхъ развитія, дѣтенышей всѣхъ возрастовъ, и такъ безъ конца. Вздумаешь ли англичанка заняться своимъ туалетомъ—она одѣнется въ смѣсь голубого и зеленого, красного и лиловаго, нацѣпнитъ безъ разбора ленты, кружева и золота, рискуя уподобиться какой-нибудь королевы съ дикихъ острововъ. Родина Кинглека—единственная страна, гдѣ возможно появленіе такой книги.

Нужно ли говорить, что, несмотря на излишнее нагроможденіе подробностей, книга написана очень тщательно. Конечно, тотъ, у кого достанетъ храбрости преодолѣть ее до конца, найдетъ въ ней вещи, нелишенные интереса и отдастъ честь патріотическимъ чувствамъ автора, если не придетъ въ восхищеніе отъ писателя. Патріотизмъ заставляетъ его даже иногда впадать въ вошіюція несправедливости противъ французовъ: цифры ихъ

полювъ и убитыхъ, помѣщенные въ приложеніи, находятся въ прямомъ противорѣчій съ его показаніями относительно ихъ роли во время битвы. Кинглейкъ черезчуръ тѣсно слилъ въ своемъ умѣ понятіе о всей французской націи съ образомъ безсовѣстнаго человѣка, стоявшаго во главѣ ея, котораго онъ такъ справедливо заклеилъ въ знаменитомъ повѣствованіи своемъ о переворотѣ 2-го декабря; это составляетъ перлъ его перваго тома. Авторъ отдаетъ полную справедливость русской арміи; онъ, не колеблясь, заявляетъ, что въ сущности союзники, вмѣсто того, чтобы воспользоваться успѣхомъ, рѣшились на время отказаться отъ первоначальнаго намѣренія своего овладѣть главнымъ бастіономъ. «Вслѣдствіе чего русскіе, несмотря на проигранное сраженіе, могли добиться, по крайней мѣрѣ, одного изъ результатовъ, къ которымъ они стремились, предпринимая инверманское дѣло» (стр. 482). Послѣ этого читатель вправе задаться вопросомъ: кому же въ сущности принесло выгоду выигранное сраженіе? Вообще, въ виду настоящаго результата крымской кампаніи, т.-е. полнѣйшей ея безрезультатности, ретроспективный обзоръ ея исторіи утратилъ значительную долю интереса; въ этомъ нельзя не сознаться, какъ бы ни жалъ было обезкураживать исторіографа, которому осталось еще не мало работы впереди; по истинѣ, трудъ Сизифа кажется забавой въ сравненіи съ утесомъ, который ему предстоитъ двигать еще лѣтъ десять, пятнадцать сряду.

Ограничусь только упоминаніемъ о появленіи новой книги сэра Генри Раулинсона: «Англія и Россія на востокѣ». Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ шесть статей, изъ которыхъ только три не были напечатаны ранѣе; остальные первоначально появились въ разное время, въ *Quarterly Review*. Въ этомъ журналѣ помѣщена недавно ¹⁾ статья, специально посвященная разбору воззрѣній англійскихъ писателей на средне-азіатскій вопросъ. Г. Раулинсонъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила; замѣтимъ только, что онъ принадлежитъ скорѣе къ лагерю оптимистовъ. Военныя заслуги автора и его ученость служатъ хорошей рекомендаціей его книги на которую обратять вниманіе всѣ интересующіеся этимъ важнымъ вопросомъ. За подробными свѣдѣніями отсылаемъ читателей къ упомянутой статьѣ.

¹⁾ Февраль, 1875.

IV.

Э. Дауденъ: Shakspeare, a critical study of his mind and art. London, Henry S. King, 1875, IX, 430 pages. — Джорджъ Эллиотъ: The legend of Jubal and other poems, London, W. Blackwood, 1874, 242 pages.

Въ 1575 году, графъ Лейчестеръ, въ загородномъ дворцѣ своемъ Кенильвортъ, устраивалъ въ честь королевы Елизаветы празднества, длившіяся семнадцать дней. Зрѣлища, достойныя римскихъ цирковъ, кровавые бои звѣрей, мифологическія аллегоріи, заимствованныя изъ воспоминаній счастливыхъ дней Греціи, утонченныя любезности рыцарства—все было пущено въ ходъ, все приходились по вкусу и шло на потребу этой эпохѣ неуждержимыхъ порывовъ и непосредственнаго наслажденія. Королеву встрѣчали великаны, сподвижники короля Артура; фея озера говорила ей поздравительныя рѣчи; божества полей и лѣсовъ, въ томъ числѣ и Вакхъ, богъ винограда, подносили ей дары своихъ царствъ; Тритонъ выступалъ изъ-подъ волнъ, чтобы передать ей привѣтствіе Нептуна, а краснощекія нимфы и дріады толпились вокругъ нея. Во главѣ ихъ выступала призрачная женщина озера, настоящее олицетвореніе волшебницъ *Fairy Queen* Спенсера, «обещенная въ одну шелковую бѣлую туніку, какъ лилія», съ съ обнаженными ногами, «подобными двумъ дивнымъ мраморнымъ колоннамъ, поддерживающимъ храмъ божества». Спереди «золотая перевязь спускалась вдоль ея бѣлоснѣжной груди между нѣжными персями... бѣлокурые ея локоны висѣли золотистыми нитями, небрежно разбѣгавшимися по плечамъ; когда же вѣтеръ раздувалъ ихъ, они то колыхались какъ широко развернутое знамя, то ниспадали длиннымъ покровомъ вдоль стана ¹⁾». И въ эти-то времена, когда на царскій столъ подавалось не менѣе двухъ сотъ дорогихъ блюдъ, когда фрейлины въ красныхъ атласныхъ платьяхъ и прорѣзными буфами на рукавахъ смѣялись, пѣли, танцовали и кокетничали съ молодыми вельможами, а Ральей выѣзжалъ въ серебряныхъ латахъ на прогулки съ королевой, въ эти самыя времена родился Шекспиръ. Генрихъ Гейне рассказываетъ исторію про одного честнаго и благочестиваго жителя Гамбурга, который никакъ не могъ помириться съ мыслью, что Іисусъ Христосъ былъ родомъ израильтянинъ. Добрякъ не могъ думать безъ досады, что основатель христіанства, «какъ бы то ни было,

¹⁾ Spencer, *Fairy Queen*, Liv. II, Chant 3.

принадлежитъ къ породѣ этихъ длинноносыхъ и грязныхъ мелочныхъ торгашей, бродящихъ по улицамъ, вокругъ него, глубоко презираемыхъ имъ и въ особенности ненавистныхъ ему, когда они суются торговать оптомъ красками и пряностями, какъ онъ самъ дѣлаетъ это, и вредятъ его интересамъ ¹⁾. Самъ Гейне испытываетъ то же чувство, вспоминая, что Шекспиръ англичанинъ. Но пусть онъ утѣшится: такія аномаліи не могутъ существовать въ естественномъ порядкѣ вещей. Авторъ «Сна въ лѣтнюю ночь» не принадлежитъ угрюмой Англіи, созданной пуританствомъ: онъ любимый сынъ веселой Англіи, «*merry England*» эпохи Елизаветы и «*Faigy Queen*»; онъ ея Микель-Анджело и Рафаэль, самое яркое воплощеніе великаго возрожденія паганизма. Двадцать лѣтъ спустя его появленіе было бы невозможно. Благословимъ безсмертныхъ боговъ, и маленькій городокъ Стратфордъ на Авоѣ и 1564 годъ, за то, что они такъ встали произвели для блага человѣчества и чести Англіи великаго Уильяма Шекспира. Вольтеръ въ «Философскихъ письмахъ», изданныхъ въ 1734 году, говоритъ слѣдующее: «Шекспиръ, въ которомъ англичане видятъ Софокла, процвѣталъ почти въ одно и то же время какъ Лопе-де-Вега. Онъ создалъ театр. Онъ былъ одаренъ сильнымъ и плодотворнымъ гениемъ, полнымъ естественности и величія, но безъ малѣйшей искры вкуса и знанія правилъ». Совершенно справедливо, что вкусъ, «*bon goût*», XVIII-го вѣка значительно отличался отъ вкуса XVII-го и даже XIX-го столѣтій. Насколько проза этого періода сильна и ясна, а философія замѣчательна, настолько же поэтическая струя его бѣдна и литературная концепція мизерна. Но въ словахъ Вольтера есть еще другая ошибка, впрочемъ, весьма распространенная и происшедшая вѣроятно вслѣдствіе какихъ-нибудь отдѣльныхъ оцрывковъ. До начала XVIII столѣтія на Шекспира смотрѣли въ Англіи не только не какъ на Софокла, а скорѣе какъ на варвара. Бездарная и нравственная пнеода «*Spectator*'а» была тогда законодательницей вкуса въ Англіи, гдѣ въ то время, какъ и во Франціи, было въ модѣ приходить въ восторгъ при чтеніи усыпительныхъ тирадъ Аддисоновскаго Катона, достойнаго предшественника Кребильоновскихъ трагедій. Незадолго передъ тѣмъ Шефтобѣри называгъ автора Отелло «грубымъ умомъ», а Поупъ нашелъ блистательное объясненіе его творчества въ необходимости «чѣмъ-нибудь прокармливать»! Еще въ концѣ XVIII-го вѣка на его пьесы ходили

¹⁾ De l'Angleterre. Introduction.

смотря не иначе какъ съ оглядкой, и «King Lear» съ участіемъ Гаррика давался на Дрюриленской сценѣ съ поправками и передѣлками нѣкогого Наума Тэта.

Какъ ни протестуютъ теперь противъ утвержденія, что Англія признала Шекспира только съ чужого голоса, но это святая истина. Нѣмецкая критика и школа французскихъ романтиковъ болѣе всего способствовали возстановленію его славы, которую его отечество привѣтствовало сначала болѣе изъ чувства гордости, чѣмъ вслѣдствіе сознательной оцѣнки. Пусть подождутъ сомнѣваться, — развѣ въ настоящую минуту не повторяется того же самаго относительно Байрона? Его знаменитость выросла цѣликомъ на чужеземной почвѣ, теперь начинаютъ отчасти знакомиться съ нимъ, а лѣтъ черезъ пятьдесятъ, когда достаточное количество *джентльменовъ* убѣдится въ справедливости мнѣнія, составившагося о немъ на континентѣ, его имя будутъ произносить *здѣсь* не иначе какъ съ почтеніемъ, и сдѣлается возможнымъ находить дешевыя изданія его сочиненій, со включеніемъ «Донъ-Жуана». Теперь для Лондона наступилъ періодъ настоящей шекспироманіи. Движеніе началось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ представленіемъ Гамлета, въ роли котораго м-ръ Ирвингъ выказалъ себя первостепеннымъ актеромъ, несмотря на нѣкоторыя утрировки. И вотъ, шесть мѣсяцевъ какъ «Гамлетъ» не сходитъ съ афиши театра *Лусеит*. На мой взглядъ, это самое серьезное движеніе изъ всѣхъ предыдущихъ въ этомъ направленіи: пьеса дается въ первый разъ цѣликомъ. Я имѣю подъ рукою текстъ, составленный для представленія 1860 года, но и въ немъ есть еще возмутительныя искаженія. На этотъ разъ возрожденіе, какъ кажется, совершилось безповоротно, да и пора. Вѣдь десять лѣтъ тому назадъ какъ отпраздновано трехсотлѣтіе великаго драматурга. Конечно, я не забылъ ни шума, ознаменовавшаго эту годовщину, ни овацій. Я знаю, какъ многочисленны обращающіяся въ странѣ изданія Шекспира, снабженныя замѣтками и комментаріями. Но что за замѣтки и что за комментаріи! Это точно изданіе *variorum* древняго классика, — вещь почтенная, но очень недостаточная. Конечно, очень интересно знать, что такое-то слово пишется черезъ *th*, такое-то черезъ *s* въ томъ или въ другомъ изданіи, что иного стиха недостаетъ въ *folio* 1632 г., а другой пропущенъ въ *folio* 1623 г. Вся эта ученость имѣетъ свою цѣну, но рядомъ съ критикой формы, очень важной и даже, если хотите, необходимой, существуетъ другая не менѣе необходимая вещь, критика идеи. А этой-то послѣдней и не существовало

вѣсь до сихъ норъ; ее можно было найти только въ Германіи, за исключеніемъ книги Газлетта.

На основаніи всего этого, сочиненіе Даудена, профессора дублинскаго университета, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Хотя его разборъ Шекспира страдаетъ нѣкоторой неполнотою, но въ немъ есть мѣста, превосходно изученныя, и англійская пресса должна быть польщена возможностью выставить этотъ трудъ рядомъ съ новымъ изданіемъ комментаріевъ на Шекспира нѣмецкаго ученаго Гервинуса. Это—серьезное предпріятіе, и тѣмъ болѣе интересное, что за него взялся наконецъ чистокровный британецъ. Какъ это ни кажется парадоксально, но до сихъ поръ всѣ сколько-нибудь замѣчательные трактаты о великомъ драматургѣ написаны нѣмцами. Стоить заглянуть въ многочисленныя цитаты автора, чтобы убѣдиться, что онѣ почти всѣ взяты изъ нѣмецкихъ сочиненій. Дауденъ начинаетъ свой трудъ съ перепечатки опыта хронологической таблицы Шекспировскихъ произведеній, помѣщенной г. Фурневалемъ во введеніи къ новому изданію комментаріевъ Гервинуса.

Эта таблица чрезвычайно любопытна, хотя, конечно, только приблизительно вѣрна; въ ней пьесы Шекспира раздѣлены на четыре періода, соотвѣтствующие если не четыремъ различнымъ его манерамъ писать, то по крайней мѣрѣ видоизмѣненіямъ его гения. Первый періодъ, отъ 1583 до 1593, вмѣщаетъ въ себѣ между прочимъ *«Ромео и Юлію»*, *«Сонъ въ лѣтнюю ночь»*, и *«Ричарда III»*. Во второмъ, отъ 1596 до 1601, когда поэту было за тридцать лѣтъ, написаны имъ *«Венеціанскій купецъ»*, *«Веселыя Виндзорскія кумушки»*, *«Какъ вамъ будетъ угодно»*, а также первая и вторая части *«Генриха IV»*. Въ третьемъ, самомъ плодovitомъ, и удивительномъ періодѣ, въ возрастѣ между 38 и 43 лѣтами (1602—1607), Шекспиръ произвелъ *«Гамлета»*, *«Юлія Цезаря»*, *«Отелло»*, *«Макбета»*, *«Короля Лира»*, *«Антонія и Клеопатру»*, *«Коріолана»*, не считая *«Троила и Крессиды»*, *«Мѣра за мѣру»* и *«Тимона»*: единственный примѣръ, какъ мы полагаемъ, творческой силы человѣческаго мозга, создающаго почти непрерывно цѣлый рядъ крупнѣйшихъ произведеній. Послѣдній, четвертый періодъ, отъ 1607 до 1613, заключаетъ въ себѣ *«Бурю»*, *«Цимбелину»*, *«Генриха VIII»* и другія. Не продолжаю перечня, который желающіе найдутъ въ полной таблицѣ, въ изданіи Гервинуса. Ученый дублинскій профессоръ старается затѣмъ уяснить личность Шекспира. Ничего не можетъ быть страннѣе того, какъ большинство англійскихъ крити-

ковъ относилось, до сихъ поръ, къ этому вопросу. Изъ того, что въ Стратфордѣ, въ регистрахъ *Court of Record*, найдено было предписаніе о взысканіи съ нѣкоего Филиппа Роджерса суммы 1 фунта, 30 шиллинговъ и 10 пенсовъ въ уплату У. Шекспиру, должникомъ котораго онъ состоялъ, выводилось напримѣръ заключеніе, что поэтъ былъ человѣкомъ практическимъ, что, впрочемъ, извиняли ему; что онъ исключительно былъ занятъ имущественными интересами, писалъ свои драмы ради того, «что надобно же кормиться», какъ сказалъ Поппъ, и заботился о славѣ какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ. Подобное воззрѣніе могло выработаться только въ британскомъ мозгу, ссохшемся, въ силу закона естественнаго подбора, при переходѣ черезъ нѣсколько повѣднѣй круглыхъ головъ, методистовъ и квакеровъ. Великія произведенія поэта служатъ самымъ краснорѣчивымъ аргументомъ противъ этой негѣпости.

Даудентъ, хотя и непричастенъ общему умопомраченію критиковъ, но не даетъ ему достаточно энергическаго отпора.

Плохо удастся ему также попытка произвести Шекспира въ поборника и вдохновителя протестантизма. Желаніе католиковъ выставить его своимъ союзникомъ было уже достаточно комично, но зачисленіе его въ ряды сподвижниковъ Гукеровъ и Кранмеровъ превосходить всѣ вѣроятія. «Энергія, трезвое отношеніе къ дѣйствительности, самоуправленіе, терпимость», — говоритъ авторъ, — «недовѣріе къ маленькимъ средствамъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія, равнодушіе къ внѣшнимъ фактамъ сравнительно съ значеніемъ, придаваемымъ внутренней жизни, рѣшеніе все обсудить съ чисто человѣческой точки зрѣнія, — таковы будутъ основы нашего образа мыслей и нашихъ чувствъ, до тѣхъ поръ, пока вліяніе Шекспира будетъ продолжать дѣйствовать на образованіе нашего характера. Этотъ способъ чувствовать и мыслить составляетъ характерную черту протестантскаго идеала» (стр. 38). Пусть пойметъ это, кто можетъ. Такое опредѣленіе *протестантизма* не лишено оригинальности въ томъ отношеніи, что изъ него исключенъ религіозный элементъ. А съ устраненіемъ этого элемента, я нахожу, что англичанинъ становится не болѣе какъ германцемъ, савсомъ, съ отличительными свойствами своей расы, и слово «протестантъ» теряетъ всякое значеніе. Даудентъ доводитъ свою идею до конца и, превративъ Шекспира въ протестанта, задается вопросомъ: былъ ли онъ духовнымъ поэтомъ? — Онъ разрѣшаетъ его утвердительно, ссылаясь на мнѣніе одного извѣстнаго критика-реалиста В. Баггота, и въ заключеніе выра-

жасть мнѣніе, что автору «Гамлета» было дано, быть можетъ, болѣе чѣмъ всѣмъ другимъ провидѣть «существованіе великой единицы, великой религіозной цѣли въ природѣ» и т. д.

Дѣло въ томъ, что ученый профессоръ самъ не вѣритъ ни единому слову изъ такихъ тирадъ, которыя написаны только для успокоенія англійскаго лицемерія и ханжества. Онъ не можетъ удержаться, чтобы не выразить въ другомъ мѣстѣ своего сочувствія къ тому, что онъ называетъ «благороднымъ позитивизмомъ Шекспира», вполне постигшаго конкретные нравственные факты, но не интересовавшагося, какъ кажется, по крайней мѣрѣ въ качествѣ поэта, истинами или вещами, которыя считаются выходящими изъ границъ человѣческой провѣрки» (стр. 36). Это другое дѣло; вотъ это сказано языкомъ для насъ понятнымъ; желаемъ отъ души, чтобы соотечественники профессора поняли его также ясно и почерпнули въ толковомъ изученіи своего великаго поэта немного болѣе истинной гуманности и настоящей терпимости, которыя встрѣчаются въ такомъ изобиліи въ ихъ законахъ и такъ рѣдко проглядываютъ въ ихъ нравахъ. Нѣтъ, Шекспиръ не протестантъ, не пуританинъ и не католикъ, а если уже непременно хотятъ добраться до религіи, которой онъ служилъ отголоскомъ, придется указать на древнихъ боговъ и времена, когда его собрать по генію и славѣ воспѣвать бога съ серебрянымъ лукомъ и сладострастную Венеру. Онъ первый, до Гёте, воскресилъ въ произведеніяхъ своихъ священный духъ древняго пантеизма Индіи, Греціи и Германіи. Единаго Бога онъ не знаетъ, и не къ нему обращаетъ онъ свои воззванія въ моменты душевныхъ потрясеній; когда старецъ Лиръ призываетъ на голову дочери своей, Гонерилы, проклятія и бѣдствія, онъ обращается къ всеобщей матери:

Hear, Nature, hear';

Dear goddess, hear! Suspend thy purpose, if

Thou didst intend to make this creature fruitful!

«Услышь, природа, услышь меня, добрая богиня! Отмѣни свои намѣренія, если ты собиралась даровать плодovitость этой твари». Лукреція не иначе зывала къ «*alma parens*».

Возраженіе, основанное на «Гамлетѣ» и призракѣ—несостоятельно. Датскій принцъ говоритъ иногда какъ человѣкъ суевѣрный, но никогда какъ вѣрующій. Станный примѣръ вѣрующаго, который послѣ такого видѣнія не убѣждается вполне, а придумываетъ вещь какъ сцену съ актерами для выясненія сво-

ихъ сомнѣній! Знаменитый монологъ еще ярче обрисовываетъ эти колебанія, которыя разрѣшаются въ сценѣ съ могильщиками такою исповѣдью, которую любой пантеистъ или современный материалистъ согласился бы подписать обѣими руками. Одинъ комментаторъ ¹⁾ еще недавно старался доказать, что Шекспиръ былъ знакомъ съ философіею Джіордано Бруно, гостившаго въ Лондонѣ между 1585 и 1586 годомъ, у графа Лейчестера; Дауденъ склоняется отчасти на сторону этого мнѣнія, которое, впрочемъ, имѣетъ нѣкоторыя основанія. Что касается меня, то я могу только мимоходомъ затрогивать эти вопросы, о которыхъ написаны цѣлыя томы.

Разсмотрѣвъ довольно подробно главные драмы («Отелло», «Макбетъ» и проч.), затѣмъ болѣе бѣгло трагедіи, заимствованныя изъ исторіи Англіи и римскія пьесы («Коріоланъ», «Юлій Цезарь»), авторъ посвящаетъ разбору комедій только нѣсколько страницъ коротенькой главы подъ рубрикою «Шекспировскій юморъ». Въ этомъ состоитъ самый главный недостатокъ его труда. Кромѣ того, что онъ относится слишкомъ небрежно къ юмору, т.-е. къ остроумію, соли и шуткамъ, разсыпаннымъ въ трагедіяхъ, онъ только мелькомъ касается и всего прелестнаго фантастическаго отдѣла шекспировскаго театра. Неужели о такихъ перлахъ, какъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» и «Какъ вамъ будетъ угодно», достаточно было сказать нѣсколько словъ вскользь? Неужели довольно нѣсколькихъ строкъ для объясненія образовъ всѣхъ этихъ юныхъ влюбленныхъ; полныхъ огня и увлеченія: Розалинды, Петриды, Беатрисы, Орланда, бродящихъ по заколдованному лѣсу съ своими грѣзами и восторгами?

Комедіи Аристофана цѣнятся высоко, комедія Мольера признается неисчерпаемымъ сокровищемъ ума и философіи человеческой природы; но ту же сторону у Шекспира обходятъ безъ вниманія, или удовлетворяются набросками въ родѣ слѣдующаго:

«Подъ сѣнью зеленѣющаго сада, при свѣтѣ всходящей луны, у подножія древней колонны, Клавдіо и принцъ садятся, въ то время какъ пажъ поетъ нѣжный романсъ; вдали проходятъ влюбленные пары, перебрасываясь тонкими шутками, служащими эхомъ ихъ учащенныхъ сердцѣбіеній. Далѣе, подъ могучими дубами Арденскаго лѣса проходитъ красавица Розалинда подъ руку съ Целіо, оглашая воздухъ воркованіями и звонкими трелями: «кузина, хорошенькая маленькая кузина моя, еслибы ты знала, какъ глубоко я увязалъ въ любви!»

¹⁾ Shakspeare. Forschungen. I. Hamlet. B. Tschichwig.

А между тѣмъ, что можетъ быть ярче и ослѣпительнѣе такого взрыва человѣческаго воображенія? Подъ этимъ шуршаніемъ птичьихъ крыльевъ, и пестротой тропическихъ бабочекъ, высоко летающихъ надъ землей и дѣйствительностью, безъ видимой точки опоры, наоборотъ, скрываются настоящія черты человѣческихъ чувствъ и страстей. Этотъ родъ комедіи составляетъ исключительную собственность Шекспира; онъ созданъ имъ и могъ явиться только въ эпоху всеобщаго возрожденія, когда новая весна навѣвала человечеству всѣ обаянія природы и плоти, пробудившихся отъ летаргическаго полутора-тысячелѣтнаго оцѣпенѣнія. Раздѣляемъ вполне мнѣніе Виктора Гюго, что также безумно пытаться подражать Шекспиру, какъ стремиться повторить Эсхила. Тѣмъ не менѣе двѣ или три комедіи Альфреда Мюссе составляютъ довольно удачныя сколки съ Шекспировской фантазіи.

Величіе Шекспира состоитъ именно въ томъ, что этотъ необычайный человѣкъ былъ столько же Гамлетомъ, сколько Оберономъ, что онъ рядомъ съ лэди Макбетъ и королевой Гертрудой создавалъ Джульетту, Беатрису и Дездемону.

Теперь его слава упрочена окончательно; предоставимъ Англіи гордиться ею, но напомнимъ ей въ назиданіе, что Германія первая, устами Лессинга, привѣтствовала достойнымъ образомъ великаго человѣка въ то время, когда соотечественники отвергали его.

Во всякомъ случаѣ, Дауденъ — новаторъ въ области національной критики Шекспира (имя котораго онъ ореографируетъ Schakspeare, вѣроятно изъ желанія стать ближе къ произношенію). Поэтъ не могъ бы пожаловаться на этотъ разборъ, который хотя и не полонъ, но достоинъ предмета. Внѣшняя сторона книги можетъ служить блистательнымъ образчикомъ типографскаго искусства въ Англіи; ослѣпительной бѣлизны бумага, четкій шрифтъ и широкія поля ставятъ книгу въ разрядъ тѣхъ роскошныхъ изданій, страницы которыхъ такъ охотно перелистываютъ дамы. Конечно, дѣлу это повредить не можетъ; всѣ интеллигентные люди, въ томъ числѣ и ученые, любятъ пить хорошее вино изъ хорошаго хрустала.

Книга Джорджа Эліота: *Легенда Ювала*, о которой мнѣ остается дать отчетъ, не значительна ни по объему, ни по содержанію, но заключаетъ въ себѣ проблески несомнѣннаго дарованія и даетъ мнѣ случай сказать объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и любимыхъ романистовъ современной англійской литературы. Джорджъ Эліотъ — псевдонимъ, подъ которымъ пишетъ та-

лантливая женщина, принадлежащая къ кружку философской школы позитивистовъ. Ея первыя сочиненія появились лѣтъ пятнадцать тому назадъ: «*Адамъ Бидъ*», «*Мельница на Флостъ*», «*Ромола*» и «*Миддльмарчъ*» (вышедшій три года тому назадъ) суть главныя ея произведенія и составляютъ, вмѣстѣ съ двумя или тремя другими романами, все ея литературное имущество. Какъ видимъ, она далеко не одарена чудовищной плодovitостью своихъ собратій. Но я не рѣшусь утверждать, чтобы причина такой воздержности со стороны автора не лежала въ трудности, которую онъ встрѣчаетъ въ концепціи и выполненіи своихъ работъ.

Относительно этого, весьма щекотливаго, пункта необходимо войти въ нѣкоторыя объясненія. Александръ Дюма (отецъ нынѣшняго Дюма) писалъ съ необыкновенной быстротой, и его работа изобиловала хорошими вещами; если справедливо, что онъ израсходовалъ даромъ сокровища своего воображенія, то нельзя не сказать, что сокровища эти существовали и съ помощью обработки многія изъ концепцій этого богато-организованнаго мозга могли бы легко превратиться въ прочныя и капитальныя художественныя произведенія. Бальзакъ, наоборотъ, писалъ туго и напрягалъ всѣ усилія для того, чтобы сообщить своему труду ту печать мысли и слова, благодаря которой его романы заняли чуть ли не первое мѣсто въ этомъ жанрѣ. Рискаю обрушить на себя негодованіе англійской прессы, я долженъ сказать, что Джорджъ Элліотъ не стоитъ ни въ условіяхъ Дюма, ни въ условіяхъ Бальзака. Напряжение и усиліе у него значительны, но воображеніе вполне отсутствуетъ. Обыкновенно сочиненія его имѣютъ въ виду разрѣшеніе опредѣленной нравственной задачи, что я вовсе не намѣренъ порицать, хотя прекрасное въ искусствѣ должно имѣть непосредственное нравственное значеніе, но здѣсь собственно дѣло идетъ о романѣ, и этотъ родъ требуетъ особенныхъ качествъ, которыхъ мы у него также не находимъ. На меня онъ производитъ впечатлѣніе нѣкоторыхъ виртуозовъ; продуктовъ школы, задавшей цѣлью фабриковать пѣвцовъ изъ безголосыхъ людей; при помощи труда и времени получается болѣе или менѣе сносное мурлыканье, но не ищите ни тѣмбра, ни акцента; по моему мнѣнію, табакерки съ музыкой предпочтительнѣе.

Качества и недостатки Джорджа Элліота отразились всего сильнѣе на его пресловутомъ романѣ «*Ромола*». Такъ называется героиня, дочь благороднаго, но очень бѣднаго флорентинца, всецѣло погруженнаго въ разборъ и изученіе рукописей,

въ недавнее время сдѣлавшихся извѣстными. Сцена происходитъ въ концѣ XV-го столѣтія. Является молодой грекъ, Тито, выброшенный на берегъ вслѣдствіе кораблекрушенія, замѣчательный по красотѣ, привлекательной граціи и образованію. Онъ знакомится съ старикомъ Борди, отцомъ Ромолы, который въ восторгѣ отъ находки такого искуснаго секретаря. Дѣвушка, живущая въ пыльной атмосферѣ ветхихъ фоліантовъ, радуется не меньше отца появленію монюши; для нея это солнечный лучъ, проникшій въ ея добровольную тюрьму. Скоро молодые люди оказываются обвиняемыми. Обнаруживается уже послѣ, что Тито негодяй: онъ покинулъ въ плѣну своего пріемнаго отца и учителя, старика Валтасара; онъ женится вторично на молодой и наивной крестьянкѣ; бракъ этотъ, правда, не серьезный: въ день народнаго праздника на ярмаркѣ странствующій актеръ и фокусникъ, переодѣтый священникомъ, благословляетъ его, но бѣдная одураченная не подозреваетъ обмана и самымъ честнымъ манеромъ нарождаетъ безпутному Тито молодое потомство.

Послѣдній, достигнувъ высоты похестей и благосостоянія, умираетъ во время возстанія, на половину захлебнувшись въ водахъ Арно и окончательно придушенный старикомъ Валтасаромъ, который появляется въ концѣ какъ олицетвореніе мщенія и наказанія. Прибавьте къ этому нѣсколько монотонныхъ эпизодовъ, четыре или пять главъ, посвященныхъ убійственнымъ разговорамъ, происходящимъ въ лавчѣнѣ злосчастнаго цирюльника, затѣмъ появленіе на сцену Маккиавелли, не возбуждающее ни малѣйшаго интереса—и вы имѣете полную картину драмы, чтеніе которой невообразимо скучно. Бѣдная Ромола на старости лѣтъ занимается утѣшеніемъ своей *подруги*, другой жены Тито, и чтеніемъ нравственныхъ наставленій ея дѣтямъ. «Мы не иначе можемъ достигать высшаго счастья, — говоритъ она, — которое составляетъ удѣлъ великихъ людей, какъ обнимая мыслями и чувствами весь остальной міръ, и отождествляя его съ собой; этотъ родъ счастья влечетъ за собой часто такъ много горя, что мы можемъ утѣшаться только мыслью, что мы предпочитаемъ его всему, потому что сознаемъ его превосходство надъ всѣмъ. Столько несправедливости и тяжелыхъ испытаній встрѣчается въ этомъ мірѣ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть великимъ, не отказавшись отъ всякой мысли объ удовольствіи и наградахъ». Такъ отецъ ея, старикъ Борди былъ великъ и честенъ, и умеръ въ бѣдности и горѣ. Братъ Джироламо (Савонарола, играющій значительную эпизодическую роль въ романѣ) былъ великъ, посвя-

тивъ всю жизнь свою борьбѣ съ неправдою, но всѣмъ извѣстенъ конецъ его. Ромола достигла нравственной высоты, предавшись всецѣло дочерней любви и служенію справедливости и добродѣтели, внѣ всякаго блеска и не претендуя на него,—и она кончаетъ свои дни еще безъизвѣстнѣ и грустнѣе трехъ первыхъ лицъ, съ спокойной совѣстью вмѣсто всякихъ утѣшеній.

Это—мораль чистаго стоицизма, съ усложненіемъ морали позитивизма или, вѣрнѣе, *оуотизма-континизма*, приверженцемъ котораго, хотя не вполне, состоитъ Джорджъ Эллиотъ. Еще новое подтвержденіе вѣрности опредѣленія этой доктрины профессора Гёксли: католицизмъ минусъ христіанство, т. е. всѣ нелѣпости католицизма безъ всего хорошаго, что заключаетъ въ себѣ христіанство. Очень печально, но должно признаться, что эта доктрина самоотверженія и самопожертвованія вполне безнравственна, будучи въ совершенномъ противорѣчій съ человѣческой природой. Скажите человѣку, что онъ долженъ жить и жертвовать собой для ближнихъ въ извѣстной степени, для того, чтобы другіе дѣлали для него то же, потому что жизнь въ обществѣ состоитъ изъ обоюдныхъ уступокъ и взаимныхъ услугъ;—но скажите ему, что онъ найдетъ въ исполненіи этого долга иныя удовольствія и награды, чѣмъ неизвѣстность и презрѣніе. Это, конечно, случается также, но не въ этомъ состоитъ цѣль,—совершенно напротивъ; а подобная мораль, когда она не создаетъ святыхъ или ангеловъ, ведетъ только къ размноженію плаксивыхъ личинокъ людей и лицемѣровъ.

Что же касается качествъ Джорджа Эллиота, то они заключаются въ прекрасномъ и обработанномъ слогѣ и въ серьезномъ, хотя и съ ложной точки зрѣнія, изученіи человѣческихъ страстей. Это единственный англійскій романистъ, насколько намъ извѣстно, у котораго Провидѣніе и божество замѣтны своимъ отсутствіемъ. Но, съ другой стороны, выставка сверхъестественной нравственности, которая развивается и растягивается безконечно, нагоняя тоску на читателя, снискиваетъ автору благорасположеніе пуританской критики.

«Легенда Ювала», о которой упоминалось выше, составляетъ небольшую поему, написанную въ томъ же духѣ, какъ и романы автора. Библейскій изобрѣтатель лиры, ослѣпивъ людей неопѣненнымъ даромъ музыки, удаляется въ добровольное изгнаніе. Когда онъ возвратился, годы измѣнили его такъ, что онъ неузнаваемъ; въ это время его соотечественники задаютъ правдество въ честь Ювала, изобрѣтателя лиры. Онъ растроганъ, по-

трясенъ и восклицаетъ: «Я Юваль! это я, изобрѣтатель лиры!» Но они, считая его за нищаго и за обманщика, прогоняютъ его съ побоями. Бѣднякъ уходитъ и умираетъ въ одиночествѣ, въ то время какъ ангелъ прошедшаго доказываетъ ему, какъ онъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что наполнилъ жизнь свою и принесъ землѣ и міру даръ веселья и восторга: музыку. Нѣкоторыя строфы превосходны и носятъ отпечатокъ истиннаго таланта. Но правоучительность, которою пропитана поэма, способна убить всякую жизнь. Произведеніе Джорджа Эллиота оставляетъ то же впечатлѣніе, какое испытываешь, посѣщая склепы нѣкоторыхъ соборовъ, когда холодныя струи воздуха, пропитанныя запахомъ тлѣющихъ костей, охватываютъ васъ подъ темными сводами. Можетъ быть, въ этомъ ощущеніи есть нѣчто торжественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нездоровое.

А. РЕНЬЯРЪ.

Лондонъ, май, 1875.

АМЕРИКАНСКІЕ ПІОНЕРЫ

I.

Пустыни дальняго запада.—Заселеніе пустынь бѣлыми.—Стремленіе переселенцевъ на дальній западъ Америки.—Раздѣленіе Индіанъ-Территори на двѣ части.—Ридъ-Риверъ и его верховья.—Вента дяди Боя и ея посѣтители.—Скватеры.—Метись, хозяйнѣ венты.—Убіиство въ вентѣ.—Скорыя похороны.—Продажа съ аукціона вещей убитаго.—Неожиданная находка.—Великодушный поступокъ метиса.—Завѣщаніе убитаго разбойника.—Поминки по обычаямъ пустыни.—Разсказы о подвигахъ разбойника пустыни.—Убіиство товарища.—Дерзкій грабежъ.—Местъ разбойника.—Отношенія авантюристовъ къ разбойникамъ прерій.—Домашняя половина венты.—Семейство метиса.—Сдѣлка со скватерами.

Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ поѣздкахъ ¹⁾ изъ разныхъ отдаленныхъ пунктовъ такъ-называемыхъ «территорій», въ заселенные штаты и обратно, дали мнѣ возможность, ближе познакомиться какъ съ дикими преріями и дѣйственными лѣсами дальняго Запада, такъ и съ путемъ, которымъ неутомимые бѣлые, въ качествѣ піонеровъ, распространяють съ каждымъ днемъ все далѣе свою цивилизацію.

Проѣзжая, напримѣръ, отъ Пикстауна, на границѣ Мексики, до Чикаго, можно собственными глазами прослѣдить, черезъ какіе фазисы развитія проходили цивилизованные западные штаты, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго цвѣтущаго состоянія. Сдѣлавъ одинъ переходъ отъ Пикстауна, несчастной, чисто мексиканской деревушки, вовсе не заслуживающей названія города, разомъ очутишься въ совершенно дикой преріи. Здѣсь бродятъ

¹⁾ Одна изъ такихъ поѣздокъ послужила предметомъ особой статьи: „Сѣверо-американскія окраины“, напечатанной въ октябрьской и ноябрьской книгахъ прошедшаго года.—*Ред.*

безчисленные стада бизоновъ, привлекая охотниковъ почти изъ всѣхъ индійскихъ племенъ. Здѣсь вы можете натѣнуться на табуны дикихъ, никому непринадлежащихъ, мустанговъ, на агуара, на сѣраго медвѣдя, пожалуй на боа-констриктора, не говоря уже о гремучихъ змѣяхъ, оленяхъ и другихъ мелкихъ обитателей пустыни.

Рѣдко встрѣтишь здѣсь бѣлаго человѣка, развѣ ближе къ мексиканской границѣ попадется полудикій мексиканецъ съ своимъ краснымъ одѣяломъ, вмѣсто плаща, скачущій во весь опоръ. Богъ знаетъ куда и зачѣмъ, да еще рѣже увидишь транспортъ товаровъ, идущій въ Мексику, или гуртъ скота, направляющійся въ штаты. Самые авантюристы, наполняющіе Индіанъ-Территорию и другія, ближайшія къ штатамъ, преріи, не охотно идутъ сюда.

Проѣдешь сотни миль, не увидавъ ничего, похожего на постройку или запаханное поле. О существованіи бѣлыхъ напоминаютъ только желтые цвѣты, выросшіе на дорогѣ, взборожденной колесами тяжело-нагруженныхъ фургоновъ. Желтые изгибы дороги видѣются далеко на гладкой преріи, указывая направленіе, котораго слѣдуетъ держаться. Бѣда потерять изъ виду эту желтую путеводную нить въ пасмурный зимній день, и не легко снова напасть на какую-либо дорогу.

При достаточномъ запасѣ зарядовъ можно прокормиться нѣсколько дней, но дальше заблудившемуся грозитъ голодная смерть, если раньше какой-нибудь индеецъ не соблазнится скальпомъ попавшаго въ безвыходное положеніе бѣлаго. Покрытая сочною травкою прерія часто прерывается вѣковыми, почти непроходимыми лѣсами, скалистыми горами и огромными бесплодными пространствами, на которыхъ иногда растутъ колючій кустарникъ, а чаще не растутъ ровно ничего. И люди и животныя спѣшатъ, какъ можно скорѣе, усиленными переходами, пройти эти унылыя, безводныя степи, гдѣ по сторонамъ дороги побѣлѣвшіе скелеты животныхъ и могилы людей, погибшихъ отъ жажды и утомленія, безпрестанно напоминаютъ, что и ѣдущихъ можетъ постигнуть та же участь.

По мѣрѣ того, какъ подвигаешься далѣе на сѣверо-востокъ, мало-по-малу начинаютъ попадаться грубые шалаши скватеровъ, по лѣсистымъ побережьямъ рѣкъ; далѣе блокгаузы, окруженные выжженными лѣсами и клочками воздѣланныхъ полей; одинокія венты или постоянныя дворы, наконецъ при переѣздѣ границы штатовъ, цѣлыя колоніи переселенцевъ, отдѣльныя фермы и городки. Мало-по-малу фермы, удаленныя прежде на нѣсколько десятковъ миль одна отъ другой, начинаютъ попадаться безпре-

станно, занимая своими полями всю прерію; городки, съ сколоченными изъ досокъ постройками, переходятъ въ большіе торговые центры, съ громадными зданіями, фабриками, вокзалами желѣзныхъ дорогъ, водопроводами и прочими изобрѣтеніями чело-вѣческаго генія.

Ближайшее знакомство съ жителями само собою выясняетъ условія и порядокъ, при которыхъ владѣніе пустыней переходитъ постепенно отъ индійцевъ къ скватерамъ и рыцарямъ пустыни, потомъ къ піонерамъ, дальше къ разнаго рода спекулянтамъ и аферистамъ, наконецъ отъ нихъ, при усиленномъ наплывѣ переселенцевъ, къ янки, выходцамъ изъ восточныхъ штатовъ.

Пока въ мѣстности не утвердятся прочно янки, въ ней царствуетъ полнѣйшая анархія и безпорядокъ. Только съ прибытіемъ янки въ мѣстности начинаютъ проявляться общественныя учрежденія и мало-по-малу утверждается строй жизни, сходный съ со-сѣдными штатами.

Хотя во всѣхъ частяхъ свѣта дикія мѣстности переходятъ въ цивилизованныя, переживая почти тѣ же фазисы развитія, но нигдѣ они не смѣняются съ такою быстротою, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Та степень развитія, достигнуть которой потребовалось бы въ Старомъ Свѣтѣ нѣсколько вѣковъ, достигается въ Америкѣ въ какіе-нибудь 15—20 лѣтъ. Эта быстрота развитія объясняется отчасти особымъ характеромъ переселенцевъ, какому возможно было выработаться только въ Соединенныхъ Штатахъ, отчасти неудержимымъ наплывомъ эмигрантовъ Старого Свѣта, стремящихся почти исключительно на дальній Западъ. Не беру на себя объяснять причины, почему именно переселенцы, какъ Новаго такъ и Старого Свѣта, стремятся на западъ сѣверо-американскаго материка, несмотря на то, что имѣется много другихъ незанятыхъ мѣстностей, поселеніе въ которыхъ сопряжено съ меньшими издержками, трудами и лишеніями.

Не говоря уже о свободныхъ мѣстахъ Южной Америки и Мексики, отличающихся безпримѣрнымъ плодородіемъ, но въ которыхъ трудно устроиться, но даже въ южные штаты Союза, куда всѣми силами стараются привлечь эмиграцію, переселенцы идутъ не такъ охотно. Поговорите съ любымъ эмигрантомъ изъ рабочихъ, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, ѣдущимъ въ Америку, и вы увидите, что онъ стремится на дальній Западъ. Если обстоятельства почему-либо не допустить его отправиться туда тотчасъ по пріѣздѣ въ Америку, у него все-таки остается завѣтное желаніе побывать въ этомъ Эльдorado переселенцевъ.

Оттого число переселяющихся на западъ считается ежегодно сотнями тысячъ.

Піонеры, едва успѣвшіе вытѣснить скватеровъ и индійцевъ, оказываются тотчасъ же окруженными массою мелкихъ фермъ, и по большей части уходятъ далѣе искать соотвѣтствующаго ихъ вкусамъ мѣста. При достаточномъ развитіи земледѣлія является возможность и янки завести свои факторіи, начать спекуляціи, и не успѣвъ оглянуться, какъ пустыня обратилась въ цвѣтущій штатъ.

Индійскія Территоріи, съ которыхъ я началъ свое знакомство съ дальнимъ Западомъ, раздѣляются Красной рѣкой на двѣ части, изъ которыхъ сѣверо-восточная частью уже занята блокгаузами піонеровъ, отстоящими, правда, еще на большія разстоянія одинъ отъ другого, но дающими уже возможность мелкимъ фермерамъ начать въ скоромъ времени свое переселеніе.

Юго-западная часть «Территоріи» — еще совершенная пустыня, гдѣ почти нѣтъ блокгаузовъ и гдѣ представителями бѣлыхъ служатъ скватеры по берегамъ рѣкъ, рыцари пустыни, живущіе охотой, а если случится, и грабежомъ, и наконецъ небольшое число владѣльцевъ стадъ полудикаго скота.

Скотоводство процвѣтаетъ въ этой части Территоріи и владѣльцы считаютъ свои стада десятками тысячъ. Изъ числа этихъ владѣльцевъ, самая ничтожная часть принадлежитъ къ выходцамъ сѣверныхъ штатовъ Союза. По болѣе части это мулаты и негры, бѣжавшіе отъ своихъ господъ во время рабства, и мексиканцы.

Они не строятъ блокгаузовъ, и, занимаясь исключительно скотоводствомъ, постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое.

Получивъ порученіе отъ моего патрона или, вѣрнѣе, главы нашего предпріятія отыскать удобное мѣсто и устроить постоянную переправу чрезъ Ридъ-Риверъ, я, въ сопровожденіи четырехъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, вачеро, отправился вверхъ по теченію рѣки, къ такъ-называемой вентѣ дяди Боя.

По собраннымъ предварительно свѣдѣніямъ, мѣстность, гдѣ расположена вента, представляла, по своему положенію, всѣ требующія условія. Оставалось убѣдиться, возможно ли здѣсь устройство моста или постоянного парома.

Ридъ-Риверъ у своихъ истоковъ не похожъ на ту широкую рѣку, которая въ границахъ штатовъ тихо течетъ въ плоскихъ берегахъ и спокойно несетъ на своихъ красноватыхъ отъ глины водахъ огромные плоты лѣса, съ цѣлыми постройками на нихъ, баржи съ хлѣбомъ и хлопкомъ, и пѣнится только отъ колесъ небольшихъ рѣчныхъ пароходовъ. Въ Индіанъ-Территоріи, какъ са-

мый Ридъ-Риверъ, такъ и множество впадающихъ здѣсь въ него притоковъ имѣють совершенно другой характеръ. Хребетъ довольно высокихъ песчаниковыхъ скалистыхъ горъ будто хотѣлъ загородить дорогу рѣкѣ.

Прорывая эту преграду, рѣка дѣлаетъ тысячи самыхъ неожиданныхъ крутыхъ поворотовъ, заливая мѣстами довольно большія пространства и образуя здѣсь спокойныя озера, въ которыхъ теченіе почти незамѣтно. Мѣстами, стѣсненная обрывистыми берегами, она образуетъ стремнины, почти водопады, гдѣ покрытая сѣдой пѣной волны несутся съ невѣроятною быстротою, разбиваются о встрѣчные камни и летятъ вверхъ столбами бѣлой водяной пыли. Врядъ ли здѣсь можетъ пройти не только пароходъ, но какое бы то ни было судно бѣлыхъ. Только жители пустыни рѣшаются ѣздить здѣсь по Ридъ-Риверу въ легкихъ индійскихъ челнокахъ, да равнодушные къ опасности скватуры спускаются внизъ на плотахъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, чтобы дальше, по выходѣ въ прерію, связать ихъ въ тѣ шести-семи-ярусные плоты, въ нѣсколько десятковъ сажень длины, которыми лѣсъ доставляется въ Техасъ.

Преодоливъ наконецъ препятствія, Ридъ-Риверъ достигаетъ преріи, но здѣсь ему какъ будто становится жаль повинуть скалы, съ которыми онъ боролся, и рѣка нѣсколько десятковъ миль течетъ у самаго подножія хребта, составляющаго ея правый нагорный берегъ. Плоскій лѣвый берегъ покрытъ почти до самой воды дремучимъ лѣсомъ. Наши неугомымые мустанги быстро несли насъ по неширокому песчаному прибрежью, остающемуся во время низкой воды между лѣсомъ и рѣкою.

Быстро смѣнялись одинъ другимъ живописные виды, образуемые изгибами скалъ противоположнаго берега. Открывавшіяся на каждомъ шагѣ картины при освѣщеніи восходящимъ солнцемъ были такъ великолѣпны, что ими могли не любоваться развѣ давно привыкшіе къ нимъ и на видъ совершенно равнодушные къ красотамъ природы рыцари пустыни. Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть красота мѣстоположенія и вообще то необъяснимое чувство, которое невольно овладѣваетъ человѣкомъ, попавшимъ въ величественную пустыню, играетъ въ привязанности вачеро къ ихъ бродачей жизни большую роль, чѣмъ они стараются выказать.

Красивыя скалы, долины и ущелья противоположнаго берега, очаровывая глазъ, представляли съ практической точки зрѣнія многія важныя неудобства. Мало того, что скалы, отвѣсно спускавшіяся въ воду, дѣлали невозможной переправу черезъ рѣку на

значительныхъ пространствахъ: ущелья и глубокіе овраги, пересѣкая по разнымъ направленіямъ горы, крайне затрудняли проѣздъ на большое разстояніе отъ рѣки. Верхомъ, рискуя сломать себѣ шею, еще можно было пробраться какъ-нибудь по узкимъ закраинамъ скалъ и крутымъ подъѣмамъ и спускамъ, но съ фургономъ нечего было и думать пройти напрямикомъ въ прерію, лежащую по-ту сторону хребта.

По словамъ людей, хорошо знавшихъ мѣстность, существовало для фургоновъ три удобныхъ прохода черезъ узкія извилистыя долины, перерѣзывающія горный хребетъ поперекъ. Лучшимъ изъ этихъ естественныхъ корридоровъ считался тотъ, который выходилъ къ рѣкѣ не вдалекѣ отъ венты, и не представлялъ ни слишкомъ крутыхъ поворотовъ, ни опасныхъ спусковъ и подъѣмовъ.

Вырываясь изъ горъ, Ридъ-Риверъ образуетъ крутое колено. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ удаляется отъ берега, оставляя открытой довольно большую, бесплодную возвышенную площадку, оканчивающуюся отвѣснымъ утесомъ къ рѣкѣ.

Вента дяди Боя помѣщалась на этой площадкѣ и представляла собою грубо сложенную изъ камней двухъ-этажную, четырехугольную постройку, крытую дерномъ. Съ перваго взгляда, она скорѣе походила на груду камней, нагроможденныхъ одинъ на другой во время какого-нибудь геологическаго переворота, чѣмъ на человѣческое жилище. Но, за отсутствіемъ красоты и, по-видимому, всякаго комфорта, за которыми вовсе не гнался строитель, она удовлетворяла другимъ, болѣе настоятельнымъ нуждамъ жителя преріи, требующаго отъ жилища немногихъ удобствъ, лишь бы оно защищало отъ дождя и вѣтра. При сооруженіи этой постройки имѣлась главнымъ образомъ въ виду возможность отбить внезапное нападеніе и выдержать продолжительную осаду. Въ этомъ отношеніи трудно было выбрать для постройки болѣе удобное мѣсто, чѣмъ то, гдѣ расположена вента. Построенная двумя сторонами на краю скалистаго обрыва, она могла считаться совершенно неприступной со стороны рѣки. Бесплодная поляна, на которой всѣ кусты, всѣ сколько-нибудь выдающіяся растенія, обыкновенно растущія въ трещинахъ камня, были тщательно уничтожены, давала возможность хозяину видѣть издали всякаго приближающаго къ вентѣ и въ случаѣ опасности принять надлежащія мѣры къ защитѣ или къ своевременному бѣгству.

Частокодь изъ высокихъ бревенъ, вбитыхъ въ трещины камней, огораживалъ дворъ венты и въ то же время защищалъ ее со стороны поляны. Во дворѣ вели широкія, прочныя, кованныя

желѣзомъ, ворота. Сама вента имѣла три входа, снабженные тоже кованными желѣзомъ дверьми. Двѣ изъ нихъ выходили во дворъ. Одна вела въ помѣщеніе, гдѣ жило семейство хозяина, другая въ салонъ и была, равно какъ и ворота палисада, днемъ постоянно открыта настежь. Въ салонѣ, куда имѣлъ право входить всякій проѣзжающій, не ожидая приглашенія хозяина, продавались спиртные напитки и тутъ же приготовлялось кушанье для проголодавшихся посѣтителей. Третья дверь выходила на обрывъ и предназначалась для того, чтобы въ случаѣ крайней опасности спуститься по веревкѣ къ небольшой пещерѣ у самой рѣки, гдѣ была спрятана индійская лодка.

Узкія окна или бойницы, пробитыя кое-какъ, безъ всякаго порядка, плохо пропускали свѣтъ во внутрь постройки, но зато давали возможность удобно отстрѣливаться и видѣть со второго этажа не только всю поляну, но и рѣку, на значительное разстояние вверхъ и внизъ.

Отъ зоркихъ глазъ одного изъ сыновей хозяина, по-очередно караулившихъ во второмъ этажѣ, служившемъ кладовой, не могло укрыться ничто приближающееся къ вентѣ, съ которой бы то ни было стороны.

Несмотря на то, что декабрь былъ уже на исходѣ, солнце порядкомъ-таки припекало насъ и усиливало то естественное стремленіе къ отдыху, которое ощущаетъ человѣкъ, проскакавшій безъ остановки около пятидесяти миль. Неказистая вента, видная издалека, казалась намъ чрезвычайно привлекательною. Даже взмыленные лошади, бѣгъ которыхъ сталъ замѣтно тяжелѣе и медленнѣе, какъ будто приободрились при видѣ дыма, поднимавшагося бѣлымъ столбомъ изъ трубы человѣческаго жилища. Весело фыркая, съ удвоенной энергіей стали онѣ взбираться по отлогому подъему и сами, какъ бы угадывая волю сѣдковъ, повернули въ ворота и остановились у входа въ венту. Спросивъ себѣ пива, въ ожиданіи обѣда, мы усѣлись на грубо сколоченныхъ деревянныхъ табуретахъ у такого же грубаго, неуклюжаго, но чисто вытертаго стола.

Несмотря на усталость и желаніе отдохнуть подъ какой бы то ни было кровлей, вента произвела на меня крайне непріятное впечатлѣніе.

Представьте себѣ неправильную, четырехъ-угольную низкую комнату или, вѣрнѣе, большой полутемный подвалъ съ кривыми, покрытыми плѣсенью, стѣнами изъ нештукатуреннаго камня, пропитанную запахомъ подгорѣлаго сала и другихъ принадлежностей готовящагося тутъ же кушанья, наполненную дымомъ отъ

трубоекъ полсотни джентльменовъ самаго подозрительнаго вида, пировавшихъ у разставленныхъ въ беспорядкѣ столовъ. Хохотъ, бравъ и возмутительныя пѣсни пьяныхъ джентльменовъ особенно непріятно поражали меня послѣ величественной тишины, съ которою я успѣлъ свыкнуться въ пустынѣ.

Мнѣ страхъ какъ хотѣлось уйти изъ этого вертепа и расположиться гдѣ-нибудь на открытомъ воздухѣ, но усталыя лошади требовали отдыха, а остановившись недалеко отъ венты, можно было возбудить негодованіе, пожалуй, ненависть дяди Боя, человѣка могущаго много помочь и много повредить мнѣ въ исполненіи возложеннаго на меня порученія.

Сопровождавшіе меня вачеро, не разъ бывавшіе здѣсь и привычныя къ вентамъ въ преріи, чувствовали себя совершенно хорошо, и не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на страшный смрадъ, насъ окружающій, ни на другихъ посѣтителей, увлеклись уничтоженіемъ пива, подливая въ него для большаго вкуса виски. Еслибы я издумалъ высказать свое желаніе, убраться поскорѣе, они по меньшей мѣрѣ изумились бы или, пожалуй, еще подняли меня на смѣхъ. Скрѣпя сердце, я рѣшился поворотиться обстоятельствомъ и поступить, какъ того требовало благоразуміе. Выпивъ нѣсколько глотковъ отвратительнаго майсоваго пива и закуривъ трубку, я сталъ разсматривать пировавшихъ. Въ числѣ посѣтителей, кромѣ разнаго разбора рыцарей пустыни, къ которымъ я успѣлъ уже приглядѣться, было нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ другому типу застрѣльщикова цивилизаціи, съ которыми я былъ знакомъ по наслышкѣ и видѣлъ только издали на пластахъ, которые они гнали по Ридъ-Риверу. Несмотря на то, что костюмъ ихъ былъ одинаковъ съ костюмомъ жителя преріи и отличался только тѣмъ, что, вмѣсто лассо, неразлучнаго спутника степного наѣздника, у каждаго изъ нихъ видѣлся за поясомъ скватерскій топоръ съ широкимъ лезвіемъ. Ихъ можно было отличить съ перваго взгляда отъ другихъ авантюристовъ.

Состоя, за исключеніемъ небольшого числа норвежцевъ, изъ американцевъ, жителей пограничныхъ штатовъ, скватеры поселяются у береговъ рѣкъ въ лѣсахъ, не разбирая, кому они принадлежатъ. Устроивъ на скорую руку избу и лѣсопильный заводъ, они вырубаютъ годныя деревья, пилятъ ихъ и сплавляютъ для продажи. Скватеры попадаютъ иногда и въ заселенныхъ западныхъ штатахъ, гдѣ опустошаютъ лѣса богатыхъ землевладельцевъ, которые въ большей части случаевъ оказываются безсильны выгнать непрошенныхъ гостей, а пока заведутъ съ ними процессъ, скватеры успѣютъ окончить свое дѣло и удалиться,

оставивъ на мѣстѣ цѣннаго лѣса одни безобразные пни да кучи хвороста. Но такъ какъ подобная эксплуатація чужихъ лѣсовъ все-таки имѣетъ нѣкоторые неудобства и можетъ повлечь за собою серьезныя неприятели; къ тому же большая часть скватеровъ имѣетъ старыя счеты съ законами, то они естественно стремятся болѣе на дальній Западъ, гдѣ землемѣры не успѣли еще опредѣлить, кому принадлежать, выросшіе безъ всякой помощи со стороны человѣка, участки лѣса или преріи. Сильные числомъ и семейными связями, а также ни передъ чѣмъ неостанавливающеюся смѣлостью, они могутъ считать себя вполне безопасными отъ индейцевъ, которыхъ они истребляютъ не изъ страха, а вслѣдствіе того озлобленія, которое питаютъ бѣлые и краснокожіе обитатели преріи другъ къ другу.

Въ пустынѣ партіи скватеровъ усиливаются примыкающими къ нимъ авантюристами. Но не всякій авантюристъ можетъ сдѣлаться скватеромъ. Кромѣ находчивости, смѣлости и выносливости, присущихъ всѣмъ рыцарямъ пустыни, для скватера необходимы огромная физическая сила и привычка по цѣлымъ днямъ рубить и ворочать огромныя бревна. Сама жизнь скватеровъ какъ нельзя лучше бракуетъ, если можно такъ выразиться, и выбираетъ годныхъ людей. Все сколько-нибудь слабое или погибаетъ, или бросаетъ эту трудную жизнь. Скватерами остаются только люди вполне пригодные для своего ремесла.

По скватерамъ, пировавшимъ въ вентѣ дяди Боя, можно было судить объ ихъ собратяхъ. Колоссальнаго роста, какъ будто подобранные одинъ къ другому, они своимъ тѣлосложеніемъ и всякимъ движеніемъ обнаруживали, выходящую изъ ряда обыкновенныхъ, физическую силу. Если тяжелый столъ, который я едва могъ сдвинуть съ мѣста, мѣшалъ подгулявшему скватеру встать съ табурета или пройти по вентѣ, онъ хладнокровно бралъ его одной рукой за ножку или верхнюю доску и переставлялъ по своему усмотрѣнію, повидимому, безъ малѣйшаго успія, какъ какой-нибудь камышевый стулъ. Одинъ изъ нихъ, желая придать болѣе выразительности своимъ словамъ, ударилъ кулакомъ по столу—и всѣ четыре ножки подломились подъ расколотою надвое доской. Хорошо, что въ вентѣ, кромѣ грубыхъ столовъ, не было другихъ предметовъ, надъ которыми могли бы упражняться эти лѣсные геркулесы: ремонтировка поломанной мебели обоилась бы дорого хозяину венты. Своими ухватками скватеры сильно отличались отъ наѣздниковъ преріи. Привычка быть постоянно на-сторожѣ и болѣею частію одному въ безмолвной преріи, пріучаетъ наѣздника къ молчаливости. При частыхъ столкновен-

ніяхъ съ индійцами они переняли у нихъ чрезвычайную сдержанность и обдуманность въ словахъ. Рыцарь пустыни рѣдко позволить себѣ кричать и болтать безъ толку; онъ говоритъ всегда тихо, выражаясь какъ можно сжатѣе, какъ бы скупясь сказать лишнее слово. Даже во время кутежа онъ пьетъ молча, и начинаетъ пить и безчинствовать уже тогда, когда напьется со всѣмъ.

Скватеры представляли совершенную противоположность; они говорили громко, почти кричали, хохотали во все горло, отпускали плоскія шутки другъ надъ другомъ, ни мало не заботясь, выходили ли онѣ удачны или нѣтъ. Живя постоянно большими партіями, они привыкли считать себя всегда въ полнѣйшей безопасности, быть вездѣ хозяевами и не стѣснять себя въ чемъ бы то ни было. По отрывочнымъ разговорамъ можно было судить, что въ этихъ людяхъ, вслѣдствіе постоянной утомительной работы, смѣняющейся пьянствомъ, сномъ или перестрѣлкой съ краснокожими, развитіе мускуловъ совершилось насчетъ ихъ нравственной стороны. Одинъ изъ маленькихъ негровъ, прислуживавшихъ въ вентѣ, прервалъ мои наблюденія, начавъ готовить къ обѣду. Накрывъ столъ скатертью замѣчательной бѣлизны, онъ поставилъ противъ вѣдраго изъ насъ по оловянной тарелкѣ, блестящей какъ серебряная. На такихъ же блюдахъ были поданы кусокъ жаренаго мяса и рисовый пуддингъ.

Сервировка и купанья, приготовленные тутъ же двумя неграми-поварами, составляли разительный контрастъ съ остальной обстановкой венты. Поданное, по приказанію одного изъ моихъ спутниковъ, легкое калифорнійское вино было также очень не дурно, и, вопреки всякому ожиданію, я пообедалъ съ большимъ удовольствіемъ.

Послѣ обѣда одинъ изъ вачеро, часто бывавшій въ вентѣ, отправился со мною къ стойкѣ, чтобы познакомить меня съ самимъ дядей Боемъ, возсѣдавшимъ на качающемся креслѣ, за небольшою конторкой. Дядя Бой—человѣкъ лѣтъ пятидесяти; цвѣтъ его лица ничѣмъ не отличался отъ цвѣта загорѣлыхъ лицъ другихъ посѣтителей, и его можно бы было принять за бѣлаго, если бы не пара черныхъ индійскихъ глазъ, никогда не мѣняющихъ выраженія, не выдавала въ немъ метиса. Дѣйствительно, онъ происходилъ отъ еврея и индіанки. Протолкавшись въ молодости въ южныхъ штатахъ Союза, онъ лѣтъ двадцать тому назадъ пріѣхалъ съ женою, квартиронкою, на Ридъ-Риверъ, гдѣ, благодаря наслѣдственнымъ отцовскимъ способностямъ, съ успѣхомъ содержалъ венту. Какъ метисъ, онъ былъ безопасенъ отъ индійцевъ;

услужливостью, умѣньемъ держать языкъ за зубами и строгою аккуратностью въ счетахъ снискалъ себѣ уваженіе авантюристовъ, и вента дяди Боя пользовалась громкою извѣстностью во всѣхъ Индіанъ-Территори.

Авантюристы дѣлали большіе круги, чтобы захватить въ венту дяди Боя. Скваторы нарочно останавливались вязать свои плоты неподалеку отъ венты, чтобы въ свободное отъ работы время по-пьянствовать и перевести лишніе доллары, полученные за некупленный лѣсъ, изъ своего пояса въ сундукъ дяди Боя, такъ обязательно угощавшаго своихъ посѣтителей сквернымъ пивомъ, виски и отлично приготовленными кушаньями. Въ преріи не знали настоящаго имени метиса.

Дядя Бой было прозвище. Кто-то изъ авантюристовъ обратилъ вниманіе на особую интонацію въ голосѣ метиса, когда онъ крикомъ *бой* (мальчикъ) подзывалъ прислужника-негритенка. Къ чаще всего раздающемуся слову «бой», прибавили изъ вѣжливости дядя, и метисъ сталъ извѣстенъ въ преріи подъ этимъ прозваніемъ, кажется, даже самъ забывъ свое настоящее имя. Я слышалъ отъ вачеро нѣсколько рассказовъ о подвигахъ дяди Боя, и нѣкоторые изъ этихъ подвиговъ были не совсѣмъ благовидны. Также приходилось мнѣ слышать исторію его женитьбы на квартеронѣ, которую онъ будто бы укралъ въ южныхъ штатахъ и, боясь преслѣдованія, ушелъ въ Индіанъ-Территори. По словамъ вачеро, дядя Бой жилъ со своей женой въ полномъ согласіи, имѣлъ отъ нея человѣкъ 15 дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери, замѣчательныя красавицы, кружили головы молодымъ наѣздникамъ и сквата-рамъ, и хотя рѣдко показывались въ общей залѣ, но однимъ своимъ присутствіемъ въ вентѣ способствовали тому, что посѣ-тели охотно просиживали лишніе сутки, выпивали лишніе кружки, въ надеждѣ хоть мелькомъ взглянуть на красавицъ пустыни, отличавшихся между прочимъ крайнею неприступностью и безукоризненнымъ поведеніемъ. Обмѣнявшись съ хозяиномъ обычнымъ пожатіемъ руки, я безъ дальнихъ околичностей сообщилъ ему цѣль своего приѣзда и, ссылаясь на рекомендацію моего патрона, хорошо извѣстнаго метису, просилъ его помочь мнѣ въ наймѣ скваторовъ для устройства переправы. За двадцать пять долларовъ вознагражденія, метисъ обѣщалъ уговорить скваторовъ взяться за работу на возможно выгодныхъ условіяхъ, сказавъ, что дастъ мнѣ положительный отвѣтъ на слѣдующее утро. Когда, окончивъ переговоры, я возвратился къ столу, за которымъ сидѣли мои спутники, дядя Бой подошелъ къ кутившимъ сквата-рамъ, по-говорилъ съ ними нѣсколько времени о стороннихъ предметахъ

и вдругъ, какъ бы только-что вспомнивъ о давно забытомъ дѣлѣ, попросилъ двухъ, менѣе пьяныхъ молодыхъ людей пригласить завтра пораньше стариковъ въ его венту для переговора объ одномъ, касающемся до нихъ, дѣлѣ. Затѣмъ онъ удалился за свою конторку и сталъ сводить какіе-то счета, наръзая, за незнаніемъ грамоты, разныя черточки и крестики на гладко оструганныхъ палочкахъ, замѣнявшихъ у него конторскія книги.

Напоивъ своихъ усѣвшихъ остыть лошадей и задавъ имъ мансу, я осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ предполагалось устроить переправу и, возвратясь въ венту, занялся составленіемъ разчета. Мои спутники, спросивъ себѣ еще пива, принялись за обычное во время безопасныхъ отдыховъ занятіе, игру въ кости. Я нѣсколько привыкъ къ обстановкѣ венты. Смердѣ и шумъ посѣтителей пересталъ почти совершенно беспокоить меня. Во дворъ венты въѣхалъ какой-то всадникъ. Привязавъ свою лошадь, онъ вошелъ въ салонъ, окинулъ взглядомъ всю комнату и, кивнувъ слегка хозяину, усѣлся за свободнымъ столомъ неподалеку отъ насъ. Прислужникъ, не ожидая приказанія, поспѣшилъ принести ему виски и кусокъ холоднаго жареного. Повидимому, это былъ обычный посѣтитель венты, вкусы котораго тутъ были хорошо извѣстны прислугѣ. При входѣ незнакомца мои спутники какъ-то странно переглянулись и, казалось, больше, чѣмъ прежде, заинтересовались своей игрой. На лицѣ одного сѣдого, какъ дунь, наѣздника, выразилось какъ бы удивленіе, смѣшанное съ какою-то злобной радостью. Онъ оттолкнулъ свою кружку и перешелъ въ дальній уголъ венты, гдѣ, опершись рукою на столъ, не спускалъ глазъ съ незнакомца, который, не обращая ни на что вниманія, принялся за поданное ему мясо съ аппетитомъ, возможнымъ только въ пустынѣ послѣ продолжительной скачки верхомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30 или 35, средняго роста, сложенный замѣтельно красиво, такъ что даже невзрачный костюмъ авантюриста не могъ скрыть гибкости и изящества его фигуры. Красивое загорѣлое лицо его, освѣщенное задумчивыми глазами, было чрезвычайно симпатично.

Пообѣдавъ и выпивъ нѣсколько глотковъ виски, онъ быстро повернулся къ намъ и, дотронувшись до своей шляпы, крикнулъ пріятнымъ звучнымъ голосомъ: «Нало! Джентльмены. Сидѣть и пить одному скуча смертная! позвольте присоединиться къ вашей компаніи?»

Мои спутники казались такъ заинтересованы игрой, что не слышали этихъ словъ.

Отодвинувъ свой табуретъ въ сторону и подвинувъ другой къ

столу, я пригласилъ новаго гостя занять мѣсто около меня. Лбы игравшихъ вачеро нахмурились и, пока незнакомецъ забиралъ со своего стола виски и спѣшилъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ, одинъ изъ нихъ успѣлъ шепнуть мнѣ: «берегите свой поясъ, а пожалуй и голову!» Это предостереженіе озадачило жень, однако дѣлать было нечего и я вступилъ въ разговоръ съ новымъ сосѣдомъ.

Несмотря на нѣкоторое замѣшательство, овладѣвшее мною, вслѣдствіе загадочнаго предостереженія и страннаго поведенія стараго авантюриста, разговоръ завязался какъ-будто самъ собою. Замѣтивъ, что мои познанія въ англійскомъ языкѣ или томъ жаргонѣ, которымъ говорятъ въ преріи, были достаточны для обыденнаго разговора, но затрудняли меня, когда дѣло шло о болѣе отвлеченныхъ предметахъ, незнакомецъ заговорилъ по-французски. Онъ говорилъ хорошо на этомъ языкѣ и мы могли объясняться безъ затрудненій.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о новостяхъ изъ штатовъ, объ индійцахъ и дичи, разговоръ мало-по-малу принялъ болѣе серьезный характеръ. Очевидно, незнакомецъ получилъ хорошее образованіе, много читалъ, побывалъ въ Европѣ. Манера выражаться показывала въ немъ человѣка, принадлежащаго къ порядочному обществу. Увлечшись разговоромъ, я не слышалъ, какъ три человѣка подѣхали къ вентѣ, и замѣтилъ ихъ только тогда, когда они вошли въ дверь. Остановившись у входа, они какъ-будто искали кого-то между посѣтителями. Увидавъ разговаривающаго со мной незнакомца, одинъ изъ новопріѣзжихъ обратился къ нему на непонятномъ мнѣ нарѣчій. Повидимому, онъ о чемъ-то просилъ, чего-то требовалъ. Голосъ его изъ умоляющаго часто возвышался и въ немъ слышалась угроза.

Всѣ, бывшіе въ вентѣ, даже не въ мѣру выпившіе виски, нѣсколько притихли, не показывая однако же вида, что происходящая передъ ними сцена сколько-нибудь интересуетъ ихъ... Вачеро продолжали бросать кости, но я замѣтилъ, что счетъ выкрикиваемыхъ очковъ былъ невѣренъ и деньги, выложенныя передъ каждымъ, не передвигались отъ одного къ другому. Мой новый знакомый нѣсколько приподнялся на табуретѣ и отвѣчалъ на обращенную къ нему рѣчь односложными, насмѣшливыми замѣчаніями. Непріятная, злая усмѣшка искривила его лицо, казавшееся такимъ симпатичнымъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

Вдругъ, когда, должно быть, вновь прибывшій сказалъ что-то очень обидное, онъ быстро вскочилъ и съ громкимъ проклятьемъ выхватилъ револьверъ. Три выстрѣла раздались одинъ за дру-

тимъ. Два первыхъ, негромкихъ, нѣсколько похожихъ на хлопанье бича, третій, заставившій дрогнуть стѣны венты, какой-то злобѣщій, съ громкимъ раскатомъ, очевидно былъ сдѣланъ изъ карабина.

Съ грохотомъ опрокинувъ свой табуретъ, мой новый знаемецъ замертво повалился на столъ, обдавъ кровью и мовгами меня, мои бумаги и сидѣвшихъ тутъ же игроковъ.

Придя въ себя отъ изумленія, когда разсѣялся дымъ отъ выстрѣловъ, я увидѣлъ убійцу со сбитой шляпой, хладнокровно стоявшаго на прежнемъ мѣстѣ, у входа, и спокойно заряжавшаго свой карабинъ. Затѣмъ онъ и его товарищи, не торопясь, сѣли на своихъ лошадей и поскакали по направленію къ лѣсу.

Никто изъ бывшихъ въ вентѣ не тронулся, чтобы задержать убійцу. Вся эта исторія ни до кого не касалась.

— Рано же кончилъ, бѣдный Рюбъ, — замѣтилъ дядя Бой, поднимаясь со своего кресла и подзывая прислужника.

— А и разбойникъ же былъ покойный, не долго жилъ въ преріи, а и натворилъ-таки гадостей, — замѣтилъ кто-то.

— Хорошо, однимъ негодяемъ стало меньше въ преріи.

— Ничего, завтра же на его мѣсто явятся два новыхъ.

— Вѣдь какъ владѣлъ револьверомъ, а промахнулся же.

Эти и подобныя замѣчанія раздавались съ разныхъ сторонъ, пока дядя Бой подошелъ къ нашему столу. Убитый какъ упалъ, такъ и остался лежать верхнею частью туловища на столѣ, залитомъ кровью. Предсмертная судорога раза два пробѣжала по только-что полному здоровья и жизни тѣлу. Ноги вытянулись, рука выпустила револьверъ и красивое лицо, замѣтно для глазъ, стало терять свой живой цвѣтъ и принимало мало-по-малу то спокойное торжественное выраженіе, какое налагаетъ смерть. Глаза потускнѣли и, устремившись въ одну точку на потолокъ, приняли то странное выраженіе, которое трудно объяснить, но въ которомъ чудятся и ужоръ кому-то, и общее прощеніе, и забвеніе прошлаго.

Вѣрно пущенная пуля попала прямо въ лобъ и прошла голову навывлетъ, такъ что на лицѣ не было видно ни капли крови, которая текла изъ раны на затылкѣ. Повыше лѣваго глаза виднѣлось только одно небольшое круглое отверстіе.

Дядя Бой безцеремонно столкнулъ еще теплый трупъ на полъ, пока мальчикъ, вѣроятно уже не въ первый разъ въ своей жизни, проворно стиралъ пескомъ и горячей водой свѣжую человѣческую кровь со стола, и принялся обыскивать убитаго. Вынувъ изъ кармазовъ красиво отдѣланные револьверы, извѣстную

табачницу, приборы къ огнестрѣльному оружію и, положивъ ихъ на табуретѣ, онъ снялъ кожаный поясъ, взрѣзалъ его ножомъ убитого, пересчиталъ золотыя монеты и отнесъ ихъ къ себѣ за выручку, замѣтивъ съ циническою улыбкою, что все равно эти деньги были бы пропиты и такъ или иначе перешли бы въ его кассу.

Негры-повара подняли трупъ и безъ дальнихъ околичностей выбросили въ рѣку.

По окончаніи этихъ несложныхъ похоронъ, дядя Бой обратился къ посѣтителямъ съ предложеніемъ устроить поминки по покойникѣ на тѣ деньги, которыя могутъ быть выручены за лошадей, оружіе и прочія вещи, оставшіяся послѣ убитого и должествовавшія, по его мнѣнію, быть тотчасъ проданными съ аукціона.

Незнакомецъ пріѣхалъ на отличной гнѣдой лошади, и вся сбруя и оружіе отличались не только хорошими качествами, но могли считаться щегольскими по наружной отдѣлкѣ.

Въ охотникахъ пріобрѣсти все это не было недостатка, и аукціонъ начался.

Сначала были проданы револьверы, карабинъ, отличный мексиканскій лассо, свитый изъ струнъ, ножъ и табачница.

Озадаченный происходившей передо мной сценой, я не могъ окончательно придти въ себя и выговорить ни одного слова. Не знаю, что больше поразило меня: дерзкое убійство, видъ внезапной смерти или то, почти скотское равнодушіе, тотъ цинизмъ, которымъ дышали слова и поступки разнокалиберной толпы, собравшейся въ вентѣ. Я не обратилъ вниманія, что кровь, попавшая мнѣ на лицо и платье, стала застывать, образуя противную, полужидкую слизь. Прислуживъ-негръ вывелъ меня изъ остолебѣнія, принесъ воды, утиральникъ и предлагая смыть слѣды крови.

Тѣмъ временемъ на аукціонѣ очередь дошла до лошади съ сѣдломъ и уздечкой. Одинъ изъ авантюристовъ, взглянувъ въ дверь, крикнулъ:

— Да, Рюбъ ѣздилъ какъ городской джентльменъ съ цѣлымъ чемоданомъ; посмотримъ, что это онъ таскалъ съ собой.

Дѣйствительно, кромѣ кожаныхъ мѣшковыхъ для фуража, въ сѣдлѣ было привѣшено что-то въ родѣ чемодана. Отвязать его, внести въ венту и посмотреть, что въ немъ находится, было дѣломъ одной минуты.

Привыкшіе ничему не удивляться, жители пустыни чуть не вскрикнули отъ изумленія, когда чемоданъ былъ открытъ.

Въ немъ лежалъ окутанный въ чистое бѣлье и фланель полугодовой ребенокъ. Очевидно, заботливая рука укладывала его въ эту необычную люльку. Чисто вымытыя полотно и фланель были тщательно уложены, такъ, чтобы предохранить отъ ночного холода. Въ чемоданѣ было сдѣлано небольшое отверстіе, затынутое сѣткой, пропускавшей воздухъ, но не дававшей насѣкомымъ беспокоить ребенка. Тутъ же лежали два гуттаперчевые пузырька съ остроумной пружинкой, не дававшей выливаться налитому въ нихъ молоку и бульону.

Вопросъ, что дѣлать съ этой неожиданной находкой, не могъ не зародиться у собравшейся вокругъ чемодана толпы, и былъ тотчасъ же высказанъ молодымъ святеромъ:

— Отправить безъ хлопотъ въ рѣку, — отозвался какой-то рыцарь пустыни.

— Вдвоемъ съ отцомъ, или какъ тотъ ему приходился-то: веселѣе будетъ, — поддержалъ предложеніе святеръ.

А между тѣмъ ребенокъ, очевидно, довольный тѣмъ, что открыли его темную люльку, выражалъ свое удовольствіе, махая ручонками и весело улыбался незнакомымъ авантюристамъ, видъ которыхъ, повидимому, нисколько не смущалъ его. Не понималъ онъ, какое страшное значеніе имѣли для него только-что сказанныя слова.

Суровое лицо дяди Боя сдѣлалось на минуту еще суровѣе, нотомъ приняло какое-то странное, необычное выраженіе. Въ чертахъ лица промелькнуло что-то мягкое, человѣчное. Онъ окинулъ толпу своимъ безстрастнымъ, пристальнымъ взглядомъ, взглядомъ способнымъ, какъ мнѣ казалось, не только пересчитать сквозь кожу, сколько золотыхъ гиней находится у человѣка въ поясѣ, но проникнуть въ самыя сокровенныя мысли и, вынимая ребенка изъ его люльки, сказалъ:

— Охота выдумывать глупыя шутки; у меня много своихъ, такъ этого не будетъ и видно между ними. Бетси! — крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь въ жилую половину.

— Ладно, дядя Бой, — замѣтилъ одинъ изъ сопровождавшихъ меня вачеро. — Покорми его, пока онъ сѣмѣетъ держаться въ сѣдлѣ, а тамъ я сдѣлаю изъ него наѣздника на удивленіе всей преріи.

И нахмуренное лицо авантюриста приняло доброе выраженіе; казалось, даже слеза навернулась на непривыкшихъ плавать суровыхъ глазахъ.

— Корми его побольше мясомъ, а мы научимъ его однимъ

махомъ валить деревья, — вмѣшались севатеры, и всей толпой овладѣло веселое, хорошее настроеніе.

Предлагавшіе сначала утопить ни въ чемъ неповиннаго ребенка ступевались куда-то.

На зовъ дяди Боя вошла немолодая женщина, съ хорошо сохранившимися остатками прежней красоты. Чистое платье и накрахмаленный чепецъ производили странное впечатлѣніе среди этихъ кожаныхъ, негрѣшившихъ излишнею опрятностью куртокъ и шляпъ.

— Богъ далъ намъ безъ хлопотъ еще ребенка, — обратился къ ней дядя Бой. — Возьми его.

— Чей онъ?

— Разбойника Рюба.

— А самъ Рюбъ?

— Кончилъ.

Женщина набожно перекрестилась и съ материнскою нѣжностью взяла на руки ребенка.

Кромѣ связки бѣлья, въ чемоданѣ нашли небольшую кожаную сумку, въ которой были зашиты двѣ квитанціи севингъ-банка въ С.-Люисѣ, и записка, написанная красивымъ, четкимъ почеркомъ. Въ запискѣ просили принять на свое попеченіе ребенка и при совершеннолѣтіи передать ему билетъ севингъ-банка въ пять тысячъ долларовъ. Другой билетъ въ тысячу долларовъ долженъ служить вознагражденіемъ принявшаго на себя трудъ воспитывать ребенка.

Записка была переведена на нѣсколько языковъ.

Очевидно, убитый, ожидая, что съ нимъ всякую минуту можетъ случиться несчастіе, и зная, что изъ ста случаевъ въ девяноста-девяти, посмертная его воля, согласно характеру жителей пустыни, будетъ выполнена съ точностью, старался, насколько возможно, обезпечить любимое существо.

— Жаль, что я поторопился взять къ себѣ на воспитаніе пострѣла. Послѣдность стоить мнѣ тысячу долларовъ, — замѣтилъ, смѣясь, дядя Бой.

Попросивъ присутствующихъ на всякій случай хорошенько запомнить стоимость и №№ билетовъ, онъ вложилъ въ сумку оба билета, зашилъ ее и, пригласивъ одного изъ посѣтителей сдѣлать надпись, что въ ней хранятся деньги пріемыша, долженствующія быть отданы по принадлежности въ такомъ-то году, отдалъ ихъ на храненіе женѣ.

Когда женщина, унося съ собою ребенка и его состояніе, вышла, дядя Бой напомнилъ о поминкахъ. Деньги, вырученныя

на аукціонѣ, перешли въ выручку и служители стали разставлятъ на столахъ соотвѣтствующее количество виски, пива и вина. Началась общая попойка. Сопровождавшіе меня вачеро обязались честнымъ словомъ не напиваться до-пьяна, пока будутъ находиться при мнѣ. Но, видя, что кутежъ дѣйствуетъ на нихъ очень соблазнительно и не предвидя до слѣдующаго дня никакой надобности въ нихъ, я считъ благоразумнымъ объяснить, что не считаю ихъ на службѣ до слѣдующаго утра и полагаю, что они могутъ распорядиться временемъ по своему усмотрѣнію. Давъ обѣщаніе быть совершенно трезвыми къ полудню слѣдующаго дня, они присоединились къ пирующимъ.

Только-что разыгравшаяся сцена выпибла хмѣль изъ головъ пировавшихъ съ утра авантюристовъ. Ихъ равнодушіе и цинизмъ были больше напускные. Въ сущности, это былъ безшабашный, но не злой народъ. Къ тому же нельзя допустить, чтобы человѣкъ, какъ бы онъ низко ни упалъ нравственно, могъ безъ нѣкотораго содроганія присутствовать при убійствѣ ближняго. Конечно, есть исключенія, но они, къ счастью, очень рѣдки. Съ начала поминоу, когда виски не произвела еще своего дѣйствія, авантюристы поочереды рассказывали которое-нибудь изъ похожденій Рюба, появившагося въ преріяхъ лѣтъ пять тому назадъ, неизвѣстно откуда.

«Когда еще не было трансатлантической дороги», говорилъ привезимый широкоплечій авантюристъ, лицо котораго отъ солнца и непогоды утратило свой первоначальный цвѣтъ и походило на дурию выдубленную подошву, «и товаръ перевозился черезъ преріи, благодаря хорошему подножному корму, многіе хозяева вели свои транспорты черезъ Индіанъ-Территори. Я и нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ нанимались конвоировать транспорты по опаснымъ мѣстамъ. Краснокожія собаки, какъ вы, джентльмены, помните, были тогда гораздо злѣе и смѣлѣе теперешняго. Трудное это было занятіе, за то прибыльное. Когда транспортъ проходил благополучно, хозяинъ на радостяхъ не жалѣлъ золотыхъ иглей при расчетѣ и рѣдко случалось, чтобы каждому изъ насъ не приходилось получить вдвое противъ договорной цѣны.

«Разъ, проводивъ транспортъ изъ Новой Мексики, мы получили расчетъ на границѣ Канзаса и разбрелись по преріи отдохнуть до новой работы.

«Я отправился вдвоемъ съ Джорджемъ черезъ Территори въ Техасу. Хорошій вачеро былъ Джорджъ, веселый, привѣтливый; а такого добряка врядъ ли отыщешь другого. Рѣдко пропывалъ

онъ свои деньги, а больше раздавать на границѣ тѣмъ, кто былъ побѣднѣе или прорвался на какомъ-нибудь дѣлѣ.

«Да, впрочемъ, вѣроятно, нѣкоторые изъ васъ, джентльмены, знали скальпированнаго Джорджа, мексиканца?»

Нѣсколько человѣкъ авантюристовъ утвердительно кивнули головами.

«Весело было ѣхать съ нимъ. Всю дорогу онъ рассказывать разныя забавныя вещи, во весь голосъ пѣлъ пѣсни. Индѣйцевъ онъ не боялся и увѣрялъ, что краснокожимъ нечего съ него взять, пока не вырастетъ новый скальпъ на мѣсто снятаго, а на головѣ, какъ онъ ни старался, не показывалось еще ни одного волоска.

«Проѣхавъ больше половины дороги, мы наткнулись на слѣдъ, идущій по тому направленію, котораго намъ слѣдовало держаться. То былъ слѣдъ бѣлаго. Лошадь, кованая не такими подковами, какъ вуютъ на границѣ, а стальными, легкими, или-фованными. Ёдущій впереди не торопился, ѣхалъ больше шагомъ, останавливаясь часто кормить лошадь. Мы скоро догнали его и поѣхали вмѣстѣ.

«Тогда я еще въ первый разъ видѣлъ Рюба и не зналъ о немъ ничего. По ухваткамъ видно было, что онъ новичокъ въ преріи, и хотя казался добрымъ малымъ, сразу не понравился мнѣ. Съ Джорджемъ они сошлись какъ нельзя лучше, учили другъ друга разнымъ пѣснямъ. А какъ начать толковать да спорить о разныхъ политическихъ дѣлахъ, да выборахъ, такъ только удивляешься, откуда у нихъ что берется. Ужъ на что ловець былъ говорить Джорджъ, не даромъ прежде, чѣмъ попасть въ преріи, какимъ-то важнымъ клеркомъ былъ въ Мексикѣ, а часто не находилъ что сказать на слова Рюба. А дѣлишки у Рюба были плохія: ни одного заряда, ни щепотки табаку. Джорджъ подѣлился съ нимъ зарядами, а о табакѣ и говорить нечего. Втроемъ пріѣхали мы на границу. Въ вентѣ, какъ увидалъ Рюбъ наши игли, такъ глаза у него и заблестѣли. Я нанялся вести транспортъ. Джорджъ хотѣлъ-было тоже идти со мной, да переговоривъ съ Рюбомъ, передумалъ и поѣхалъ съ нимъ не знаю куда. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Джорджа. На второй остановкѣ къ нашему транспорту прибѣжала взмыленная осѣдланная лошадь съ окровавленнымъ сѣдломъ, и кинулась прямо къ моей. Смотрю—лошадь Джорджа. Наши лошади были куплены изъ одного табуна и крѣпко свыклись между собою. Ну, думаю, кончилъ бѣдныя Джорджа. Ужъ вѣрно краснокожіе, собаки, подкараулили его гдѣ-нибудь. Странно только, что лошадь ушла съ сѣдломъ и уздечкой. Мѣсяца че-

резь два, смотрю, у одного вачеро Джорджева собака. Это какимъ образомъ? Оказалось, что какой-то транспортъ натенулся въ преріи на собаку. Она выла надъ свѣже-взрытой землей. Откопали еще свѣжій трупъ, и узнали Джорджа. Убить онъ былъ изъ револьвера въ затылокъ. Не индійская это была работа. Только поясъ срѣзанъ, больше ничего не было тронуто. Даже оружіе закопано тутъ же.

«У могилы слѣды скрыты, а подальше видѣли два слѣда, одинъ некованой, степной лошади, другой кованой легкой подковой. Собака увязалась за транспортомъ, да такъ и осталась у одного вачеро.

«Скоро какъ-то встрѣчаю въ вентѣ Рюба и спрашиваю, не знаетъ ли онъ, что случилось съ Джорджемъ. «А что, развѣ я обязанъ караулить всѣхъ пьяницъ въ преріи?» сказалъ онъ мнѣ, вмѣсто отвѣта, и сталъ набивать трубку изъ знакомаго мнѣ пестраго кисета Джорджа. «А какъ», спрашиваю, «попалъ сюда его кисетъ?» — «Подарилъ», говоритъ, «на разставаньи, какъ я ѣхалъ въ штаты, а онъ вернулся въ преріи». — «Джорджа убили», говорю: «не ты ли его уходилъ?»

«Онъ взглянулъ на меня звѣрѣмъ; потомъ давай жалѣть бѣднаго Джорджа, такъ что даже я чуть не повѣрилъ, что онъ здѣсь непричемъ.

«Я рассказать товарищамъ. Хотѣлъ-было вспомнить дѣдушку Линча, да отсовѣтовали: уликъ нѣтъ, что онъ убилъ, а если и убилъ, то, можетъ быть, въ ссорѣ. А кто знаетъ, кто былъ зачинщикъ? Такъ это и осталось».

Послѣ того, какъ всѣ выпили въ память Джорджа, началъ свой рассказъ совсѣмъ молодой авантюристъ, казавшійся, несмотря на свое сильно развитое, мускулистое тѣло, почти юношей.

«Я только-что убѣжалъ въ преріи. Проведя транспортъ въ качествѣ поводыря-матки, я получилъ много денегъ, сколько еще и не видалъ никогда въ своей жизни. Вмѣстѣ съ другими вачеро, я сталъ кутить въ вентѣ на границѣ. Вачеро, пропивъ деньги, нанялись везти на быкахъ транспортъ въ Калифорнію; меня, ссылаясь на мою молодость, не наняли. Деньги скоро вышли, я пропилъ сѣдло, карабинъ и револьверы. Лошадь была хорошая. Жалко ее стало продавать, а съ перенюю опохмѣлиться такъ и танеть, да и ѣсть хочется. Просить у ховяина венты кредита совѣстно. Ну, какъ отказать? А если и дать, то чѣмъ отдавать долгъ? За молодость въ преріи нанимаютъ неохотно, особенно, когда нѣтъ ни сѣдла, ни оружія.

«Сижу и думаю. Зачѣмъ это было сразу пропивать все? Не-

зачѣмъ было и вовсе пить. Вѣдь полученныхъ денегъ хватило бы надолго. Да стоило ли убѣгать съ фермы, чтобы пропадать въ проклятой вентѣ? Хоть приходилось у отца работать изо дня въ день, да, по крайней мѣрѣ, былъ всегда сытъ, а по воскресеньямъ и повеселиться можно. А теперь что? Нанявшись, мерзая, какъ собака, въ преріи, караулъ матку, да бояся каждую минуту краснокороваго дьявола. Получилъ деньги, — пропилъ. Удовольствія никакого. Голова трещитъ. Заработка не предвидится.

Видно, и теперь воспоминаніе объ отцовской фермѣ вызвало много жгучихъ, горькихъ мыслей въ молодомъ захмѣлѣвшемъ авантюристѣ. Онъ не успѣлъ еще, подобно другимъ, запрятать воспоминанія о лучшихъ дняхъ, сожалѣніе о безпутно-убиваемой молодости, подальше, въ самый темный уголокъ сердца. Но скоро, оправившись и хлебнувъ глотокъ виски, онъ продолжалъ:

«Въ это время въ венту пріѣхалъ Рюбъ и заговорилъ со мною. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ предложилъ мнѣ выпить и, смѣясь, сталъ увѣрять, что мое горе пустяки, что онъ мнѣ поможетъ вывернуться, если я обещаю ему быть хорошимъ товарищемъ:

«— О деньгахъ хлопотать нечего; у меня у самого теперь два игля, одинъ порѣшимъ сегодня, а другой нуженъ будетъ завтра на дѣло.

«Такъ мы вдвоемъ и покончили игль. Я не могъ нарадоваться, что натенулся на такого славнаго, умнаго товарища. А какъ намъ придется зарабатывать деньги, мнѣ спросить и въ голову не приходило. Лишь бы была работа, а тамъ все равно, какая.

«На утро Рюбъ сказалъ мнѣ, чтобы я собирался съ нимъ ѣхать. Мои сборы были коротки. Сѣлъ на лошадь безъ сѣдла, подвязавъ одно непропитое одѣяло, и былъ готовъ.

«Въ городѣ Рюбъ далъ мнѣ золотой игль, чтобы размѣнять въ мѣняльной лавкѣ, въ которую мы и вошли. Кромѣ насъ и мѣнялы, никого въ лавкѣ не было. Пока мѣняла, еврей, пробовалъ мой игль и на вѣсъ, и на зубъ, Рюбъ стоялъ молча и поигрывалъ тяжелой серебряной рукояткой ножа, какъ-бы ожидая, пока я выйду. Но какъ только мѣняла открылъ свою конторку, чтобы бросить въ нее мой игль, Рюбъ, ударомъ рукоятки ножа, сблизилъ его съ ногою, выхватилъ изъ конторки сколько успѣлъ золотыхъ монетъ, бросился къ выходу и былъ таковъ. Я последовалъ за нимъ. Гнались ли за нами или нѣтъ, опомнился ли мѣняла — не знаю. Съ тѣхъ поръ я не былъ въ томъ городѣ. Далеко въ преріи Рюбъ остановилъ лошадь и сказалъ, ухмыляясь: «у насъ

есть чѣмъ выкупить твое сѣдло и оружіе. Хватить и на добрую вышивку».

«Я-было обрадовался сначала, да раздумье взяло. Совѣсть за-зрила взять добытыя грабежомъ деньги. Я отказался наотрѣзъ, за что Рюбъ обозвалъ меня осломъ, и, смѣясь, поѣхалъ въ прерію.

«А все же дѣла мои были плохи. Вернулся въ венту, раз-сказалъ что случилось. Спасибо хозяину и добрымъ людямъ, воз-вратили сѣдло и оружіе съ тѣмъ, чтобы я отдалъ долгъ при пер-вомъ заработкѣ, и помогли наняться въ вачеро къ піонеру».

Очередь рассказывать дошла до старика, странное поведеніе котораго бросилось мнѣ въ глаза въ то время, какъ Рюбъ пріѣхалъ въ венту.

«Сегодня промыселъ Божій сказался надо мной и не допу-стилъ моимъ старымъ рукамъ обогрѣться кровью себѣ подобнаго. Еслибы тотъ не убилъ Рюба, разбойникъ не ушелъ бы отъ моей пули. Я узналъ этого изверга, какъ только онъ вошелъ, хотя до сегодняшняго дня не былъ увѣренъ, что его зовутъ Рюбомъ. По его милости я потерялъ все, что было дорого моему сердцу, и принужденъ опять на старости лѣтъ таскаться по преріи, пока не попаду подъ томагаукъ.

«Я служилъ вачеро у одного піонера въ Арканзасѣ, не да-леко отъ границы. Когда кругомъ поселились фермеры, выбрали констеблей, завели суды, стало незатѣмъ держать вачеро. Индійцы не смѣли уже переходить границу. Мой хозяинъ распустилъ ва-черо и сталъ плантаторомъ. Я долго служилъ у него прежде; мы привыкли другъ къ другу, любили другъ друга. Мнѣ было за пятьдесятъ лѣтъ и уже не хотѣлось толкаться по преріи. Я остался у моего хозяина, или, лучше, друга, управлять планта-ціей. Не имѣя своего семейства, я привязался къ семейству хо-зяина, у котораго было два сына и дочь, и привыкъ считать ихъ интересы своими.

«Восемнадцать лѣтъ вели мы удачно хозяйство. Въ насѣ на-копилось много долларовъ. Да не суждено было спокойно умереть подъ крышею красиваго дома, выстроеннаго нами года два тому назадъ; повадился ѣздить къ намъ на плантацію мо-лодой иностранецъ. Онъ крѣпко увивался за Розой, хозяйской дочерью. Видно было, что онъ богатъ, сыпалъ, не жалѣя, золото, и слухалъ тамъ обойти старика, что тотъ души въ немъ не чаялъ. Мнѣ онъ былъ сначала не по сердцу. Не нравился онъ и Розѣ, хоть былъ изъ себя красавецъ и куда какой ловкій на языкѣ. Не лежало къ нему сердце, да и только.

«По торговымъ дѣламъ мнѣ часто случалось бывать на гра-

ницѣ. По старой памяти, зайдешь въ знакомую венту, встрѣтишься съ ребятами изъ пустыни, забудешь свою старость и кунешь какъ бывало прежде. Такимъ образомъ, я зналъ почти все, что дѣлается въ преріяхъ. Слыхалъ, что между людьми на худомъ счету въ преріи, больше другихъ пакостить, какой-то Рюбъ. То ограбить пограничную ферму, то перебить торговцевъ, рѣшившихся пуститься безъ нашихъ молодцовъ въ преріи. И обдѣлываетъ онъ эти дѣла такъ кругло. Никого живьемъ не выпустить, вещей не тронуть, а обереть только деньги. Уликъ, чтобы судить по закону Линча, нѣтъ, а подозрѣніе явно на него; потому что гдѣ есть такое убійство, есть и слѣдъ лошади на стальныхъ подковахъ. А такіа подковы видѣли только у гнѣдого коня Рюба. Наши ребята рѣдко куютъ лошадей, а на стальные подковы почти никогда. А впрочемъ, кто ихъ всѣхъ знаетъ. Есть много молодцовъ, что прячутся въ преріи, не показываясь людямъ; можетъ быть, у кого-нибудь изъ нихъ лошадь кована такими же подковами. А Рюбъ смѣло гуляетъ въ вентахъ и отпирается отъ всякихъ обвиненій. Рѣшили, до поры до времени, не трогать его, какъ многихъ другихъ, а все-таки держаться по-прежнему.

«Разъ, вернувшись съ границы, застаю на плантаціи обычнаго гостя иностранца. Ѣздилъ онъ къ намъ всегда верхомъ и не ставилъ лошадь въ конюшню, а привязывалъ къ столбу у изгороди сада. И на этотъ разъ конь стоялъ на томъ же мѣстѣ. Взглянулъ я на него, такъ какъ будто что-то меня и передернуло. Вспомнились рассказы въ вентѣ. Конь кованъ на легкія стальные подковы. Самъ звѣремъ такимъ и смотреть. Не городскому джентльмену кататься на такомъ конѣ. Подходящее къ нему сказать по преріи. Смотрю, хоть чисто вычищенъ, а все видно, что недавно былъ крѣпко взмыленъ; не на одномъ это десятѣ миль. И въ расчесанномъ хвостѣ забыли вынуть шишу степной колючей травы. Травы этой нѣтъ въ нашихъ мѣстахъ, а растетъ она только далеко въ преріи, на каменистыхъ полянахъ.

«Пошелъ, сообщилъ хозяину. Тотъ только расхохотался.

«Эка важность, говорить, что конь хорошъ, да подковы тонкія. Въдъ кровныхъ лошадей всегда на хорошіа подковы куютъ. — Мнѣ и самому смѣшно стало. Да только нѣтъ! — Не первый годъ я толкуюсь по бѣлу-свѣту. Приглядѣлся въ разнаго сорта людямъ, а въ лошадяхъ, какъ вы вѣрно слышали, понимаю толкъ. Плохо вѣрится, чтобы городской джентльменъ держалъ такого коня. Чужой не подходи; въ конюшню ничѣмъ не загонишь; а понимаетъ всякое слово хозяина. Коня не воспитаешь такъ въ городѣ,

гдѣ много сторонняго люда, а выѣздить его такъ можно только постоянно толкаясь по преріи, да и не одинъ годъ.

«Посмотрите на этого коня, что я купилъ сегодня. Онъ самый стоялъ у насъ на плантаціи. Такъ и глядите, чтобы однимъ махомъ проскакать сотню миль прямокомъ черезъ овраги, а не составлять кавалькады съ разряженными леди. А колючка въ хвостѣ? А гдѣ онъ недавно такъ упарился?»

«Посваталъ иностранецъ нашу Розу, да отецъ, зная, что онъ не по нраву дочери, говоритъ: *«я бы съ удовольствіемъ, да дочь несогласна»*. Хотѣлъ переговорить съ самой Розой, да старикъ отсовѣтовалъ, говоря, что лучше это оставить и *быть попрежнему друзьями*. Какъ звѣрь какой, разевирѣвѣлъ молодець. Вышелъ изъ дома, всочилъ на коня, и, забывъ всю джентльменскую осанку, понесся прямокомъ черезъ майсъ. Приученъ былъ конь скакать между высокими стеблями. Съ тѣхъ поръ на плантацію онъ не пріѣзжалъ. Хозяинъ справлялся въ городѣ. Говорятъ, уѣхалъ куда-то, какъ и часто уѣзжалъ, а разныя вещи оставилъ въ квартирѣ. Вѣрно скоро вернется. Нѣтъ, дожидайся! Теперь не вернется!»

«Вскорѣ хозяинъ поѣхалъ съ семьей въ С.-Луисъ. Приглянулся тамъ Розѣ молодой плантаторъ изъ Техаса. Не долго мѣшкая, сыграли свадьбу. Молодые уѣхали въ Техасъ, а старикъ съ сыновьями вернулся на плантацію. Съ годъ шло у насъ все по старому. Объ иностранцѣ и его конѣ совсѣмъ и думать забыли. Проснувшись разъ ночью, слышу изъ своей комнаты страшную суматоху на плантаціи. Собаки такъ и заливаются. Раздаются какіе-то странные стоны и крики, между которыми рѣзко выдѣляется, когда-то хорошо знакомый мнѣ, давно уже забытый, военный крикъ индійцевъ. Не успѣлъ я отдать себѣ отчета, не снится ли мнѣ это, какъ кто-то перевернулъ меня въ постели, скрутилъ такъ, что я не могъ двинуть ни рукой, ни ногой, и потащилъ на дворъ. Смотрю, всѣ наши постройки горятъ. Полный дворъ краснокожихъ таскаютъ что-то изъ дома, поджигаютъ, гдѣ плохо горитъ, и бѣснуются какъ черти въ аду. Скоро вся ватага кинулась къ лошадямъ. Мнѣ заткнули ротъ, прикрутили къ одной лошади и повели куда-то. Всю ночь и весь слѣдующій день скакали безъ отдыха, и остановились только, когда совсѣмъ стемнѣло въ такой тучобѣ въ горахъ, куда ужъ никакъ не могла попасть погоня. Разложили костеръ и подтащили къ нему меня. Смотрю: мой хозяинъ, его сыновья, человѣкъ пять мужчинъ и двѣ женщины, прислуга, спавшая на плантаціи въ домѣ, была тутъ, захваченная живьемъ. Индійцы были не одного племени. Шайка состояла изъ

разнаго сброда и распоряжался ею бѣлый. Всмотрѣвшись въ него, я узналъ нашего прошлогодняго гостя, иностранца. Зажигло у меня въ груди, какъ я узналъ человѣка, который за нашу хлѣб-солъ уничтожилъ плоды нашихъ многолѣтнихъ трудовъ. Попадо бы ему отъ меня, еслибы я не былъ связанъ. Хоть ругнуть бы его хорошенько, да клѣпъ во рту не давалъ сказать ни слова. Впрочемъ, черезъ минуту отошло; я думалъ, что за жизнь моего хозяина и его семейства бояться нечего. Вѣдь вспомнить же, какъ его хорошо принимали, ласкали у насъ. Вѣдь не скотъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ. Ограбилъ, разорилъ, а вѣрно, коли привезъ сюда, возьметъ слово, что его не выдадутъ, и отпустить. А мы снова примемся за хозяйство и скоро поправимъ его.

«Не сбылись мои надежды. По приказанію разбойника, у моего хозяина вынули клѣпъ изъ рта. *«Ну, теперь будемъ друзьями»*, говорить Рюбъ съ усмѣшкой (теперь я знаю, что это былъ Рюбъ) и указалъ на двухъ женщинъ. Въ минуту два краснокожихъ скальпировали и убили ихъ.

«Что ты дѣлаешь, извергъ?» крикнулъ мой хозяинъ. *«Я бы съ удовольствіемъ, да они несогласны»*, отвѣтилъ его же словами варваръ, кивнувъ на индійцевъ и приказывая убить хозяйскихъ дѣтей. Скальпировали и убили сперва одного, потомъ другого. Не будь я связанъ, зубами разорвалъ бы злодѣя! Страшно было слышать стоны бѣднаго старика. А бездушному извергу они были любы. Онъ только усмѣхался на слезы, просьбы и проклятія отца, на глазахъ котораго рѣзали его дѣтей. Ударъ томагаука прекратилъ отчаяніе моего добраго хозяина. Потомъ перебили прислугу, и очередь дошла до меня. Я сталъ творить молитву, какую вспомнилъ, и закрылъ глаза, ожидая удара.

«Долго ждалъ я. Уже предсмертный храпъ несчастныхъ убитыхъ совсѣмъ затихъ; не слышно криковъ индійцевъ, только два голоса спорять о чемъ-то. Я открылъ глаза и увидѣлъ, что какой-то индѣецъ говоритъ съ Рюбомъ. Лицо краснокожаго апаха мнѣ показалось знакомо, да, впрочемъ, они всѣ на одинъ ладъ. Вслушиваюсь: индѣецъ требуетъ, чтобы по договору одного плѣнника отдали ему на потѣху деревни. Рюбъ не соглашался; однако долженъ былъ уступить. Подѣлили награбленные деньги и вещи, и разѣхались небольшими партіями въ разные стороны. Меня опять привязали къ лошади, и человѣкъ пять краснокожихъ повезли куда-то. Впрочемъ, я хорошо зналъ, куда!

«Отѣхавъ немного, наша партія остановилась въ узкомъ ущельи, и расположившись на отдыхъ, порядкомъ-таки натянута украденной у насъ на плантаціи виски, и заснула въ растяжку.

Не спалось мнѣ въ ожиданіи столба пытки! Вдругъ слышу, кто-то тихонько подкрался ко мнѣ, острый ножъ перехватилъ ремни, крѣпко стягивавшіе мои руки и ноги. Кто-то вынулъ кѣспъ изъ рта, и пока я не успѣлъ еще опомниться и пошевелинуться отекшими членами, чуть слышный голосъ прошепталъ: «узналъ ты друга Мика-Го?»

«Давно, когда нашъ округъ былъ еще преріей, а Микъ еще почти ребенкомъ, мнѣ часто случалось охотиться съ нимъ.

«Позже мы захватили въ плѣнъ на разбоѣ шайку краснокожихъ, и съ ними Мика. Жалко мнѣ стало малаго, и я пособилъ ему бѣжать. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и онъ, хоть краснокожая собака, а не забылъ услуги и, узнавъ меня, пустилъ въ дѣло всю свою хитрость, чтобы выручить стараго пріятеля изъ бѣды. Первый разъ въ жизни пожалъ я отъ души руку индійцу, сѣлъ на приготовленную уже лошадь и погналъ, на сколько позволяли силы утомленнаго животного, къ границѣ. Въ знакомой вентѣ перемѣнилъ лошадь и поскакалъ поскорѣе въ городъ. Тутъ новое горе.

«Увидавъ пожаръ, сосѣдніе фермеры бросились-было на помощь, да какъ пріѣхали на мѣсто, видятъ, что тушить уже нечего. Догадались, чья это работа.

«Отъ нападеній индійцевъ отвыкли уже, да и давно не слышно было, чтобы краснокожіе забирались такъ далеко въ штаты. Пока давали знать въ городъ, пока снаряжали солдатъ, и сзывали охотниковъ, индійцы были уже въ преріи, а тамъ, запутавъ слѣды, вѣрно сбили погоню съ толку. Изъ нашихъ молодыхъ не случилось на бѣду никого близко границы. Да вы ужъ слышали объ этой исторіи. Пріѣхалъ я въ городъ. Меня сейчасъ подъ арестъ. Ловить индійцевъ не умѣли, а разобрали, что шайку завелъ такъ далеко бѣлый. И слѣдъ сапога нашли между слѣдами мокасинъ. Индійцы пробирались сутокъ пять по штатамъ, подвигаясь ночью впередъ, а днемъ прятались въ перелѣсахъ. Видно, вель ихъ человекъ хорошо знавшій мѣстность, да такъ ловко, что ни на одной фермѣ не возбудили ни малѣйшаго подозрѣнія. Порѣшили умныя головы, что вель не иначе какъ свой. А кто дружить съ молодцами въ преріи да съ индійцами и часто пьянствуетъ на границѣ? А кто остался какимъ-то чудомъ живъ, когда другихъ перебили? А кто возвратился изъ преріи босикомъ и лишилъ возможности сличить сапогъ съ найденнымъ въ мѣстахъ, гдѣ прятались индійцы, слѣдомъ? Выходило, что индійцевъ навелъ на плантацію я. Моему разсказу, объ иностранцѣ на гнѣдой лошади и Микѣ, городскіе джентль-

меня, разумѣется, не повѣрили. Правда, другихъ болѣе ясныхъ уликъ не нашлось. Зять моего хозяина, пріѣхавъ узнать на мѣстѣ о случившемся, крѣпко заступился за меня. Онъ зналъ обо мнѣ отъ Розы.

«Когда судъ оправдалъ меня по недостатку уликъ, хозяйскій зять (долженъ быть хорошій человѣкъ) звалъ меня къ себѣ жить на плантацію. Я отказался. Какъ, думаю себѣ, показаться на глаза Розѣ послѣ того, какъ судъ заподозрилъ меня въ убійствѣ ея отца и братьевъ? Да, кромѣ того, какъ явиться мнѣ невредимымъ, мнѣ, обязанному, по давнишнему договору, отдать за нихъ всю свою кровь; мнѣ, не съумѣвшему не только защитить ихъ, но даже не отыскавшему и не раздѣлавшемуся съ настоящимъ убійцей?

«Вотъ уже шесть мѣсяцевъ толкаюсь я по преріи, рассчитывая наткнуться на изверга. Много слышалъ я разныхъ разсказовъ про Рюба и шевелилось во мнѣ, что это его работа, но не былъ вполне увѣренъ. Только сегодня въ первый разъ я встрѣтилъ его и обдумывалъ, какъ лучше свести съ нимъ старые счеты, когда безъ меня Всемогуцій положилъ предѣлъ его преступленіямъ!

«Я купилъ гнѣдого коня и представлю его въ городъ въ судъ. Надѣюсь, что изъ васъ, джентльмены, найдутся граждане штатовъ, которымъ не грозятъ непріятности въ судѣ. Прошу васъ подтвердить мои показанія въ судѣ, чѣмъ вы можете снять съ меня подозрѣніе въ безчеловѣчномъ поступкѣ, совершенномъ Рюбомъ!».

При послѣднихъ словахъ стараго вачеро, авантюристы переглянулись. Изъ всей толпы оказалось всего человѣкъ пять, которымъ не грозятъ въ судѣ непріятности. Можетъ быть, были и другіе, которымъ нечего было опасаться, но вызвались только пять. Они изъявили полную готовность сопровождать старика и подтвердить его показанія.

Перебранка, предшествовавшая убійству Рюба, происходила на португальскомъ языкѣ, понятномъ для нѣкоторыхъ присутствующихъ. Убійца, котораго никто изъ посѣтителей венты не видалъ прежде, требовалъ настоятельно, чтобы Рюбъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ съ какою-то женщиной; наконецъ, высказалъ свое предположеніе, что Рюбъ убилъ ее. Это-то обвиненіе въ убійствѣ до того взбѣсило Рюба, что онъ, забывъ всякую осторожность, крикнулъ, что пошлетъ допросчика къ его любезной, и далъ два выстрѣла изъ револьвера. Отвѣтный выстрѣлъ изъ карабина положилъ его самого на мѣстѣ. Почти каждый изъ при-

сущствующихъ знать о какомъ-нибудь походе, приписываемомъ Рюбу. Всѣ его убійства и другіе грабежи показывали въ немъ, кромѣ ненасытной алчности, какую-то ничѣмъ необъяснимую жестокость, непонятное озлобленіе противъ попавшихъ въ его руки жертвъ. Многія убійства были совершены повидимому безъ всякой надобности, просто для удовлетворенія страсти къ убійству. Ни въ одномъ изъ разсказовъ не проглядывало ни одной черты того великодушія, можно сказать, того благородства, которыя безпрестанно встрѣчаются въ разсказахъ о походахъ знаменитыхъ русскихъ разбойниковъ и способны, несмотря на ихъ страшныя преступленія, возбудить къ нимъ нѣкоторую симпатію. Изъ слышанныхъ мною въ вентѣ разсказовъ, ни одинъ самый искусный проповѣдникъ не могъ бы выбрать ничего для похвальной надгробной рѣчи. Дядя Бой, считавшій долгомъ сказать что-либо въ похвалу одному изъ своихъ частыхъ посѣтителей, припоминая все, что онъ слышалъ о Рюбѣ, наконецъ, что могъ самъ замѣтить при его частыхъ посѣщеніяхъ, не нашелъ сказать ничего другого, кромѣ того, что, подкутивши, Рюбъ былъ чрезвычайно щедръ; бросалъ золото зря и, когда хотѣлъ, разсказывалъ такія забавныя вещи, былъ такой хорошій собесѣдникъ, что съ нимъ незамѣтно легло время. Впрочемъ, прибавилъ дядя Бой, протрезвившись, Рюбъ жалѣлъ о промотанныхъ деньгахъ, дѣлался золъ и угрюмъ и уѣзжалъ, не сказавъ никому ни слова.

Всѣ разсказы относились къ тому времени, когда Рюбъ скитался въ преріяхъ; но не было ничего, что касалось бы его прошлой жизни и могло бы сколько-нибудь выяснить, что побудило человека, съ такими привлекательными наружными качествами, съ недюжиннымъ умомъ и познаніями, сдѣлаться такимъ страшнымъ разбойникомъ прерій. Въ разсказахъ не было также ничего, что могло бы разъяснить какъ сегодняшнюю сцену, такъ и присутствіе ребенка, за которымъ этотъ жестокій разбойникъ ухаживалъ съ такою заботливостью и котораго, очевидно, страстно любилъ. Разъясненіе всего этого, вѣроятно, умерло вмѣстѣ съ Рюбомъ.

На мой вопросъ, почему, зная, что Рюбъ такой вредный человекъ, до сихъ поръ не приняли мѣръ къ его обузданію и не нашлось никого, кто рѣшился бы остановить такую преступную дѣятельность, мнѣ отвѣчали: вы забываете, что здѣсь вольная пустыня и нѣтъ ничего похожего на администрацію. Всякій прибывшій сюда самъ заботится о себѣ, нисколько не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ, лишь бы они не касались его лично. А ка-

кая кому крайность навязывать себѣ непріятность, преслѣдуя чело-
вѣка, который его не трогаетъ. Положимъ, когда есть очевид-
ныя доказательства, здѣсь существуетъ судъ Линча, и Рюбу не
миновать бы веревки, если бы старикъ раньше узналъ въ Рюбѣ
предводителя шайки индійцевъ, убившихъ плантатора въ преріи.
Но, кромѣ этого случая, преступленія Рюба, несмотря на ихъ
очевидность, не подтверждались точными фактами или были со-
вершены въ предѣлахъ штатовъ, гдѣ есть свой судъ и констебли.
Всякій, совершившій какое бы то ни было преступленіе въ шта-
тахъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть преслѣдуемъ въ пре-
ріи, гдѣ и безъ того есть разбойники, немногимъ уступающіе
Рюбу. Жители преріи, имѣя достаточно оснований подозрѣвать
кого-либо въ разбоѣ, не трогаютъ его, но стараются не имѣть
съ нимъ ничего общаго. Разказы въ вентахъ лучше всякихъ
газетъ опубликуютъ все случившееся по всѣмъ преріямъ, и
опельмованный такимъ образомъ авантюристъ не найдетъ ни за
что, между сколько-нибудь честными людьми, товарища, кромѣ
выпивки въ вентѣ, гдѣ онъ, какъ на нейтральной почвѣ, можетъ
считать себя въ относительной безопасности. Вы не могли не за-
мѣтить, что тутъ было нѣсколько чело-вѣкъ, которымъ стало не-
ловко, когда заговорили о щекотливыхъ предметахъ и которымъ
встрѣтилась настоятельная надобность разѣхаться изъ венты.
Это хоть не перваго сорта, но все-таки порядочные ястребы.

Мало-по-малу, когда виски произвела свое дѣйствіе, разка-
зы стали путаться и вся компанія, въ кутежѣ которой не прини-
мали участія только дядя Бой, старикъ вачеро, да я, казалось,
забыла причину этой попойки. Никому, даже молодому вачеро,
хвалившемуся за часъ тѣмъ, что онъ отказался отъ денегъ, до-
бытыхъ грабежомъ, не казалось страннымъ, что онъ пьетъ на
воровскія деньги, принадлежавшія чело-вѣку, котораго презирали
при жизни и о которомъ на поминкахъ рассказывали самыя не-
лестныя вещи. Но таковъ уже обычай. Если авантюристъ отпра-
вится къ предкамъ въ преріи, не сдѣлавъ никакого распоряже-
нія на счетъ своего имущества, оно пропивается первыми встрѣч-
ными въ ближайшей вентѣ.

Другое дѣло, если умирающій выразилъ свою волю, завѣ-
щавъ что-нибудь кому-либо. Врядъ ли кто изъ обитателей пре-
рій рѣшится не исполнить предсмертнаго распоряженія.

Одинъ изъ подпившихъ скватеровъ настаивалъ, чтобы я при-
нялъ участіе въ ихъ пирующей компаніи. Отговорившись тѣмъ,
что виски мнѣ противна, я поспѣшилъ выдти изъ венты.

Нѣсколько насмѣшекъ и не совсѣмъ лестныхъ эпитетовъ по-

слышались съ разныхъ сторонъ. Но сопровождавшіе меня вачеро приняли мою сторону и успѣли такъ хорошо зарекомендовать меня всей компаніи, что когда я, пройдясь немного по замѣчательно красивому берегу Ридъ-Ривера, возвратился въ салонъ, авантюристы приняли меня очень благосклонно и не представляли съ своими предложеніями выпить. Уже вечерѣло. Я съ нѣкоторымъ безпокойствомъ думалъ, что придется ночевать внѣ палисада венты, въ обществѣ пьяныхъ рыцарей пустыни. У дяди Боя было заведено, что посѣтителіе могли пить сколько угодно въ салонѣ, а ночевать, во избѣжаніе всякаго соблазна, внѣ венты, которая на ночь тщательно запиралась и во дворѣ спускались огромныя цѣпныя собаки.

Я привыкъ ночевать подъ открытымъ небомъ. Меня смущали авантюристы, съ которыми приходилось спать вмѣстѣ. Конечно, судя по ихъ собственнымъ словамъ, они очень хорошіе люди, но когда въ поясѣ порядочная сумма денегъ, необходимая для предстоящихъ работъ, то сосѣдство съ подобными личностями не могло быть мнѣ особенно пріятно.

Дядя Бой какъ будто угадалъ мои мысли и, подойдя, обратился ко мнѣ съ такими словами:

«Я полагаю, вамъ, какъ непостоянному жителю преріи, будетъ не совсѣмъ удобно ночевать внѣ венты, потому позвольте мнѣ просить васъ къ себѣ въ гости. Вамъ это будетъ спокойнѣе, да и моя семья будетъ рада поговорить съ городскимъ джентльменомъ». Подозрѣніе, не скрывается ли подъ этой любезностью метиса какаго-нибудь умысла на мой поясъ, промелькнуло у меня въ головѣ. Но вспомнивъ, что если со мной что-либо случится, хозяину венты придется не совсѣмъ ловко раздѣливаться съ сопровождающими меня вачеро и ихъ товарищами, я не заставилъ дядю Боя повторять свое приглашеніе, и прошелъ съ нимъ на домашнюю половину. Несмотря на то, что часть венты, въ которой жило семейство хозяина, была выстроена такъ же, какъ и вся вента, съ единственной цѣлью защититься отъ непогоды и имѣть возможность выдержать нападеніе, я не могъ не изумиться комфорту, даже изяществу и порядку, царствующимъ въ домашней половинѣ. Очевидно, заботливая рука женщины хлопотала о приданіи тремъ-четыремъ просторнымъ комнатамъ возможно изящной обстановки.

Узкія кривыя окна были полузакрыты бѣлыми гардинами съ красивою цвѣтною вышивкою. Вьющееся растеніе въ родѣ плюща, усѣянное розовыми, голубыми и бѣлыми цвѣтами, закрывало почти сплошь штукатуренныя стѣны, образовало сводъ и скрывая отъ

глаза неровности камней и неотесанные бревна потолка, придавало комнатѣ видъ бесѣды. Очень недурныя хромофотографіи, развѣшанныя по стѣнамъ, были со вкусомъ обложены вѣтвями, изъ-за которыхъ производили отличное впечатлѣніе на глаза. Мягкая, уютная мебель составляла разительный контрастъ съ грубыми столами и табуретами салона. Нельзя сказать, чтобы эта мебель отличалась изяществомъ и новизною, но содержалась въ замѣчательномъ порядкѣ и была разставлена съ большимъ вкусомъ. Красивый коверъ покрывалъ полы.

Все въ этой части жилища дяди Боя напоминало о присутствіи элемента, чуждаго дикой жизни и грубымъ нравамъ преріи. На меня эта обстановка не могла не произвести особенно благоприятнаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что я во время своихъ скитаній по западнымъ окраинамъ Союза давно уже не бывалъ въ сколько-нибудь комфортабельно устроенной комнатѣ. Впечатлѣніе, произведенное обстановкой, усиливалось семейной картиной, возможной только далеко, за нѣсколько сотъ миль отъ этой пустынной преріи съ ея индійцами и авантюристами. Трудно вѣрить, чтобы одна стѣна отдѣляла это мирное убѣжище отъ салона венты, гдѣ недавно, на глазахъ нѣсколькихъ десятковъ людей, совершено убійство и гдѣ теперь еще пируетъ ватага авантюристовъ, собравшихся здѣсь Богъ знаетъ откуда, проводившихъ свою жизнь Богъ знаетъ какъ и рискующихъ каждую минуту попасть подъ томагавкъ индійца или подъ пулю разбойника.

Семейство дяди Боя было въ сборѣ въ одной изъ комнатъ. Хозяйка и двѣ старшія дочери сидѣли у стола. Одинъ изъ сыновей хозяина, красивый молодой человѣкъ лѣтъ 18-ти, у котораго только нѣсколько выющіяся волосы выдавали смѣшанную кровь, читалъ что-то вслухъ, лежа на кушеткѣ. Человѣкъ шесть дѣтей, отъ 13-ти до пятилѣтняго возраста, сидѣли чинно за большимъ столомъ, занимаясь, кто вырѣзываньемъ лошадей изъ бумаги, кто рисованьемъ, кто переписываньемъ каллиграфическихъ прописей. Вновь принятый членъ семейства спалъ въ люлкѣ, оказавшей поочередно свои услуги всему юному поколѣнію обитателей венты.

Дядя Бой послалъ тещу на свое мѣсто въ салонъ, и съ видомъ очень уставшаго человѣка опустился на кушетку. Лицо его приняло самое добродушное, веселое выраженіе. Трудно было повѣрить, чтобы это былъ тотъ самый дядя Бой, невозмутимо возсѣдавшій въ качающемся креслѣ за стойкой, у котораго ни одинъ мускулъ лица, ни одинъ взглядъ не выдастъ его мыслей, что бы ни совершалось передъ его глазами. Дядя Бой отрекомендо-

валъ меня своему семейству, какъ недавно прибывшаго въ Америку изъ Россіи.

«Мнѣ очень пріятно познакомиться, — обратилась ко мнѣ хозяйка, — съ человекомъ, пріѣхавшимъ изъ страны, гдѣ рабство уничтожено безъ кровопролитія. Здѣсь не часто встрѣчаются русскіе. Да и тѣ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, уже давно покинули свое отечество и не могли ничего сообщить о тѣхъ интересныхъ перемѣнахъ, которыя произошли тамъ въ послѣдніе десять лѣтъ».

Я не могъ не удивиться, услышавъ такое привѣтствіе отъ хозяйки одинокой венты въ пустыняхъ дальнаго Запада, жены неграмотнаго метиса, и чуть было не высказалъ громко своего удивленія. Взглянувъ на столъ, я увидѣлъ большую кучу недавно полученныхъ журналовъ и газетъ, а въ углу стоялъ шкафъ, наполненный книгами. Очевидно, жена и дѣти дяди Боя получили лучшее образованіе, чѣмъ метисъ, и не забывали книгъ въ своей затворнической жизни въ пустынѣ. Дальнѣйшее знакомство съ хозяйкой и дочерьми подтвердило мои догадки. Оказалось, что жена дяди Боя, прежде чѣмъ выйти за него замужъ, воспитывалась вмѣстѣ съ дочерьми плантатора, бывшаго и ея отцомъ. Въ преріи сначала она обучала своихъ старшихъ дѣтей грамотѣ и приготавливала къ поступленію въ школу, куда ихъ отсылали поочередно по достиженіи 12-ти лѣтъ. Обученіемъ младшихъ дѣтей занимаются теперь старшія дочери, получившія образованіе въ С.-Люисѣ, въ какомъ-то частномъ пансіонѣ. Въ вентѣ онѣ выписываютъ нѣсколько журналовъ и газетъ (доходящихъ, правда, не совсѣмъ своевременно и аккуратно до венты черезъ авантюристовъ), и, окончивъ дневныя занятія, по вечерамъ, читаютъ вслухъ. Дядя Бой очень любитъ присутствовать на этихъ домашнихъ литературныхъ вечерахъ, но необходимость неотлучаться изъ салона часто лишаетъ его этого удовольствія.

Жительницы венты, удаленной на нѣсколько сотъ миль отъ границъ цивилизованныхъ штатовъ, знали больше о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и даже у насъ, въ Россіи, чѣмъ многія изъ русскихъ женщинъ, живущихъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ большихъ русскихъ центровъ. Незнаніе своеобразной русской жизни мѣшало моимъ новымъ знакомымъ вполне понимать все значеніе реформъ, произведенныхъ въ Россіи. Эти реформы особенно интересовали ихъ, какъ мнѣ казалось, потому, что въ числѣ ихъ было уничтоженіе крѣпостного права, или рабства, какъ онѣ понимали. А все васающее до уничтоженія рабства не можетъ не интересовать цвѣтныхъ обитателей

Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ юридически также уничтожено рабство, и по закону цвѣтные граждане имѣютъ одинаковыя права съ бѣлыми, но гдѣ на практикѣ еще не скоро водворится полная равноправность и бѣлые не будутъ себя считать принадлежащими къ высшей расѣ, и давать это чувствовать цвѣтнымъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Я постарался, какъ могъ, разъяснить имъ разницу между крѣпостнымъ правомъ и рабствомъ южныхъ штатовъ, преимуществу надѣленія землею передъ простымъ личнымъ освобожденіемъ и другія не совсѣмъ ясныя для слушательницъ вопросы.

Дядя Бой, замѣтивъ, что нашъ разговоръ долженъ также интересоваться его сына, Вильяма, и можетъ принести ему нѣкоторую пользу, ушелъ, повидимому, не совсѣмъ охотно, замѣнивъ его за стойкой въ салонѣ. Незамѣтно прошелъ вечеръ. Послѣ вкуснаго ужина я простился съ лэди, при помощи Вильяма наполнивъ свою лошадь, задалъ ей кормъ, и отправился въ комнату, гдѣ спали сыновья дяди Боя. Вильямъ указалъ мнѣ на приготовленную кровать, сказавъ, что эта кровать его старшаго брата Артура.

— А гдѣ же самъ Артуръ?—спросилъ я.

— Онъ уже скоро годъ какъ въ штатахъ, работникомъ на фермѣ.

На мой вопросъ, зачѣмъ Артуръ поступилъ на ферму, и почему самъ Вильямъ остается въ вентѣ, онъ отвѣчалъ, что Артуръ учится ховайству, а когда вернется, то очередь будетъ за нимъ, Вильямомъ. Теперь же надо кому-нибудь помогать отцу.

Передъ тѣмъ какъ ложиться, Вильямъ распредѣлялъ между братьями очередь караула въ верхнемъ этажѣ венты. По прошествіи двухъ часовъ, откараулившій свое время мальчикъ будилъ слѣдующаго, который бралъ съ собой изъ кухни очереднаго прислужника и отправлялся смотрѣть, нѣтъ ли чего подозрительнаго въ окрестностяхъ венты.

Несмотря на удобную постель и чистое бѣлье, я долго не могъ заснуть. Прошедшій день, полный столькихъ разнообразныхъ впечатлѣній, не могъ не привести меня въ нѣсколько возбужденное состояніе.

Меня занимали вопросы: какимъ образомъ могутъ здѣсь, въ преріи, уживаться рядомъ, часто въ одномъ человѣкѣ, самые противоположные контрасты? Какимъ образомъ авантюристы, по большей части вынужденные бѣжать изъ цивилизованнаго общества вслѣдствіе очень неблагоприятныхъ поступковъ, даже преступлений, вырабатываются здѣсь въ вачеро, пользующихся репута-

цією честности, которая уже подтвердилась не разъ на моихъ глазахъ?

Затѣмъ, какъ могутъ эти люди, согласные лучше погибнуть, чѣмъ позволить себѣ что-либо похожее на грабежъ, воровство или убійство, находить удовольствіе въ безумномъ пьянствѣ, въ обществѣ самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ и негодяевъ, и хладнокровно присутствовать при совершеніи возмутительныхъ насилій, выслушивать такіа предложенія, какъ убійство ребенка, наконецъ, и пропивать деньги, оставшіяся послѣ убитаго, отъявленнаго разбойника?

Какимъ образомъ жена метиса—образованная женщина, съумѣвшая въ дикой пустынѣ дать человѣческое воспитаніе дѣтямъ? Наконецъ, что это за личности: разбойникъ Рюбъ и хозяинъ венты, дядя Бой?

Рюбъ—несомнѣнно человѣкъ, получившій хорошее образованіе, что не мѣшаетъ ему грабить и рѣзать кого ни попало. Изъ всѣхъ его походовъ въ преріи видно, что онъ заглушилъ въ себѣ всякое человѣческое чувство, а между тѣмъ онъ возитъ при себѣ и окружаетъ нѣжною заботливостію грудного ребенка?

Въ дядѣ Боѣ я видѣлъ, казалось, двухъ совершенно различныхъ людей: безстрастнаго, жаднаго содержателя венты, заботящагося только о томъ, чтобы въ его выручку попало побольше иглей, хладнокровно обирающаго убитаго и выкидывающаго его въ рѣку, и въ то же время хорошаго, добраго семьянина, умѣющаго при случаѣ не только сжалиться надъ беззащитнымъ ребенкомъ, взять его къ себѣ на воспитаніе, но и отказаться, въ пользу того же ребенка, отъ тысячи долларовъ, которыми онъ могъ бы воспользоваться, согласно волѣ завѣщателя. Что побуждаетъ, наконецъ, этого страннаго человѣка сидѣть въ своей вентѣ?

Какъ я слышалъ, содержатели вентъ на границахъ, а особенно въ самыхъ преріяхъ, въ нѣсколько лѣтъ наживаютъ большіе капиталы. Оно и не мудрено. Вѣдь всѣ деньги вачеро, другихъ авантюристовъ и скватеровъ остаются здѣсь. Рядомъ идетъ торговля съ индійцами. Дядя Бой около 20-ти лѣтъ торгуетъ въ вентѣ. Его вента считается самою прибыльною, такъ какъ здѣсь скватеры обыкновенно вьжутъ свои большіе плоты изъ пригнаннаго съ верховьевъ лѣса. Партіи скватеровъ, одна за другой, проживаютъ здѣсь по нѣскольку дней и не упускаютъ случая попойнствовать.

Здѣсь же самая удобная переправа, и хозяинъ каждаго проходящаго транспорта считаетъ непремѣннымъ долгомъ дать своимъ вачеро попойнствовать деньгъ-другой въ знаменитой вентѣ. Кромѣ

того, авантюристы и индѣйцы, бродящіе по преріи, очень любятъ эту венгу, свозять сюда шкуры убитыхъ животныхъ, какія имѣются, деньги, и уѣзжаютъ безъ шкуръ и денегъ, съ тяжелыми отъ виски головами.

Должно быть, дядя Бой сколотилъ-таки порядочный капиталъ, съ которымъ могъ бы жить въ свое удовольствіе въ какомъ-нибудь городѣ, а между тѣмъ цѣлый день торчитъ въ грязномъ салонѣ.

Мало-по-малу гулъ голосовъ, долетавшій изъ салона, сталъ менѣе явственъ, мои мысли начали путаться и я заснулъ.

На другой день я проснулся, несмотря на приобретенную уже привычку вставать до свѣта, когда было совсѣмъ свѣтло. Спавшіе въ одной со мной комнатѣ тихонько вышли. По шуму, который слышался съ той стороны, гдѣ была домашняя кухня, можно было догадаться, что хозяйки уже встали. Поспѣшивъ на дворъ, я увидѣлъ, что мои вчеро, совершенно трезвые, уже убрали своихъ лошадей и кончили чистить мою.

Съ ихъ стороны это была большая любезность. Вообще вчеро, нанявшись къ кому-либо, способенъ позволить разрѣзать себя на куски, защищая хозяина, не пожалѣетъ ни себя, ни своей лошади, чтобы исполнить малѣйшее приказаніе, входящее или только касающееся договора при наймѣ, но ни за что не согласится исполнить что-либо изъ тѣхъ занятій, которое составляетъ специальность слуги. Вчеро не станетъ разсѣдывать или убирать лошадь хозяина, не подержитъ лошади, если она не даетъ садиться; поможетъ снять сапоги только въ томъ случаѣ, если хозяинъ будетъ раненъ или внезапно тяжело заболѣетъ. Это относится только до стороннихъ нанимателей. Другъ другу вчеро оказываютъ эти мелкія услуги, не считая ихъ унижительными. Оказалось, что, освободивъ ихъ вчера отъ караула моей особы и моего пояса, и взявъ эту обязанность на себя лично, я, вопреки собственному ожиданію, поступилъ очень дипломатично. Вчеро признали меня достойнымъ быть ихъ товарищемъ и оказали мнѣ маленькую товарищескую услугу, къ которой еще наканунѣ я не могъ бы ихъ ничѣмъ принудить. Кромѣ того, какъ я узналъ впоследствии, я обязанъ былъ рекомендаціи моихъ спутниковъ въ любезномъ приглашеніи дяди Боя. Онъ чрезвычайно остороженъ и принимаетъ кого-либо къ себѣ на домашнюю половину очень рѣдко, только тогда, когда у него разсѣются всякія сомнѣнія относительно приглашеннаго. Когда я отказался пить съ авантюристами и ушелъ изъ венты, чѣмъ подаль поводъ къ разнаго рода насмѣшкамъ авантюристовъ, мои спутники заступились за

меня, сумѣли зарекомендовать меня съ отличной стороны передъ авантюристами и, ловко воспользовавшись моихъ хорошихъ отношеній съ семействомъ патрона, выставить въ глазахъ дяди Боя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Поблагодаривъ за услугу, я пособилъ своимъ вачеро задать лошадямъ кормъ и вошелъ въ отворенную уже венту.

Дядя Бой толковалъ съ четырьмя старыми скватерами. Увидавъ меня, онъ сказалъ, что трое изъ нихъ согласны помочь мнѣ устроить переправу. Ихъ партіямъ, въ ожиданіи товарищей съ верховьевъ, все равно, дѣлать нечего въ теченіи нѣсколькихъ дней. Считая устройство постоянной хорошей переправы дѣломъ общепользымымъ, они не желаютъ брать никакой платы. Разумѣется только, что я долженъ угостить ихъ молодыхъ людей, чтобы веселѣе было работать.

Пока уговаривались о приблизительномъ количествѣ напитковъ и кушаній, потребныхъ на ежедневное угощеніе, въ венту собрались чуть ли не всѣ скватеры съ берега рѣки. Молодые скватеры не вмѣшивались въ торгъ, предоставляя начальникамъ партій рѣшать дѣло по своему усмотрѣнію.

Когда договоръ былъ заключенъ и скрѣпленъ взаимнымъ рукопожатіемъ, о немъ было сообщено остальнымъ скватерамъ.

Четвертый старикъ, сидѣвшій съ дядей Боемъ, объявившій еще до моего прихода, что считаетъ для себя неудобнымъ участвовать въ устройствѣ переправы, все время молчалъ. Когда договоръ былъ заключенъ, онъ попросилъ его выслушать, и, оговорившись, что, конечно, не его дѣло вмѣшиваться въ чужія дѣла, но какъ одинъ изъ старшихъ лѣсопромышленниковъ, онъ считаетъ долгомъ высказать, что его товарищи собираются дѣлать большую глупость, помогая въ устройствѣ переправы. Затѣмъ, онъ упрекалъ другихъ скватеровъ въ томъ, что когда, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, предлагалъ устроить прочную переправу, его предложеніе было отвергнуто. Тогда скватеры, на общемъ совѣтѣ, рѣшили, что усиленный наплывъ бѣлыхъ въ эти мѣста вредно повліяетъ на выгодность лѣсного промысла, и положили всѣми силами препятствовать этому наплыву. А теперь стѣило только явиться горожанину и показать боченокъ виски, тѣ же скватеры съ радостью помогаютъ усиленію сообщенія съ тѣмъ берегомъ рѣки. Погодите, говорилъ онъ, вы собственными руками проложите сюда дорогу городскимъ торгашамъ. Горько придется вамъ расказываться, какъ сюда нагрянутъ землемѣры, судьи, констебли, раздѣлять лѣса на участки и не оставить намъ ни дюйма свободнаго мѣста.

Напрасно дядя Бой доказывалъ, что въ пятнадцать лѣтъ обстоятельства измѣнились, что скватеры и безъ того не въ состояніи помѣшать наплыву бѣлыхъ. Да и бесполезно мѣшать, такъ какъ у береговъ, въ южной части рѣки, лучший лѣсъ уже вырубленъ, а теперь рубку производить на верховьяхъ, въ горахъ, куда врядъ ли скоро пойдутъ переселенцы. Упрямый старикъ остался при своемъ мнѣніи и, отозвавъ людей своей партіи, ушелъ изъ венты на рѣку. Скватеры, не сказавъ ни слова, повиновались своему предводителю, хотя уходили съ видимымъ неудовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что, по моему приказанію, прислуга начала готовить завтракъ для вступившихъ въ договоръ трехъ партій. Имѣя въ виду работу, за завтракомъ скватеры пили умеренно, рассчитывая наверстать вечеромъ, за ужиномъ.

Еще наканунѣ, осмотрѣвъ мѣсто, гдѣ предполагалось устроить переправу, и посоветовавшись съ моими спутниками, я, по причинѣ переменчиваго дна и теченія рѣки, въ которой послѣ дождей вода сильно поднималась, нашелъ неудобнымъ строить мостъ, а рѣшилъ сдѣлать четыре прочныхъ плота или паромовъ, которые можно бы было передвигать отъ одного берега рѣки до другого помощью постоянныхъ канатовъ, протянутыхъ поперекъ рѣки.

Потому, послѣ брѣквеста, отправились въ лѣсъ заготавливать бревна для предстоящей работы.

II.

Устройство паромовъ.—Работа скватеровъ.—Столкновеніе съ начальникомъ скватеровъ и мировая.—Прошедшее метиса и кватеронки.—Доставка книгъ въ прерію.—Уравненіе правъ цвѣтныхъ съ бѣлыми.—Благодѣтельный пансіонъ.—Мечты метиса.—Расовая нетерпимость бѣлыхъ къ цвѣтнымъ.—Переселеніе богатаго піонера въ дикую прерію.—Караулъ переправы.

Устройство переправы черезъ рѣку въ пустынь представляетъ много затрудненій по трудности рубить, тесать вѣковые деревья и перетаскивать ихъ на берегъ по неровной мѣстности.

Я думалъ провозиться за устройствомъ четырехъ хорошихъ плотовъ, при помощи 60-ти человѣкъ, по крайней мѣрѣ недѣли три, но, приступивъ къ работѣ и увидавъ, какъ принялись за нее скватеры, я убѣдился въ невѣрности своего расчета, такъ какъ при быстротѣ, съ которою работали скватеры, плоты могли быть спущены въ воду, снабжены канатами и пр., дней въ десять, много въ двѣнадцать.

По совѣту начальниковъ партій, было рѣшено употребить на плоты сосновые деревья, имѣющія передъ дубомъ, орѣхомъ и другими огромныя преимущества. Именно: смолистая сосна не скоро гніетъ въ водѣ; по своей относительной легкости, не такъ сильно грузнеть въ воду при намоканіи, чѣмъ даетъ возможность плотамъ поднимать болѣе грузъ и, наконецъ, скваторы, вырубивъ самый цѣнный лѣсъ у береговъ Ридъ-Ривера, не тронули сравнительно малоцѣнной сосны. Поэтому сосновые деревья, годныя для устройства плотовъ, могли быть найдены почти у самой воды, что значительно облегчало работу.

Плоты устроиваются такъ: толстыя бревна тешутся съ трехъ сторонъ. Въ нихъ просверливаютъ отверстія, въ которыя впускаютъ, скативъ уже бревна въ воду, нетолстыя, но крѣпкія тиковыя иглицы. Надѣтыя на палицы бревна, обращенныя нетесаной стороною къ водѣ, плотно сдвигаются и скрѣпляются между собою желѣзными скобами. Съ обѣихъ сторонъ плота, по концамъ бревенъ, укрѣпляются орѣховыми шпигелями толстыя дубовыя поперечины. Скрѣпляя плотъ, эта же поперечина служитъ основаніемъ стойкамъ и продолбленнымъ столбамъ. Къ стойкамъ прилажены три или четыре ряда съѣмныхъ перекладинъ, образующихъ разборчатую изгородь вокругъ плота. Въ отверстія, продолбленные въ столбахъ и снабженные блоками, продѣваются два каната, одинъ по одну сторону плота, другой по другую. Канаты, свитые изъ крѣпкихъ стеблей лианы, протянуты съ одного берега на другой и наврочены концами на прочно утвержденныя въ землѣ столбы. При такомъ устройствѣ плотовъ или паромовъ можетъ быть предпринята переправа безъ всякой опасности. Значительная поверхность плота не позволяетъ ему погружаться въ воду, въ случаѣ еслибы нагрузка была произведена неравномѣрно. Высокая изгородь изъ перекладинъ не допускаетъ упасть въ воду или опрокинуть туда фургонъ и перевозимыхъ животныхъ, еслибы они и вздумали метаться отъ испуга. Человѣкъ четырехъ или пяти достаточно, чтобы подвигать нагруженный плотъ. Размѣры плотовъ должны имѣть около шестидесяти футъ длины и ширины, т.-е. на четыре плота нужно было срубить и обтесать до 100 штукъ сосновыхъ бревенъ 60-ти футъ длины и не менѣе двухъ съ половиною футъ толщины.

За эту работу мы и принялись, придя въ лѣсъ изъ венты. Весело было смотрѣть, какъ взялись за дѣло скваторы. Незачѣмъ было понуждать ихъ къ работѣ. Не представлялось никакой надобности употреблять обычныя уловки, невзбѣжныя при рабочихъ другого закала, чтобы поддерживать въ нихъ энергію

и охоту въ работѣ. Стоило только объяснить въ чемъ дѣло, и можно было выполнѣе положиться на скватеровъ. Стоить ли тутъ хозяинъ или нѣтъ—работа кипитъ въ привычныхъ сильныхъ рукахъ и исполняется одинаково добросовѣстно.

Съ веселою пѣснью всаживали скватеры свои широкіе топоры въ твердое дерево, будто въ мягкое тѣсто, и отхватывали безъ всякаго усилія огромныя щепы. Несмотря на свое массивное, тяжелое тѣлосложеніе, взбирались, съ легкостью кошки или обезьяны, на самыя вершины деревьевъ, опутывали верхніе сучья канатомъ, спускались внизъ и съ трескомъ валили подрубленныхъ у корня вѣковыхъ гигантовъ на землю. Не выдавъ собственными глазами, трудно повѣрить, съ какою быстротою производилась рубка и валка деревъ. Обтесыванье бревенъ шло также быстро. Однимъ взмахомъ топора скватеръ отскалывалъ щепы въ нѣсколько футовъ длиною, годныя пожалуй на постройку. Правда, обтесанныя стороны бревна не выходили изъ-подъ топора скватера такъ гладки, ровны, какъ изъ-подъ топора хорошаго русскаго плотника, да намъ и не нужна была очень чистая работа.

Только глядя на работу скватеровъ, можно уяснить себѣ, какъ быстро исчезаютъ непроходимыя лѣса на берегахъ рѣкъ, не очень удаленныхъ отъ заселенныхъ штатовъ. А вырубка лѣсовъ, производимая скватерами, необходима для успѣшнаго развитія земледѣлія въ территоріяхъ и для распространенія въ нихъ цивилизаціи. Хотя преріи, покрытыя большую часть года высокою травою, не представляютъ для переселенца тѣхъ трудностей въ устройствѣ полей, какъ лѣса по берегамъ рѣкъ, однако блокавы и фермы, хозяева которыхъ намѣреваются заниматься хлѣбопашествомъ, предпочитаютъ трудную очистку полей изъ-подъ лѣса разработкѣ преріи. Причиною этому служатъ то обстоятельство, что въ открытыхъ преріяхъ часто свирѣпствуютъ сильныя ураганы и снѣжныя метели зимою, а лѣтомъ, за исключеніемъ небольшого числа хорошо закрытыхъ горами мѣстностей, какъ, напримѣръ, Индіанъ-Территори, бываютъ такія сильныя засухи, что всякая растительность выгораетъ. Положимъ, что послѣ перваго дождя трава даетъ новые побѣги, но жатва погибаетъ безвозвратно. Поэтому въ открытой преріи селатся преимущественно тѣ хозяева, которые занимаются скотоводствомъ и имѣютъ небольшія запашки.

Въ лѣсахъ, по близости рѣкъ, нѣтъ тѣхъ урагановъ и, вслѣдствіе близости воды, не бываетъ сильныхъ засухъ.

Но лѣса американскихъ пустынь представляютъ такія трудности, такую сплошную массу колоссальныхъ деревьевъ, перепле-

тенныхъ сверху до низу всевозможными вьющимися растеніями, или ліанами, что фермерамъ, особенно переселенцамъ изъ Европы, врядъ ли удалось бы съ успѣхомъ отнимать отъ лѣса нужныя подъ поля пространства, еслибы прежде скватерскій топоръ не прогулялся по этимъ вѣковымъ лѣсамъ, оставивъ въ нихъ огромныя скорогниющіе пни, дуловатыя легко сжигаемыя деревья, и сравнительно мелкій лѣсъ, съ которымъ легко справиться обыкновенному дровосѣу.

Независимо отъ той услуги, которую оказываютъ скватеры, подготавливая, такъ сказать, лѣса для прочнаго водворенія въ нихъ цивилизациі бѣлыхъ, глядя на ихъ способъ, умѣнье и охоту работать, невольно почувствуешь уваженіе къ этимъ людямъ и забудешь многіе весьма крупныя недостатки, присущіе скватерамъ.

Стороннему наблюдателю, приходящему въ близкое столкновеніе съ жителями пустыни, не можетъ не броситься въ глаза одна отличительная черта ихъ характера. Эта черта, отчасти присущая всѣмъ американцамъ, но нѣсколько сглаженная, такъ сказать, отшлифованная у жителей заселенныхъ штатовъ, развита рѣзко у обитателей пустыни, особенно у скватеровъ. Именно, они ничего не дѣлаютъ вполовину. Рѣшившись разъ на что-нибудь, они упорно преслѣдуютъ опредѣленную цѣль, ни подъ какимъ видомъ не допуская уклоненій въ сторону, и прекращаютъ свою дѣятельность не иначе, какъ достигнувъ цѣли или встрѣтивъ непреодолимое препятствіе. Въ послѣднемъ случаѣ они безъ сожалѣнія тотчасъ же бросаютъ неудачное дѣло и съ удвоенной энергіей принимаются за другое. Этой стойкости или твердости нельзя назвать упрямствомъ, такъ какъ скватеръ, придя разъ къ убѣжденію, что затѣянное имъ дѣло почему-либо потеряло разумное основаніе или было невѣрно рассчитано, не станетъ его продолжать и не постыдится сознаться въ своей ошибкѣ. Во всякомъ дѣлѣ, въ каждомъ поступкѣ, начиная отъ самаго важнаго до пустяковъ, проглядываетъ та же твердость и совершенное отсутствіе нерѣшительности, ложнаго стыда, вяленія, если можно такъ выразиться.

Скватеры, менѣе чѣмъ кто-либо, могутъ опасаться индійцевъ, но разъ они пришли къ заключенію, что индійцы зловредныя собаки, которыхъ должно уничтожать — и никто съ такимъ упорствомъ не истребляетъ краснокожихъ. Придя къ заключенію, что лѣсъ на корнѣ не можетъ быть собственностью какого-либо лица, а принадлежитъ тому, кто его срубитъ, они считаютъ себя вправе рубить лѣсъ, гдѣ бы онъ ни росъ, и готовы поддерживать это право

всѣми средствами, даже открытою силой, уступая только въ тѣхъ случаяхъ, когда становится невозможнымъ одержать верхъ.

Опредѣливъ себѣ время для пьянства, скватеръ пьянствуетъ, забывъ все на свѣтѣ. Но за то если примется работать, то работаетъ съ увлеченіемъ, съ любовью, предается безраздѣльно дѣлу, забывая все, даже виски, вромѣ своей работы.

Благодаря этой чертѣ характера, въ партіяхъ скватеровъ царствуетъ строгая дисциплина и порядокъ.

Трудно сдѣлаться начальникомъ партіи скватеровъ. Нужно въ теченіи многихъ лѣтъ доказать свое умѣнье работать и вести дѣло, приучить скватеровъ уважать себя. Но разъ они выберутъ кого-либо, обыкновенно опытнаго старика, въ начальники на извѣстный срокъ, они оказываютъ ему слѣпое повиновеніе. Всякое распоряженіе начальника исполняется тотчасъ же безпрекословно. Но и начальникъ партіи долженъ быть остороженъ и не употреблять во зло своей власти, не то, по истеченіи срока, ему придется раздѣливаться съ обиженными и уже никогда не быть избрану въ начальники.

Не должно однако думать, чтобы скватеры сознательно работали въ себѣ эти качества. Скорѣе они явились вслѣдствіе исключительной обстановки и искони укоренившагося обычая. Вообще, скватеры крайне неразвиты нравственно, грубы, вспыльчивы и склонны къ насилию. Всю жизнь свою проводятъ они въ тяжелой работѣ для наживанія денегъ, употребляя ихъ единственно на пьянство, которому по своей неразвитости они предаются почти во все время, свободное отъ работы.

Какъ я уже свазалъ, устройство переправы шло успѣшнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Цѣлый день приходилось мнѣ быть въ лѣсу на работахъ, а вечера я проводилъ на домашней половинѣ венты дяди Боя, съ семействомъ котораго сошелся какъ нельзя лучше. Такимъ образомъ, я могъ быть вполне доволенъ своимъ положеніемъ, еслибы меня не смущало одно непріятное обстоятельство, могшее не только повредить успѣшному устройству паромовъ, но окончательно дискредитировать меня въ глазахъ обитателей перріи.

Старый скватеръ, отказавшійся принять участіе въ устройствѣ переправы, за что-то возненавидѣлъ меня и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы разсорить меня съ другими скватерами или, по крайней мѣрѣ, уронить въ ихъ мнѣніи и надѣлать мнѣ непріятностей. Я полагаю, что это онъ дѣлалъ потому, что его подчиненные, хотя и не высказывали неповиновенія, но были видимо недовольны тѣмъ, что онъ не позволилъ имъ участвовать

въ постройкѣ плотовъ. Старикъ началъ съ того, что приходилъ на мѣсто работы и, оговариваясь постоянно, что хотя, конечно, это и не его дѣло и, ссылаясь на свою старость и опытность, находилъ всѣ дѣлаемые мною распоряженія нигуда негодными, и не жалѣлъ разныхъ эпитетовъ и насмѣшекъ на мой счетъ, когда я куда-нибудь отлучался.

Видя, что я не обращаю никакого вниманія на его замѣчанія и не желаю затѣвать ссоры, онъ перемѣнилъ тактику. Собравъ свою партію, онъ нарочно приходилъ въ венту тогда, когда нашъ завтракъ кончался; затѣвалъ кутежъ, интересные рассказы, стараясь соблазнить другихъ скватеровъ и удержать ихъ отъ работы. Разъ, какъ-то, когда я напомнилъ скватерамъ, что пора идти приниматься за дѣло и они дѣйствительно собрались уходить, старикъ уже въ глаза выругалъ меня пожирателемъ вапуста, какъ въ насмѣшку зовутъ нѣмцевъ (онъ упорно продолжалъ считать меня нѣмцемъ), и поднялъ насмѣхъ скватеровъ, выбравшихъ себѣ, по его словамъ, въ начальники какого-то мальчишку изъ горожанъ. Боясь затѣять ссору съ полудивнымъ скватеромъ, могущую кончиться очень скверно и для меня, и для порученнаго мнѣ дѣла, я долженъ былъ проглотить брань захмѣлѣвшаго старика и отправиться на работы. Я сталъ уже замѣчать, что неотвязныя насмѣшки старика начинаютъ производить свое дѣйствіе на скватеровъ и изглаживать то хорошее мнѣніе, которое они составили обо мнѣ по рассказамъ сопровождавшихъ меня вачеро. Надо было во что бы то ни стало раздѣлаться со старикомъ и возстановить себя во мнѣніи скватеровъ.

Еслибы все состояло только въ томъ, что приходится выслушивать дерзости стараго скватера, то, понятно, я счелъ бы за лучшее продолжать не обращать на нихъ вниманія, такъ какъ грубыя выходки полудивяря никакъ не могли оскорблять меня. Но тутъ на сценѣ былъ болѣе серьезный вопросъ. Позволь я скватеру безнаказанно издѣваться надъ собой, авантюристы сочли бы это за трусость съ моей стороны. Затѣй я открытую ссору, словами не отдѣлаешься; грубый старикъ не остановится передъ насиліемъ. Несмотря на мою, довольно значительную, физическую силу и сравнительную молодость, колоссальный старикъ могъ бы уничтожить меня однимъ ударомъ, не прибѣгая даже къ оружію.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ авторитетъ мой между жителями пустыни, привывшими уважать больше всего грубую силу, смѣлость и особенно удачу, погибнетъ окончательно. Потерявъ кредитъ между авантюристами, его можно восста-

новить только годами, а до тѣхъ поръ никакая дѣятельность въ преріи немыслима.

Положимъ, затѣявъ открытую ссору съ скватеромъ, я могъ рассчитывать на поддержку своихъ вачеро; но если и удастся одолѣть старика въ дракѣ, то въ глазахъ авантюристовъ не велика заслуга пятерымъ нестарымъ людямъ поколотить чуть-ли не семидесятилѣтняго старика. Да это ни въ какомъ случаѣ не спасетъ моей репутаціи, а еще, пожалуй, заставитъ скватеровъ заступиться за одного изъ своихъ предводителей.

Пробовалъ я говорить скватерамъ, не придавая, разумѣется, особеннаго значенія дѣлу, что назойливость старика начинается дѣлаться мнѣ непріятной, и что я полагаю за лучшее какъ-нибудь удалить его отъ нашихъ работъ, во избѣжаніе скандала.

На это мнѣ отвѣтили, что они привыкли къ придирчивому характеру своего товарища, воркотня котораго ихъ почти не стѣсняетъ. Если же мнѣ что-либо не нравится, то уже мое дѣло устранить непріятное обстоятельство; а имъ нечего мѣшаться въ чужія дѣла. При этомъ одинъ изъ предводителей замѣтилъ, что я бы лучше не начиналъ ссоры съ Беномъ, потому что, хотя скватеры не станутъ вмѣшиваться въ частныя ссоры, но старый Бенъ, несмотря на его лѣта, стобитъ десятка молодыхъ, съумѣетъ постоять за себя и не дастъ спуска никому.

Затѣмъ слѣдовали рассказы о разныхъ подвигахъ Бена, изъ которыхъ можно было заключить, что онъ умѣетъ пользоваться своей силой и отлично владѣетъ оружіемъ.

Очевидно, скватеры не допускали и мысли, чтобы я могъ въ чемъ-либо состязаться съ старымъ Беномъ. Положеніе мое было затруднительно, и я не зналъ какъ изъ него выйти: совершенно неожиданный случай помогъ мнѣ.

Бревна для двухъ плотовъ были уже приготовлены и спущены въ воду. Ихъ слѣдовало надѣть на иглицы. Тиковое дерево плохо растетъ на берегахъ Ридъ-Ривера, потому приходилось розыскивать поодиночѣ въ лѣсу годныя для иглицъ, высокія, ровныя, нетолстыя деревья. Скватеры разошлись по лѣсу на поиски, а я сталъ размѣрять принесенныя уже къ берегу деревья.

При мнѣ былъ револьверъ и ножъ. Свой карабинъ я оставилъ неподалеку у дерева.

Старый Бенъ подошелъ, по своему обыкновенію, посмотрѣть, чтó я дѣлаю, и, взглянувъ издали на заготовленные тиковыя деревья, обратился къ нѣсколькимъ скватерамъ, ожидавшимъ, пока я кончу обмѣръ бревенъ, чтобы приняться тесать ихъ.

— Спасибо вамъ, что вы притащили къ берегу отмищенныя мною деревья. Моимъ молодцамъ будетъ меньше хлопотъ.

Видя, что я продолжаю свое дѣло, онъ обратился уже прямо ко мнѣ, и потребовалъ, чтобы я не трогалъ деревьевъ, принадлежащихъ ему, такъ какъ онъ раньше меня намотилъ ихъ для срубки. Я промолчалъ и на эту нелѣпую выходку, не имѣющую въ обычаяхъ скватеровъ даже никакого основанія. Тогда старый скватеръ крикнулъ мнѣ, чтобы я тотчасъ оставилъ бревна, приправилъ свой возгласъ вѣрнѣмъ словомъ, и прицѣпился въ меня.

Направленное на меня дуло карабина произвело прескверное впечатлѣніе. Не обратить вниманія на эту угрозу уже нельзя. Старикъ не задумается пустить пулю. Сцена въ вентѣ живо представлялась моему воображенію. Уступить—отъ насмѣшекъ не будетъ прохода, а и позволить убить себя тоже не приходится.

Эти мысли быстро промелькнули у меня въ головѣ и уступили необъяснимой злобѣ противъ старика, поставившаго меня въ такое положеніе. Забывъ всякую осторожность, не представляя себѣ ясно результаты моего поступка, я рѣшился напасть на скватера, а тамъ будетъ, что будетъ. Быстро сложился у меня въ головѣ планъ дѣйствій. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я отошелъ отъ бревенъ, отозвавшись, что не зналъ о принадлежности ихъ кому-либо, и сохраняя, насколько могъ, наружное хладнокровіе, сдѣлавъ небольшой обходъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ старикъ. Насъ раздѣляло разстояніе шаговъ въ двадцать. Кромѣ карабина, при старикѣ не было оружія. Идя въ лѣсъ, онъ противъ обыкновенія почему-то не взялъ ножа и неразлучнаго спутника, тяжелаго топора. Злая, презрительная усмѣшка показала на лицѣ скватера и еще болѣе возбѣсила меня. Онъ былъ доволенъ, что заставилъ меня уступить передъ угрозой, и окончательно дискредитировалъ въ глазахъ своихъ товарищей.

Окинувъ самодовольнымъ взглядомъ стоявшихъ тутъ скватеровъ, онъ уже опустилъ карабинъ, но, спохватившись, что я подхожу къ нему неспроста, опять приподнялъ на меня дуло и спустилъ курокъ почти въ упоръ. Но было уже поздно. Инстинктивнымъ движеніемъ руки, я успѣлъ отвести дуло въ сторону, и пуля прошла мимо. Собравъ всю свою силу, я рванулъ карабинъ изъ рукъ скватера и ударилъ его прикладомъ въ грудь. Пошатнулся старикъ отъ неожиданнаго удара, однако удержался на ногахъ... Хорошо еще, что я успѣлъ отскочить на нѣсколько шаговъ въ сторону, отбросить карабинъ и выхватить револьверъ. Старикъ было бросился на меня, но остановился, видя направ-

ленный на него револьверъ и машинально искалъ какого-нибудь оружія на своемъ поясѣ. Ни топоръ, ни ножъ не попадались подъ руку на привычномъ мѣстѣ.

Умно поступилъ Бенъ, что остановился. Сдѣлай онъ еще шагъ, я бы застрѣлилъ его. Нерѣшимость старика дала мнѣ время одуматься. Трудно выстрѣлить въ человѣка, да еще въ безоружнаго. Къ тому же, двое изъ сопровождавшихъ меня вачеро успѣли подскочить ко мнѣ съ своими карабинами. Услышавъ выстрѣлъ, стали сбѣгаться изъ лѣса и другіе скватеры. Подъ защитою вачеро, очевидно принявшихъ мою сторону, я могъ считать себя въ безопасности отъ нападенія Бена, почему, спрятавъ револьверъ и крикнувъ Бену, чтобы онъ убирался прочь и не совался впередъ, куда его не спрашиваютъ, пошелъ продолжать прерванное занятіе.

«Что-жъ ты не стрѣляешь?» — закричалъ мнѣ вслѣдъ Бенъ. Я не считъ нужнымъ отвѣчать, очень хорошо зная, что, согласно обычаямъ пустыни, имѣлъ полное право безнаказанно отвѣчать на сдѣланный по мнѣ выстрѣлъ.

Одинъ изъ вачеро не могъ воздержаться отъ насмѣшки надъ старымъ скватеромъ. «А что, Бенъ, — сказала онъ: — говорилъ я тебѣ, не лѣзь къ русскому! Ну, что вышло? Мало того, что отнялъ карабинъ, да и заряды жалѣетъ на стараго осла!»

Собравшіеся скватеры насмѣшливо поглядывали на своего предводителя. Неудача не возбуждала ихъ сочувствія. Казалось, они были рады, что осадили дерзкаго старика, сварливости котораго и имъ надобла порядкомъ. Каждую минуту можно было ожидать, что скватеры разразятся градомъ насмѣшекъ. Я и прежде не питалъ ненависти къ старому Бену. Горячка моя прошла. Мнѣ стало жаль сконфуженнаго старика, и я поспѣшилъ вывести его изъ неловкаго положенія, объяснивъ, что вовсе я не жалѣю заряда, а считаю всю эту исторію совсѣмъ не серьезной. Повздорили немного, и все тутъ. Карабинъ, по моимъ словамъ, выстрѣлилъ самъ, когда я его дернулъ и заставилъ Бена невольно спустить курокъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ долженъ быть славный малый, — обратился ко мнѣ Бенъ, обрадованный, что я сдѣлалъ первый шагъ къ миру. — Помирился и будемъ друзьями, — прибавилъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Какъ желѣзными тисками сжалъ онъ мои пальцы. Я чуть не вскрикнулъ отъ этого дружескаго рукопожатія. Хорошо бы я былъ, еслибы попалъ въ эти лапы нѣсколько минутъ назадъ!

«Ну, теперь пойдемъ выпьемъ по случаю мировой», обра-

тился старикъ къ окружающимъ, и вся толпа направилась къ вентъ. Войдя въ салонъ, Бенъ потребовалъ виски для общаго угощенія и, выхваляя мою ловкость, сталъ рассказывать все происшедшее. Я не остался у него въ долгу и поспѣшилъ высказать удивленіе къ силѣ и хладнокровію старика, что не мало польстило его самолюбію. Пока мы наперерывъ осыпали другъ друга любезностями, началась попойка, отъ которой я могъ отговориться не иначе, какъ выпивъ стаканъ виски, въ знакъ заключенія мировой. Старый Бенъ, казалось, подгулялъ порядкомъ. Въ длинной рѣчи, нѣсколько путаясь въ словахъ, объяснялъ онъ, что вовсе не имѣлъ ничего противъ устройства плотовъ. Ему было досадно, что это дѣло поручено молодому горожанину, котораго онъ считалъ за мокрую курицу и вовсе неспособнымъ привести въ исполненіе затѣянное дѣло. Понятно, ему не хотѣлось, чтобы скватеры принимали участіе въ навѣрно неудачномъ дѣлѣ. Но теперь, убѣдившись, что горожанинъ сдюмѣетъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вполне способенъ вести предпринятое дѣло, онъ предлагаетъ и своей партіи принять участіе въ устройствѣ паромовъ.

Хитрый старикъ воспользовался мировой, чтобы уничтожить неудовольствіе, возбужденное въ скватерахъ его капризомъ.

Разумѣется, я предоставилъ Бену объяснять свое поведеніе какъ ему было угодно. Я отъ души былъ радъ, что исторія кончилась такъ счастливо.

Бенъ былъ слишкомъ увѣренъ, что никто не осмѣлится вступить съ нимъ въ единоборство, такъ что мое неожиданное нападеніе, послѣ того какъ я прежде постоянно уступалъ его дерзкимъ выходкамъ, озадачило и изумило его. Не потерявъ онъ на минуту свое обычное присутствіе духа, мнѣ бы пришлось раскаиваться въ своей горячности. Но, такъ или иначе, мой кредитъ у авантюристовъ былъ восстановленъ, а этого только мнѣ и нужно было. Впослѣдствіи наши отношенія съ Беномъ были самыя дружескія. Онъ явился на другой день помогать намъ съ своею партіей. Число рабочихъ, устраивающихъ переправу, увеличилось такимъ образомъ 20-ю скватерами, и работа пошла еще быстрѣе.

Я сказалъ уже, что сошелся съ семействомъ дяди Боя. Меня нисколько не стѣснялись и охотно рассказывали эпизоды изъ прошлой жизни, и сообщали свои надежды въ будущемъ.

Мало-по-малу мнѣ стали ясны причины, побудившія дядю Боя жить въ своей скучной вентѣ, и я не могъ не сознаться, что эти причины были основательны. Въ молодости, дядя Бой

попробоваль сперва разныхъ занятій. Нанялся надсмотрщикомъ за неграми на одной плантаціи въ Луизианѣ, недалеко отъ плантаціи отца его теперешней жены. Своею строгостью и умѣньемъ распоряжаться работниками, онъ скоро приобрѣлъ довѣріе плантатора, который часто поручалъ ему покупку негровъ.

Отецъ жены дяди Боя имѣлъ большую плантацію и значительное число негровъ. Онъ не принадлежалъ къ числу безчеловѣчныхъ рабовладѣльцевъ; напротивъ, терпѣть не могъ тѣлеснаго наказанія и другихъ истязаній, употреблявшихся противъ негровъ для понужденія къ работѣ. Жена его умерла рано, оставивъ ему двухъ дочерей. Отъ мулатки-рабыни родилась у него Бетси, теперешняя жена дяди Боя.

Съ малолѣтства онъ воспитывалъ ее наравнѣ съ другими законными дочерьми. Дорого пришлось заплатить человѣколюбивому плантатору за свою доброту къ чернымъ. Не видя надъ собою бича, глупые негры работали лѣнливо. Хозяйство шло плохо и не приносило доходовъ. Долги росли. Сосѣди-плантаторы не влюбили своего человѣколюбиваго собрата, считая его обращеніе съ неграми чуть ли не возстаніемъ противъ рабовладѣнія, и рѣшили, во что бы то ни стало, погубить его. Скупивъ его векселя, они безпощадно требовали уплаты долговъ, тѣмъ довели до окончательнаго разоренія. Плантація и негры по оцѣнкѣ не могли покрыть номинальной цифры долговъ, почему вольноотпускная, недавно выданная квартеронкѣ Бетси, признана не дѣйствительной и она должна быть продана съ аукціона наравнѣ съ другими рабами. Кредиторы не хотѣли и слышать о признаніи вольноотпускной, такъ какъ за красавицу-квартеронку считывали выручить значительную сумму денегъ.

Наступилъ день аукціона. Бетси, съ другими невольниками, пригнали въ аукціонную камеру. Ей, какъ болѣе цѣнному товару, сдѣлали нѣкоторую льготу, позволили надѣть рубашку, тогда какъ остальные негры, мужчины и женщины, были совершенно нагіе, чтобы покупателямъ удобно было осматривать тѣлосложеніе и опредѣлять степень годности къ работѣ.

Очередь дошла до Бетси, и ее, при разныхъ циническихъ замѣчаніяхъ толпы покупателей, забавлявшихся отчаяніемъ бѣдной дѣвушки, заставили взойти на возвышеніе, куда становился продаваемый невольникъ, пока о немъ шелъ торгъ.

Въ числѣ покупателей былъ и дядя Бой. Плантаторъ далъ ему значительную сумму денегъ для покупки негровъ на аукціонѣ.

Понравилась ли метису квартеронка, или въ немъ проснулось

заглушенное чувство жалости, только онъ вступилъ въ торгъ. Здѣсь же было нѣсколько богатыхъ плантаторовъ. Они не хотѣли уступить красивую квартеронку метису, и стали страшно набивать цѣну. Метисъ не уступалъ, и квартеронка осталась за нимъ въ тридцати тысячахъ долларовъ. Для уплаты этой суммы пошли не только всѣ хозяйскія деньги, но и запасный капиталецъ, собранный метисомъ. Уплативъ сполна деньги, метисъ потребовалъ, чтобы его новой рабыней была тотчасъ дана вольноотпускная, объявляя Бетси, что она свободна и можетъ отправляться куда угодно.

Метисъ зналъ, что плантаторъ не проститъ ему своевольной растраты денегъ, и хотѣлъ бѣжать. Но, выходя изъ аукционной камеры, наткнулся на своего хозяина, приказавшаго схватить его, отвести къ себѣ на плантацію, гдѣ и запереть въ невольничью тюрьму. Разумѣется, съ бѣлымъ нельзя было сдѣлать этого, но дядя Бой вѣдь былъ метисъ, т.-е. получеловѣкъ.

По требованію вліятельнаго плантатора, незаконно выданная вольноотпускная была уничтожена. Плантаторъ призналъ покупку своего повѣреннаго и Бетси поступила въ число его движимаго имущества.

Метису удалось выломать окошко тюрьмы, гдѣ онъ былъ запертъ. Хорошо зная мѣстность, онъ считалъ удобнѣе всего добраться до веранды, окружавшей плантаторскій домъ, и бѣжать черезъ большой, прилежавшій къ дому садъ. Добравшись благополучно до веранды, онъ увидѣлъ въ окно Бетси, которую плантаторъ позвалъ къ себѣ въ комнату и заперся съ нею на ключъ. Выломать окно, схватить со стѣны охотничій ножъ и ударить имъ плантатора—было дѣломъ одной минуты для метиса. Зная, гдѣ хранятся деньги хозяина, онъ выломалъ ящикъ письменнаго стола, вынулъ оттуда двѣ пригоршни золота, и, схвативъ испуганную Бетси, выскочилъ опять на веранду, пробѣжалъ черезъ садъ въ мансовое поле, за которымъ шелъ густой лѣсъ. Положеніе бѣглецовъ было незавидное. Послѣ убійства плантатора нечего было ждать пощады, попавшіе въ руки бѣлыхъ. А трудно вернуться отъ нихъ.

На утро, когда преступленіе откроется, бѣглецовъ будутъ розыскивать съ дрессированными собаками. Всю ночь метисъ несъ Бетси на рукахъ по лѣсу, употребляя извѣстныя ему индійскія хитрости, чтобы спутать слѣдъ. Шелъ по нѣсколькимъ миль ручьями, пользовался деревьями, поваленными вѣтромъ, и къ утру, выбившись изъ силъ, остановился отдохнуть въ лѣсу, среди топкого болота, на какой-то кочкѣ. Но напрасны были хитрости

метиса. Ему не удалось обмануть чутья собакъ и опытности погони, привычной преслѣдовать бѣглыхъ негровъ. Къ вечеру многочисленная погоня, съ стаей свирѣпыхъ собакъ, подъѣхала къ болоту. Бѣглецы считали себя погибшими и прилегли къ кочкѣ. Но собаки, обнюхавъ берегъ болота, напали на какой-то слѣдъ и бросились въ сторону. За ними понеслась и погоня. Вѣрно напали на слѣдъ бывшаго здѣсь недавно бѣглаго негра. По лаю собакъ, можно было заключить, что они удаляются отъ болота. Мало-по-малу лай пересталъ быть слышенъ, и бѣглецы вздохнули свободно.

Много времени употребилъ метисъ, чтобы пробраться по заселеннымъ штатамъ. Приходилось идти лѣсомъ, минуя города и плантаціи. Ночью подвигались впередъ, днемъ сидѣли въобразившись на какое-нибудь дерево или въ расщелину скалы. Питаться приходилось орѣхами, лѣсными плодами и корнями. Наконецъ, натерпѣвшись вдоволь всякихъ лишеній, избѣгнувъ счастливо охотниковъ на бѣглыхъ негровъ, нѣсколько разъ попадавшихся имъ на встрѣчу, они достигли западной части Техаса, бывшаго въ то время дикой преріей. Здѣсь метисъ могъ считать себя внѣ опасности. Купивъ на украденныя у плантатора деньги оружіе и двухъ лошадей, онъ отправился розыскивать племя индійцевъ, къ которому принадлежала его мать.

Владѣя хорошо языкомъ своей матери и имѣя друзей между своими краснокожими родственниками, онъ могъ оставить у нихъ на нѣкоторое время Бетси, не боясь, чтобы какая-либо опасность грозила ей. Скупивъ у индійцевъ кожи въ кредитъ, онъ отвезъ ихъ на границу, гдѣ обмѣнялъ на порохъ и виски. Нѣсколько мѣсяцевъ занимался онъ этой выгодной торговлей и успѣлъ скопить довольно крупную сумму денегъ.

Бетси не могла не быть признательною за нѣжную заботливость метиса. Къ тому же дядя Бой, какъ видно, былъ очень красивъ въ молодости, и она согласилась сдѣлаться его женою.

Молодой, привыкшей къ нѣкоторой роскоши и комфорту ввартеронкѣ, жизнь между индійцами, несмотря на ихъ расположеніе, казалась невыносимой. Поэтому, когда у метиса завелись деньги, онъ поспѣшилъ увести Бетси въ С.-Франциско, гдѣ они обмѣнялись у католическаго священника, и прожили нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ Калифорніи въ то время такъ-называемая золотая горячка уже начала проходить. Жителямъ, собравшимся въ этотъ благословенный уголокъ Америки со всѣхъ концовъ свѣта, начала надобѣдать господствующая анархія, и они принялись съ

американскою быстротою восстанавливать общественный порядокъ, преслѣдуя и изгоняя не только завѣдомо вредныя, но и подозрительныя личности.

Хотя Калифорнія объявила себя свободнымъ, нерабовладѣльческимъ штатомъ, метисъ и кватеронка не могли считать себя въ безопасности, такъ какъ они обвинялись въ убійствѣ плантатора и подлежали аресту и суду въ любомъ изъ штатовъ Союза. Преступленіе и побѣгъ метиса не могли быть забыты, такъ какъ съ того времени прошелъ всего годъ, и скандалъ, надѣлавшій столько шума въ Луизианѣ, сталъ, благодаря газетамъ, извѣстенъ во всемъ Союзѣ.

Изъ газетъ же узнала Бетси, что ея отецъ не могъ перенести разоренія и застрѣлился. Законныхъ дочерей его взяла къ себѣ какая-то родственница.

Кромѣ опасности быть узаннымъ, другое обстоятельство побуждало дядю Боя удалиться изъ Калифорніи. Добыча золота, соблазнительная издали, на практикѣ оказалась не особенно выгодною. Работая безъ усталы, дядя Бой не могъ отложить ни одного доллара. Къ тому же, онъ былъ метисъ и подвергался разнымъ притѣсненіямъ и насилію со стороны грубыхъ золото-промышленниковъ.

Бетси тоже не разъ приходилось переносить оскорбленія, такъ какъ пресловутое уваженіе американцевъ къ женщинамъ имѣло мѣсто только для кровныхъ бѣлыхъ лѣди, и ни въ какомъ случаѣ не практиковалось относительно цвѣтныхъ, не считавшихся людьми.

Недолго думая, дядя Бой отправился въ Индіанъ-Территорию, гдѣ охотились въ то время его краснокожіе друзья, выстроили свою венту и занялся торговлей.

Убѣдившись, что происхожденіе дѣлаетъ ее какой-то отверженной въ цивилизованномъ обществѣ, Бетси покорилась своей участи, и какъ сама говорила, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ поселилась въ пустынь, далеко отъ бѣлыхъ, причинившихъ ей столько горя. Впрочемъ, ей не приходилось скучать въ одиночествѣ, такъ какъ одинъ за другимъ стали появляться на свѣтъ дѣти, на которыхъ она положила всю свою любовь, всю свою дѣятельность.

Пока старшія дѣти были очень малы, недостатокъ въ книгахъ былъ не особенно чувствителенъ для Бетси. Она удовольствовалась перечитываньемъ чуть не выученныхъ на память нѣсколькихъ книгъ, захваченныхъ ею въ С.-Франциско.

Подростающихъ дѣтей надо было учить, а пособій достать

неоткуда. Граница штатовъ была тогда очень далеко, и бѣлье еще рѣдко показывались въ вентѣ, въ которой исключительно производилась торговля съ индійцами. Перевозку сырья въ штаты и промѣнъ ихъ на товаръ дядя Бой производилъ чрезъ одного безграмотнаго торговца изъ мексиканцевъ, прїѣзжавшаго раза два въ годъ въ венту. Самъ дядя Бой рѣдко отлучался изъ дома.

Такимъ образомъ, пріобрѣтеніе учебныхъ пособій было крайне затруднительно.

Дядя Бой, оказавшійся смолоду совершенно неспособнымъ понять хитрую науку чтенія и письма, вслѣдствіе чего остался на всю жизнь безграмотнымъ, былъ настолько уменъ, чтобы понять преимущество, которое даетъ образованіе, и хотѣлъ, во что бы то ни стало, учить своихъ дѣтей. Этому рѣшенію не мало способствовало и то, что метисъ понималъ, какъ будетъ непріятно видѣть Бетси, что ея дѣти растутъ невѣждами.

Онъ рѣшился самъ сѣздить въ штаты за нужными книгами. Придравшись къ тому, что торговецъ-мексиканецъ долго не ѣдетъ, онъ снарядилъ транспортъ и, поручивъ караулъ семейства и венты бывшимъ у него въ услуженіи бѣглымъ неграмъ и индійцамъ, не сказавъ Бетси объ истинной цѣли поѣздки, отправился на границу.

Бѣдная обстановка книжной лавки въ пограничномъ городѣ произвела на метиса дурное впечатлѣніе. Онъ проѣхалъ въ С.-Люисъ, и при помощи какаго-то школьнаго учителя, накупилъ множество книгъ и учебныхъ пособій. Кромѣ того, онъ уговорился съ книгопродавцемъ, чтобы, по требованію его жены, были высылаемы на границу книги, откуда онъ могли быть доставляемы черезъ торговцевъ или авантюристовъ въ венту.

Съ этихъ поръ Бетси могла удовлетворять своей любви къ чтенію, и служила передать эту любовь своимъ дѣтямъ.

Впрочемъ, доставляя книгъ, закупленныхъ дядей Боемъ, не обошлась безъ маленькаго курьеза.

Метисъ, привезя свою покупку на границу, сталъ перетюковывать книги изъ ящичковъ, въ болѣе удобные для перевозки вьюкомъ, тюки. Купленные книги, по наружному своему виду, показались ему не похожими на составившееся у него понятіе о книгахъ вообще. Онъ началъ перелистывать ихъ одну за другою. Нѣкоторыя были съ черными картинками, другія вовсе безъ картинокъ и напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Подозрѣніе взяло метиса, не посмѣялись ли надъ нимъ учитель и книгопродавецъ, отпустивъ ему, можетъ быть, книгъ нехорошаго качества, такъ

какъ буквы въ книгахъ вовсе не походили на тѣ, что онъ видалъ въ городахъ на вывѣскахъ и афишахъ. Его ввело въ смущеніе еще то обстоятельство, что на одной изъ книгъ, которыя такъ часто перечитывала Бетси, была на обертѣ раскрашенная картинка и замысловатыя узорныя буквы. Да и азбука, за которую въ былые годы его такъ часто съѣли, имѣла тоже пестрыя буквы. Въ середину книгъ Бетси ему какъ-то не приходилось заглядывать.

Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ его надули и поѣздка пропала даромъ! Вѣдь совѣстно будетъ смотрѣть женѣ въ глаза. Вотъ, и выдумалъ метисъ средство поправить бѣду. Зашелъ въ забравованную имъ прежде книжную лавку и накупилъ книгъ, обертки которыхъ были по-пестрѣй. Увидавъ, что книги завертываютъ въ афиши какого-то бродячаго цирка, раскрашенныя разными фигурами и пестрыми буквами, онъ закупилъ всѣ афиши, сколько ихъ ни оказалось въ лавкѣ, и довольный своею выдумкою отправился въ венту. Бетси осталась очень довольна книгами, привезенными изъ С.-Люиса и вдоволь насмѣялась надъ покупкою пестрыхъ афишъ. Однако, въ послѣдствіи оказалось, что выдумка дяди Боя была не такъ дурна. Дѣти, вѣроятно, по наслѣдственной передачѣ вкусовъ, плохо учились читать по азбукамъ съ черными буквами, а напротивъ, съ удовольствіемъ запоминали красивыя буквы афишъ. Примѣнивъ къ дѣлу обученія афиши, Бетси безъ особаго труда выучила дѣтей читать и писать. Дядя Бой не пропускалъ удобнаго случая говорить, что онъ не менѣе Бетси сдѣлалъ для образованія своихъ дѣтей, такъ какъ благодаря привезеннымъ имъ афишамъ устранились всѣ трудности преподаванія. По достиженіи 12-ти лѣтъ cadaго изъ сыновей отправляли въ школу для цвѣтныхъ, устроенную въ С.-Люисѣ. Въ школу для бѣлыхъ, дѣтей не принимали, несмотря на всѣ старанія дяди Боя. Это обстоятельство, не особенно важное для мальчиковъ, не могло не озабочивать метиса относительно подроставшихъ дочерей.

Вдругъ по всѣмъ штатамъ прошла вѣсть, и достигла одинокой венты въ пустынѣ, о начавшейся войнѣ за освобожденіе невольниковъ.

Посоветовавшись съ Бетси, дядя Бой отправился въ армію сѣверныхъ штатовъ и поступилъ въ нее проводникомъ. Ему удалось оказать нѣсколько услугъ противникамъ рабства. Воспользовавшись расположеніемъ отряда, къ которому принадлежалъ, онъ объявилъ о своемъ давнишнемъ преступленіи и потребовалъ суда. Разумѣется, судъ, состоявшій изъ отъявленныхъ противни-

ковъ рабства, призналъ причины, вызвавшія убійство плантатора, уважительными, и метись былъ оправданъ.

Когда граждане сѣверныхъ штатовъ одолѣли рабовладѣльцевъ и невольники были освобождены и сравнены въ правахъ съ бѣлыми, дядя Бой поспѣшилъ въ свою венту объявить Бетси два радостныя извѣстія, вслѣдствіе которыхъ они могли оставить венту въ преріи, и, какъ свободные отъ преслѣдованія, равноправные съ бѣлыми граждане, поселиться въ любой мѣстности Союза. Прибыльная торговля дала возможность составить уже порядочный капиталъ, чтобы считать все многочисленное семейство вполне обеспеченнымъ отъ нужды.

Вслѣдствіе ли природной осторожности дяди Боя, или онъ успѣлъ во время своего пребыванія въ арміи замѣтить, что уравненіе цвѣтныхъ съ бѣлыми, утвержденное законодательнымъ порядкомъ, не всегда практикуется на самомъ дѣлѣ, только метись не рѣшился покинуть свою венту совсѣмъ. Передавъ ее на время какому-то авантюристу, онъ забралъ свое семейство и отправился въ штаты.

Съ первыхъ же шаговъ онъ не могъ не убѣдиться, что поступилъ благоразумно, оставивъ за собою венту. Началось съ того, что на желѣзной дорогѣ его и все семейство съ насмѣшками перевели изъ вагона, предназначеннаго для бѣлыхъ, гдѣ они-было помѣстились, въ вагонъ для цвѣтныхъ. Многіе изъ бѣлыхъ требовали, чтобы негровы и вообще цвѣтныхъ не пускали въ вагоны, гдѣ они ѣздить, и желѣзно-дорожная компанія должна была уступить этому дикому требованію ¹⁾.

Въ женскія школы, открытыя по правиламъ безразлично для дѣвочекъ всѣхъ цвѣтовъ, сначала съ радостью соглашались принять хорошо подготовленныхъ хорошенькихъ дѣвочекъ, но какъ только узнавали, что онѣ смѣшаннаго происхожденія, являлось множество затрудненій, и, въ концѣ-концовъ, начальство школы объясняло огорченной Бетси, что, съ своей стороны, оно не имѣетъ ничего противъ принятія ея дочерей въ число ученицъ, но что большинство родителей объявили категорически, что они не пустятъ своихъ дочерей въ школу, если въ ней будутъ обучаться цвѣтныя. Затѣмъ слѣдовалъ совѣтъ отдать дѣтей въ училище, специально назначенное для цвѣтныхъ. А этого Бетси не хотѣла, такъ какъ вслѣдствіе дурной домашней подготовки маленькихъ негровы и мулатовъ, и укоренившемуся мнѣнію въ ихъ природ-

¹⁾ До сихъ поръ на нѣкоторыхъ дорогахъ въ южныхъ штатахъ не допускаютъ, чтобы цвѣтные входили въ вагоны, предназначенные для бѣлыхъ исключительно.

номъ тупоуміи и неспособности, курсъ школъ для цѣлѣнныхъ былъ гораздо ниже соотвѣствующихъ школъ для бѣлыхъ, и преподаваніе шло крайне небрежно.

Во многихъ городахъ побывалъ метисъ съ своимъ семействомъ, и вездѣ встрѣчалъ то же самое. Правда, въ сѣверныхъ штатахъ относились къ нимъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ въ южныхъ, гдѣ не разъ приходилось выдерживать самое обидное, даже унизительное обхожденіе гордыхъ приверженцевъ рабства, не успѣвшихъ отстать отъ укоренившейся привычки презирать негровъ и вообще всѣхъ цѣлѣнныхъ; но полной равноправности не было нигдѣ.

Скрывать происхожденіе своихъ дѣтей метисъ не хотѣлъ, да это было бы невозможно, такъ какъ наружность выдавала привычному глазу смѣшанную кровь. Въ особенности желтый оттѣнокъ ногтей, который нѣтъ никакой возможности уничтожить, могъ бы всякую минуту выдать истину.

Сильно огорчали эти неудачи бѣдную Бетси. Она разочаровалась въ своихъ заветныхъ мечтахъ видѣть когда-либо своихъ дѣтей пользующимися человѣческими правами и занимающими почетное положеніе въ хорошемъ обществѣ. Мысль пробраться въ Европу не разъ приходила ей въ голову. Но Богъ знаетъ, не будетъ ли ихъ преслѣдовать и тамъ тоже ничѣмъ незаслуженное презрѣніе? Къ тому же, при совершенномъ незнаніи строя жизни, каково придется неграмотному метису вести свои дѣла? А вести дѣла онъ будетъ, такъ какъ уже не можетъ сидѣть сложа руки; навѣрно увлечется какимъ-нибудь предпріятіемъ и потеряетъ состояніе. Потерявъ разъ состояніе, добытое многолѣтними трудами, что дѣлать въ незнакомой странѣ? Дядя Бой нашелъ средство преодолѣть затрудненіе. Онъ рѣшилъ, что если общество не даетъ того положенія, какое онъ и его семейство можетъ занимать по закону и нравственному праву, то это положеніе должно быть завоевано. Для этого прежде всего нужны деньги, много денегъ. Положимъ, въ заселенныхъ уже штатахъ и съ деньгами ничего не сдѣлаешь. Но при быстромъ движеніи цивилизаціи на западъ, поселившись въ преріи, долженствующей въ непродолжительномъ времени сдѣлаться штатомъ, всегда возможно толковому человѣку добиться уваженія первыхъ переселенцевъ, занять между ними, несмотря на происхожденіе, почетное мѣсто и, оказывая постоянную поддержку правильному устройству штата, заставить забыть смѣшанную кровь дѣтей и приготовить имъ такимъ образомъ то положеніе, о которомъ мечтаетъ Бетси. Старая вента расположена для этой цѣли на очень выгодномъ мѣстѣ. Границы штатовъ съ каждымъ годомъ прибли-

жаются къ ней. Съ верховьями Ридъ-Ривера познакомились скваттеры. Бѣлые авантюристы, прежде такіе рѣдкіе гости, безвыходно кутать въ вентѣ, уважають и любятъ дядю Боя. Индійцы появляются все рѣже и рѣже. Уже неподалеку устроено нѣсколько блокгаузовъ. Не сегодня,—завтра потянутся обозы переселенцевъ, мелкихъ фермеровъ. Къ тому времени надо сколотить сколько можно больше денегъ. Старшіе сыновья подростутъ и научатся вести хозяйство. Оставивъ венту, можно устроить блокгаузъ, и, благодаря старымъ связямъ съ авантюристами, сдѣлаться разомъ сильнымъ піонеромъ, могущимъ легко оказывать покровительство и поддержку небогатымъ переселенцамъ. Бетси одобрила планъ своего мужа. Дѣвочекъ рѣшили оставить дома, доставляя имъ сколько возможно больше книгъ для чтенія. Счастливый случай заставилъ измѣнить рѣшеніе относительно дѣвочекъ.

Въ С.-Люисѣ, одна лѣди, ярая аболіціонистка, открыла частный пансіонъ, въ который принимали безъ различія бѣлыхъ и цвѣтныхъ, хорошо подготовленныхъ дѣвочекъ. Чтобы побудить бѣлыхъ, преимущественно переселенцевъ изъ Европы, отдавать своихъ дочерей въ ея пансіонъ, она обучала ихъ бесплатно. Многіе преподаватели согласились помогать этому благому дѣлу, и пансіонъ вошелъ въ славу. Состоятельные мулаты поняли значеніе этого пансіона и не жалѣли матеріальныхъ средствъ. Узнавъ объ этомъ пансіонѣ, дядя Бой помѣстилъ туда дочерей и, разумѣется, не поскупился на пожертвованіе въ пользу пансіона.

Затѣмъ, метисъ и Бетси снова поселились въ своей вентѣ. Имѣя опредѣленную цѣль впереди, Бетси съ удвоенной энергіей принялась за обученіе бывшихъ при ней дѣтей, и старалась пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ. Дядя Бой почти не выходилъ изъ-за стойки. Онъ сдѣлался еще жаднѣе, чѣмъ прежде; не упускалъ случая, подъ благовиднымъ предлогомъ, поживиться на счетъ заѣзжихъ авантюристовъ и индійцевъ. Въ то же время онъ всѣми силами старался быть полезнымъ кому только могъ, разумѣется, когда не приходилось выкладывать своихъ денегъ. Дѣло пошло блистательно. Торговля сырьемъ давала огромные барыши. Вента была полна посѣтителей. Вліяніе на авантюристовъ и почетная извѣстность дяди Боя росла въ преріяхъ.

Капиталъ значительно увеличился, и во время моего поступленія, по расчетамъ дяди Боя, чрезъ два года, когда возвратится Артуръ, и Вильямъ поучится годъ на какой-нибудь фермѣ, можно устроить блокгаузъ и завести обширное хозяйство.

А тамъ впереди уже виднѣется быстрое заселеніе дикой пре-

ріи. Індіанъ-Территори обращаются въ богатый штатъ, въ которомъ дядя Бой одинъ изъ почетныхъ гражданъ.

Уже болѣе года какъ дочери метиса, окончивъ курсъ въ пансіонѣ, поселились въ вентѣ, гдѣ съ ихъ возвращеніемъ жизнь стала гораздо веселѣе.

Изрѣдка семейство дяди Боя ѣздило къ двумъ или тремъ піонерамъ, миль за полтораста или за двѣсти.

Также семейства этихъ піонеровъ, не слишкомъ державшихся расовыхъ предразсудковъ и очень уважавшихъ дядю Боя, бывали иногда въ вентѣ.

Старый метисъ всматривался, изъ-за своей конторки, въ поствитителей венты, и, замѣтивъ между авантюристами порядочнаго человѣка, приглашалъ его къ себѣ въ гости.

Такимъ образомъ разнообразилась нѣсколько затворническая жизнь молодыхъ дѣвушекъ. Несправедливое пренебреженіе къ цвѣтнымъ не могло не повліять и на дочерей дяди Боя, успѣвшихъ уже на себѣ испытать это пренебреженіе. Несмотря на всѣ старанія содержательницы пансіона, къ которой обитательницы венты питали чувство, близкое къ благоговѣнію, ей удалось искоренить въ своихъ ученицахъ расовой нетерпимости. Юныя воспитанницы изъ бѣлыхъ, перенимая привычки отъ старшихъ, всегда относились свысока къ своимъ цвѣтнымъ подругамъ, и не считали непристойнымъ при случаѣ попрекать ихъ происхожденіемъ. Когда дочери метиса перестали быть дѣвочками, онѣ не могли не замѣтить разницу въ обращеніи молодыхъ джентльменовъ съ ихъ бѣлыми подругами и съ ними. Случалось иногда, что ихъ принимали за бѣлыхъ, такъ какъ по лицу было трудно узнать въ нихъ цвѣтныхъ, и обходились съ должнымъ уваженіемъ, но какъ только замѣчали желтоватый оттѣнокъ ногтей, обращеніе тотчасъ измѣнялось и переходило въ обидно-покровительственный тонъ. Понятно, что все это не могло не отразиться на характерѣ и обращеніи дѣвушекъ. Онѣ какъ бы сами стыдились своего происхожденія.

Первые дни своего пребыванія въ вентѣ я замѣтилъ, что молодые леди не снимаютъ перчатокъ, не только во время обѣда и ужина, но и работая иглой. Неужели же, подумалъ я, онѣ такъ заботятся о красотѣ своихъ рукъ, что никогда не снимаютъ перчатокъ. Не долго думая, я спросилъ ихъ объ этомъ. Дѣвушки странно сконфузились. Бывшій тутъ Вильямъ объяснилъ мнѣ, что его сестры всегда надѣваютъ перчатки, когда есть кто-нибудь изъ бѣлыхъ, чтобы предательскіе желтые ногти безпрестанно не напоминали гостю, что онъ имѣетъ дѣло съ цвѣтными.

Разумѣется, я поспѣшилъ увѣрить моихъ хозяекъ, что такая предосторожность относительно меня совершенно лишняя.

Замѣчательно, что, несмотря на несправедливости бѣлыхъ, въ словахъ метиса и его семейства я не замѣтилъ никакого озлобленія противъ притѣснителей. Напротивъ, они какъ бы сознавали превосходство бѣлой расы, и заботились только о томъ, чтобы сдѣлаться достойными стать съ бѣлыми на одну ногу.

Авантюристы безпрестанно прїѣзжали и увѣзали изъ венты. Черезъ нихъ вѣсть объ устройствѣ постоянной переправы чрезъ Ридъ-Риверъ быстро распространилась въ преріи. Не успѣли мы окончить работъ, какъ со стороны штатовъ прибылъ транспортъ переселенцевъ, рассчитывавшій переправиться на нашихъ плоткахъ.

Это былъ піонеръ, продавшій свою землю въ Техасъ и подвигавшійся съ своимъ семействомъ, пріемышами, работниками и всѣмъ хозяйствомъ далѣе на западъ, на ту сторону Ридъ-Ривера.

Медленно подвигался транспортъ, состоящій изъ 30 огромныхъ фургоновъ, запряженныхъ рослыми быками, въ вентъ.

Впереди, вѣрнымъ, какъ-бы размѣреннымъ шагомъ, шель самъ старшій піонеръ въ широкополой войлочной шляпѣ, съ неизмѣннымъ длиннымъ карабиномъ за плечомъ, топоромъ и ножомъ у пояса, и коротенькой трубкой въ зубахъ. За нимъ шло нѣсколько молодыхъ людей, составлявшихъ передовую стражу.

Такой же арьергардъ шель за фургонами и гналъ запасное стадо быковъ. Фургоны были тяжело нагружены принадлежностями полнаго хозяйства.

По четыре и по пяти паръ сильныхъ быковъ, запряженныхъ въ каждый изъ такихъ фургоновъ, похожихъ скорѣе на подвижные дома, съ усиліемъ, медленно тащили ихъ по каменистой дорогѣ. Множество женщинъ и дѣтей всѣхъ возрастовъ шли около фургоновъ или сидѣли подъ хорошо устроенными для нихъ навѣсами наверху вожовъ. За каждымъ фургономъ были привязаны на цѣпяхъ, покрытые попонами, заводскіе пенсильванскіе жеребцы и крупныя дойныя коровы. Быки, какъ упряжные, такъ и запасные, были все заводскіе, крупной рабочей породы.

Очевидно, это переселялся богатый, опытный піонеръ. Онъ велъ съ собою только жеребцовъ и заводскихъ быковъ, рассчитывая скупить для большого скотоводства кобылицъ и коровъ въ преріи. Чего только не было на его фургонахъ: и плуги, и кастрюли, и кухонная посуда, разобранный локомобиль, топоры, лопаты, утюги, веревки, холсты, нитки, полосовое желѣзо, однимъ словомъ все, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность при устрой-

ствѣ полнаго хозяйства. Огромные тюки, зашитые въ кожи, были вѣроятно съ товарами для промѣна.

Подойдя на разстояніе двухъ-сотъ шаговъ отъ венты, старый піонеръ остановилъ транспортъ и велѣлъ составить кораль. По тому, какъ ловко и скоро было исполнено приказаніе, можно было судить, что хозяйство у этой партіи должно пойти хорошо.

Составивъ кораль, выпратли быковъ и одна партія піонеровъ погнала ихъ въ лѣсъ на пастбу.

Женщины развели костеръ и стали готовить ужинъ.

Старый піонеръ и незанятые люди вошли въ венту.

Они, какъ принадлежащіе къ обществу умѣренности, не пили спиртовыхъ напитковъ, и зашли въ венту, чтобы познакомиться съ своимъ будущимъ сосѣдомъ, хозяиномъ знаменитой венты, и разспросить о положеніи дѣлъ по ту сторону рѣки.

Узнавъ, что переправа еще не совсѣмъ окончена, старый піонеръ рѣшился дать отдохнуть своимъ быкамъ и предложилъ свою помощь для окончанія паромовъ. Такимъ образомъ, прибавилось еще сорокъ хорошихъ рабочихъ, правда, уступающихъ нѣсколько скватерамъ. Наконецъ, паромы были готовы. Канаты свиты, испробованы и натянуты. Съѣзды съ обѣихъ береговъ скопаны и сдѣланы удобными; самые причалы, къ которымъ пристають паромы, выложены крупными камнями, укрѣпленными отъ подмыванія рѣкой рядомъ свай, забитыхъ въ русло и засыпанныхъ сверху крупнымъ рѣчнымъ пескомъ.

При веселыхъ пѣсняхъ попробовали переправить ненагруженные паромы на ту сторону рѣки и обратно.

Оказалось, что все удалось выстроить хорошо. Тогда перевезли транспортъ піонеровъ.

Старый піонеръ не потратилъ даромъ время, проведенное имъ въ вентѣ дяди Боя. Сидя за стаканомъ лимонада, разсуждая съ метисомъ и старыми скватерами, онъ умѣлъ выказать имъ свой умъ, опытность, и зарекомендовать себя съ отличной стороны. Ко времени отъѣзда всѣ считали піонера заваднымъ другомъ. Скватеры рѣшились даже отложить выпивку по случаю окончанія дѣла, чтобы проводить транспортъ черезъ горы и заодно, сравнявъ нѣкоторые бугры и вогоры, устроить хорошую удобопрѣзжимую для фургоновъ дорогу.

Еще не успѣли мы переправить на другой берегъ поѣздъ піонера, какъ къ вентѣ подъѣхалъ другой транспортъ. Это торговецъ сырьемъ везъ товаръ въ преріи, на ту сторону Ридъ-Ривера. По словамъ дяди Боя, пріѣздъ транспортовъ былъ счастливымъ предзнаменованіемъ, что черезъ эту переправу пойдетъ

большая торговая дорога и результатомъ частаго проѣзда будетъ то, что эта мѣстность скоро заселится.

Окончивъ всѣ работы, я отправилъ одного изъ сопровождавшихъ меня вачеро въ блокауэъ патрона съ подробнымъ отчетомъ. Такъ какъ устройство паромовъ обошлось значительно дешевле предполагаемой суммы, то я полагаю умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько подарковъ трудившимся надъ плотами скватерамъ. Кромѣ того, я просилъ дать мнѣ инструкцію, что дѣлать дальше и какія мѣры принять для защиты плотовъ отъ индійцевъ и другихъ злонамѣренныхъ людей, которымъ наши плоты не могли особенно нравиться. Положимъ, съ одной стороны близость венты защищала переправу, но съ противоположнаго, чрезвычайно пересѣченнаго и удобнаго для внезапнаго нападенія, берега переправа была совершенно беззащитна. Отправивъ вачеро, я и Вильямъ поѣхали догонять ушедшій уже, въ сопровожденіи скватеровъ, транспортъ піонера и настигли его недалеко отъ берега.

Самый удобный проходъ чрезъ горы былъ не что иное какъ широкая извилистая разсѣлина въ пещанниковомъ горномъ краѣѣ. Надо полагать, что эта разсѣлина была прежде очень глубока и суживалась книзу. Мало-по-малу скалы, разрушаясь и обваливаясь въ эту трещину, расширили ее сверху и завалили снизу, образовавъ родъ узкой долины, имѣющей отъ десяти до двадцати сажень ширины. Дно долины ясно говорило о частыхъ обвалахъ сосѣднихъ скалъ. Оно все состояло изъ осколковъ скалъ, плотно слежавшихся отъ времени, и представляло довольно ровную поверхность, загромажденную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камнями значительной величины. Проѣздъ по этой долинѣ, хотя съ рискомъ, былъ возможенъ для небольшихъ фургоновъ, запряженныхъ мулами, какіе обыкновенно употребляютъ торговцы сырѣмъ, но былъ непроѣздимъ для огромныхъ фургоновъ піонера.

Чтобы провести транспортъ, надо было почти на каждомъ шагу отваливать камни, засыпать ямы, выравнивать кособоры, обивать выступы скалъ на поворотахъ. Безъ помощи скватеровъ, піонеру пришлось бы потратить много времени, чтобы пройти около двадцати миль, на которыя тянется это ущелье. Вдобавокъ, въ каменистомъ проходѣ не растетъ ни клочка травы; вездѣ одни осколки камня. Съ обѣихъ сторонъ высокія отвѣсныя скалы, позволяющія видѣть надъ собою только узкую полосу неба. Взобраться на эти скалы можно въ немногихъ мѣстахъ, и то очень ловкому человѣку. Взогнать туда лошадь или быка и думать нечего.

Таковъ былъ самый лучший проходъ. Каковы же другіе, менѣе удобныя? Благодаря гигантскимъ усиліямъ скватеровъ и піонеровъ, послѣ работы, продолжавшейся съ обѣда перваго дня до вечера, всю ночь напролетъ и весь слѣдующій день, транспортъ достигъ, наконецъ, того мѣста, гдѣ корридоръ начинаетъ расширяться мало-по-малу въ широкую долину, составляющую уже часть преріи, покрытой, несмотря на позднее время года, роскошною травой. Далѣе не встрѣчались препятствія для проѣзда.

Поспѣшили выпустить на кормъ быковъ, проводившихъ полтора сутокъ безъ воды и корма, и улеглись отдохнуть отъ усиленной работы.

Утромъ, обмѣнявшись прощальными рукопожатіями и общаніемъ не забывать другъ друга, скватеры, я, и Вильямъ вернулись назадъ, а піонеры продолжали свой путь. Впрочемъ, піонеры ушли всего нѣсколько миль отъ того мѣста, гдѣ мы разстались.

Старику понравилась небольшая, порослая лѣсомъ, долина на берегахъ обильнаго хорошей водою ручья, и онъ рѣшилъ остановиться здѣсь, и, осмотрѣвшись хорошенько, начать строить блокгаузъ.

Проѣзжая обратно по проходу, я изумился громадности работы, произведенной въ такое короткое время. Непроѣзжимый для два тому назадъ корридоръ представлялъ теперь отличную дорогу. Хоть побѣжай въ ресорномъ экипажѣ.

Я мысленно благодарилъ стараго піонера, догадавагоса пройти здѣсь со своимъ транспортомъ. Безъ него расчистку прохода пришлось бы производить намъ съ нашими вачеро, отличными наѣздниками, неутомимыми охотниками, сторожами и пастухами, но очень плохими работниками, въ особенности когда приходится имѣть дѣло съ камнями въ нѣсколько тоннъ вѣсу. Піонеръ оказалъ мнѣ и другую услугу своею помощью окончить скорѣе переправу.

Въ вентѣ мы застали первую партію скватеровъ, пригнавшихъ лѣсъ съ верховья. Не будь переправа окончена, съ завтрашняго дня скватеры оставили бы работу, такъ какъ имъ нужно было начать свое дѣло—перетаскивать пригнанный лѣсъ къ лѣсопильнямъ, устроеннымъ на горномъ притоѣ Ридъ-Ривера, гдѣ лѣсъ предполагали переработать въ брусъ и доски, и уже въ такомъ видѣ сплавлять внизъ по рѣкѣ, на продажу.

Сегодняшній день былъ посвященъ общей попойкѣ въ честь счастливаго окончанія переправы. Было выпито очень много виски. Къ угощенію, сдѣланному мною, присоединили еще спирто-

выхъ напитковъ на тѣ десять иглей, которые передалъ Вильяму на этотъ предметъ старый піонеръ въ благодарность за помощь при проводѣ транспорта чрезъ ущелье.

Къ вечеру возвратился мой посланный съ пакетомъ отъ патрона. Подарки, которые я полагалъ раздать скватерамъ, были уже выправлены и должны были прибыть дня черезъ два, такъ какъ вачеро ѣхалъ ближайшимъ путемъ по берегу, гдѣ ѣхали мы, а транспортъ, по причинѣ начавшагося подъема воды, долженъ былъ обходить горы и лѣса и сдѣлать сотни полторы миль объѣзда.

Въ присланномъ пакетѣ, патронъ мой выражалъ свое удовольствіе въ успѣшномъ окончаніи устройства переправы и давалъ слѣдующую инструкцію для дальнѣйшихъ дѣйствій.

1) Изыскать средства для наивыгоднѣйшаго приведенія въ надлежащій видъ дороги черезъ ущелье, прилегающее къ переправѣ.

Благодаря скватерамъ и піонерамъ это было уже сдѣлано.

2) Такъ какъ по свѣдѣніямъ, дошедшимъ съ праваго берега Ридъ-Ривера, индійцы, по наущенію нѣкоторыхъ изъ бѣлыхъ авантюристовъ, высказываютъ неудовольствіе на устройство постоянной переправы, то послать вачеро, по имени «Скальпированный Пьеръ», въ сопровожденіи авантюриста, нанятаго по его усмотрѣнію въ вентѣ, и одного изъ метисовъ, сопровождающихъ транспортъ съ подарками скватерамъ, для переговоровъ съ начальниками племенъ. Пьеръ, хорошо знаваемый съ обычаями индійцевъ, долженъ былъ успокоить ихъ, объяснить выгоду переправы для самихъ индійцевъ и обѣщать начальникамъ подарки, которые и будутъ имъ высланы тотчасъ по возвращеніи Пьера.

3) Приискать чрезъ дядю Боя или бывающихъ у него авантюристовъ, не имѣется ли между скватерами или авантюристами желающихъ устроить блокгаузъ, но не располагающихъ достаточнымъ количествомъ денегъ для этого дѣла. Открыть такимъ охотникамъ для первоначальнаго обзаведенія кредитъ насчетъ компаніи, на самыхъ легкихъ условіяхъ, не превышая однако же суммы въ 20,000 дол., и не долже какъ на пять лѣтъ, вмѣнивъ при этомъ въ непремѣнную обязанность устроить блокгаузъ на правомъ берегу рѣки недалеко отъ переправы, которую они обязаны караулить и защищать.

4) Поддерживать самыя дружескія отношенія со скватерами; стараться, чтобы въ вентѣ было побольше авантюристовъ, готовыхъ подать помощь въ случаѣ надобности, и оставивъ вачеро и мети-

совъ, конвоирующихъ транспортъ съ подарками, при себѣ, содержать строжайшій караулъ и разъѣзды по нагорному берегу.

5) Если піонеръ, переправлявшійся черезъ Ридъ-Риверъ, вы-беретъ для блокауза мѣсто не очень далеко, то стараться войти съ нимъ въ дружескія отношенія и сговориться съ нимъ вести за-одно покупку скота съ тѣмъ, чтобы убойный скотъ шелъ для нашей компаніи, а годный на племя поступалъ ему. Иначе, дѣйствуя порознь, мы будемъ только мѣшать другъ другу.

Затѣмъ, сожалѣя, что не можетъ лично повидаться со мною, такъ какъ долженъ ѣхать съ партіей скота въ штаты, патронъ выражалъ увѣренность, что къ его возвращенію я устрою все какъ слѣдуетъ и можно будетъ перенести безъ затрудненій наше предпріятіе на правый берегъ Ридъ-Ривера.

Такого рода распоряженіе не могло не озадачить меня.

Окончивъ устройство переправы, я рассчитывалъ ѣхать въ штаты, надѣясь, что защищать переправу, вести нужные переговоры съ индійцами и піонерами будетъ назначенъ кто-либо другой, болѣе опытный въ этомъ дѣлѣ.

Однако дѣлать было нечего, приходилось приниматься за выполнение возложенныхъ порученій.

Какъ я уже сказалъ, дорога чрезъ ущелье была готова. Со скватерами я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и вѣроятно, задача присланныхъ подарковъ, на которые они не могли рассчитывать, не испортитъ нашей дружбы. Сойтись съ піонеромъ, остановившимся не вдалекѣ, не представляло особенныхъ затрудненій. Точно также не трудно послать Пьера къ индійцамъ, распорядиться, чтобы имъ были доставлены подарки и позаботиться, чтобы въ вентѣ были постоянно вачеро, готовые намъ на помощь. Въ особенности о послѣднемъ хлопотать было нечего, потому что, во-первыхъ, самъ дядя Бой принималъ зависящія мѣры, чтобы его вента не оставалась безъ посѣтителей, а во-вторыхъ, стоило вачеро, изъ партіи отданной въ мое распоряженіе, отпускать по-очередно пьянствовать въ венту, и этого будетъ совершенно достаточно, чтобы подзадорить всякаго проѣзжаго авантюриста пробѣжать въ вентѣ для компаніи дня два лишнихъ, пока въ поясѣ не останется ни одного игла. Но устройство постоянной надежной защиты паромовъ на правомъ берегу рѣки представляло много затрудненій. Безъ хорошо устроеннаго блокауза въ виду переправы трудно защищать паромы, еслибы значительная партія индійцевъ или рыцарей пустыни вздумала ихъ уничтожить.

Положимъ, сначала на незначительный промежутокъ времени можно было содержать строгій караулъ и разъѣзды при помощи

отряженныхъ въ мое распоряженіе двадцати вачеро и трехъ метисовъ-лазутчиковъ. Но поддержать такой караулъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть цѣлаго года, было бы накладно, такъ какъ, не считая моего содержанія, за которое я могъ заняться чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ караула паромовъ, каждый вачеро стоилъ компаніи пять долларовъ въ день жалованьемъ, да около доллара шло на содержаніе.

Изысканіе самаго дешеваго способа защищать переправу составляло, такъ-сказать, самую суть возложеннаго на меня порученія. А этого я и не зналъ какъ сдѣлать. Ни дядя Бой, ни бывшіе у него авантюристы не могли указать никого подходящаго для этого дѣла. Напрасно справлялся я у скватеровъ, оставшихся очень довольными присланными подарками, состоявшими изъ топовъ, пиль, одѣялъ, зарядовъ и табаку, не пожелаетъ ли которая-нибудь партія оставить бродячую жизнь и воспользоваться случаемъ обзавестись осѣдлостію, — охотниковъ не оказывалось.

Съѣздивъ къ піонеру, расположившемуся бивуакомъ на избранномъ мѣстѣ, я, передавши ему свои соображенія насчетъ скота, попробовалъ-было уговорить его начать постройку блокгауза не такъ далеко, а на самомъ берегу рѣки. Старикъ считъ выгоднымъ сойтись съ нами для закупки нужнаго скота и рѣшился обождать того времени, когда наша компанія перенесетъ свою дѣятельность на правый берегъ рѣки; устроить же свой блокгаузъ гдѣ бы то ни было, кромѣ избраннаго имъ самимъ мѣста, отказался наотрѣвъ. Впрочемъ, считая переправу и для себя очень полезною и даже необходимою, онъ общалъ все время, пока я съ своими вачеро буду содержать караулъ, присылать поочередно по два человека изъ своей партіи намъ въ помощь, а если это окажется неудобнымъ, то нанять съ своей стороны четырехъ вачеро, долженствующихъ тоже находиться въ моемъ распоряженіи. Волей-неволей приходилось караулить собственными средствами. Согласно уговору, сдѣланному съ дядей Боемъ еще до начала работы, онъ взялъ на себя безвозмездное наблюденіе на лѣвомъ берегу, а я съ своими вачеро расположился бивуакомъ на правомъ берегу Ридъ-Ривера.

У самаго ущелья или прохода черезъ горы, на перевалѣ хребта, возвышалась одинокая скала. Какъ со стороны ущелья, такъ и съ сѣвера эта гора была совершенно неприступна. Со стороны же рѣки и преріи на нее можно было взлѣзть верхомъ, пользуясь выступами скалъ и неглубокими расщѣлинами или промоинами. Взобраться на нее со стороны преріи было значительно труднѣе, тогда какъ къ рѣкѣ вела довольно сносная лѣсная тро-

пинга, оканчивающаяся у самого побережья, нѣсколько сажень выше причаловъ паромовъ. По песчаному побережью можно было легко добраться до переправы.

Плоскую вершину этой скалы я избралъ мѣстомъ для бивуака. Отсюда былъ видѣнъ весь проходъ за исключеніемъ нѣсколькихъ поворотовъ, закрытыхъ скалами; съ одной стороны прерія на значительное пространство; съ другой — весь лѣсистый береговой склонъ хребта и Ридъ-Риверъ на далекое разстояніе, вверхъ и внизъ.

Наши плоты были совершенно ясно видны, и въ случаѣ опасности къ нимъ можно поспѣть во-время.

Трудно найти болѣе удобный пунктъ для наблюдательнаго поста. Чтобы пройти незамѣченнымъ къ нашей переправѣ нужно было прокрадываться нѣсколько десятковъ миль по склону хребта, покрытаго лѣсомъ, что было почти невозможно, такъ какъ голыя скалы прерывали лѣсъ и, по причинѣ овраговъ и отвѣсныхъ обрывовъ, трудно было предположить, чтобы кто-либо отважился на такой подвигъ.

Расположивъ бивуакъ на плоской вершинѣ скалы, приходилось держать караульныхъ только у самой переправы, что давало возможность усилить разъѣзды въ преріи. Метисы должны были пѣшкомъ осматривать лѣсной склонъ хребта и принимать участіе въ дальнихъ разъѣздахъ.

А. Бурвскій.

ЭМИГРАНТЪ

САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ЯНА ЛАМА.

Koroniarz w Galicji, czyli Powagi powiatowe. Szkice współczesne,
przez N. M. Lwów.

Въ прежней польской литературѣ напрасно было бы искать сатирика въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Можно указать на писателей, которые отличались остроуміемъ и юморомъ, — такими писателями съ избыткомъ богата польская литература; но сатирика, въ истинномъ значеніи этого слова, она не представляетъ, да и вообще, при отсутствіи въ ней независимой отъ предразсудковъ и предубѣжденій литературной критики, ни одному писателю не указано принадлежащаго ему по праву мѣста и не опредѣлены дѣйствительное значеніе и характеръ его произведеній.

Въ исторіи польской литературы имена писателей располагаются обыкновенно по эпохамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, причѣмъ одному дается названіе философа, другому — историка, третьему — поэта и т. п., безъ всякихъ попытокъ опредѣлить дѣйствительное значеніе того или иного писателя въ ряду другихъ и указать степень вліянія его на развитіе современной мысли, науки и искусства. Но и при такой чисто-механической классификаціи, названіе сатирика носятъ все-таки очень немногіе польскіе писатели. Съ нѣкоторымъ правомъ можетъ претендовать изъ старыхъ писателей на названіе сатирика развѣ одинъ Христофоръ Опалинскій, писатель первой половины XVII столѣтія. Сатиры его имѣли въ свое время большой успѣхъ и были нѣ-

сколько разъ издаваемы ¹⁾. Написаны онѣ неримованными стихами и нападаютъ на роскошь и излишества шляхты, на ея крайній развратъ и безнравственность, сопряженные съ безчеловѣчнымъ угнетеніемъ хлоповъ. Сатирикъ, повидимому, не столько додумывается, сколько инстинктивно доходитъ до пониманія внутреннихъ причинъ зла, лежавшихъ въ самомъ социальномъ устройствѣ польскаго общества. Это замѣчательно тѣмъ болѣе, что Опалинскій былъ панъ изъ пановъ, богатый и сильный. Сатира его противъ крайняго угнетенія хлоповъ оканчивается слѣдующими словами:

«...Bóg Polskę karze
Najwięcej za poddanych: ba i karać będzie,
Jeżeli się, polaku, nie obaczysz kiedy»,—

то-есть: «Богъ казнить Польшу больше всего за крестьянъ (poddanych, т.-е. крѣпостныхъ) и впредь не перестанетъ казнить, если поляки не образумятся». Въ литературномъ отношеніи, впрочемъ, сатиры Опалинскаго весьма слабы. Онѣ не чужды даже рѣзкой брани и похожи не столько на произведеніе художественной литературы, сколько на грозный обвинительный актъ противъ современнаго имъ общества. «Нѣтъ и слѣда поэзіи въ сатирахъ Опалинскаго, о ней онъ не имѣлъ понятія» — говоритъ Бартошевичъ въ своей исторіи польской литературы. Самъ Опалинскій, по словамъ того же историка, былъ человекъ «надменный, постоянно ссорившійся съ королемъ Яномъ-Казиміромъ, жадный и вѣроломный»...

Впрочемъ, нѣтъ ничего, удивительнаго въ томъ, что въ сферѣ художественныхъ произведеній польская литература бѣдна истинно-сатирическимъ элементомъ. Какъ выраженіе однихъ отрицательныхъ воззрѣній на жизнь, исполненныхъ ироніи и желчи, сатира не могла найти себѣ надлежащаго представителя въ польской литературѣ, исполненной вообще лиризма. Въ области лирики польская художественная литература богата поэтою замѣчательнѣйшими и гениальными представителями. Критическое отношеніе къ жизни, сатирическій взглядъ на ея аномаліи совершенно противны прежнему польскому міровоззрѣнію, и если подобный взглядъ и отношенія къ жизни встрѣчаются иногда въ произведеніяхъ того или иного писателя, то всегда грѣшатъ нѣкоторою односторонностію и поверхностностію, старательно обходятъ принципы и такъ-называемыя «основы» общественныхъ, гражданскихъ

¹⁾ Въ 1698 г. они вышли вторымъ уже изданіемъ, подъ заглавіемъ „Juvenalis Redivivus, to iest Satyry albo Przestrogi“.

и социальныхъ отношеній, ограничиваясь трогательными помышленіями развѣ о нѣкоторыхъ незначительныхъ улучшеніяхъ. Панъ Опалинскій, воевода познанскій, былъ бы вполне доволенъ и, быть можетъ, не писалъ бы даже своихъ сатиръ, если бы шляхта не очень обременяла хлопковъ непосильными работами, меньше спаивала бы ихъ въ принадлежащихъ ей корчмахъ скверною водкою и такимъ отвратительнымъ пивомъ, которымъ, по его словамъ — «можно бы отравить всѣхъ чертей въ аду». Оптимистическое отношеніе къ «жизненнымъ аномаліямъ», въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, лишь бы не вредили интересамъ шляхты, всегда было присуще и къ сожалѣнію до днесь свойственно истинно «шляхетско»-польскому міровоззрѣнію. Весьма естественно, что съ точки зрѣнія сословныхъ интересовъ не было въ мірѣ государственнаго порядка совершеннѣе польскаго, не было общества, въ которомъ всѣ условія жизни были бы столь превосходны!.. Гдѣ же тутъ мѣсто для сатиры?

Критическое отношеніе къ жизни и вытекающій отсюда сатирическій взглядъ на ея ненормальныя явленія и темныя стороны остались чуждыми польской литературы и въ ближайшія ея эпохи. Изъ писателей новаго времени имя сатирика приписывается Августу Вильконскому; его называютъ даже польскимъ Свифтомъ. Но, въ сущности, это былъ только человѣкъ веселаго нрава и не чуждый остроумія и нѣкотораго юмора, но отнюдь не серьезный мыслитель и весьма неглубокій скептикъ. На литературное поприще онъ выступилъ шутя, уже на 35-мъ году своей жизни, и то благодаря только стѣсненнымъ своимъ обстоятельствамъ и безвыходности матеріальнаго положенія. Родился онъ въ княжествѣ познанскомъ въ 1805 году, и по смерти отца скоро прогулялъ все свое состояніе. Вильконскій переселился тогда въ царство польское, нѣкоторое время снималъ на аренду небольшія шляхетскія имѣнія и — остался буквально безъ салогъ. Тогда онъ взялся за литературу.

«*Ramoty i Ramotki*» (разсказы и побасенки) Вильконскаго, печатавшіеся въ сороковыхъ годахъ въ журналѣ «*Biblioteka Warszawska*» и изданные потомъ нѣсколько разъ отдѣльно ¹⁾, имѣли въ свое время громадный успѣхъ, читались и перечитывались въ каждомъ домѣ и даже выучивались наизусть. Но причина такого успѣха лежала не въ художественныхъ достоинствахъ сатиры, а въ общихъ условіяхъ литературы и общественной

¹⁾ Они изданы вновь въ 1873 г. редакціей варшавскаго журнала „*Tygodnik Ilustrowany*“.

жизни, при которыхъ самыя легкія юмористическіе рассказы и эскизы, не чуждые близкаго, прямого отношенія къ жизни, могутъ возбуждать сильнѣйшій интересъ. И дѣйствительно, Вильконскій вѣчно веселъ, слегка насмѣшливъ, забавенъ, остроуменъ, и лишь весьма издалека намѣками, тщательно завернутыми, затрогиваетъ серьезныя стороны жизни.

Въ современной намъ польской сатирѣ, мы встрѣчаемъ еще весьма молодого писателя, но съ ясно опредѣлившимся сатирическимъ талантомъ. Это—Янъ Ламъ (Jan Lam). Его сатирическіе романы: «Rapna Emilia», «Koroniarz w Galicji», «Głowy do złotu» и др. представляютъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательное литературное явленіе и, по своему характеру, художественнымъ приѣмамъ, по глубокой ироніи и сарказму, которыми они проникнуты, составляютъ положительную новостъ въ польской беллетристикѣ. Какъ галичанинъ, Янъ Ламъ рисуетъ и безпощадно бьетъ всѣ темныя стороны и нравы того блаженного уголка, гдѣ клерикальныя и шляхетскія традиціи, симпатіи и воззрѣнія, со всею ихъ ископаемостью, сохранились во всей своей неприкосновенности. Поле—чрезвычайно благодарное для даровитаго наблюдателя! Въ извѣстныхъ кружкахъ и въ редакціяхъ большинства польскихъ изданій, романы Лама не могутъ возбуждать къ себѣ сочувствія ни на мѣстѣ своего происхожденія, въ Галиціи, ни у насъ, въ Варшавѣ. Но энергическій сатирикъ, вѣрный характеру и направленію своего таланта, разъ вступивъ на свой путь, къ чему рѣшительно не привыкла польская публика и въ чемъ она такъ нуждается, вовсе не намѣренъ, повидимому, уклоняться съ своего пути и насиловать свои убѣжденія въ угоду исторически завѣщаннымъ вкусамъ читателя. «Я пренебрегалъ вашимъ общественнымъ мнѣніемъ и тогда, когда былъ еще бѣденъ и голъ, какъ истинный дервишъ этой католической страны», — говоритъ онъ устами одного изъ выводимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ: — «я пренебрегаю этимъ мнѣніемъ и теперь, когда у меня есть деньги и когда мнѣ стоило только позолотить гербы на дверцахъ моей кареты, встряхнуть банковыми билетами, лежащими въ моемъ портфелѣ, накормить десятка два лакейскихъ душъ и послать ихъ за этимъ мнѣніемъ, чтобы оно немедленно явилось ко мнѣ на службу и стало пресмыкаться у моихъ ногъ, лизать мои сапоги, какъ хорошо дрессированная собака»... Такія рѣчи вообще необычны въ устахъ польскаго романиста, и не могутъ не поражать своею энергіею и рѣзкостію публику, привыкшую искать въ художественномъ словѣ только изліянія возвышенныхъ чувствъ, порывовъ къ туманному идеалу...

Изъ названныхъ нами произведеній Яна Лама мы намѣрены познакомить читателя съ его «Kogoniarz w Galicji» ¹⁾, по нашему переводу «Эмигрантъ». Герой этого романа—молодой повстанецъ, бѣжавшій въ Галицію изъ русской Польши. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ льется человѣческая кровь, вслѣдствіе ли безотчетнаго увлеченія, вслѣдствіе ли политическаго или иного фанатизма, или по какимъ бы то ни было инымъ причинамъ, тамъ не можетъ быть ничего забавнаго и комическаго, тамъ не можетъ быть мѣста досужему зубоскальству и нахальному глумленію, которымъ способна предаваться только тупая бездарность и самодовольная посредственность... Содержаніемъ романа «Эмигрантъ» служатъ вовсе не трагическія сцены самаго возстанія, цѣлью—не возбужденіе племенной ненависти и раздраженія; сатирикъ задался мыслью охарактеризовать то участіе, какое принесла въ возстаніи галиційская шляхта и тотъ пошло-комическій фарсъ сословнаго патріотизма, который былъ ею такъ нелѣпо разыгранъ. Въ сатирѣ заключена превосходная коллекція типовъ, напоминающая другое собраніе великолѣпныхъ типовъ, какое мы имѣемъ въ «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя. «Эмигрантъ» предъ вашими глазами развертываетъ панораму горячихъ патріотовъ и жалкихъ трусовъ, прятавшихся въ минуту опасности и потомъ хваставшихъ своими подвигами, политическихъ «повѣтовыхъ авторитетовъ», отличающихся невѣжествомъ, слабоуміемъ и мелкимъ эгоизмомъ; въ эту среду является, подобно Чичикову, герой романа, панъ Артуръ Кукельскій, типъ варшавскаго хлыща, живьемъ взятаго съ варшавской мостовой, со всею его пошлостью и самоувѣренностью, съ желаніемъ вѣчно рисоваться и ежеминутно спасать отечество подъ условіемъ собственной безопасности, не сознавая при этомъ, что отечеству всего нужнѣе было бы спастись отъ такихъ героевъ.

Сатирическая поэма Гоголя, беспощадно анатомировавшая нашу «интеллигентную» массу и напедшая въ ней однихъ только Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, Маниловыхъ и т. д., также оскорбила въ свое время нашихъ лже-патріотовъ; но огромное большинство публики восхищалось сатирическою поэмою Гоголя; наконецъ, эта поэма нашла себѣ такого истолкователя, какъ Бѣлинскій, и голосъ Бѣлинскаго покрылъ собою негодованіе «патріотовъ». Немногимъ могло придти въ голову обвинять Гоголя въ недостаткѣ любви къ отечеству, въ желаніи опозорить

¹⁾ Авторъ, т.-е. Янъ Ламъ, считъ нужнымъ въ этомъ романѣ скрыть свое имя подъ буквами „N. M.“, но что романъ принадлежитъ ему—это не составляетъ тайны.

общественныя силы съ цѣлью возбудить въ нихъ недовѣріе и оправдать тѣмъ всякую болѣе энергическую опеку надъ ними. Совсѣмъ не то можетъ ожидать искреннаго и талантливаго сатирика въ огромномъ большинствѣ польской печати и въ извѣстныхъ общественныхъ кружкахъ. Мы уже объяснили выше причины тому, а теперь приведемъ въ подтвержденіе сказаннаго нами примѣръ, извѣстный нашимъ читателямъ.

Ровно годъ тому назадъ мы помѣстили въ «Вѣстникъ Европы» историческую статью: «Польша и поляки при Станиславѣ Понятовскомъ», безъ всякихъ сатирическихъ намѣреній и на основаніи несомнѣнныхъ документовъ. Эти документы не составляютъ для поляковъ новости, и мы, знакомя съ ними русскаго читателя въ интересъ науки и исторической истины, не думали вводить напраслины на недавнее прошлое польскаго общества. Но польскій лиризмъ таковъ, что онъ требуетъ непременно прикритія мрачныхъ сторонъ прошлаго густою завѣсою молчанія, живетъ въ мірѣ постоянныхъ иллюзій и эгоистическаго самообольщенія, и пріучаетъ вѣрить и утверждать, что оно, это прошлое, не только не мрачно, но напротивъ—неподражаемо-прекрасно!..

Дѣйствительно, ни одинъ органъ польской печати не упомянулъ ни однимъ словомъ о тѣхъ сборникахъ, на основаніи которыхъ мы составили ту статью, не заинтересовался ими и не познакомилъ съ содержаніемъ ихъ своихъ читателей. Это—фактъ. Большинство этихъ органовъ живетъ въ своемъ собственномъ мірѣ, имѣетъ свои собственные, исключительные принципы, свои исключительныя симпатіи и антипатіи, какъ французскіе легитимисты Сентъ-Жерменскаго предмѣстья. Органы эти полагаютъ, что голосъ исторической истины не нуженъ польскому обществу и даже, пожалуй, вреденъ; они думаютъ, что полезнѣе кормить его наивными разсужденіями о политикѣ Бисмарка, о Макъ-Магонѣ и пр.; они убѣждены, что для нравственной пользы нужно занимать общественный умъ археолого-меланхолическими размышленіями о вещественныхъ памятникахъ прошлаго, приковывать его вниманіе къ развалинамъ старыхъ часовенъ и старо-магнатскихъ замковъ, старательно отыскиваемыхъ и воспроизводимыхъ на литографическомъ камнѣ и на страницахъ иллюстрацій, не упоминая, впрочемъ, о томъ, что происходило въ этихъ замкахъ... Наша статья, или лучше сказать, интимная переписка послѣдняго польскаго короля, обнаруживала темныя стороны въ прошедшей жизни польскаго общества, и этого уже достаточно было, чтобы въ польской печати, и даже въ тѣхъ ея органахъ, которые сами

ведутъ борьбу съ своими мѣстными старовѣрами, вызвать почти негодованіе ¹⁾).

Если общественные нравы таковы, что спокойный голосъ исторіи допускается только подъ условіемъ пріятнаго,—то легко можно себѣ представить судьбу сатиры въ такомъ обществѣ, и отношенія туземной критики къ романамъ подобнымъ «Эмигранту».

Не дѣлая полного перевода и ограничиваясь анализомъ этой сатирической поэмы Яна Лама, появившейся года два-три тому назадъ, мы постараемся однако мѣстами держаться близко подлинника и передать главные его особенности.

Въ 1863 г., въ самый разгаръ возстанія, галиційская шляхта готовилась принять въ немъ участіе и приступила къ формированію повстанскихъ отрядовъ или «корпусовъ»; но назначеніе ихъ, въ сущности, состояло не въ томъ, чтобы посылать ихъ противъ русскихъ войскъ, а въ томъ, чтобы они были будто ежеминутно готовы произвести «диверсію» и парализовать дѣйствія противныхъ силъ, занимавшихъ Подолію, Волынь и Украину.

Послѣ пораженія, гдѣ-то около Сандомира, одной изъ мелкихъ повстанскихъ шаекъ русскимъ отрядомъ является во Львовѣ

¹⁾ Статья противъ насъ появилась въ журналѣ „Niwa“, въ прошедшемъ году, за подписью Болеслава Пруссъ (кажется, псевдонимъ). Мы упоминаемъ о ней потому, что пришлось къ слову; она внушена тѣмъ же лирическимъ „чувствомъ“,—а съ чувствомъ спорить нельзя и напрасно. Ограничимся небольшимъ замѣчаніемъ. Нашъ обвинитель не говоритъ ни слова противъ документальной части статьи, противъ ея содержанія, какъ того слѣдовало бы ожидать, да и что могъ бы онъ сказать? Не можетъ же онъ утверждать, что мы сами сочиняли письма къ королю Станиславу-Августу, или получали ихъ отъ него! Вся бѣда въ заключительныхъ словахъ нашей статьи, которые г. Пруссъ не хочетъ понимать, и, не касаясь связи ихъ съ содержаніемъ самой статьи и той цѣли, къ какой они направлены, привлекаетъ насъ къ суду за клевету на польское общество. Возврънія, убѣжденія и симпатіи молодого польскаго поколѣнія мы старательно отдѣляемъ отъ тенденцій поборниковъ традиционныхъ возврвній; но г. Пруссъ не хочетъ видѣть этого существенно-важнаго обстоятельства — и весьма понятно, почему: иначе ему нечего было-бы мнѣ возражать. Насъ, впрочемъ, не удивляетъ то обстоятельство, что такое обвиненіе противъ насъ появилось не въ „Kronika Rodzinna“, не въ „Kurier Warszawski“ и имъ подобныхъ варшавскихъ листкахъ, а въ „Niwa“, журналѣ, издаваемомъ людьми молодой польской генерации. Это обстоятельство нисколько насъ не смущаетъ и не вводитъ въ заблужденіе. Мы не можемъ не видѣть всѣхъ усилій, съ которыми такъ усердно стараются опутать этотъ, во всякомъ случаѣ весьма дѣльный, журналъ фанатики традиционныхъ возврвній... Но „Niwa“ должна помнить слова Бѣрне: „протяни чорту одинъ палець, онъ скоро схватитъ всю руку“.

нѣето Артуръ Кукельскій. Панъ Артуръ — красивый брюнетъ средняго роста, щегольски одѣтый, съ темно-синимъ рінсе-пез на носу, при свѣтскомъ лоскѣ, не чуждъ нѣкотораго образованія и отлично владѣетъ французскимъ языкомъ, — словомъ, панъ Артуръ принадлежитъ, по всѣмъ признакамъ, къ «сливкамъ» варшавскаго общества...

«Главный штабъ» вооруженныхъ галиційскихъ силъ, долженствующихъ сдѣлать ту диверсію, немедленно по прибытіи пана Кукельскаго въ Галицію, произвелъ его въ маіоры и приказалъ ему явиться въ львовскую «экспедиціонную комиссію». Эта комиссія, не зная, что дѣлать съ маіоромъ, отослала его въ новую какую-то комиссію, а та опять препроводила его къ какому-то комиссару, котораго во всемъ Львовѣ не оказалось и на лицо... Панъ Артуръ пожаловался въ «главный штабъ вооруженныхъ силъ» ¹⁾. Пошли справки и переписка; оказалось, что Галиція пользуется автономіей, и потому центральныя варшавскія власти не должны вмѣшиваться въ мѣстныя распоряженія, въ которыхъ онѣ, впрочемъ, ничего и не смыслятъ. Недовольный и раздосадованный, Артуръ бродилъ изъ кандитерской въ городской садъ, изъ сада въ кандитерскую, ругая и проклиная «Галилею» (насмѣшливое прозвище Галиціи) и ея порядки, которые представляли, собственно говоря, только вѣрную копію старой гражданской и военной организаціи Австріи. Къ довершенію горя, маіоръ долженъ былъ скоро бѣжать изъ гостинницы и скрываться отъ полиціи, приступившей къ тщательному обыску по всѣмъ отелямъ и зайзжимъ домамъ, и принужденъ былъ даже ночевать нѣкоторое время подъ открытымъ небомъ, пока не сжалилась надъ нимъ судьба. Двѣ дамы, гуляя въ саду, замѣтили интереснаго молодого человѣка, робко скрывающагося между деревьями и видимо истомленнаго голодомъ... Тронутыя сожалѣніемъ и догадываясь о причинахъ его робости, онѣ, молча и знаками, пригласили Артура слѣдовать за ними. Какъ ни желательно было Артуру, чтобы Провидѣніе въ подобныхъ случаяхъ являлось всегда въ единственномъ числѣ, но голодъ подавлялъ всякія постороннія соображенія: впереди была одна непріятная перспектива полицейскаго ареста, и потому герой вовсе не претендовалъ на судьбу вообще и въ частности на галиційскую автономію, пославшую ему вмѣстѣ двухъ покровительницъ.

Старшая возрастомъ имѣла темнорусые волосы, большіе черные глаза, снѣжной бѣлизны лицо, нѣсколько вздернутый носикъ.

¹⁾ Всѣ эти названія обозначены кавычками въ подлинникѣ.

Меньшая спасительница была еще молоденькая дѣвушка, едва перешагнувшая за дѣтскій возрастъ, съ роскошными бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, исполненными выраженія наивности и какого-то нетерпѣливаго любопытства... Артуръ ошолбенѣлъ и растерялся отъ неожиданнаго впечатлѣнія, но вскорѣ овладѣлъ собой и принялъ самоувѣренно-спокойный тонъ. Въ немногихъ словахъ успѣлъ онъ передать своимъ спасительницамъ, что онъ точно повстанецъ изъ царства, что настоящее имя его покрыто пока тайною и что временно онъ называется Янъ Вара. Онъ далъ понять притомъ, что его дѣло очень важное, и русская и австрійская полиція въ эту минуту тѣмъ только и заняты, что ищутъ его, Яна Вару!..

Въ квартирѣ своихъ спасительницъ, на Іезуитской улицѣ, майоръ Вара вздохнулъ свободно, а главное избавился отъ мучений голода. На первыхъ же порахъ, онъ узналъ, что находится въ домѣ пани Маргариты Шелищинской, по первому мужу Тржещинской, а молодая подруга ея, Целина, дочь пана Шелищинскаго отъ перваго брака... Майоръ выразилъ желаніе быть представленнымъ хозяину дому, но получилъ отвѣтъ уклончивый. Оказалось вскорѣ, что пана Маргарита разошлась съ мужемъ. Вотъ обстановка, при которой начались похождения Артура.

Цѣлыхъ двѣ недѣли пробылъ майоръ въ домѣ Шелищинской, пользуясь всевозможными удобствами и комфортомъ въ качествѣ знатной особы, и, отправляясь въ армію, долженствовавшую произвести «диверсію», Артуръ съ избыткомъ снабженъ былъ всѣмъ необходимымъ.

Наканунѣ отъѣзда Артура, собрался вечеромъ въ салонѣ Шелищинской «военный совѣтъ», для обсужденія мѣръ, какія надлежало предпринять, чтобы майоръ могъ приступить къ исполненію своей миссіи съ наибольшею безопасностію и, слѣдовательно, съ наибольшею пользою. Участіе въ совѣтѣ принималъ только прекрасный полъ, изъ мужчинъ же допущенъ былъ какой-то старый полковникъ, зачисленный въ резервъ и не участвовавшій пока въ военныхъ операціяхъ. Кругомъ считалъ, однако, не подлежащею спору аксіомой, что если полковникъ захочетъ стать во главѣ арміи, то надѣлаетъ невѣроятныхъ чудесъ! Онъ командовалъ въ 48-мъ году отрядомъ народной гвардіи и обнаружилъ такіе тактическіе таланты, что самъ Дверницкій долженъ былъ сознаться, что ни одинъ легіонъ не дѣлалъ на-караулъ и не забѣгалъ по-взводно, вправо и влево, съ такою отчетливостію и въ такомъ порядкѣ, какъ совершалъ эти эволюціи баталіонъ капитана Кватерничаго. Благодаря столь рѣдкимъ военнымъ заслу-

гамъ и талантамъ, общій голосъ давно произвелъ капитана въ майоры, въ данную же минуту онъ дошелъ въ общественномъ мнѣніи до ранга полковника и пользовался репутаціей единственнаго въ мірѣ тактика...

Совѣтъ успѣшно обсудилъ и удовлетворительно рѣшилъ вопросъ насчетъ полной безопасности Артура. Укладывая свои вещи, онъ запряталъ въ чемоданъ, между прочимъ, двѣ фотографическія карточки своихъ дамъ, данныя ему каждою другъ отъ друга секретно, въ обмѣнъ на два его портрета въ полной майорской формѣ; положилъ также и розу, даръ Целины, врученную ему съ потупленнымъ взоромъ и орошенную горячими каплями слезъ; потомъ—фланелевую фуфайку, произведеніе собственныхъ рукъ Шелищинской, и тутъ же серебряный медальонъ падчерицы своей хозяйки, освященный въ Римѣ и, наконецъ, кожаный портфель съ замочкомъ, заключавшій поднесенные ему весьма цѣнные экземпляры гравюръ, производствомъ которыхъ занимается австрійскій цесарско-королевскій національный банкъ. Кромѣ того, Артуръ снабженъ былъ двумя бланковыми паспортами, французскимъ и русскимъ, визированными—одинъ во французскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, другой въ русскомъ консульствѣ въ Бродяхъ. Оставалось Артуру рѣшить еще вопросъ, какое имя вписать въ бланковые паспорта. Онъ желалъ присвоить по возможности громкое имя, которое внушало-бы должное къ нему уваженіе среди той галиційской шляхты, которая, какъ ему было извѣстно, преклоняется и челомъ бьетъ передъ титулами и деньгами. Подумавъ немного, Артуръ схватилъ перо и вписалъ въ французскій бланкъ: «Henri de-la-Roche-Chouart, vicomte de Tourne-Broche et baron de Baccarolles»; въ русскій же бланкъ: «князь Святополкъ-Четвертинскій»... Все это звучитъ гораздо внушительнѣе—разсуждалъ Артуръ—не то что какой-нибудь... Кукельскій!

Наступила трогательная минута отъѣзда. Какой-то шляхтичъ, необыкновенно толстый и громаднаго роста, уѣзжавшій въ деревню на собственныхъ лошадяхъ, взялъ съ собою майора и его чемоданъ съ фотографіями и фуфайками. Черезъ часъ во Львовѣ не осталось ничего, кромѣ сожалѣнія и слезъ, да двухъ фотографій въ полномъ майорскомъ мундирѣ, съ которыми Маргарита и Целина тщательно таились одна передъ другой.

Шляхтичъ гордился возложенною на него миссіей. Строго было ему внушено, что онъ везетъ чрезвычайно важную особу,

присланную французскимъ правительствомъ для изслѣдованія на мѣстѣ дѣйствительнаго положенія дѣлѣ, что агентъ Наполеона III не говоритъ иначе, какъ по-французски, и потому не слѣдуетъ беспокоить его лишними разговорами. Съ тайнымъ благоговѣніемъ поглядывалъ шляхтичъ на Артура, который съ гордымъ выраженіемъ лица, пуская дымъ своей сигары прямо въ носъ шляхтичу, развалился въ тряской бричкѣ съ возможнымъ комфортомъ, между тѣмъ какъ шляхтичъ, проникнутый важностію возложеннаго на него порученія, почтительно отодвигался на самый край брички и думалъ про себя: «вотъ они, французы, народъ пріятный, точно»...

Внезапный крикъ шляхтича вывелъ Артура изъ задумчивости. Въ ту минуту они были въ небольшой долинкѣ, въ которой примыкалъ слѣва густой буковый лѣсъ, опушенный орѣшникомъ, а справа разстился лугъ, за которымъ видѣлось вдаль какое-то мѣстечко, раскинутое на небольшомъ возвышеніи. По склону его тянулась, изгибаясь, узкая дорога.

— Жандармъ!— вскрикнулъ шляхтичъ съ отчаяніемъ.—И что мнѣ теперь дѣлать съ этимъ французомъ!.. Того и гляди, что угодишь ни за что, ни про что въ тюрьму!..

Артуръ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на спутника и думалъ, что онъ шутитъ, но панъ Каэтанъ (такъ звали шляхтича) не шутилъ: не смотря на всю свою тучность, онъ быстро выскочилъ изъ брички и шмыгнувъ въ кусты, бросивъ Артура, кучера и лошадей. Артуръ привался вслѣдъ ему крѣпко ругаться по-польски. Жандармъ не обратилъ бы, конечно, никакого вниманія на бричку Каэтана, но ругательства и проклятія, которыми сталъ осыпать Артуръ всю «Галилею» и всѣхъ «галилейцевъ», невольно обратили на него вниманіе блюстителя общественнаго порядка. Быть можетъ, это какой-нибудь «Ausländer», подумалъ жандармъ, подошелъ въ бричкѣ и потребовалъ паспортъ.

— Plait-il?—спросилъ Кукельскій.

— Pass, Reisepass,—повторилъ жандармъ.

Артуръ вынулъ изъ кармана документъ, въ которомъ значилось, что именемъ Е. В. императора французовъ приглашаются мѣстные власти не чинить препятствій Анри де-ла-Ропъ-Шуару, виконту, барону и т. д., путешествующему для собственнаго удовольствія по Германіи, Австріи и далѣе, на Востокъ. Жандармъ однако не былъ убѣжденъ этимъ документомъ. Занявъ мѣсто возлѣ Артура, онъ приказалъ возницѣ ѣхать далѣе.

Вскорѣ чемоданъ маіора Яна Вары, съ фотографіями, фуфайками и т. п., а также всѣ документы и бумаги, доставлены были,

имѣлъ съ бричкою, въ цесарско-королевское уѣздное управленіе, въ г. Блотничаны, самъ же Артуръ, съ возницею, помѣщенъ былъ въ какомъ-то зданіи, напоминавшемъ амбаръ или сарай, но имѣвшемъ въ Блотничанахъ значеніе цитадели.

Но что сталося съ Казтаномъ? Необходимо было его отыскать, и съ этою цѣлью жандармами, съ толпою блотничанскихъ обывателей, произведена была въ лѣсу облава, не приведшая однако ни къ какому результату. Несчастный до такой степени ужаснулся ответственности за сообщничество съ тайнымъ агентомъ Наполеона, что, шмыгнувъ проворно въ кусты, бѣжалъ безъ оглядки. Онъ найденъ былъ только на третій день и гдѣ-то очень далеко, въ безчувственномъ состояніи, вслѣдствіе совершеннаго изнеможенія; мѣстные жители, принявъ его за шпиона, избитаго повстанцами, передали его австрійскимъ властямъ, которыя, въ свою очередь, принявъ его за жандарма-вѣшателя, посадили въ тюрьму...

Нынѣ панъ Казтанъ занимаетъ почетную должность уѣзднаго вице-маршала, часто предсѣдательствуетъ въ разныхъ обществахъ и на общественныхъ собраніяхъ. Сосѣдь его и извѣстный ораторъ, когда выступаетъ съ публичною рѣчью, никогда не забываетъ прославлять добродѣтели и заслуги Казтана, и обыкновенно говорить:

«— Господа! Вотъ мужъ, который почти половину своей жизни провелъ въ тюрьмѣ за любовь къ родинѣ, и который всякій разъ, когда желѣзные запоры тюрьмы раскрывались для принятія нашихъ братій, входилъ въ нее первый и выходилъ послѣдній».

Представителемъ власти въ Блотничанахъ былъ уѣздный начальникъ, герръ Финнманъ-фонъ-Финнмансгаузенъ, по мнѣнію высшихъ правительственныхъ сферъ—ein tüchtiger Beamter. Слабая сторона его состояла въ томъ, что онъ не зналъ другого языка, кромѣ нѣмецкаго, между тѣмъ, какъ всѣ эти «versprengte Ueberreste östlicher Nationalitäten», какъ удачно назвалъ ихъ однажды кавалеръ Гисера, постоянно обнаруживаютъ крайнее нерасположеніе къ изученію нѣмецкаго языка. Истину эту опытомъ извѣдалъ герръ Финнманъ въ Венгріи, гдѣ онъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ жилъ и начальствовалъ, и хотъ бы одного мадьяра выучилъ нѣмецкому языку. Варварскій этотъ народъ оказался еще столь грубымъ, что выпроводилъ герра Финнмана весьма невѣжливо въ Галицію. Послѣ такой катастрофы, крайне печальной, герръ Финнманъ присланъ былъ начальникомъ въ Блотничаны, и пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ правительства.

Приведенный къ этому мученику закарпатскаго варварства, Артуръ упорно стоялъ на своемъ французскомъ діалектѣ, такъ что возможность объясненій между обвиненнымъ и властію оказалась немислимою. Все уѣздное управленіе единодушно заявило, что въ Блотничанахъ, кромѣ дочери аптекаря, никто не говорить по-французски. Представитель власти глубоко скорбѣлъ объ униженіи своего достоинства и авторитета, но дѣлать было нечего, и къ аптекарю посланъ былъ чиновникъ съ убѣдительноѣйшею просьбою: представить на короткое время дѣвицу въ цесарско-королевское уѣздное управленіе.

Герръ Финкманъ не могъ скрыть своей радости при мысли о томъ, что въ рукахъ своихъ держать, по всей вѣроятности, одного изъ тѣхъ бездѣльниковъ-французовъ, которые, года четыре назадъ, надѣлали храброй цесарско-королевской арміи столько неприятностей на Минціо и Тичино... Съ сіяющей улыбкой принялъ онъ аптекаря, явившагося вмѣстѣ съ дочерью. При видѣ ея, Артуръ, повѣсившій-было носъ, повеселѣлъ и подумалъ про себя, что если для испытанія политическихъ преступниковъ австрійцы не употребляютъ иныхъ орудій, то допросъ его въ блотничанскомъ управленіи во многихъ отношеніяхъ не лишень будетъ привлекательности.

Какъ только допросъ былъ снятъ, хорошенькая переводчица поспѣшила сообщить Артуру, что ему никакая опасность не угрожаетъ, такъ какъ одно веселое общество порѣшило предложить обильное угощеніе тюремному смотрителю, и въ эту ночь ей удастся освободить заключенныхъ и уволить цесарско-королевскую казну отъ лишнихъ расходовъ по транспортировкѣ ихъ въ Иглау. Вещи Артура давно уже находились въ обладаніи этого общества: они мгновенно исчезли съ брички, по прибытіи въ Блотничаны, и замѣнены старымъ сундукомъ съ хламомъ.

На прощаніи съ аптекаршей, Артуръ рассыпался въ увѣреніяхъ, что въ жизни своей еще не встрѣчалъ существа столь обворожительнаго. Живой румянецъ вспыхнулъ на лицѣ молодой дѣвушки; но она холодно и внушительно поспѣшила замѣтить, что, съ своей стороны, она не встрѣчала болѣе... легкомысленнаго повстанца, развѣзжающаго съ глупымъ какимъ-то французскимъ паспортомъ. Артуръ подумалъ: «Толкуй что хочешь, а все-таки заинтересовалъ-то я тебя крѣпко!» Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что не можетъ не заинтересовать собою кого бы то ни было.

Артуръ и еще трое заключенныхъ въ тотъ же вечеръ дышали свѣжимъ и вольнымъ воздухомъ. Изъ тюрьмы Артуръ на-

правился прямо въ аптеку: онъ рѣшился во что бы то ни стало увеличить львовскую коллекцію фотографій еще однимъ экземпляромъ.

Артуръ очутился вскорѣ передъ красивымъ домикомъ, надъ дверью котораго была надпись: «Аптека Бартомея Одварницкаго подъ королевъ Яномъ Собѣскимъ». Новая жертва Артура, значить, называлась Катерина Одварницкая. Онъ вошелъ въ сѣни, изъ которыхъ направо дверь вела въ довольно обширную залу; посрединѣ ея стоялъ длинный столъ, прикрытый бѣлою скатертью и уставленный тарелками.

Въ залѣ шель оживленный разговоръ, но табачный дымъ носился такими густыми клубами, что, несмотря на открытыя настежь окна, въ двухъ шагахъ нельзя было никого разглядѣть. Только спустя нѣсколько минутъ, Артуръ замѣтилъ, что онъ попалъ въ довольно многочисленное общество дамъ и мужчинъ, между которыми больше всего было Zuzüglер'овъ,—такъ называли въ Галиціи уходившихъ въ повстанцы.

Къ новому гостю подошелъ хозяинъ дома, съ чувствомъ приналъ его въ свои объятія и представилъ затѣмъ всему обществу, исковеркавъ жестоко его французское имя.

— Извините,—проговорилъ Артуръ въ носъ и сквозъ зубы, съ аристократическою полуулыбкой,—я желаю сохранить мое инкогнито и для *этихъ господъ*... Я называюсь Янъ Вара, майоръ изъ штаба IX-го отдѣленія,—вотъ приказъ главнаго начальника вооруженныхъ силъ...

Пока аптекаръ вчитывался въ приказъ, цуциглеры громко стали выражать свое неудовольствіе: имъ не понравилось пренебрежительное: «эти господа!»... Къ счастью, это были люди болѣе или менѣе благовоспитанные. Общество раздѣлилось на группы, и въ каждой группѣ рѣчь шла о черезъ-чуръ оскорбительномъ обращеніи майора. Одни утверждали, что всѣ люди братья, и что всѣхъ аристократовъ слѣдовало бы перевѣшать, чему старался противорѣчить одинъ только юноша изъ Кракова, который всѣхъ ближнихъ дѣлилъ на старшихъ и меньшихъ братьевъ и истребленіе шляхты не считалъ необходимостію, хотя нисколько не отвергалъ, что иные крайне ужъ много себѣ позволяютъ,—ораторъ значительно взглянулъ при этомъ на Артура. Надъ послѣднимъ, очевидно, собиралась буря, противъ него возставалъ и красный радикализмъ, и голубое ультрамонтанство. Но всего больнѣе и невыносимѣе казалось Артуру то обстоятельство, что на него не обращала ни малѣйшаго вниманія моло-

денькая Катерина, занятая оживленнымъ разговоромъ съ нѣсколькими цуциглерами.

Одварницкій хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобы достойно принять въ своемъ домѣ маіора. Почтенный аптекаръ соединялъ въ своемъ лицѣ три должности, именно: аптекаря, бургомистра города Блотничанъ и—должность начальника того же города отъ имени возстанія. Въ качествѣ представителя послѣдняго, онъ считалъ своею обязанностью оказать возможное усердіе въ исполненіи порученій главнаго начальника вооруженныхъ силъ по отношенію къ маіору Варѣ. Помѣстивъ его на диванѣ, между своею супругою и казначейшею, онъ лично набилъ и подаль ему трубку на длинномъ чубукѣ, съ янтарнымъ мундштукомъ. Такую внимательность и всѣ услуги со стороны хозяина Артуръ принималъ *«avec une affabilité aussi gracieuse que charmante»*, какъ выразился онъ потомъ въ письмѣ своемъ къ пріятелю. Все это было, конечно, весьма лестно, но и дьявольски скучно. Всякій рядовой повстанецъ свободно могъ переходить отъ одной молодой дамы къ другой и ухаживать за ними, а тутъ страдай, сидя между двумя старухами, и толкуй съ аптекаремъ о томъ, почему, напримѣръ, Высоцкій вздумалъ напасть на Радзивилловъ, вмѣсто того, чтобы двинуться на Полѣсье и т. п. Это ужасно, но таковы вообще неудобства всякаго высокаго положенія... Артуръ скучалъ страшно, и ждалъ ужина съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

По принятому въ Галиціи обычаю, дамы заняли весь передній уголъ стола, и только Артуръ и мѣстный униатскій священникъ посажены были ближе къ прекрасной половинѣ общества. Всѣ цуциглеры и городскіе *honoratiore*s заняли противоположный конецъ стола. День былъ торжественный: аптекаръ справлялъ именины своей супруги. Пошли обычныя упрашиванія и даже жалобы, что панъ адъюнктъ не желаетъ отвѣдать того-то, а попадья-добродѣйка совсѣмъ почти не ѣстъ ничего и т. п. Когда налиты были бокалы, униатскій священникъ — *«gente Ruthenus, natione Polonus»* — поднялся съ мѣста и сказалъ небольшую рѣчь, въ которой заявилъ, что считаетъ нужнымъ извиниться передъ именинницей въ томъ, что «не можетъ пить перваго бокала за ея здоровье, какъ велитъ обычай, ибо существуетъ иная именинница, за которую всѣ мы молимся и проливаемъ или должны проливать кровь»... Ораторъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ «всѣ» и выразилъ сожалѣніе, что въ числѣ гостей не видитъ католическаго декана, въ присутствіи котораго слова его были бы еще вразумительнѣе. Спичъ этотъ принятъ былъ съ восторгомъ

всѣми, украинцами и великополянами, мазурами и галиційскими русинами, единогласно и громко воскликнувшими, вслѣдъ за ораторомъ: «Sotwory iej Hospody mnohaja lita!..»

Спичъ послужилъ поводомъ къ оживленнымъ политическимъ разсужденіямъ, причемъ Артуру было объяснено, что униатскій священникъ принадлежитъ къ людямъ непростымъ, что въ 1831 г. онъ бѣжалъ изъ богословія, записался въ военную службу, совершилъ всю кампанію, потомъ снова принялся за богословіе и затѣмъ рукоположенъ былъ во священника. Увлеченный общою бесѣдою, Артуръ не находилъ случая проказать себя и повести рѣчь о своихъ аристократическихъ связяхъ, привычкахъ и т. п. Но и безъ того въ обществѣ этихъ простодушныхъ людей онъ напоминалъ собою парижскую шляпу на головѣ краснощекаго шляхтича—въ бежешѣ домашняго издѣлія. Артуръ сыпалъ отборными словами, рисовался, и давно уже возбуждалъ нетерпѣніе въ униатскомъ священникѣ, человѣкѣ горячемъ и вспыльчивомъ. Говоря о языкѣ «московскомъ», Артуръ нѣсколько разъ называлъ его «русскимъ»; священникъ всякій разъ поправлялъ пана Артура, но послѣдній какъ будто не слышалъ дѣлаемыхъ ему замѣчаній. Это взбѣсило священника, и онъ прочелъ пану маіору энергическую рацею, совѣтуя ему впредь не давать москалямъ имени, которое они себѣ незаконно присвоиваютъ.. Сознавая свое интеллектуальное и общественное превосходство надъ простымъ галилейскимъ священникомъ и желая дать ему почувствовать всю разницу, существующую между ними, Артуръ возразилъ небрежно и пожимая плечами:

— Какія нелѣпости! Всю эту этнографическую шараду выдумалъ, вѣроятно, какой-нибудь галилейскій ученый, ха-ха-ха!.. Истинный галилейскій мудрецъ—ха-ха-ха!..

Если великосвѣтскій варшавянинъ старался вызвать этими словами рѣшительный эффектъ, то результатъ превзошелъ всѣ его ожиданія... Священникъ вскочилъ порывисто и, весь красный отъ гнѣва и негодованія, сильно ударилъ кулакомъ объ столъ и разразился бранью.

Цуцигеры и все остальное общество, очевидно, были на сторонѣ священника, всѣ старались даже помогать ему, явно выражая ему свое сочувствіе, а дѣвицы и дамы хихикали, говоря другъ другу: «и по дѣломъ! по дѣломъ!»... Только положеніе почтеннаго аптекаря было ужасно. Онъ умолялъ, убѣждалъ, обнималъ, цѣловалъ всѣхъ, приглашая къ единодушію и миру. Благодаря его усиліямъ и свѣжимъ бутылкамъ вина, миръ былъ наконецъ возстановленъ; но Артуръ рѣшился въ этотъ вечеръ не выступать

на сцену и все остальное время просидѣлъ, между аптекаршей и казначейшей, молча. Положеніе его было тѣмъ невыносимѣе, что все общество проводило время съ видимымъ удовольствіемъ. Какой-то бѣлокурый юноша занятъ былъ оживленнымъ разговоромъ съ Катериною, которая внимательно слушала его разсужденія о свободѣ, братствѣ и равенствѣ. За словами юноши внимательно слѣдилъ и священникъ, душевно радуясь, что растетъ такая славная молодежь... Разговоръ скорѣе сдѣлался общимъ, только Артуръ не принималъ въ немъ участія. дрожа передъ священникомъ, который пронизывалъ его грознымъ взглядомъ, лишь только онъ открывалъ уста. Окончательно сбитый съ позиціи, Артуръ спросилъ аптекаря о своихъ вещахъ. Увы! и тутъ была неудача. Оказалось, что, нѣсколько часовъ назадъ, какой-то важный господинъ, назвавшій себя чрезвычайнымъ комиссаромъ «жонда народоваго», высланнымъ изъ Варшавы съ спеціальною цѣлю подбирать повстанское оружіе и инныя вещи, приказалъ выдать себѣ чемоданъ маіора и уѣхалъ въ Забужъ, резиденцію Подборскаго, главнаго военнаго комиссара смежныхъ уѣздовъ. Артуръ грозилъ аптекарю военнымъ судомъ; но дѣлать было нечего, а потому маіоръ нѣсколько смягчился и только просилъ аптекаря заготовить ему на другой день, какъ можно раньше, лошадей въ Забужъ. Артуру отведена была чрезвычайно чистенькая комнатка; на подоконникахъ стояли въ горшкахъ цвѣты, наполнявшіе воздухъ благоуханіемъ. Осмотрѣвшись въ этомъ миломъ уголкѣ, Артуръ не могъ усомниться, что этотъ благовонный пріютъ уступленъ ему на предстоящую ночь панною Катериною... Надъ дѣвственною кроватью висѣлъ образъ Божіей Матери, съ заткнутою за нимъ пальмовою вѣтвію, а внизу, подъ образомъ, какіе-то фотографическіе портреты, всего больше заинтересовавшіе Артура. Это были: портретъ Одварницкаго, Одварницкой, а третій... о ужасъ!.. бѣлокураго юноши, въ мундирѣ вольнаго коннаго полка Эдмунда Рожицкаго ¹⁾. Портретъ снабженъ былъ собственно-ручною надписью: «не забудь меня.—Владиславъ Квасковскій.—1863». Открытіе это непріятно поразило Артура; съ гнѣвомъ и досадою бросился онъ въ постель и старался только какъ можно скорѣе заснуть. Раннимъ утромъ, на другой день, маіора не было уже въ Блотничанахъ.

Изъ разсказовъ аптекаря, маіору было вполне извѣстно, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло въ Забужѣ. Въ Блотничанскомъ

¹⁾ Такъ назывался одинъ изъ повстанскихъ полковъ.

повѣтъ Подборскій считался вторымъ, по порядку, великимъ человекомъ. Онъ исполнялъ должность военного комиссара, и если не былъ назначенъ начальникомъ повѣта, то потому только, что постъ этотъ занималъ панъ Броинскій, мужъ еще болѣе знаменитый, первая во всемъ округѣ политическая голова. На счетъ ума и заслугъ Подборскаго, аптекарь могъ сообщить только, что жена Подборскаго—женщина умная, образованная и чрезвычайно энергическая, состоящая въ родствѣ съ ...скими, съ ...цкими и съ ...ами, т.-е. со всѣми почти галиційскими графами второй степени ¹⁾. Артуръ давно и очень много слышалъ объ этихъ галиційскихъ графахъ, какъ объ особенной и крайне любопытной породѣ людей. Размышленія его объ ихъ природѣ, нравахъ и физиологическихъ отличіяхъ вскорѣ прерваны были неожиданнымъ поворотомъ лошадей съ большой дороги на проселочную и бѣлымъ столбомъ съ надписью: «деревня Забужъ». Спустя нѣсколько минутъ, майоръ остановился передъ крыльцомъ довольно большого зданія, съ четырьмя круглыми колоннами у подъѣзда, подпиравшими небольшую верхнюю надстройку. Благодаря этому подъѣзду и надстройкѣ, мѣстная прислуга и сосѣдняя мелкая шляхта привыкла называть этотъ домъ «палацомъ», хотя Подборскій и его супруга всегда говорили только о своемъ «скромномъ шляхетскомъ домикѣ», напирая особенно на слово «шляхетскій» и стараясь этимъ показать, какую громадную честь дѣлаютъ они «простой шляхтѣ», зачисляя себя въ ея ряды... По первому взгляду, забужскій «палацъ» представлялъ видъ удобнаго и вполне благоустроеннаго жилища, но при болѣе тщательномъ наблюденіи оказывалось, что вся внѣшняя и внутренняя обстановка его представляла нѣчто мизерное, подобно всѣмъ помѣщичьимъ домамъ и всѣмъ галиційскимъ общественнымъ учрежденіямъ и институціямъ...

Стукъ подъѣхавшей брички вызвалъ на крыльцо босоногого лакея, съ поволою щеткой въ рукахъ. Пана не было дома, ушелъ на охоту, была только пани. Артуръ приказалъ о себѣ доложить. Лакей флегматически поставилъ щетку въ уголъ, вытащилъ изъ кармана бѣлые перчатки, напялилъ ихъ на руки и отправился съ докладомъ. Артуръ не могъ удержаться отъ невольной улыбки, глядя на эти приготовления...

Подборская сидѣла въ той комнатѣ, двери которой выходили въ садъ, примыкавшій къ задней сторонѣ дома. Это была жен-

¹⁾ Это комическое названіе присвоено вновь испеченнымъ графамъ, купившимъ этотъ титулъ за деньги. Такихъ забавныхъ графовъ въ Галиціи не перечесть.

нина, достигшая всей полноты развитія, т.-е. перешагнувшая за четвертый десятокъ,—это автору достоверно извѣстно; сама она считаетъ себя, съ нѣкотораго времени, только тридцать лѣтъ, но годъ тому назадъ ей было не больше двадцати-шести лѣтъ. Она глубоко убѣждена въ своемъ аристократическомъ происхожденіи и вполне вѣрить, что блескъ ея высокаго рода и положенія разливается и на все, ее окружающее... Сидя у столика и пробѣгая глазами небрежно газету «Czas», она слушала молоденькаго блондина съ закрученными вверхъ усиками, безъ умолку что-то говорившаго. Потокъ краснорѣчія прерванъ былъ босоногимъ лакеемъ, который вошелъ въ эту минуту въ комнату и, молча, остановился у порога, въ ожиданіи, пока приважутъ ему говорить: такой былъ порядокъ.

— Что такое? — спросила Подборская.

— Какой-то панъ пріѣхалъ, ясне-пани.

— Пусть подождетъ во флигелѣ, пока воротится панъ... А какъ его зовутъ — не сказалъ?

— Янъ Вара, ясне-пани.

— Каковъ онъ?

— Похожъ на того графа, что прошлымъ лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Львова, только графъ будетъ почище.

— Проси, — сказала она, нѣсколько подумавъ.

Артуръ вошелъ и раскланялся съ изысканностью и рѣдкимъ шикомъ, прося извиненія за столь ранній визитъ. Только настоятельная необходимость видѣться скорѣе съ паномъ Подборскимъ заставила его явиться въ такое необычное время... Подборская съ граціею и достоинствомъ пригласила гостя занять мѣсто въ креслахъ.

Принято было въ то время за правило не представлять взаимно другъ другу незнакомыхъ людей, не спросивъ прежде на то ихъ согласія,—того требовало простое благоразуміе, понятная осторожность. Могло случиться, что «курьеръ» народоваго комитета протягиваетъ руку цесарско-королевскому «курьеру»... Только при такой осторожности возможно было поддерживать *modus vivendi* между народовыми и цесарско-королевскими властями... Болтливый блондинъ нѣсколько оторопѣлъ и какъ будто смался при видѣ новаго гостя, но сейчасъ же подошелъ къ нему самъ и сказалъ дружески: «здравствуй»!..

— А-а!.. Здравствуй, — отвѣчалъ Вара сквозь зубы, отчасти покровительственно, но голосомъ не вполне твердымъ.

— Вы, господа, знакомы?.. — спросила Подборская.

— Гм... да, знакомы, — отвѣчалъ блондинъ.

— Очень мало, — возразилъ Вара, съ очевидною цѣлью ослабить значеніе этого открытія.

Молчаніе. Майоръ внимательно разглядывалъ кончики своихъ лакированныхъ сапогъ; блондинъ конфузивно игралъ шнурами своей «гусарки». Онъ былъ одѣтъ гусаромъ.

— Князь, — начала хозяйка, обращаясь къ блондину: — передъ возстаніемъ, значить, вы вовсе не выѣзжали изъ Варшавы?

— Не выѣзжалъ вовсе, — отвѣчалъ гусаръ, стараясь не глядѣть на Артура, на лицѣ котораго отразилось не то удивленіе, не то недоумѣніе.

— Ахъ, да!.. Вчера вы обѣщали, князь, показать мнѣ портретъ княгини, вашей матери, и княжны, вашей сестры?

Вара сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе... Потупивъ глаза, гусаръ задумался, казалось, на минуту и какъ будто не рѣшался... Потомъ вынулъ изъ бокового кармана двѣ карточки и подаль ихъ Подборской.

— Это княгиня ваша мать, рожденная... Могу-ли спросить, князь?

— Рожденная... Радзивицъ, — отвѣчалъ блондинъ.

— А это княжна?.. Ахъ, божественное существо! А имя?

Блондинъ какъ будто колебался нѣкоторое время, потомъ сказалъ смѣло:

— Олимпія.

— Княжна Олимпія Четвертинская, — повторила пани Подборская, и, подавая карточки Артуру, прибавила: — посмотрите, что это за прелестное существо!

Артуръ вскопчилъ, словно ужаленный, взглянувъ на карточку, окинулъ блондина грознымъ взглядомъ, спряталъ карточки въ карманъ и сказалъ:

— Прошу меня извинить, но эти портреты принадлежать мнѣ... Съ вами же, Мосцишевскій, позвольте переговорить сейчасъ и наединѣ!..

— Но... послушай, Артуръ!.. — проговорилъ робко братъ княжны Олимпіи.

Подборская не опомнилась еще отъ изумленія, какъ Артуръ схватилъ подъ руку брата княжны Олимпіи и вышелъ съ нимъ изъ комнаты, унося съ собою портреты — чьи?.. Это были портреты Маргариты Шелищинской и Целины!..

Какого рода объясненія произошли между Артуромъ и блондиномъ, который оказался какимъ-то Мосцишевскимъ — это для насъ не важно. Нужно ли говорить, что Мосцишевскій этотъ былъ именно тотъ будто бы специальный комиссаръ жонда на-

родоваго, который неожиданно явился въ Блотничаны и захватил чемоданъ Артура, съ фотографіями и паспортами...

Вскорѣ воротился съ охоты самъ Подборскій. Артуръ желалъ представиться ему немедленно. Подборскій могъ служить идеаломъ военнаго комиссара!.. Рослый, плечистый, одѣтый почти по-военному, этотъ мужъ, украшеніе и гордость всего полка, умѣлъ въ рѣшительныя минуты сохранить то торжественное самообладаніе и хладнокровіе, которыя составляютъ принадлежность только высшихъ умовъ. Сосѣди и друзья говорили о немъ: «на общественныхъ собраніяхъ онъ молчитъ... Видно, такъ нужно. Но еслибы человѣкъ этотъ заговорилъ когда-нибудь, то... слова его слѣдовало бы записать золотыми буквами!»

Молча принявъ Подборскій майора Яна Вару и, храня торжественное же молчаніе, выслушалъ его жалобу на Мосцишевскаго и требованіе, чтобы «этотъ господинъ немедленно отправленъ былъ въ отрядъ».

— Какъ!.. Князь?.. — проговорилъ Подборскій, не понимая хорошенько, въ чемъ дѣло.

— Князь! — вскричалъ Артуръ, окидывая сюрфуженнаго блондина презрительнымъ взглядомъ:—Этотъ господинъ случайно завладѣлъ моими вещами и моимъ паспортомъ... Мосцишевскій! —прикрикнулъ майоръ: — маршъ во флигель и сейчасъ въ дорогу! Понятно?..

— Понимаю,—отвѣчалъ блондинъ, уходя поспѣшно.

— *C'est drôle, ma foi, c'est unique dans son genre!*—продолжалъ Артуръ къ немалому изумленію Подборскаго и Подборской, которая въ эту минуту вошла въ комнату, гдѣ происходила эта сцена. Подборская не могла не обратить вниманія на то, что Янъ Вара говоритъ по-французски съ неподражаемымъ акцентомъ, т.-е. обладаетъ высшею степенью салоннаго совершенства...

— Что такое?.. *Qu'y a-t-il?*—поправила она.

— Это неподражаемо! *Figurez-vous, madame*, этотъ господинъ, сынъ управляющаго однимъ изъ моихъ имѣній подъ Могиловомъ, захватилъ мой паспортъ и, полагая, что меня никто не знаетъ, вздумалъ играть здѣсь мою роль!..

Подборская вопросительно взглянула на мужа; тотъ кивнулъ утвердительно головой.

— Мошенникъ!—проговорилъ онъ сердито, хотѣлъ даже еще сказать что-то, но жена остановила его словами:

— Молчи! Скажешь какую нелѣпость!.. Признаюсь, — продолжала она, обращаясь къ Артуру:—этого господина я разга-

дала сразу, *ces gens-la ont des manières*, по которымъ узнать ихъ не трудно. Значить, я имѣю удовольствіе видѣть?..

— Яна Вару, маіора IX-го отдѣленія, — отвѣчалъ Кувельскій, раскланиваясь съ чувствомъ достоинства.

— Но «этотъ» называлъ васъ, кажется, Артуромъ и имѣлъ паспортъ на имя князя Четвертинскаго?

— Да, у него былъ мой паспортъ. Но... какъ повстанецъ, я называюсь Янъ Вара, и еслибы не исключительный случай, настоящее мое званіе и имя остались бы вамъ, конечно, неизвѣстны.

— Ахъ, мы бы и не знали, кого имѣемъ честь принимать въ своемъ домѣ!.. Что же ты стоишь и не подашь стула?.. Иди, впрочемъ, распорядись на счетъ обѣда.

Подборскій ушелъ исполнить распоряженіе супруги.

— *Quelle mystification!* — продолжала она. Я понимаю, что въ нынѣшнихъ обстоительствахъ князь можетъ и долженъ скрывать свое имя, *c'est très naturel*, но этотъ экономчикъ!..

— *Que voulez-vous, madame*, это наша «демократія»... Каждый изъ подобныхъ ему проповѣдуетъ какіе-то небывалые, красивые, нивелирующие принципы и, въ то же время, каждый желалъ бы выдавать себя за человѣка высшаго происхожденія. Мосцишевскій — князь! Ха, ха, ха!..

— Вполнѣ раздѣляю вашу веселость, князь, ошибка тутъ невозможна. Я понимаю, что можно кое-какъ играть роль ученаго, военнаго, *enfin tout ce qui est du commun des martyrs*, но казаться человѣкомъ высшаго общества — нѣтъ, это невозможно. Такимъ человѣкомъ нужно родиться.

— *N'est ce pas, madame?* — отвѣчалъ Артуръ вопросомъ.

Вошелъ лакей и объявилъ, что обѣдъ готовъ. Замѣтивъ какую-то неисправность въ костюмѣ лакея, Подборская подозвала мужа и сказала шепотомъ: «дай ему по мордѣ». Когда она была уже съ Артуромъ въ другой комнатѣ, раздался звонкій «хлясъ», свидѣтельствовавшій о томъ, что приказаніе было исполнено.

Когда хозяева и гость сѣли къ столу, Мосцишевскій уѣзжалъ изъ Забужа на господской подводѣ. Крестьянскія подводы для перевозки повстанцевъ употребляемы были только въ немногихъ округахъ.

Во дворѣ раздался въ то же время стукъ колесъ, и вскорѣ у подъѣзда остановились двѣ брички, съ которыхъ сошли четыре господина. Это были начальники мѣстной «организаціи», которыхъ Подборская ожидала къ обѣду и даже старалась протянуть время, распорядившись повременить съ супомъ.

Послѣ дружескихъ привѣтствій и объятій, гостямъ представ-

лень былъ маіоръ Янъ Вара; затѣмъ всѣ вмѣстѣ сѣли къ столу. Началась рѣчь о театрѣ войны, о вѣроятности интервенціи въ пользу Польши со стороны западныхъ державъ, о громадныхъ трудахъ и издержкахъ, уже понесенныхъ и предстоящихъ въ будущемъ, на пользу родины.

— Всѣ бранять шляхту,—замѣтила хозяйка,—а безъ насъ шагу ступить не могутъ.

— Вѣрно,—подтвердилъ Сцислицкій, начальникъ Дыневичаго уѣзда:—эти вотъ самые штабы, комитеты всякіе и пр. чтó дѣлають? Намъ, не-военной шляхтѣ, велать сѣзжаться и разсуждать о томъ, какіе должны быть сухари для войска! Какъ ваше мнѣніе, Валентій?

— Я полагаю, что успѣхъ дѣла безъ пожертвованій невозможенъ.

— Конечно, но—сухари?

— Сухари? Что-жъ, какіе кто хочетъ, такіе пусть и заготавлиетъ, для народоваго солдата это все равно.

— Вы, сосѣдъ, я вижу, не признаете порядка и хотите опять повернуть къ *liberum veto*,—замѣтилъ Щенсный, третій начальникъ уѣзда:—безъ порядка дѣло не пойдетъ.

— Если мы, жертвуя всѣмъ...

— Ахъ, да!.. Все, все въ жертву!—вскричалъ Сцислицкій, но вслѣдъ затѣмъ проговорилъ меланхолически:—увы! озимые вотъ совсѣмъ у меня пропали, всходы плохіе...

Вмѣстѣ съ обѣдомъ кончилась и конференція, вопросъ о сухаряхъ остался нерѣшеннымъ. Положено было собраться для обсужденія этого вопроса въ другой разъ, и затѣмъ, выхваливъ другъ друга за самопожертвованіе во имя отчизны, шляхта встала отъ стола и сейчасъ же засѣла за зеленый століеъ.

Оставшись съ Артуромъ наединѣ, Подборская пригласила его въ садъ и повела снова рѣчь о текущихъ событіяхъ.

— Всѣ эти повстанцы очень странный народъ,—начала она:—требуютъ невозможнаго, и если желанія ихъ не исполняются, то претендуютъ всегда на насъ, на аристократію.

Подборская и Артуръ чувствовали себя въ эту минуту аристократами до мозга костей, вслѣдствіе того трудно-объяснимаго психологическаго факта, что нужно только захотѣть почувствовать себя аристократомъ, чтобы удалить отъ себя всякое сомнѣніе относительно княжескаго или графскаго своего достоинства... Если бы въ эту минуту какой-нибудь Сангушко велъ велико-свѣтскій разговоръ съ какой-нибудь Потоцкою, весь остальной

мiръ не казался бы имъ до такой степени плебейскимъ и ничтожнымъ, какимъ онъ казался теперь князю Артуру и графинѣ Подборской.

— Ахъ! Эти демократы народъ рѣшительно неисправимый, — сказалъ Артуръ въ отвѣтъ на жалобный вопль польской аристократіи, вырвавшійся изъ устъ владѣтельницы Забужа. — Подняли они это возстаніе, Богъ знаетъ, изъ-за чего, и еслибы мы не захватили въ свои руки всего движенія, то неизвѣстно, куда бы оно насъ завело. Мы держались сначала въ сторонѣ, дѣйствовала демократія... *Tout simplement* денегъ мы не давали, и потому, когда возстаніе вспыхнуло, не оказалось ни оружія, ни иныхъ военныхъ запасовъ. *Malgré cela figurez-vous, madame, ces mauvaises têtes* стояли на своемъ, и тогда-то мы, *bon-gré mal-gré*, вынуждены были взять дѣло въ свои руки, чтобы предотвратить социально-космополитико-коммунистическую революцію, которая неизбежно намъ грозила!

— *Mon Dieu!* — вскричала Подборская въ ужасѣ: — возможно ли, послѣ событій 1848 года...

— *Je vous assure, madame!* Вопросъ касался поголовнаго истребленія шляхты и капиталистовъ, равномернаго распредѣленія имуществъ, уничтоженія семейныхъ узъ и всѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ основъ. Да что говорить, *dernièrement* *en* *souge* мнѣ случилось натолкнуться на подобныя теоріи, и не дальше, какъ въ Блотничанахъ, у аптекаря...

Подборская вся вдрогнула отъ ужаса и... прижалась къ князю Артуру, который продолжалъ:

— *Mais je vous dis, madame,* это было нѣчто ужаснѣе французскаго конвента! Вообразите себѣ сборище изъ полсотни смѣрныхъ коммунистовъ, съ глазами налившимися кровью, въ красныхъ рубахахъ, съ засунутыми за длинные голенища кинжалами, и въ срединѣ этой кровожадной толпы аптекаря, провозглашающаго тостъ за умерщвленіе всѣхъ князей, шляхты и шляхтянокъ, за уничтоженіе права наслѣдства и за свободу брачныхъ разводовъ и т. п.

— Но это вѣдь ужасно, невѣроятно, этотъ человѣкъ тоже имѣетъ дѣтей! У него, вы замѣтили, князь, есть дочь, что-ли?

— Есть, — отвѣчалъ князь, съ гнѣвною улыбкою: — *mais elle partage ses idées!* Ха, ха, ха!..

— О, я вижу, вы, князь, шалунъ! Тутъ что-нибудь есть... *Vous dites donc,* что она раздѣляетъ его идеи? Но, конечно, не на счетъ развода и не на счетъ уничтоженія наслѣдства? Да?

— *Pas précisément,* но — князь улыбнулся, — но эта блотни-

чанская красавица утверждаетъ и собственнымъ примѣромъ желаетъ доказать, что наши теоріи о необходимости брака — вздоръ, пустячная выдумка; ну, а потомъ... не нуженъ, конечно, разводъ, гдѣ нѣтъ брака.

— Ахъ, неужели? Значить, Одварницкая... дѣвушка эмансипированная? Не пыталась ли она и вамъ внушить свои понятія?... Ну, сознайтесь, князь!

— Съ своей стороны она употребляла всевозможныя усилія, направленныя къ этой цѣли, но не могъ же я лишать счастья каждаго изъ этихъ санюколовъ...

Внезапный крикъ ужаса вырвался изъ устъ Подборской и остановилъ дальнѣйшую рѣчь Артура: у самой той скамьи, гдѣ они сидѣли, стоялъ какой-то молодой человѣкъ. Оглянувшись тревожно, Артуръ испустилъ тоже внезапное восклицаніе, которое свидѣтельствовало, по меньшей мѣрѣ, о минутномъ отсутствіи въ немъ гражданской и военной отваги... Вскочивъ съ мѣста, князь быстро ретировался въ сторону Подборской.

У скамьи стоялъ уже знакомый намъ юноша. Онъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ, сжимая конвульсивно въ рукахъ желѣзный заступъ, поднятый имъ тутъ же. Ни капли крови не было въ его лицѣ, глаза искрились, горѣли и страшно какъ-то глядѣли на Артура.

Князь тоже былъ блѣденъ, и если бы я вздумалъ утверждать, что онъ не дрожалъ въ эту минуту, то муза исторіи назвала бы меня лжецомъ, а мстительныя гаріи загнали бы меня въ редакцію «Dziennika Lwowskiego», въ качествѣ достойнаго сотрудника этого не совсѣмъ правдолюбиваго органа. Поэтому, я долженъ сознаться, что мой богатырь весь дрожалъ отъ страха, забывъ въ ту минуту, что позорное чувство это рѣшительно не гармонируетъ съ принятою имъ на себя ролью потомка Рюрика, Игоря и Владиміра...

Юноша прибылъ въ Забужъ по той же дорогѣ, по которой пріѣхалъ и Артуръ. Не найдя никого ни въ передней, ни въ залѣ, Квасковскій прошелъ въ садъ и такимъ образомъ подслушалъ невольнo разсказъ Артура о вчерашнемъ вечерѣ у аптекаря. Читатели, безъ сомнѣнія, не могли не замѣтить, что разсказъ этотъ по многимъ пунктамъ не отличался ни точностью, ни вѣрностью, по нѣкоторымъ же напоминалъ даже знаменитый отчетъ «Dziennika Lwowskiego» объ одномъ изъ собраній депутатовъ...

Нѣсколько минутъ продолжалась нѣмая сцена. Забывъ о своихъ богатырскихъ предкахъ, князь настолько прижался къ Под-

борской, насколько возможно было это сдѣлать безъ нарушенія условій приличія, между тѣмъ какъ Квасковскій, сжимая въ рукахъ заступъ, напрасно старался дрожащимъ отъ негодованія голосомъ высказать все то, что происходило въ его душѣ и сердцѣ.

— Что вамъ нужно? — проговорила, наконецъ, Подборская холодно и нѣсколько свысока.

— Я желалъ бы, если вы позволите, переговорить съ *этими*... господиномъ, — отвѣчалъ Квасковскій съ раздраженіемъ.

— Этотъ господинъ нашъ гость, а съ людьми незнаемыми, являющимися сюда, говорить обыкновенно мой мужъ. Потрудитесь обратиться къ мужу, онъ теперь дома.

Князь внутренне благословлялъ Подборскую, столь явно принявшую его сторону, въ виду не вполне деликатныхъ намѣреній со стороны противника. Князь бросалъ на желѣзную лопату подозрительные взоры, мысленно измѣрялъ ея калиберъ и думалъ о вѣроятности результатовъ, какими сопровождалось бы употребленіе ея въ видѣ холоднаго оружія... Къ счастью, въ присутствіи женщины Квасковскій чувствовалъ себя обезоруженнымъ, какъ человѣкъ благовоспитанный. Сознавая, что невозможно было бы ему дольше владѣть собой, онъ рѣшился не проговорить ни слова, молча поклонился Подборской и отправился искать ея мужа.

Князь вздохнулъ свободнѣе и немедленно разразился рыцарскимъ негодованіемъ, которое было бы ему такъ къ лицу нѣсколько раньше.

— Quelle insolence! — вскричалъ онъ: — вы замѣтили, какая дерзкая фizioномія у этого хлопomана? Признаюсь, если бы меня не стѣсняло ваше присутствіе, я бы ему намялъ шею!.. Но обязанностью моею было d'assouir à votre secours; мнѣ повезалось, что онъ хочетъ броситься на васъ.

— Ахъ, позвольте отъ души поблагодарить васъ, князь, за готовность вашу защитить меня отъ наглости этого человѣка... Такъ вотъ они каковы, эти хлопomаны!

— Вотъ, вы видите!.. А этотъ принадлежитъ къ опаснѣйшимъ и самымъ запальчивымъ. Я готовъ поручиться, что онъ побывалъ уже въ деревнѣ и зондировалъ настроеніе хлопomъ.

— Не совѣтую ему этого дѣлать... Во всякомъ случаѣ, это какой-то подозрительный индивидуумъ, и я сейчасъ же скажу мужу, чтобы онъ немедленно отправилъ его изъ Забужа подальше. Хлопы у насъ нѣсколько своевольны, и недоставало еще того только, чтобы эти господа начали тутъ свою пропаганду...

Подборская, въ сопровожденіи Артура, торопливо поспѣшила въ залъ и позвала мужа, чтобы дать ему надлежащія инструк-

ціи. Онъ казался нѣсколько сконфуженнымъ и смущеннымъ, желалъ будто связать что-то, но боялся жены.

— Что съ тобой?—спросила она, замѣтивъ его безпокойство.

— Видишь ли, душа моя, этотъ... какой-то Квасковскій пришелъ ко мнѣ съ страннымъ желаніемъ. Онъ объявилъ мнѣ, что считаетъ меня человѣкомъ благороднымъ и полявомъ, и потому, какъ человѣкъ благородный и какъ полявъ, я не долженъ отказывать ему въ небольшой услугѣ, которой ему просить больше не у кого, такъ какъ здѣсь никого онъ не знаетъ... Короче, онъ хочетъ вызвать князя на поединокъ и просить меня быть секундантомъ.

— Что такое?!—вскричала Подборская:—поединокъ теперь, во время повстанія, когда кровь наша нужна отечеству?.. Какъ ты могъ слушать подобное предложеніе!

Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе и признавая существованіе свое необходимымъ для пользы «справы», Артуръ заявилъ рѣшительно, что вызова на поединокъ не принимаетъ, тѣмъ болѣе, что противникъ его есть un homme de rien, очень подозрительнаго происхожденія и еще болѣе подозрительнаго характера. Подборскій призналъ вполнѣ правильнымъ такое разсужденіе; уѣздные начальники, приглашенные на совѣщаніе, присоединились съ своей стороны къ общему мнѣнію, и тѣмъ охотнѣе, что Подборская подробно растолковала имъ, какъ велика разница между княземъ, т.-е. однимъ изъ «нашихъ», и какимъ-нибудь хлопоманомъ. Рѣшено было сейчасъ же выпроводить Квасковскаго изъ Забужа, поручивъ исполненіе этого рѣшенія Подборскому. Долго возился Подборскій съ юношею, пока убѣдилъ его отказаться отъ своего намѣренія и скорѣе оставить Забужъ. Съ плохо скрываемымъ бѣшенствомъ, Квасковскій вскочилъ въ бричку и уѣхалъ, оставивъ князя подъ непосредственнымъ покровительствомъ военнаго комиссара и его энергической супруги. Но, уѣзжая, онъ — по натурѣ своей запальчивый не менѣе самаго свирѣпаго мазура — поклялся, что не проститъ майору Варѣ разговора его съ Подборской.

Освободившись отъ Квасковскаго, князь Артуръ далеко былъ отъ какихъ бы то ни было угрызений совѣсти за лживый разсказъ свой о Катеринѣ Одварницкой, отцу которой онъ обязанъ былъ освобожденіемъ своимъ изъ когтей Финкмана. Удовлетворяя общей просьбѣ, онъ повторилъ даже за чаемъ весь свой разсказъ, пополнивъ его новыми подробностями, до такой степени пикантными, что, въ сравненіи съ романтическими похожденіями и успѣхами его въ Блотничанахъ, приключенія Донъ-Жуана казались блѣдными. Подборская поражена была ужасомъ: ей добро-

дѣтельныя чувства возмущены были картиною соціально-коммунистической безнравственности!.. Мужчины же хохотали до слезъ и въ одинъ голосъ порѣшили, что этотъ варшавякъ — славная «штука»; — они не были еще посвящены въ тайну бѣлорусскаго происхожденія князя Артура. Наконецъ, всѣ были согласны въ томъ, что революціонныя агитаціи клонятся къ ниспроверженію общественнаго порядка, къ расторженію семейныхъ узъ и т. д. Убѣдительно и краснорѣчиво всѣхъ доказывала эту истину Подборская, пока мужчины не отправились опять на пулюу преферанса въ кабинетъ хозяина, оставивъ почтенную даму на стражѣ нравственности и общественнаго порядка наединѣ съ княземъ Артуромъ.

Пройдемъ молчаніемъ нѣкоторыя подробности дальнѣйшаго пребыванія Артура въ Забужѣ, и внесемъ въ нашу хронику только тотъ историческій фактъ, что самъ Подборскій вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что Артуръ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, дѣлающія его идеаломъ организатора силъ, имѣющихъ цѣлью «произвести диверсію». Нельзя спорить, что Подборскій слѣдовалъ въ этомъ случаѣ отчасти мнѣнію своей супруги, и нужно притомъ сознаться, что вообще автономическія супружескія права этого просвѣщеннаго и вліятельнаго гражданина представляли чрезвычайно много сходства съ автономіей галиційскою. Нашему сейму дозволяется, напр., свободно говорить о томъ, что декабрьскія постановленія весьма далеки отъжелаемаго совершенства, но если бы сеймъ вздумалъ практически воспользоваться этою свободою, ему грозило бы распущеніе. Подборскому дозволялось имѣть собственное мнѣніе на счетъ людей и ихъ достоинства, но малѣйшее злоупотребленіе подобною свободою грозило ему послѣдствіями, которыхъ онъ всѣми мѣрами старался избѣгнуть, подобно тому какъ наши депутаты стараются избѣгать новыхъ выборовъ. Депутатъ можетъ быть вторично и не выбранъ; прогнанный женою мужъ можетъ не найти подъ собою «почвы», на которую можно было бы ему «опереться». Забужѣ имѣлъ хорошую почву, и Подборскій, разъ опершись на него, держался крѣпко, пользуясь безконтрольно правами мужа и хозяина дома только въ выборѣ охотничьей дробы для своей двустволки и развѣ еще правомъ наказывать лягавую свою собаку, да и то въ отсутствіи самой пани-добродѣйки. Во всякомъ случаѣ, Подборскій вскорѣ сдѣлался горячимъ приверженцемъ и трубою славы Артура, такъ что въ короткое время ближайшія и болѣе отдаленныя мѣстности узнали о томъ, что майоръ Янъ Вара призванъ Провидѣніемъ къ совершенію великихъ дѣлъ,

что въ руки этого человѣка спокойно можно отдать судьбу отчизны и что «такихъ людей намъ нужно больше».

Послѣ такихъ вступительныхъ дѣйствій, рѣшено было облегчить маіору сношенія съ असовельможнымъ паномъ Цыбульничкинымъ изъ Цыбуловичъ, главнымъ начальникомъ округа, съ тою цѣлью, чтобы оба начальника, гражданскій и военный, имѣли возможность сообща обдумать и предпринять всѣ мѣры, направленные къ рѣшительному «парализованію» Москвы. Сама пани Подборская взяла на себя трудъ свезти маіора въ Цыбуловичи, въ избѣжаніе повторенія случайности, въ родѣ той, какая приключилась съ Казаномъ. Подана была закрытая коляска, запряженная четверкой лошадей; кучеръ и лакей надѣли новую ливрею; Подборскій, по приказанію жены, отѣсилъ пощечину горничной, не успѣвшей во-время подать въ экипажъ картонку съ головнымъ уборомъ, безъ котораго столь важная дипломатическая экспедиція могла бы не привести къ ожидаемой патріотической цѣли. Когда все было готово, Подборская и Артуръ заняли мѣста, и коляска двинулась. Маіоръ увозилъ съ собой, кромѣ фотографій Шелищинской и Тржещинской, еще третью фотографію, данную ему на память тѣхъ пріятныхъ минутъ, которыя онъ — какъ увѣрялъ — провелъ въ Забужѣ. Портретъ напоминалъ Подборскую только по платью, лицо же было будто чужое, гораздо моложе. Князь восхищался поразительнымъ сходствомъ и увѣрялъ, что въ Парижѣ даже ему не случалось видѣть фотографію, съ такою вѣрностію передающую черты оригинала и все выраженіе лица, и только крайне сожалѣлъ, что копія годами десятию казалась старѣе оригинала... Разговоръ перешелъ вскорѣ на женскую красоту вообще и на красоту парижанокъ и варшавянокъ въ частности, коснулся затѣмъ Катерины Одварницкой, а отъ нея перешелъ на якобинизмъ, коммунизмъ и деморализацію. Князь много говорилъ о губительномъ вліяніи французскихъ романовъ и выразилъ глубокое сожалѣніе, что вмѣсто романовъ Жоржа-Занда, не переводятъ для этого «низшаго» класса сочиненій Вейльо. Ставши опять на стражѣ общественной нравственности, Подборская и князь Артуръ вполнѣ были согласны, что теоріи Жоржа-Занда, не подчиняющія человѣческаго сердца надлежащему контролю разума и совѣсти, весьма вредны, но не могутъ быть, конечно, опасны «для насъ», потому что «мы» имѣемъ уже въ крови и съ молокомъ матери впитавемъ возвышенные и благородныя чувства, хранящія насъ отъ нравственнаго паденія. Такой вѣрный и глубокій анализъ сердца, какой представляетъ, напр., «Индіана», можетъ «насъ»

только приятно занять, но не испортить. Подборская не спорила, что анализъ этотъ дѣйствительно глубоокъ, и сознавалась, что женщинѣ, точно, случается иногда быть въ такомъ положеніи, когда... Тутъ она вздохнула глубоко. — «Ахъ, я понимаю васъ!» вскричала князь, съ чувствомъ хватая руку почтенной матроны, которой лицо выражало сильное волненіе, исполненное сорокалѣтней предести. — «Ахъ, князь!».. прошептала она, но—въ это мгновеніе коляска, вѣзшая на мостъ, дрогнула и подбочила, а вскорѣ остановилась у подъѣзда дома ясновельможнаго Цыбульницкаго.

Я радъ несказанно — читатель мнѣ повѣрить — что въ эту минуту майоръ и супруга военнаго комиссара очутились у цѣли своего путешествія. Будучи весьма мало свѣдуещъ въ «анализѣ тайнъ человѣческаго сердца», я не понимаю, какъ могъ Артуръ такъ скоро и легко понять госпожу Подборскую! Я былъ бы въ немаломъ затрудненіи, если бы мнѣ пришлось ближе уразумѣть сердце этой почтенной дамы и объясняться потомъ передъ читающею публикою. Къ счастью, мы находимся теперь въ Цыбуловичахъ и можемъ быть свидѣтелями встрѣчи двухъ великихъ мужей, занятыхъ вопросами болѣе серьезнаго свойства, чѣмъ анализъ сердца, основанный на нравственной его анатоміи, — мужей, погруженныхъ въ заботы на счетъ организациі отрядовъ, обязанныхъ «парадировать», а также на счетъ многихъ иныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ развивается дальнѣйшая нить приключеній и замѣчательныхъ подвиговъ моего богатыря.

Для соблюденія хронологическаго порядка, я принужденъ записать въ этомъ мѣстѣ, что въ то самое время, когда Артуръ прибылъ въ Цыбуловичи, до Шелищинской во Львовѣ дошли тревожные слухи о томъ, что задержанъ въ Блотничанахъ какой-то французъ, по имени Анри-де-ла-Рошъ-Шуаръ, виконтъ де-Туркъ-Брошъ и баронъ де-Баркароль. Наша интересная знакомка, съ еще болѣе интересною Целиною, какъ громомъ поражены были этою вѣстью. Теряясь въ предположеніяхъ, какой исходъ могъ получить арестъ Артура, онѣ рѣшились подвинуть небо и землю на его освобожденіе. Не смотря на проливной дождь, который въ этотъ день ливня лилъ во Львовѣ, не смотря на крайнія неудобства, сопряженные съ путешествіемъ по Галиціи для всякаго, кто не имѣетъ въ виду, посредствомъ голода, омерзительныхъ ночлеговъ и иныхъ аскетическихъ упражненій, сподобиться вѣчнаго блаженства, несмотря на все это — около четырехъ часовъ по-полудни изъ Львова выѣхала извозица въ нарядѣ, въ которой сидѣли двѣ наши знакомыя съ запла-

ванными глазами, ежеминутно поглядывавшія въ окно и спрашивавшія прохожихъ: «скоро ли Блотничаны?»

Графъ Кипріанъ Цыбульницкій, владѣтель имѣнія Цыбулова, котораго названіе я позволю себѣ распространить на весь округъ, обнимающій Блотничаны, Забужъ и иные важные пункты, входящіе въ предѣлы моего повѣствованія, — графъ Кипріанъ Цыбульницкій, говорю, былъ не только главнымъ начальникомъ всего округа, но и самымъ просвѣщеннымъ и глубокомысленнымъ обывателемъ.

Несмотря на то, что недавно еще поселился онъ въ этой мѣстности, получивъ по наслѣдству имѣніе, онъ успѣлъ, однако, сдѣлаться вскорѣ человекомъ популярнымъ. Несомнѣнно, что если бы выборы въ сеймъ происходили послѣ его переселенія, а не прежде, то достоинство депутата его бы не минуло, тѣмъ болѣе, что весь Цыбуловскій округъ, слѣдуя мнѣнію начальника Цыбуловскаго повѣта, пана Богдана Колтуновича, выбиралъ всегда въ сеймовые депутаты «пяста», т.-е. мужа, имѣющаго въ округѣ осязательность, наперекоръ агитаціи «Gazety Narodowej», протежирующей обыкновенно въ это званіе какихъ-нибудь адвокатовъ, учителей и литераторовъ.

Благородное самолюбіе владѣтелей Цыбуловскаго округа не могло допустить, чтобы на сеймѣ кто-либо иной, а не «пастъ», былъ представителемъ собирательнаго государственнаго ума ста двадцати «цыбулосовъ», пользовавшихся правомъ избирательнаго голоса. Потому-то и были избираемы обыкновенно три «паста», причемъ вовсе не обращалось вниманія на политическія ихъ убѣжденія. Главное условіе состояло лишь въ томъ, чтобы удостоившіеся избранія въ депутаты олицетворяли собой въ меньшей степени, сравнительно съ своими согражданами, тотъ идеалъ ячменно-гречневой самобытности, къ которому подходили болѣе или менѣе всѣ члены почтеннаго общества Цыбуловскихъ избирателей.

Идеалъ этотъ состоялъ въ полномъ и послѣдовательномъ отрицаніи всѣхъ приобрѣтеній человѣческаго ума, начиная съ изобрѣтенія письменъ финикійянами и цифръ арабами, и оканчивая силою пара, телеграфами, искусственнымъ удобреніемъ, компаніями на акціяхъ и иными заграничными нововведеніями, безъ которыхъ отцы наши жили — и было имъ такъ хорошо. Но если подобное міровоззрѣніе было преобладающимъ во всемъ округѣ и служило отцамъ и матерямъ въ нѣкоторомъ родѣ путеводною звѣздой при воспитаніи сыновей и дочерей, то невозможно было отвергать, что, за предѣлами Цыбуловскаго округа, знанію строч-

ныхъ и прописныхъ буквъ, а также четырехъ арифметическихъ дѣйствій обыватели привыкли придавать извѣстное значеніе и цѣну. И потому, въ силу той истины, что «съ волками жить — по-волчьи выть», для внѣшней репрезентаціи округа приходилось поневолѣ выбирать такихъ обывателей, которымъ были бы болѣе или менѣе не чужды указанные сейчасъ познанія, которые, впрочемъ, сами по себѣ излишни и не нужны.

Цифра обывателей, удовлетворяющихъ такимъ требованіямъ, была весьма ограничена, и потому Цыбуловскій округъ, къ изумленію всей Галиціи и иныхъ польскихъ земель, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ, къ какой онъ пристанетъ партіи — выбрать въ депутаты одного «черно-желтаго» ¹⁾ обывателя, а другого — «ульгра-краснаго».

Графъ Цыбульницкій не попалъ въ число избранныхъ, какъ я уже сказалъ, потому только, что въ округѣ былъ онъ человѣкъ новый. За то, назначеніе его начальникомъ народной организаціи, въ восьми смежныхъ между собою уѣздахъ, принято было безъ протестовъ, только незначительное число мальконтеровъ — разумѣется, красныхъ — противилось этому выбору.

Я не понимаю, впрочемъ, въ чемъ могла упрекнуть графа Цыбульницкаго эта незначительная партія недовольныхъ. Это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ прогрессивный. Довольно сказать, что на пространствѣ ста квадратныхъ миль, съ населеніемъ въ 300.000 душъ разнаго званія, возраста и разныхъ профессій, существовала единственная библіотека — и эта библіотека существовала въ Цыбуловѣ. На пространствѣ тѣхъ же ста квадратныхъ миль никто не зналъ, что до Собѣскаго царствовали въ Польшѣ короли изъ дома Вазы, а еще прежде Ягеллоны, а еще прежде Пясты — это зналъ одинъ Цыбульницкій. Кромѣ этихъ свѣдѣній, онъ обладалъ еще и многими другими познаніями и могъ считаться ходячею энциклопедіей, тогда какъ сосѣди его тѣмъ только и напоминали какую-либо книгу, что сами обтянуты были въ телячью кожу.

Съ другой стороны, что касается до внѣшней представительности, то обыватель этотъ обладалъ вполне импонирующею фizioноміей. Его сѣрые и пронизательные глаза, дипломатически выбритый подбородокъ, извѣстная внушительность и полная самоувѣренность, не могли не возбуждать въ немъ уваженія и даже преданности. Великолѣпенъ былъ графъ Цыбульницкій, когда давалъ аудіенцію разнымъ мелкимъ существамъ, арендаторамъ,

¹⁾ Т.-е. австрійскаго централиста.

аптекарямъ, управителямъ имѣній и тому подобной каналии, исполняющей подначальныя функціи въ народной организаціи! По истинѣ, трудно понять, въ чемъ могло состоять недовольство противъ него со стороны цыбуловской оппозиціи.

Объ этомъ, быть можетъ, мы узнаемъ впоследствии, теперь же необходимо констатировать тотъ фактъ, что оппозицію составляли только «красные», ставя въ вину начальнику округа чересчуръ интимныя отношенія его къ цесарско-королевскимъ окружнымъ властямъ и тѣсную дружбу его съ цесарско-королевскимъ окружнымъ старостою. Но если бы оппозиція имѣла болѣе политическаго смысла, то могла бы легко догадаться, что графъ Цыбульницкій предчувствовалъ наступленіе новой эры... Дѣйствительно, въ 1863 г. этотъ, недостаточно оцѣненный, государственный мужъ словно читалъ въ будущемъ и, вслѣдствіе того, искалъ возможныхъ точекъ соприкосновенія съ правительствомъ, благодаря чему мы обязаны всѣми нынѣшними нашими завоеваніями. Но объ этомъ въ другой разъ. Въ настоящую минуту для насъ довольно знать, что графъ Цыбульницкій избранъ былъ начальникомъ округа и что, кромѣ всѣхъ заботъ и безпокойствъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, онъ вынужденъ былъ еще бороться съ внутреннею оппозиціей.

Послѣ церемоннаго представленія графу майора, Подборская подошла къ начальнику округа и сообщила ему полупшепотомъ о важномъ значеніи и высокихъ достоинствахъ гостя. Начальникъ съ удовольствіемъ выслушалъ все то, что считала нужнымъ сообщить ему Подборская, и былъ вполне согласенъ съ ея мнѣніемъ, что такой представитель вооруженнаго возстанія, какъ майоръ Янъ Вара, могущественно можетъ содѣйствовать подавленію «красной» оппозиціи въ Цыбуловскомъ округѣ и возвращенію ея на путь добра. Личная бесѣда съ княземъ Артуромъ еще сильнѣе укрѣпила его въ этомъ убѣжденіи. Князь вполне былъ съ нимъ согласенъ въ томъ, что повстаніе должно имѣть характеръ только демонстраціонный и должно служить только поводомъ для «дипломатической акціи», предпринятой тѣми, кто, по своему происхожденію и по складу обстоятельствъ, предопредѣленъ вести, отъ имени народа, переговоры съ европейскими кабинетами.

— Красные, — утверждалъ князь, — мѣрославцы, социалисты, желаютъ столкнуть насъ въ хаосъ социальной революціи, и даже самые умѣренные изъ нихъ... Но это безуміе!..

Начальникъ округа и майоръ взаимно протянули другъ другу руки, въ знакъ того, что вполне поняли другъ друга. Началь-

никъ округа подробно объяснилъ маіору, что въ Цыбуловскомъ округѣ замѣтенъ повсюду отличный духъ, кромѣ известной «красной» оппозиціи, поднимающей мѣстами своевольную свою голову. Она недовольна ничѣмъ, ни комитетомъ, ни штабомъ, ни народowymi властями и, очевидно, стремится къ захвату власти. Начальникъ выразилъ надежду, что маіоръ будетъ ему содѣйствовать въ подавленіи этихъ мятежныхъ вспышекъ, столь вредныхъ для народной sprawy, требующей прежде всего дисциплины и подчиненности. Маіоръ выразилъ полнѣйшую готовность поддержать начальника въ его спасительныхъ усиліяхъ.

При полномъ согласіи во взглядѣ на общественные интересы, не о чемъ было много разсуждать, и потому разговоръ перешелъ вскорѣ на другіе предметы. Князь Артуръ замѣтилъ мимоходомъ, что, проведя большую часть жизни за границей, во Франціи, Италіи, онъ весьма мало знакомъ съ мѣстными отношеніями. Графъ, въ свою очередь, разспрашивалъ его о польскихъ аристократическихъ семействахъ, живущихъ за границею, и на всѣ вопросы получалъ отвѣты, которые должны были его убѣдить въ обширныхъ родственныхъ связяхъ и аристократическихъ знакомствахъ Артура. Но графъ не принадлежалъ къ числу людей, довѣряющихъ первымъ признакамъ, и рѣшился подробнѣе провѣркаменовать князя.

..... Возвращаясь къ красной оппозиціи, графъ сообщилъ маіору, что во главѣ ея стоитъ Мелитонъ Кацпровскій изъ Цевковицъ. Графъ полагаетъ, что полезно было бы—если князь не имѣетъ ничего возразить противъ подобнаго предположенія—остановиться, ему, князю, квартирою въ Цевковицахъ, на все время формировація «парализующаго» корпуса, съ тою цѣлью, чтобы своимъ вліяніемъ и убѣжденіями постараться образумить сумасшедшаго шляхтича. Графъ прибавилъ, шутя, что пребываніе въ Цевковицахъ будетъ, конечно, не непріятно князю, такъ какъ Кацпровскій, кромѣ многихъ иныхъ божьихъ даровъ, имѣетъ трехъ премиленькихъ дочерей, очень образованнаго сына и отличнаго повара. Въ предупрежденіе же столеновеній съ цесарско-королевскою полиціей, графъ выразилъ готовность снабдить князя надлежащею легитимацией, признавъ его однимъ изъ своихъ родственниковъ. Князь охотно принялъ это предложеніе, и дѣло было улажено. Попрощавшись съ Подборскою, уѣхавшею обратнѣ въ Забужъ, графъ приказалъ указать Артуру приготовленное для него помѣщеніе и, оставшись затѣмъ съ глазу на глазъ съ женою, предался неудержимому смѣху, къ немалому удивленію послѣдней.

— Представь себѣ, моя милая, мадамъ Кацировскую и ея дочерей и пана Мелитона, окружающихъ князя!... «Князь, князя, князю» и т. д., ничего больше и не услышишь въ Цевковицахъ!....

Графъ душевно ненавидѣлъ Мелитона Кацировскаго, а графиня ненавидѣла его супругу. Графиня, однако, никакъ не могла понять, чему смѣется ея мужъ такъ истерически.

— Какая же ты недогадливая! — сказалъ графъ, и опять сталъ хохотать.

— Такъ этотъ князь....

— Ну, да! Этотъ князь такое же подражаніе князю, какъ парикъ Кацировскаго подражаніе натуральнымъ волосамъ, или какъ Кацировская подражаніе попугаю, говорящему по-французски: *bonjour*. Великолѣпно!... Надѣлю же я Кацировскую княземъ: чего-добраго, которая-либо изъ дочерей ея надѣнетъ еще княжескую корону!... Графъ продолжалъ хохотать до слезъ, графиня тоже весело хохотала. Легши спать, графъ и графиня хохотали сквозъ сонъ, между тѣмъ какъ Артуръ отъ души поздравлялъ себя съ тѣмъ, что сдумѣлъ графу «задать такого шику» и мечталъ о томъ, какого «шику задасть» онъ еще въ Цевковицахъ!... Подборская, воротившись домой, вся предалась мечтамъ о князѣ, который, проведя половину жизни за границей, вдругъ явился въ Забужъ, чтобы понять «загруднительное положеніе женскаго сердца»...

Только Шелищинская и Целипа не могли ни о чемъ мечтать въ эту ночь. Остановившись въ «первоклассной» блотничанской гостинницѣ, онѣ сдѣлались жертвою баснословнаго количества тѣхъ непримиримыхъ враговъ прекраснаго пола, тѣхъ маленькихъ и черныхъ чудовищъ, которыя созданы природою съ тою цѣлю, чтобы мстить за насъ мучительницамъ нашимъ за всѣ бессонныя ночи, за всѣ наши страданія. О снѣ не могло быть и рѣчи, и обѣ наши знакомки провели ночь въ разговорахъ, причемъ влялись въ вѣчной ненависти къ трусливымъ шляхтичамъ и къ черезчуръ усерднымъ бецирес-форштегерамъ.

На другой день, раннимъ утромъ, когда въ Цыбуловѣ все погружено было еще въ глубокой сонъ, верховой нарочный скакалъ въ Телятинъ — имѣніе Колтуновича, начальника повѣта и ближайшаго помощника гр. Кипріана. Нарочный везъ съ собою маленькую записочку на тонкой бумагѣ, съ голубою печатью, составленною изъ гербовъ Польши, Литвы и Руси, и съ надписью вокругъ: «Начальникъ Цыбуловскаго округа». Содержаніе

записки, написанной мелкимъ почеркомъ, было такое: «№ 643. Н. Ц. О. К. Ц. предлагаетъ Н. П. Б. К. прибыть немедленно въ Цыбулово по очень важному и не терпящему отлагательства дѣлу». Подписано: «Н. Ц. О. К. Ц.». На конвертѣ печать съ гербомъ гр. Цыбульницкаго и его супруги и адресъ: «Вельможному пану-добродѣю Богдану Колтуновичу». Этотъ адресъ и печать, слѣдуетъ полагать, должны были скрыть истинный смыслъ начальныхъ буквъ, находящихся внутри конверта!... И кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы догадаться, что буквы эти означаютъ: Начальникъ Цыбуловскаго округа Киприанъ Цыбульницей и начальникъ повѣта Богданъ Колтуновичъ!... Но еслибы, вмѣсто этихъ загадочныхъ буквъ и печати, въ запискѣ просто было сказано: «Любезный сосѣдъ, ожидаю тебя въ наискорѣйшемъ времени, по важному дѣлу», то записка эта для Колтуновича, хотя имѣла бы вполне ясный смыслъ, но потеряла бы все обаяніе...

Какъ бы то ни было, но спустя часа два по дорогѣ изъ Телятина мчалась нейтычанка, въ которой сидѣлъ Богданъ Колтуновичъ, съ официально-озабоченной фizioноміей. Обыватель этотъ сооруженъ былъ вполне пропорціонально, только по отношенію къ головѣ природа нѣсколько погрѣшила, наградивъ почтеннаго шляхтича громаднымъ носомъ и лишивъ почти совсѣмъ головной чашки. Несмотря на то, при выборѣ повѣтоваго начальника, вниманіе высшихъ организаціонныхъ властей должно было остановиться на этомъ обывателѣ, хоть бы потому, что мать-природа столь же несимметрически устроила головы и у всѣхъ его сосѣдей, съ тою лишь разницей, что по отношенію къ однимъ обнаружила она особенное благоволеніе къ ушамъ, а у другихъ вся творческая сила ея ушла въ брюхо. Доказательствомъ и послѣдствіемъ этого служить тотъ фактъ, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія, въ XV столѣтіи, до нашего времени, во всѣхъ 38 помѣщичьихъ имѣніяхъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Цыбуловскаго повѣта, кромѣ восьми молитвенниковъ и пяти календарей, не продано было ни единого листа печатной бумаги. И потому, по отсутствію обывателя *наиспособнѣйшаго*, высшія народовыя власти вынуждены были назначить начальникомъ повѣта обывателя *наусерднѣйшаго*, а таковымъ именно и былъ панъ Богданъ Колтуновичъ.

Оказанное ему довѣріе онъ старался оправдать всѣми мѣрами. Прежде всего, открылъ онъ у себя канцелярію и завелъ въ ней строжайшій порядокъ; купилъ громадное количество чернилъ, бумаги и стальныхъ перьевъ; писца изъ своей винокурни опредѣлилъ протоколистомъ, регистратуру поручилъ старшему сыну,

экспедицій же занимался лично, командировавъ въ помощники себѣ своего эконома.

Замѣчательный этотъ организаторъ утверждалъ, что во всякомъ благоустроенномъ обществѣ первая добродѣтель—послушаніе; принципъ этотъ онъ примѣнялъ къ тѣмъ, кто выше его, и къ тѣмъ, кто его ниже. По отношенію къ низшимъ себя, панъ Богданъ слѣдовалъ системѣ «наказаній и наградъ»,—той именно системѣ, которую одна креолка прекрасно формулировала въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ чернокожимъ: «If you don't work, you shall be whipped—that is the punishment; if you work, you are not to be whipped—that is the reward» ¹⁾. Но какъ наши мужики отличаются крайнею лѣностью и работать не хотятъ, то изъ двухъ составныхъ частей этой системы Колтуновичъ всегда прибѣгалъ лишь къ первой, т. е. къ битью. По отношенію къ высшимъ себя, система этого замѣчательнаго чловека допускала только благоговѣніе и покорность. «Безъ аристократіи, мосци-добродѣю,—говаривалъ онъ,—мы были бы ничто. Вотъ у негровъ нѣтъ аристократіи, потому-то они и негры».

Единственнымъ представителемъ аристократіи во всемъ округѣ былъ графъ Цыбульницкій, и на его особу панъ Богданъ изливалъ все благоговѣніе, питаемое имъ къ аристократическимъ родамъ и именамъ; когда же гр. Киприанъ сдѣлался начальникомъ его ех-офиціо, панъ Богданъ принялся исполнять его распоряженія не только съ слѣпою покорностію, но съ какимъ-то внутреннимъ удовольствіемъ, не разсуждая ни о мотивахъ, ни о результатахъ того, что ему приказано. Несомнѣнно, что еслибы пану Н. П. Б. К. приказано было даже стать безотлагательно вверхъ ногами со всѣмъ семействомъ, съ цѣлю убѣдиться, способны ли пятеи его исполнять функціи головы, то Н. П. Б. К. выполнилъ бы приказаніе тотчасъ же и буквально, вмѣстѣ съ женою, дочерью и сыномъ. Да и кто можетъ сказать, что результаты не соответствовали бы ожиданіямъ пана-шефа!

Панъ Богданъ принять былъ графомъ съ снисходительною улыбкою и приглашенъ былъ присѣсть. Вслѣдъ затѣмъ графъ сообщилъ ему подъ секретомъ, что въ домѣ у него находится потомокъ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій, князь А. Ч. Для избѣжанія столкновеній съ австрійскою полиціею, князь не можетъ называться въ Галиціи собственнымъ именемъ, но будетъ носить имя графа Константина Цыбульницкаго, властямъ же народовымъ онъ давно извѣстенъ подъ именемъ маіора Яна Вары;

¹⁾ Т. е. „если не станете работать, то будете биты—это наказаніе; если станете работать, то не будете биты—это награда“.

что онъ на дняхъ прибылъ изъ Парижа и находится въ ближайшихъ сношеніяхъ съ принцемъ Наполеономъ, а также знакомъ со многими кузенами королевы Викторіи и что, наконецъ, панъ Богданъ теперь же возьметъ его въ свою нейтычанку и свезетъ въ Цевковицы. Мелитону Кацпровскому панъ Богданъ сообщить, подъ строгимъ секретомъ, всѣ полученные имъ сейчасъ свѣдѣнія объ этой особѣ и поручить ее исключительной заботливости этого обывателя, какъ такую особу, которая представляетъ особенную важность не только для Польши, но и для иной значительной части стараго континента.

Панъ Богданъ ослобѣлъ. Онъ былъ въ затрудненіи и не зналъ, благодарить ли графа и вообще народовыя власти за оказываемое ему довѣріе, или только дивиться тому, что существуетъ же въ мірѣ вообще и въ Цыбуловѣ въ частности человѣкъ, до такой степени отиѣченный Провидѣніемъ, что съ самимъ принцемъ Наполеономъ обращается на «ты», знакомъ съ кузенами королевы Викторіи, пріѣзжаетъ изъ Парижа и — желаетъ съѣздить въ Цевковицы!... Панъ Богданъ былъ, такъ сказать, придавленъ важностію сообщеннаго ему извѣстія и чувствовалъ себя втиснутымъ въ лабиринтъ какой-то дьявольски запутанной дипломатической интриги... Наполеонъ, Цевковицы, королева Викторія, Цыбулово и Парижъ, Телатинъ и Тюльери — все это перепуталось въ головѣ пана Богдана и привело его въ состояніе одурѣнія и столбняка, подобныхъ тѣмъ, какіе овладѣваютъ мыслию при метафизическихъ созерцаніяхъ идеи безконечности времени и пространства. Когда панъ Богданъ пришелъ въ себя и сталъ соображать, въ головѣ у него блеснула мысль, которую онъ считъ своимъ долгомъ сообщить графу.

— Пана начальника! — такъ называлъ онъ графа, когда обращался къ нему по «службѣ», — вамъ извѣстно, что панъ Мелитонъ принадлежитъ къ числу мальконтентовъ... Такъ не лучше ли было бы задержать у себя столь важную особу?

— Это почему? — спросилъ графъ, крайне удивленный тѣмъ, что слышитъ изъ устъ пана Богдана нѣчто въ родѣ робкаго возраженія.

— Простите великодушно, но... но я полагаю, что оппозиція, овладѣвъ княземъ....

— Называйте его графомъ и не проговоритесь какъ-нибудь безъ надобности передъ посторонними и особенно передъ какимъ-нибудь чиновникомъ.

— Совершенно справедливо, это я буду помнить. Такъ вотъ, завладѣвши «графомъ», оппозиція постарается перетянуть его на свою сторону...

— Эхъ, вы! Ну, сообразите сами: возможно ли, чтобы человекъ, посвященный во всѣ тайны кабинетовъ, сроднившійся съ дипломатіею, позволилъ, чтобы какой-нибудь Кацпровскій овладѣлъ имъ?...

Панъ Богданъ опять остолебенѣлъ, потомъ вскричалъ:

— Боже мой! Что за глупая голова!... Правда ваша, святая правда!... Такой человекъ!... Вотъ глупая-то голова!...

Вошелъ лакей и объявилъ, что поданъ завтракъ. Панъ Богданъ допущенъ былъ къ лицемернѣйшій княжеской фizioноміи, украшенной темно-синимъ *rinse-pes* на черной ленточкѣ. Князь былъ въ черномъ сюртукѣ и въ брюкахъ, моднаго въ то время, кирпично-розоваго цвѣта. Его сіятельство изволило протянуть пану Богдану руку и привѣтствовалъ его нѣсколькими словами. Пока длился завтракъ, вещи Артура уложены были въ нейтычанжу; когда все было готово къ отъѣзду, графъ любезно прощался съ княземъ, сказавъ по-французски: «*Au revoir, cher cousin*», а Колтуновичу, на низайшій его поклонъ, ласково кивнулъ головой!— «Трогай!»—прикривнулъ панъ Богданъ. Дворовые снимали шапки и низко кланялись уѣзжающимъ, крестьянскія дѣти глядѣли на нихъ съ любопытствомъ, гуси и свиньи разбѣгались во всѣ стороны, какъ будто догадываясь, что Н. П. Б. К. везетъ въ Цевковицы князя А. Ч. Дорбгой панъ Богданъ сталъ развивать свою любимую теорію о значеніи аристократіи, говорилъ опять о несчастномъ положеніи негровъ, которые, будучи лишены этого цвѣта нашего цивилизованнаго общества, осуждены вѣчно оставаться неграми. Артуръ былъ почему-то въ дурномъ расположеніи духа; слушая разсѣянно пана Богдана, онъ замѣтилъ желчно, что еслибы польскую аристократію переселить къ готтентотамъ и кафрамъ, то она изъ Африки сдѣлала бы Галицію, но насколько бы Африка отъ этого выиграла—это еще вопросъ!

— А вотъ и мой Телятинъ,—проговорилъ панъ Богданъ, и предложилъ «графу» осчастливить его бѣдный шляхетскій домъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ. Графъ охотно принялъ предложеніе почтеннаго шляхтича. Пока супруга пана Богдана угощала высокаго гостя вяленою гусятиной, козьими лапками и разнымъ вареньемъ, начальникъ повѣта лично распоряжался запряжкою четверки лучшихъ своихъ лошадей въ тяжелую коляску, употреблявшуюся только въ исключительныхъ случаяхъ. Новый графъ и хозяинъ вскорѣ собрались опять въ дорогу, но когда они сѣли въ коляску, вороная кобыла не двигалась съ мѣста, а сѣрый меринъ обнаруживалъ желаніе повернуть мордой къ коляскѣ, а хвостомъ къ дышлу. Артуръ готовъ былъ уже высоко-

чить изъ коляски, но панъ Богданъ остановилъ его и, упершись колымажками въ козлы, началъ ублажать возницу по спинѣ ударами кулака съ невѣроятною быстротою и силою. Результатъ былъ удивительный: стаявъ возжи, возница сталъ передавать, съ помощію внута, получаемые удары лошадямъ, экипажъ тотчасъ двинулся и помчался, безъ особыхъ уже препятствій, по дорогѣ въ Цевковицы. Обратившись затѣмъ къ маіору, панъ Богданъ пояснилъ, что употребленное имъ сейчасъ средство есть единственное, съ помощію котораго въ Галиціи возможно двинуться впередъ...

Дорога изъ Телятина въ Цевковицы не представляла ничего особеннаго, если не считать особенностію сорока трехъ мостовъ на трехъ миляхъ пути. Мосты наши замѣчательны невѣроятною простотою своей конструкціи, непостижимою однако для каковаго бы то ни было иностранца: ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ, никогда не въ силахъ будутъ понять, на какомъ основаніи три бревна, положенныя вдоль, и четыре чурбана, положенныя поперекъ дороги, называются у насъ мостомъ!...

По дорогѣ панъ Богданъ останавливался съ своимъ гостемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ и, между прочимъ, посѣтилъ пана Стемпецкаго въ Барцишовѣ. Когда Юлій Словацкій упрекалъ польскую шляхту въ преувеличенномъ поклоненіи старо-шляхетской грубости нравовъ, невѣжеству, — въ поклоненіи, которое, подъ видомъ уваженія къ традиціямъ и шляхетскимъ добродѣтелямъ, служить только тормазомъ въ гражданскомъ развитіи общества, то, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду пана Стемпецкаго, отличавшагося глубокимъ презрѣніемъ къ какому бы то ни было знанію и образованію, ведущимъ, по его мнѣнію, къ безбожію и матеріализму. Отвращеніе свое къ «книжной наукѣ», какъ онъ выражался, внушилъ онъ и единственному сыну своему. Когда пришло время пристроить милаго сына, самъ почтенный обыватель очутился въ затрудненіи, какую избрать для него карьеру... Опредѣлили панича въ военную службу рядовымъ, auf acht Jahre Linie und zwei Jahre Reserve. Но что же случилось? Прошло не восемь лѣтъ, а только восемь дней, какъ сыночекъ возвратился въ отеческій домъ и объявилъ изумленному родителю, что получилъ уже отставку. Панъ Стемпецкій взялъ въ руки билетъ и прочелъ... Причина отставки прописана была большими буквами: «Zu dumm!» Никогда старо-шляхетскія добродѣтели и традиции не одержали еще болѣе блистательной побѣды надъ «современною мудростію», какъ въ настоящемъ случаѣ, въ несчастію, слишкомъ правдивомъ...

Изъ Барцшиновицъ путешественники наши отправились прямо въ Цежевицы—резиденцію пана Мелитона Кацпровскаго, котораго описали Артуру какъ предводителя крайней, красной, демократической и радикальной оппозиціи въ округѣ Цыбуловскомъ и даже въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ. Еслибы Артуръ зналъ хорошо Галицію, то репутація Кацпровскаго сразу показалась бы ему подозрительною. У насъ самый крайній консерватизмъ и самый крайній радикализмъ представляютъ собою только два разные способа общаго ничего-недѣланія. Одни недовольны тѣмъ, что дѣла идутъ слишкомъ быстро, и потому сторонятся отъ участія въ нихъ по «принципу» и по «убѣжденію», и такъ какъ убѣжденіе—вещь святая, то они пользуются репутаціей весьма почтенныхъ консерваторовъ. Другіе негодуютъ на то, что все идетъ вяло, медленно, поднимаютъ страшный крикъ и идутъ спать. Но Артуръ этого не зналъ, и потому достаточно отмѣтить только самый фактъ, что Кацпровскій считался цыбуловскимъ радикаломъ и предводителемъ красной оппозиціи, хотя трудно понять, какъ можно принадлежать къ оппозиціи, владея тремя прекрасными имѣніями, лѣсами, винокурнями, мельницами, достаточнымъ количествомъ банковыхъ билетовъ и принадлежа къ великому и знаменитому роду Кацпровскихъ!...

А родъ этотъ знаменитъ своею древностію, теряющеюся въ туманѣ вѣковъ, хотя ни Опольскій, ни Нѣсецкій, составители польскихъ гербовниковъ, о немъ не упоминаютъ. По измѣнчивости судебъ человѣческихъ, нѣкто Блажей-Кацперъ, дѣдъ пана Мелитона Кацпровскаго, служилъ поваромъ у ясно-вельможной графини Банкруцинской, благодаря содѣйствію которой успѣлъ дать хорошее образованіе своему сыну Мацѣю. Послѣдній сдѣлался управителемъ имѣній своей благотѣлительницы и держалъ мужиковъ въ ежовыхъ рукавицахъ, производя обыкновенно расправу на большомъ камнѣ, который и нынѣ показываютъ любопытнымъ, какъ интересный историческій памятникъ. Графиня питала къ Мацѣю полнѣйшее довѣріе и поручила ему всѣ свои дѣла, весьма запутанныя, до такой степени запутанныя, что, въ концѣ-концовъ, ничто не могло уже предотвратить принудительную продажу графскихъ вотчинъ, которыя и были куплены самимъ Мацѣемъ, прибравшимъ фамилію «Кацпровскій». Сынъ и наслѣдникъ его, панъ Мелитонъ Кацпровскій, женился на паннѣ Могоричевской, происходящей изъ хорошей подольской фамиліи, и въ настоящее время принадлежитъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ помѣщиковъ Цыбуловскаго округа.

Е. Л.

ПЕРВЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

КОМЕДІИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“

1827—1832.

Изъ воспоминаній участника.

Въ нынѣшнемъ году появились разомъ два изданія «Горя отъ Ума», одно подъ редакціею г. Гарусова ¹⁾, другое, подъ редакціею г. Веселовскаго ²⁾. Первое изъ нихъ назвало себя—по счету—*сороковымъ*.

Припомнимъ, что въ первыя 25 лѣтъ по смерти Грибоѣдова вышло всего 4 изданія и что остальные 36 приходятся на послѣднія 20, яснымъ становится, что явившееся полѣвка тому назадъ великое произведеніе раскупается русскими людьми съ такою же жадностью, съ какою дѣды и отцы ихъ расхватавали нѣкогда рукописные экземпляры комедіи. Понятно также, что уцѣлѣвшіе

¹⁾ „Горе отъ Ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Александра Сергѣевича Грибоѣдова,—по счету сороковое, по содержанію первое полное изданіе, содержащее, при новой редакціи текста, 129 нѣтъ до сихъ поръ не напечатанныхъ стиховъ, всѣ доселѣ нѣвѣстные варианты комедіи, оцѣнку всѣхъ изданій и рукописей „Горя отъ Ума“ и буквально точный текстъ рукописи, подаренный Грибоѣдовымъ Бугарину. Редакція полного текста, примѣчанія и объясненія составлены И. Д. Гарусовымъ. Изданіе Русской книжной торговли“. С.-Петербургъ 1875.

²⁾ „Русская Библіотека“, т. V. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. С.-Петербургъ. 1875.

отцы и дѣды съ живымъ интересомъ слѣдятъ за появленіемъ каждаго новаго ея изданія, ожидая найти въ немъ и большую, чѣмъ въ прежнихъ редакціонную исправность и разъясненіе нѣкоторыхъ не вполне понятныхъ мѣстъ и указаніе на личности, которыя могли служить автору подлинниками для его комедіи.

Я, какъ одинъ изъ людей близкихъ къ эпохѣ перваго появленія знаменитой комедіи, заинтересовался особенно изданіемъ г. Гарусова; въ немъ, судя по объему книги и по многообъщающему заголовку, надѣялся найти именно тѣ издательскія усовершенствованія, о которыхъ я только-что упомянулъ; но надежда моя осуществилась далеко не вполне: рядомъ съ небезынтересными объясненіями, указаніями и догадками, я нашелъ въ немъ столько лишннихъ страницъ, такіе существенные недостатки, что въ цѣломъ оно произвело на меня весьма неутрадное впечатлѣніе.

Въ предупрежденіе всякаго недоразумѣнія, спѣшу заявить, что я и въ мысляхъ не имѣю подвергать изданіе г. Гарусова подробному критическому разбору; дѣло это не мое; я выступаю какъ дилеттантъ, съ любовью изучавшій «Горе отъ Ума» съ самаго появленія въ публикѣ рукописныхъ экземпляровъ комедіи, какъ пламенный поклонникъ ея, которому тяжело встрѣтить не *въ своемъ видѣ* предметъ его почти полувѣковаго поклоненія... Потому-то считаю долгомъ сказать хоть нѣсколько словъ о тѣхъ недостаткахъ, въ которыхъ, по моему мнѣнію, должно упрекнуть упомянутое изданіе.

Въ замѣткѣ этой мнѣ придется говорить о себѣ. Заранѣе прошу читателя не осудить меня за такую нескромность; но вѣдь иначе, право мое говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ осталось бы недоказаннымъ. Побуждаетъ меня высказаться еще и та мысль, что подробности, въ которыя я долженъ буду войти по этому случаю,—состоятъ изъ воспоминаній моихъ о любительскихъ представленіяхъ Грибоѣдовской комедіи, изъ которыхъ объ одномъ только получили первое, и то поверхностное, понятіе читатели «Русской Старины»¹⁾,—покажутся быть можетъ любопытными читателямъ этихъ строкъ. Всякое новое свѣдѣніе о судьбахъ великаго произведенія Грибоѣдова не можетъ, мнѣ кажется, быть лишнимъ въ глазахъ его просвѣщенныхъ почитателей.

Въ изданіи г. Гарусова сказано (стр. 1): «Горе отъ Ума», въ безчисленномъ множествѣ списковъ, прежде всего появилось въ

¹⁾ Книга VII за іюль 1874 г. Замѣтка, извлеченная изъ „Тифлискихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1832 г. о представленіи любителями „Горя отъ Ума“ въ Тифлисѣ.

Москвѣ, откуда распространилось повсюду. Петербургъ о комедіи узналъ гораздо позднѣе. Уже съ 1823 г. во многихъ семействахъ москвичей были полные и рабски вѣрные списки комедіи¹⁾.

Сколько времени заключается въ этомъ *гораздо*—остается неизвѣстнымъ.

Уничтоженъ ли былъ дѣйствительно Грибоѣдовымъ, какъ заявлено на V-й страницѣ изданія г. Гарусова, списокъ комедіи, самимъ авторомъ завезенный въ Петербургъ въ 1824 г., или нѣтъ; но дѣло въ томъ, что рукописные экземпляры «Горя отъ Ума», именно съ этого года, стало быть, только годомъ позже, чѣмъ въ Москвѣ, начали распространяться въ петербургскомъ обществѣ. Въ фактѣ этомъ удостовѣрился я, благодаря свидѣтельству нѣкоторыхъ петербургскихъ любителей Грибоѣдовской комедіи, старшихъ меня годами, и между прочимъ, заявленію П. А. Каратыгина, лично знавшаго автора и принимающаго участіе въ исполненіи «Горя отъ Ума» на сценѣ петербургскаго театра съ перваго дня ея постановки.

Исторія моего знакомства съ комедіею Грибоѣдова слѣдующая:

Когда въ 1829 г. я былъ переведенъ въ офицерскіе классы Главнаго Инженернаго училища, прежде всего, я переписалъ для себя... «Горе отъ Ума»; а въ 1830 я зналъ, и конечно не я одинъ, всю комедію наизусть.

Я жилъ тогда на Кабинетской улицѣ²⁾, въ домѣ Бимберга. Въ томъ же домѣ и въ томъ же нижнемъ этажѣ на улицу, по другую сторону воротъ, квартировалъ высокоталантливый комическій актеръ нашъ Василій Ивановичъ Рязанцевъ, перешедшій въ Петербургъ изъ Москвы, но увѣ, не долго восхищавшій петербургскую публику своею неподражаемою игрою; онъ умеръ въ 1831 г. отъ холеры. Въ запискахъ своихъ о петербургскомъ театрѣ («Русская Старина», 1872—1874 гг.), г. Каратыгинъ подробно говоритъ объ этомъ симпатичномъ артистѣ и отдаетъ должную дань его замѣчательнѣйшему таланту. Мимикъ онъ былъ несравненный. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ утратилъ, отъ возліаній, звучность своего голоса и не рѣдко говорилъ на сценѣ чуть не шепотомъ; но этотъ шепотъ былъ до того внятенъ, благодаря необыкновенной выразительности его довольно благо-

1) Въ статьѣ Вѣдинскаго (отрывокъ которой помѣщенъ въ „Русской Библіотекѣ“, стр. LXXIII) годомъ распространенія „Горя отъ Ума“ въ рукописяхъ означенъ 1832; эта неточность есть, можетъ быть, простая опечатка.

2) Нынѣшняя Большая Московская.

образнаго лица съ легкимъ оттѣнкомъ татарскаго типа, что недостатокъ этотъ придавалъ еще какую-то особенную рельефность его игрѣ. Этого мало: не открывая рта, онъ уже веселилъ публику. Выкатится бывало изъ-за кулисъ его небольшая кругленькая фигурка; молча, безъ улыбки, уставить на публику свои выпуклые глаза и театр оглашается хохотомъ. Въ роли Фамусова онъ уступалъ, быть можетъ, только одному титану комедіи Щепкину, въ шволѣ котораго, какъ я слышалъ, развился его талантъ.

Онъ жилъ холостякомъ и дверь его была открыта всякому и во всякое время. Это была добрая, русская натура, пропитанная юморомъ и безпечностью. Общество его было для меня сущимъ кладомъ; веселое расположеніе мое, артистическіе инстинкты находили въ этомъ обществѣ обильную пищу а игра его на сценѣ была для меня любимымъ предметомъ изученія, занимая меня гораздо болѣе, чѣмъ учебная программа Инженернаго училища. Благодаря именно блистательному исполненію Рязанцевымъ роли Фамусова, я просто сталъ бредить комедіею Грибоѣдова. Впрочемъ, и большая часть исполнителей главныхъ ея ролей... можно сказать, весь ихъ составъ, способствовали игрою своею развитію во мнѣ этой страсти.

Въ томъ же 1830-мъ году, когда комедія Грибоѣдова, преодолевъ многія препятствія, пробилла наконецъ себѣ, отдѣльными актами, дорогу на сцену петербургскаго театра, 3-е дѣйствіе, только-что разыгранное въ первый разъ въ бенефисъ А. М. Каратыгиной ¹⁾, повторено было въ петербургскомъ обществѣ молодыми любителями, и вотъ при какой обстановкѣ.

Товарищъ мой по училищу, М. А. П., вращавшійся еще болѣе меня въ кружкѣ артистовъ и сильно пристрастившійся къ театру, пригласилъ меня участвовать въ масляничной затѣѣ слѣдующаго содержанія. Нѣсколько молодыхъ людей разучили 3-е дѣйствіе «Горя отъ Ума» и въ подобающихъ костюмахъ и маскахъ, въ томъ числѣ и я, исполнявшій роль Хлестовой, разъѣзжали по городу въ каретахъ, съ шестью или семью человѣками музыкантовъ, и останавливаясь передъ освѣщенными окнами хорошихъ домовъ, посылали хозяевамъ визитныя карточки съ надписью: 3-е дѣйствіе «Горя отъ Ума». Насъ приглашали войти; мы являлись съ своимъ оркестромъ, разыгрывали актъ и оканчивали шутовскимъ кадрилиемъ; я, въ роли старухи Хлестовой, танцевалъ съ Фамусовымъ, Скаловубъ съ графиней Хрюминой, глухой князь

¹⁾ См. упомянутыя записки П. А. Каратыгина.

съ Натальей Дмитріевной, Молчалинъ съ княгиней. Я, между прочимъ, исполняя роль свою, такъ удачно подражалъ манерѣ и самому голосу извѣстной тогда актрисы Ежовой, игравшей эту роль на петербургскомъ театрѣ, что иные присутствующіе принимали меня за эту любимую публикою актрису.

Въ изданіи Грибоѣдовской комедіи г. Гарусова вкралась между прочимъ одна оригинальная неточность. Неточность эта повторяется нѣсколько разъ въ этомъ изданіи и произошла, конечно, отъ невнимательнаго прочтенія упомянутой выше статьи «Русской Старины» о любительскомъ исполненіи «Гора отъ Ума» въ Тифлисъ.

На, 244 стр. сороковаго изданія въ выносѣхъ сказано: «въ первоначальной, поправленной Грибоѣдовымъ, рукописи, по которой игралось «Горе отъ Ума» въ *Тифлисъ, въ присутствіи автора*»...

На стр. 250, также въ выносѣхъ: «стихи 70—73 были въ 1827 г. Грибоѣдовымъ исправлены для *Тифлискаго* домашняго спектакля».

Въ объясненіяхъ и примѣчаніяхъ (стр. 415) редакторъ восклицаетъ: «гдѣ и у кого находится исправленная авторомъ рукопись для *Тифлискаго* театра?» ¹⁾

При внимательномъ чтеніи этой статьи «Тифлисскихъ Вѣдомостей», всякому бросится въ глаза ошибка г. Гарусова ²⁾. Изъ статьи той нельзя не вывести заключенія, что попытка любителей въ *Тифлисъ* исполнить комедію была сдѣлана въ *первый* разъ въ 1832-мъ году. Вотъ какъ выразился подписавшій ее «Горегубанскій пустынный» (псевдонимъ Дмитрія Елисеевича Зубарева, исполнявшаго въ этомъ спектаклѣ роль Чацкаго):

«Еще задолго до представленія комедіи, толковали въ тифлисскихъ гостиницахъ о невозможности сыграть эту пьесу, — о неудобности оной для домашняго спектакля, и многое, и многое выливалось изъ устъ любителей сплетней; но, несмотря на всѣ сіи толки, 21-го января ³⁾, въ присутствіи г. главнокомандующаго Грузіею ⁴⁾, супруги его высочайшепревосходительства и всего тифлискаго beau monde, комедія «Горе отъ Ума» была представлена и исполненіе превзошло ожиданіе зрителей».

Въ изданіи г. Гарусова говорится однако объ исполненіи комедіи любителями въ Эривани въ 1827 г., во время пребыва-

¹⁾ Слѣдовало сказать—*спектакля*; театра въ Тифлисъ тогда не было.

²⁾ Статья эта цѣликомъ перепечатана въ изданіи г. Гарусова.

³⁾ 1832 г.

⁴⁾ Главноуправляющаго.

нія тамъ самого автора. Вотъ для *этого* спектакля онъ могъ сдѣлать какія-нибудь измѣненія; но никакъ не для *того*, который, какъ это будетъ видно далѣе, по моей инициативѣ состоялся въ 1832 г. въ Тифлисѣ, и на которомъ не могъ присутствовать Грибоѣдовъ, почивавшій уже въ то время въ монастырѣ св. Давида.

Когда въ 1831 году служебный вѣтеръ перенесъ меня изъ Петербурга на Кавказъ сапернымъ офицеромъ, инстинкты мои послѣдовали туда же за мною и не давали мнѣ установиться на пути исполненія служебныхъ обязанностей. Между прочимъ и болѣе всего, я жаждалъ театралныхъ наслажденій; но въ Тифлисѣ театра въ то время не было; не знавали тамъ и домашнихъ спектаклей. Тамъ безраздѣльно царила пѣсня сазандара (музыкантъ), звенѣлъ его чунгуръ (балалайка), пищала зурна (рожокъ), трещала даира (бубны), да подъ хлопанье ладошей порхала лезгинка... вотъ и все! Имѣло и это для меня свою прелесть; но для вкуса, вскормленного «млекомъ и медомъ» столичной жизни, этого было далеко недостаточно. Я тосковалъ по драмѣ, душа требовала *sicenses*... и я рѣшилъ добиться устройства домашнихъ спектаклей. Случай и тутъ пришелъ ко мнѣ на помощь.

Вскорѣ по прїѣздѣ въ Тифлисъ столнулся я съ знакомцемъ моимъ по красносельскимъ лагерямъ, конкеромъ, княземъ Романомъ Александровичемъ Багратиономъ. Не долго думая, онъ ввелъ меня въ домъ дяди своего генераль-лейтенанта, князя Романа Ивановича, брата знаменитаго бородинскаго героя. Семейство стараго князя состояло изъ жены, сестры княгининой — дѣвицы, молоденькой дочери и двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій занимаетъ теперь одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ имперіи; младшій, князь Иванъ, былъ въ послѣдствіи однимъ изъ украшеній кавказскихъ войскъ ¹⁾.

Князь и княгиня были добрѣйшіе изъ людей. Несмотря на небольшія средства свои, они жили открыто; домъ ихъ всегда былъ полонъ, съ утра и до поздняго вечера. Княгиня была отличная музыкантша, устраивала квартеты, за которыми нерѣдко слѣдовали танцы; а за танцами непременно ужинъ съ кахетинскимъ, *сomme de gaison*, и шумною, веселою болтовнею.

Такою готовою для моихъ замысловъ почвою я не замедлилъ воспользоваться. Мы перешепнулись съ сїятельнымъ конкеромъ,

¹⁾ Этотъ молодой, отважный и всѣми сослуживцами высокоцѣненный герой, командовавшій Сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ, былъ изрубленъ чересами во время поѣздки въ экипажѣ безъ конвоя.

который не менѣ моего одержимъ быть театральнымъ бѣсомъ — и вскорѣ домъ дяди его обратился въ шумную лабораторію театральныхъ затѣй. Вся наличная въ Тифлисъ, и по происхожденію столичная молодежь запопишлась въ этой мастерской и огласила ея стѣны неумолчнымъ хоромъ веселости и лихорадочнаго оживленія. Добрые хозяева поощряли насъ и выражали намъ свою благодарность. Отыскивались и выписывались пьесы; жадно расхватывались и разучивались роли... Но какъ ставить водевили безъ музыки! Партитурами въ Тифлисъ раздобыться, конечно, было нельзя; выписывать ихъ изъ столицъ было и неудобно при тогдашнихъ способахъ сообщенія... да и накладно! Какъ быть? Но вотъ, однажды, кто-то изъ нашихъ притащилъ вечеромъ къ князю въ домъ маленькаго, старенькаго, скромнаго вида чело-вѣчка съ скрипкою подъ мышкой и съ громкимъ именемъ... Степанъ Степановичъ Апраксинъ (sic), — такъ назывался этотъ милый старичокъ, — былъ отставной членъ петербургскаго театральнаго оркестра... Какъ и затѣмъ попалъ онъ въ Тифлисъ, что онъ тамъ дѣлалъ... право не знаю; знаю только, что онъ скоро сдѣлался общимъ нашимъ любимцемъ. Добрый, услужливый, терпѣливый, по цѣлымъ днямъ возился онъ въ столовой князя, надъ нотною бумагою, со скрипкою подъ подбородкомъ и съ пѣтомъ на лицѣ, то попиливая смычкомъ по струнамъ, то поскрипывая перомъ по бумагѣ; а ѣ нимъ хлопотали столичные выходцы, выжимая вмѣстѣ съ нимъ изъ памяти и напѣвая на всѣ лады всевозможные водевильные мотивы. Извѣстный въ тѣ времена, молодой шалунъ кн. П. А. Голицынъ, вызывается ему помогать на фортепьяно и вдругъ, посреди куплета, раздражается камаринской или пѣсенкой Беранже въ родѣ «L'autre jour, me promenant»... и общій хохоть, шутки и остроты прерываютъ на нѣсколько минутъ серьезную работу. Степанъ Степановичъ не принимаетъ участія въ этихъ шалостяхъ. Не уклоняясь отъ служебныхъ занятій, весь погруженный въ налаживанье даннаго аккомпанимента, онъ вытягиваетъ его на скрипкѣ и разсыпается ригурнелями.

Для постановки пьесъ недоставало еще намъ опытнаго режиссера-руководителя. Нашелся и онъ. Чуть ли не изъ подваловъ тифлисской казенной палаты вытащили мы плѣсневѣвшаго въ ней, не очень уже молодого чиновника Лавровскаго, за небрежное отношеніе къ дѣлу служебному перешедшаго отъ 25 р. къ двумъ рублямъ мѣсячнаго жалованья. При самомъ своемъ появленіи въ нашемъ кругу, этотъ блѣдный, сутулый, отошавшій субъектъ въ своемъ, никогда его не покидавшемъ фракѣ табачнаго цвѣта съ бархатнымъ воротникомъ, засверкалъ такою опыт-

ностью въ театральномъ дѣлѣ, такимъ сценическимъ дарованіемъ, вкусомъ и литературнымъ лоскомъ, что всѣ мы одушевились увѣренностью въ успѣхѣхъ предпріятія. Кто-то изъ нашихъ пустилъ въ ходъ предположеніе, что этотъ непризнанный геній дебютировалъ когда-то на одной изъ столичныхъ сценъ, провалился и загложъ въ канцелярской кабалѣ. Никто, даже я, короче другихъ съ нимъ сошедшійся, какъ-то не рѣшались допрашивать его объ этомъ... Это былъ болѣзненный, кажется даже чахоточный человѣкъ; желчный, капризный и очень дерзкій на языкъ, онъ былъ подчасъ невыносимъ; но... мы имъ дорожили какъ искуснымъ кормчимъ нашего театрального корабля и терпѣливо выносили тяжелое ярмо его ничѣмъ не стѣснявшагося деспотизма и причудъ. Особенно безцеремонно распоряжался онъ моею особою и моимъ бѣльемъ, не запиравшимся никогда на ключъ. Содѣйствіе его оказалось особенно драгоцѣннымъ въ самомъ крупномъ нашемъ предпріятіи.

Развеселая труппа, исполнивъ въ присутствіи всего города, нѣсколько легкихъ пьесъ изъ репертуаровъ Хмельницкаго, Каратыгина, и прежде всего первое произведеніе этого послѣдняго — «Знакомые незнакомцы», мы принялись за постановку «Горя отъ Ума»... ни болѣе ни менѣе! Задача была трудная при составленіи персонала, въ особенности женскаго. Приходилось иногда буквально на колѣняхъ упрашивать мѣстныхъ княгинь и княженъ выступить на подмостки съ ихъ грузинскимъ акцентомъ и непривычкою къ подобному дѣлу... Почти всѣ изъ нихъ познакомились съ театромъ только въ этомъ году, въ домѣ князя Багратіона. Предразсудки той эпохи, а главное — того края, женская ревность, городскіе толки, вліяніе родныхъ, глядѣвшихъ на наши актерскія затѣи съ азійской точки зрѣнія, то и дѣло вырывали изъ рядовъ нашихъ одну хорошенькую княжну за другою. Настойчивость, достойная болѣе серьезныхъ цѣлей, перенесла насъ однакоже черезъ всѣ барьеры съ необыкновенною быстротою и легкостью. Мужчинамъ приходилась на долю двойная и тройная работа: и самимъ разучивать и изучать роли свои, и учить прекрасную половину персонала, трудясь, между прочимъ, надъ исправленіемъ произношенія нѣкоторыхъ. Особенно занимала насъ... *и въ этомъ отношеніи*, прелестная 17-лѣтняя княжна, исполнявшая роль Натальи Дмитриевны; въ словахъ: «бутылками и пребольшими», бутылки обращались у нея въ *бутэлки*.

Изъ уваженія къ предразсудкамъ, о которыхъ я говорилъ выше, мы, къ крайней досадѣ нашей, принуждены были урѣзать для представленія начало и вонецъ комедіи, начавъ ее съ 7-го

явленія 1-го дѣйствія, т.-е. съ появленія Чацкаго и вонтивъ отъѣдомъ Репетилова... Заигрыванья съ Лизой — Фамусова и Молчалина, ночныя свиданія Софьи съ симъ чиновникомъ казались маменькамъ too shocking.

Роли, наконецъ, были разобраны и разучены. Я, 20-ти-лѣтній офицерикъ, игралъ Фамусова и, благодаря урокамъ Рязанцева въ Петербургѣ и Лавровскаго въ Тифлисѣ, исполнилъ свою часть къ удовольствію публики, поставленной, впрочемъ, силою обстоятельствъ, въ необходимость относиться къ спектаклямъ нашимъ съ особенною снисходительностію. Репетилова очень удачно разыгралъ братъ незабвеннаго нашего археолога, П. И. Севастьянова, Константинъ Ивановичъ. Чацкій былъ менѣе удаченъ. Свѣтликъ палаты, красавецъ, умница, образованный и весьма милый человекъ, Дмитрій Елисеевичъ Зубаревъ, не былъ одаренъ сценическимъ талантомъ... Исполненіе этой, впрочемъ, труднѣйшей, роли вышло у него поэтному довольно посредственнымъ. Онъ сознавалъ это, подшучивалъ остроумно надъ своею игрою и въ вышеупомянутомъ отзывѣ своемъ объ этомъ спектаклѣ, напечатанномъ имъ, подъ псевдонимомъ Пустынника Горетубанскаго, въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ», расточилъ похвалы другимъ исполнителямъ, непочтительно выразился только объ одной игрѣ Чацкаго, т.-е. своей. Софья, къ общему нашему огорченію, не удалась тоже; роль эту исполняла сестра хозяйки дома... Молоденькій хозяйскій сынъ весело и умно сыгралъ роль Лизы. Княжна Софья Ив. Орбеляни, въ роли Натальи Дмитріевны, была восхитительна и оригинальна. Мужа ея игралъ тертый калачъ Лавровскій и, какъ можно себя представить, не положилъ охулки на руку. Молчалина исполнилъ довольно вѣрно товарищъ мой по училищу и по службѣ, Ольшевскій, бѣлокурый, небольшого роста, на тоненькихъ ножкахъ и скромнаго вида. Но Скалозубъ былъ несравненнѣе; такого Скалозуба не бывало ни на одномъ публичномъ театрѣ. Кн. Романъ, представившій его, былъ высокъ и прямъ, какъ струнка, съ толстыми черными бровями и усами, съ великолѣпнымъ басомъ, съ выраженіемъ лица... Однимъ словомъ, ни къ какому исполнителю этой роли не подходили такъ близко слова Чацкаго:

«И прямизною стана

«Лицомъ и голосомъ герой!»

Хлестова была хороша; но рѣшительно не помню, кто у насъ изображалъ эту типическую московскую барыню. Играла съ нами очень красивая княжна, а впоследствии, княгиня Марья Ива-

новна Орбельяни,—это вѣрно... Можетъ быть, не она ли? Загорѣцкаго воспроизводилъ племянникъ тогдашняго тифлискаго губернатора, Завилейскій, и заслужилъ рукоплесканія.

- Въ томъ же году, по случаю прїѣзда изъ Цинандаль покойной Нины Александровны, вдовы Грибоѣдова, бывшей тогда во всемъ блескѣ, во всей свѣжести своей миловидной красоты, мы повторили это представленіе; но, увы, или въ самомъ дѣлѣ внезапное нездоровье, какъ было объявлено, или тяжелое чувство удержали дома Нину Александровну; но дѣло въ томъ, что она не была на нашемъ спектаклѣ. Зала однакожъ и въ этотъ разъ была полна отборнѣйшей публики и шумныхъ рукоплесканій.

Что это было за счастливое время для меня и для моихъ сотрудниковъ! Однѣ репетиціи наши чего стоили! При многостудѣ и разношерстности молодыхъ и безумно веселыхъ актеровъ-любителей, при порханьѣ и стрекотѣ, за малыми исключеніями, прелестныхъ молоденькихъ актрисъ, при завываньѣ скрипокъ и фортепьяно любительскаго квинтета, репетировавшаго для представленія—въ этой не очень просторной княжбѣ столовой, обращавшейся, въ данную минуту, въ спектакльную залу, репетиціи наши, право, можно было сравнить съ фейерверкомъ при солнечномъ освѣщеніи, какіе я видывалъ въ Персіи... Это было что-то очень шумное, очень головокружительное, очень оригинальное, очень веселое.

Мнѣ, разыгрывавшему постоянно главные роли, нельзя было, особенно при постановкѣ «Горя отъ Ума», пропускать ни одной репетиціи, что, конечно, было мнѣ и по вкусу и очень на-руку; но служба требовала своей дани—и вотъ, не одинъ, а нѣсколько разъ, когда случалось мнѣ стоять въ караулѣ на Татарской площади, въ Метехѣ и другихъ, вдругъ являлся передо мною офицеръ, въ караульной формѣ, и подавалъ мнѣ, отъ плацъ-адъютанта, записку слѣдующаго содержанія: «подателю сего, прапорщику или подпоручику NN, имѣете вы сдать караулъ и явиться въ домъ кн. Р. И. Багратіона, на репетицію (такой-то пьесы)». И я, конечно, ни мало не протестуя, спѣшилъ, по долгу службы, исполнять приказаніе начальства.

Скоро однако же спустилась завѣса на сценѣ моихъ театральныхъ походовъ въ Тифлисѣ: меня отправили на производство работъ въ строящуюся тогда крѣпость Новые-Закаталы; но и въ этомъ дагестанскомъ захолустьѣ часто, по вечерамъ, разыгрывалъ я, съ горя, одинъ, сцены изъ великой комедіи кружку офицеровъ, постоянно собиравшемуся въ моемъ хорошенькомъ саперномъ домикѣ. А затѣмъ, въ продолженіе много-

лѣтнихъ моихъ кочеваній по Востоку—и на берегахъ Босфора Фракійскаго, и у подножія Вѣиинскаго Олимпа, и въ виду Парѳенона и пирамидъ Джизы, и на взморѣи Каспія и Персидскаго залива, и на развалинахъ Вавилона и Персеполиса, я не утомимо и безъ помощи *медіумовъ* вызывалъ, для моихъ перелетныхъ соотечественниковъ, знакомыя имъ тѣни Фамусовыхъ, Чацкихъ, Репетиловыхъ и всей компаніи.

Главный, на мой взглядъ, недостатокъ 40-го изданія «Горя отъ Ума» (повторившійся однажды и въ изданіи «Русской Библіотеки») — это допущенные въ текстъ комедіи непрошенныя гости, въ видѣ неумѣстно вставленныхъ вариантовъ. Тутъ встрѣчаются стихи, которыхъ чувство мое никакъ не допускаетъ безусловно признать истинно Грибоѣдовскими; стихи тяжелые, отличающіеся, между прочимъ, стоящими рядомъ, но не рѣшующими между собою, или короткими или длинными окончаніями. Къ тому же, ни одна изъ этихъ вставокъ не гармонируетъ вполне съ тономъ всей пьесы; напротивъ, они производятъ какую-то досадную какофонію, не дающую мнѣ узнавать старыхъ и добрыхъ друзей нашихъ — дѣйствующихъ лицъ «Горя отъ ума». Въ этомъ отношеніи особенно выдается, еще въ первый разъ встрѣчающаяся въ печати, длинная болтовня Хлестовой на балѣ, измѣняющая значительно характеръ столь знакомаго намъ лица: не стѣсняющаяся никакими общественными условіями, рѣзко и громко барабаниющая всѣмъ и каждому все, что ей взбредетъ на умъ, важная московская барыня обращается, въ этой болтовнѣ, въ какую-то базарную кумушку, трусливо лицемѣрную трещотку, которая по косточкамъ перебираетъ всѣхъ, и непременно всѣхъ, Фамусовскихъ гостей — когда они стоятъ къ ней спиною; но какъ только они подошли — тотчасъ же рассыпается передъ ними медовою лестью. Это, пожалуй, тоже Хлестова, да не та, съ которою мы полвѣка привыкли встрѣчаться на балѣ у Павла Аѳанасьевича. Вставка эта такъ длинна, что я не позволяю себѣ выписывать ее всю. Но какъ находите вы, напримѣръ, слѣдующія:

Плат. Мих. (послѣ словъ: Антонычъ Загорѣцкій):

„На дняхъ онъ банкъ по шулерски сорвалъ.
„Смигнулъ съ шулеромъ такимъ же записнымъ
„И обыгралъ меня. Богъ съ нимъ!
„Вчера укралъ билетъ, а слышалъ, какъ *совралъ*“.
(При немъ остерегись: переносить *гораздъ*!)
И въ карты не садись: *продастъ*!)¹⁾.

¹⁾ Шесть короткихъ окончаній... и неловкая пунктуация.

Или:

Хлестова (послѣ словъ: Я за уши его
дирала—только мало):

„А это что за чучело? Скажи, кто онъ?”

Софья.

„Натали Дмитріевны мужъ, Платонъ Михайличъ ¹⁾).

Хлестова.

„А! Знаю.—Здравствуйте! Супруга

„Ужъ вѣрно здѣсь: вы неразлучные два друга.

Нат. Дмитр.—*подходя.*

„Я кланялась, вы не *всмотрѣлись*.

„Не мудрено, глаза подъ старость *прилядѣлись*.

(Н. Д. уходитъ).

„Ну вотъ такъ парочка! По чести *заядѣлись*! ²⁾).

Или:

Хлестова (послѣ словъ: Пріятно - ли
намъ нѣтъ-ли?)

„Ужъ право нынче времена!

„Знакомятъ насъ, таща на балы...

(Опомнись).

„Ахъ!.. Онъ богатъ, полковникъ, скоро въ генералы...

„Ну, Софьюшка, сама себѣ кажусь *чудна*;

„Забылась я... Чѣмъ не женихъ! Все въ немъ...

„Вѣдь твой отецъ не скажетъ ничего *путемъ*.

Молчалинъ—*подастъ ей карточку.*

Я вашу партію составилъ: Мосье Кокъ ³⁾ и проч.

Или:

Скандозувъ (послѣ словъ: А книги со-
хранять такъ, для большихъ
оказій):

„Пусть ихъ лежать себѣ въ пыли!

„Отъ нихъ лишь злу намъ можно *научиться*,

„Пускай въ нихъ тотъ и *копшится*,

„Ни денегъ у кого, нѣтъ ни *земли*.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! Нѣтъ, уже коли зло *престъчь*,—
Забрать всѣ книги бы да *сжечь*.

¹⁾ Осталось безъ рѣшмы... да и не удивительно!

²⁾ Пять длинныхъ окончаній.

³⁾ Четыре короткихъ.

Загорыцкій—съ кротостью.

(Нѣтъ-съ, книги книгамъ розь!)

„Романы?.. Что за *вредъ*!

„А вотъ гдѣ зло, причина *бѣды*:

„Ученныя... Вотъ ихъ-то *брось*!..

„Какую-то ученую *мораль* ¹⁾

„Вчера читалъ, потѣлъ, понять трудился,

„А что *молодъ* ученый *вралъ*?

„Никакъ я не добился“ и т. д.

Внося въ текстъ эту послѣднюю вставку, редакторъ изданія не обратилъ вниманія на то, что за три коротенькіе монолога до этого Фамусовъ провозглашаетъ, знакомую всѣмъ, ту же своего рода истину, но гораздо складнѣе, лучше и умѣстнѣе:

Ученье—вотъ чума! Ученость—вотъ причина,

Что нынче пуще чѣмъ когда

Безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній.

Или, вотъ еще четыре стиха:

Репетиловъ—по отъѣздѣ Хлестовой.

„Не удалось!.. Къ несчастью *опоздалъ*.

„Вотъ эта *намъ* была-бъ *подъ мاستъ*;

„Заговорить, не дать *пропасть*.

„Ужъ язычокъ! Ужъ бабushка-нахалъ“.

Не осмѣливаюсь спорить. Быть можетъ, стихи, которые г. Гарусовъ *первый* вставилъ въ текстъ своего изданія, и были когда-нибудь, какъ проба пера, написаны Грибоѣдовымъ. Но въ то же время, я увѣренъ, что самъ же Грибоѣдовъ выбросилъ ихъ какъ тяжелый баластъ, ненужный уже болѣе послѣ замѣны его хорошимъ товаромъ.

Оттого-то изъ сотенъ и тысячъ копій «Горя отъ Ума», они и засѣли *только въ одномъ* экземплярѣ, попавшемъ въ руки г. Гарусову. Нужны ли были, въ самомъ дѣлѣ, «Горю отъ Ума», этому совершенству своего рода, такіа и подобныя наклейки,—это все равно, какъ еслибы кто вздумалъ спитое платье украсить оставшимися обрѣзками, потому только, что они принадлежали тому же куску матеріи, изъ котораго оно выкроено. И можно ли было такъ хозяйничать съ давнишнимъ достояніемъ публики, съ любимымъ и изученнымъ всею Россіею произведеніемъ нашей литературы! Если уже г. Гарусовъ положилъ ознакомить русскихъ людей съ этимъ бракомъ, онъ просто могъ отве-

¹⁾ Тутъ уже рядомъ семь короткихъ окончаній!

сти ему мѣсто рядомъ съ вариантами, въ подстраничныхъ выносахъ или въ закулисныхъ примѣчаніяхъ къ комедіи! Тамъ прочли бы эти первоначальные наброски комедіи,—если только они принадлежать Грибоѣдову,—гораздо съ большимъ интересомъ, чѣмъ всѣ эти ни къ чему не ведущія громоздкія этимологіи словъ: *бисквита*, *канва*, *скоморохъ*, *симфонія*, *клобъ*, *фалотъ*, *юбой*, *архивъ* и сотни другихъ,—какими г. Гарусовъ снабдилъ свое изданіе. Какъ можно было, наконецъ, внести въ самый текстъ комедіи это шепелявленье и шамканье старой графини, въ родѣ слѣдующаго: *Шаскій* (вмѣсто Чацкій); *скаши покровше*; *пошаръ*; *пурсурманъ* и т. д. Изданіе г. Гарусова имѣетъ свои достоинства, оно сдѣлано было съ любовью и усердіемъ, но было бы лучше, еслибы не грѣшило тѣмъ недостаткомъ, отъ котораго Талейранъ остерегалъ своихъ чиновниковъ.

Нельзя не быть благодарнымъ г. Веселовскому, редактору изданія въ «Русской библіотекѣ», между прочимъ и за то, что онъ избавилъ своихъ читателей отъ такого празднаго обезображенія текста.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить надежду, что въ слѣдующихъ за симъ изданіяхъ не повторятся эти досадныя вставки въ текстъ комедіи—и это ломанье языка, и что взглядъ мой на этотъ предметъ читатели не найдутъ ошибочнымъ.

М. Г.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

Замѣчанія Ю. Θ. Самарина на книгу „Задачи Психологии“.

Окончаніе.

III *).

Ю. Θ. Самаринъ возстаетъ въ особенности противъ моей попытки открыть и установить научныя основанія самопроизвольности. Онъ вполне признаетъ свободу воли, но она, по его мнѣнію, не можетъ быть выведена изъ научныхъ предпосылокъ, приемами положительнаго знанія. Такимъ образомъ, по этому предмету, наше разногласіе относится, повидимому, не къ существу дѣла, а только къ методу изслѣдованія. Но по свойству нашего разномыслія о свободѣ воли, вся суть вопроса, въ настоящемъ случаѣ, и заключается въ правильности или неправильности метода. Ю. Θ. Самаринъ вполне правъ, говоря, что для меня самопроизвольность или свобода воли есть „ключъ позиціи“. Въ самомъ дѣлѣ, вся моя книга есть лишь опытъ выяснить научныя основанія самопроизвольности, и если мнѣ это не удалось, то самая книга не имѣетъ никакой цѣны и никакого значенія. Напротивъ, еслибъ попытка моя оказалась удачною, то всѣ возраженія противъ нея существенно утратили бы свою убѣдительность и силу. Многіе относятся къ наукѣ съ недовѣріемъ только потому, что она не даетъ ключа къ объясненію свободной воли и нравственной отвѣтственности, и, къ сожалѣнію, они вполне правы. Этотъ пробѣлъ я отношу къ односторонности господствующаго въ наше время научнаго направленія; но Ю. Θ. Самаринъ идетъ далѣе

*) См. выше: май, 861; іюнь, 777 стр.

и думаетъ, что такая односторонность лежитъ въ самомъ существѣ, въ точкахъ отправленія, условіяхъ и приѣмахъ научнаго знанія. Остается рѣшить, кто изъ насъ правъ. Мнѣ представляется этотъ пунктъ капитальнымъ въ нашемъ спорѣ. Все остальное—только приготовленіе къ бою, осмотръ и повѣрка оружія. На мое горе у меня нѣтъ союзниковъ. Противники Ю. О. Самарина, отрицая самопроизвольность, обѣими руками подписываютъ его приговоръ наукѣ, и аргументація его противъ положительнаго знанія получаетъ, вслѣдствіе того, особенный вѣсъ и силу.

Доводы Ю. О. Самарина противъ того, что я говорю въ „Задачахъ Психологій“ въ доказательство присутствія въ человѣкѣ свободной воли, существенно заключаются въ слѣдующемъ: всѣ событія, въ объективномъ смыслѣ, будто-бы, по моему же признанію, необходимы; случайныхъ и произвольныхъ событій нѣтъ. Значитъ, когда мы считаемъ дѣйствіе произвольнымъ, намъ это только такъ кажется, потому что мы необходимой причины его не знаемъ. Этимъ вопросъ, по мнѣнію Ю. О. Самарина, вполне исчерпывается: произвольности нѣтъ. Однако я все-таки ее отыскиваю и для этого перечисляю всѣ дѣйствія непроизвольныя, относя къ числу ихъ даже тѣ, которыя выходятъ какъ результатъ борьбы разнородныхъ побужденій и признавая, что каждое ощущаемое побужденіе дѣйствуетъ необходимымъ образомъ и вызываетъ непроизвольные поступки. Что же остается? Казалось бы, поступки, совершаемые безъ побужденій? Но я говорю, что такихъ поступковъ нѣтъ. Произвольный поступокъ отъ непроизвольнаго отличается только тѣмъ, что въ первомъ побужденіе вызвано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, а во второмъ побужденіе дано и отъ человѣка не зависитъ. Но вѣдь актъ выбора побужденія самъ по себѣ есть уже поступокъ. А такъ какъ поступка безъ побужденія нѣтъ, то онъ вызванъ какимъ-нибудь побужденіемъ, значитъ не есть произвольный. Я стараюсь выйти изъ этого затрудненія тѣмъ, что приписываю актъ самому человѣку совершенно въ спокойномъ состояніи, отрѣшившемуся отъ всякихъ побужденій, волненій и страстей. Но, во-первыхъ, совершенно спокойное состояніе не можетъ быть условіемъ ни выбора, ни вообще какаго бы то ни было процесса, ибо исключаетъ его возможность; да такое состояніе и невысказуемо. Человѣкъ можетъ только настраивать себя такъ или иначе и вслѣдствіе того только расширять или суживать кругъ своихъ самопроизвольныхъ дѣйствій. Во-вторыхъ, самъ человѣкъ, въ отличіе отъ человѣка мыслящаго, чувствующаго и желающаго, и есть человѣкъ самъ по себѣ—то отвлеченное, безсодержательное понятіе, которое мною же, вмѣстѣ съ другими сущностями, объявлено фикціей, не имѣющей реальнаго, дѣйствительнаго бытія; въ-третьихъ,

отвлеченная мысль, на которой сознательно остановилось вниманіе, есть уже мысль, ставшая въ известное отношеніе къ ощущающему субъекту. Выбора между многими отвлеченными понятіями и представленіями нѣтъ; кажущійся выборъ есть тоже механическая борьба когда-то пережитыхъ, воскресающихъ побужденій; наконецъ, въ-четвертыхъ, самопроизвольность не имѣетъ объективныхъ признаковъ. Она только сознается человѣкомъ и потому не можетъ быть доказана положительной наукой; слѣдовательно, попытка ввести свободу воли въ кругъ положительнаго знанія не можетъ не быть безуспѣшна.

Внимательно разсмотрѣвъ всѣ эти возраженія, я нахожу, что они, главнымъ образомъ, вызваны моимъ способомъ изложенія, который, сознаюсь, могъ подать Ю. Θ. Самарину поводъ ошибочно истолковать мою мысль.

Прежде всего замѣчу, что вся моя аргументація въ пользу самопроизвольности не есть догматическая, а полемическая. Такой ея характеръ опредѣлился въ виду прочно установившагося въ мыслящихъ слояхъ отрицанія самопроизвольности дѣйствій и строго реалистическаго направленія. Но известно, что полемизировать съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ можно не иначе, какъ ставъ на почву противника, принявъ его точку зрѣнія и вывода изъ нея же самой ошибочность сдѣланныхъ заключеній. Такого приѣма держался и я, стараясь отвоевать у реализма научныя основанія самопроизвольности. Въмѣсто того, чтобы принять за точку отправленія психическій фактъ, я, вмѣстѣ съ моими противниками, обратился сперва къ внѣшней, матеріальной сторонѣ поступка и отъ него шелъ далѣе, къ внутренней, психической. Доводы ихъ противъ самопроизвольности, казавшіеся мнѣ сильными, я спѣшилъ признать; отъ фактовъ, подававшихъ поводъ къ двоякому толкованію, въ пользу и противъ свободы воли, я счелъ полезнымъ отказаться. Я убѣжденъ, что Ю. Θ. Самаринъ не обратилъ бы противъ меня многого изъ того, что я говорю, еслибъ онъ замѣтилъ эту вынужденную особенность моего изложенія. Онъ, конечно, согласится, что не настаивать на фактѣ, потому что онъ подлежитъ двоякому толкованію, и согласиться съ толкованіемъ, которое даетъ этому факту противникъ — двѣ вещи весьма различныя. Между тѣмъ Ю. Θ. Самаринъ нерѣдко принимаетъ одно за другое, и вслѣдствіе того приписываетъ мнѣ взгляды моихъ противниковъ. Такъ онъ полемизируетъ противъ мысли, что случайности и самопроизвольности нѣтъ, а есть одна необходимость. Но я подробно говорю о нихъ на стр. 156 и 157, 232 и 233, и вездѣ оспариваю взглядъ, который Ю. Θ. Самаринъ считаетъ за мой. Правда, на стр. 156 у меня сказано, что наука, смотря на понятія о случайности и самопроизвольности съ объективной точки

рѣшѣнія, признаетъ одну необходимость; но тутъ я выразился не точно, и подѣ наукой вообще разумѣлъ науку, изслѣдующую матеріальные факты. Въ этомъ можно удостовѣриться, сличивъ сказанное въ приведенныхъ мѣстахъ съ тѣмъ, что я говорю на стр. 35 и 36 о возможности получить какое-нибудь понятіе о самопроизвольности посредствомъ изученія матеріальной, внѣшней стороны исполненнаго дѣйствія. Въ другихъ мѣстахъ я особенно налегаю на то, что явленія, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ, не суть единственные предметы научнаго изслѣдованія.

Далѣе, на стр. 188 и 189, я дѣйствительно доказываю, что совершеніе поступка наперекоръ матеріальнымъ побужденіямъ, по внушенію психическихъ мотивовъ или убѣжденій разсудка, не есть еще признакъ самопроизвольности. Такъ какъ противъ самопроизвольности такихъ поступковъ можно возражать указаніемъ на механическую борьбу данныхъ мотивовъ, то я находилъ неудобнымъ ссылаться на такіе поступки въ доказательство самопроизвольности. Но Ю. О. Самаринъ выводитъ изъ этого мѣста, будто бы, по моему мнѣнію, въ такихъ поступкахъ свободная воля ни въ какомъ случаѣ не участвуетъ. На возраженія мои, что я этого нигдѣ не говорю и не думаю, онъ пишетъ слѣдующее:

„Послѣднія два слова: *не думаю*, я принимаю съ радостью, какъ существенное amendementъ къ вашей книгѣ, которое потребуетъ, вѣроятно, нѣкотораго дополненія главы VII. На начальныя же слова: *„не говорю“* — позволѣте возразить справкою (затѣмъ приводятся мѣста со стр. 188, 190 и 191). Та же мысль, повторенная и на стр. 194, еще яснѣе высказывается въ опредѣленіи условій, при которыхъ только и можетъ обнаружиться психическая свобода; всѣ они рѣшительно исключаютъ то сомнѣніе, въ которомъ находится человѣкъ въ моментъ борьбы побужденій: „совершенное спокойствіе, отсутствіе всякаго волненія или возбужденія, или аффекта“. Таковы же всѣ подобранные примѣры такъ-называемой произвольной дѣятельности (стр. 192, 193, 196, 199). Остается объяснить, почему признаніе за психическою свободою способности участвовать, въ качествѣ самостоятельнаго фактора, въ борьбѣ побужденій, потребуетъ передѣлки главы VII. Придется, вѣроятно, признать цѣлую категорію поступковъ, вызванныхъ побужденіями *невольными*, но овладѣвшими человѣкомъ и перешедшими въ дѣйствіе только потому, что эта при-
сущая въ душѣ способность на сей разъ *вольно* обрѣкла себя на бездѣйствіе, воздержалась отъ употребленія въ дѣло самой себя, очистила мѣсто для законовъ механики и этимъ своимъ вольнымъ безучастіемъ и попусценіемъ все-таки отрицательно участвовала въ поступкѣ, который, вслѣдствіе этого, и получаетъ характеръ вольнаго. Объ этой категоріи нигдѣ въ книгѣ не упоминается; она даже подразумѣтельно отрицается на стр. 190, 193, 198 и др. Замѣтьте, что я не утверждаю, чтобы всѣ сознательныя дѣйствія безъ исклю-

ченія были положительно или отрицательно вольны и нисколько не отрицаю категоріи дѣйствій, совершаемыхъ роковымъ образомъ, въ силу непреодолимыхъ побужденій, даже не матеріальныхъ, а психическихъ. Возможность ихъ объясняется возможностью предшествующаго имъ момента самоубійства воли“.

Замѣчаніе это совершенно справедливо и я принимаю его тѣмъ охотнѣе, что оно поправляетъ мое ошибочное изложеніе. Обративъ, въ виду полемики, все вниманіе исключительно на одну чистую, неприимѣсную форму самопроизвольности, именно на ту, гдѣ воля дѣйствуетъ при отсутствіи всякихъ побужденій, я забылъ про смѣшанныя, гдѣ она выступаетъ рядомъ съ данными, произвольными побужденіями. При такихъ смѣшанныхъ формахъ происходитъ одно изъ двухъ: или мы подавляемъ, заставляемъ молчать побужденія и затѣмъ дѣлаемъ между ними выборъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда никакая страсть не волнуетъ душу; или же, напротивъ, мы воздерживаемся отъ всякаго вмѣшательства въ борьбу побужденій, которая рѣшается по законамъ психо-динамики, перевѣсомъ болѣе сильнаго побужденія надъ болѣе слабымъ. Сознательно-умышленное, преднамѣренное воздержаніе отъ вмѣшательства въ борьбу побужденій есть, безъ сомнѣнія, тоже дѣятельность воли, такая же вмѣняемая, какъ и всякая другая, хотя дѣйствіе ея и выражается отрицательно—воздержаніемъ отъ дѣйствія.

Ю. О. Самаринъ приписываетъ мнѣ также мысль, будто бы „всякое опредѣленное душевное состояніе (иначе: всякое ощущаемое побужденіе), дѣйствуетъ на человѣка необходимымъ образомъ и вызываетъ произвольные поступки“. Въ такой безусловной и категорической формѣ я не могу признать эту мысль за свою и, несмотря на разъясненія, сдѣланныя мнѣ впослѣдствіи Ю. О. Самаринымъ, остаюсь при этомъ мнѣніи. Всякое ощущаемое побужденіе дѣйствуетъ на человѣка необходимымъ образомъ и вызываетъ произвольные поступки только при двухъ условіяхъ: во-1-хъ, когда нѣтъ другого побужденія, или другихъ побужденій, которыя его перевѣшиваютъ, или пересиливаютъ; во-2-хъ, когда самопроизвольность, по той или другой причинѣ, бездѣйствуетъ, не подавляетъ его. Самъ критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что если человѣкъ пропуститъ послѣднюю минуту, когда онъ еще могъ пересилить въ себѣ искушеніе, то съ этой минуты побужденіе приобретаетъ „надъ душою власть неодолимую и, она „идетъ“ ко дну, какъ камень, падающій въ силу закона динамики“. Только въ этомъ смыслѣ я и разумѣлъ власть побужденія надъ душою, когда оно или вызвано волею или не подавлено ею. Побужденіе, въ этомъ смыслѣ, можно сравнить съ гирей, или бабой, которой вбиваются сваи, или

съ молотомъ, которымъ бьютъ по наковальнѣ; пока веревка не выпущена, или пока рука не опустилась, гиря и молотъ бездѣйствуютъ; но разъ веревка выпущена, или рука опустилась, дѣйствіе дѣлается роковымъ, неизбѣжнымъ, по законамъ механики. То, что сказано въ „Задачахъ Психологій“ на страницахъ 194 и 195, служить подтвержденіемъ такой ограниченной, условной власти ощущаемаго побужденія, а не безграничной и не безусловной, какую предполагаетъ Ю. О. Самаринъ. „Вы заявляете,—говоритъ онъ,—что выборомъ, въ дѣйствительномъ и точномъ смыслѣ слова, можетъ быть названъ только тотъ, который дѣлается *безъ всякаго* побужденія. Не значитъ ли это,* что ощущеніе побужденія, само по себѣ, исключаетъ проявленіе психической свободы?“ Дѣлая это возраженіе, Ю. О. Самаринъ опять опустилъ изъ виду полемиическій характеръ книги. Ощущеніе побужденія, само по себѣ, безъ одобренія или понушенія воли, остается ощущеніемъ и не переходитъ никогда въ дѣйствіе. Утверждая, что выборъ въ точномъ смыслѣ слова предполагаетъ совершенное отсутствіе побужденія, я высказалъ ту, мнѣ кажется, безспорную мысль, что дѣйствіе, вызванное побужденіемъ, котораго мы не замѣчаемъ, кажется самопроизвольнымъ, но на самомъ дѣлѣ оно не есть такое. Пока дѣйствуетъ побужденіе помимо воли, самопроизвольности нѣтъ; когда начинается дѣйствовать воля, побужденіе замираетъ, въ смыслѣ мотива дѣйствія или поступка. Очень можетъ быть, что я выразился не довольно точно; но вотъ мысль, которую я желалъ выразить.

Вся дальнѣйшая аргументація Ю. О. Самарина, выведенная изъ сопоставленія моихъ разсужденій и выводовъ, также вертится на неправильномъ толкованіи моихъ словъ.

„Для спасенія произвольности,—говоритъ онъ,—нужно бы признать категорію дѣйствій сознательныхъ и въ то же время совершаемыхъ безъ всякаго побужденія.—Такихъ нѣтъ,—отвѣчаете вы, ибо и произвольныя дѣйствія совершаются не безъ побужденія; но отличительная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что побужденіе къ нимъ вызывается (или выбирается) произвольно самимъ дѣйствующимъ лицомъ. Но читателямъ было уже разъяснено выше, что самый актъ вызова или выбора есть уже психическій поступокъ, хотя юридически и невмѣняемый; здѣсь же говорится о побужденіи, какъ объ объектѣ этого поступка, о цѣли его, иначе о томъ, *что* вызывается, а нужно знать *чѣмъ* производится этотъ вызовъ или выборъ?—Вы отвѣчаете: ничѣмъ...“

Здѣсь недоразумѣніе очевидно происходитъ только отъ того, что Ю. О. Самаринъ не принялъ въ расчетъ той точки зрѣнія, на которую я вынужденъ былъ стать, защищая самопроизвольность поступковъ противъ реалистовъ и матеріалистовъ. Они рассматри-

ваютъ внѣшнюю матеріальную сторону дѣйствія и на ней останавливаются. Но съ этой стороны всякое дѣйствіе есть непременно результатъ какого-нибудь побужденія,—или внѣшняго толчка, или желанія, аффекта, страсти. Проф. Сѣменовъ идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что всякое желаніе, аффектъ, страсть есть результатъ матеріальнаго, внѣшняго дѣйствія. Но даже и не вдаваясь въ такую крайность, нельзя не признать, что всякій внѣшній поступокъ есть всегда, непременно, послѣдствіе какого-нибудь матеріальнаго побужденія,—возбужденія чувства, желанія, страсти. Холодная, отвлеченная, безстрастная мысль, сама по себѣ, не можетъ стать источникомъ внѣшняго дѣйствія. Спрашивается, откуда же берется побужденіе въ этомъ реальномъ или матеріальномъ смыслѣ? Вотъ гдѣ я расхожусь съ реалистическими и матеріалистическими взглядами. Реалисты и матеріалисты утверждаютъ, что всякое побужденіе непременно вызывается или внѣшними толчками, или физическими и физиологическими состояніями тѣла; другими словами, всякое побужденіе есть непременно данное, произвольное. Отсюда слѣдуетъ, что свободы воли нѣтъ, что для нея нѣтъ мѣста. Я же, напротивъ, стою на томъ, что побужденія могутъ быть и данныя и вызванныя актомъ психической самодѣятельности, послѣдствіемъ способности души настраивать себя такъ или иначе. Такое самонастроеніе можетъ производиться душою безъ всякаго побужденія, совершенно свободно. Это и есть выборъ побужденія по отвлеченнымъ, холоднымъ, безстрастнымъ мыслямъ и представленіямъ, выборъ совершенно свободный, ничѣмъ не мотивированный. Именно потому, что выборъ побужденія можетъ быть свободенъ, возможна вмѣняемость дѣйствій и поступковъ; они и вмѣняемы настолько, насколько свободны. Затѣмъ, смотря по поступку, вмѣняемость бываетъ нравственная или юридическая. Послѣдняя примѣнима только къ поступкамъ, которые перешли во внѣшнее матеріальное дѣйствіе, а такіе поступки не мыслимы безъ побужденія, которое бываетъ или данное или самопроизвольно-вызванное въ насъ актомъ свободной воли. Нравственно же вмѣняемы поступки, не перешедшіе во внѣшнее дѣйствіе. Мы называемъ событія, совершающіяся въ нашей душѣ, поступками, когда относимся къ такимъ событіямъ съ умысломъ, одобреніемъ и пожеланіемъ, хотя бы умыселъ, одобреніе и пожеланіе вовсе не относились къ будущему внѣшнему дѣйствію и вовсе не имѣли его въ виду. Если я мечтаю о томъ, какъ отмщу своему врагу, или о томъ, что лицо, отъ котораго я ожидаю огромное наслѣдство, умереть и я сдѣлаюсь обладателемъ его богатствъ, или если я, видя несчастнаго, пожалѣю внутренно, что не въ состояніи ему помочь, то всѣ такіа нравственныя движенія будутъ поступками, дѣйствіями нравственно вмѣняемыми. Они, какъ и

внѣшніе поступки, могутъ быть результатомъ данныхъ побужденій, которымъ мы добровольно подчиняемся, или же актами нашей самопроизвольности, безъ всякаго побужденія. Этимъ они существенно и отличаются отъ внѣшнихъ дѣйствій, которыя безъ побужденія, даннаго или вызваннаго нами самими, совершенно немислимы. Не обративъ вниманія на различіе поступковъ юридически и нравственно вмѣняемыхъ, Ю. Θ. Самаринъ находитъ непоследовательность и противорѣчіе въ моихъ словахъ и спрашиваетъ: если дѣйствіе невозможно безъ побужденія, то какъ же возможенъ свободный выборъ мысли, или представленія, соответствующихъ извѣстному аффекту? Но никакой непоследовательности и противорѣчія не окажется, если принять въ расчетъ, что я имѣлъ въ виду одни дѣйствія, юридически вмѣняемые, т.-е. внѣшнія. Они не выполнямы безъ побужденія; а нравственно вмѣняемый поступокъ можетъ быть совершенъ безъ всякаго побужденія, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что множество такихъ поступковъ мы совершаемъ безпрестанно подъ вліяніемъ разныхъ данныхъ побужденій—страстей, увлеченій и т. д.

Но главнѣйшимъ аргументомъ Ю. Θ. Самарина все-таки остается тотъ, что самопроизвольность не можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія и есть фактъ личнаго сознанія, не поддающійся анализу. Противъ возраженій, направленныхъ на мою попытку ввести самопроизвольность въ кругъ научнаго знанія, отыскать его объективные признаки и опредѣлить его научную формулу, я привелъ рядъ опроверженій, не понимая, впрочемъ, ясно той части аргументаціи, въ которой Ю. Θ. Самаринъ особенно налегаетъ на противорѣчіе, будто бы существующее между моимъ представленіемъ о *самомъ* человѣкѣ и моимъ отрицаніемъ субстанціи.

Въ главѣ V „Задачъ Психологіи“, гдѣ разсматриваются прирожденныя свойства психическаго организма, я, на стр. 96 и слѣд., старался доказать, что существо, природа души не доступна нашему знанію; доступны намъ только явленія, т.-е. свойства души и ея строеніе. Объ нихъ я говорю очень пространно, и между прочимъ, на стр. 105 и 106, показываю, какимъ образомъ способность души, раздвояясь, обращаться къ самой себѣ и къ тому, чтó въ ней содержится, есть источникъ ея самодѣтельности и самопроизвольности, причина психической инициативы и свободной воли. То же самое, но подробнѣе, излагается въ главѣ VII, о произвольной дѣятельности, на стр. 199—201. Самодѣтельность мы видимъ и въ животныхъ; психическую самодѣтельность—только въ человѣкѣ. Не касаясь недоступнаго знанію существа души, я старался объяснить механизмъ самопроизвольности—единственное, чтó наукѣ доступно. Мнѣ казалось, что это совсѣмъ не то, что метафизическій и философскій *der*

Mensch an sich, человекъ по существу, и потому замѣчаніе, будто онъ является у меня въ концѣ книги, какъ Deus ex machina, казалось мнѣ несправедливымъ. То, что я говорю въ главѣ о волѣ, подготовлено главою о прирожденныхъ свойствахъ души и есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ же самыхъ мыслей. Далѣе, Ю. О. Самаринъ отрицаетъ возможность совершенно спокойнаго состоянія, изъ чего слѣдуетъ, что строгой разграничительной черты между самопроизвольными и непроизвольными дѣйствіями нѣтъ. Но я и не думалъ утверждать, что спокойное настроеніе и холодная, ничѣмъ не волнуемая мысль, сами по себѣ, составляютъ актъ воли; и при такихъ условіяхъ рѣшеніе можетъ быть результатомъ психо-механическихъ отношеній между различными мыслями и соображеніями; другими словами, я думаю, что разумное рѣшеніе еще не есть, само по себѣ, результатъ свободнаго акта воли. Я только утверждалъ, что актъ самопроизвольности невозможенъ, немислимъ, безъ спокойнаго настроенія и—что, конечно, почти тоже самое—пока чувство или желаніе вылетаютъ въ мысли и сообщаютъ имъ ту или другую невольную окраску.

Такъ какъ настроеніе никогда не бываетъ совершенно спокойно, то отсюда, по мнѣнію Ю. О. Самарина, слѣдуетъ, что нѣтъ и не можетъ быть чистой самопроизвольности. Это, безъ сомнѣнія, справедливо, и полная самопроизвольность и чистая непроизвольность въ человѣкѣ, при дѣйствіи сознанія, представляютъ два крайніе, можетъ быть и недостижимые полюса, между которыми совершается человѣческая дѣятельность. Я не думаю и нигдѣ не высказывалъ мысли, будто самопроизвольность и непроизвольность отдѣляются между собою рѣзкой чертой, также какъ я не думаю, чтобы можно было провести рѣзкую черту между матеріальнымъ и психическимъ міромъ. Мнѣ только хотѣлось показать, что рядомъ съ дѣйствіями, имѣющими причиною данныя побужденія, могутъ существовать дѣйствія, имѣющія причиною свободный починъ души,—свободный, разумѣется, настолько, насколько душа, неразрывно связанная съ тѣломъ, можетъ быть свободна. Я полемизировалъ не въ защиту безусловной свободы, а противъ исключительно механической теоріи человѣческихъ дѣйствій,—теоріи, которую считаю ненаучной и противорѣчащей очевиднымъ, несомнѣннымъ фактамъ. Но ни въ мысли, ни въ самопроизвольной дѣятельности положительная наука не въ состояніи указать ничего безусловнаго: то, что намъ кажется безусловнымъ есть отвлеченность, а не дѣйствительность. Вотъ плыветъ по морю корабль, или вотъ ѣдетъ экипажъ по дорогѣ. И тотъ и другой направляются человекомъ къ извѣстной цѣли, не лежащей ни въ бѣгѣ корабля, ни въ ѣздѣ экипажа. Отнимите руку, которая ими пра-

вить—и ходъ ихъ опредѣлится взаимнодѣйствіемъ тѣхъ элементовъ, которые въ обоихъ случаяхъ находятся въ игрѣ. Но тоже самое, возразятъ мнѣ, можно сказать и о лошади, которая щиплетъ траву, о птицѣ, вьющей гнѣздо, о пчелѣ, строящей соты? Конечно такъ. Я и объ нихъ говорю тоже самое. Вся разница въ цѣли, которая зависить отъ источниковъ самодѣятельности. Въ природѣ она есть данная, въ человѣкѣ—можетъ быть создана имъ самимъ.

Ю. О. Самаринъ не нашелъ эти объясненія удовлетворительными. Въ дополненіяхъ къ своимъ возраженіямъ онъ говоритъ слѣдующее:

„О самомъ человѣкѣ, какъ источникѣ вольной дѣятельности, я упомянулъ вскользь, не выяснивъ моей мысли, и оттого мое замѣчаніе легко могло показаться вамъ неосновательною придиркою. Позвольте мнѣ договорить недосказанное въ первомъ письмѣ.

„Что такое самъ человѣкъ? Вы отвѣчаете: это человѣкъ, отрѣшившійся отъ окружающей его матеріальной среды, отъ своего тѣла, отъ своихъ представленій, мыслей, желаній, побужденій, страстей, отъ всего содержанія своей психической жизни и отъ ея процессовъ („Задачи Психол.“, стр. 201 и 202). Стало быть, дополняю я, человѣкъ, совлечшій съ себя всѣ свои признаки, опредѣленія и свойства, короче *сущность* человѣка. Но на стр. 148 (тамъ же) мы уже прочли, что сущность или субстанція (Ding an sich) есть чистая отвлеченность, не нѣчто непостижимое, а „миражъ ума“. Какимъ же чудомъ этотъ миражъ могъ превратиться въ олицетвореніе свободно творческой силы и сдѣлаться волящимъ субъектомъ? Вы говорите, что, освободившись отъ всего, душа вынуждается наконецъ искать точки опоры въ себѣ самой, а я дополняю ваши слова: и не найдете ея, ибо *сама* душа тоже, что сущность души, то есть опять-таки призракъ. Вы разрѣшаете это недоумѣніе указаніемъ на способность души отражаться въ себѣ самой. Все ея внутреннее богатство остается при ней, но она совершенно сознательно относится къ нему какъ къ чему-то внѣшнему, постороннему; оттого-то де и можетъ она *сама* черпать изъ него любое, выбирать оттуда, по собственному своему почину, мотивы, опредѣляющіе ея свободную дѣятельность. Этою способностью самоотраженія вы объясняете вольныя психическія дѣйствія и предлагаете свое объясненіе какъ дополненіе къ теоріи Ст. Милля, который, по замѣчанію вашему, оставилъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, какимъ образомъ воля можетъ обратиться въ побужденіе? Не знаю, вѣрно ли я васъ понялъ, но мнѣ представляется здѣсь недоразумѣніе. „Самъ человѣкъ, сама воля, сама душа“—всѣ эти выраженія, въ настоящемъ случаѣ, значать очевидно одно и тоже, употребляются вами и Миллемъ въ смыслѣ самоопредѣляющаго субъекта. Объяснить нужно процессъ самоопредѣленія, но ни вы, ни онъ не объяснили его. Указанная вами способность души отражаться въ себѣ самой есть не болѣе какъ одно изъ условій, безъ которыхъ самоопредѣленіе было бы не возможно, а отнюдь не причина его, не пружина свободной дѣятельности. Въ самомъ процессѣ самоопредѣленія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вамъ представляется, я встрѣчаю неразрѣшимое противорѣчіе. Душа, обосо-

бывшаяся отъ всего своего содержанія, не ощущающая никакого побужденія, совершаетъ внутреннимъ зрѣніемъ множество какъ бы разложенныхъ передъ нею общихъ, отвлеченныхъ мыслей, изъ которыхъ каждая способна сдѣлаться мотивомъ для дѣйствія. Вдругъ эта душа на одной изъ нихъ останавливается, устраняя всѣ остальные; эту избранную ею мысль она себѣ усваиваетъ, тѣмъ самымъ подчиняется ей и такимъ образомъ отвлеченная мысль превращается въ побужденіе къ дѣйствію. Таковъ начальный моментъ вольной дѣятельности. Но повторяю еще разъ, чѣмъ же самая эта остановка, этотъ выборъ, это усвоеніе—не поступокъ самъ по себѣ, помимо всѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствій и проявленій *ad extra*, которыя могутъ и не осуществиться? По свидѣтельству людской совѣсти, это дѣйствительно и въ полномъ смыслѣ слова поступокъ, притомъ сознательный и вѣняемый. Между тѣмъ, на стр. 189 „Зад. Психол.“ было уже разъяснено, что безъ мотива (иначе безъ побужденія) совершаются только дѣйствія безсознательныя, или хотя и сознаваемые, но происходящія рефлективно. Стало быть, выборъ и усвоеніе отвлеченной мысли совершились въ силу предшествовавшего имъ и сознательнаго душею побужденія; иначе она пребывала бы вѣчно въ спокойномъ созерцаніи. Откуда же взялось это побужденіе въ самой душѣ, то-есть въ душѣ, отрѣшившейся отъ всякихъ вѣншихъ и внутреннихъ мотивовъ и какъ объяснить эту своего рода *generatio equivoca*? — На этотъ вопросъ не дали отвѣта ни покойные идеалисты, ни Ст. Милль, ни вы. Повторяю еще разъ: всѣ говорятъ въ сущности одно и тоже: человекъ сознаетъ себя свободнымъ, стало быть онъ свободенъ. Если ничего большаго и сказать нельзя, то дѣйствительная или только кажущаяся несостоятельность этого вывода, сама по себѣ, не давала бы темы для критики собственно на вашу книгу, но дѣло въ томъ, что вы сами отняли у себя право основываться на одномъ свидѣтельствѣ внутреннего сознанія: „еслибъ одно только сознаніе“, говорите вы („Зад. Псих.“, стр. 21) „установляло и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ точномъ ихъ изслѣдованіи“. Психическій фактъ вольнаго самоопредѣленія оказывается именно такимъ. Въ той же вашей книгѣ я читаю: „только благодаря обнаруженію психической жизни во вѣншихъ предметахъ и явленіяхъ становится возможнымъ, на ряду съ знаніемъ природы, и положительное знаніе духовной стороны человека“ (стр. 23). Но нѣсколько ниже вы же заявляете, что по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ непроизвольнаго (стр. 188), иначе: свойство вольности, присущее дѣйствію, не переходитъ въ явленіе. И дѣйствительно, я сознаю про себя, что могу поднять руку или не поднимать ея, вытянуть ногу или не вытягивать ея; но разъ то или другое дѣйствіе исполнено, нѣтъ никогда не доказать, чтобы оно могло не совершиться...

„И такъ, сосуществованіе двухъ взаимно исключающихся факторовъ: съ одной стороны, психической свободы, засвидѣтельствованной внутреннимъ сознаніемъ, съ другой — роковой необходимости, открываемой во всѣхъ явленіяхъ и дознанная невозможность отыскать формулу ихъ примиренія—вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, приходитъ наука. Повидимому оставалось бы самое это логическое противорѣчіе

признать за фактъ, иначе за признакъ пертурбаціи въ самой жизни; но на этомъ я останавливаюсь, ибо дальнѣйшій шагъ дѣйствительно ввелъ бы насъ въ другую область“.

Всѣ эти возраженія, какъ мнѣ кажется, дѣло недоразумѣнія.

Отрицая сущность какъ миражъ ума и допуская въ то же время возможность такого состоянія человѣка, когда онъ отвлекаетъ себя отъ всего своего психическаго содержанія и относится къ нему, какъ къ чему-то внѣшнему и постороннему, я не противорѣчу самому себѣ. Я вездѣ говорю, что существа или сущности вещей мы понять не можемъ, что намъ доступны одни явленія. Итакъ, я не отвергаю сущности или существа; но то, *что мы считаемъ за сущность*, есть, конечно, не больше какъ отвлеченность, созданіе ума, фикція. Когда человѣкъ, отрѣшаясь отъ своего содержанія, разсматриваетъ его внутреннимъ зрѣніемъ, какъ нѣчто внѣшнее, это будетъ явленіемъ и, прибавлю, явленіемъ, совсѣмъ не тождественнымъ съ сущностью человѣка, которая все-таки останется для насъ, и послѣ выясненія этого факта, совершенно неизвѣстною. Способность раздвоенія и самонаблюденія мы должны принять какъ фактъ, совсѣмъ не зная его причины. Напротивъ, когда мы отвлекаемъ мыслью вещь отъ всѣхъ ея опредѣленій, то въ результатъ получится не живой фактъ, не наблюденіе дѣйствительнаго явленія, а результатъ или продуктъ умственной операціи, который, не имѣя ничего общаго съ реальнымъ фактомъ, есть лишь воображаемая сущность, или—что тоже—миражъ нашего ума.

Выше я подробно изложилъ свой взглядъ на процессъ самоопредѣленія въ поступкахъ нравственныхъ и во внѣшнихъ юридическихъ дѣйствіяхъ. Не стану отстаивать своей редакціи. Она безъ сомнѣнія неудовлетворительна, если такой осторожный и безпристрастный критикъ, какъ Ю. О. Самаринъ, встрѣтилъ недоразумѣніе. Я стою только за основную мысль, а она заключалась въ слѣдующемъ: внѣшнее, юридически вмѣняемое дѣйствіе, переходящее въ матеріальный фактъ, невозможно безъ матеріальнаго же побужденія. Такимъ является чувство, желаніе, страсть и т. п. Психическій поступокъ, вмѣняемый только нравственно, *можетъ* возникнуть вслѣдствіе акта самопроизвольности, необусловленнаго никакимъ побужденіемъ. Такой актъ возможенъ только вслѣдствіе способности души къ самоопредѣленію, зависящей отъ способности ея раздвояться, оставаясь единой, отъ психическаго зрѣнія, наконецъ отъ того, что отвлеченная, общая мысль, по природѣ своей, холодна, безстрастна, не имѣетъ темперамента, вслѣдствіе чего всѣ общія и отвлеченныя мысли, какъ неимѣющія темперамента, по отношенію къ пожеланіямъ, безразличны. Все это, конечно, только условія самоопредѣленія. Ю. О. Самаринъ, недовольствуясь ими, требуетъ, чтобы я указалъ, от-

куда берется самый акт воли, почему он останавливается именно на такой-то, а не на другой общей мысли? Бэнъ объясняет акт чистой воли, т.-е. стремление къ дѣятельности, накопленіемъ нервной матеріи, которая ищетъ разрядиться въ актѣ. Можетъ быть, онъ и правъ. Сознаюсь, меня этотъ вопросъ мало занимать. Я принимаю стремление къ дѣятельности, психической и матеріальной, внутренней и внешней, какъ фактъ, стараюсь только объяснить его формулу. Откуда бы стремление ни происходило, мнѣ казалось особенно важнымъ, въ научной психологіи, опредѣлить условія и формы его выраженія. Въ этомъ отношеніи, вопросъ Ю. О. Самарина, почему самодѣятельность останавливается на той, а не на другой отвлеченной мысли, совершенно безпристрастной и холодной по своему темпераменту, имѣетъ особенную важность и не можетъ быть обойденъ при научномъ изслѣдованіи психическихъ фактовъ. Но вопросъ этотъ, какъ мнѣ кажется, поставленъ Ю. О. Самаринимъ неправильно. Поступокъ психическій, не переходящій въ матеріальный фактъ, можетъ быть произведенъ безъ всякой причины, безъ всякаго побужденія; самопроизвольное дѣйствіе, юридически вѣняемое, можетъ быть послѣдствіемъ только побужденія, не такого, которое вызвано актомъ воли, безъ всякаго побудительнаго повода. Въ томъ и другомъ случаѣ, о причинѣ поступка нельзя спрашивать. Онъ потому и самопроизволенъ, что не имѣетъ другой причины, кромѣ акта свободной воли. Итакъ, весь вопросъ о самопроизвольности сводится къ слѣдующему: возможенъ ли самопроизвольный поступокъ? Существуютъ ли такіа условія, при которыхъ самопроизвольность дѣйствія представлялась бы не абсурдомъ, а явленіемъ такимъ же естественнымъ и законнымъ, какъ дѣйствіе, вызываемое роковымъ сочетаніемъ данныхъ причинъ и побужденій? На эти вопросы я отвѣчалъ подробно въ „Задачахъ Психологіи“ и въ моихъ полемическихъ статьяхъ по ея поводу. Свобода дѣйствій вытекаетъ съ роковою необходимостью изъ сосуществованія и взаимнаго противопоставленія двухъ различныхъ порядковъ сочетаній однихъ и тѣхъ же фактовъ. Еслибъ каждый изъ этихъ порядковъ существовалъ самъ по себѣ, отдѣльно одинъ отъ другого, и оба образовали разобщенные между собою ряды явленій или звеньевъ, то о свободѣ, разумѣется, не могло бы быть и рѣчи, для нея не было бы никакихъ условій, потому что въ такомъ случаѣ каждый изъ порядковъ, отдѣльно взятый, представлялъ бы, въ способѣ сочетанія явленій или звеньевъ, одну такъ называемую необходимость, именно одну лишь роковую связь причинъ и послѣдствій. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть: только связь необходимости мы и открываемъ, изслѣдуя матеріальную природу и логическое развитіе отвлеченной мысли. Вотъ причина, почему ни есте-

ственныя науки, ни логика не знаютъ свободной воли. Но въ дѣйствительности оба порядка, развиваясь каждый самъ по себѣ, по закону необходимости, кромѣ того, являются не разрывно между собою связанными и непрерывно между собою соприкасаются, безпрестанно другъ на друга дѣйствуютъ. Закона ихъ взаимнаго отношенія мы не знаемъ, точно также, какъ не знаемъ въ чемъ состоитъ связь психическаго съ матеріальнымъ, души съ тѣломъ; знаемъ только, что сочетаніе однихъ и тѣхъ же явленій или звеньевъ, въ томъ и другомъ порядкѣ, весьма различны между собою и измѣняются подъ вліяніемъ взаимнаго другъ на друга дѣйствія обоихъ порядковъ. Такъ человѣкъ передѣлываетъ существующія въ природѣ сочетанія явленій по своей мысли, согласно съ своими желаніями и потребностями, а природа разрушаетъ творческія созданія человѣка, когда онъ перестаетъ ихъ охранять и поддерживать. Точно такимъ же образомъ относятся наши идеалы и созданныя въ умѣ нашемъ образцы къ установившимся мыслямъ, привычкамъ, прирожденнымъ или нажитымъ наклонностямъ, которыя мы стараемся измѣнить или передѣлать.

Оба порядка, въ дѣйствительности, противопоставлены и взаимно другъ на друга дѣйствуютъ въ каждомъ единичномъ предметѣ, будетъ ли онъ принадлежать къ организованной или неорганизованной природѣ. Въ каждомъ оба порядка сосуществуютъ въ непосредственной и неразрывной связи; только въ неорганизованной природѣ они едва между собою различаются, и потому слѣдовъ ихъ противопоставленія мы почти не видимъ; въ организованной же природѣ различіе ихъ и взаимное другъ на друга дѣйствіе заявляютъ себя, уже начиная съ низшихъ ея ступеней. Поднимаясь отъ нихъ постепенно къ человѣку, мы замѣчаемъ, что чѣмъ выше организація, тѣмъ различіе, а вмѣстѣ и взаимодѣйствіе обоихъ порядковъ выступаютъ явственнѣе. Въ человѣкѣ, организмъ самомъ развитомъ, то и другое достигаетъ высшей своей точки и обнаруживается съ особенною силою и яркостью. Въ этомъ отношеніи, бблшая или меньшая развитость организма опредѣляется бблшею или меньшею способностью вырабатывать въ себѣ образцы, по которымъ передѣлываются наличныя сочетанія фантовъ. Въ организмахъ, въ которыхъ эта способность слабѣе, образцы слагаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ данныхъ сочетаній; напротивъ, въ организмахъ, наиболѣе развитыхъ, образцы находятся въ очень малой зависимости отъ данныхъ сочетаній, отходятъ отъ нихъ далѣе, вырабатываются свободнѣе. Между извѣстными намъ организмами послѣднія черты всего рѣзче и выпуклѣе замѣчаются въ человѣкѣ. Его идеалы и цѣли могутъ такъ далеко расходиться съ данными комбинаціями явленій, что

всякая связь между ними порывается и онъ, занятый исключительно своими цѣлями и идеалами, совершенно теряетъ самое чутье дѣйствительности. Въ этой-то способности его отрѣшаться отъ всякихъ данныхъ, разорвать съ ними всякую связь и заключается условіе его свободы. Впрочемъ, и у самыхъ людей свобода бываетъ развита далеко не одинаково. Она, какъ я сказалъ, существенно зависитъ отъ степени способности отрѣшаться отъ данныхъ сочетаній фактовъ, и потому не только отдѣльныя лица, и одно и то же лицо въ разные періоды своего развитія, но и цѣлыя народы и весь родъ человѣческій бываютъ болѣе или менѣе свободны.

Вмѣстѣ съ свободой, и изъ одного съ нею источника, рождаются дуалистическія воззрѣнія и безграничный личный произволъ. Не зная, откуда происходятъ эти явленія, не понимая, что противопоставленіе и взаимодѣйствіе двухъ порядковъ вертятся лишь на различныхъ сочетаніяхъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, человѣкъ думаетъ, что оба порядка противоположны одинъ другому по существу, и вслѣдствіе того выдвигаетъ психическій порядокъ за предѣлы видимаго міра, создаетъ изъ свободы особый принципъ и возводитъ личный произволъ въ законъ своей дѣятельности. Во всѣхъ современныхъ философскихъ воззрѣніяхъ, при всемъ ихъ различіи, слышатся, какъ основная нота, эти начальныя заблужденія. На нихъ, или на отрицаніи ихъ, строятся цѣлыя теоріи. Изъ-за противопоставленія двухъ порядковъ сочетаній фактовъ человѣкъ теряетъ изъ виду, что они не противоположны другъ другу по существу, и составляютъ лишь видоизмѣненія одного и того же общаго имъ общаго начала, котораго мы не знаемъ и знать не можемъ; что свобода есть лишь послѣдствіе ихъ различія и противопоставленія и выражаетъ только способъ ихъ взаимныхъ отношеній, въ отличіе отъ роковой связи причинъ и ихъ дѣйствій, которая опредѣляетъ отношенія явленій въ каждомъ изъ двухъ порядковъ отдѣльно; что индивидуальность, личность, въ которой оба порядка непосредственно связаны и нераздѣльны, не подходитъ исключительно ни подъ одинъ изъ нихъ, а подъ оба вмѣстѣ; что въ ней они между собою сталкиваются и потому въ ней же должно произойти ихъ взаимное соглашеніе. Возможность такого соглашенія дана единствомъ ихъ общаго начала, ихъ непосредственнымъ сосуществованіемъ; формулой же ихъ примиренія должно служить постепенное, медленное, но неудержимо совершающееся установленіе взаимнаго соотвѣтствія между обоими порядками, причемъ и въ томъ и въ другомъ значительно видоизмѣняются сочетанія составныхъ частей или звеньевъ.

Итакъ, Ю. О. Самаринъ ошибается, приписывая мнѣ мысль, будто психическій порядокъ происходитъ изъ реальнаго, будто, по

моему мнѣнію, психической реальности нѣтъ, а есть одна матеріальная. Душа есть дѣйствительная живая психическая реальность, вырабатывающая изъ себя, подъ вліяніемъ матеріальнаго міра, особый нравственный порядокъ, служащій образцомъ для преобразования матеріальныхъ сочетаній. Вотъ какимъ образомъ возникаетъ круговоротъ жизни, воздѣйствіе обоихъ порядковъ другъ на друга, ведущее постепенно къ выработкѣ, соглашенію и примиренію обоихъ. Центромъ этого взаимодѣйствія является не метафизическій міръ, а живая личность, индивидуальная душа, въ которой отражается реальный міръ и въ которой зарождаются и возникаютъ отвлеченности, принимаемыя нами за метафизическія реальности. Онѣ потому только и живутъ, и до тѣхъ только поръ имѣютъ значеніе, пока поддерживаются индивидуальностью, особою. Самопроизвольность или воли, какъ стремленіе, какъ импульсъ, толчокъ, есть данное, обусловленное, по своему происхожденію, роковыми законами; свобода же воли есть результатъ взаимодѣйствія двухъ порядковъ, одинаковыхъ по существу и различающихся только способами сочетанія въ нихъ явленій и фактовъ. Именно потому, что взаимныя отношенія этихъ двухъ порядковъ не опредѣляются закономъ причинности, и возможна свободная воля. Потому же самому наука, отыскивавшая доселѣ, согласно съ своими стародавними преданіями, только условія явленій, совершающихся роковымъ образомъ, не была въ состояніи обнять личность и существеннѣйшую ея характеристику—свободу воли. Взаимныя отношенія различныхъ сочетаній явленій въ обоихъ порядкахъ не подходятъ подъ законъ причинности и не поддаются ни подъ какія опредѣленія. Совершенная неувовимость фактовъ, въ которыхъ эти отношенія выражаются, вовсе не зависитъ, какъ многіе думаютъ, отъ чрезвычайной сложности самыхъ явленій, а единственно оттого, что взаимныя столкновенія двухъ порядковъ и ихъ сочетаній не опредѣляются никакими общими формулами.

Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду только самыя характеристическія явленія, тѣ, въ дѣйствительности весьма рѣдкіе и исключительные случаи, когда свобода воли выражается въ возможно-чистой, непримѣсной формѣ, и не беру въ расчетъ огромной обыденной массы явленій смѣшанныхъ, въ которыхъ акты свободной воли переплетаются съ рефлексивными движеніями и произвольными обнаруженіями данныхъ побужденій. Въ научномъ изслѣдованіи предмета, такіе смѣшанные факты, къ тому же трудно поддающіеся анализу, и не могутъ идти въ расчетъ. Очень часто выборъ опредѣляется не совершенно свободно, а напимѣръ, извѣстнымъ предположеніемъ души, ея такъ сказать темпераментомъ, зависящимъ отъ прирожденныхъ ея наклонностей, отъ воспитанія, жизненной

опытности—результата прожитого, прочувствованного и передуманного. Мы скажутъ, что такіа предрасположенія—тѣже побужденія, и что если допустить природныя или нажитыя наклонности, заставляющія предпочитать при выборѣ одно другому, то о безусловной самопроизвольности не можетъ быть и рѣчи. Но при изслѣдованіи явленій воли мы должны строго различать теоретическія основанія отъ практическаго ихъ примѣненія, принципъ отъ факта. Я стою на томъ, что принципа свободной воли отрицать нельзя, что только ошибочныя, ничѣмъ не доказанныя предпосылки, произвольно и ненаучно внесенныя въ изслѣдованіе свободной дѣятельности, могли привести къ отрицанію свободной воли. Что же касается до примѣненія этого принципа въ дѣйствительной, ежедневной практической жизни, то я готовъ признать, что изъ множества случаевъ, весьма и весьма немногіе, при строгомъ ихъ анализѣ, окажутся продуктами исполнѣнія свободнаго акта воли. Скажу болѣе: если мы начнемъ изучать явленія воли, съ увѣренностью открыть въ каждомъ изъ нихъ безусловную самопроизвольность, то заранѣе отнимемъ у себя всякую возможность понять факты дѣйствительной жизни. Безусловное есть отвлеченность. Все дѣйствительное непремѣнно условно и относительно. Самопроизвольность уже не безусловна по своему содержанию: кругъ ея дѣятельности обусловленъ и ограниченъ наличными въ душѣ общими и отвлеченными понятіями. Что касается до степени ея, то и въ этомъ отношеніи мы напрасно стали бы искать чего-либо безусловнаго. Но не въ этомъ дѣло, не въ этомъ сущность вопроса. Самопроизвольность, какъ принципъ, противопоставляется роковой связи извѣстной причины и ея извѣстныхъ дѣйствій и послѣдствій. Гдѣ такой связи нѣтъ, гдѣ въ одно и то же время является нѣсколько возможностей, т.-е. гдѣ существуетъ на лицо нѣсколько равносильныхъ причинъ, производящихъ различныя послѣдствія, тамъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности теряетъ обыкновенную свою принудительность,—ту, какую имѣетъ, когда дѣйствуетъ одна. Вотъ почва, на которой зарождается самопроизвольность. Простѣйшая ея форма та, когда намъ предстоитъ сдѣлать выборъ между нѣсколькими дѣйствіями, одинаково нужными, насколько они могутъ быть совершенно одинаково нужны. Упражняясь безпрестанно въ такомъ выборѣ въ обыденной жизни, мы осваиваемся съ мыслью, что не связаны роковымъ образомъ тѣмъ или другимъ дѣломъ. Въ насъ вырабатывается мало по малу убѣжденіе и привычка свободно относиться къ предстоящему дѣлу, не испытывать на себѣ его роковой принудительности. Это убѣжденіе и эту привычку мы и называемъ свободой воли. Та же привычка и то же убѣжденіе переносятся позднѣе и въ міръ психическихъ, нравственныхъ поступковъ. Холодная, без-

страстная общая или отвлеченная мысль чрезвычайно способствуетъ утвержденію въ насъ убѣжденія въ существованіи самопроизвольности или свободной воли. Холодные, общія и отвлеченныя мысли и понятія, освобожденные отъ аффекта, болѣе чѣмъ что-либо другое равносильны; къ тому же, каждая общая и отвлеченная мысль можетъ быть обращена въ дѣло очень различными способами, смотря по обстоятельствамъ, и это пріучаетъ насъ свободно относиться къ различнымъ способамъ исполненія общей, отвлеченной мысли. Вотъ почему я думаю, что свобода воли, самопроизвольность, не есть прирожденный фактъ, а результатъ нашихъ дѣйствительныхъ отношеній къ вѣдшему міру и къ событіямъ нашей внутренней, психической жизни. Отвлекаясь отъ этихъ отношеній ихъ характеристическій признакъ, именно ихъ относительную свободу, т.-е. свободу сравнительно съ роковымъ дѣйствіемъ причинъ и ихъ послѣдствій, мы создаемъ отвлеченное понятіе о безусловной свободѣ и ищемъ ее въ дѣйствительныхъ явленіяхъ. Точно также поступаетъ и Ю. О. Самаринъ, усматривая въ человѣкѣ, отвлекшемъ себя отъ всѣхъ своихъ опредѣленій, чистую сущность человѣка. Этотъ человѣкъ „самъ по себѣ“, различенный отъ всѣхъ своихъ опредѣленій, есть въ дѣйствительности тотъ же самый живой и цѣльный человѣкъ, заключающій въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, всѣ свои прирожденные и нажитыя наклонности и предрасположенія, которые опредѣляютъ его нравственную индивидуальность.

Послѣдній доводъ Ю. О. Самарина противъ попытки опредѣлить путемъ науки самопроизвольность состоитъ, какъ я уже сказалъ, въ томъ, что она есть фактъ личнаго сознанія, который, не имѣя никакихъ признаковъ, недоступенъ научному изслѣдованію. Въ доказательство онъ ссылается на мою книгу, гдѣ въ одномъ мѣстѣ сказано, что еслибъ психическіе факты были только дѣломъ личнаго сознанія, то о научной психологіи не могло бы быть и рѣчи; въ другомъ говорится, что, только благодаря обнаруженію психической жизни во вѣдшихъ явленіяхъ, становится возможнымъ положительное знаніе духовной стороны человѣка; наконецъ, въ третьемъ, проводится мысль, что по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ непроизвольнаго; слѣдовательно, заключаетъ Ю. О. Самаринъ, самопроизвольность, не имѣя никакихъ признаковъ, не поддается научному изслѣдованію и должна быть признана исключительно за фактъ сознанія.

Очень можетъ быть, что я выразился не совсѣмъ точно и что слова мои подали поводъ къ недоразумѣнію; но по смыслу, какой я связывалъ съ тѣмъ что сказано у меня на стр. 21, 23 и 188, противорѣчія по этому предмету въ моей книгѣ, кажется, нѣтъ. Чтобы

объяснить точный смысл сказаннаго на стр. 188 о невозможности отличить, по наружнымъ признакамъ, самопроизвольное дѣйствіе отъ непроизвольнаго, надобно сравнить его съ тѣмъ, что я говорю на стр. 36. Здѣсь объясняется, что „съ точки зрѣнія естественнаго наукъ нельзя и догадаться, что существуютъ произвольныя движенія или свобода воли“, такъ какъ, „каждое такое движеніе, каждый актъ воли, производитъ во внѣшнемъ мірѣ только тѣ перемѣны, которыя допускаются естественными условіями и законами“. Итакъ, говоря, что произвольное дѣйствіе *по наружнымъ признакамъ* не отличается отъ непроизвольнаго, я, можетъ быть, не совсѣмъ удачно выразилъ ту мысль, что сочетаніе внѣшнихъ матеріальныхъ фактовъ въ дѣйствіи произвольномъ и непроизвольномъ во всякомъ случаѣ можетъ происходить только по закону раковой связи причины и ея дѣйствія или послѣдствія, и потому, если мы будемъ изучать только эту сторону, то такое изученіе никогда не приведетъ насъ къ различенію произвольнаго дѣйствія отъ непроизвольнаго. Между этою мыслью и тѣмъ, будто бы самопроизвольность доступна только личному сознанію и внѣшнимъ образомъ ничѣмъ не выражается, есть очень большая и существенная разница. Міръ психическихъ явленій есть не только субъективный, но и объективный, и объективенъ онъ настолько, насколько выражается во внѣшнемъ мірѣ доступнымъ для всѣхъ образомъ. Только тѣ психическія явленія, которыя не обнаруживаются ничѣмъ, не могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Спрашивается: почему мы говоримъ, разсуждаемъ и споримъ о свободной волѣ, о самопроизвольности? Очевидно потому только, что это психическое явленіе не осталось предметомъ личнаго сознанія, а обнаружилось какъ-нибудь во внѣ, хотя бы только въ словѣ, съ которымъ люди соединяютъ извѣстное представленіе, различаемое ими отъ другихъ. Это, конечно, еще не доказываетъ, что самопроизвольность или свобода воли не обманъ ума, не самообольщеніе; но во всякомъ случаѣ изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что психическій фактъ самопроизвольности, каковъ бы онъ ни былъ, не есть удѣлъ одного личнаго сознанія, а достоиніе всѣхъ людей, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ объективный характеръ. Другой вопросъ—есть ли свобода воли реальный фактъ, или миражъ сознанія? Объ этомъ я подробно говорю въ своей книгѣ. Строгое подчиненіе внѣшней, матеріальной стороны самопроизвольнаго поступка законамъ природы отнимаетъ, какъ я сказалъ, всякую возможность различить его, съ этой стороны, отъ непроизвольнаго. Но эта сторона не есть единственная, доступная изслѣдованію. Всякій матеріальный фактъ, въ которомъ замѣшанъ психическій элементъ, имѣетъ, кромѣ матеріальнаго, и особый психическій смыслъ; матеріальная

сторона наждаго такого факта служить психической символомъ, по которому мы ее узнаемъ и котораго непосредственное матеріальное значеніе совсѣмъ другое. Не распространяясь далѣе объ этомъ предметѣ, о которомъ я говорю выше и во многихъ мѣстахъ своей книги, я здѣсь замѣчу только, что сопоставленіе нѣсколькихъ или многихъ выраженій воли не по ихъ матеріальной, а по психической сторонѣ—даетъ объективное представленіе о самопроизвольности. Какъ мы угадываемъ по дѣйствию или поступку о невидимой и тщательно скрываемой цѣли, какъ мы, разсматривая дѣйствіе, заключаемъ объ умыслѣ или отсутствіи умысла, точно также, изслѣдуя дѣйствія, мы различаемъ сознательныя отъ безсознательныхъ, самопроизвольныя отъ непроизвольныхъ. Все наше знаніе психическихъ явленій основано единственно и исключительно на сравнительномъ изученіи слѣдовъ, оставляемыхъ во внѣшнемъ мірѣ психическою жизнью и представляемыхъ значеями или символами. Не будь такихъ слѣдовъ, не зная мы, что психическая сторона символически выражается во внѣшнемъ мірѣ, мы бы должны были согласиться съ Ю. Θ. Самаринымъ, что не только самопроизвольность и свободная воля, но и всѣ вообще психическія явленія суть исключительно факты нашего личнаго сознанія, неподлежащіе положительному изученію. Но объективный характеръ явленій свободной воли выясняется вполне чрезъ сравненіе ихъ между собою, почему я и считаю эти явленія доступными, наравнѣ съ другими, для научнаго знанія. Доказательствомъ можетъ служить примѣръ, на который я уже нѣсколько разъ ссылался въ своей книгѣ и въ возраженіяхъ проф. Сѣченову, а именно: если бы кто-нибудь захотѣлъ доказать, что можетъ, по произволу, выполнить всѣ знакомыя ему движенія, или перечислить наугадъ извѣстное число извѣстныхъ ему представленій, то, выразивъ словами или на письмѣ такое свое намѣреніе, онъ тѣмъ обнаружилъ бы его и оно такимъ образомъ перестало бы быть предметомъ одного личнаго его сознанія, а сдѣлалось бы объективнымъ фактомъ, доступнымъ всѣмъ и каждому. Затѣмъ, когда онъ началъ бы приводить это свое намѣреніе въ исполненіе, т.-е. сталъ бы произносить, писать, или и произносить и писать безсвязныя представленія о различныхъ матеріальныхъ и психическихъ предметахъ, или дѣлать различныя движенія, обозначая ихъ сперва точно также словами или на письмѣ, то всѣ такія дѣйствія его не были бы предметомъ одного его личнаго сознанія, но сдѣлались бы вмѣстѣ и объективными фактами, доступными для всѣхъ и наждаго. Изъ соображенія этихъ фактовъ, всякій долженъ будетъ вывести заключеніе, что дѣйствующее лицо въ самомъ дѣлѣ можетъ по произволу совершать тѣ дѣйствія, какія захочетъ. Я полагаю, что такое заключеніе, какъ основанное

на объективных фактахъ, было бы совершенно правильно, и послѣ такого опыта всѣ узнавшіе о немъ должны бы были, по объективнымъ признакамъ, согласиться, что представившій опытъ въ самомъ дѣлѣ способенъ самопроизвольно вызывать изъ своей души различныя хранящіяся въ ней представленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражать и приводить ихъ въ дѣйствіе. Слѣдовательно, не на основаніи одного личнаго сознанія, но и по объективнымъ даннымъ, самопроизвольность и свобода воли должны быть признаны за психическій фактъ и этотъ фактъ, какъ мы видѣли, можетъ подлежать научному изслѣдованію, наравнѣ съ прочими.

Въ заключеніе, позволю себѣ обратить противъ Ю. Э. Самарина аргументъ, приведенный мною противъ проф. Сѣченова, хотя и по другому поводу. Ю. Э. Самаринъ признаетъ, что естественныя науки изучаютъ матеріальные факты по объективнымъ признакамъ и потому не отрицаетъ научнаго характера естествознанія. Однако не трудно доказать, что и матеріальныя и психическія явленія суть въ одинаковой мѣрѣ факты нашего личнаго сознанія, и потому слѣдовало бы признать одно изъ двухъ: или что никакія явленія вообще не могутъ быть предметами научнаго знанія, или что если матеріальные факты подлежатъ научному изслѣдованію, то ему должны быть доступны, въ одинаковой мѣрѣ, и факты психическіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ о числѣ, формѣ, цвѣтѣ, вкусѣ, запахѣ и т. д. матеріальныхъ предметовъ, вообще о впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ нихъ, какъ объ объективныхъ явленіяхъ. Но всѣ эти явленія не иное что, какъ факты личнаго нашего сознанія, о которыхъ мы въ точности даже не знаемъ, одинаково ли они сознаются всѣми людьми. Объ этихъ фактахъ, точно также какъ и о произвольности, непривольности и свободѣ мы заключаемъ по ихъ обнаруженіямъ въ словѣ, образѣ, вообще въ символѣ, т.-е. въ матеріальныхъ фактахъ, которые находятся въ постоянномъ отношеніи и правильномъ соотвѣтствіи съ этими психическими фактами. Такое соотношеніе и соотвѣтствіе не основаны на связи причины и послѣдствія и въ концѣ-концовъ не подлежатъ анализу и повѣркѣ. Никто еще не объяснилъ и едва ли когда-нибудь объяснить, почему извѣстное расположение молекулъ отражается въ насъ впечатлѣніемъ краснаго цвѣта, а другое—зеленаго, почему извѣстная мелодія возбуждаетъ въ насъ грусть, а другая—веселое настроеніе, почему извѣстному преступленію или проступку соотвѣтствуетъ именно такое, а не другое наказаніе или взысканіе.

Повторяю: психическіе факты, доступные личному сознанію каждаго, имѣютъ, во внѣшнемъ своемъ проявленіи, опредѣленные условныя признаки, по которымъ факты такого рода могутъ стать пред-

метомъ научнаго изслѣдованія. Не будь этого, психологія какъ наука была бы немыслима, психологическія наблюденія были бы чисто личными впечатлѣніями, которыхъ ни сравнить ни повѣрить не было бы никакой возможности. Но иное дѣло—проявленіе, обнаруженіе психическаго факта во внѣ, иное дѣло—матеріальный фактъ, въ которомъ первый проявляется, самъ по себѣ. Все чтó создано человѣкомъ есть и матеріальный фактъ и въ то же время выраженіе человѣческой мысли, взгляда, понятія. Изслѣдованіе матеріальнаго факта, въ которомъ мы ничего другого не видимъ, кромѣ роковой связи причинъ и ихъ послѣдствій, никогда не можетъ привести насъ къ открытію самопроизвольности или свободной воли, именно потому, что всякій матеріальный фактъ можетъ быть созданъ не иначе, какъ по закону такой роковой связи. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ самопроизвольность, какъ и сознаніе, не заявляли себя въ объективных фактахъ, по которымъ мы можемъ ихъ изслѣдовать. Возьмемъ для примѣра движеніе парохода, совершающаго правильные и срочные рейсы между двумя опредѣленными пунктами, или игру артистовъ, исполняющихъ сегодня одну, черезъ недѣлю другую музыкальную пьесу. Разложивъ эти весьма сложные факты на ихъ составныя части, мы увидимъ, что каждая изъ этихъ частей связана съ другою роковою связью причинъ и послѣдствій, и изъ такого, самаго тщательнаго анализа мы должны будемъ придти къ заключенію, что въ этихъ фактахъ мѣста для самопроизвольности нѣтъ. Но посмотримъ на тѣ же самые факты съ другой стороны, какъ на символы, значки психическихъ явленій, и самопроизвольность намъ въ нихъ выкажется со всевозможною ясностью. Стоитъ только припомнить, что пароходъ движется при весьма различныхъ состояніяхъ погоды, вѣтра, волнъ, между одними и тѣми же точками, въ сроки, назначенные заранѣе впередъ; что артисты точно также исполняютъ различныя пьесы въ различное время, по заранѣе заготовленному распisanію; что они для этого впередъ собираются и сыгрываются; что публика съѣзжается ихъ слушать точно также въ заранѣе назначенное время и т. д. Изъ этихъ фактовъ, явно указывающихъ на цѣлесообразность дѣйствій или поступковъ, предвидѣнныхъ впередъ, рассчитанныхъ и выполняемыхъ, несмотря на измѣняющіяся обстоятельства и обстановку, часто наперекоръ препятствіямъ, видно, что роковымъ сдѣленіемъ причинъ и послѣдствій руководила воля, приводившая въ сочетаніе тѣ условія, которыя уже сами собою производили извѣстное роковое явленіе. Если взять психическое состояніе лицъ, рѣшившихся выполнить всѣ описанныя движенія, прежде чѣмъ они были выполнены, то безъ сомнѣнія никто, кромѣ нихъ, не зналъ и не могъ знать о томъ, чтó въ нихъ происходило. Въ этомъ смыслѣ,

первоначальный, еще не выразившийся во внешнем поступке акт воли доступен только сознанию, как и образ, сложившийся в душе художника, пока он его не выразил в своем произведении. Далее: если взять внешнее действие, в котором выразился акт воли и разять его на составные его части, то в каждой из них нет возможности открыть выражение воли. Таким образом, в приведенных случаях и Ю. О. Самарин и проф. Сеченов, согласные в отрицании воли как объективного факта, совершенно правы. Но как тот, так и другой могут не иначе, как с очевидной натяжкой, отрицать внешнее выражение акта воли в цѣлой совокупности явления, в сочетаніи внешних фактов, обязанных своим происхожденіем не естественному или случайному ходу вещей, а руководящему внимательству или направленію человека.

Ю. О. Самарин видит сосуществованіе двух взаимно исключających друг друга факторов: психической свободы и роковой необходимости. Онъ полагаетъ, что отыскать формулу их примиренія невозможно и потому это логическое противорѣчіе надо признать за фактъ, иначе, за признакъ пертурбаціи въ самой жизни. Вполнѣ признавая фактъ пертурбаціи, о которой я даже говорю въ „Задачахъ Психологіи“, я никакъ не могу, по изложеннымъ выше соображеніямъ, согласиться съ тѣмъ, будто два фактора, о которыхъ идетъ рѣчь, исключаютъ друг друга, и будто бы психическая свобода доступна одному личному сознанию, а роковая необходимость, напротивъ, открывается во всѣхъ явленіяхъ. Оба фактора, опредѣляющіе дѣйствительность, не могутъ быть названы исключаящими друг друга, когда мы ихъ иначе и не знаемъ, какъ въ тѣснѣйшей и неразрывной связи и непрерывномъ взаимодѣйствіи. Самопроизвольная дѣятельность, какъ мы видѣли, выражается не въ одномъ личномъ сознаніи, но и въ сочетаніи внешнихъ фактовъ, и потому столько же доступна въ ней научному изслѣдованію, какъ и роковая связь причинъ и послѣдствій. Наконецъ, сосуществованіе двухъ элементовъ, взаимныя отношенія которыхъ намъ неизвѣстны, не трудно услѣдить не въ однихъ явленіяхъ самопроизвольности и необходимости въ человѣкѣ, но и на низшихъ ступеняхъ природы, гдѣ одинъ изъ факторовъ, именно психическій, только не заявляетъ себя такъ ярко, своеобразно, какъ въ человѣкѣ и потому мало обращаетъ на себя вниманіе и даже вовсе не признается многими, въ томъ числѣ и Ю. О. Самаринимъ.

К. Кавелинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1875.

Десятилѣтіе земскихъ учреждений.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ. — Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ области войска донскаго.—Историческій взглядъ на военное управленіе областью. — Вопросъ о подвѣдомственности донскаго земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.—Литературныя диковины.

Когда, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вводились главныя изъ современныхъ намъ преобразованій, казалось, что наименѣе затрудненій къ осуществленію на всемъ пространствѣ имперіи могло представить введеніе земскихъ учреждений. Элементы для земской реформы были вездѣ готовы и вездѣ одинаковы; въ дѣйствительности, они заключались только въ передачу управленія нѣкоторыми мѣстными дѣлами изъ однихъ рукъ въ другія. Осуществленіе реформы крестьянской казалось гораздо труднѣе, такъ какъ она не только создавала новые органы управленія, но глубоко измѣняла бытъ огромной части населенія. Что касалось введенія судебныхъ уставовъ на всемъ пространствѣ государства, то легко было предвидѣть, что, даже и независимо отъ какихъ-либо постороннихъ затрудненій, оно не могло осуществиться очень скоро уже потому, что для него не доставало юридически-образованныхъ людей. Здѣсь надобно было создать силы. Но какіе элементы требовалось создавать вновь для передачи нѣкоторыхъ мѣстныхъ, по преимуществу хозяйственныхъ дѣлъ изъ рукъ администраціи въ руки выборныхъ отъ общества? Ничавихъ. Предметы обложенія и основы ценза — земля, дома, лавки, промыслы были на лицо одинаковымъ образомъ, во всѣхъ губерніяхъ. Для введенія земскаго самоуправленія нельзя было ожидать, пока образуется достаточное число опытныхъ и способныхъ людей, потому что такіе люди, очевидно, и могли образоваться только опытомъ, практикою. Сверхъ того, не было основанія думать, что въ остальныхъ губерніяхъ землевладѣльцы, горожане и крестьяне менѣе спо-

собны къ самоуправленію, чѣмъ въ тѣхъ 33-хъ губерніяхъ, которыя получали земскія учрежденія первоначально и одновременно.

Съ января 1864 года прошло уже 11½ лѣтъ, а между тѣмъ районъ земской Россіи остается почти тотъ же, какъ онъ былъ установленъ первымъ шагомъ къ осуществленію земской реформы. Примѣненіе труднѣйшаго изъ преобразованій — крестьянскаго, далеко обогнало распространеніе земской реформы; за исключеніемъ балтійскаго края, крестьянская реформа прошла по всей территоріи государства. Даже учрежденіе общихъ судебныхъ установленій, для которыхъ требовалось подготовить людей, сдѣлало болѣе быстрые успѣхи соответственно первоначальнымъ своимъ размѣрамъ, и если одна часть судебного преобразованія — введеніе мировой юстиціи — не распространилось въ равной мѣрѣ, то препятствіемъ тому послужили именно застой реформы земской. Замедленіе земской реформы даже существенно, въ неблагопріятномъ смыслѣ, повліяло на примѣненіе мировыхъ установленій въ западной полосѣ имперіи, заставивъ придать тамъ мировому суду характеръ бюрократическій. До настоящаго времени земскія учрежденія введены только въ половинѣ государства: изъ 68 губерній и 14 областей, составляющихъ имперію и царство польское (не считая Финляндіи), земскія учрежденія имѣются только въ 34 губерніяхъ. Исключивъ царство польское, Сибирь, Кавказъ и Среднюю Азію, мы видимъ, что изъ 49 губерній собственно Европейской Россіи, пятнадцать, то-есть почти цѣлая треть, не имѣютъ доселѣ земскихъ учрежденій. Нельзя не согласиться, что земская реформа, несмотря на свою относительную легкость, значительно отстала въ своемъ ходѣ отъ другихъ важнѣйшихъ преобразованій нынѣшняго періода.

Обнародованный въ истекшемъ мѣсяцѣ законъ о примѣненіи городского положенія къ городамъ западныхъ губерній даетъ поводъ упомянуть о потребности этихъ губерній и въ земскихъ учрежденіяхъ. Обнародованный нынѣ, утвержденный 29-го апрѣля, законъ постановляетъ, что городское положеніе будетъ примѣняться къ городамъ, не состоящимъ въ частномъ владѣніи, въ губерніяхъ: виленской, витебской, волынской, гродненской, кievской, ковенской, минской, могилевской и подольской, постепенно, по ближайшимъ мѣстнымъ соображеніямъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Доселѣ, какъ извѣстно, въ самой кievской губерніи только Кіевъ имѣлъ учрежденія, опредѣленныя городovýmъ положеніемъ 1870 года. Теперь оно будетъ постепенно распространяемо на всѣ города названныхъ губерній, кромѣ владѣльческихъ городскихъ поселеній. При этомъ устанавливаются, въ видѣ временной мѣры, нѣкоторыя особенности: избраніе городского головы требуетъ утвержде-

нія министерства внутреннихъ дѣлъ не только въ губернскихъ городахъ, но и во всѣхъ вообще городахъ названныхъ губерній въ тѣхъ случаяхъ, когда губернаторъ встрѣтилъ бы затрудненіе ко вступленію избраннаго лица въ отправленіе должности. Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ городской голова въ какомъ-либо городѣ западнаго края можетъ быть назначаема и прямо отъ правительства, но не иначе, какъ по представленію министерства чрезъ комитетъ министровъ. Со введеніемъ городского положенія, города западнаго края освобождаются отъ вѣдѣнія дѣлами приписанныхъ къ нимъ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ, а для городовъ этого послѣдняго разряда и для мѣстечекъ настоящій законъ опредѣляетъ временныя правила общественнаго управленія, впредь до примѣненія городского положенія.

Такой важный шагъ впередъ въ реформѣ городского управленія подаетъ поводъ полагать, что едва ли уже могутъ существовать въ настоящее время серьезныя препятствія ко введенію въ западныхъ губерніяхъ и земскихъ учреждений. Обыкновенно указываются причины политическія и нельзя не признать важности этого возраженія. Но спрашивается, продолжаютъ ли еще и нынѣ существовать тѣ препятствія въ политическихъ причинахъ, какія представлялись въ 1863 году? Вѣдь самый годъ первоначальнаго введенія земскихъ учреждений въ 33-хъ губерніяхъ былъ годомъ усмиренія польскаго возстанія. Что политическія причины должны были удержать въ то время отъ распространенія земской реформы на западныя губерніи, что въ 1865 году земскія учреждения были введены въ 33-хъ губерніяхъ, а въ западныхъ введены не были—представлялось естественнымъ. Но неужели же съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось и для дальнѣйшихъ шаговъ къ распространенію земской реформы продолжаютъ существовать въ прежней силѣ тѣ политическія препятствія, которыя представлялись убѣдительными при первомъ шагѣ этого преобразованія? Въ этомъ нельзя не усомниться, припомнивъ саміе факты 1863 года, какъ они были официально удостовѣрены въ свое время, а именно, принявъ во вниманіе, что и въ самый разгаръ мятежнаго движенія, оно въ западныхъ губерніяхъ было дѣломъ ничтожнаго меньшинства населенія. Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ; западныя губерніи выдержали новую, весьма строгую систему управленія. Если, при неограниченныхъ полномочіяхъ мѣстной администраціи, ей въ столь продолжительный періодъ не удалось бы устранить въ край элементы, угрожавшіе общественной безопасности, то было бы основаніе счесть дѣло совершенно безнадежнымъ. Къ счастью, ничего подобнаго нѣтъ, и самыя амністіи, прекращеніе дѣлъ по конфискаціямъ, даже возвращеніе въ край высланныхъ изъ него на жи-

тельство во внутреннія губерніи служили удостовѣреніемъ, что правительство давно считаетъ западный край совершенно замѣреннымъ, никакихъ опасностей общественному спокойствію тамъ не усматриваетъ. Иначе и быть не можетъ. Если бы непосредственно послѣ усмиренія ничтожныхъ вспышекъ, происшедшихъ въ западно-русскихъ губерніяхъ въ 1863 году, и уцѣлѣла тамъ еще какая-либо искра, то она давно должна была погаснуть подъ выросшими съ тѣхъ поръ слоями новыхъ, огромныхъ по своему значенію, фактовъ: измѣненія въ условіяхъ крестьянскаго надѣла въ западныхъ губерніяхъ, мѣръ къ объединенію царства польскаго съ имперією, наконецъ, политическихъ событій послѣднихъ годовъ, которыя, значительно возвысивъ международное могущество и значеніе Россіи, вызвали новое, примирительное направленіе въ умахъ, не только въ самомъ царствѣ польскомъ, но и въ средѣ, казавшейся наименѣе доступною примирительному обороту мысли—въ средѣ польской эмиграціи.

Посвящая нашу бесѣду на нынѣшній разъ вопросамъ о земствѣ, мы не могли не поставить на первомъ планѣ крупнѣйшаго факта—медленности распространенія, можно даже сказать застоя, земской реформы въ Россіи и не провѣрить главнаго объясненія, которое обыкновенно представляется по этому предмету. Мы убѣждены, что даже въ тѣхъ губерніяхъ, къ которымъ обыкновенно относятся политическія препятствія ко введенію земскихъ учрежденій, такихъ препятствій въ настоящее время въ дѣйствительности не существуетъ вовсе. Можно было бы указать на примѣръ Германіи въ ея дѣйствіяхъ относительно Эльзаса-Лотарингіи, гдѣ не ничтожная часть населенія, но вся масса населенія была положительно враждебна имперіи, и гдѣ однако же образовано было мѣстное самоуправленіе не черезъ 11, но черезъ 1 годъ послѣ присоединенія той области къ Германіи. Но пусть чужой примѣръ показался бы необѣдительнымъ,—намъ совершенно довольно своихъ поводовъ къ распространенію земскаго самоуправления на западныхъ губерніи имперіи безъ всякой дальнѣйшей отсрочки. Сущность ихъ сводится на то, что никакой мысли о „сепаратизмѣ“ въ губерніяхъ этихъ существовать нынѣ не можетъ, и что если въ нѣкоторой части ихъ населенія, то-есть въ средѣ оставшихся землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, и остается еще какое-либо чувство недовольства, то оно можетъ зависѣть уже прямо отъ того исключительнаго положенія, въ которомъ тѣ губерніи остаются, и такимъ исключительнымъ положеніемъ—среди котораго тѣ лица естественно чувствуютъ себя какъ бы изгнанниками изъ административной, судебной и общественной жизни края—подобное чувство можетъ только поддерживаться, устраняя искреннюю солидарность съ интересами всего русскаго обществен-

наго развитія, къ которому они не призваны, внѣ котораго они прямо поставлены.

Но,—могутъ сказать намъ,—если по вашему предположенію, само правительство въ настоящее время не можетъ болѣе имѣть въ виду политическихъ причинъ, которыя бы въ дѣйствительности препятствовали введенію земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ, почему же оно однако не вводитъ ихъ? Не служить ли это какъ бы удостовѣреніемъ, что политическія препятствія къ тому продолжаютъ существовать и въ настоящее время? На это можно возразить, что, по свойству дѣлъ человеческихъ, бываетъ иногда большое разстояніе между двумя моментами сознанія: тѣмъ моментомъ, въ которомъ поводы перестаютъ существовать въ дѣйствительности, а потому перестаютъ быть для насъ очевидными, и тѣмъ моментомъ, когда въ насъ образуется, наконецъ, опредѣленное сознаніе, что положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось и мы рѣшаемся положительно принять для своихъ дѣйствій новыя основанія, соотвѣтствующія новой, ясно сознанной нами дѣйствительности. Промежутокъ между этими двумя моментами и есть періодъ сомнѣнія, колебаній, недоразумѣнія. Намъ кажется, что въ такомъ именно періодѣ уже нѣсколько лѣтъ находится вопросъ объ уравниніи западно-русскихъ губерній въ правахъ съ прочими губерніями, объ окончательной отмѣнѣ того особаго рода сепаратизма, въ которомъ находится западный край, отрѣзанный нынѣ отъ Россіи уже только совершенно особою системою всей его администраціи и отношеній этой администраціи къ разнымъ слоямъ населенія.

Впрочемъ, разстояніе между двумя моментами, на которые мы только что указали, еще не заключаетъ въ себѣ всего, иногда долговременнаго періода, который проходитъ между измѣненіемъ обстоятельствъ и дѣйствительнымъ принятіемъ мѣръ, соотвѣтствующихъ такому измѣненію. Съ момента, когда уже состоялось рѣшеніе—принять новыя мѣры или издать новое положеніе, истекаетъ еще болѣе или менѣе продолжительное время до окончательной выработки проектовъ, утвержденія и затѣмъ введенія ихъ въ дѣйствіе. Періодъ этотъ, вслѣдствіе разности почина и участія многихъ вѣдомствъ въ обсужденіи, бываетъ иногда таковъ, что въ продолженіи его успѣваютъ совершиться нѣкоторыя новыя измѣненія въ положеніи дѣлъ, такъ какъ одна реформа обгоняетъ другую, и потому приходится нѣсколько разъ возвращать и передѣлывать самый проектъ, который уже былъ составленъ.

Примѣромъ естественнаго замедленія такого рода можетъ служить ходъ вопроса о земствѣ по отношенію къ другой области, въ

которому мы теперь обратимся. Мы говоримъ о предположеніи введенія земскихъ учреждений въ области войска донского. Вотъ область, которую уже ни десять, ни двадцать, ни сто лѣтъ тому назадъ нельзя было заподозрѣть въ политической неблагонадежности. Населеніе ея искони поголовно-служилое, происхожденія великорусскаго. Способность къ самоуправленію на Дону должна быть признаваема, такъ какъ самоуправленіе существовало тамъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Естественнo, что въ первоначальныхъ же предположеніяхъ о введеніи земскихъ учреждений имѣлось въ виду распространить ихъ въ возможно-скоромъ времени на донскую область. Дѣйствительно, уже черезъ мѣсяцъ послѣ утвержденія общаго земскаго положенія 1864 г. дано было войсковому начальству предписаніе разработать вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ донской области. Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, для разработки вопроса назначались на мѣстѣ одна за другою три комиссіи, смѣнилось три войсковыхъ наказныхъ атамана, и только нынѣ, уже при четвертомъ атаманѣ, вопросъ этотъ, сколько извѣстно, дозрѣлъ, наконецъ, до обсужденія въ высшемъ законодательномъ учрежденіи. Вотъ какъ продолжителенъ бываетъ иногда, даже при полномъ отсутствіи политическихъ препятствій, промежутокъ между первоначальнымъ предположеніемъ и окончательной выработкой мѣры.

Въ настоящемъ случаѣ замедленіе объясняется слѣдующимъ образомъ. Послѣ первоначальнаго предписанія, въ 1864 же году, выработка правилъ о примѣненіи земскихъ учреждений къ донской области поручена была комитету, учрежденному въ Новочеркасскѣ собственно для составленія проекта новаго войскаго положенія. Но комитетъ этотъ уже въ концѣ 1865 года былъ закрытъ, и работы его по примѣненію земскихъ учреждений остались неоконченными. Затѣмъ, въ 1866 году, уже по мѣстному почину, то-есть по утвержденному ходатайству наказнаго атамана, назначенъ былъ на Дону особый комитетъ изъ лицъ всѣхъ сословій и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ атамана, для разработки того же вопроса. Этотъ комитетъ выработалъ полный проектъ, который и былъ представленъ въ военное министерство въ 1867 году. Затѣмъ прошло три года безъ новаго шага въ этомъ вопросѣ, а въ теченіи этого времени состоялся цѣлый рядъ новыхъ законовъ относительно донскаго войска, такъ что многія основанія, вошедшія въ первый проектъ, совершенно измѣнились. Тогда новый наказный атаманъ сталъ ходатайствовать о возвращеніи проекта, для пересмотра его, что и было исполнено въ концѣ 1870 года. Затѣмъ въ 1871 году назначена была на мѣстѣ новая, третья комиссія, которая выработала правила о примѣненіи земскихъ учреждений къ области войска

донского. Проектъ этотъ поступилъ въ военное министерство въ 1872 году. Между тѣмъ, судебная реформа на Дону обогнала земскую, причемъ для мировыхъ установлений, за неимѣніемъ земскихъ учреждений, пришлось вводить временныя правила для образованія избирательныхъ собраній. Въ обсужденіи въ военномъ министерствѣ перваго проекта (1867 года), участвовали члены отъ другихъ вѣдомствъ, и препятствіемъ къ окончательному рѣшенію въ то время послужило соображеніе, что прежде вопроса о введеніи земскихъ учреждений въ области войска, долженъ бы быть рѣшенъ вопросъ объ устройствѣ въ ней городскихъ поселеній, а этотъ вопросъ не могъ быть рѣшенъ до утвержденія общаго городского положенія. Въ 1870 году издано было и общее городское положеніе. По составленіи новаго проекта, комитетомъ 1871 года, проектъ этотъ съ 1872 года по настоящее время обсуждался въ комитетѣ иррегулярныхъ войскъ, съ участіемъ членовъ отъ другихъ вѣдомствъ, разсматривался въ военномъ совѣтѣ и наконецъ, какъ мы слышали, поступилъ въ окончательномъ видѣ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Мы сдѣлали очеркъ хода этого дѣла именно съ цѣлью показать, что, и независимо отъ какихъ-либо препятствій, самая разработка вопросовъ иногда требуетъ продолжительнаго времени.

Если теперь обратимся къ соображеніямъ о необходимости земскихъ учреждений для донской области, то напомнимъ еще разъ, что правительство съ самаго начала нисколько не сомнѣвалось въ этой необходимости. Мѣстное самоуправленіе нужно Дону, какъ и другимъ областямъ имперіи. Но этого сказать мало и едвали мы не вправѣ будемъ прибавить, что донской области оно еще нужнѣе, чѣмъ другимъ, уже потому, что въ этомъ краѣ власти гражданская и военная соединены въ одномъ вѣдомствѣ. Коснуться этой стороны дѣла намъ тѣмъ болѣе необходимо, что нынѣ спрашивается: въ чьемъ вѣдѣніи должны состоять земскія учрежденія на Дону—военнаго ли министерства, какъ предполагаетъ проектъ, или министерства внутреннихъ дѣлъ, которое завѣдуетъ контролемъ земскаго управленія во всей имперіи? Этотъ вопросъ есть главный въ ряду отдѣльныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ о примѣненіи земскихъ учреждений къ донской области. Мы разсмотримъ собственно этотъ главный, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, вопросъ, вопросъ о завѣдываніи, и затѣмъ ограничимся краткимъ изложеніемъ проекта. Нить нашего разсужденія не будетъ прервана, если мы теперь же выскажемъ предпочтеніе къ поставленію донского земства въ положеніе, одинаковое со всѣмъ русскимъ земствомъ, заявимъ, что отношенія донского земства къ министерству внутреннихъ дѣлъ казались бы намъ естественнѣе. Высказываемъ эту мысль при самомъ

началѣ, потому что она находится въ связи съ самымъ убѣжденіемъ объ особенной необходимости земскаго самоуправленія для области донскаго войска. Для этого надо бросить взглядъ назадъ.

Прошло три вѣка съ тѣхъ поръ, какъ войско донское было признано грамотою Ивана Грознаго 1570 года. Что такое было это войско? Оно, какъ извѣстно, образовалось изъ выходцевъ изъ разныхъ странъ, но преимущественно изъ московскаго государства, составившихъ военную, но чисто-демократическую общину. Что въ XVI и XVII вѣкахъ донская область пользовалась самоуправленіемъ, въ которомъ все устройство, даже командованіе въ походѣ основывалось на выборномъ началѣ, а впослѣдствіи самоуправленіе утрачено, это было естественно, даже неизбежно. Въ самой московской Руси XVI вѣка оставались еще слѣды самоуправленія и земскаго устройства, во всякомъ случаѣ въ болѣе степени, чѣмъ въ Россіи конца XVIII и первой половины XIX столѣтій. Понятно, что вѣтви одной народности, соединяясь въ могущественное государство, могли охотно принести въ жертву особенности своего внутренняго устройства, свою самостоятельность и самоуправленіе. Но изъ самой этой готовности къ жертвамъ въ пользу объединенія и уравниенія съ остальными областями, съ цѣлью раздѣлять ихъ судьбу, какова бы она ни была, логически истекала бы необходимость, чтобы такое полное уравниеніе въ самомъ дѣлѣ осуществилось. Между тѣмъ, для донской области такое уравниеніе именно и не осуществилось. Утративъ, для сравненія съ ядромъ государства, часть своихъ прежнихъ правъ, она не уравнилась съ нимъ въ обязанностяхъ, и несла ихъ въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ всѣ прочія части государства до самаго послѣдняго времени, когда поголовная воинская повинность стала обязанностью всего населенія Россіи.

Здѣсь мы должны упомянуть, что въ проектѣ примѣненія земскихъ учреждений къ области донскаго войска, какъ онъ составленъ былъ въ военномъ вѣдомствѣ, предположено оставить и впредь весьма значительное различіе въ постановкѣ внутренняго управленія въ этой области: ея земскія учрежденія предположено отдѣлить въ военное вѣдомство. „Земскія учрежденія области войска донскаго“ — такъ предполагаетъ проектъ — „въ установленномъ порядкѣ подлежатъ вѣдѣнію министерства военнаго, по главному управленію иррегулярныхъ войскъ. По отношенію къ земскимъ учрежденіямъ области, военному министру принадлежать всѣ права и обязанности, предоставленныя министру внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ въ губерніяхъ“. Такое исключительное положеніе, создаваемое для одной части русскаго земства, не могло не вызвать возраженія. Такъ какъ въ комитетѣ ирре-

гуляриныхъ войскъ въ обсужденіи проекта принимали участіе представители другихъ вѣдомствъ, то естественно, возраженія были заявлены до составленія окончательнаго проекта. Но возраженія, предъявленныя противъ приведенной, существенной его статьи, не убѣдили большинство военныхъ членовъ комитета. Изложимъ вкратцѣ, какъ они извѣстны изъ слуховъ, предъявленные аргументы за и противъ сравненія земскихъ учреждений на Дону съ земствомъ въ губерніяхъ, то есть въ пользу и противъ поставленія ихъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Съ одной стороны возражалось, что земскія учрежденія въ донской области должны быть подчинены вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ уже потому, что они—земскія учрежденія, то есть по самому существу и кругу ихъ дѣятельности. Надзоръ за дѣйствіями земскихъ учреждений вообще долженъ быть сосредоточенъ въ одномъ вѣдомствѣ, иначе разрѣшеніе возникающихъ затрудненій не можетъ быть направляемо въ томъ однообразномъ смыслѣ, въ какомъ должны направляться всѣ однородныя дѣла. Разрѣшеніе затрудненій по введенію въ дѣйствіе какого-либо учрежденія можетъ происходить скорѣе и удобнѣе дѣйствіемъ того вѣдомства, которое, имѣя уже передъ глазами опытъ прежнихъ лѣтъ, приобрѣло въ томъ навыкъ. Правда, отсутствіе разнообразнаго рѣшенія однородныхъ вопросовъ могло бы устраняться сношеніями между двумя вѣдомствами; но, во-первыхъ, на эти сношенія тратится время, а во-вторыхъ, при нѣкоторомъ желаніи, ихъ иногда можно и обойти, при несогласіи же двухъ вѣдомствъ, приходилось бы доводить подобныя дѣла до высшихъ установленій. Военное вѣдомство—возражали еще—должно вѣдать только военную часть, по самому своему назначенію, ни сколько не касаясь прочихъ частей государственнаго управленія; и если до сихъ поръ управленіе донской областью и было, вслѣдствіе особыхъ причинъ, подчинено военному министерству, то положеніе ея въ настоящее время уже не представляетъ тѣхъ особенностей, которыя вызывали бы необходимость дальнѣйшаго выдѣленія ея изъ общей системы управленія. Нѣкоторыя дѣла, подлежащія земству, по самому роду своему должны быть утверждаемы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ, напр., постановленія земства о взиманіи сборовъ съ проѣзжающихъ по земскимъ дорогамъ и мостамъ, постановленія объ открытіи и перенесеніи ярмарокъ. Наконецъ, приводилось еще, что административное подчиненіе области военному министерству само по себѣ не можетъ служить препятствіемъ подчиненію земства общему завѣдыванію, т.-е. вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ судебная часть въ донской области подчинена же мини-

стерству юстиціи, а часть почтовая — министерству внутренних дѣлъ.

Приведенныя возраженія нельзя не признать вѣскими. Но большинство членовъ комитета нашли болѣе убѣдительными другіе аргументы, которыми доказывалась потребность поставить въ донской области и самое земство подѣ вѣдѣніе министерства военнаго. Главнымъ изъ этихъ аргументовъ былъ тотъ, что административное подчиненіе области войска донского военному министерству „имѣетъ за собой вѣковой опытъ“. Оно освоило это министерство съ гражданскимъ бытомъ и хозяйствомъ донскихъ козаковъ настолько, что едва ли какое-либо другое вѣдомство, „не имѣющее за собой предыдущей вѣковой практики, обширныхъ архивовъ и спеціальнаго по козачьимъ дѣламъ учрежденія“, въ состояніи будетъ правильнѣе руководить земскими дѣлами въ донской области, чѣмъ именно военное министерство. Затѣмъ другой главный аргументъ указывался въ томъ соображеніи, что на населеніи донского края лежитъ особая, весьма важная въ государственномъ отношеніи, повинность воинская, „исправное отбываніе которой тѣсно связано съ хозяйственнымъ и экономическимъ состояніемъ края, такъ какъ козаки отбываютъ эту повинность при собственномъ обмундированіи, вооруженіи и на своихъ строевыхъ лошадяхъ“. Вотъ два важнѣйшіе изъ представленныхъ съ другой, военной стороны, аргументовъ, важнѣйшіе именно потому, что они—аргументы спеціальныя, основанные на отношеніяхъ военнаго министерства къ донскому козачьему войску. Прочія доказательства, приведенныя въ пользу подчиненія земскихъ учреждений на Дону—военному министерству, насколько мы имѣли случай съ ними ознакомиться, не имѣли особаго значенія и могутъ быть оставлены въ сторонѣ. Они или заключаютъ въ себѣ соображенія слишкомъ общаго свойства, какъ, напр., что благосостояніе края имѣетъ вліяніе на отправленіе въ немъ воинской повинности, или составляютъ только „возраженія противъ возраженій“, въ родѣ того, напримѣръ, что сношенія между двумя вѣдомствами все равно окажутся необходимы, которому бы изъ нихъ ни были подчинены земскія учрежденія на Дону, такъ какъ министерство внутренних дѣлъ, по особенностямъ мѣстнаго быта, будетъ вынуждено къ сношеніямъ съ военнымъ министерствомъ, а безъ нихъ встрѣчалось бы съ безпрерывными недоразумѣніями и колебаніями. Но два важнѣйшіе, именно спеціальныя аргумента, приведенные нами выше, заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ: „вѣковой опытъ“ и существованіе „отдѣльнаго учрежденія по козачьимъ дѣламъ“, а затѣмъ—несеніе донскими козаками службы съ собственными вещами, оружіемъ и лошадьми.

Положимъ, само военное министерство не можетъ въ строгомъ смыслѣ сослаться на „вѣковой опытъ“ управленія донской областью, такъ какъ военное министерство учреждено въ текущемъ столѣтіи, а донское войско признано въ его устройствѣ три столѣтія тому назадъ. Но что донская область всегда находилась въ исключительномъ положеніи, въ полномъ административномъ подчиненіи военному вѣдомству—совершенно справедливо и это составляетъ коренной фактъ всего вопроса. Спрашивается только, въ какую сторону говорятъ послѣдствія, изъ этого факта происшедшія для донской области, когда рѣчь идетъ о томъ, что можетъ лучше обезпечить ея благосостояніе—сравненіе съ губерніями или продолженіе исключительнаго порядка въ отношеніи административномъ? Здѣсь мы возвращаемся къ исторической сторонѣ вопроса. Выше уже было сказано, что пожертвованіе самоуправленіемъ, основаннымъ на выборныхъ началахъ, со стороны донского населенія было естественно, такъ какъ пожертвованіе это потребовалось для уравнинія области съ московскимъ ядромъ государства. Но соотвѣтственно тому требовалось бы и уравниеніе въ повинностяхъ. Между тѣмъ, такого уравниенія не послѣдовало. Имѣя въ населеніи Дона готовую военную армію, государство оставило въ этой области поголовную воинскую повинность и постепенно стало болѣе и болѣе употреблять козаковъ на службу внѣшнюю. Еще при Петрѣ I-мъ число козаковъ разныхъ войскъ, находившихся при арміи въ разныхъ походахъ, возрасло съ 5 до 15 т. чел.; въ 1812 же году, козачье ополченіе составляло болѣе 100 т. чел. Въ настоящее время изъ всего числа 66 собственно донскихъ полковъ два гвардейскіе состоятъ постоянно на службѣ въ одной третей части состава, а изъ остальныхъ находятся на службѣ постоянно 16 полковъ. Возраставшая тягость военной повинности сопровождалась постепенной отиѣною выборнаго самоуправленія. То и другое, повторимъ еще разъ, было естественнымъ послѣдствіемъ включенія донской области въ обширное государство. Но гораздо менѣе естественнымъ представляется тотъ фактъ, что донское войско, жертвуя выборнымъ самоуправленіемъ для объединенія съ прочими частями государства, не прибрѣтало однакоже дѣйствительнаго уравниенія въ тѣхъ условіяхъ, которыя могли бы быть выгодны, что, теряя свои особые преимущества, оно не прибрѣтало общихъ, равныхъ правъ. А это было прямымъ послѣдствіемъ того, что донская область была поставлена въ исключительное завідываніе военнаго управленія. На нее не были распространены ни общіе законы о воинской повинности, ни всѣ общія гражданскія учрежденія, а въ той мѣрѣ, въ какой гражданскія учрежденія въ ней и были созданы, учрежденія эти были

все-таки поставлены вѣдѣ общаго круга ихъ въ имперіи, были подчинены атаману и чрезъ него центральному военному управленію. Пока мѣстные должности были выборныя, соединеніе въ рукахъ выборныхъ лицъ властей военной и гражданской только соответствовало особому характеру войскового быта и не представляло неудобствъ, такъ какъ войсковое управленіе имѣло характеръ земскаго военнаго управленія; оно представляло самоуправленіе военнаго населенія. Но по мѣрѣ того, какъ должности, начиная отъ войскового атамана и до низшихъ его подчиненныхъ, превращались изъ выборныхъ въ бюрократическія, донское самоуправленіе получало совсѣмъ иной смыслъ. Тогда соединеніе въ тѣхъ же рукахъ всѣхъ отраслей мѣстной власти установило на Донѣ такое полновластіе мѣстной администраціи, какого съ начала нынѣшняго столѣтія уже не было въ остальныхъ частяхъ Россіи. Это самоуправленіе особаго рода, то-есть полновластіе мѣстнаго начальства, не могло быть гарантіею для интересовъ большинства населенія, совсѣмъ напротивъ: оно только подчинило массу населенія полному преобладанію офицерскаго, начальствующаго наслѣдственнаго класса, устранивъ станицы отъ всякаго вліянія на дѣла. А между тѣмъ, эта система управленія давала мѣстной власти самостоятельность только по отношенію къ мѣстному населенію, къ станицамъ, но никакъ не по отношенію къ центральной военной администраціи. Напротивъ, въ рукахъ центральной военной администраціи, мѣстная власть служила совершенно пассивнымъ орудіемъ во всѣхъ случаяхъ, когда военное вѣдомство проявляло свою волю. Зато и военное вѣдомство, съ своей стороны, оставляло мѣстный наслѣдственный офицерскій классъ свободнымъ въ его видахъ и дѣйствіяхъ по отношенію къ интересамъ массы населенія.

Фактическая картина того, что отсюда произошло и не могло не произойти, подтвердить очеркъ, который мы теперь сдѣлали въ общихъ выраженіяхъ, и уже не будетъ нуждаться въ особыхъ разъясненіяхъ. Въ донской козацкой военной общинѣ, которой всѣ члены были равны и выдвигались изъ рядовъ только избраніемъ и личными заслугами, ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1775 году, начальники и офицеры были переименованы въ общіе военные чины; результатомъ этого было, что они всѣ вдругъ превратились въ потомственныхъ дворянъ. Однимъ этимъ приказомъ измѣнены были всѣ внутреннія отношенія въ донскомъ населеніи на будущее время. Потемкинъ, который въ томъ же 1775 году уничтожилъ Запорожье, очень хорошо понималъ, какую легкую мѣрой можно было совершенно измѣнить прежнее устройство и прежній характеръ общины донской. Распоряженіе о переименованіи донскихъ офицеровъ въ русскіе чины

послѣдовало по его докладу. Въ прежнія времена только нѣкоторые донцы получали дворянство и всегда за особыя личныя заслуги. Войсковыя же должности не давали дворянства, да и не могли давать его потому уже, что были выборныя. Но Потемкинъ перешагнулъ чрезъ это юридическое затрудненіе. Люди, бывшіе въ должностяхъ командировъ въ данное время, по выборамъ, вдругъ были превращены въ потомственныхъ дворянъ и на Дону былъ созданъ однимъ этимъ распоряженіемъ потомственный офицерскій классъ. Понятно, что мѣстные интересы такимъ образомъ разъединились. Земля въ области была собственностью общественною: войсковою и станичною. Изъ нея выборные командиры получали опредѣленные дачи, по должностямъ, въ пользованіе, но дачи эти оставались собственностью войсковою. Созданіе наследственнаго дворянскаго класса не могло не имѣть послѣдствіемъ задержаніе и присвоеніе себѣ этимъ классомъ войсковыхъ земель. Получивъ дворянство, командиры и ихъ потомки приобрѣли право владѣть крѣпостными и стали заселять войсковыя земли, бывшія въ ихъ пользованіи—крѣпостными, которыхъ покупали на высылку въ имперію и приобрѣтали, сверхъ того, въ бѣглыхъ, селившихся на тѣхъ же земляхъ. Вслѣдствіе того, къ двумъ классамъ, на которые уже распалось населеніе Дона—дворянству и козачеству—постепенно присоединился новый третій классъ—крестьянство крѣпостное; на Дону образовалось крѣпостное право. Задержаніе войсковыхъ земель офицерскимъ или дворянскимъ классомъ все болѣе расширялось и мало-по-малу обращалось въ фактъ, освященный давностью, а задержанныя войсковыя земли превращались въ земли вотчинныя.

Постепенная отміна выборовъ на должности командировъ, которые были вмѣстѣ гражданскими начальниками, производила то послѣдствіе, что войско и станицы, становясь безгласными, не имѣли возможности охранять земельной собственности войска и станицъ. Фактъ удержанія части войсковыхъ земель донскимъ дворянствомъ былъ, наконецъ, признанъ юридически. Отношенія центральнаго военнаго управленія къ внутреннему устройству и мѣстному управленію земли войска донскаго, какъ отношенія эти существовали до реформъ настоящаго царствованія, установились главнымъ образомъ по мысли и подъ непосредственнымъ руководствомъ Чернышева, который, въ концѣ царствованія императора Александра I, имѣлъ случай близко ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Дону, а потомъ, бывъ долгое время военнымъ министромъ, юридически утвердилъ то, что Потемкинымъ было вызвано къ жизни. Въ 1835 году послѣдовало повелѣніе о надѣлѣ крестьянъ донскихъ помѣщиковъ землями по 15 десятинъ на душу и земля эта признана была потомственною собственностью помѣщиковъ, съ обязанностью платить въ вой-

сковую казну 1 1/2 коп. съ десятины въ годъ. Впослѣдствіи срочные участки, вновь назначавшіеся козацкимъ офицерамъ по чинамъ, были обращены въ потомственное владѣніе. Такимъ образомъ произошло, что въ настоящее время во владѣніи станицъ состоитъ менѣе 8 милліоновъ десятины удобной земли, а болѣе 3 милліоновъ десятины удобной земли находятся въ частномъ владѣніи и пользованіи, въ томъ числѣ до 400 т. десятины у крестьянъ-собственниковъ и временно обязанныхъ, а затѣмъ войсковой земли осталось всего до 1 1/2 милл. десятины.

Мѣстное управленіе, поступившее въ руки наслѣдственного класса, какъ уже сказано, было полноправно, но полноправно только въ отношеніи къ остальному населенію, которое было лишено всякаго голоса въ войсковыхъ дѣлахъ, такъ какъ выборный принципъ удержался только въ станицѣ. По отношенію къ центральному военному управленію мѣстная власть никакой самостоятельности въ дѣйствительности имѣть не могла; но и самая тѣнь такой самостоятельности была устранена, когда въ главные начальники области стали назначать наказного атамана, а не войскового, и притомъ въ наказные атаманы всегда назначалось лицо некозацкаго происхожденія. Естественно, впрочемъ, что наказный атаманъ, хотя самъ не былъ природнымъ козакомъ, поставленный въ среду исключительно козацкаго дворянства, которое занимало всѣ должности, по военному и гражданскому управленію, становился самъ главою этого класса. Чтобы разъяснить характеръ такого особаго рода „самоуправленія“, какое существовало на Дону послѣ отмѣны самоуправленія выборнаго, представимъ себѣ, что, напр., въ новгородской губерніи всѣ государственныя и общественныя должности заняты исключительно новгородскими дворянами и не могутъ быть заняты никѣмъ инымъ: военное и гражданское управленіе, финансовая и судебная части находились бы исключительно въ рукахъ природныхъ новгородскихъ дворянъ и сельское управленіе было бы подчинено надзору учреждений, составленныхъ исключительно изъ членовъ мѣстнаго землевладѣльческаго класса. Но и это сравненіе еще недостаточно, такъ какъ и при подобныхъ условіяхъ новгородская губернія все-таки входила бы въ общій составъ гражданскаго управленія имперіи, подлежала бы непосредственному надзору разныхъ министерствъ. Въ донской области всѣ сношенія съ высшими властями имперіи велись не иначе какъ чрезъ наказного атамана, который въ свою очередь дѣйствовалъ только донесеніями военному министру. Между тѣмъ военное министерство, имѣя совершенно иное назначеніе, занятое исключительно военными дѣлами, не имѣвшее и людей, специально ознакомленныхъ съ поземельными дѣлами и разными юридическими вопросами, которые ему при-

ходилось разрѣшать въ высшей инстанціи по донской области, по необходимости должно было полагаться во всемъ если не на войсковое начальство, то на тѣхъ же донскихъ дворянъ, которые служили при департаментѣ военныхъ поселеній, а затѣмъ при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ. Вотъ почему, не было въ Россіи ни одного губернаторства или генераль-губернаторства, въ которомъ мѣстная власть могла бы быть на дѣлѣ такъ безконтрольна, какъ въ области войска донского, и въ самомъ центральномъ управленіи ни одинъ департаментъ въ рѣшеніи бытовыхъ и имущественныхъ вопросовъ не имѣлъ въ дѣйствительности такой полноправности, какъ департаментъ военныхъ поселеній или образованное изъ него вѣдомствіе управленія иррегулярныхъ войскъ. Вопросы объ отводѣ срочныхъ участковъ, о надѣлѣ землею по числу душъ крестьянъ, правда рѣшались военнымъ совѣтомъ, но мы не отступимъ отъ правды, сказавъ, что это была простая формальность, такъ какъ, по сложности и особенностямъ подобныхъ вопросовъ, военный совѣтъ не могъ не утверждать заключенія начальника отдѣленія департамента, принятаго начальникомъ департамента.

Итакъ, вотъ каковы были для области послѣдствія „вѣдоваго опыта“, на который нынѣ ссылаются въ пользу поставленія самого земства на Дону въ исключительныя условія — въ вѣдѣніе военного вѣдомства. Именно вслѣдствіе существованія такого исключительнаго положенія, подчиненія всего управленія въ донской области военному вѣдомству, произошло искусственное созданіе крупныхъ землевладѣльцевъ, утвержденіе крѣпостного права, уменьшеніе войсковой земли, отдача всей мѣстной власти въ руки природнаго землевладѣльческаго класса, полная безгласность станицъ, относительная безконтрольность такого сословнаго управленія даже со стороны центральныхъ властей, наконецъ, нѣчто въ родѣ безвыходности положенія для всякаго мѣстнаго уроженца, который заслужилъ бы немилость мѣстнаго начальства. Козакъ, родившійся козакомъ, долженъ былъ всю жизнь оставаться козакомъ; козаки обязаны были поголовною службой, и имъ не было выхода изъ козачества. Правда, за то и мѣстными начальниками ихъ (кромя наказнаго атамана) могли быть только природные козаки; но для человѣка, случайно попавшаго въ немилость у мѣстнаго начальства, указанное условіе нисколько утѣшительно не было; онъ могъ знать напередъ, что изъ 10-ти въ 9-ти случаяхъ, если не болѣе, мнѣніе и рѣшеніе мѣстнаго начальства, имѣвшаго сословный характеръ, будетъ подтверждено и самими высшими инстанціями въ Петербургѣ.

Мы сочли умѣстною полную откровенность при этомъ историческомъ обзорѣ. По счастью, относительно донской области еще ни-

когда не возникало и заподозриванія въ стремленіяхъ къ „сепаратизму“. Даже изъ известной московской фабрики сепаратизмовъ никогда еще не выходило такого издѣлія, которое называлось бы сепаратизмомъ донскимъ. Великокорусское происхожденіе донскаго населенія, вѣрная его служба государству устранили всякую мысль о какихъ-либо сожале́ніяхъ о томъ, что исчезло, что наконецъ давно забыто. Смѣшно было бы думать, что говорить о прежнихъ правахъ Новгорода неумѣстно, потому что этимъ возбуждалось бы какое-либо сожалѣніе въ нынѣшнемъ населеніи Новгорода. Мы говоримъ только о томъ, что Новгородъ былъ уравненъ въ правахъ со всѣми губерніями, а Донъ уравненъ не былъ. Мы выставлемъ всѣ невыгоды, происшедшія отъ исключительнаго подчиненія Дона военному вѣдомству, прямо съ той цѣлью, чтобы доказать неудобства подчиненія ему же самого земства на Дону. Если земскія учрежденія Дону необходимы, чѣмъ какой-либо изъ мѣстностей Россіи, то это именно потому, что Донъ слишкомъ долго стоялъ въ исключительныхъ условіяхъ подчиненія военному вѣдомству, что при этихъ условіяхъ голосъ станицъ, то-есть массы населенія, давно замолъкъ, а мѣстное управленіе стало вмѣстѣ и сословнымъ и неудобо-контролируемымъ со стороны высшихъ властей. Вотъ почему Дону особенно необходимо земство: оно возвратитъ станицамъ голосъ въ областныхъ дѣлахъ, вліяніе на ихъ ходъ, оно уменьшитъ сословный характеръ мѣстнаго управленія, наконецъ оно приведетъ къ нѣкоторому косвенному, но весьма полезному именно въ данномъ случаѣ, вліянію на бытовые дѣла области — другое вѣдомство, министерство внутреннихъ дѣлъ, подобно тому, какъ судебная реформа увеличила въ области прямое вліяніе министерства юстиціи. А составители проекта полагали самое земство въ донской области подчинить военному министерству! Но вѣдь это лишило бы земскую реформу въ области важной доли того особаго значенія, какое она должна получить тамъ по обстоятельствамъ. Нельзя еще не замѣтить, что такъ какъ козакъ и впредь будутъ отправлять воинскую повинность на особыхъ основаніяхъ, такъ какъ и впредь населеніе останется прежде всего донскимъ войскомъ, то уже изъ самаго этого факта будетъ истекать нѣкоторая служебная зависимость всѣхъ жителей области отъ военнаго министерства и спеціально отъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ. Уже одного этого соображенія, казалось бы, достаточно, чтобы не подчинять тому же министерству донскаго земства, чины котораго всѣ люди служилые, или служившіе. Едва ли можно сомнѣваться, что въ отношеніяхъ своихъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ донское земство могло бы быть болѣе самостоятельно, чѣмъ сколько оно можетъ быть въ отношеніяхъ къ управленію иррегулярныхъ войскъ, которое распределяетъ козакъ

на службѣ, представляетъ ихъ къ занятію военныхъ должностей и полученію военныхъ чиновъ. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, однажды допустивъ подобное исключеніе изъ общей подвѣдомственности для земства донской области, законодательство установило бы прецедентъ, который не могъ бы не имѣть послѣдствій. Со временемъ, при учрежденіи земства туркестанскаго, въ которомъ по необходимости преобладалъ бы также служилый элементъ, оказалось бы сообразнымъ съ бывшимъ примѣромъ подчинить и это земство военному министерству. Затѣмъ, земство въ приморской области восточной Сибири пришлось бы подчинить министерству морскому. Разъ допущенный принципъ дробленія земства по вѣдомствамъ могъ бы повести къ такому дробленію даже и въ великорусскихъ губерніяхъ. Такъ, земство сѣверныхъ губерній можно было бы подчинить морскому министерству по нѣкоторымъ изъ тѣхъ соображеній, которыми поддерживается нынѣ военная подчиненность земства донскаго, а именно: особенностями воинской повинности и сравнительно болѣе широкимъ ознакомленіемъ какого-либо вѣдомства съ мѣстнымъ бытомъ; вѣдь сѣверныя губерніи должны служить преимущественно для укомплектованія флота и морское вѣдомство въ дѣйствительности можетъ быть лучше знакомо съ особенностями быта сѣверныхъ мореходовъ и рыболововъ, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Изъ предшествующаго очерка ясно, почему именно въ донской области введеніе земства можетъ вызвать новую эру экономического быта: слишкомъ долго край находился подъ управленіемъ одного мѣстнаго класса, наполнявшаго всѣ мѣстныя учрежденія и стоявшаго, благодаря исключительному положенію войска, между самымъ центральнымъ управленіемъ и массою донскаго населенія; слишкомъ долго молчали станицы, лишенныя всякаго участія въ рѣшеніи экономическихъ областныхъ вопросовъ. Одно земство пробудить ихъ къ жизни и отмѣнить мѣстное полновластіе сословнаго элемента. Но именно для того, чтобы земство могло произвести ту перемѣну, для которой оно главнымъ образомъ нужно Дону, необходимо прежде всего не ставить его самого въ то исключительное положеніе, въ которомъ область оставалась вѣка.

Укажемъ на нѣкоторые другія особенности въ проектѣ о примѣненіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ къ донской области. Обязанности, возложенныя по отношенію къ земству въ губерніяхъ на губернаторовъ, въ донской области предполагается возложить на наказнаго атамана; губернскому и уѣзднымъ собраніямъ будутъ соответствовать областное и окружныя собранія. По существовавшему доселѣ порядку, земскія повинности въ донской области отправлялись на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ губерніяхъ, а именно, въ дон-

ской области всѣ повинности, не исключая и тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ разряду государственныхъ, выполнялись въ предѣлахъ области мѣстными средствами и дѣлились только на общія для всѣхъ сословій и частныя; самый денежный сборъ на общія повинности взымался не съ однихъ податныхъ сословій и не съ ревизскихъ душъ, какъ въ имперіи, но разлагался на земли, принадлежащія всѣмъ сословіямъ и на торговые свидѣтельства. Вотъ почему и въ нынѣшнемъ проектѣ не признано удобнымъ вводить дѣленія общихъ повинностей на два разряда—государственныхъ и мѣстныхъ земскихъ и исключать первыя изъ вѣдѣнія земства. Въ проектѣ предположено, что земскія учрежденія въ области будутъ завѣдывать и тѣми денежными сборами, которые соотвѣтствуютъ разряду государственныхъ денежных сборовъ въ губерніяхъ. Весьма важны нѣкоторыя особыя условія организаціи избирательныхъ сѣздовъ. Въ губерніяхъ, какъ извѣстно, въ сѣздѣ землевладѣльцевъ имѣютъ право голоса лица, владѣющія недвижимою собственностью отъ 200 до 800 сотъ десятинъ земли, въ разныхъ мѣстностяхъ, смотря по цѣнности земли; въ донскомъ земствѣ участіе въ окружномъ избирательномъ сѣздѣ землевладѣльцевъ предположено предоставить лицамъ, владѣющимъ землею въ размѣрѣ не менѣе 200 десятинъ. Въ губерніяхъ, кромѣ сѣздовъ землевладѣльцевъ, имѣются только сѣзды городскіе и сельскіе; на Дону предполагается, кромѣ землевладѣльческихъ сѣздовъ, слѣдующіе: отъ торговаго сословія, отъ станичныхъ обществъ и отъ сельскихъ (т.-е. крестьянскихъ) обществъ. Причины такого отступленія слѣдующія: въ донской области нѣтъ городскихъ поселеній въ томъ видѣ и съ тѣми учрежденіями, какъ они существуютъ въ губерніяхъ; поэтому торговое сословіе призывается къ участію въ земскихъ выборахъ отдѣльно. Станицы и крестьянскія общества разнятся между собою по общественному устройству и по праву владѣнія своими землями, а потому станицамъ дается и представительство въ земствѣ отдѣльное отъ крестьянъ. Станицамъ предоставляется избирать гласныхъ въ окружное собраніе отъ каждой станицы по одному, а въ нѣкоторыхъ станицахъ—по два, въ томъ вниманіи, что такъ какъ станицамъ принадлежитъ болѣе половины всѣхъ удобныхъ земель въ области, то на станицахъ и будетъ лежать главнымъ образомъ уплата земскихъ сборовъ.

Не касаясь тѣхъ отступленій отъ общаго устройства земскихъ учреждений, которыя на Дону въ самомъ дѣлѣ вызываются мѣстными особенностями, мы остановили наше вниманіе на томъ существенномъ отступленіи, которое проектъ, какъ говорятъ, предполагаетъ въ подчиненности всего донскаго земства, и постарались разъяснить,

что поставленіе донскаго земства въ подвѣдомственность военному министерству кажется противорѣчащимъ главной пользѣ, какой можно бы ожидать отъ введенія на Дону земства, и быть можетъ послужило бы къ нѣкоторому его стѣсненію.

Все, что могло бы вести, хотя косвенно, къ какому-либо новому еще ограниченію самостоятельности земства, безъ сомнѣнія, и вездѣ противорѣчило бы главной пользѣ, какой можно ожидать отъ земства въ настоящее время. Главная польза, имѣ приписывая, заключается не столько въ его дѣятельности, сколько въ возможно-пестѣйшенномъ его существованіи. Земство, особенно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, сдѣлало, по мѣрѣ своихъ средствъ, очень много въ теченіи десятилѣтій. Но такъ какъ болѣшая половина его средствъ поглощается расходами обязательными и затѣмъ въ его распоряженіи остается всего десятокъ милліоновъ на удовлетвореніе потребностей 354 уѣздовъ въ народномъ образованіи, леченіи, призрѣніи и продовольствіи, то неудивительно, что главное значеніе земскихъ учрежденій доселѣ заключается все-таки въ томъ, что мѣстныя общества имѣютъ въ немъ голосъ для заявленія и обсужденія своихъ нуждъ и охраненія своихъ интересовъ,—корень, изъ котораго со временемъ должны произрасти и достаточныя средства для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, сѣтъ постоянныхъ общественныхъ коммиссій, которыя изучаютъ нужды и средства Россіи, наконецъ, школа, въ которой готовятся общественные дѣятели, а постепенно и самая программа практической дѣятельности. Сколько бы ни было осуществлено доселѣ земствомъ непосредственныхъ успѣховъ, главная польза его все-таки въ томъ, что въ губерніяхъ есть довѣренный общественный органъ, принадлежащій всѣмъ сословіямъ. Пусть бы земство само создало гораздо меньше того, что имѣ сдѣлано, и все-таки самое существованіе его имѣло бы большое значеніе, даже не для будущности только, но и для настоящаго времени: многія злоупотребленія устранены самымъ фактомъ его существованія и пустое нѣкогда пространство, отдѣлявшее администрацію отъ массы отдѣльныхъ личныхъ единицъ народа, пространство, которое не передавало звука, наполнилось живою средой. Пусть изъ этой среды исходили бы даже только одни „слова“, какъ на то жалуются иногда торопливые прогрессисты. Но давно ли, спросимъ мы ихъ, общественное слово въ Россіи сдѣлалось уже излишней роскошью, на которую приходилось бы жаловаться? Развѣ фактъ общественнаго безмолвія не выставляется тѣми же прогрессистами, какъ коренная причина застоя всегда, когда они бросаютъ взглядъ лѣтъ за двадцать назадъ.

Сами представители земства иногда строго относятся къ своимъ

усиліямъ, удивляются, какъ мало то, что земству удалось сдѣлать въ теченіи истекшаго десятилѣтія, въ сравненіи съ тѣмъ, что остается сдѣлать, въ сравненіи съ массою потребностей неудовлетворенныхъ или плохо удовлетворенныхъ. Если такое настроеніе является побужденіемъ къ энергической работѣ въ службѣ обществу, то, разумѣется, оно можетъ быть полезно; но было бы вполнѣ нераціонально впадать въ подобное настроеніе въ смыслѣ унынія и мысли о безсиліи земства. Въ крайнемъ случаѣ, повторяемъ, уже одно существованіе земства плодотворно, самый этотъ минимумъ приносимой имъ пользы во всякомъ случаѣ имѣетъ важное значеніе. Укажемъ въ видѣ примѣровъ на заявленія земства по вопросу о прямыхъ податяхъ, на поддержаніе земствомъ мысли о необходимости для Россіи учительскихъ семинарій и реальныхъ училищъ. Само земство основывало тѣ и другія заведенія, но не подлежитъ сомнѣнію, что заявленіе и ходатайство земства весьма много содѣйствовали къ тому, чтобы разъяснить самому высшему управленію дѣйствительную необходимость учрежденія тѣхъ и другихъ училищъ, что голосъ земства не остался безъ вліянія на то, что самимъ правительствомъ сдѣлано и дѣлается въ настоящее время для учрежденія ихъ. Эта мысль должна быть нравственной поддержкой добросовѣстнымъ людямъ въ земствѣ, когда имъ случается приходить въ нѣкоторое уныніе въ виду промадности задачи и недостатка наличныхъ средствъ у земства для полного удовлетворенія и десятой части очевидныхъ потребностей народа въ школахъ, медицинской помощи, призрѣніи и какомъ-нибудь содѣйствіи къ улучшенію земледѣлія или промысловъ. Земское строительство есть дѣло долговременной формаціи. Что поде, отведенное подъ лѣсъ, пока покрыто еще только кустарникомъ, это не должно лишать насъ надежды. Главное все-таки въ томъ, чтобы былъ кустарникъ и въ томъ, конечно, чтобы онъ могъ расти свободно.

При оцѣнкѣ непосредственныхъ, осязательныхъ результатовъ работъ земства, не надо никогда упускать изъ виду, что оно съ самаго начала находилось, а отчасти находится и доселѣ, въ положеніи такого благотворительнаго комитета, который имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи тысячу рублей для оказанія помощи отъ голода цѣлому уѣзду. Юнѣйшее изъ губернскихъ земствъ начало свою дѣятельность весною нынѣшняго года; это—земство уфимской губерніи. Посмотримъ, какова задача, выпадающая на его долю, хоть по нѣкоторымъ отраслямъ земскаго дѣла. На полтора милліона населенія имѣется на лицо штатныхъ медиковъ—14, то-есть по одному врачу на 100 тысячъ душъ! Народныхъ школъ, по удостовѣренію губернатора, теперь меньше, чѣмъ было до 1861 года. Общественное призрѣніе „обезпечивается“ процентами съ капитала въ 400 т. р., но

нѣкоторыя больницы тѣмъ не менѣе находятся въ неудовлетворительномъ состояніи. Недостатокъ учителей, акушеровъ, фельдшеровъ — обстоятельство, которое и въ „земскихъ“ губерніяхъ далеко еще не устранено, здѣсь является особенно опутительнымъ. Натуральныя повинности неуравнительно обременяютъ населеніе и т. д. Вотъ какое поле открывается для работы уфимскаго земства. Оно начинаетъ свою дѣятельность, имѣя передъ собою 10-ти-лѣтній земскій опытъ другихъ губерній и можетъ избѣгнуть недоразумѣній и колебаній по многимъ вопросамъ, которые уже получили разъясненіе въ другихъ мѣстахъ, можетъ избѣгнуть нѣкоторой потери времени. Но можно ли будетъ удивляться, въ виду обширности задачи, если и по прошествіи 10-ти лѣтъ, уфимскіе земскіе дѣятели сознаютъ, что они успѣли сдѣлать мало для замѣтнаго улучшенія быта 1½ милліоннаго населенія.

Передъ нами лежитъ обзоръ земской дѣятельности рязанской губерніи за девятилѣтіе, съ 1866 по 1875 годъ, составленный новой губернской управой. Вотъ какъ обрисовывается она положеніе земскаго дѣла по прошествіи девятилѣтія земской работы: „Для внутренняго сообщенія намъ достаются плохія дороги съ плохими на половину мостами и съ гатами не всегда и не вездѣ проѣздными; для обезпеченія продовольствія — истощенныя поля и пустыя запасныя магазины; для охраненія здоровья — чистый воздухъ и то, для болѣе части населенія — вѣтъ дома, а для заболѣвающихъ три сельскихъ и двѣнадцать городскихъ больницъ, изъ которыхъ при трехъ по одному только врачу одновременно на больницу и на весь уѣздъ; для призрѣнія неимущихъ — двѣ богадѣльни на 60 мужчинъ и 50 женщинъ, на всю губернію; для обезпеченія отъ пожаровъ — застроенныя проулки въ селеніяхъ и соломенные крыши на деревянныхъ постройкахъ; и для приведенія всего этого въ порядокъ — огромныя недомки въ земскихъ сборахъ, и менѣе 400 начальныхъ школъ на полутора-милліонное населеніе“. Въ характеристикѣ этой преобладаетъ горькая иронія; однако въ вѣрности картины мы тѣмъ менѣе можемъ усомниться, что она годится не для одной рязанской губерніи, но и для большинства нашихъ губерній. Во всякомъ случаѣ и въ тѣхъ „земскихъ“ губерніяхъ, которыя богаче рязанской, каковы, напримѣръ, московская или вятская, положеніе дѣла ближе къ представленной сейчасъ картинѣ, чѣмъ къ какому-нибудь, хотя бы скромному идеалу оконченаго благоустройства. Причины такого несоотвѣтствія успѣховъ потребностямъ очевидны. „Подождемъ обвинять земскихъ дѣятелей перваго девятилѣтія“, говоритъ обзоръ рязанской управы: „они видѣли все это и не могли обратитъ вниманія на такое ненормальное состояніе почти всѣхъ

отраслей земскаго хозяйства; но, съ другой стороны, они не могли не придти къ убѣжденію, что скоро помочь горю нельзя, что на это нѣтъ средствъ, что новые источники земскаго дохода еще неизслѣдованы, а старые почти иссякли" и т. д. Показывая, какъ много остается сдѣлать, новая рязанская управа имѣла цѣлью, повидимому, очистить себя отъ нареканія въ будущемъ: „вступая въ права наслѣдства, будемъ осторожны: примемъ его по описи, такъ какъ рано или поздно намъ самимъ придется отсчитываться передъ тѣми, кто намъ наслѣдуетъ". Но изъ самыхъ данныхъ обзора оказывается въ дѣйствительности, что, въ сравненіи съ имѣвшимися средствами, рязанское земство и за истекшее девятилѣтіе осуществило вовсе не такъ мало даже и осизательныхъ, матеріальныхъ успѣховъ: начать съ того, что оно успѣло переложить большую часть натуральныхъ повинностей на общій денежный сборъ, что уже само по себѣ представляетъ трудное и весьма полезное дѣло. Взглянувъ на таблицу смѣтныхъ назначеній по земскимъ учрежденіямъ рязанской губерніи, мы видимъ, что сумма ихъ за девятилѣтіе составила не много болѣе 5 милліоновъ рублей. Изъ этого итога большая половина пошла, конечно, на покрытіе расходовъ обязательныхъ; такъ, содержаніе мировыхъ установленій судебныхъ и крестьянскихъ, и исправленіе повинностей дорожной и подводной, потребовали уже болѣе половины всей 5-милліонной суммы. На медицинскую часть въ девятилѣтіе было ассигновано до 582 т. р., на народное образованіе 375 т. р., причемъ расходъ на эти статьи былъ столь неодинаковъ по уѣздамъ, что въ данковскомъ уѣздѣ издержано на медицинскую часть 54 т. р., на образованіе 46½ т. р., а въ михайловскомъ уѣздѣ на обѣ эти потребности, вмѣстѣ взятыя, издержано всего 11 т. руб., между тѣмъ какъ въ совокупности средства этихъ двухъ уѣздовъ вовсе не представляютъ такой несоразмѣрности: въ первомъ итогъ всѣхъ ассигнованій былъ 305 т. р., а во второмъ 225 т. р. Различіе въ направленіи земской дѣятельности въ двухъ названныхъ уѣздахъ становится еще болѣе замѣтнымъ, если сравнить ихъ издержки на содержаніе самихъ земскихъ управъ: данковскій уѣздъ далъ на медицинскую часть и школы 100 т. р., издержавъ на управы 31¾ т. р., а михайловскій, далъ на медицинскую часть и школы всего 11 т. р., т. е. въ 9 разъ менѣе, издержавъ на управы 42½ т. р., то есть на ⅓ болѣе. Подобныя цифры весьма краснорѣчивы. Изъ сопоставленія другихъ данныхъ, онѣ объясняются весьма просто: будучи бѣднѣе другихъ уѣздныхъ земствъ и обязанное принимать почти равное съ ними участіе въ расходахъ обязательныхъ, михайловское земство предпочло произвестъ сокращеніе въ издержкахъ на

врачебную и школьную часть, чѣмъ въ расходѣ на содержаніе личнаго земскаго состава.

Но возвратимся къ обзору общихъ результатовъ дѣятельности земства рязанской губерніи. Число народныхъ школъ въ губерніи не увеличивалось за послѣдніе годы: оно теперь около 400 какъ было и въ 1868 году, но земство дало имъ подготовленныя его попеченіемъ и на его счетъ учителей. Для подготовки учителей, оно уже въ 1869 году открыло четырехклассное училище, въ которомъ старшій преподаватель получаетъ 1800 рублей въ годъ, и изъ 5 преподавателей ни одинъ не получаетъ менѣе 900 р. жалованья. Учительское училище помѣщено въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, который земство выстроило для него, съ издержкою въ 30 т. рублей. Изъ этого училища вышли и поступили въ народныя школы 40 окончивъ основательно подготовленныхъ учителей. Затѣмъ земство съ 1869 г. постоянно учреждало учительскіе курсы, на которые издержано до 15 т. р.; всѣхъ слушавшихъ курсы въ теченіи этого времени было 462 человека, изъ которыхъ впрочемъ далеко не все, конечно, были удостоены свидѣтельствъ на право преподаванія. Но и то, что сдѣлано, представляетъ во всякомъ случаѣ немаловажную услугу поставленной школьнаго дѣла въ губерніи. Расходы рязанскаго земства по этому предмету постоянно возрастали и обратились, изъ 24 т. р. за 1866 годъ, въ 70½ т. р. за 1874 годъ. По медицинской части земству удалось улучшить содержаніе больницъ и учредить ихъ нѣсколько новыхъ; оно выстроило новый домъ для умалишенныхъ. Несмотря на весьма значительныя затраты рязанскаго земства, въ его совокупности, на медицинскую часть, она все-таки далеко не организована удовлетворительно, и понятно, что при такой разности въ расходахъ, какая проявляется въ сравненіи 9-ти лѣтнихъ затратъ на эту часть земства саножевскаго—99.600 р. и земства михайловскаго—7,600 р., не могло быть и рѣчи о введеніи по уѣзду одинаковой системы охраненія народнаго здоровья. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ еще примѣчанія опредѣленіе губернскаго собранія, въ силу котораго въ распоряженіи губернской управы всегда должна находиться особая сумма въ 12 т. р. для принятія первоначальныхъ мѣръ противъ холеры на случай ея появленія. Указывая на многія положительныя и осязательныя заслуги рязанскаго земства, мы недалеки отъ того, чтобы присоединить къ нимъ заслугу отрицательную: отказъ по предложенію объ учрежденіи въ Рязани земскаго банка. Земство было побуждено въ такому отказу простымъ соображеніемъ, что на помощь кредиту мѣстныхъ землевладѣльцевъ имѣются уже четыре банка и, стало быть, въ пятый

нѣтъ никакой надобности. Какъ ни убѣдительно это соображеніе само по себѣ, но въ наше время оно представляется по крайней мѣрѣ оригинальнымъ. Изъ него явствуетъ, что разанское земство не усмотрѣло земской потребности въ томъ, чтобы предоставлять выгоды нѣсколькимъ спекулянтамъ.

Еслибы требовалось краткое опредѣленіе современной жизни нашего общества, то можно бы характеризовать ее одной чертой: она нуждается въ фельетонѣ. Жизнь уже вышла изъ той литературной рамки, въ которой рѣшительно всѣ факты по необходимости должны были оставаться безыменными, и выраженіе общественныхъ стремленій возможно было только въ отвлеченной формѣ критики литературной. Литературная критика въ смыслѣ перспективы интересовъ общественныхъ, новизни, отжила свое время. Большую часть реальныхъ явленій можно уже называть по имени. Но есть предѣлъ, за который можетъ проникать только фельетонъ. Въ область фельетона прошлый мѣсяцъ внесъ цѣнный вкладъ, въ видѣ объясненія нынѣшняго издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о причинахъ нѣкотораго невольнаго перерыва въ выходѣ этой газеты и еще въ видѣ одной петербургской корреспонденціи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по тому же предмету. Не жмѣя фельетона, мы однакоже обязаны заявить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти „разъясненія“ въ средѣ той печати, которая ни при комъ не состоитъ. Изъ объясненія издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ мы узнаемъ, что онъ поручалъ г. Салиасу просить г. Каткова „уступить“ новой редакціи „двѣ-три литературныя силы“ изъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“; что по сообщенію г. Салиаса „г. Катковъ никого рекомендовать не могъ“; что г. Салиасъ „былъ приглашенъ 5-го января на обѣдъ ультра-консервативныхъ литераторовъ и издатель былъ весьма радъ этому обстоятельству, ожидая, что тѣ литераторы „дадутъ намъ два-три таланта, въ которыхъ у нихъ недостатка быть не могло“. Но, къ сожалѣнію, ожиданія не сбылись: „пообѣдали, познакомились и никого не дали“. Замѣтимъ, что издатель не предъявлялъ никакихъ специальныхъ требованій къ тѣмъ „силамъ“, которыя онъ выписывалъ, и къ тѣмъ „талантамъ“, которые могли быть поданы г. Салиасу послѣ мороженаго. Издатель не требовалъ, чтобы ему доставили ученыхъ критиковъ, публицистовъ или фельетонистовъ. Онъ зналъ опредѣлительно только число нужныхъ ему предметовъ; заказывалъ двѣ-три „силы“ въ Москвѣ, а потомъ ровно такое же число „талантовъ“ въ Петербургѣ. Какъ бы то ни

было, но объясненіе издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вовсе не показалось намъ забавнымъ. Оно во всякомъ случаѣ искренно и если его нельзя не отнести къ тому, что въ живописи называется „русскимъ жанромъ“, то все-таки приходится сказать, что этотъ „жанръ“ вызываетъ на размышленія.

За то издатель „Московскихъ Вѣдомостей“, г. Катковъ, пользующійся этою газетою на тѣхъ же правахъ, которыя принадлежать по отношенію къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ г. Баймакову, и петербургскій корреспондентъ первой газеты сыграли въ этомъ дѣлѣ буффонаду самаго карнавальнаго свойства. Къ г. Каткову обращались въ крайности за „силами“, онъ никого рекомендовать не могъ, а потомъ самъ обвиняетъ г. Баймакова въ намѣреніи возстановить въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ прежнюю редакцію этой газеты! Съ своей стороны, петербургскій корреспондентъ г. Каткова утверждаетъ, что правительство въ правѣ ожидать, чтобы газета, составляющая принадлежность академіи наукъ или министерства народнаго просвѣщенія, „не шла въ разрѣзъ съ видами и стремленіями правительства, а *тѣмъ болѣе* съ видами и стремленіями вѣдомства, къ которому она причислена“. Въ этомъ приговорѣ замѣчательно „тѣмъ болѣе“. Это печатается въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, принадлежащихъ московскому университету, стало быть, составляющихъ „принадлежность“ министерства народнаго просвѣщенія, тою же редакціей, которая до 1866 года, какъ извѣстно, „не шла въ разрѣзъ съ его видами и стремленіями“. Со свойственнымъ той же редакціи изяществомъ, въ корреспонденціи говорится о „кабакѣ“, котораго владѣлецъ дома имѣетъ право не допускать въ домѣ, сданномъ имъ кому-либо въ аренду. Но, кромѣ названнаго заведенія, есть еще разные роды заведеній, которыхъ домовладѣлецъ можетъ не допускать въ своемъ домѣ, а независимо отъ домовладѣльца, сами жильцы и сосѣди, также какъ и читатели „Московскихъ Вѣдомостей“ имѣютъ право ожидать, чтобы безобразія не выходили изъ тѣхъ предѣловъ, которые устанавливаются общою терпимостію.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

IV *).

ШАРЛЬ ДЕ-РЕМЮЗА.—Скачки и игра.—Торжества въ память Бозльдые.—Осужденіе Ла-Фонтэна.—Трагическій Парижъ.

I.

Событіе, наиболѣе взволновавшее Парижъ въ теченіи нынѣшняго мѣсяца, конечно—смерть Шарля Ремюза.

Дѣйствительно, онъ былъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ. Но одной его личностью нельзя объяснить всего шума, который былъ поднятъ его погребеніемъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь участвовали другія причины, изслѣдованіе которыхъ представляетъ живѣйшій интересъ.

Ремюза было семьдесятъ-восемь лѣтъ отъ роду. Онъ принадлежалъ къ тому крупному поколѣнію людей, которое выступило на политическое поприще между 1820 и 1830-ми годами, въ концѣ реставраціи. Въ продолженіи пятидесяти лѣтъ эта многочисленная группа не сходила со сцены, принимая участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ нашей исторіи, и можно сказать, что она вынесла монархію, имперію и двѣ республики, не израсходовавъ всѣхъ своихъ силъ и не встрѣтивъ себѣ достойныхъ соперниковъ. Эти люди были настоящими, хотя буржуазными, сынами 93 года. Въ нихъ жила любовь къ свободѣ, позволявшая имъ покоряться всѣмъ требованіямъ фактовъ, дѣлать различныя пробы и видоизмѣнять свой лозунгъ. И въ послѣднее время, послѣ всѣхъ прожитыхъ катастрофъ, въ парламентѣ все они же выступаютъ, какъ самые свѣжіе, самые интеллигентные и самые способные представители страны. Это примѣръ необыкновенной живучести. Политическій персоналъ нашъ не обновился; двѣ республики не могли выставить ни одного государственнаго челоуѣка, принадлежащаго имъ исключительно; что касается имперіи, то она просто пользовалась услугами дѣльцовъ.

И, повторяю, одни они, основатели конституціонной монархіи, оказались стойкими. Самый извѣстный между ними—Тьеръ, но вслѣдъ за нимъ непосредственно стоялъ Ремюза, и кончина его какъ будто приблизила самого Тьера къ могилѣ. Его смерть кажется погребаль-

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441 стр.; май, 482 стр.; іюнь, 874 стр.

нымъ звономъ всего поколѣнія. Вотъ почему Парижъ ощутилъ такое глубокое потрясеніе при этихъ похоронахъ. Вѣдь это цѣлый міръ кончается.

Одинъ роялистъ очень мѣтко сказалъ, что если Тьеръ возвысился до свободы, то Ремюза снизошелъ до нея. Первый, будучи сыномъ мелкаго буржуа, боролся за свою собственную эмансипацію и торжество; послѣдній же, сынъ камергера Наполеона I-го и знатной дамы-писательницы, перешелъ на сторону революціонеровъ чисто изъ-за пытливости любознательнаго ума и любви къ новымъ задачамъ. Встрѣча этихъ двухъ людей на попріи современной свободы породила одну изъ тѣхъ прочныхъ, глубокихъ и неизмѣнныхъ привязанностей, которыя составляютъ самое рѣдкое явленіе въ политическомъ мірѣ.

Обликъ де-Ремюза носить чисто французскій колоритъ. Этотъ либераль 1830 года сохранилъ весь букетъ царедворца стараго режима. Изысканно вѣжливый, чрезвычайно деликатный, онъ во всемъ держался строго границъ хорошаго тона. Выдающейся чертой его было любопытство, но въ любопытствѣ его не было ничего лихорадочнаго; его увлекли къ себѣ самыя различныя отрасли знанія, но онъ предавался имъ только какъ свѣтскій человѣкъ. Онъ коснулся литературы, писалъ пѣсни до Беранже; позднѣе, въ драмахъ, оставшихся ненапечатанными, онъ подражалъ театральнымъ смѣлостямъ Виктора Гюго, преклонялся передъ философіей сначала вмѣстѣ съ Кондильякомъ, затѣмъ съ Кантомъ и Викторомъ Кузенкомъ; лучшіе годы своей жизни употребилъ на произведеніе историческихъ сочиненій, весьма высокаго достоинства. Я не говорю уже объ его переводахъ Цицерона и Гёте, къ которымъ онъ одно время пристрастился. Но во всѣ эти различныя занятія онъ вносилъ одно и то же чувство наслажденія открывать новые горизонты, новые кругозоры для своей наблюдательности. Кромѣ того, онъ имѣлъ гибкій и рѣдкій талантъ скрывать подъ плѣнительнымъ остроуміемъ болѣе серьезныя качества. Онъ родился академикомъ. Въ 1847 году, когда онъ занялъ въ институтѣ кресло Ройе-Коллара, его вступительная рѣчь имѣла громадный успѣхъ, и въ теченіи двадцати-пяти лѣтъ онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ академиковъ, никогда не пропускавъ ни одного засѣданія: всегда улыбающійся и довольный являлся онъ въ средѣ своихъ сотоварищей.

Политическая дѣятельность де-Ремюза можетъ быть еще характеристичнѣе. Въ очень ранней молодости, сойдя со школьной скамьи, онъ зачислился въ ряды доктринеровъ и вступилъ въ борьбу съ реставраціей, подъ знаменами Гизо. Но послѣдній былъ черезъ-чуръ непреклоненъ для такого подвижнаго ума, какимъ былъ Ремюза,

вѣчно искавшій новыхъ истинъ. Онъ, впрочемъ, испытывалъ необходимость не въ господинѣ, но въ другѣ, съ судьбой котораго онъ могъ бы связать свое счастье. Это была одна изъ родовыхъ потребностей его сложнаго темперамента, слишкомъ влившася въ науку, чтобы излечь дѣятельности, и слишкомъ дѣятельнаго по природѣ, чтобы совсѣмъ запереться въ кабинетѣ. Вѣроятно, онъ иногда забывалъ о собственномъ существованіи. Ему мужество было совѣстно, который бы все видѣлъ кругомъ и шелъ впередъ, не опираясь на кого. Словомъ, онъ предпочиталъ второе мѣсто, что избавляло его отъ скучнаго труда наблюдать постоянно надъ почвой, на которую приходилось ступать. Тьеръ занялъ мѣсто руководителя, котораго онъ отыскивалъ. Я уже сказалъ, что едва они встрѣтились, какъ Ремюза сошелся съ нимъ, проникся имъ, никогда не измѣнялъ ему и всюду слѣпо слѣдовалъ за нимъ. Впрочемъ, онъ сохранилъ свою личность, продолжалъ свои литературные труды, выступалъ только не собственному усмотрѣнію; но когда онъ выступалъ, то всегда находился или по правую, или по лѣвую сторону рядомъ съ Тьеромъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ совершилъ революцію 1830 года, поддерживалъ Луи-Филиппа, подавалъ голосъ противъ либеральныхъ идей, потомъ перешелъ въ оппозицію и ниспровергъ монархію, воздвигнутую его же усиліями; онъ вмѣстѣ съ нимъ испугался въ 1848 году своего дѣла, отступился отъ него, смѣшался съ противниками республики; затѣмъ боролся противъ принца Луи, подвергся ссылкѣ послѣ переворота 2-го декабря и дулся въ продолженіи двадцати лѣтъ на имперію. Вмѣстѣ съ нимъ, наконецъ, онъ появился снова на сценѣ, послѣ нашихъ бѣдствій, и великодушно посвятилъ себя спасенію страны. Эта длинная карьера краснорѣчиво объясняетъ, что за чело- вѣкъ былъ де-Ремюза. Онъ во всемъ соблюдалъ середину, не вдаваясь никогда ни въ какія крайности; онъ обладалъ тѣмъ равновѣсіемъ ума, которому противны всякія увлеченія. Два раза завоевавъ свободу, онъ испугался ея и употребилъ всѣ усилія, чтобы сковать ее. И въ этой чертѣ проглядываетъ опять академикъ, охотникъ до красиваго изложенія, остроумный, тонкій и безукоризненный, но на котораго непріятно дѣйствуетъ уличный шумъ. Замѣйте, что умомъ онъ все понимаетъ и все допускаетъ, но вслѣдствіе темперамента онъ держится принциповъ высокороденныхъ людей; признавая свободу и духъ времени, какъ философъ и историкъ, онъ тѣмъ не менѣе желаетъ жить спокойно въ той высшей средѣ, въ которой выросъ.

Въ послѣдніе годы, де-Ремюза сыграла на долю прекрасная роль. Политическая карьера, казавшаяся уже оконченной, подарила его славнымъ подвигомъ, который не забудется исторіею. Въ тотъ грозный моментъ, когда Тьеръ былъ избранъ президентомъ республики, онъ

немедленно вспомнилъ о своемъ другѣ и предложилъ ему мѣсто посланника въ Вѣнѣ. Но Ремюза отказался. Позднѣе, онъ согласился принять портфель иностранныхъ дѣлъ только послѣ многократно повторенныхъ просьбъ и вслѣдствіе прямого обращенія къ его патріотизму. И тутъ-то онъ оказалъ дѣйствительно великія услуги странѣ и содѣйствовалъ во многомъ быстрому освобожденію территоріи. Въ рѣчи, произнесенной на его могилѣ Жюлемъ Симономъ, его сотоварищемъ по министерству, находятся знаменательныя указанія на эти обстоятельства. „Въ то время, когда публика, равно склонная къ отчаянію и надеждѣ, думала, что миръ уже обезпеченъ, каждый часъ, каждая минута приносили новыя случайности, способныя все испортить. Все, приобретенное путемъ упорныхъ усилій, могло разрушиться отъ малѣйшаго усложненія. Приходилось начинать снова переговоры на иныхъ основаніяхъ, находить всякій разъ для новаго затрудненія новую поправку, скрывать отъ публики свои неудачи, свои опасенія, чтобы не повергнуть ее въ отчаяніе; при этомъ приходилось еще выносить несправедливыя упреки со стороны незнающихъ и наконецъ говорить отъ имени побѣжденной и въ то время занятой непріятельскими войсками Франціи такимъ языкомъ, котораго бы не могли устыдиться ни страна, ни ея будущее“. Извѣстно, съ какимъ успѣхомъ де-Ремюза выполнилъ эту трудную задачу. Онъ сошелъ въ могилу, увѣнчанный ореоломъ своего великаго дѣла.

Поприще этого свободнаго мыслителя должно было замкнуться республиканизмомъ. Онъ послѣдовалъ за Тьеромъ до конца. Однакоже, мы сказали бы ложь, приписывая ему энтузіазмъ и увѣренія, что онъ привѣтствовалъ республику съ пыломъ двадцатилѣтняго любовника. Онъ былъ черезъ-чуръ скептически, слишкомъ глубоко разочарованъ долгой жизнью и анализомъ, чтобы воспламениться къ какой бы то ни было формѣ правленія. Кромѣ того, онъ невольно сохранилъ сожалѣнія о либеральной монархіи, бывшей нѣкогда предметомъ его мечтаній. Онъ посвятилъ труды свои на пользу республики по благоразумію, въ силу логики, не видя другого исхода. Монархія умерла, имперія страшила его, а быть можетъ, въ обращеніи его участвовала опять-таки любовь къ новымъ путямъ, властвовавшая надъ нимъ во все продолженіе его жизни. Самая великая похвала, которою можно почтить его, заключается въ томъ, что даже противники отнеслись къ его памяти съ уваженіемъ. Во всѣхъ партіяхъ кончина его вызвала одни приличные отзывы. Можно было упрекнуть его за нѣкоторые политическіе промахи, за скромность, за второстепенную роль, которой онъ старательно держался позади Тьера, за окончательное отсутствіе оригинальности. Но онъ былъ неизмѣнно добръ, и этого оказалось достаточно, чтобы оградить его гробъ

отъ тѣхъ комковъ грязи, отъ которыхъ не изъять часто самыя благородныя могилы во время политическихъ свалокъ.

Я видѣлъ Тьера у гроба его друга, въ церкви Мадлены. Онъ былъ очень потрясенъ. Онъ не могъ провожать покойника до кладбища, силы измѣнили ему, руки его дрожали. Ремюза былъ старше Тьера однимъ или двумя годами, никакъ не болѣе. Какъ я уже замѣтилъ, эти похороны кажутся похороннымъ звономъ цѣлаго поколѣнія. Изъ него остается только два или три знаменитыхъ представителя.

Между ними стоитъ еще одинъ во весь ростъ, безъ малѣйшаго старческаго дрожанія. Ему семьдесятъ-три года, а онъ сохранилъ весь огонь двадцати лѣтъ. Я говорю о Викторѣ Гюго. Я не могу отдать себѣ отчета, почему я испытываю непобѣдимое желаніе заговорить о немъ здѣсь, и указать на него, какъ на патріарха мощнаго поколѣнія начала нынѣшняго столѣтія. Никто изъ друзей не видывалъ его больнымъ. Онъ вынесъ горе схоронить жену, своихъ сыновей, все свое семейство. Ежедневно онъ провожаетъ на кладбище кого-нибудь изъ друзей и идетъ пѣшкомъ за гробомъ, подставляя непокрытую голову солнечному зною или дождю. Онъ точно вызываетъ смерть, какъ тѣ могучіе дубы, о твердую кору которыхъ разбиваются топоры дровосѣковъ. А чтó за жизнь выпала на его долю! Въ Парижѣ онъ былъ царемъ литературы; въ области искусства боецъ и побѣдоносный завоеватель; позднѣе, онъ вступилъ въ борьбу съ императоромъ, засѣлъ на утесъ, выжидая его смерти, похоронилъ его и вернулся въ Парижъ триумфаторомъ. Теперь онъ снова переживаетъ свою молодость. Онъ опять владычествуетъ надъ литературой. Царитъ онъ въ улицѣ Клиши, въ обширномъ помѣщеніи, которое занимаетъ. Каждое воскресенье вечеромъ принимаетъ онъ свой дворъ, всѣхъ юныхъ поэтовъ, которые приближаются къ нему не иначе какъ съ трепетомъ. Это настоящее возвращеніе весны, продолженіе прежнихъ знаменитыхъ вечеровъ Place-Royale, когда вся наличная литература дежурила въ его передней.

Викторъ Гюго работаетъ все также усердно, какъ будто его репутація была еще не установлена. Его приближенные говорятъ, что у него въ рукописяхъ хранится еще болѣе томовъ, чѣмъ насчитывается его изданныхъ произведеній. Говорятъ, тамъ есть нѣсколько драмъ, съ полъ-дюжины романовъ и масса стихотвореній. Въ настоящее время онъ оканчиваетъ продолженіе къ своей восхитительной *Légende des siècles*. Кромѣ того, онъ пишетъ большое сочиненіе: *Les quatre vents de l'esprit*, раздѣляющееся на четыре слѣдующіе отдѣла: *Le vent du drame*, *Le vent de l'épopée*, *Le vent de la comédie* и *Le vent de la satire*. Онъ встаетъ съ разсвѣтомъ и, выкупавшись

въ холодной водѣ, запирается и не выходитъ изъ своей рабочей комнаты вплоть до полудня. Послѣ полудня онъ правитъ корректуры, дѣлаетъ замѣтки и занимается до вечера. Быть можетъ, онъ обязанъ этой суровой гигиенѣ своимъ несокрушимымъ здоровьемъ. Во всемъ Парижѣ нельзя отыскать болѣе занятого человѣка, болѣе яркаго писателя, упорно воздвигающаго ежедневно, камень за камнемъ, свой литературный памятникъ славы. Онъ преспокойно говоритъ о громадныхъ сочиненіяхъ, которыя разсчитываетъ предпринять.

Въ воскресные вечера поэтъ читаетъ своимъ поклонникамъ вновь оконченные стихи. У него сохранился звучный голосъ, читаетъ онъ съ нѣкоторымъ пафосомъ, но съ величайшимъ достоинствомъ. На другой день по Парижу разносится вѣсть, что Викторъ Гюго прочелъ новое стихотвореніе. Вокругъ него продолжаетъ горѣть много восторговъ и обожанія. Если его крайнія политическія убѣжденія возбуждаютъ противъ него какъ человѣка сильныя негодованія и злыя насмѣшки, за то всѣ безъ изъятія преклоняются передъ писателемъ. Онъ уже пользуется апофеозомъ потомства, продолжая свою творческую дѣятельность. Ламартинъ впалъ въ дѣтство, Мюссе умеръ пьяный, надъ Бальзакомъ разразился ударъ въ самомъ полномъ разгарѣ его генія. Одинъ Викторъ Гюго устоялъ невредимъ, безъ малѣйшаго ослабленія умственныхъ способностей, бодрый, юный и могучій. Когда наступитъ смерть, она застигнетъ его съ перомъ въ рукахъ и, конечно, дастъ ему время придумать послѣднюю рѣшу, прежде чѣмъ унесетъ его.

II.

Память о мертвыхъ живетъ не долго. Уже забываютъ Ремюза и все еще продолжаютъ говорить о *Сальваторѣ*. Безъ сомнѣнія, ничто такъ не занимало Парижъ въ этотъ мѣсяцъ какъ *Сальваторъ* и де-Ремюза. *Сальваторъ* — лошадь, получившая первый призъ на послѣднихъ скачкахъ.

Во время царствованія Лудовика XVI нѣкоторые молодые вельможи придумали устроить лошадиную скачку въ равнинѣ Sablonville. Эта забава не принялась, несмотря на то, что король Маріи-Антуанетты она, повидимому, пришлась по вкусу. Такова была первая попытка ввести во Франціи скачки. Боже! какъ мы далеко ушли нынѣ отъ этого скромнаго начинанія. Въ настоящее время скачки волнуютъ Парижъ такъ же, какъ онѣ волнуютъ Лондонъ. Съ тѣхъ поръ, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ герцогъ Морни учредилъ большой призъ, съ цѣлью открыть международное ристалище, гдѣ

бы французскія лошади могли состязаться съ англійскими, пристрастіе публики къ этому зрѣлищу, съ году на годъ, все болѣе и болѣе усиливается. Воскресенье, въ которое назначается скачка на большой призъ, одѣлалось днемъ народнаго праздника. Лавки закрываются, улицы пустѣютъ и всѣ экипажи города направляются къ Булонскому лѣсу. Съ одиннадцати часовъ утра становится уже положительно невозможнымъ добыть малѣйшую таратайку, а въ аллеяхъ, окружающихъ гипподромъ, встрѣчаются самые поразительные экипажи, кабриолеты, вышедшіе изъ употребленія, повозки для перевозки мебели, наполненныя народомъ, даже простыя телѣги, въ которыхъ стоятъ дамы. Я уже не говорю о волненіи, охватывающемъ весь Парижъ. Кто выиграетъ призъ, французская или англійская лошадь?—вотъ животрепещущій вопросъ, сообщающій городу совершенно особую фizioномію. Вообразите себѣ Парижъ безмолвнымъ, задумчивымъ, подъ палящими лучами іюньскаго солнца, Парижъ, расфранченный по-праздничному, съ лихорадочнымъ пульсомъ двойного опьяненія шампанскимъ и азартной игрой, говорящій шепотомъ, какъ въ игорномъ домѣ, до той секунды, пока неистовое „браво“ не загрохочетъ отъ Булонскаго лѣса до Тюльери, и пронесется по всей волнѣ экипажей, спускающейся по Елисейскимъ полямъ.

Начиная съ девяти часовъ утра, цѣлыя семейства отправляются въ путь. Эта настоящая поѣздка за-городъ. Берутся короба съ провизіей; около полудня, утомясь отъ шатанья по лѣсу, выбираютъ гдѣ-нибудь укромное мѣстечко въ тѣни, на границѣ круга, и приступаютъ къ завтраку. Мужчины снимаютъ сюртуки и остаются въ жилетахъ, барыни расправляютъ юбки, чтобы прикрыть ими ноги. Это очень весело. Трава служитъ скатертью. Куда ни взгляни, подъ всѣми деревьями, въ нѣжныхъ тайникахъ листы, всюду только и видишь, что людей, занятыхъ ѣдой. Нѣсколько тысячъ буржуазныхъ семействъ лежатъ въ растяжку за десертомъ, гогоча раскатыстымъ смѣхомъ въ то время, какъ пробки съ пивныхъ бутылокъ летятъ съ шумомъ пистолетныхъ выстрѣловъ. И тутъ же молодыя и красивыя женщины, протянувшись на животъ, въ своихъ свѣтлыхъ платьяхъ, наслаждаются прохладой, обвѣвающей ихъ плечи; рядомъ ребяташи, наѣвшись сластей до отвала, спятъ подъ открытымъ небомъ. Отцы, въ ожиданіи открытія бѣга, играютъ вдоль дорожекъ въ пробку. Такъ потѣшается публика мелкихъ торговцевъ, мелкихъ рентьеровъ, словомъ, всѣ, располагающіе посвятить цѣлый день удовольствію.

Къ полудню начинается прибывать настоящая толпа. По всѣмъ аллеямъ двигаются силошныя массы народа. Одни доставляются

сюда желѣзными дорогами, другіе приѣзжаютъ въ омнибусахъ, въ лодкахъ, наконецъ приходятъ пѣшкомъ. Плетутся мелкимъ шагомъ изъ-за двухъ лѣ, фланируя по окрестностямъ и наслаждаясь малѣйшими дорожными приключеніями. Между тѣмъ потокъ экипажей все прибываетъ; коляски, кареты, фіакры и повозки для перевозки мебели въ перемежку, по-братски, катятся рядомъ. Въ теченіи двухъ часовъ слышится постоянный гулъ колесъ, точно морской приливъ затопляетъ мало-по-малу все обширное поле. Вокругъ пустого гипнодрома тѣснится толпа, а за ней до тридцати рядовъ экипажей обрамляютъ ристалище. Болѣе ста тысячъ зрителей толпятся подъ знойнымъ солнцемъ на этой пространной равнинѣ, которая представляетъ собой гигантскій, копошащійся муравейникъ, усыянный черными точками, между которыми тамъ-и-самъ выступаютъ свѣтлыя платья, или яркимъ пятномъ блеститъ какой-нибудь женскій уборъ.

Подмостки переполнены такъ, что того и гляди подломятся. Весь officialный міръ находится на лицѣ: тутъ и маршалъ Макъ-Магонъ, министры, депутаты, словомъ—всѣ сановники. Дамская галерея пестрѣетъ, какъ цвѣтущая клумба, своими шляпками, которыя въ нынѣшнемъ году мода украшаетъ самыми видными цвѣтами.

Красныя розы, красныя маки и красная герань пользуются особеннымъ благоволеніемъ. Эти огромные деревянные бараки, повышающіеся ступенями и унизанные рядами головъ, какъ луковицами, имѣютъ самый странный видъ издали посреди обширнаго горизонта. Туалеты исчезаютъ, видны только бѣловатые круги лицъ на пестромъ фонѣ голубыхъ, желтыхъ, зеленыхъ и розовыхъ пятенъ. Нѣсколько лентъ развѣваются по вѣтру. Напряженная жизнь, свѣтящаяся изъ всѣхъ этихъ глазъ, струится изъ этой человѣческой смѣси; кое-гдѣ военный мундиръ горитъ золотой искрой.

За амфитеатромъ, лихорадочная толпа толчется около входа къ площадкѣ съ вѣсами. Это и есть самое святилище скачки. Я проникаю туда съ трепетомъ. Языкъ, которымъ говорится тутъ, уснащенъ весь англійскими словами и недоступенъ для пониманія непосвященныхъ. Конюхи, жокеи и спортсмены прохаживаются, важно разговаривая шопотомъ между собой. Спорять о достоинствахъ скакуновъ, въ то время какъ books-makers выкрикиваютъ цѣны состоявшихся пари на cadaго изъ состязующихся. Гамъ растетъ до неимоверныхъ размѣровъ. Держащіе пари съ разинутыми ртами и лихорадочными движеніями пускаютъ какія-то варварскія слова въ мирную высь голубого неба.

На дугу, впрочемъ, шумъ имѣетъ болѣе игривый характеръ. Во всѣхъ экипажахъ распивается шампанское, чтобы умѣрить нетерпѣ-

ніе. Лакеи опорожняютъ корзины, раскупориваютъ бутылки. Нѣсколько женщинъ взлѣзло на скамьи и, стоя со стаканомъ въ рукахъ, смѣются и посылаютъ поклоны вдаль другимъ женщинамъ, поднимая высоко свои стаканы, въ которыхъ солнце зажигаетъ искры. Въ то же время, господа въ лайковыхъ перчаткахъ, съ розетками въ петлицахъ, пробираются между колесъ, чтобы подойти къ дамамъ съ своими привѣтствіями. Развѣваются вуали, шлейфы бьются по шеямъ лошадей, звенить смѣхъ. Веселье разливается кругомъ съ легкимъ оттѣнкомъ безстыдства, и вся эта пирушка подъ открытымъ небомъ принимаетъ нѣсколько сомнительный тонъ. Довольно трудно отличить здѣсь порядочныхъ женщинъ отъ непорядочныхъ: онѣ нюхаютъ тѣ же вина, обмѣниваются поклонами съ одними и тѣми же мужчинами и носятъ одинаковые туалеты.

Прекрасный предлогъ всего этого: улучшеніе конной породы. Что за уморительная мистификація! Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ учрежденъ большой призъ, а позаботился ли кто-нибудь удостовѣриться, улучшило ли это или нѣтъ коннозаводство? А во имя этого улучшенія двѣсти или триста тысячъ человѣкъ суетятся, женщины напяливаютъ на себя двухъ-тысячные туалеты, выпивается нѣсколько тысячъ бутылокъ шампанскаго и проигрываются или выигрываются милліоны. Что же, не вполне ли достаточно, чтобы праздники, честный или безчестный, носилъ приличный ярлыкъ? Благодаря пресловутому улучшенію, скачки составляютъ благородную забаву, на которой присутствіе официальнаго міра совершенно уместно. А между тѣмъ, несомнѣнно, что въ этотъ день Лоншанская площадь превращается въ чудовищный игорный домъ; въ величину кубическаго километра. Игра, преслѣдуемая въ парижскихъ трущобахъ, тутъ появляется среди бѣлаго дня и ликуетъ съ неудержимой наглостью. Весь этотъ сбѣжавшійся людъ, всѣ эти скромные пѣшеходы, всѣ эти элегантные франты, пріѣхавшіе въ коляскахъ — игроки. Мужчины играютъ, женщины играютъ. Пьющіе пиво и пьющіе шампанское, даже пьющіе чистую воду—всѣ тоими одинаковой жаждой игры. Надъ всѣмъ этимъ народомъ носится одна и та же страсть, и эту страсть колышетъ вѣтеръ надъ всѣми этими потными лбами, горящими подъ зноемъ двухчасоваго припека.

Наконецъ, скачка на большой призъ началась. Въ два приѣма лошади заскакивали. Но, вотъ, сигнальщикъ опустилъ свой флагъ, и лошадей спустили на кругъ. Всѣ притаили дыханіе. Дамы взбираются на козлы и оттуда смотрятъ, стоя; пѣшеходы лѣзутъ на колеса сосѣднихъ экипажей, мужья сажаютъ себѣ женъ на плечи. Въ ложахъ амфитеатра блѣдныя пятна лицъ принимаютъ каменную неподвижность. Только-что гудѣвшая толпа превращается въ мертвую.

Но вѣдь это и не мудрено: деньги зрителей летать въ облакѣ пыли, поднимаемой лошадиными копытами. По мѣрѣ того, какъ вихрь животныхъ несется вокругъ гипподрома, блѣдная толпа вытягиваетъ шею и слѣдитъ за красными куртками жокеевъ. Затѣмъ, когда лошади приближаются къ столбу и шансы выясняются, игроки выходятъ изъ оцѣпенѣнія и сердито выкрикиваютъ подавленные слова. Такъ и кажется, что они хотятъ подогнать бѣгущихъ, то вскидывая руками вверхъ, то громко повторяя имя лошади, несущей ихъ счастье. Нѣкоторые даже хлещутъ воздухъ, подгибаютъ ноги, покачиваются, какъ будто сами сидятъ верхомъ на спинѣ скакуна. На минуту волненіе достигаетъ степени настоящаго умопомѣшательства, которое разомъ овладѣваетъ этими двумя или тремя-стами тысячъ головъ. Раскрытые рты испускаютъ бессознательные звуки, слышатся глухія ворчанья и нервные взрывы хохота, похожаго на рыданія. И внезапно, въ самомъ разгарѣ этого напряженія, изъ всѣхъ устъ вырывается колоссальный возгласъ и оббѣгаетъ толпу, какъ порывъ урагана. Шляпы летятъ вверхъ, руки машутъ по воздуху, по всему протяженію равнины. Женщины махаютъ зонтиками. Сначала нельзя ничего разобрать изъ этого стона голосовъ, перекрещивающихся въ воздушныхъ волнахъ. Наконецъ, отдѣляется слово, имя французской лошади: *Сальваторъ! Сальваторъ! Сальваторъ!* Французская лошадь взяла большой призъ.

Въ нынѣшнемъ году, борьба между Франціей и Англіею представляла особенный интересъ. Скачки на большой призъ происходили, какъ я уже упомянулъ, въ двѣнадцатый разъ. Франція насчитывала шесть побѣдъ, на сторонѣ же Англіи было ихъ пять. Вопросъ заключался въ томъ, будетъ ли установлено равновѣсіе или Франціи удастся окончательно восторжествовать надъ своей могущественной соперницей. Торжество вышло полное, превышающее всѣ ожиданія. *Сальваторъ* пришелъ первымъ. Вторымъ—*Монто*, третьимъ *Перплексъ*; затѣмъ слѣдовали еще три французскія лошади: *Сенъ-Сиръ*, *Рабанасъ* и *Пенсакола*. Наконецъ седьмымъ прискакалъ англійскій жеребецъ *Сеймуръ*. Присутствовавшіе на бѣгахъ англичане могли только пожимать плечами подъ тяжестью такой неудачи. Нужно прибавить, что высланныя Англіею въ нынѣшнемъ году лошади были не особенно опасные соперники. Толпа скоро поняла легкость одержанной побѣды и стала выражать свой восторгъ нѣсколько тише.

Наконецъ, къ четыремъ часамъ совершилось самое блестящее возвращеніе со скачекъ, какого уже не бывало со временъ имперіи. Даже въ годъ выставки, въ 1867, видъ разѣзда по Елисейскимъ полямъ не былъ торжественнѣе. Экипажи ѣхали въ четыре ряда вдоль всей аллеи и были такъ многочисленны, такъ близко тѣсни-

лись одинъ къ другому, что могли подвигаться только шагомъ. Нѣкоторыя изъ дамъ припилили къ груди черныя съ краснымъ банты въ честь побѣдившаго коннаго завода. Звонкіе переливы смѣха сыпались изъ экипажей, прилипчивая веселость бѣгала вдоль длиннаго поѣзда, вдоль этого движущагося полотна, несшаго въ своихъ изгибахъ всю роскошь Парижа. Между тѣмъ на тротуары, по обѣ стороны аллеи, другая публика любопытныхъ высыпала посмотреть на это зрѣлище. Подъ деревьями боковыхъ аллей въ три ряда возсѣдали дамы, выставившія на показъ иные туалеты, инныя кружева и инныя украшенія, въ то время, какъ косые лучи заходящаго солнца обдавали нижнія вѣтви деревьевъ пурпурными и золотыми полосами, которыя колыхались, какъ знамена, въ вечернемъ воздухѣ. Торжествующій Парижъ возвращался домой, какъ нѣкогда побѣдоносный Римъ вступалъ въ Римъ среди возгласовъ народа.

Но подъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ язва продолжаетъ существовать; эта язва—ожесточенная игра. Рана прикрыта, но отъ этого она не менѣе отвратительна. Труднѣе всего понять, почему правительство, преслѣдующее безпощадно игорные дома, допускаетъ явное грабительство скачекъ. Ежедневно газеты сообщаютъ, что полицейскимъ комиссаромъ произведенъ обыскъ то того, то другого глухого кабака, причѣмъ накрыто имъ съ полдюжины мошенниковъ, голодныхъ бѣдняковъ, полуживыхъ отъ всякихъ лишеній. Какая польза отъ такихъ мѣръ, если рядомъ съ ними, въ извѣстный день, Лоншанскій лугъ превращается въ зеленое поле, въ присутствіи и подъ покровительствомъ всѣхъ властей страны! Я знаю, что судебная власть еще недавно возбудила преслѣдованіе противъ агентуръ взаимныхъ пари и присудила ихъ къ закрытію. Но вѣдь это оказывается пустою игрой словъ, которою невозможно удовлетворить абсолютную нравственность. Всѣ знаютъ отлично, что заключаются пари на громадныя суммы, и что скачки служатъ исключительно предлогомъ для колоссальной лотереи. Сколько людей разоряются на эти пари, точно также, какъ и въ рулетку; только тутъ все прикрыто знаменитымъ ярлыкомъ: улучшение конской породы. О, лицемеріе честныхъ вывѣсокъ!

Возвращаясь со скачки въ прошедшее воскресенье, мнѣ невольно вспомнился вечеръ, проведенный мною въ игорномъ домѣ, куда я попалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я полюбостествовалъ взглянуть на одинъ изъ этихъ притоновъ, которыми кишитъ Парижъ, и попросилъ пріятеля свести меня туда. Тотъ, который мы посѣтили, находился въ улицѣ Серпантъ, въ Латинскомъ кварталѣ. Входъ былъ устроенъ черезъ овощную лавочку, тѣсную, грязную, вонючую, гдѣ нѣсколько кочановъ салату и капуста лежало на пыльных полкахъ.

Слова, послужившія намъ входнымъ билетомъ и сказанныя на ухо моимъ пріателемъ старухѣ, шелушившей въ углу горохъ, заставили меня улынуться. Онъ спросилъ ее: „Есть ли у васъ подслащенный шпинатъ?“ А она отвѣчала: „конечно, войдите“. Черезъ стеклянную дверь, находившуюся по-ту сторону лавчонки, мы вышли на узкій дворикъ, похожій на колодезь. Бѣлесоватый свѣтъ спускался съ крышъ, запахъ помоевъ, плѣсени и нечистоплотной нищеты поднимался съ мостовой.

Пріатель мой подошелъ къ круглой двери, нѣчто въ родѣ двери погреба, находившейся подлѣ водокачальни. Онъ указалъ мнѣ гвоздь, который надобно было выдернуть, чтобы отворить дверь. Сойдя съ нѣсколькихъ ступенекъ, мы очутились передъ второй дверью. Здѣсь пришлось позвонить. Появился какой-то высокій верзила, и, наконецъ, мы были впущены. Отъ второй двери скользкія ступени подвала были покрыты ковромъ, придержаннымъ на каждомъ уступѣ мѣдными прутьями. Стѣны были обтянуты кретономъ съ большими голубыми разводами, и подземелье, какъ альковъ, освѣщалось нѣжнымъ свѣтомъ, пропускаемымъ матовыми стеклами лампъ. Все было на таинственность и должно было казаться заманчивымъ юнымъ негодяемъ, прибывающимъ изъ провинціи въ Парижъ, съ цѣлю „побѣдиться“.

Внизу находилось два салона, т.-е. подвалы со сводами, обтянутые такимъ же голубымъ кретономъ. Ничѣмъ незаслоненный свѣтъ двухъ маленькихъ люстръ здѣсь изобличалъ пятна и изъяны всей этой двусмысленной роскоши. Кресла лоснились, диваны были покрыты каплями застывшаго стеарина и круглыми дырками, прожженными отъ папиросъ. Но кому было дѣло до всего этого? Находиться въ подвалѣ, ступать по коврамъ — вотъ въ чемъ состояла главная прелесть, вотъ верхъ фантастичности. На столахъ звенѣло золото, на диванахъ привѣтливо смѣялись женщины. О, мечты юности, мечты, рождающіяся при чтеніи Байрона и Мюссе и приводящія въ улицу Серпантъ въ подвалъ овощной торговли, мебелированный обносками дома терпимости!

Пріатель мой былъ знакомъ съ мѣстной публикой. Шайка шулеровъ обчищала тутъ студентовъ-первокурсниковъ; проходимцы-шулера, искатели золотого руна, были красивые мужчины. Одинъ итальянецъ, напомаженный, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, велъ крупную игру. Два другихъ господина, гладко выбритые, съ почтенной осанкой и представительностью, загребали золото съ добродушнымъ видомъ. Одинъ изъ нихъ нюхалъ и сморкался съ чисто-буржуазнымъ блаженствомъ. Но болѣе всѣхъ поразилъ меня хозяинъ дома. Онъ не игралъ. Онъ принималъ игроковъ, какъ будто давалъ настоящий вечеръ, въ настоящемъ салонѣ. Это былъ маленькій человѣчекъ, сладкорѣчивый

как пономарь, вѣжливый до крайности, съ невинѣйшимъ видомъ, который казалось и не догадывался, что у него происходитъ игра. Онъ былъ обязанъ процвѣтаніемъ подвала своему утонченному обхожденію.

Что касается публики, то она состояла изъ вѣчныхъ элементовъ, которыми наполняются игорные дома. Все мальчики, только-что со-скочившіе съ школьной скамьи и жаждущіе наслажденій. Я замѣтилъ одного провансальца, который съ упоеніемъ говорилъ о марсельскихъ женщинахъ, другого, уроженца Пикардіи съ насмѣшливой улыбкой, и еще юношу изъ Бордо, восхищеннаго окружающею роскошью. Эта молодежь предпочитала игорный домъ кафе, имъ здѣсь было привольнѣе, и я готовъ побожиться, что не одинъ изъ нихъ испыталъ сладостный трепеть, обращаясь къ старухѣ съ вопросомъ: „есть ли у васъ подслащенный шпинать?“ Кромѣ того, сюда манили ихъ женщины. Конечно, онѣ были такія же, какъ тѣ, которыхъ они встрѣчали ежедневно на тротуарахъ. Но здѣсь, въ этомъ подземельѣ, полулежація на диванахъ, онѣ принимали какой-то адскій оттѣнокъ. Онѣ олицетворяли собой зло, соединяя въ себѣ распутство и игру; это были демоны, преслѣдуемые полиціей, и въ обществѣ которыхъ становилось обворожительно попасть въ тюрьму.

Вдобавокъ, эта трущоба была свидѣтельницей драмы. Пріятель разсказалъ мнѣ, что одинъ юноша, болѣе романическій, чѣмъ остальные, покусился здѣсь на самоубійство. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ горло, но, по счастью, оторвалъ только кончикъ лѣваго уха. Но кровь была пролита и оставила темное пятно на кончикѣ кресла; хозяинъ, конечно, догадался не выводить его. Эта кровь придавала еще болѣе демоническаго колорита его дому и увеличивала впечатлѣніе новичковъ. Пятно было и мнѣ показано. Суевѣрные игроки увѣряли, что они всегда выигрываютъ, когда сидятъ на креслѣ самоубійцы.

Эксплуатація велась тутъ по всѣмъ правиламъ. Хозяинъ давалъ студентамъ деньги взаймы за огромные проценты. Онъ наводилъ справки и бралъ векселя только тѣхъ мальчиковъ, родные которыхъ владѣли видимымъ имуществомъ. Этотъ почтенный негодяй потерпѣлъ переворотъ въ своемъ благосостояніи, благодаря вмѣшательству полиціи, которая сдѣлала обыскъ въ его подвалѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ моего посѣщенія я узналъ, что одна женщина донесла на него за то, что онъ отказалъ дать ей взаймы пять франковъ.

Быть можетъ, было бы лучше официально разрѣшить игру во Франціи. Наплывъ толпы на скачкѣ свидѣтельствуетъ, что недугъ уже неизлечимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что скрытый порокъ развивается подъ тѣнью запрещеннаго порока. Законы противъ страстей тоже,

что оружія безъ рукоятей: ими нельзя дѣйствовать. Они покоятся въ кодексѣ въ качествѣ пугалъ. Мало-по-малу, по примѣру воробьевъ, которые кончаютъ тѣмъ, что садятся на чучелъ, навѣшанныхъ на вишневныя деревья, люди осѣдываютъ законъ и скачутъ на немъ по запретному раю. Порокъ въ человѣкѣ какъ потъ: какъ ни бейся, онъ неизбѣжно долженъ выступить наружу.

Одинъ остроумный юноша, охотникъ до парадоксовъ, сообщилъ мнѣ полный проектъ устройства новаго общества, основанный на законномъ и уравненномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей и страстей. Онъ увѣрялъ, что зло исчезнетъ съ того дня, когда человечество пресытится. По его мнѣнію, зло есть только голодъ и жажда, превратившіеся въ ожесточеніе, вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго воздержанія. Тотъ, кто будетъ пить и ѣсть, будетъ добръ. Эта шутка остроумнаго юноши часто заставляла меня содрогаться.

III.

Какъ только скачки оканчиваются, Парижъ пустѣетъ. Гостинныя закрываются и встрѣчаешь на каждомъ шагѣ кареты, навьюченныя чемоданами, направляющіяся къ желѣзно-дорожнымъ дебаркадерамъ. Въ былыя времена только очень богатые люди могли лѣтомъ уѣзжать изъ Парижа. Самыя небольшія путешествія стоили дорого и требовали значительныхъ приготовленій. Но теперь передвиженія совершаются съ такой легкостью, что нѣтъ того буржуазнаго семейства, ни того чиновничьяго хозяйства, которые бы не проводили части лѣтнаго сезона на какомъ-нибудь морскомъ побережьи или на какихъ-либо водахъ. Замѣтимъ, что и мода много тому содѣйствовала. Считается признакомъ дурного тона проводить дома жаркій сезонъ. Однако же въ нынѣшнемъ году отъѣзды затянулись по милости хмураго расположенія духа небесъ, которыя послѣ роскошнаго мая соблаговолили побережью намъ ужасающій іюнь. Началось съ страшной бури, о свирѣпости которой деревья нашихъ садовъ и наши домовыя трубы долго будутъ помнить; въ нѣсколько секундъ весь городъ былъ усыпанъ обломками вѣтвей и штукатурки. Затѣмъ полилъ дождь, который въ нѣсколько пріемовъ возобновлялся съ необычайной силой; всякій часъ приносилъ съ собою маленькій потопъ. И въ виду этого, всѣ, уложившіе уже свои чемоданы, предусмотрительно снова разложили бѣлье свое по шкафамъ и стали выжидать солнечнаго свѣта. Что за радость ѣхать заблудить на лоно природы въ такую сырость. Одинъ изъ друзей моихъ, уѣхавшій слишкомъ торопливо, пишетъ мнѣ изъ нормандскаго захолустья, въ которое онъ забрался,

что онъ съ утра до вечера занимается сожиганіемъ дубовыхъ стволовъ, и все-таки не можетъ согрѣться, потому что въ нашихъ деревняхъ ни двери, ни окна не запираются, а каминны имѣютъ въ болѣе-шей части случаевъ обыкновеніе дымить. Слѣдовательно, теперь всѣмъ уже полагалось бы выѣхать изъ Парижа, а между тѣмъ отъѣздъ не состоялся. Это придаетъ городу видъ тревожной скуки. Вообразите себѣ цѣлое народонаселеніе, которое вдругъ, по какой бы то ни было причинѣ опоздало на поѣздъ и зѣваетъ въ желѣзно-дорожной станціонной залѣ.

Между тѣмъ нельзя пожаловаться на скудость событій. Пища для впечатлѣній является безпрестанно. Этотъ мѣсяцъ особенно щедръ на развлеченія. Не успѣла почва гипподрома остыть отъ скачекъ, какъ уже маршалъ Макъ-Магонъ произвелъ на Лоншанской равнинѣ смотръ всей парижской арміи. Стеченіе народа было необычайное. Никогда еще парижане не выказывали такой любви къ стройнымъ войскамъ, марширующимъ подъ открытымъ небомъ, какъ послѣ нашихъ пораженій. Помыслы объ отплатѣ тутъ непричемъ. Народъ просто помнить, что въ его прошедшемъ есть цѣлые вѣка военной славы, и несогласенъ быть вычеркнутымъ изъ списка сильныхъ націй. За то какіе взрывы рукоплесканій раздаются, когда частица нашей прежней славы, когда горсть солдатъ является передъ его глазами. Въ нихъ онъ привѣтствуетъ душу самой націи. Нѣтъ, Франція не сдастся еще всякому, кто захочетъ овладѣть ею. Смотръ сошелъ бы наиблагополучнѣйшимъ образомъ, если бы по окончаніи его, именно въ тотъ моментъ, когда маршалъ уѣзжалъ съ гипподрома, не разразился страшнѣйшій ливень надъ Булонскимъ лѣсомъ. Зрителей собралось до ста тысячъ человекъ, а не было ни одного экипажа, такъ какъ полиція запретила фіакрамъ подѣзжать близъ къ параду изъ опасенія какихъ-нибудь несчастій. Женщины въ особенности приходили въ отчаяніе и подбирали свои юбки насколько могли; мужчины заботились защитить свои шляпы, прикрывая ихъ платками. Всѣ винулись искать убѣжища въ чащѣ лѣса, но дождь былъ такъ силенъ, что пронизывалъ насквозь листву. Какъ истый ребенокъ, публика кончила тѣмъ, что помирилась съ привлеченіемъ и драма перешла въ комедію: вскорѣ можно было слышать только взрывы хохота. Въ Парижѣ всему смѣются: смѣются дождю, смѣются въ праздники, прогуливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ укрѣпленій. Мнѣ случилось видѣть одну молодую женщину, прелестную блондинку, которая забавлялась отъ всего сердца тѣмъ, что крупныя капли дождя падали ей на шею: это щекотало ее, какъ она говорила.

Въ Руанѣ дождь насолить похуже. Руанъ возымѣлъ счастливую мысль отпраздновать столѣтній юбилей одного изъ популярнѣйшихъ

своихъ уроженцевъ: Воэльдѣ, автора *Dame Blanche*, родившагося въ 1775 году. Муниципалитетъ рѣшился устроить все на широкую ногу; программа представляла самую заманчивую перспективу увеселеній: иллюминаціи, процессія съ факелами, фейерверкъ, участіе орфеоновъ, спектакль-гала, спускъ воздушнаго шара, банкетъ, словомъ, чего только тамъ не было; три дня непрерывныхъ празднествъ! Въ заключеніе торжества было послано приглашеніе парижской прессы. Но, увы! съ перваго же вечера страшнѣйшій ливень затушилъ всѣ плошки; съ той поры вода не прекращала струиться и праздникъ потонулъ въ самомъ ужасающемъ сумбурѣ, который только можно себѣ представить. Минутами однакоже, во время перерывовъ программы, солнце выглядывало изъ-подъ облаковъ, блуждающій лучъ скользилъ по городу; но едва праздникъ возобновлялся, дождь, какъ будто сторожившій его, принимался поливать съ новой силой, выстукивая заунывную дробь на отсырѣвшихъ барабанахъ и превращая мѣдные инструменты въ гидравлическія машины. Я душевно сочувствую горю руанскаго населенія, но не могу не признать въ этомъ заслуженнаго наказанія. Руанъ никогда не сдѣлалъ для другого знаменитаго сына своего, Корнеля, и половины тѣхъ изъясненій почета, которыми онъ помянулъ Воэльдѣ, бывшаго въ сущности не болѣе какъ пріятнымъ композиторомъ. Французскій буржуа, впрочемъ, никогда не поколеблется между талантомъ и гениемъ: онъ всегда превознесетъ талантъ, а передъ гениемъ будетъ испытывать тайный страхъ и неловкость человѣка, попавшаго въ стѣснительное общество. Гений не допускаетъ шуточекъ, онъ нагоняетъ скуку и давитъ. Въ особенности Корнель, высокій, суровый, героическій до гигантскихъ размѣровъ. Развѣ возможно было осмѣлиться пускать ракеты изъ-за спины такого колосса, и не смѣшно ли было бы освѣтить его величавое чело четырьмя плошками. Воэльдѣ—другое дѣло: это просто милый человѣкъ, музыкантъ-трубадуръ, и его статуя какъ разъ создана для иллюминаціи. Стоить поставить свѣчу къ его ногамъ, и онъ весь будетъ освѣщенъ. Онъ олицетвореніе счастливой посредственности, легкаго творчества, обыкновеннаго, но пріятнаго ума. Кромѣ того, онъ всѣмъ понятенъ, а это великая заслуга. Чтѣ же можетъ быть естественнѣе чествовать Воэльдѣ и предавать забвенію памятникъ Корнеля, мрачнаго, властительнаго, облеченнаго во все его безсмертное величіе? Да здравствуетъ Воэльдѣ!

Въ промокшемъ Парижѣ одно изъ весеннихъ утѣшеній нашихъ — женщины, выходящія на улицу въ свѣтлыхъ платьяхъ. Въ ливень сколько бѣлыхъ чулокъ показываются до коленъ! Право, женщина, снимая тяжелый зимній нарядъ, похожа на развер-

тывающуюся почку, которая, сбросивъ твердую чешую, выставляетъ сочную зелень своихъ свѣжихъ листьевъ. Отъ нея вѣетъ шиновникомъ, сиренью и весенними цвѣтами; она точно меньше одѣта въ своихъ легкихъ и свѣтлыхъ тканяхъ, черезъ которыя севозать ея плечи. Лѣтніе цвѣта платьевъ по преимуществу голубые и розовые очень блѣдныхъ оттѣнковъ. Костюмы отличаются обворожительной фантастичностью, юбки складываются большими складками, поверхъ которыхъ закругленные передники съ причудливыми бантами, лифы кроются на манеръ кирасъ. Каждая женщина, которую встрѣчаешь, кажется букетомъ, составленнымъ на новый ладъ. Могущественныя, торжествующія, онѣ снуютъ въ свободномъ воздухѣ какъ вылетѣвшія изъ заперти птицы. Онѣ постукиваютъ каблуками своихъ маленькихъ сапожекъ. Свѣтлыя ткани придаютъ ихъ кожѣ бѣлизну особеннаго качества, нѣчто бархатистое, присущее только-что распустившимся цвѣтамъ. Первые, рѣшающіяся одѣться по-лѣтнему, приносятъ красные дни въ складкахъ своихъ оборокъ. Глядя на нихъ, кажется, что видишь ихъ послѣ долгой разлуки такими, какими всегда мечталъ любить ихъ. Въ такой моментъ ихъ власть такъ сильна, что онѣ могутъ выдумывать самыя странныя моды, не боясь изуродоваться и показаться дурными.

Въ нынѣшнемъ году разразилась эпидемія на клѣтчатая матеріи, не въ мелкую клѣтку, а громадными клѣтками, трехъ которыхъ хватаетъ на всю длину лифа. Можно подумать, что дамы спили себѣ платья изъ парусины, купленной ими первоначально для матрацовъ. И, несмотря на это, онѣ все же изящны. Онѣ вольны наряжаться въ куртку арлекина, сочинять самыя невозможныя сочетанія, вырѣзывать лифы и отдѣлки платьевъ своихъ изъ пресловутыхъ клѣтокъ, и кроить остальное, т.-е. рукава и юбку, изъ одноцвѣтныхъ тканей; онѣ сохраняютъ за собой право быть радостью нашихъ гуляній и вѣчнымъ украшеніемъ весенняго Парижа.

Уплативъ, въ качествѣ хроникера, дань любезности дамамъ, мнѣ приходится выкладывать цѣлый грузъ желчи, накипѣвшей на душѣ за нынѣшній мѣсяцъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Нѣкій издатель, г-нъ Барро, задумалъ напечатать подражаніе роскошному изданію сочиненій Ла-Фонтена, извѣстнаго подъ именемъ изданія генеральныхъ откупщиковъ (*éd. des Fermiers généraux*). Онъ нѣсколько лѣтъ употребилъ на приготовленія къ этому изданію, предназначавшемуся исключительно для однихъ библіофиловъ, заказалъ особенный прифтъ, озаботился заготовленіемъ особенной бумаги, словомъ, приобрѣлъ всю матеріальную часть. Онъ намѣревался воспроизвести во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ изданіе восемнадцатаго столѣтія. Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ деталей книги должны были слу-

жить гравюры Эйзена, доски которыхъ были поручены самымъ искуснымъ художникамъ для переколки, съ помощью которыхъ надѣялись получить прекрасные оттиски. Первый томъ, *Сказки*, находился уже въ печати, на что было получено разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ вдругъ Барро узнаетъ, что прокурорскій надзоръ возбуждаетъ противъ него преслѣдованіе за оскорбленіе общественной нравственности. Судебная власть, болѣе щепетильная на этотъ разъ по части цѣломудрія, чѣмъ министерство, переполошилась изъ-за нѣсколькихъ смѣлыхъ изображеній нѣкоторыхъ картинъ. Процессъ состоялся, и Барро признанъ виновнымъ. Но самое возмутительное то, что судъ постановилъ разбить доски гравюръ Эйзена. Это подняло настоящій бунтъ въ артистическомъ мірѣ. Какъ! столѣтнія гравюры, произведенія, составляющія эпоху въ исторіи художествъ, будутъ истребляться, разбиваться молотомъ, потому что они носятъ еще слишкомъ теплые слѣды восхитительной шаловливости восемнадцатаго столѣтія! Въ такомъ случаѣ, отчего же не разрубить на куски греческихъ статуй, за ихъ наготу и не изорвать полотень, на которыхъ величайшіе мастера позволили себѣ изобразить слишкомъ горячо любовь. Еще хуже то, что самъ Ла-Фонтенъ не вышелъ цѣлъ и здоровъ изъ этой кутерьмы: судьи и его не пощадили и дали отзывъ объ его *Сказкахъ*, какъ о вредномъ и безнравственномъ сочиненіи. Этого еще не доставало. Теперь остается только жечь Рабелэ, Ренэ, Брантома, а вслѣдъ за ними всѣхъ національныхъ романистовъ и драматурговъ. Что же, это будетъ ауто-да-фе девятнадцатаго вѣка. Если исправительные трибуналы примутся судить нашихъ великихъ людей, имъ придется выводить ихъ всѣхъ къ позорному столбу, потому что ни одинъ изъ нихъ не писалъ для молодыхъ дѣвицъ. Литература цѣлаго народа не можетъ состоять исключительно изъ трактатовъ, предназначенныхъ для пансіоновъ барышень. Человѣческій геній имѣетъ свои вольности. Замѣтьте также, что новое изданіе Ла-Фонтена должно было печататься въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и разойтись по рукамъ весьма немногихъ любителей. Тѣмъ не менѣе, цѣломудренные юристы пожелали дать примѣрную острастку.

Въ сущности, это весьма серьезное столкновеніе. Я указываю на него, какъ на фактъ, выражающій одну изъ самыхъ странныхъ сторонъ нашихъ общественныхъ нравовъ. Въ современномъ обществѣ, безъ сомнѣнія, существуютъ двѣ нравственности: одна, для обыденнаго обихода, допускаетъ разныя сдѣлки, но другая, литературная мораль — строгая особа, которой предписывается носить только закрытыя платья.

Обыденная нравственность всѣмъ извѣстна. Она заключается для

коммерсантовъ—въ срочной уплатѣ по векселямъ; для судебныхъ приставовъ—въ аккуратной продажѣ четырехъ сорочекъ неисправныхъ плательщиковъ, согласно постановленіямъ судебного кодекса. Она же пробавляется ложью приличій, смѣется въ душѣ надъ предубодѣніемъ, мирится съ мелкими подлостями, когда онѣ милы и граціозны, но возмущается сильно грубыми выходками людей, называющихъ вещи по имени и живущихъ непритворно, такъ, какъ имъ нравится.

Литературная нравственность абсолютно строга. Это воплощенное цѣломудріе, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Какъ только вещь написана, необходимо наблюдать, чтобы она была одѣта какъ для выѣзда въ большой свѣтъ, въ свѣжихъ перчаткахъ, застегнута на всѣ пуговицы, чисто выбрита. Прежде чѣмъ выпустить въ печать фразу, авторъ, уважающій себя, обязанъ осмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ, разглядѣть, достаточно ли она вычищена и приглажена, не оскорбитъ ли она чьей-либо скромности какимъ-нибудь неряшествомъ туалета. Затѣмъ, онъ слѣдитъ за ней отеческимъ окомъ, когда она починаетъ одобреніе дамъ. „Чудесная фраза! какая дѣвственность и какой отборный тонъ. Она выросла въ монастырѣ, и наши дѣвицы могутъ забавляться ею!“ Но покажи фраза только кончикъ плеча, приди въ малѣйшій безпорядокъ, и дамы, декольтирующіяся сами до поясицы, станутъ отзываться о ней, какъ о погибшемъ созданіи, съ которымъ нельзя водить знакомства, и будутъ презрительно обходить ее во всемъ неприступномъ спокойствіи своей наготы.

Вѣчная комедія! Всего того, что говорится, нельзя писать. Литературная мораль должна быть традиціонной замарашкой, ея дѣло заботиться о настрюлѣ съ супомъ, въ то время, какъ старшая сестра ея, мораль будничнаго обихода, разодртая въ шелкъ, можетъ любезничать съ проѣзжимъ принцемъ. Молчать о нашихъ гадостяхъ! Вотъ правило, которому повинуются человѣчество! Крадите, отнимайте чужихъ женъ, удовлетворяйте широко всѣмъ похотямъ, это ничего. Вы—человѣкъ; ваши братья, по духовнымъ неможамъ, отпустить вамъ, найдутъ для васъ облегчающія вину обстоятельства. Притомъ же, обо всемъ этомъ говорится только шопотомъ. Вы молчите, вы не выходите изъ границъ уговора. Весь свѣтъ знаетъ, что г-жа С*** имѣетъ любовниковъ, и всѣ ее принимаютъ. Мужъ молчитъ, скандала нѣтъ, слѣдовательно, и нѣтъ ничего.

Дѣлайте, но не пишите. Когда захотите сообщить непристойную исторію, расскажите ее на ушко дамамъ, онѣ будутъ хохотать какъ полоумныя; но, ради всего—не печатайте. Еслибы г-жа С*** совершила на бумагѣ то, что она творила въ иныхъ мѣстахъ, ея репутація погибла бы безвозвратно. Когда пишешь, необходимо надѣть платье, выправить свои манжеты. Между мужчинами принято быть какъ можно

болѣе рѣзкимъ; съ дамами это допускается, смотря по степени близости, и позволительно очень многое. Но съ листомъ чистой бумаги требуется обращаться съ полной сердечной непорочностью. Впрочемъ, и тутъ есть степени, существуетъ цѣлый сводъ дозволеннаго и недозволеннаго, кодексъ очень сложный и очень трудно примѣнимый. Такъ, въ водевилѣ или опереткѣ можно позволить себѣ вольность, даже очень большую вольность. Самые скандальныя намеки, самые рискованныя куплеты вызываютъ лишь улыбку, особенно если актеръ или актриса подчеркиваютъ смыслъ и извращаютъ его вопреки намѣреніямъ автора. Позволительно также, не имѣя никакого таланта, написать книгу, гдѣ повѣствуются похождения любой Марго: книга выдержитъ десять изданій и будетъ покоиться подъ кружевными изголовьями. Но главное, чтобы не было таланта. Вотъ, въ немъ-то и заключается верхъ неприличія и безстыдства. Мнѣ часто приходилось бесѣдовать съ великими писателями, и я знаю, каковы ихъ страданія. Они имѣютъ недостатокъ чувствовать сильнѣе остальныхъ людей и говорить во всеуслышаніе то, что чувствуютъ. Ихъ произведенія, въ которыхъ слышится бѣненіе пульса, гдѣ люди живутъ, пугаютъ толпу, въ которой они вращаются. Толпа не привыкла видѣть, чтобы книга дышала. Когда на столѣ салона книга начинаетъ шевелиться и сообщаетъ ощущеніе тепла рукамъ, которыя ее держатъ, заговариваетъ громкимъ голосомъ, она становится пугаломъ, ее слѣдуетъ бросить въ огонь, для домашняго спокойствія. Требуются книги мертвыя, которыя бы никого не беспокоили, которыя бы развлекали также безвредно, какъ вязальный крючекъ или вышиванье по канвѣ. Жизнь безстыдна, талантъ — мерзость, правда доводитъ до помойной ямы. Мнѣ приходитъ на память одинъ эпизодъ, оставившій во мнѣ сильное впечатлѣніе. Былъ я однажды у пріятеля, одного очень талантливаго писателя, онъ читалъ мнѣ главу новаго романа, который собирался печатать. Является господинъ съ знакомъ отличія въ петлицѣ, улыбающійся и приличный; онъ подсаживается и дослушиваетъ конецъ главы. Въ большомъ саду забывается влюбленная чета; весна заодно въ этой любви, рассказъ дышалъ нѣжностью и откровенностью греческой сказки; говоря просто, это любящіе Дафнисъ и Хлоя подъ персиковымъ деревомъ въ полномъ цвѣту. Сцена была непорочна и снѣла, къ тому же преисполнена такой неподражаемой граціи и таланта, что надобно было быть идиотомъ или пошлякомъ, чтобы краснѣть отъ этихъ двухъ античныхъ обликовъ.

Однако же господинъ выказывалъ признаки беспокойства. Очевидно, ему было совсѣмъ не по себѣ. Его цѣломудріе оскорблялось. Когда же мой пріятель окончилъ чтеніе, онъ не могъ превозмочь своего негодованія. Въ теченіи битаго получаса онъ клялся, что ни

стремимся къ погибели, и винилъ современную литературу въ упадѣ нравовъ, словомъ, нанизывалъ всю длинную вереницу извѣстныхъ общихъ мѣстъ о предметѣ. Когда онъ ушелъ, я обратился къ пріятелю съ вопросомъ:

— Кто этотъ строгій господинъ?

— Онъ-то!—отвѣтилъ мой собесѣдникъ:— вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ живетъ съ воспитательницей своей дочери; теперь дочь вышла замужъ; но гувернантка осталась въ домѣ; жена все знаетъ, все выносить. Впрочемъ, это очень богатый человѣкъ, съ обширнымъ кругомъ знакомыхъ, вездѣ хорошо принятъ. Ему даже удалось втереть свою любовницу въ нѣкоторые салоны, куда онъ ѣздитъ съ женой. Ограничиваются тѣмъ, что пересмѣиваются за его спиной снисходительнымъ смѣхомъ.

IV.

Трагическій Парижъ, Парижъ убійствъ и самоубійствъ съ нѣкоторыхъ поръ снова возвышаетъ свой страшный глухой голосъ. Никогда еще жизнь не казалась такимъ невыносимымъ бременемъ. Было замѣчено не разъ, что вслѣдъ за сильными социальными потрясеніями наступаетъ отвращеніе отъ жизни и жажда гробового сна. Народныя бѣдствія ложатся на нѣкоторыя плечи какъ бы тяжелѣе, и они не находятъ въ себѣ силъ вынести ихъ гнѣта. Это тлетворное повѣтріе распространяетъ смерть въ воздухѣ. Эпидемія самоубійствъ, какъ чума, рождается внезапно, неизвѣстно откуда. Въ нѣкоторые дни въ Парижѣ цифра самоубійствъ доходитъ до десяти, среднее число ихъ ежедневно два или три. Я убѣжденъ, что въ одномъ Парижѣ самоубійствъ совершается больше, чѣмъ во всей Франціи. Городъ этотъ предназначенъ бичу самой массой бѣдствующаго въ немъ населенія, безчисленнымъ количествомъ одинокихъ скорбей и своимъ несмолкающимъ шумомъ, заглушающимъ столько рыданій. Всѣ дошедшіе до отчаянія пріѣзжаютъ сюда убиваться, какъ бы они пошли топиться въ волны океана. Но, повторяю, никогда еще повѣтріе смерти не уносило столько жертвъ.

Люди убиваются отъ нищеты и отъ умопомѣшательства. Ихъ тѣла находятъ въ Сенѣ, подъ лодками, или плавающими въ глубинѣ зеленыхъ водъ; рѣка пересѣкаетъ городъ, будто для того только, чтобы смывать кровь съ мостовой. Иные предпочитаютъ веревку, другіе отравляются вѣшаться въ сосѣдніе лѣса, въ Венсеннъ или Булонь, большинство же не идетъ такъ далеко, и вѣшается на первой попавшейся балкѣ. Вѣшаются за воротами, на чердакахъ, вдоль бор-

ридоровъ. Недавно былъ найденъ трупъ повѣсившагося, который не далъ себѣ даже труда взобраться до пятаго этажа своей конуры и привязалъ свою петлю къ периламъ лѣстницы. Отравлений встрѣчается мало, однѣ женщины еще глотаютъ лауданумъ или фосфоръ отъ пачки спичекъ; этотъ родъ самоубійства не всегда удаченъ. Женщины также открываютъ себѣ артеріи и садятся въ ванны, смерть наступаетъ тогда тихо въ теплой водѣ. Одна дѣвочка шестнадцати лѣтъ, помѣшавшись отъ несчастной любви, старалась убиться этимъ способомъ. Что касается угля, то онъ по прежнему остался усыпителемъ бѣдняковъ, дешевымъ лекаремъ, который всегда находится подъ рукой. Какъ только горячій угаръ понесется изъ-подъ запертой двери, въ рабочемъ кварталѣ, тотчасъ слышится возгласъ: „кто-нибудь да убивается тутъ!“ Дверь выламываютъ, и иногда поспѣваютъ еще въ-время, чтобы спасти хрипящаго на постели умирающаго. Самоубійство острымъ оружіемъ вещь рѣдкая; требуется слишкомъ много мужества для того, чтобы вонзить въ свое тѣло блестящее лезвіе. Пистолетъ гораздо удобнѣе; тутъ достаточно небольшого движенія пальца, часто одного нервнаго содроганія, особенно теперь, когда изобрѣтены револьверы; если первый выстрѣлъ дастъ осѣчку, остается въ запасѣ четыре или пять пуль, чтобы покончить съ собой. Наконецъ, вышли изъ употребленія и общественныя зданія; едва-ли ежегодно услышишь объ одной или двухъ личностяхъ, сбросившихся на мостовую съ высотъ Нотр-Дамъ или Вандомской колонны. Между тѣмъ, этотъ гигантскій скачекъ былъ прекраснымъ родомъ смерти, въ этомъ полетѣ въ безконечное пространство, можетъ быть, разбивались въ безсознательномъ головокруженіи.

Мнѣ бы хотѣлось указать вскользь на нѣкоторыя драмы, потрясшія нервы Парижа. Одинъ старый живописецъ убился отъ голода въ канурѣ, служившей ему жильемъ, подлѣ укрѣпленій; это былъ талантливый артистъ, картины котораго нѣкогда имѣли успѣхъ на выставкѣ. Одна женщина, проискавъ недѣлю работы, взяла въ кредитъ мѣрку угля и зажгла ихъ; легла, обнявши своихъ двухъ дочерей, двухъ бѣлокурыхъ дѣвочекъ, и нашли три трупа окоченѣлые, синіе и обнявшіеся. Двое стариковъ восьмидесяти лѣтъ, мужъ и жена, пришли въ отчаяніе, не захотѣли дожидаться смерти; они торопились, желали отправиться вмѣстѣ, и страшно обезобразили другъ друга бритвою. Что сильный человѣкъ, которому надоѣдаетъ бушеваніе крови въ жилахъ, рѣшается сразу остановить свое сердце, еще понятно, но самоубійство старика возмущаетъ; спрашиваешь себя, зачѣмъ такое нетерпѣніе, когда всѣ уже горечи жизни допиты до дна и требуется небольшое усиліе мужества, чтобы дождаться конца? Но въ нынѣшнемъ году много стариковъ потеряли терпѣніе и, кажется, что они-то по преимуществу и отчаялись въ жизни. Но есть нѣчто

еще грустиѣ самоубійства старика—это самоубійство ребенка. Громадная жалость перевертываетъ всѣ ваши внутренности. Для того, чтобы ребенокъ убился, вѣдь надобно же ему было пережить всѣ страданія взрослого человѣка. Какъ подумаешь только обо всей той ужасающей работѣ, которую продѣлала эта маленькая головка, чтобы дойти до заключенія о необходимости смерти! Вѣдь это убитая надежда, дерево погибшее на всходѣ, отрицаніе и оскорбленіе самой жизни. Бичъ коснулся даже дѣтей. Бѣдный, десятилѣтній мальчикъ утопился, потому что его прогналъ хозяинъ, а онъ боялся вернуться къ родителямъ, которые его били. Другой ребенокъ повѣсился отъ ревности: его сестрѣ оказывали предпочтеніе. Наконецъ, двѣнадцатилѣтній школьникъ надѣлъ себѣ петлю на шею по неизвѣстной причинѣ; быть можетъ, онъ убился изъ философіи, потому что жизнь успѣла надоесть ему. О, что за ветошь стала жизнь! И какъ на нее плюютъ всѣ! Младенцы и тѣ даже отворачиваются отъ нея. Они убиваются изъ презрѣнія къ ея радостямъ, еще не успѣвши хорошенько узнать ее. Старики сожалеютъ, что жили, и отказываются жить долѣе. Это общій вопль протеста. Иной разъ самъ Парижъ ощущаетъ смущеніе передъ зрѣлищемъ побѣга всѣхъ этихъ страдалцевъ. Того и гляди, если повѣтріе усилится еще, что все населеніе потеряетъ голову и не хватитъ тогда гвоздей на балкахъ и воды въ рѣкѣ для желающихъ. Всѣ станутъ убиваться массами, по инерціи, съ однимъ желаніемъ заснуть добрымъ сномъ земли, когда майское солнце грѣетъ могилы.

Рядомъ съ этимъ улицы обгаются еще кровью преступленій. Убиваются и убиваютъ! Одни наносятъ себѣ удары по страсти къ смерти, другіе кричатъ отъ испуга подъ ударами убійцъ. И всѣ отбываютъ, всѣ переселяются на столы Морги. Но все это та же кровь, льется-ли она въ мукахъ страха, или въ восторгѣ освобожденія. Черные слѣды ея все равно пятнаютъ Парижъ. Убіиства также, какъ и самоубійства, чрезвычайно многочисленны. Трагическая смерть паритъ надъ нашими жилищами. Въ особенности же въ прошлую зиму такъ и сыпались удары ножомъ и желѣзной полосой. Уже десять лѣтъ какъ не было такого обилія присужденныхъ къ смертной казни, и палачъ пересталъ считать головы, которыя ему приходится отсѣкать. Въ газетахъ, отдѣлѣ хроники убійствъ постоянно обильно наполненъ. Отравленія, удушенія, распоротыя груди, разрѣзанныя шеи, размозженные головы не перестаютъ чередоваться; едва хватаетъ на нихъ цѣлаго столбца. Затѣмъ, по недостатку новаго матеріала всплываютъ рассказы о какой-нибудь старой рѣзні, о какомъ-нибудь отвратительномъ событіи, ужасъ котораго увеличивается еще его таинственностью. Благодаря нашей прессѣ, которая щеголяетъ вѣр-

ностью и быстротой своихъ свѣдѣній, мы живемъ въ постоянной тревогѣ. Впрочемъ, многіе читатели это любятъ. Распространенныя газеты, такъ-называемые листки съ новостями приглашаютъ даже въ число своихъ редакторовъ настоящихъ полицейскихъ агентовъ-любителей. Какъ только совершится гдѣ-нибудь преступленіе, они отправляются, производить общее слѣдствіе, результаты котораго являются въ нескончаемыхъ статьяхъ. Описывается мѣстность, исторія происшествія, прилагаются портреты жертвъ, излагаются размышленія самого редактора, который пускается въ преслѣдованіе виновныхъ, если настоящая полиція не счумѣла наложить на нихъ руку. Въ такомъ случаѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ редакторъ ведетъ свое слѣдствіе, защищаетъ свою систему, публично сообщаетъ офиціальнымъ слѣдователямъ свои замысловатыя гипотезы. Иногда двѣ соперничающія газеты ведутъ тяжбу за одно преступленіе, каждая заявляетъ о томъ, что она первая открыла его, и обвиняетъ противницу въ кражѣ. Это страстная погоня за убійствами, неистовый бѣгъ взапуски; кто первый перечислитъ удары ножа, дастъ скорѣе отчетъ о допросѣ обвиняемыхъ и всѣ прочія подробности. Полиціанты-любители выражаются не иначе, какъ: „мое преступленіе“, какъ иной сказалъ бы: „моя побѣда“. Если бы имъ предоставлена была воля, они бы перерыли всѣ бумаги полицейскаго пристава и судебного слѣдователя, чтобы сообщить публикѣ болѣе подробныя свѣдѣнія. Ихъ претензія—помогать своимъ содѣйствіемъ розыскамъ правосудія, но часто послѣднее бываетъ вынуждено просить ихъ помолчать. Нельзя скрыть истинной правды, что расходъ на экземпляры газеты возрастаетъ на треть всякій разъ, когда нумеръ содержитъ отчетъ объ одномъ изъ этихъ омерзительныхъ процессовъ. Тутъ протая спекуляція на ужасное. Толпа любитъ ужасы.

Боже, зато и сколько этихъ ужасовъ! Мелкіе буржуа безмятежно читаютъ всѣ эти страхи по утрамъ, за чашкой *café au lait* и испытываютъ только легкую, поверхностную пріятную дрожь; сложивъ газету, они перестаютъ думать обо всемъ этомъ и мирно идутъ погулять по солнышку. Но у нервныхъ темпераментовъ эта дрожь не проходитъ; кончается тѣмъ, что живешь постоянно въ какомъ-то облакѣ крови. Я замѣтилъ, что преступленія идутъ всегда волной. Случается, что цѣлыхъ три недѣли кряду, иногда даже мѣсяцъ, продолжается рѣзня; кровь течетъ ручьями; всякое утро слышишь о какой-нибудь новой драмѣ, то въ отдаленномъ кварталѣ, то дверь объ дверь съ вашей квартирой. Точно какая-то туча разражается надъ Парижемъ, убійство расточаетъ свои удары то тамъ, то сямъ съ слѣпымъ фатализмомъ. Проводишь цѣлые дни подъ давленіемъ кошмара, въ которомъ видишь бѣшеннаго челоѣка-звѣря, бѣгающаго по улицамъ, кусающаго и душащаго прохожихъ. Затѣмъ

слѣдуетъ затишье, недѣли двѣ не услышишь даже о царяпинѣ. Всѣ живутъ въ согласіи и дружбѣ, какъ одно любящее семейство, пока одному изъ братьевъ не вздумается схватить за горло другого брата и ознаменовать этимъ новый приступъ припадка бѣшенства. Вѣроятно, по толпѣ пробѣгаютъ какія-то тлетворныя дуновенія сумасшествія убійствъ.

Въ послѣднее время по Парижу прошла такая полоса преступленій. Въ окрестностяхъ его, въ разстояніи нѣсколькихъ льѣ, убито отъ восьми до десяти человѣкъ, и полиціи не удалось отыскать виновныхъ. Черезъ каждые два или три дня въ уединенныхъ домахъ находили трупы убитыхъ. Ударъ, причинившій смерть, былъ вездѣ одинъ и тотъ же, ударъ въ темя желѣзной полосой. Жертва—старикъ или старуха, уткнувшись носомъ въ полъ, лежали въ крови. Удовольствіи въ одномъ, что убійство совершено было въ сумерки, когда еще ворота не запирались, потому что ни въ одномъ случаѣ не нашлось слѣдовъ взлома или вторженія, и спрошенные сосѣди клялись всѣми святыми, что не слышали никакого шума. Эти страшныя исторіи долго занимали весь Парижъ. Убійства прекратились, но убійцы не отысканы. Догадливые журналисты предположили, что жители селенія, гдѣ произошли убійства, должны знать виновныхъ, но боятся ихъ мести, и потому не хотятъ давать правосудію никакихъ указаній. Нѣсколько лицъ было задержано, но по недостатку уликъ пришлось ихъ выпустить. Быть можетъ, эта ужасная тайна такъ никогда и не выяснится, развѣ только какой-нибудь каторжникъ, попавшій на галеры за другое преступленіе, сознается и въ этомъ на смертномъ одрѣ.

Въ самомъ Парижѣ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, точно всѣ порочныя инстинкты проснулись, зарычали и оскалили зубы. Вотъ, наприимѣръ, высокій молодой человѣкъ, очень тихой наружности, хорошо воспитанный, закололъ служанку трактира, въ который зашелъ завтракать. Ему давно хотѣлось убить женщину, больше ничего. Когда онъ посмотрѣлъ на служанку, подававшую ему котлету, онъ сказалъ себѣ, что эта ему годится и онъ убьетъ ее, когда позавтракаетъ. Онъ взялъ ножъ и запустилъ его ей въ грудь. Судъ отправилъ его въ домъ умалишенныхъ. Затѣмъ, какое-то животное убило мебельнаго торговца, съ цѣлью украсть его облигаціи. Какъ только деньги поступили въ его распоряженіе, имъ овладѣла манія безостановочнаго передвиженія: онъ покатилъ въ Метцъ, въ Брюссель, возвратился въ Парижъ, откуда въ тотъ же вечеръ снова выѣхалъ; онъ жилъ только на желѣзныхъ дорогахъ, бросая деньги направо и налево, чтобы поскорѣе израсходовать ихъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ выдумалъ самую нелѣпую исторію о находкѣ облигацій въ нѣмецкомъ вагонѣ. Его гильотинировали. Другое тупого-

ловое животное умерщвляетъ банкира и забываетъ свою шляпу подлѣ трупa. Передъ судомъ онъ не находитъ другой защиты, кромѣ утверженія, что много шляпъ бываютъ похожи одна на другую. Этому тоже отрубили голову. Наконецъ, на этихъ дняхъ, сынъ убилъ мать ударами кочерги. Это дѣло, въ настоящее время, когда я пишу, остается еще неразъясненнымъ и ужаснымъ. Газеты получили приказаніе молчать о немъ. Мать нашли на постели съ страшно раздробленной головой. Кочерга, вся въ крови, была подъ кроватью. Сосѣди ничего не слыхали, въ комнатѣ все найдено въ порядкѣ, никакихъ вещей не пропадало. Вѣроятно, опять какая-нибудь уродливость, разстройство мозга или сердца. Ничего не можетъ быть мрачнѣе этой вереницы людей, обогранныхъ кровью; они представляютъ собой больное человѣчество и, глядя на нихъ, минутами, нападаетъ страхъ, при мысли, что бы вышло, если бы внезапно человѣческій разумъ омрачился вслѣдствіе какого-нибудь повального недуга и города вдругъ населились одними подобными волками.

Но преступленіе, наиболѣе другихъ встревожившее общественное мнѣніе—убійство вдовы Ружье. Старуху убили втроемъ Малльо, Товень и Жоржъ, всѣ трое бродяги, жившіе кражей, а подѣ часъ пускавшіе въ ходъ и ножи. Въ этотъ день у нихъ не было денегъ. Они сидѣли у Жоржа, восемнадцатилѣтняго парня, и разсуждали о томъ, чѣмъ бы имъ поужинать. Такимъ образомъ, спокойно, не торопясь, дѣло порѣшилось. Уже давно они изучали его. Они сѣли въ омнибусъ, проѣхали весь Парижъ, покуривая свои папиросы, какъ добродушные зѣваки. Приѣхали въ Вожираръ, вошли къ вдовѣ Ружье и придушили ее. Затѣмъ унесли все, что могли забрать съ собой, всего на нѣсколько сотенъ франковъ. Въ тюрьмѣ, Малльо сдѣлалъ полное признаніе, онъ разсказалъ всю свою жизнь, чрезвычайно необыкновенную жизнь, проведенную отчасти на каторгѣ; въ Кайеннѣ онъ чуть не женился на краснокожей. Всѣ трое были присуждены къ смертной казни. Но сознаніе Малльо спасло ихъ головы. Маршалъ Макъ-Магонъ смягчилъ ихъ наказаніе на пожизненную ссылку въ каторгу. Еще послѣдняя подробность: Товень и Жоржъ, взбѣшенные исповѣдью Малльо, обвиняли его въ своей гибели и грозили задушить его, но когда они узнали о смягченіи, они залились слезами и всѣ трое просили позволенія обняться. Они бросились въ объятія другъ друга, плакали и обнимались въ одномъ изъ тюремныхъ корридоровъ.

По крайней мѣрѣ, уже теперь, во Франціи, преступленіе не совершается цѣлыми вооруженными шайками, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Железныя дороги избавили насъ отъ внуковъ Мандрина и Картуша. Въ настоящее время убійца, по большей части, одинокій звѣрь, промышляющій и работающій за свой личный

счетъ. Только одинъ уголокъ страны, Провансъ, служить еще убѣжищемъ легендарнымъ разбойникамъ. Нужно побывать въ этой Греціи, нѣжащейся въ горячихъ лучахъ своего жаркаго солнца и любовно дремлющей подъ тощей тѣнью своихъ миндальныхъ деревьевъ, чтобы встрѣтить еще шайки классическихъ воровъ, останавливающихъ дилижансы и убивающихъ возчиковъ. Фра-Діаволо распѣваетъ тамъ свои дуэты съ трактирными служанками. На это есть очень много различныхъ причинъ: трагическіе горизонты, дороги идущія по ущельямъ, обвалы утесовъ, куда залетаетъ развѣ только дроздъ, насвистывая свою пѣсню. Все здѣсь какъ будто приспособлено для убійствъ. Дорога изъ Э въ Марсель имѣетъ свои знаменитыя мѣста, въ которыхъ во всѣ времена находили убитыхъ,—это вошло въ обыкновеніе. Затѣмъ, если мѣстность доставляетъ надлежащія декораціи, Піемонтъ поставляетъ актеровъ. Когда піемонтевецъ проштрафится дома, онъ перебирается во Францію, чтобы переждать время, пока о всемъ позабудется. Онъ заранѣе знаетъ, что найдетъ себѣ занятіе въ обширныхъ мастерскихъ, устроенныхъ для желѣзно-дорожныхъ сооружений. Они отличныя землекопы, выносливы въ работѣ, трезвы, дѣятельны и во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе мѣстнаго рабочаго люда. Только они говорятъ особеннымъ языкомъ, угощаютъ другъ друга ударами ножей и составляютъ опасное населеніе, къ которому принадлежатъ тѣ подозрительныя фигуры, которыя бродятъ по ночамъ по глухимъ дорогамъ. Зимой, когда работы прекращаются, случается, что съ шести часовъ вечера на улицахъ останавливаютъ прохожихъ. Обыватели только ускоряютъ шаги и жмутся ближе къ домамъ. Тѣмъ и ограничиваются. Скажутъ: „это піемонтезцы шалать“, и этимъ достаточно объясняется приключеніе. Бываетъ, что какой-нибудь мелкій торговецъ, разбогатѣвшій работникъ, пойдетъ въ свой „bastidon“, и находитъ дверь взломанною. Вино выпито, луковицы съѣдены, украдено двѣ кружки и одна скамья. Опять піемонтезцы. Къ несчастью, бываютъ и болѣе важные случаи, организуются настоящіе ассоціаціи.

Съ помощью мастерскихъ, они скрываются въ подвижномъ составѣ рабочихъ и имѣютъ развѣтвленія и сообщниковъ по всему протяженію страны. Въ такихъ случаяхъ, они эксплуатируютъ ее въ широкихъ размѣрахъ и цѣлые мѣсяцы къ-ряду наводятъ на нее страхъ. Отъ времени до времени, жандармерія разставляетъ свои тенета; посылаютъ нѣсколькихъ на гильотину, другихъ на каторгу, но хвостъ шайки остается невредимъ и чудовище скоро снова оживаетъ и пускаетъ въ ходъ свои зубы. Сколько головъ ни руби, онѣ вновь вырастаютъ.

Въ послѣдніе годы имперіи одна изъ такихъ бандъ съ ружьями нападала на дилижансы. Недавно еще другая банда продолжала

существовать, но эта была менѣе романтическихъ свойствъ. Начальникъ ея, Фонтана, любилъ порядокъ и домовитость. У него былъ загородный домъ. Онъ дѣлалъ запасы на зиму и собиралъ въ кладовыя добычу. У него былъ найденъ запасъ хлѣба, картофеля и солонины. Здѣсь была главная квартира, не то что какая нибудь пещера, какъ въ сказкахъ, нѣтъ, порядочный загородный домъ, въ которомъ разбойники, вымывши руки, жили какъ добрые буржуа; къ тому же эти господа прибѣгали къ убійству только, какъ къ мѣрѣ осторожности. Двое изъ членовъ, Галетто и Гарбарино, ввели его какъ средство, предохраняющее отъ болтовни. Они держались принципа убивать сначала, а потомъ обыскать. Итакъ, они убивали, затѣмъ обыскивали, иногда не находили ничего. Тогда трупъ бросали въ какой-нибудь оврагъ, съ презрѣніемъ, заслуженнымъ человѣкомъ, у котораго не было ни гроша.

Они убили четырехъ человѣкъ на одной фермѣ, и могли унести, только пару серегъ. Изъ-за ста-пятидесяти франковъ убили сторожа моста. Убили столяра изъ-за серебряныхъ часовъ, пары панталонъ и жилета. Убили старуху неизвѣстно изъ-за чего. Съ этой точки зрѣнія, убійство совершается безъ малѣйшей борьбы; рѣжутъ человѣка, какъ борова, чтобы получить его кровь. Когда имъ не попадался никто по дорогѣ, они ограничивались кражей. Между тѣмъ ихъ кладовыя наполнялись, они ѣли, пили; по вечерамъ, лежа на травѣ, любовались звѣздами. Это былъ своего рода кровавый Декамеронъ. Въ то время, какъ мужчины занимались разсказами о своихъ подвигахъ, *Арезъ*, любовница атамана, кроила штанишки своему ребенку изъ панталонъ жертвъ. Эти праздные и практическіе негодяи умѣли изъ всего извлекать выгоду. Галетто довелъ свою изобрѣтательность до того, что вырѣзалъ кусокъ мяса изъ бедра убитой старухи, намѣреваясь, вѣроятно попробовать, нельзя ли будетъ употреблять убитыхъ на ѣду. Они, пожалуй, дошли бы до того, что перестали бы обращаться за провизіей къ мяснику.

Въ сущности они были не болѣе, какъ узколобыми и вульгарными разбойниками, звѣрье, не имѣющее ничего общаго съ человѣчествомъ. Въ нихъ говорила волчья кровь. Дѣдъ Галетто, обезглавленный въ Италіи, пекъ пироги изъ мяса зарѣзанныхъ имъ дѣвушекъ. Маленькій сынъ Фонтаны и Арезы, мальчикъ лѣтъ пяти, отвѣчалъ судебному слѣдователю: „Папа и мама? они *играютъ* въ воровъ“. И въ голубыхъ глазахъ и на невинныхъ губахъ играла счастливая улыбка наслажденія природнаго разбойника, родившагося на свѣтъ затѣмъ, чтобы кусаться.

Е. Z-1-

ЧТО ДУМАТЬ О СПИРИТИЗМѢ?

По поводу письма проф. Вагнера.

III *).

Мы видѣли, что, рассказавъ о гармоникѣ, висѣвшей передъ его глазами на воздухѣ, г. Вагнеръ оставляетъ самъ это явленіе подл сомнѣніемъ, котораго впрочемъ не высказалъ рѣшительно. Во всякомъ случаѣ, это единственное проявленіе скептицизма въ отношеніи къ спиритическимъ явленіямъ, которое намъ удалось подмѣтить въ его письмѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ довѣріе г. Вагнера заходитъ такъ далеко, что, мы увѣрены, покажется чрезмѣрнымъ даже многимъ изъ убѣжденныхъ спиритовъ. Для примѣра приведемъ собственными словами г. Вагнера слѣдующее обстоятельство, сопровождавшее его опыты со „стологовореніемъ“.

„Столъ вытребовалъ французскую азбуку, которую произносилъ Бредиѣ, и совершенно правильно сложилъ:

„Licht! mehr Licht!“

— къ крайнему удивленію всѣхъ насъ, *которые очень хорошо знали, что Бредиѣ ни слова не знаетъ по-нѣмецки*“ (стр. 864). Нужно сказать, что этотъ Бредиѣ — профессиональный медиумъ, который является въ спиритическіе сеансы по найму, за 30 р. въ вечеръ. Описавши его біографію и внѣшнія качества, самъ г. Вагнеръ прибавляетъ: „понятно, что личность подобнаго рода внушала очень мало довѣрія“ (стр. 861). Между тѣмъ, г. Вагнеръ не только за себя, но и за всѣхъ присутствующихъ увѣряетъ, что г. Бредиѣ не знаетъ ни слова по-нѣмецки. Спрашивается, какимъ образомъ могъ въ этомъ удостовѣриться г. Вагнеръ? Очевидно, основываясь только на показаніи самого же г. Бредиѣ, „личности, по его же собственнымъ словамъ, внушающей очень мало довѣрія“; собирать же достовѣрныя свѣдѣнія въ Парижѣ о томъ, не знаетъ ли г. Бредиѣ нѣсколькихъ фразъ по-нѣмецки, было бы просто смѣшно, и мы увѣрены, что

*) Вслѣдствіе недоразумѣнія, весьма возможнаго при далекомъ разстояніи и необходимости письменныхъ сношеній, эта часть статьи, написанная авторомъ одновременно съ предыдущею („В. Евр.“ іюнь, стр. 906), не могла быть напечатана вѣрнѣе и является въ печати только теперь; но она собственно составляетъ заключеніе той статьи, уже прежде напечатанной, и должна потому применить къ ней непосредственно. — *Ред.*

г. Вагнеръ этого не дѣлалъ. Да и вообще вопросъ о томъ, знаетъ или не знаетъ г. Бредифъ нѣмецкій языкъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, такъ какъ, по разсказу г. Вагнера, въ сеансѣ участвовало нѣсколько другихъ лицъ, знающихъ нѣмецкій языкъ, и вообще языкъ, на которомъ столь диктуется свои изреченія, получилъ бы особенное значеніе только тогда, еслибъ онъ не былъ извѣстенъ *ни одному* изъ присутствующихъ. Тогда дѣйствительно было бы неизбѣжно заключить, что собесѣдующая интеллигентная сила находится внѣ круга участвующихъ въ сеансѣ. Но, сколько мы знаемъ, такого, безупречно удостовѣреннаго, факта еще никогда не бывало въ лѣтописяхъ спиритизма—вотъ, поразительный примѣръ, до какой не точности въ свидѣтельскихъ показаніяхъ могутъ доходить люди подъ вліяніемъ предвзятой мысли, даже ученые, которыхъ самая специальность обыкновенно пріучаетъ къ крайней осторожности въ изслѣдованіяхъ.

Перейдемъ теперь къ той части письма г. Вагнера, которая способна произвести наиболѣе одушевленія къ спиритизму въ одной части публики и всего болѣе подорвать кредитъ его въ другой. Мы говоримъ объ описанныхъ имъ такъ-называемыхъ „лицевыхъ сеансахъ“ (face seance). Странное названіе это происходитъ отъ того, что въ теченіи ихъ передъ глазами вѣрующихъ является лицо или какая-нибудь часть неизвѣстнаго, но подобнаго человѣку организма. Чтобъ достигнуть этого, г. Вагнеръ и его общество, по образцу англійскихъ спиритовъ, помѣщали своего медиума въ особое темное пространство, тщательно связывали его по рукамъ и по ногамъ, а сами располагались полукругомъ въ слабо освѣщенной комнатѣ передъ занавѣскою, отдѣлявшею ихъ отъ медиума. Медиумъ впадалъ при этомъ въ „магнетическій“ сонъ, и спустя нѣсколько времени, за занавѣскою появлялась рука, вовсе непохожая на руку медиума, выстукивала на тамбуринѣ подъ тактъ музыки, звонила въ колокольчикъ, писала по-французски разныя фразы на бумажѣ, и т. д. Свойства этой руки описаны г. Вагнеромъ съ живостью и наглядностью, въ которыхъ мы узнаемъ мастера. По окончаніи сеанса внимательно осматривались помѣщеніе медиума и тѣсныя, связывавшія его. Все было найдено въ совершенной исправности, такъ что г. Вагнеръ заблаговременно энергически протестуетъ противъ всякаго подозрѣнія въ томъ, что описанныя явленія могли быть поддѣланы медиумомъ или его, проскользнувшимъ въ помѣщеніе, помощникомъ.

Для публики, незнакомой со спиритизмомъ, мы должны прежде всего замѣтить, въ защиту г. Вагнера, что какъ ни страненъ его разсказъ, но онъ не заключаетъ въ себѣ ничего небывалаго или неслыханнаго. Подобныя явленія, при подобныхъ условіяхъ, были уже

многokrатно наблюдаемы и описаны людьми не только безукоризненно добросовѣстными, но и обладающими несомнѣннымъ научнымъ авторитетомъ въ своей области. Въ рѣдкомъ номерѣ спиритическихъ журналовъ въ Англіи, а особенно въ Америкѣ, не встрѣчаются въ послѣднее время такіе же или еще болѣе удивительные рассказы о „матеріализаціи“ духовъ и ихъ „дематеріализаціи“ силою нѣкоторыхъ особо-одаренныхъ медиумовъ (materialisation and dematerialisation of spirit-forms). Лѣтъ десять назадъ обыкновенно сообщалось о появленіи такимъ путемъ *рукъ*, затѣмъ стали воспроизводиться *лица*, а наконецъ *полные образы* какихъ-то странныхъ существъ, двигающихся, говорящихъ, доступныхъ не только зрѣнію, но и осязанію. Большею частью эти существа представляютъ по голосу и чертамъ лица поразительное сходство съ медиумомъ, такъ что они считаются нѣкоторыми мистическимъ *двойникомъ* послѣдняго. Но иногда они, напротивъ, вовсе не похожи на медиума или даже похожи на кого-нибудь изъ умершихъ родственниковъ участвующихъ. Въ англійскихъ спиритическихъ журналахъ въ три послѣдніе года помѣщались безчисленные рассказы о словахъ и дѣйствіяхъ *Джона Кинга* и *Кэти* (она же *Энни Морганъ*). Это ни болѣе, ни менѣе, какъ матеріализирующіеся при сеансахъ духи-покровители медиумовъ м-ра Вильямса и миссъ Кукъ. Такіе духи, принявшіе оболочку своихъ медиумовъ, выходятъ изъ-за занавѣски, гдѣ скрывается медиумъ, въ средину спиритическаго кружка, бесѣдуютъ съ его членами, цѣлуютъ и позволяютъ себя цѣловать, играютъ на фортепьяно, снимаются фотографически въ различныхъ позахъ съ помощью электрическаго свѣта, даже *принимаютъ пищу*. Мало этого. Въ лондонскихъ спиритическихъ кружкахъ нѣсколько разъ появлялся при тѣхъ же условіяхъ „духъ“, называвшій себя *Петромъ*, который, въ величайшему скандалу присутствовавшихъ, ругался, богохульствовалъ, требовалъ водки и даже, если насъ не обманываетъ память, пилъ ее.

Все это засвидѣтельствовано письменными удостовѣреніями и подписями множества въ высшей степени респектабельныхъ и отчасти ученыхъ людей, которые говорятъ о неподдѣльности всѣхъ этихъ чудесъ съ такимъ же непоколебимымъ убѣжденіемъ, съ какимъ, вѣроятно, говорили передъ судомъ инквизиціи многіе свидѣтели въ процессахъ вѣдьмъ въ средніе вѣка. Но между ихъ показаніями и показаніями г. Вагнера все-таки есть огромная разница, и именно въ томъ, что первые дѣлаются исключительно въ *спиритическихъ журналахъ*. Онѣ пишутся, слѣдовательно, для своей особой публики, которая совершенно въ правѣ довольствоваться коротенькими корреспонденціями, подписанными участниками сеанса, что въ Ньюкестлѣ или Брайтонѣ совершился фактъ матеріализаціи такого или другого вида. Подобно этому, финансовая публика доволь-

ствуется короткими биржевыми извѣстіями своей газеты, или ученаѣ публика краткими отчетами объ успѣхахъ науки въ реферирующихъ журналахъ. Сомнѣніе въ томъ, не составляютъ ли подобныя извѣстія результатъ смѣлаго обмана съ одной стороны и недостатка проницательности или физическихъ знаній съ другой,—вѣрующей спиритической публикѣ, разумѣется, и въ голову не приходитъ.

Совсѣмъ иное однако, когда подобное сообщеніе выходитъ изъ своей спеціальной сферы и адресуется къ массѣ публики вообще. Банкиръ считаетъ тогда своею обязанностью подробно разъяснить выгоды и солидность рекомендуемаго имъ предпріятія, ученый сообщаетъ не только полученный имъ результатъ, но и путь, приведшій къ его достиженію, имѣя въ виду такимъ образомъ внушить даже людямъ, вѣѣ науки стоящимъ, довѣріе къ еѣ новому приобрѣтенію. Справедливость заставляетъ поэтому требовать, чтобы и спиритъ, дѣлая сообщеніе не въ собственномъ спеціальномъ органѣ, а въ журналѣ, предназначенномъ для большой публики, умѣлъ придать этому сообщенію характеръ объективной истинности, а не простого субъективнаго убѣжденія, что явленія происходили именно путемъ, признаваемымъ имъ за истинный. Читатель долженъ видѣть, что въ лицѣ автора онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который и при такихъ, повидимому, необыкновенныхъ обстоятельствахъ, сохранялъ способность спокойнаго обсуждения, а не съ человѣкомъ, отдававшимся безконтрольно своимъ впечатлѣніямъ. Естественно поэтому желать, чтобы спиритъ, адресующійся къ массѣ публики, являлся передъ нею не человѣкомъ другого міра, съ которымъ никакое соглашеніе невозможно, а здравомыслящимъ собесѣдникомъ, способнымъ стать на точку зрѣнія своихъ читателей и признать полную законность ихъ естественнаго скептицизма, полную необходимость элемента убѣдительности въ его сообщеніи.

Съ этой точки зрѣнія рассказъ проф. Вагнера о видѣнныхъ имъ случаяхъ „матеріализаціи“ не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Слѣдуя привезенной изъ Америки модѣ, г. Вагнеръ и его товарищи обращали прежде всего вниманіе на то, чтобы возможно затруднить непосредственное участіе въ этихъ явленіяхъ медиума. Г. Вагнеръ подробно описываетъ способъ связыванія медиума тесемками, причемъ петли накладывались главнымъ образомъ на конечности медиума. Не только безчисленные побѣги связанныхъ такимъ образомъ плѣнныхъ, но и образцы подобнаго искусства, показываемые еще и теперь мелкими фокусниками на ярмаркахъ, должны бы однако давно уже убѣдить спиритовъ въ ненадежности этого способа для предотвращенія мистификаціи. Многія лица, въ особенности дамы, способны съ помощью напряженія мускуловъ, приводящихъ большой палецъ и мизинецъ, сдѣлать свою ручную кисть тоньше

предплечія. Если петля наложена на послѣднее, то она очень легко соскальзываетъ съ конечности и точно такъ же легко можетъ быть на нее вторично надвинута. Если г. Бредиѳъ обладаетъ этою способностью, то ему очень легко было освободить руки изъ описанной перевязи, *вынувши ихъ изъ стуртука* безъ всякаго поврежденія тѣлевыхъ мѣшечковъ. Намекъ же на эту способность мы видимъ въ томъ, что появившаяся рука имѣла, по словамъ г. Вагнера, *узкую форму*. Если для успѣха опыта необходимо, чтобы медиумъ сидѣлъ отдѣльно и за занавѣскою, то единственный серьезный контроль могъ бы быть доставленъ приспособленіемъ въ родѣ того, которымъ банкиры предохраняютъ отъ взлома свои окна и кассы. Матеріалъ для этого приспособленія: гальваническій элементъ, нѣсколько проволокъ и какой-нибудь сигнальный аппаратъ, который далъ бы въ то же мгновеніе свѣдѣніе о всякомъ движеніи медиума, можно найти во всякомъ физическомъ кабинетѣ или физиологической лабораторіи. Само собою разумѣется, что во время расположенія сигнальных проволокъ, медиумъ долженъ оставаться съ завязанными глазами. Тогда безъ всякихъ перевязокъ онъ тотчасъ выдастъ себя, если захочетъ злоупотребить своею свободою.

Но еще гораздо недостаточнѣе были предосторожности, принятыя г. Вагнеромъ противъ появленія въ помѣщеніи медиума посторонняго лица, ассистента или ассистентки медиума. Медиумъ помѣщался въ амбразурѣ двери, закрытой портьерою. Дверь эта запиралась на ключъ, и ключъ участники опыта *брали къ себѣ*. Эта, на первый взглядъ очень цѣлесообразная предосторожность, на самомъ дѣлѣ была непростительною оплошностью. Если медиумъ связанъ такъ, что его личное участіе въ явленіяхъ невозможно, то его бояться нечего и оставленный въ запертой двери ключъ былъ бы гарантіею того, что она не могла быть отворена вторымъ ключемъ сзади. О томъ, что находилось за этою дверью: корридоръ, передняя или жилая комната, было ли осматрѣно это помѣщеніе предварительно, съ чѣмъ оно сообщалось съ другой стороны—въ письмѣ г. Вагнера не говорится ни слова. Наконецъ, не исключена возможность еще одного простого объясненія. Если драпировка двери, какъ это часто бываетъ, была много шире самой двери и снабжена достаточно широкими складками, то при извѣстной смѣлости и искусствѣ, которыя мы должны же предполагать въ лицѣ, исполняющемъ роль китайской женщины, оно могло выбрать для своего помѣщенія промежутокъ между косякомъ и драпировкою, тотчасъ возлѣ сидящихъ за столомъ свидѣтелей опыта. Между тѣмъ, г. Вагнеръ настаиваетъ только на невозможности постороннему лицу проникнуть сквозь дверь или косяки ея въ помѣщеніе медиума, и не принимаетъ въ соображеніе еще и этой возможности. Если, поэтому, были воз-

можно такіе недосмотры въ чисто-физическихъ условіяхъ сеанса, то тѣмъ возможнѣе предположеніе ихъ относительно строгаго и безпристрастнаго взвѣшиванія психическихъ обстоятельствъ.

Допустимъ однако, вмѣстѣ съ г. Вагнеромъ, что описанныя имъ явленія „матеріализаціи“ совершались не съ помощью мистификаціи, а предполагаемымъ имъ сверхъестественнымъ путемъ. Допустимъ, что въ помѣщеніи медиума, дѣйствіемъ какой-то психической силы, изъ какихъ-то проэлементовъ образуются сначала химическіе элементы, входящіе въ составъ человѣческой руки, потомъ изъ этихъ элементовъ нужны органическія соединенія, а изъ нихъ клѣточки, ткани, и наконецъ *рука*. Вѣроятно, что для миллионновъ спиритовъ этимъ и ограничивается все чудесное въ процессѣ матеріализаціи, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія этой новообразованной руки представляются имъ уже совершенно естественными. Но г. Вагнеръ долженъ согласиться, что еще безконечно чудеснѣе то, что совершается послѣ самаго акта „матеріализаціи“. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Вагнеръ: „всего интереснѣе было прикосновеніе этой руки, которая намъ являлась, или, правильнѣе, говоря, при насъ образовалась, руки совершенно теплой, маленькой, женской, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенной человѣческой руки. Каждый изъ насъ, кто пожелалъ вдвинуть свою руку за занавѣску, чувствовалъ, какъ трогали его руку или пожимали его пальцы. Съ меня рука пробовала стащить кольцо и очень явственно зацѣпляла его ногтемъ. Черезъ сукно занавѣски всѣ мы совершенно явственно ощупывали эту руку; я сжималъ ея пальцы, ощупывалъ на нихъ ногти. Точно также эта рука или эти руки, въ свою очередь, схватывали и сжимали наши руки, утягивали ихъ внутрь темнаго помѣщенія“ (стр. 871).

Естествоиспытателю, при изслѣдованіи безконечной окружающей его природы, вовсе не рѣдкость встрѣтить явленіе, которое представляется ему на первый взглядъ отступленіемъ отъ общихъ законовъ природы, извѣстныхъ въ моментъ изслѣдованія. Но въ безчисленномъ множествѣ подобныхъ случаевъ, въ концѣ-концовъ, оказывалось, что дѣло идетъ не о нарушеніи общаго закона, а только объ его нѣсколько особенномъ проявленіи вслѣдствіе вліянія какихъ-нибудь побочныхъ условій. Когда, напр., г. Вагнеръ открылъ явленіе педогенеза у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, то оно могло показаться на первый взглядъ исключеніемъ изъ общаго закона размноженія уже развитыхъ индивидуумовъ. Но дальнѣйшее знакомство съ процессомъ размноженій показало, что нѣтъ никакого основанія связывать этотъ процессъ съ однимъ только возрастомъ индивидуума, и педогенезъ явился поэтому только одною изъ формъ генеза вообще, нѣсколько не болѣе удивительною, чѣмъ всѣ другія.

Какъ бы ни было поэтому странно представившееся естествоис-

пытателю явленіе, но, дѣйствуя въ духѣ и по методу своей науки, онъ можетъ быть увѣреннымъ, что въ концѣ-концовъ разгадка и въ этомъ случаѣ будетъ получена согласно съ общимъ понятіемъ о единствѣ законовъ, управляющихъ міромъ. Ему нужно только отличать связи, соединяющія необыкновенное явленіе съ болѣе точно изслѣдованными, и то поставляя новыя, то устраняя прежнія условія при воспроизведеніи явленія, удостовѣриться, какое изъ этихъ условий для явленія существенно, и въ какой связи находится это условіе съ особенностями явленія. Такое активное, *опытное* изученіе явленія составляетъ гордость и силу новаго естествознанія въ противоположность почти исключительно пассивному, основанному только на *наблюденіи* явленій, изученію природы въ древніе и средніе вѣка.

Спрашивается, есть ли хоть намёкъ на такое активное отношеніе г. Вагнера къ явленіямъ матеріализаціи? Очевидно, нѣтъ. Онъ самъ, какъ и спириты вообще, часто называетъ свои засѣданія *опытами*, несмотря на то, что въ этихъ засѣданіяхъ дѣло почти исключительно ограничивается однимъ пассивнымъ *наблюденіемъ* явлений. Если астрономъ ограничивается исключительно наблюденіемъ звѣзды, отстоящей отъ него на билліоны миль, то это дѣлается имъ поневолѣ; и намъ въ голову не приходитъ обвинять его за это неизбѣжное по сущности дѣла ограниченіе. Но чѣмъ оправдать въ естествоиспытателѣ совершенно пассивное отношеніе къ такому явленію, которое возникаетъ въ его непосредственной близости, и притомъ обнаруживаетъ претензію на совершенно особенное происхожденіе?

Если за занавѣскою появляется рука, во всѣхъ отношеніяхъ похожая на человѣческую руку, то г. Вагнеръ, въ качествѣ зоолога, непременно долженъ былъ придти къ слѣдующему заключенію: эта рука пробуетъ стащить съ меня кольцо. Значитъ, у нея есть мускулы, сгибающіе пальцы. А эти мускулы прикрѣпляются къ предплечію. Слѣдовательно, у этой руки, если она въ самомъ дѣлѣ рука, а не какое-то безыменное чудовище, должно быть еще по крайней мѣрѣ предплечіе. Эта рука теплая. Намъ достовѣрно извѣстно, что теплота руки зависитъ отъ притока къ ней теплой крови, а притокъ этотъ обуславливается дѣятельностью сердца. Слѣдовательно, и къ этой рукѣ должно принадлежать по крайней мѣрѣ какое-нибудь сердце, питающее ее теплою кровью. Далѣе: рука эта способна колебать занавѣску, сжимать мои пальцы, писать карандашомъ на бумагѣ, и такъ далѣе, т.-е. она способна производить самыя разнообразныя координированныя движенія. Очевидно, слѣдовательно, что она обладает не только нервами, но и мозговыми клѣтками, такъ-называемыми координационными центрами мышечныхъ движеній.

Возможно ли, чтобъ предплечіе, сердце, координаціонныя центры заключались въ той же рукѣ, которую видѣлъ и ощупывалъ г. Ваг-

неръ? Г. Вагнеръ, мы увѣрены, первый отвѣтитъ, что это абсолютно невозможно, что такое предположеніе превосходило бы всякое понятіе о чудѣ, не говоря уже о законахъ мышленія вообще. Г. Вагнеръ не имѣетъ конечно и тѣни сомнѣнія въ томъ, что *форма* каждой части нашего организма обуславливается формою всѣхъ другихъ его частей, и что наша рука, слѣдовательно, имѣетъ свою форму, между прочимъ, *именно потому*, что наше сердце лежитъ въ грудной полости, а координаціонные центры въ полости черепа. Обыкновенный спиритъ, для котораго не имѣютъ обязательности факты физиологій и сравнительной анатоміи, можетъ не понимать силы этого аргумента, но г. Вагнеръ навѣрно пойметъ все его значеніе. Онъ согласится, что какъ бы ни была велика творческая способность „психической силы“, но создать образованіе, по формѣ „ничѣмъ не отличающееся отъ человѣческой руки“, и у котораго сердце и координаціонные центры находились бы *въ немъ самомъ*, а не внѣ его, — психическая сила не въ состояніи. Отрицать это значило бы отрицать не только законы природы, которые мы можемъ знать не въполнѣ, но и законы мышленія вообще, т.-е. отрицать возможность какой-нибудь правильной логической операціи. Какъ ни странно покажется это на первый взглядъ, но достовѣрно то, что образованіе изъ ничего *цѣлаго* человѣческаго организма составляетъ нѣчто безконечно болѣе простое, чѣмъ образованіе одной человѣческой *руки*, дѣйствующей, какъ таковая, безъ участія всѣхъ другихъ частей организма. На основаніи безчисленныхъ данныхъ опыта, мы должны считать для себя первое только *невозможнымъ*, тогда какъ второе не только *невозможно*, но и *немыслимо*.

Но если это такъ, то въ чемъ же должна была состоять обязанность естествоиспытателя въ виду представляющихся ему явленій „матеріализаціи“? Его спеціальная наука говоритъ ему, что то, что онъ видѣлъ и держалъ въ своихъ рукахъ, можетъ быть только неразрывно связанная съ цѣлымъ часть живого организма изъ породы двурукихъ. Онъ долженъ бы считать издѣвательствомъ надъ своимъ научнымъ достоинствомъ, еслибъ кто-нибудь вздумалъ увѣрить его въ противномъ. Но если такое постороннее утвержденіе, по какимъ-нибудь причинамъ, казалось ему уравнивающимъ несомнѣнныя данныя науки, то его обязанность состояла въ рѣшеніи вопроса *опытомъ*, а не въ гипотезированіи о невѣдомыхъ силахъ природы. Отъ непосредственнаго рѣшенія загадки его отдѣляла только легкая занавѣска, отдернуть которую было въ его власти. Этимъ внесено бы было въ явленіе новое условіе, повидимому, весьма существенное, такъ какъ закрытая занавѣска составляетъ *conditio sine qua* поп только для одного успѣшнаго проявленія матеріализаціи. Держа въ рукѣ эту таинственную руку, отдернуть занавѣску, чтобы

однимъ взглядомъ убѣдиться, на обычномъ ли мѣстѣ сердце и мозговые центры этой руки, т.-е. принадлежитъ ли она цѣлому индивидууму, попавшему за занавѣску, или передъ нами осуществился изъ триллионовъ шансовъ тотъ одинъ, когда всѣ тысячелѣтнія построения человѣческаго разума оказываются ложными передъ совершенно новымъ порядкомъ явленій,—вотъ простая форма опыта, прежде которой никакія разсужденія о причинахъ „новообразованія“ для человѣка науки не могутъ имѣть мѣста.

И что, въ самомъ дѣлѣ, могло бы удерживать насъ отъ произведенія подобнаго опыта? Слово, данное медиуму, не прикасаться къ занавѣскѣ? Но, мнѣ кажется, самая щекотливая совѣсть могла бы успокоиться, еслибъ оказалось, что медиумъ, связавшій насъ словомъ, не болѣе какъ низкій обманщикъ. Если же, паче чаянія, за занавѣскою открылась бы въ самомъ дѣлѣ лабораторія таинственной психической силы, то кто изъ истинныхъ людей науки не готовъ бы былъ на всевозможныя экспіанціи своего проступка ради открытія такой великой истины.

Спириты утверждаютъ, что попытки разоблаченія такимъ насильственнымъ путемъ истины могутъ имѣть въ высшей степени опасныя послѣдствія какъ для медиума, такъ и для того, кто рѣшается разыграть роль „юноши въ Саисѣ“. Фактъ однако убѣждаетъ насъ въ совершенно противномъ. Такъ, въ спиритическомъ журналѣ „Psychische Studien“ за 1874 годъ мы встрѣчаемъ описаніе слѣдующаго обстоятельства. Среди спиритическаго кружка, въ которомъ участвовали многія sommités спиритическаго міра, матеріализировался нѣсколько разъ „духъ“ Кэти, о которомъ мы выше упоминали. Къ участію въ одномъ изъ засѣданій въ декабрѣ 1873 года былъ допущенъ также еще изъ постороннихъ лицъ нѣкто г. Фольеманнъ, давшій обѣщаніе оставаться совершенно пассивнымъ во время сеанса и не прикасаться къ явленію. Но, при появленіи Кэти, г. Фольеманнъ внезапно бросился къ ней и заключилъ ее въ свои объятія. Кэти, какъ и всякая благовоспитанная дѣвушка въ подобномъ случаѣ, вскрикнула, но вырваться изъ его рукъ не могла. Два присутствовавшіе джентльмена должны были оказать ей эту услугу, освободили ее изъ объятій, и извергнули святотатца изъ комнаты. Кэти убѣжала за занавѣску, откуда послышались стоны медиума, миссъ Кукъ. Послѣ этого приключенія миссъ Кукъ была нѣсколько времени больна, и сеансы съ Кэти прекратились. Но когда медиуму дали торжественное обѣщаніе, что подобное насиліе ни въ какомъ случаѣ не повторится, то представленія Кэти въ кругу избранныхъ адептовъ стали продолжаться по прежнему; она была даже любезнѣе съ своими созерца-

телями чѣмъ когда-нибудь, дарила имъ свои волосы, части своей одежды, цвѣты и т. д., какъ ни въ чемъ не бывало ¹⁾.

Другой, также безобидно окончившійся случай, былъ слѣдующій. Въ маленькомъ нѣмецкомъ городѣ Аригеймѣ явились для представленій два знаменитые лондонскіе медиума, ясновидецъ Тэйлоръ и физическій медиумъ Бастіанъ. При одномъ изъ сеансовъ, въ совершенно темной комнатѣ, участвующие, вмѣстѣ съ ясновидящимъ медиумомъ, образовали цѣпь вокругъ физическаго медиума, сидѣвшаго на стулѣ. Вскорѣ начали обнаруживаться разныя необыкновенныя явленія, откуда-то сверху неслись звуки гитары. Вдругъ, съ помощью электрической проволоки, въ комнатѣ было зажжено яркое пламя. При свѣтѣ его всѣ увидѣли физическаго медиума, державшаго надъ головой гитару, которая выпала у него изъ рукъ при этой неожиданности. Медиумы тотчасъ бѣжали, но по всей вѣроятности это событіе не имѣло для нихъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, такъ какъ они, по возвращеніи въ Лондонъ, тотчасъ же публиковали о возобновленіи ихъ спиритическихъ сеансовъ на прежнихъ условіяхъ. Съ другой стороны изъ лицъ, устроившихъ эту неожиданность, пострадалъ только одинъ, получившій легкій ушибъ въ голову отъ выпавшей изъ рукъ физическаго медиума гитары ²⁾.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что попытка *опытнымъ* путемъ, подстановкою новыхъ условій, рѣшить вопросъ о сущности „матеріализаціи“, не сопровождается фатальными послѣдствіями ни для кого. Утвержденія спиритовъ въ противномъ, слѣдовательно, не имѣютъ серьезнаго значенія и опытному изслѣдованію открывается въ этомъ отношеніи свободный путь.

Нужно замѣтить притомъ, что даже нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся между спиритами, имѣвшіе сотни случаевъ видѣть явленія матеріализаціи, высказываютъ печатно крайнее сомнѣніе въ ихъ истинности. На такой точкѣ зрѣнія находится, напримѣръ, лондонскій судья *Коксъ*, у котораго г. Вагнеръ заимствовалъ свою теорію „психической силы“. Мы считаемъ себя поэтому въ правѣ оставить, при нашемъ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, четвертую категорію спиритическихъ явленій, т.-е. явленія „матеріализаціи“, совершенно въ сторонѣ. За то, мы надѣемся доказать, что замѣчаемыя при спиритическихъ опытахъ *движенія массъ и звуки*, а равно и *интеллигентный* иногда характеръ этихъ явленій, могутъ быть объяснены безъ мистической подкладки, и соотвѣтственно избранному нами эпиграфу, безъ гипотезы новой силы.

¹⁾ Замѣчательно исходъ этого дѣла для г. Фолькманна. Спиритическія газеты развились, разумѣется, громами и молніей на нарушителя слова, но вскорѣ толки объ этомъ происшествіи прекратились: г. Фолькманнъ, по извѣстіямъ спиритическихъ газетъ, самъ сдѣлался *пламеннымъ спиритомъ*.

²⁾ Фактъ этотъ заимствованъ нами изъ „Psychische Studien“, 1875. Heft I, pag. 41.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 14-го апрѣля.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, помощникъ предсѣдателя Н. А. Некрасовъ, казначей П. А. Гайдебуровъ, и члены: К. Д. Кавелинъ, О. Ѳ. Миллеръ и Н. С. Таганцевъ.

1) Выдано 50 р. вдовѣ автора нѣсколькихъ литературныхъ и ученыхъ сочиненій, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 200 р. писателю, по крайне разстроеному здоровью нуждающемуся въ заграничномъ леченіи.

3) Выдано 150 р. писателю, поставленному въ крайнее положеніе съ двумя малолѣтними дѣтьми смертью жены, также занимающейся литературнымъ трудомъ.

4) Выдано 25 р. на похороны бывшаго профессора и автора специальныхъ сочиненій, умершаго въ больницѣ умалишенныхъ.

5) По желанію писателя, сдѣлано сношеніе съ редакціей газеты о возвращеніи его статьи.

6) Отклонено одно ходатайство о пособіи за силою § 5 устава и одно о ссудѣ, за непредставленіемъ поручительства.

7) Изъявлена благодарность Общества П. И. Вейнбергу, А. Н. Майкову, Н. А. Некрасову, А. Н. Плещееву и А. С. Суворину за участіе въ литературномъ чтеніи въ пользу Общества, и Г. К. Рѣпинскому за содѣйствіе Комитету въ устройствѣ этого чтенія.

8) Представленъ казначеемъ слѣдующій отчетъ за мартъ:

Къ 1-му марта въ кассѣ было 57,993 руб. 64 коп. Поступило: взносы 187 лицъ 3,265 р.; пожертвованія: М. М. Жеребцова и неизвѣстной по 100 р.; собранныхъ въ Тифлисѣ чрезъ князя Н. Д. Чавчавадзе 90 р.; пожалованные Государемъ Императоромъ 1,000 р.; процентныя деньги отъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ за 1874 г. 86 р. 60 к.; проценты съ капитала 986 р. 62 к. и возвратъ части ссуды 500 р.; всего 6,128 р. 22 к. Израсходовано: на пенсіи 9 лицамъ 550 р., на единовременныя пособія 7 лицамъ 900 р.; на воспитаніе 3-хъ лицъ 240 р.; въ ссуду 1-му лицу 300 р.; за храненіе процентныхъ бумагъ 8 р. 15 к.; за доставку членамъ напоминаній о взносахъ 52 р.; всего 2,050 р. 15 к. Къ 1-му апрѣля въ кассѣ 62,071 р. 71. к.

Засѣданіе Комитета 28-го апрѣля.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, казначей П. А. Гайдебуровъ, секретарь П. А. Ефремовъ, члены: К. И. Бестужевъ-Рюминъ, К. Д. Кавелинъ, А. А. Краевскій, О. Ѳ. Миллеръ и М. С. Стасюлевичъ.

1) Выдано 25 р. писателю, временно находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 50 р. на погребеніе писателя, извѣстнаго своими многочисленными и полезными трудами.

3) Выдано въ ссуду одному лицу 300 р. и другому 350 р. за поручительствомъ членовъ Общества.

4) По желанію писателя сдѣлано сношеніе съ редакціей газеты о высылкѣ ему гонорара.

5) Отклонены ходатайства: одно о пенсіи и три о пособіи за силою § 5 устава и за недавно выдачею пособія двумъ изъ просителей, и одно о ссудѣ.

6) Отказано писателю въ передачу его сочиненій въ редакціи для напечатанія, такъ какъ въ сношенія съ редакціями онъ можетъ войти помимо Комитета.

7) Изъявлена благодарность Общества за пожертвованіе 22 воспитанникамъ учебнаго заведенія 28 р. въ память умершаго ихъ товарища.

Общее собраніе, происходившее 9-го мая, въ присутствіи 24 членовъ Общества, по открытіи его предсѣдателемъ, началось чтеніемъ слѣдующаго *отчета секретаря*: „Милостивые государи! Въ нынѣшнемъ собраніи Комитетъ имѣетъ честь представить вамъ отчеты за истекшую треть года, съ 1-го января по 1-е мая. Къ числу 483 членовъ Общества въ это время прибавилось 23, и вышло 10, изъ которыхъ трое умерли (Е. П. Мочалкинъ, Н. И. Пущинъ и Б. М. Федоровъ) и 7 сложили съ себя званіе членовъ. Затѣмъ, съ 1-го мая членовъ числится 496. *Денежныя пособія* за январьскую треть года, сверхъ произведенныхъ по назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, были слѣдующія: 1) *Пенсіи*, изъ которыхъ одну Комитетъ призналъ необходимымъ увеличить на 60 р. въ годъ, съ 180 р. на 240 р., въ виду крайне бѣдственнаго положенія семейства, пользующагося этой пенсіей. Оно состоитъ изъ матери, болѣе 20-ти лѣтъ лежащей въ параличѣ безъ всякаго движенія, и изъ престарѣлой дочери, почти потерявшей зрѣніе въ послѣднее время и постигнутой тяжелой болѣзью, препятствующей ей заниматься работою. 2) *Выдачи на воспитаніе и ученіе* были вновь назначены двумъ лицамъ: дочери писательницы 60 рублей, и малолѣтнему сыну умершаго профессора 100 рублей; а постоянными, учрежденными съ 1872 года, четырьмя стипендіями для студентовъ и вольнослушателей 1-го курса с.-петербургскаго университета, по 125 рублей въ годъ каждая, воспользовались на вторую половину учебнаго года тѣ же самыя лица, которыя получили въ прошедшемъ году первую половину этихъ сти-

пенсій. Стипендія, учрежденная въ память Е. П. Ковалевскаго, на текущее полугодіе, согласно отзыву совѣта харьковскаго университета, была сохранена за прежнимъ же стипендіатомъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ, но продолжающимъ свои занятія для подготовки къ ученой дѣятельности. 3) *Единоновременныя пособія* были назначены 22 лицамъ и семействамъ на сумму 2,245 р., въ томъ числѣ одному лицу въ 600 р., 1 въ 300 р., 1 въ 200 р., 1 въ 150 р., 3 по 100 р., 3 по 75 р., 7 по 50 р., 4 по 25 р., и 1 въ 20 р. (послѣднему по назначенію 1874 г., вдобавокъ къ выданному тогда пособию). Сверхъ того, выдано на погребеніе одного писателя 50 р., и другого 25 р. Въ числѣ лицъ, получившихъ пособіе, одно воспользовалось имъ два раза: сначала 50 р., и потомъ еще 25 р. Что же касается пособія въ 600 р., то во вниманіе къ сравнительной значительности этой суммы, не часто встрѣчающейся въ практикѣ Комитета, должно замѣтить, что оно было назначено на продолжительную заграничную поѣзду, необходимую для леченія писателя, застигнутаго среди своей дѣятельности тяжелой болѣзью, отнявшей у него возможность къ работѣ, при совершенномъ отсутствіи средствъ къ жизни. 4) *Ссуды* были назначены шести лицамъ въ размѣрѣ 2,850 р., въ томъ числѣ одному въ 1,500 р., 1 въ 350 р., 3 по 300 р., и 1 въ 100 р. Возвратъ этихъ ссудъ обезпеченъ ручательствомъ членовъ Общества, причемъ за возвращеніе первой поручились 5 членовъ и въ настоящее время третья доля ея, именно 500 р., за долго до истеченія срока, уже поступила въ уплату.

Неденежныя пособія Общества были слѣдующія: 1) По ходатайству Комитета, благосклонно принятому членомъ Общества, М. С. Сушинскимъ, малолѣтній сынъ покойнаго профессора, въ случаѣ неудачнаго жребія при баллотировкѣ, будетъ принятъ за уменьшенную плату на воспитаніе въ заведеніе Человѣколюбиваго Общества. 2) Больному писателю выданъ бесплатный билетъ для пользованія въ лечебномъ заведеніи. 3) Пяти лицамъ оказано посредничество въ сношеніяхъ съ редакціями газетъ и журналовъ по истребованіямъ гонора за статьи и по возвращеніямъ рукописей. 4) Объ одномъ лицѣ сообщено химическому Обществу при с.-петербургскомъ университетѣ съ препровожденіемъ списка работъ этого лица. 5) По просьбѣ писателя, не имѣющаго средствъ къ воспитанію дочери, Комитетъ ходатайствовалъ о помѣщеніи ея на казенный счетъ въ учебное заведеніе.

Отклонено 18 просьбъ 17-ти просителей о *пособіи*, въ томъ числѣ: 9 по невозможности согласить ходатайства съ требованіями устава Общества, 5 по имѣвшимся свѣдѣніямъ о просителяхъ, какъ, напримѣръ, полученіе ими пенсій или тому подобное, 4 по неоднократному назначенію пособій въ близкіе сроки, причемъ дальнѣйшія выдачи выходили бы уже изъ предѣловъ устава. Одному лицу отказано въ *пенсіи*, по ничтожности его литературныхъ трудовъ и за собранными о немъ свѣдѣніями. Въ *ссудѣ* отказано 5-ти лицамъ, по неимѣнію оснований къ выдачѣ ея и за непредставленіемъ достаточнаго поручительства; 3 лицамъ отказано въ напечатаніи ихъ сочиненій на счетъ Общества, за недостаточностью на это средствъ; одному въ передачу его сочиненій въ разныя редакціи для напечатанія, такъ

какъ это можно сдѣлать помимо Общества, и одному въ пріисканіи уроковъ, за неимѣніемъ въ виду требованій.

Прочія занятія Комитета были:

1) Согласно постановленію общаго собранія, 2-го февраля нынѣшняго года, относительно составленія проекта *устава ссудо-сберегательной кассы литераторовъ*, Комитетъ обратился къ членамъ Общества Е. И. Ламанскому, М. Н. Островскому и Н. Θ. Фанъ-деръ-Флиту, которыми въ настоящее время и разрабатывается этотъ проектъ.

2) По постановленію того же собранія произведена выборка изъ прихода-расходныхъ книгъ членскихъ взносовъ и особыхъ пожертвованій, подлежащихъ обращенію въ *неприкосновенный капиталъ*. Согласно выборкѣ, капиталъ этотъ съ перваго мая составлялъ 19,647 р., изъ которыхъ 15,347 р. подлежатъ расходованію по постановленіямъ общихъ собраній, а 4,300 р. составляютъ капиталъ, съ котораго могутъ быть расходуемы только проценты, именно капиталъ имени В. Θ. Корша 2,000 р., И. Т. Лисенкова и Б. И. Утина по 1000 р. и Н. М. Василевскаго 300 р.

3) По порученію Комитета и по соглашенію казначея и секретаря съ членомъ Общества главнымъ бухгалтеромъ Государственнаго Банка И. А. Слѣпущинымъ, часть свободныхъ суммъ Общества обращена въ *процентныя бумаги*, которыхъ и куплено: для капитала имени В. Θ. Корша 6% закладныхъ листовъ харьковскаго земельного Банка, краткосрочныхъ, на 2,000 р. нарицательной стоимости (по 93%) и для капитала Общества 5% закладныхъ листовъ херсонскаго земельного Банка на 1,200 руб. (по 88³/₄%). Сверхъ того, составлена коммиссія изъ членовъ Комитета и Общества для соображенія о замѣнѣ части принадлежащихъ Обществу процентныхъ бумагъ другими, приносящими больше процентовъ.

4) Въ теченіе великаго поста было устроено въ пользу Общества *литературное чтеніе*, которое доставило 735 р. 67 к. чистаго дохода. Въ устройствѣ этого чтенія дѣятельно содѣйствовалъ Комитету членъ Общества Г. К. Рѣпинскій, а участіе въ чтеніи приняли—П. И. Вейнбергъ, А. Н. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, А. Н. Плещеевъ и А. С. Суворинъ. С.-Петербургское русское купеческое собраніе, какъ всегда, безвозмездно предоставило свой залъ для этого чтенія, а книжные магазины Черкесова и Комп. и А. Θ. Баунова безвозмездно же продавали билеты. Объявленія о чтеніи бесплатно печатались редакціями „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Голоса“, и въ этихъ же газетахъ, а также въ „Недѣли“, „Финансовомъ Обзорѣ“ и „Виржевыхъ Вѣдомостяхъ“ бесплатно были печатаемы извлеченія изъ журналовъ засѣданій Комитета.

Денежныя *пожертвованія* въ пользу Общества за истекшую треть года, подробно указанные въ отчетѣ казначея, простирались до 2,502 р. 60 к., въ томъ числѣ 1,903 р., собранные литераторами подъ именемъ неприкосновеннаго капитала имени В. Θ. Корша, для выдачи процентовъ въ пособіе одному изъ студентовъ с.-петербургскаго университета и 28 р. отъ учениковъ старшаго класса одной изъ гимназій, въ память умершаго ихъ товарища.

Изъ прочитаннаго затѣмъ отчета казначея видно, что къ 1-му

января 1875 года въ кассѣ было 58,426 р. 47 к. Вновь поступило 15,701 р. 89 к. Затѣмъ, къ 1-му мая въ кассѣ 63,547 р. 95 к., въ томъ числѣ непривосновеннаго капитала 19,647 р. По стипендіи въ память Е. П. Ковалевскаго состояло къ 1-му января 8,283 р. 48 к., поступило процентовъ 215 р. 82 к. и израсходовано: на выдачу стипендіату 150 руб. и за сохраненіе процентныхъ бумагъ 2 р. 80 к., затѣмъ въ кассѣ состоитъ 8,346 р. 50 к.

Въ заключеніе О. О. Миллеръ прочелъ отрывокъ изъ путешествія по острову Цейлону проф. И. П. Минаева.

Засѣданіе Комитета 9-го мая 1875 г.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, казначей П. А. Гайдебуровъ, секретарь П. А. Ефремовъ и члены: К. Д. Кавелинъ, О. О. Миллеръ, М. М. Стасюлевичъ и Н. С. Таганцевъ.

1) Выслано 50 р. престарѣлому сыну писателя, живущему насчетъ благотвореній. 2) Выдано 75 руб. вдовѣ писателя, оставшейся послѣ его смерти съ двумя малолѣтними дѣтьми безъ средствъ къ жизни. 3) Выдано 50 р. на погребеніе писательницы, умершей въ бѣдности. 4) Отклонено одно ходатайство о пособіи, за силою § 5-го устава, и два о ссудѣ, за неимѣніемъ основаній къ выдачѣ ея. 5) Изъявлена благодарность Общества П. Е. Басистову за содѣйствіе Комитету, А. Рѣдкину—за пожертвованіе 40 р. и Е. И. Гасабову—за предложеніе пожертвовать 5% въ пользу Общества изъ суммы отъ продажи печатаемой имъ книги для употребленія въ народныхъ школахъ. 6) Прочитанъ отчетъ казначея за апрѣль. Къ 1-му числу въ кассѣ состояло 62,071 руб. 71 коп. Вновь поступило: 6,091 р. 67 к., въ томъ числѣ: вносы 14-ти членовъ 220 р., сборъ съ литературнаго чтенія 735 р. 67 к., отъ продажи книгъ Общества 5 р., пожертвованіе учениковъ гимназіи въ память умершаго товарища 28 р., пожертвованіе въ капиталъ имени В. О. Корша для выдачи изъ процентовъ пособія одному изъ студентовъ санктпетербургскаго университета 1,903 р. и приобрѣтено процентныхъ бумагъ на 3,200 р. Израсходовано 4,615 р. 43 к., именно: на пенсіи 8-ми лицамъ 657 р., на единовременныя пособія 4-мъ лицамъ 425 р., на пособія и воспитаніе двумъ лицамъ 140 р., на погребеніе двухъ лицъ 75 р., въ ссуду одному лицу 350 р.; за храненіе процентныхъ бумагъ 1 р. 75 к. и на покупку процентныхъ бумагъ 2,966 р. 68 к. Затѣмъ, къ 1-му мая въ кассѣ состоитъ 63,547 р. 95 к.

Засѣданіе Комитета 20-го мая 1875 г.

1) Выдано 50 р. больной дочери умершаго автора двухъ замѣчательныхъ ученыхъ изданій. 2) Выдано 500 руб. писателю, подвергшемуся серьезной болѣзни, требующей полнаго спокойствія и продолжительнаго леченія внѣ Петербурга. 3) Изъявлена благодарность Общества В. Е. Якушкину за пожертвованіе 10 р., М. М. Ста-

сюлевичу за пожертвованіе 200 руб. и И. А. Слѣпушкину за содѣйствіе Комитету.

Засѣданіе Комитета 3-го іюня 1875 г.

1) Выдано 100 р. вдовѣ недавно умершаго писателя, оставшейся съ двумя дочерьми безъ всякихъ средствъ. 2) Выдано 50 р. больной дочери умершаго автора ученыхъ изслѣдованій. 3) Выслано 75 р. больной вдовѣ писателя, неимѣющей средствъ на леченіе. 4) Отклонены просьбы трехъ лицъ о пособіи за силою § 5-го устава, и не разрѣшены двѣ просьбы о ссудѣ за силою § 3-го правилъ о ссудахъ. 5) Изъявлена благодарность Общества за содѣйствіе Комитету И. Н. Буличу, А. М. Унковскому и петербургскому отдѣленію коммерческаго банка въ Варшавѣ. 6) Прочитанъ отчетъ казначея за май. Къ 1-му мая въ кассѣ было 63,547 руб. 95 коп. Поступили: вносы 11-ти лицъ 110 р.; отъ Государа Великаго Князя Владиміра Александровича 200 р.; пожертвованія: М. М. Стасюлевича 200 р., А. Рѣдкина 40 руб. и В. Е. Якушкина 10 руб.; проценты съ капиталъ 470 р. 75 к., всего 1,030 р. 75 к. Израсходовано: на пенсіи четыремъ лицамъ 380 руб.; въ пособіе на воспитаніе одному лицу 120 руб.; на единовременныя пособія четыремъ лицамъ 675 р.; на погребеніе одного лица 50 р.; въ ссуду одному 300 р. и за храненіе процентныхъ бумагъ 5 р. 60 к., всего 1,530 р. 60 к. Къ 1-му іюня въ кассѣ 63,048 р. 10 к.

М. Стасюлевичъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на всѣхъ всеріиной выставкѣ 1873 года и въ эпоху ея. *А. Ермолова.* Спб. 1875; стр. 690.

Изложить положеніе сельскаго хозяйства въ странахъ образованнаго міра, по поводу послѣдней всеріиной выставки—задача весьма почтенная и весьма трудная. Понятно, что сосредоточеніе однородныхъ продуктовъ разныхъ странъ въ какомъ-либо городѣ зависитъ прежде всего отъ разстоянія этого города отъ мѣстъ производства, а затѣмъ еще и отъ силы притяженія, если можно такъ выразиться, какою обладаетъ пунктъ выставки въ смыслѣ торговомъ, для разныхъ мѣстъ производства. Для того, чтобы представить въ самомъ дѣлѣ полный и систематическій очеркъ положенія какого-либо промысла въ разныхъ странахъ по поводу выставки, прежде всего слѣдовало бы освободиться отъ вліянія того случайнаго элемента, который представляетъ особенность выставки вообще и данной выставки въ частности. Слѣдовало бы изучать положеніе хозяйства въ разныхъ странахъ не по выставкѣ, независимо отъ нея, и затѣмъ—пользоваться фактами только для того, чтобы иллюстрировать ими свой очеркъ, пополняя пробѣлы, выявившіе отъ случайности, выдвигая на первый планъ то, что важнѣе само по себѣ, независимо отъ выставки, и опуская то, что менѣе важно, хотя бы на данной выставкѣ оно занимало и несомнѣнное мѣсто. Но такому плану противорѣкло самое происхожденіе настоящей книги. Авторъ писалъ статьи о сельско-хозяйственномъ дѣлѣ выставки для трехъ специальныхъ журналовъ и статьи эти печатались въ теченіи двухъ лѣтъ; въ книгѣ онѣ теперь собраны и дополнены еще нѣсколькими главами. Самъ авторъ извѣщаетъ, что сочиненію его болѣе всего нестаетъ единства, такъ какъ первыя главы книги представляя воспроизведеніе корреспонденціи его съ выставки, имѣютъ главнымъ своимъ предметомъ самую выставку, а послѣдующія главы представляютъ уже этюды о разныхъ сторонахъ сего сельско-хозяйственнаго дѣла въ разныхъ странахъ. Но недостатокъ единства еще не такъ вреденъ, какъ именно недостатокъ системы: имѣя очеркъ положенія хозяйства въ каждой странѣ со ссылками на образцы продуктовъ и орудія, бывшихъ на выставкѣ, книга даетъ описаніе и оцѣнку того, что было на выставкѣ, давая эту оцѣнку справками о положеніи дѣла въ странахъ, приславшихъ на выставку образцы. Впрочемъ, нельзя не признать, что справки имѣя часто характеръ довольно обстоятельныхъ этюдовъ, могутъ все-таки имѣть значеніе нашей сельско-хозяйственной литературы. Они должны еще пожалѣть, что, приводя цифровыя таблицы, авторъ рѣдко указываетъ на истину, изъ которыхъ взяты имъ численныя данныя, тѣмъ лишаетъ возможности проверить, какому именно году эти данныя относятся, во всякой статистикѣ составляется необходимое условіе.

Азбука графа *Л. Н. Толстого.* Москва. 1875. Ц. 14 к.; стр. 91.

Задача, чтобы за наименьшую цѣну дать читателямъ наибольшее количество понятнаго материала, расположеннаго въ правильной постепенности, разрѣшена авторомъ весьма успѣшно. Формальная дѣйствительность, много и при комности расположенія, устранена: жесткость

отъ самыхъ простыхъ двухсложныхъ словъ, съ введеніемъ одного за другимъ знаковъ произношенія, и кончая словами многосложными. Чтеніе, такимъ образомъ, составляетъ рядъ примѣровъ; а между тѣмъ не представляетъ отрывочныхъ, безсвязныхъ словъ, но, наоборотъ—удачный выборъ короткихъ разказовъ, которые изложены чистымъ, но простымъ языкомъ, безъ всякихъ прибаутокъ, которыя иными считаются необходимой принадлежностью книгъ для дѣтей и „народа“. Гр. Толстой старался расположить свой матеріалъ такимъ образомъ, чтобы порядокъ былъ удобенъ для всѣхъ способовъ обученія чтенію и письму. На оберткѣ изложенъ естественнѣйшій—„слуховой“ способъ. Прибавимъ, что, при своей необыкновенной сравнительно съ содержаніемъ цѣнѣ, брошюра издана весьма порядочно, даже красиво.

Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя. Воспоминанія, очерки и замѣтки *Е. Стрѣльцова.* Ч. 1. Сельская школа, 1849—1864. Спб. 1875. Ц. 75 коп.; стр. 448.

Здѣсь—вся жизнь сельскаго учителя, обстановка его дѣятельности, среда, въ которой онъ работалъ (и продолжаетъ работать), и учебные приемы, въ удобствѣ которыхъ онъ убѣдился на дѣлѣ или до которыхъ самъ додумался. По непосредственности производимаго впечатлѣнія, по очевидной искренности автора, книга эта заслуживаетъ вниманія и можетъ принести немало пользы начинающимъ образованнымъ сельскимъ учителямъ. Въ ней они найдутъ утѣшеніе во многомъ неотрадномъ, что ими будетъ встрѣчено на первыхъ порахъ дѣятельности, и могутъ выбрать нѣсколько практическихъ указаній, внушенныхъ опытностью и очевидной привязанностью автора къ избранной имъ почетной службѣ обществу. Книга написана безъ всякихъ тенденцій и свободна отъ всякихъ умолчаній, обычныхъ въ наше время, отличающееся менѣе всего искренностью; конечно, нерациональность нѣкоторыхъ требованій и стѣсненное положеніе сельскаго учителя въ его дѣятельности высказаны авторомъ такъ же откровенно, какъ и слабость нравственныхъ началъ въ подгородномъ сельскомъ населеніи. Авторъ исполняя свою должность въблизи Петербурга—въ ораніенбаумскомъ уѣздѣ. Въ воспоминаніяхъ его мы въ первый разъ встречаемъ въ печати указаніе на плодотворную дѣятельность покойной великой княгини Елены Павловны въ пользу окрестнаго сельскаго населенія, о дѣятельности которой намъ не разъ приходилось слышать отъ самихъ тѣхъ, къ кому она относилась.

Варчужки. Картины прошлаго. *Евгенія Маркова.* Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.; стр. 441.

Очерки, собранные въ этой книгѣ, печатались въ разное время въ трехъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ „Вѣстн. Европы“ въ прошломъ году. Воспоминанія дѣтства прошлаго во время и при обстановкѣ помѣщичьей власти надъ крестьянами теперь еще понятны современникамъ и не нуждаются въ подстрочныхъ замѣткахъ и указаніяхъ, которыхъ у г. Е. Маркова вовсе и не имѣется. Онъ не имѣлъ цѣлью обличать тѣхъ условій жизни, и, разумѣется, (не могъ оправдывать ихъ). Разказы его написаны съ тѣмъ отсутствіемъ всякаго критическаго отношенія къ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова),
на Кузнецкомъ-Мосту.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.
2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные:

19 р. — вся Европа (кромѣ Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам.
Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — остальная
Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при
книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту,
могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ	{ Базуновъ, Нев. пр., 30. Исаковъ, Гос. Дв., 24. Черкесовъ, Нев. пр., 50. Магаз. для Иногор., Нев. пр., 44.	Москва { Соловьевъ, Страстн. Бульв. Центр. Книжн. магаз., Слав. Базаръ.	Одесса : Черкесовъ, Преображ. ул. Харьковъ: Черкесовъ, Москов. ул., 6.

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку
журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и ино-
странныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Евро-
пы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фа-
милія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ
прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные до-
плачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или
иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана
въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не
позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

